26.89(2Рос.Крм)
К64

2/3

Архив

Возвратить книгу не позже
установленного срока

2018

01.08	– 7			

213

Самар-Гал. 38-40.

Государственная
НАРАД-БИБЛИОТЕКА
Украинская
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Основана въ 1916 году
Гахамъ Сераф

2181

А
23-36

213

Изъ книгъ Гакана Таврь-Одесс.
Серай № 645.
26.89(4Укр-6Крм)
К69
ЛИТЕРАТУРА
О ЧУФУТКАЛЕ и КАРАИМАХЪ
№ 37
Собр. Сем. Шапшала
Къырымметли фонд

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ

КРЫМА

В. Х. Кондараки,

Члена Императорскихъ Обществъ: Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Одесскаго Исторіи и древностей и Ялтинскаго садоводовъ и винодѣловъ.

44148

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Инв. № 2181
Отд.
пр.5
пр.14
пр.10
пр.04
пр.99

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Веллинга, Англійскій просп., домъ № 10.
1875.

ОГЛАВЛЕНІЯ:

Четырнадцатой части.

Историческая судьба Крымскихъ городовъ. Прибрежныя поселенія Тавриды, по указанію древнихъ географовъ и путешественниковъ. Внутренніе города по тѣмъ-же свѣдѣніямъ. Таф-росъ и Переконъ. Армянскій баразъ. Пристань калонъ. Карнинитъ и Евпаторія съ уѣздомъ. Симферополь съ уѣздомъ. Карасубазаръ. Бахчисарай. Херсонесъ. Балаклава. Ѳеодоро. Судакъ. Старый Крымъ. Ѳеодосія съ уѣздомъ. Арабатъ, Керчь и Ени-кале.

Пятнадцатой части.

Древности Крыма. Причины названія страны Тавридою и Крымомъ. Храмъ Діаны. Орестеонъ. Каменныя бабы. Искуственныя пещеры. Древности Трахейскаго полуострова. Крѣпость Евпаторіонъ. Тавро-скиѳскія укрѣпленія. Балаклавская округа. Байдарская долина. Древности Юго-восточной части Крыма. Айтодорскій мысъ. Валвани-оба. Аутинская долина. Судакъ. Прибрежная полоса до Ѳеодосіи. Древности Ѳеодосіи и степной части Крыма. Перекопскій перешеекъ. Чатырлыкъ, Ахъ-мечетъ, Кастели, Булакале, Евпаторія и другія. Древнія развалины по берегамъ рѣки Бельбека: Коккозъ, Ханикой, Сюренъ, Бойка, Стилія и другія. Бахчисарай: Ханскій дворецъ и другія древнія постройки въ городѣ, на Чуфутъ-кале и Тепе-

Керманѣ. Древности по берегамъ рѣкъ: Алмы, Булганака и Салгира. Древности Восточной степной части Крыма. Старый Крымъ, Мамаева гробница, Арабатское укрѣпленіе, Скиѳскій ровъ и прибрежныя развалины Керченскаго полуострова. Керчь, курганы и найденныя въ нихъ вещи, монеты, торсы, саркофаги, статуи и барельефы.

Шестнадцатой части.

Миѳологическія божества въ Тавридѣ. Первые проповѣдники Евангелія и святые отцы церкви. Храмы и монастыри. Списокъ всѣхъ епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ. Права митрополитовъ по Турецкому фирману. Обхожденіе мусульманъ съ христіанами.

Семнадцатой части.

Русское господство и все сдѣланное имъ для этой страны. Народонаселеніе Крыма по сословіямъ. Число рожденій и смертности. Отчаянные разбойники. Дѣятельность наша на Черномъ морѣ. Военныя суда и дѣйствія ихъ до 1856 года. Фабричная или искуственная производительность и вообще положеніе сельскаго хозяйства въ Крыму.

Историческая судьба Крымскихъ городовъ.

По разсказамъ древнихъ географовъ въ Таврическомъ полуостровѣ, сравнительно съ пространствомъ его, было очень много городовъ. Не вѣрить имъ намъ не приходится; вѣрить-же безъ основанія мы также не желаемъ. Вслѣдствіе чего мы рѣшились въ настоящемъ отдѣлѣ исключительно заняться указаніемъ въ Крыму всѣхъ тѣхъ мѣстностей, которыя, по соображеніямъ нашимъ и сохранившимся на нихъ слѣдамъ, нѣкогда составляли обширныя поселенія, но предварительно на насъ лежитъ обязанность указать читателю, кто изъ древнихъ писателей упоминалъ о нихъ, какими называлъ именами и на какихъ приблизительно разстояніяхъ опредѣлялъ ихъ другъ отъ друга. Свѣдѣнія эти безъ сомнѣнія облегчатъ читателя и предоставятъ ему полную свободу соглашаться или отвергать наши выводы и предположенія различныхъ археологовъ.

Прибрежныя поселенія Тавриды по древнимъ путешественникамъ.

По периплу Скилакса Каріандскаго: за Ѳракіею есть народъ Скиѳскій и города у нихъ греческіе. На границахъ Скиѳіи народъ Тавры населяютъ выдавшуюся часть материка. Этотъ мысъ простирается до моря. Въ Таврикѣ живутъ Греки, и города у нихъ слѣдующіе: Херронисъ пристань, Кріу-метопонъ

мысъ Таврическій. Потомъ опять Скиѳы, и у нихъ слѣдующіе города: Ѳеодосія, Китея и Нимфея, Пантикапеонъ, Мирмикіонъ. Прямое плаваніе отъ Истра до Кріу-метопона совершается въ три дня и три ночи. Отъ Кріу-метопона совершается въ однѣ сутки.

По Скимну Хіоскому:... Къ этимъ мѣстамъ, обитаемымъ Таврами, вокругъ Кріу-метопона прилегаетъ Херсонисъ, называемый Таврическимъ, который имѣетъ греческій городъ населенный Иракліянами и Дилійцами, вслѣдствіе повелѣнія оракула, даннаго первымъ изъ нихъ, населившимъ Азію, по сю сторону островов Кіанейскихъ и завѣщавшаго имъ заселить вмѣстѣ съ Дилійцами Херсонисъ. Отъ Лампада до Кріу-метопона, высокой горы, Мыса Таврики, считается 120 стадій. Къ этой части Таврики—говорятъ нѣкоторые — прибыла когда-то Ифигенія, похищенная изъ Авлиды. Толпы Тавровъ многочисленны и любятъ кочевать въ горахъ; по свирѣпости нравовъ они варвары и смертоубійцы, старающіеся умилостивить божество нечестивыми дѣлами. Отъ Аѳинеона до Китовъ живутъ Скиѳы; потомъ слѣдуетъ Воспоръ Киммерійскій и городъ Киммерисъ; здѣсь находится пристань для судовъ, западными вѣтрами пригоняемыхъ; на противоположной-же сторонѣ моря стоятъ два не очень большихъ каменистыхъ острова, въ небольшомъ разстояніи. Потомъ въ самомъ устьѣ Меотійскаго озера, послѣдняя лежитъ Пантикапея, названная столицею Воспора.

По периплу Арріана: отъ Синдики до Воспора Киммерійскаго и до Пантикапеи 540 стадій. Отъ Пантикапеи до селенія Казека лежащаго при море 420 стадій. Отсюда до Ѳеодосіи, опустѣвшаго города 280 стадій. Это былъ Эллино-Іоническій городъ, поселеніе Милетянъ. Оттуда до опустѣвшей пристани Скиѳо-тавровъ 200 стадій. Оттуда до Алмитиса Таврійскаго 600 стадій. Отъ Лампада до Символонъ Таврійской пристани 520 стадій. Оттуда до Херсонеса Таврійскаго 180 стадій. Отъ Херсонеса до Керкинитисъ 600 стадій. Отъ Киркинитиса

до Скиѳской пристани Колосъ 700 стадій. Отъ пристани Калосъ до Тамиракихъ 300 стадій.

Кромѣ этихъ перипловъ, существуетъ еще одинъ, неизвѣстно кѣмъ именно составленный, извѣстный у археологовъ, подъ названіемъ безъимяннаго. По этому послѣднему на берегу Евксинскаго понта находились нижеслѣдующія греческія поселенія:

	Эллинскихъ стадій.	Римск. миль	Россійскихъ верстъ.
Отъ селенія Парѳеніонъ до городка Мирмикіонъ . . .	60	8	$10^2/_5$
„ этого до Пантикапеонъ. .	25	$3^1/_3$	$4^1/_3$
„ Пантикапеона до Нимфеона.	25	$3^1/_3$	$4^1/_3$
„ Нимфеона до сельца Акрасъ	65	$8^2/_3$	$11^1/_4$
„ Акрасъ до гор. Китасъ .	30	4	$5^1/_5$
„ Китаса до г. Киммерика .	60	8	$10^2/_3$
„ Киммерика до селенія Казеказъ	180	24	$31^1/_5$
„ Казеказа до дер. Ѳеодосіи .	280	$37^1/_3$	$48^1/_2$
„ Ѳеодосіи до пристани Аѳинеонъ	200	$26^2/_3$	$34^2/_3$
„ Аѳинеона до Ламбата . .	600	80	104
„ Ламбата до Кріуметопона.	200	$26^2/_3$	$34^2/_3$
„ Кріуметопона до Символона.	300	40	52
„ Символонъ до Херсониса .	180	24	$31^1/_5$
„ Херсониса до Керкинитиса.	600	80	104
„ Керкинитиса до Калонъ .	700	$93^1/_3$	$121^1/_3$

Мы привели сравненіе указаннаго безъимяннымъ авторомъ разстоянія между поселеніями по выводамъ г. Аркаса *) но конечно не ручаемся за нижеслѣдующія предположенія, что Мирмикіонъ находился на мѣстѣ Керченскаго карантина, Нимфе-

*) См. Третій томъ Записокъ Одесск. Импер. Общества Исторіи и древностей стр. 144.

онъ на мысѣ Ахъ-бурунѣ, сельцо Акрасъ на мысѣ Камышъ-бурунѣ, Китасъ между этимъ мысомъ и Таклы, Киммерикъ на мысѣ Таклы. Казекасъ между Опукомъ и Дюрменомъ, Аѳинеонъ въ Отузѣ, а пристань Калонъ на Сѣверной оконечности острова Тендры.

По стадіямъ, прописаннымъ безъимяннымъ перипломъ всѣ почти города и села не находятся на мѣстностяхъ, которыя представляютъ слѣды развалинъ. Это доказываетъ или то, что онъ мало обращалъ вниманіе на точное опредѣленіе мѣры или что сравненія наши ошибочны. Впрочемъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ точности опредѣлено, что у древнихъ грековъ, для измѣренія пространства, существовала одна Олимпійская стадія, содержащая по Плинію 125 римскихъ шаговъ или нашихъ 607 футовъ 9 дюймовъ, 2,825 линій.

Послѣ этихъ географовъ останавливается вниманіе на Птоломеѣ (или его Geographia lib. III c. 6) по словамъ котораго внутри Тавриды находились слѣдующіе города: Тафросъ, Тарона, Постигія, Пароста, Киммеріонъ, Портакра, Беонъ, Илюратонъ, Сатархи, Бадатіонъ, Китеонъ, Тазосъ, Аргода и Табана. Въ пинаксѣ-же его (таблицѣ) ниже Пантикапеѣ находится городъ Тиритака, а далѣе Нимфейская пристань.

По Плинію-же въ Тавридѣ были города: Наубарумъ, Карцина, Плаціа, а отъ Ѳеодосіи до Пантикапеи: Китея, Зефиріумъ, Акра, Нимфея и Дія. Къ этимъ прибавляетъ Страбонъ: Ираклеонъ, Мимикіонъ и Ахилеонъ, а Діодоръ Сицилійскій, что на Керченскомъ полуостровѣ существовалъ городъ Гаргаза, около котораго Евмилъ сынъ Перисадовъ разбилъ Притана и прогналъ его къ перешейку меотійскаго озера.

Затѣмъ по средневѣковымъ писателямъ и картамъ мы узнаемъ чрезъ Нубійскаго географа Идрисія о существованіи слѣдующихъ населенныхъ мѣстахъ: Отъ Керсона до Галиты 30 миль. Отъ Галиты до города Гаруры 12 миль; отъ этого до города Бартабиты 10 м. Отсюда до города Лебеда 8 м., отъ сего до Салусты 10 м. Отъ устья рѣки Салтадіи до Бутера 20 м.

Отсюда до устья рѣки Русской 20 м. отъ устья Русской рѣки до Метерхи тоже разстояніе.

По картамъ же среднихъ вѣковъ, на юго-восточномъ прибрежьѣ Тавриды существовали поселенія подъ слѣдующими названіями: Пангропуле (на вѣнской картѣ 1318 г.), Пангрополи (на картахъ XIV и XV вѣка), Нагрополи (на картѣ 1514 г.) и Пагрополь (на пергаментной картѣ, хранимой въ Вольфенбительской библіотекѣ). Затѣмъ Ластра, Луста, Алуста, Лустра, Лустріа, Луста, Лусто, Луста и Луска. Затѣмъ указывается Калитера, Галитра, Калитю, Калистра, Калита или Католика, затѣмъ Седакъ, Гозія или Готія и Кафа.

Теперь посмотримъ, гдѣ могли находиться всѣ эти поселенія.

По мнѣнію И. Бларенберга *) Киммеріонъ находился около Опука, гдѣ существуютъ до настоящаго времени развалины крѣпостныхъ стѣнъ, башень и т. п. Тиритака въ трехъ верстахъ на западъ отъ Чорубашскаго озера, гдѣ также видны слѣды стѣнъ, круглыхъ и четыреугольныхъ башень и фундаментовъ отъ обширныхъ построекъ. Нимфея въ окрестностяхъ Павловской батареи, гдѣ видны также остатки башень, стѣнъ, ровъ и множество могильныхъ насыпей. Мирмикіонъ на мѣстѣ нынѣшняго Керченскаго карантина. На лѣво отъ него, полагаютъ, находился знаменитый храмъ въ честь Геркулеса. Ираклеонъ находился, по словамъ Страбона, невдали отъ самаго узкаго мѣста у Палюса Меотійскаго, но слѣдовъ его пока не найдено. Парфеніонъ опредѣляютъ въ 8 верстахъ отъ Мирмикіона, находящагося, какъ сказано выше, на мѣстности карантина. Здѣсь также видны слѣды древнихъ стѣнъ и рва. Мимикіонъ Бларенбергъ опредѣляетъ на оконечности фонаря, въ 12 верстахъ отъ Керчи. Ахилеонъ, по Страбону, находился въ 20 стадіяхъ отъ Пантикапеи и въ немъ существовалъ іеронъ Ахилеса. Объ остальныхъ поселеніяхъ мы уже сказали. Теперь намъ остается опредѣлить указанныя Птоломеемъ, Плиніемъ и

*) См. II т. записокъ Одесск. общ. Ист. и древностей.

Діодоромъ и добавить, что Пантикапея находилась на мѣстѣ теперешней Керчи; Лампада, на мѣстѣ теперешней деревни, Ламбатъ; мысъ Кріуметопонъ теперешняя Медвѣдь-гора; Символонъ—Балаклава; Херсонесъ—за Севастополемъ; Каркинитъ—Евпаторія; а Калонъ (Лимни) у Ахмечетской бухты.

Сатарха, Тарона, Пароста и Постигія,—по мнѣнію Пейсонеля, находились первая на рѣкѣ Четырлыкѣ, гдѣ дѣйствительно найдены мною слѣды развалинъ, а остальныя у береговъ Сиваша.

Киммеріонъ, полагаютъ въ окрестностяхъ Стараго Крыма; Тарона, безъ сомнѣнія, въ сосѣдствѣ Бурлюка; Тафросъ, на мѣстѣ теперешняго Перекопа; Бадатіонъ,—Бахчисарай; Тазосъ,—Айтодорскій маякъ; Аргода,—Ѳеодосія; Табана,—Мангушъ; Беонъ,—Симферополь; Илюратонъ,—Карасубазаръ; а Китеонъ, на мѣстѣ между Камышъ-буруномъ и Таклы.

Что касается указанныхъ Плиніемъ, Наубарума и Плаціи, то, первый надо полагать находился на Качѣ, гдѣ Сестренцевичь-Богушъ видѣлъ развалины города и храма, а послѣдній, согласно указанію его самаго, въ виду или въ окрестностяхъ Балаклавы. Вотъ какъ обозначаетъ Плиній въ своей исторіи (lib. IV c. XII), мѣстоположеніе этого города: „отъ теперешняго мыса Парѳеніона, лежитъ гавань Симболонъ, предъ коею былъ древній городъ Плація.“ Относительно Гаргазы, которую Діодоръ опредѣляетъ на Керченскомъ полуостровѣ, намъ приходится думать, что городъ этотъ находился на мѣстности, нынѣ извѣстной подъ имемъ Арабатка, въ окрестностяхъ которой являются насыпные курганы.

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ сказать, что названныя Арріаномъ опустѣвшая пристань Тавро-скиѳовъ, должна была быть на мѣстѣ гдѣ нынѣ Судакъ, а Алмитисъ Таврійскій нынѣшняя Алушта; что-же касается Зефиріума и Діи, о которыхъ упоминаетъ Плиній, на пространствѣ между Ѳеодосіею и Пантикапеею, то весьма вѣроятно одно изъ нихъ находилось на мѣстѣ

теперешняго русскаго селенія Камышлы, а другое на мѣстѣ Джага-кашика.

Приводимые Идрисіемъ города объясняются слѣдующимъ образомъ:

Керсонъ есть древній Херсонесъ; Галита, Ялита или Ялта; Гарура, Гурзуфъ; Бертабита, Партенитъ; Лебеда, Ламбатъ; Салуста, Алушта; Салтая Судакъ; Бутеръ, Отузъ или Козы. Что-же касается Русской рѣки и Метерха, то это вѣроятно Керченскій проливъ и бывшій Тмоуторокань.

Населенныя мѣста, показанныя на картахъ начала 14-го столѣтія, можно выяснить такимъ образомъ: Пангрополи, Парѳенополи или Парѳенитъ; Ластра или Алуста Алушта; Калитра или Католика Туакъ, Искутъ или Капсихоръ; Седакъ, Судакъ; Гогія, Козы; а Кафа, Ѳеодосія.

Въ дополненіе къ сказанному, мы открываемъ по актамъ Константинопольскаго патріарха *), что въ 14 столѣтіи были въ Крымскихъ митрополіяхъ поселенія, слѣдующихъ названій: Эллисъ, между Херсонесомъ и Сугдеею, Сикита, Парѳенита, Лампада, Алушта, Фуна, Аланія, Фулла, Ялита, Кинсанусъ и Хрихарь. Эллисъ по нашему мнѣнію былъ на мѣстѣ Айвасиля; Сикита, теперешняя деревня Никита; Парѳенитъ, подъ Аю-дагомъ; Лампада на теперешнемъ мѣстѣ; Алушта, тамъ-же; Фуна, деревня Шума; Аланія, Демерджи; Фулла, вѣроятно Туакъ; Ялита, Ялта; Кинсанусъ, надо полагать Кикенеизъ; а Хрихарь, вѣроятно Дерменкой.

Указавъ на существующіе въ Тавридѣ города и давно исчезнувшія поселенія, мы теперь займемся исторіею тѣхъ изъ нихъ, которые сохранили о существованіи своемъ какіе-либо извѣстія, памятники или слѣды величія, обширности и т. п. Для большей-же ясности, начнемъ повѣствованіе о нихъ съ той мѣстности, откуда начинается классическая почва этой страны т. е. съ Перекопскаго перешейка, о которомъ говоритъ Страбонъ (въ

*) Напечат. въ 6 т. Зап. Одесс. общ. ист. и древ.

7-й книгѣ гл. IV § 19) слѣдующее: по срединѣ перешейка находится тѣснина на 20 стадій, оканчивающаяся мысомъ, называемымъ Тамарикскимъ, при которомъ корабельная пристань. Геродотъ намъ говоритъ, что отъ Истра къ Югу лежитъ древняя Скиѳія и простирается до города Киркинита. По Плинію-же, позади Киркинитскаго залива находится озеро Бугезъ (Сивашъ), посредствомъ рва пропущенное въ море. На прибрежьѣ Карцинита есть городъ, именуемый Тафры, который находится въ самыхъ тѣснинахъ полуострова.

Тафросъ.

По свидѣтельству древнихъ писателей, подъ этимъ названіемъ существовалъ въ Тавридѣ городъ; между тѣмъ названіе это означаетъ на греческомъ языкѣ ровъ или перекопъ. Обстоятельство это, при существованіи на Перекопскомъ перешейкѣ съ незапамятныхъ временъ рва, о которомъ повѣствуетъ жившій во 2 вѣкѣ Плиній, многихъ заставило думать, что на этомъ мѣстѣ не существовало поселенія, а было только *тафро* или ровъ. Предположеніе это было-бы умѣстно, еслибъ не открыты были въ окрестностяхъ существующаго перекопа*) слѣды древнихъ построекъ, свидѣтельствующихъ, что здѣсь въ давнопрошедшія времена, дѣйствительно былъ хорошо устроенный и укрѣпленный городокъ. Если къ этому мы повѣримъ правдивому Геродоту, что здѣсь была корабельная пристань, то должны прійти къ заключенію, что Тафросъ нѣкогда былъ торговый городъ и что развалины его были перенесены впослѣдствіи на укрѣпленія, воздвигнутыя татарами для ограды себя отъ тѣхъ народовъ, на которые они внезапно нападали и потомъ скрывались отъ нихъ, въ полномъ убѣжденіи, избѣгнуть отвѣт-

*) Кромѣ этихъ слѣдовъ, существуетъ и земляной валъ. Слѣды бывшаго города слѣдуетъ искать нѣсколько южнѣе.

ственности. Всего интереснѣе знать, какой народъ основалъ Тафросъ. Конечно, если этотъ городъ существовалъ подъ настоящимъ своимъ названіемъ, то онъ основанъ былъ народомъ греческаго происхожденія; если-же названіе это дано было ему Плиніемъ, по существующему только рву, то это останется тайною до тѣхъ поръ, пока раскопы не опредѣлятъ дѣйствительности.

По наружному-же виду существующихъ фундаментовъ, мы какъ-то невольно предполагаемъ, что Тафросъ былъ основанъ Эллинами, которые добывали, въ окрестностяхъ его, соль и въ тоже время, промышляли хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, которое могло предоставлять имъ значительныя выгоды, если только Каркинитскій заливъ въ то время былъ судоходенъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ и то, что по выше Тафроса существовало Ахиллесово ристалище или Дромосъ, которое, естественно, не могло быть никѣмъ другимъ основано, какъ только греками, которые съ глубокой древности занимали сѣверо-западныя окрайны Чернаго моря.

Къ сожалѣнію мы рѣшительно не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ городѣ, но ясно только то, что основатели его прорыли, въ защиту себя, упоминаемый Плиніемъ ровъ или, признавая надъ собою владычество изъ внутри Тавриды, они служили чѣмъ-то въ видѣ стража и охранителя для всей страны. Намъ кажется, что послѣднее болѣе правдоподобнѣе на томъ основаніи, что сооруженіе рва на восьмиверстномъ протяженіи, нелегко было для жителей одного города, и что въ этомъ принимали участіе обитатели всего полуострова. Не зная ничего о времени основанія Тафроса, мы также не знаемъ ничего объ исчезновеніи его. Исторія-же повѣствуетъ намъ только, что мѣстность эта сдѣлалась достояніемъ Скиѳовъ, начиная отъ Каркинита. Надо полагать, что въ это время городъ этотъ былъ окончательно покинутъ Эллинами и не воскресалъ болѣе, до татарскаго владычества въ Крыму и что только эти послѣдніе, сдѣлавшись самостоятельными владыками полуострова и сознавъ ве-

ликое значеніе Перекопскаго перешейка, обратили на него серіозное вниманіе и позаботились воздвигнуть укрѣпленіе, которое дѣйствительно въ теченіи 5 столѣтій, не только предостерегало ихъ отъ непріятельскихъ нападеній, но давало даже право господствовать надъ такою обширною державою, какъ Россія.

Татаре, покоривши Тавриду, вскорѣ послѣ переселенія сюда хана, основали въ центрѣ перешейка небольшой городокъ, сначала названный Оръ-хапу, а потомъ Феркъ-Керманомъ. Нѣкоторые изъ писателей какъ-то особенно заинтересованы происхожденіемъ перваго названія его и между ними были даже такіе (какъ напр. Фабръ), которые производили его отъ греческаго слова *орія* т. е. граница, тогда какъ *оръ*, есть сокращенное слово оранъ или орда (племя, отрядъ) а *хапу* (двери), проще, Оръ-хапу въ переводѣ съ джагалтайскаго означаетъ входъ въ орду. Кромѣ этого *оръ* на монголо-татарскомъ нарѣчіи представляетъ нѣсколько значеній и именно: возвышенность (степи), скорость, вспыльчивость и мужественность (человѣка).

Первыя довольно подробныя свѣдѣнія о Перекопѣ намъ сообщены были Мартиномъ Броневскимъ, бывшимъ въ Крыму въ качествѣ посланника отъ Польскаго короля Стефана Баторія. Вотъ, что онъ говоритъ: „Перекопъ маленькій и ничтожный городокъ. Въ немъ крѣпость каменная, но худо укрѣпленная, въ которой государи татарскіе или ханы, имѣютъ своего князя, называемаго ими бегомъ (бей). Этотъ князь, живя постоянно въ Перекопѣ, наблюдаетъ неусыпно за безопасностью границъ и начальствуетъ надъ всѣми татарами, живущими въ степяхъ около и за Перекопомъ. Этотъ городокъ съ своею крѣпостью, какъ видно изъ его развалинъ, построенъ былъ нѣкогда древними владѣтелями Таврическаго полуострова, царями Босфорскими или императорами Греческими въ узкомъ перешейкѣ, окруженномъ съ одной стороны Меотійскимъ озеромъ, а съ другой т. е. южной, омываемомъ Чернымъ моремъ, которое обтекаетъ весь полуостровъ. И такъ какъ чрезъ весь пе-

решеекъ, проходитъ глубокій и широкій ровъ, то и городъ получилъ названіе отъ этого рва. Въ царствованіе Сагипъ-гирей-хана, который разбилъ при Перекопѣ возмутившихся ногайцевъ, при городѣ этомъ построено было 17 каменныхъ башень, а ровъ исправленъ и вырытъ глубже. Татаре утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ башень, построены были изъ головъ убитыхъ тогда воиновъ, въ память знаменитой побѣды и жестокой войны. Но какъ это узкое мѣсто служитъ единственнымъ проходомъ въ полуостровъ, то татаре здѣсь содержатъ сильный и постоянный гарнизонъ. Ни одинъ иностранецъ, вступившій въ Крымъ, не можетъ возвратиться оттуда, безъ особой ханской грамоты. Когда ханъ намѣренъ отправиться въ походъ или когда татарамъ угрожаетъ война или другая опасность, то они сосредоточиваютъ свои силы въ Перекопѣ".

Затѣмъ мы узнаемъ изъ сказаній священника Іакова, бывшаго въ 1634—35 годахъ съ русскимъ посланникомъ Дворяниновымъ въ Крыму *), что въ Перекопѣ есть церковь *вельми чудна и велика, нынѣ-же сдѣлана костеломъ* **).

Послѣдующія затѣмъ свѣдѣнія о Перекопѣ оставлены намъ посланными въ Крымъ въ 1680 году царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, Тяпкинымъ и Зотовымъ. По ихъ описанію, городокъ этотъ состоялъ изъ худыхъ, смазанныхъ навозомъ избушекъ; между тѣмъ преданіе говоритъ, что городъ этотъ, до перваго погрома его русскими, былъ обширенъ и что только послѣ него татаре удалились внутрь страны, а христіане переселились въ Армянскій базаръ.

По свидѣтельству Сумарокова въ 1802 году въ Перекопѣ было не болѣе 20—30 убогихъ хижинъ, а числилось въ немъ около 818 обитателей. Это бы приходилось на хату отъ 40 до

---

*) См. списокъ рукописи Румянцев. музея изд. Востокова стр. 521.

**) Нѣтъ сомнѣнія что разскащикъ принялъ Перекопъ за расположенный по сосѣдству съ нимъ Армянскій базаръ, гдѣ существуетъ до настоящаго времени Армяно-католическій храмъ.

27 человѣкъ. Надо полагать, что цифра жителей или показана на удачу или взята съ офиціальныхъ источниковъ, указывающихъ числящихся по ревизіи, но проживающихъ въ другихъ мѣстахъ. По настоящимъ-же исчисленіямъ, ихъ доходитъ уже до 5 тысячь. Цѣль мѣстопребыванія на этой пустынной степи, съ непріятною солонцоватою водою, такого числа людей, опредѣляется устройствомъ здѣсь уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и тою выгодою, которая извлекается при двоякомъ проходѣ чрезъ него громаднаго количества (до 200 т.) фуръ, идущихъ за крымскою солью. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Перекопская мѣстность принадлежитъ къ числу самыхъ здоровыхъ, чему содѣйствуетъ ея возвышенное положеніе и постоянныя вѣтра, препятствующіе скопленію въ воздухѣ вредныхъ міазмъ. Это обстоятельство, при сосѣдствѣ Сиваша, выпарявшаго массу іода, быть можетъ дѣлаетъ климатъ этого города очень полезнымъ для золотушечныхъ и слабогрудыхъ и въ тоже время недопускаетъ развитія повальныхъ болѣзней.

Перекопскій уѣздъ занимаетъ около 450 т. десятинъ занятыхъ до послѣдней эмиграціи татаръ 46 т. народонаселеніемъ, но послѣ выхода изъ него жителей, изъ 278 деревень въ немъ осталось не болѣе 12 т. Въ уѣздѣ этомъ нѣтъ ничего особенно достопримѣчательнаго, за исключеніемъ того, что не смотря на солонцоватую почву, въ нѣкоторыхъ деревняхъ близь Козларъ и Айбаръ существуютъ фруктовые сады, съ такими нѣжными плодами какъ персики и т. п., а въ дер. Чонбулатѣ ловятся піявки. Уѣздъ этотъ богатъ солеными озерами и удобенъ для скотоводства. Степи къ сѣверу отъ Перекопа въ прежнее время извѣстны были подъ именемъ Гайгатъ-мейданы, но въ наше время они называются Узу-хыръ. За этими степями по преданію татаръ обитали страшные Теръ-оглу или Барабашъ-хазаки (малорос. казаки) и немилосердные Бутаклы (Запорожцы).

Такимъ образомъ Перекопу суждено было, до Русскаго господства, быть охранителемъ всего народонаселенія Тавриды отъ

внезапныхъ нашествій непріятеля и въ тоже время видѣть всѣ тѣ скопища буйныхъ татаръ, которые когда-либо выходили изъ Крыма для набѣговъ и которые возвращались чрезъ него съ богатою добычею и массами плѣнныхъ. Свидѣтель многихъ событій въ исторической судьбѣ Таврическаго полуострова, онъ видѣлъ также первые успѣхи русскаго оружія, которые въ заключеніе предоставили народонаселенію его тихую и мирную жизнь и навсегда сокрушили его громадное значеніе въ стратегическомъ значеніи при ханскомъ господствѣ въ Крыму.

Армянскій базаръ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Перекопа на почтовой дорогѣ, идущей къ Симферополю расположено большое село, именуемое въ наше время Армянскимъ базаромъ или просто Армянскомъ. Во времена татарскаго господства въ Крыму, оно было извѣстно подъ названіемъ Яны-базаръ (новый рынокъ) и до 1790 года славилось сбытомъ въ громадномъ количествѣ овчинъ и шерсти. Селеніе это, заключая въ себѣ не менѣе 2 т. народонаселенія, повидимому начало образоваться около того времени, когда татаре основали Оръ-хапу и начали отдавать на аренду сосѣднія соленыя озера. Замѣчательно однако, что не только въ минувшіе вѣка, но даже въ началѣ нашего столѣтія считали его за предмѣстіе Перекопа и вѣроятно на этомъ основаніи оно не показано на картѣ любознательнаго Сумарокова; между тѣмъ оно есть то самое, въ которомъ, по сказанію священника нашего Іакова въ 1634 году существовала *церковь вельми чудна и велика, нынѣ-же сдѣлана костеломъ.* На чемъ основывалъ священникъ этотъ, что видѣнный имъ храмъ раньше принадлежалъ православнымъ, мы не знаемъ, но очень можетъ быть, что онъ вывелъ это заключеніе по сходству его съ устройствомъ православныхъ олтарей, что не составляетъ рѣдкости, потому что въ началѣ перехода армянъ въ

4448

католицизмъ проницательные іезуиты старались не только нарушать, но даже поддѣлываться подъ наслѣдственныя привычки ихъ въ полномъ убѣжденіи, что впослѣдствіи, когда они окрѣпнутъ въ новой религіи, то сами будутъ стараться измѣнить ихъ.

Судя по названію этого селенія надо полагать, что здѣсь былъ рынокъ армянъ, которые сначала являлись сюда въ извѣстное время года съ товарами для сбыта ихъ въ Перекопѣ, а потомъ поселились въ окрестности его. И дѣйствительно, пунктъ этотъ какъ ближайшій къ солянымъ озерамъ, могъ вести значительную торговлю солью. Старики татаре наслѣдовали отъ дѣдовъ своихъ преданія, что армяне не только откупали перекопскія соленыя озера, но исключительно всѣ почти лучшія отрасли торговли были въ ихъ рукахъ и что всего охотнѣе они занимались перепродажею невольницъ. Преданіе это намъ кажется справедливымъ, во-первыхъ, потому что Армянскъ не могъ представлять другихъ источниковъ для торговли, кромѣ соли, добываемой въ окрестности; а что касается до невольницъ, то мы знаемъ, по удостовѣренію Олеарія (стр. 528—529), что въ Астрахани продавались дѣвки подъ именемъ перекопскихъ по баснословнымъ цѣнамъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что Армянскъ основанъ коробейниками, которые, являясь подъ Перекопъ съ цѣлью сбыта своихъ товаровъ, подмѣтили возможность большихъ выгодъ, если поселятся навсегда въ окрестностяхъ его. Въ наше время городокъ этотъ начинаетъ клониться къ упадку, вслѣдствіе опустѣнія окрестныхъ деревень и только единожды въ году оживляется, когда на сосѣдственныя озера являются толпы народа для добыванія соли.

Пристань Калонъ.

Всѣ древніе географы предѣляютъ эту пристань за Каркинитомъ на разстояніи, которое можно опредѣлить по нашей мѣрѣ на Ахмечетской бухтѣ. Само названіе Калонъ-Лимни, означаю-

щее на греческомъ языкѣ хорошую пристань, не можетъ быть отнесено къ другимъ заливамъ на этомъ пространствѣ, кромѣ Ахмечетской бухты. Нѣтъ сомнѣнія, что если древніе географы вносили въ свои периплы наименованія какихъ-либо пристаней, то они имѣли въ виду обозначить этимъ населенныя мѣста. На этомъ основаніи мы предполагаемъ, что на берегахъ Ахмечетской бухты существовалъ нѣкогда торговый городокъ, имѣвшій сообщеніе съ древнимъ міромъ; что это было такъ, доказывается во первыхъ слѣдами глубоко осѣвшихъ и заросшихъ построекъ, которыя нынѣ извѣстны на мѣстѣ подъ названіемъ пастушьихъ загоновъ; во вторыхъ тѣмъ, что въ 1837 году здѣсь случайно найдены въ землѣ выжженныя изъ глины грузильцы для неводовъ древней формы съ изображеніемъ на нихъ птичекъ и наконецъ существованіемъ на восточномъ мысу бухты слѣдовъ угловатаго укрѣпленія съ слѣдами рва и разбросаннымъ камнемъ. Тутъ-же на оконечности засореннаго вала къ морю найдена монета и множество обломковъ отъ жженыхъ сосудовъ. Все это доказываетъ, что здѣсь искони было греческое поселеніе, на развалинахъ котораго продолжало существовать татарское до временъ присоединенія Крыма къ Россіи и вело иностранную торговлю. Послѣдняя дѣятельность Ахмечетской бухты заключается въ томъ, что она, при первой эмиграціи изъ Крыма татаръ, выслала ихъ отсюда до 40 тысячъ человѣкъ. Въ наше время бухта эта съ прибережнымъ пространствомъ составляетъ частное владѣніе одной личности и естественно не представляетъ никакихъ источниковъ для торговли, потому что окрестное населеніе направляется въ Евпаторію, гдѣ учреждены надлежащія учрежденія для наблюденія за привозомъ и вывозомъ всякаго рода искусственныхъ и естественныхъ продуктовъ и произведеній земли.

Каркинитъ.

Всѣ древніе писатели единогласно утверждали, что въ Тавридѣ существовалъ городъ подъ этимъ названіемъ. Геродотъ, которому мы привыкли вѣрить болѣе чѣмъ другимъ, говоритъ (въ к. IV ч. 18) объ этомъ городѣ слѣдующее: „отъ Истра къ югу лежитъ древняя Скиѳія и простирается до города, называемаго Каркинитомъ; лежащую-же отсюда по берегу того-же моря гористую и вдавшуюся въ Понтъ страну, населяетъ народъ Таврійскій.“ Не смотря на то, что городъ этотъ исчезъ съ лица земли гораздо раньше появленія въ Тавридѣ татаръ, онъ отмѣченъ на итальянскихъ картахъ XIV и XV ст. подъ названіемъ Chrichiniri, chrerenichi и т. п. Профессоръ Брунъ, убѣжденный, что городъ этотъ находился въ окрестностяхъ Евпаторіи, предположилъ, что онъ находился въ трехъ верстахъ отъ него въ урочищѣ Юртлукъ у Айрчинскаго лимана, гдѣ дѣйствительно примѣтны слѣды каменныхъ построекъ и отыскиваются черепки и монеты греческихъ и римскихъ императоровъ, но мы положительно убѣждены, что на этомъ мѣстѣ не могло быть греческаго торговаго или обширнаго города во первыхъ по отсутствію бухты, удобной для стоянки судовъ и наконецъ потому, что въ окружности этой мѣстности встрѣчаются могильные курганы, ясно подтверждающіе, что она принадлежала скиѳамъ. По нашему мнѣнію Каркинитъ былъ обширный городъ и находился на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ нынѣ находится Евпаторія. Мнѣніе это мы основываемъ во первыхъ на томъ, что Евпаторійская бухта имѣла преимущества и во вторыхъ на томъ, что въ этомъ городѣ открыты въ нѣсколькихъ мѣстахъ подземные ходы, которые, какъ извѣстно, не устраивались въ бѣдныхъ или малозначущихъ поселеніяхъ. О дѣйствительномъ существованіи Каркинита, который надо полагать управлялся независимо, мы можемъ сказать, что въ Берлинѣ, въ королевскомъ музеумѣ, сохранились три древніе монеты, которыя, воз-

будивъ въ итальянскихъ ученыхъ споръ, положительно привели ихъ къ убѣжденію, что онѣ принадлежатъ городу Каркиниту, нѣкогда существовавшему на Таврическомъ полуостровѣ. Вотъ описаніе этихъ монетъ: первая послѣ надписи КЕРКІ. представляетъ мужескую фигуру съ бородою, сидящую на скалѣ и держащую въ правой рукѣ нѣчто въ родѣ сѣкиры или бердыша. На обратной сторонѣ идущій конь, внизу надпись КАΛΛΙΑ. Вторая представляетъ тоже изображеніе болѣе явственнымъ, но безъ сѣкиры, которая, допускаютъ, могла стереться отъ времени. На обратной сторонѣ конь идущій, внизу надпись ΙΠΠΟΚΡΑ. На послѣдней КЕР. и голова Діаны съ жемчужнымъ ожерельемъ и сергою, обращенная влѣво: изъ за плечь выглядываетъ верхняя часть колчана съ крышкою. На обратной сторонѣ: олень съ вѣтвистыми рогами, идущій влѣво; въ полѣ надпись ЕРМА.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти три монеты найдены или пріобрѣтены какимъ-нибудь иностраннымъ путешественникомъ въ Крыму на одной мѣстности; а такъ какъ они ясно подтверждаютъ, что чеканились въ отдѣльномъ самостоятельномъ городѣ, то намъ приходится вѣрить, что Каркинитъ принадлежалъ къ числу такихъ-же обширныхъ поселеній грековъ на берегахъ Чернаго моря, какими были Херсонесъ и Пантикапея. Еслиже отъ него не сохранилось слѣдовъ, то это потому, что на мѣстѣ его основанъ былъ Турко-татарами Гезлевъ (Евпаторія) и всѣ развалины отъ каменныхъ построекъ употреблены на новыя зданія. Гибель Каркинита мы приписываемъ вторженію въ Тавриду сильнаго племени номадовъ, которые одновременно прекратили существованіе всѣхъ степныхъ поселеній грековъ въ этой странѣ. Такимъ образомъ на мѣстѣ таинственнаго Каркинита появилось другое поселеніе, которому придано новое названіе и которое скрыло отъ насъ слѣды этаго древняго города. Изъ древнихъ сооруженій въ Евпаторіи пока открыто не много и именно: одна гробница, хорошо выложенная по сторонамъ, съ полуистлѣвшими останками человѣка, вскрытая въ 1867 году около развалинъ городской крѣпости и нѣсколько подземныхъ

ходовъ, изъ которыхъ первый оказался по сосѣдству съ домомъ чиновника Маркакова въ самородномъ пластѣ раковистаго камня на протяженіи 15 саженъ; второй во дворѣ г-на Кирбаха, третій съ погребомъ на теперешнемъ татарскомъ кладбище, четвертый во дворѣ анатольца Чимбарли, который велъ къ колодцу и пятый во дворѣ бывшаго предводителя дворянства Меметъ-бея.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти проходы сооружены древними обитателями Каркинита не безъ цѣли. Этотъ же трудъ, какъ извѣстно, не былъ свойственъ другимъ народамъ кромѣ греческаго происхожденія; не ствойственно также, чтобъ греки, поселившись въ открытой степи, окруженной толпами бродящихъ номадовъ, не оградили себя рвами, башнями и стѣнами, что необходимо было имъ только, но совершенно некстати турко-татарамъ, такъ какъ эти послѣдніе были у себя дома и не имѣли никакой существенной надобности укрѣпляться ни со стороны моря, на которомъ они господствовали, ни со стороны материка, занимаемаго единовѣрцами и защищеннаго перекопскими укрѣпленіями. На основаніи всего этого, мы вправѣ утвердительно сказать, что Турки не устраивали въ Гезлевѣ никакихъ рвовъ и укрѣпленій, которые потребовали-бы громадныхъ издержекъ, а только реставрировали старые и то потому, что они существовали. Къ этой мысли насъ приводитъ еще одно обстоятельство: еслибъ турки воздвигали бы укрѣпленія и ровъ со стороны материка, въ чемъ, какъ мы замѣтили уже, они положительно не имѣли надобности, то еще яснѣе дѣлается безполезность сооруженія другой крѣпости въ центрѣ города на семи аркахъ, обнесенной рвомъ, въ которомъ прорублены были ниши или вѣрнѣе катакомбы для усопшихъ. Крѣпость эта, извѣстная у современныхъ туземцевъ подъ названіемъ Одунъ-базаръ-хапусу, или воротъ дровянаго базара по наслѣдованному ими преданію прежде извѣстна была подъ именемъ Хызъ-кулеси (крѣпость дѣвы) на томъ основаніи, что будтобы на ней существовало изображеніе женскаго лица. Преданіе это при

существованіи вышеприведенной монеты съ изображеніемъ головы Діаны даетъ намъ поводъ думать, что изображеніе это представляло ликъ богини, охранительницы города, и что крѣпость эта, господствуя надъ городомъ, скорѣе всего воздвигнута была въ смыслѣ акрополя.

Невѣроятность того, что Турко-татаре съизнова воздвигли кругомъ Евпаторіи высокую стѣну съ четыреугольными башнями и рвомъ, вырубленнымъ въ скалѣ, прикрывавшими, во время нашествія на него графа Миниха (въ 1736 г.), до 5 тысячь каменныхъ домовъ и множества мечетей доказывается тѣмъ еще, что крѣпости эти какъ воздвигнутыя до изобрѣтенія пороха и орудій не приспособлены были для вооруженія пушками и что городъ этотъ безъ малѣйшаго сопротивленія сдался нашимъ войскамъ, не смотря на малочисленность ихъ въ сравненіи съ татарами, которые послѣ пораженія даже, могли-бы настигнуть ихъ подъ стѣнами Гезлева и положительно истребить, но такъ какъ они не рѣшились на это, то ясно, что нерѣшительность ихъ произошла отъ сознанія невозможности задержать непріятеля подъ Евпаторіею; между тѣмъ мы очень хорошо знаемъ, что эти-же люди на воздвигнутыхъ ими съизнова крѣпостяхъ въ Перекопѣ и Ени-кале имѣли очень много орудій и не смотря на малочисленность гарнизона отчаянно сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока не предвидѣли другаго исхода, кромѣ бѣгства:

Гезлевъ или Евпаторія.

Евпаторія расположена на западномъ прибрежьѣ Крымскаго полуострова и считается въ немъ однимъ изъ лучшихъ городовъ въ коммерческомъ отношеніи, не смотря на то, что мѣстоположеніе ее не представляетъ тѣхъ удобствъ, которыя необходимы для торговаго и въ особенности приморскаго города: совершенно открытый для всѣхъ вѣтровъ, едва очерченный заливъ ея, тѣмъ еще отличается отъ другихъ приморскихъ горо-

довъ Крыма, что представляетъ на значительное разстояніе отъ берега мелководіе и чрезвычайно опасенъ для судовъ въ періоды волненій Чернаго моря.

Когда явился этотъ городъ подъ настоящимъ названіемъ Гезлева, на этомъ мѣстѣ, до настоящаго времени, никто изъ археологовъ не опредѣлилъ, не потому, чтобы это составляло трудность, но незнаніе Крыма, сначала татарскаго господства въ немъ, послужило писателямъ къ различнаго рода предположеніямъ, изъ которыхъ наиболѣе распространенное, что Евпаторія есть мѣстность той самой крѣпости, которая основана была въ 123—64 годы до Р. Х. Діофаномъ, полководцемъ Митрадата-Евпатора, царя понтійскаго, посылавшаго войска свои въ Тавриду, въ помощь жителямъ Херсонеса, противъ тавро-скиѳовъ,—и названа въ честь этого великаго государя его именемъ. Грубая ошибка эта происходитъ скорѣе вслѣдствіе неясности оставленнаго намъ Страбономъ (VII кн. 312 стр.) свѣдѣнія по этому предмету, и толковъ новѣйшихъ писателей, тогда какъ понятно, что войска Митридата, прибывшіе для предохраненія Херсонеса отъ тавро-скиѳовъ, расположившихся со стороны материка Трахейскаго полуострова, не могли-бы достигнуть цѣли своего назначенія, расположившись на мѣстѣ нынѣшней Евпаторіи, отстоящей отъ Херсонеса въ 60 верстахъ и вдобавокъ отдѣленной съ этой стороны бухтою Ктеноса (Севастопольскою), а со стороны материка — укрѣпленіями скиѳовъ. Ясно, что мнѣніе нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ археологовъ, что крѣпость Діофана была внутри Трахейскаго полуострова и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Херсонеса, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Большую вѣру въ существованіе древней Евпаторіи, на настоящемъ мѣстѣ ея, вселилъ Птоломей, который, указывая ее первымъ послѣдующимъ городомъ, послѣ Перекопа, далъ поводъ заключить, что здѣсь именно, а не гораздо ниже, находилась Діофанова Евпаторія. Геродотъ, Плиній и послѣдующіе за ними древніе географы, ничего не говорятъ о мѣстности,

нынѣ занимаемой Евпаторіею. Арріанъ, губернаторъ каподокійскій, обозрѣвавшій, во II вѣкѣ по Р. Х., берега Чернаго моря, въ своемъ периклѣ, указываетъ послѣ Херсонеса на пристань Киркинитисъ (стр. 33) въ сосѣдствѣ которой находится небольшое озеро (безъ сомнѣнія и теперь находящееся и теперь около города), но было-ли здѣсь какое-либо поселеніе, онъ не упоминаетъ, тогда какъ, судя по цѣли его путешествія и любознательности, онъ не пропускалъ безъ осмотра ни одного приморскаго городка по пути слѣдованія.

Послѣ же господства грековъ и римлянъ въ Крыму, полуостровъ этотъ наводнялся кочующими племенами степей, которыя, не имѣя понятія о мореплаваніи, предпочитали селиться или кочевать подальше отъ морскихъ береговъ на мѣстахъ болѣе удобныхъ для скотоводства. Слѣдовательно, Евпаторія принадлежитъ къ числу возобновленныхъ городовъ Крымскаго полуострова и, по нашему мнѣнію, первая пристань, основанная турками, послѣ взятія ими генуэзскихъ факторій въ Крыму и именно, послѣ 1475 года. Безчеловѣчнымъ побѣдителямъ этимъ необходимо было имѣть въ завоеванной странѣ городъ или по-крайней мѣрѣ, военное поселеніе на пунктѣ, ближайшемъ къ ихъ метрополіи, а мѣстность Евпаторіи болѣе другихъ подходила къ этому. Самое названіе, данное ими этому городу, Гезлеевъ *), что означаетъ: цѣль на домъ или направляйся на зданіе, — достаточно объясняетъ, что въ основаніи этого наименованія заключался совѣтъ для идущихъ съ моря, направляться къ зданіямъ. Между тѣмъ, другіе разсказываютъ, что названіе это происходитъ отъ словъ: гезли-вели, т. е. скрытый или тайный святой; третіи, отъ слова гёзъ-юва, т. е. глазъ гнѣзда, а четвертые производятъ отъ испорченнаго турецкаго-же слова хызъ-евъ, означающаго домъ дѣвы, происшедшаго будто вслѣдствіи того, что какой-то паша похитилъ прекрасную дѣвицу и для сбереженія заперъ ее въ нарочно-устроенномъ замкѣ, про-

*) Евпаторія и теперь извѣстна туркамъ и татарамъ подъ именемъ Гезлева.

званномъ домомъ дѣвы. Что, раньше турокъ, здѣсь не было постояннаго мусульманскаго селенія, мы предполагаемъ потому, что татары въ то время еще продолжали заниматься кочеваніемъ, а тѣ, которые знакомы были съ роскошью жизни, держались около столицы своей, Стараго Крыма, или вообще подальше отъ морскихъ береговъ, на которые они смотрѣли съ недовѣріемъ или боязнію. Послѣднее доказывается тѣмъ уже, что въ Крыму татаре положительно не занимали для жительства ни одного приморскаго берега до тѣхъ поръ, пока не подружились съ турками, познакомившими ихъ съ мореплаваніемъ.

Первыя свѣдѣнія о Евпаторіи мы получаемъ отъ Броневскаго и затѣмъ отъ священника Іакова, бывшаго въ 1634—35 годахъ въ Крыму, съ русскимъ посланникомъ, Борисомъ Дворининовымъ, который упоминаетъ объ этомъ городѣ только потому, что въ немъ была церковь соборная, зѣло велика и украшена, но превращена въ мечеть.

По описаніямъ, оставленнымъ намъ, послѣ похода русскихъ, въ 1736 году, въ Крымъ, видно, что въ Евпаторіи была крѣпость, разрушенная по приказанію графа Миниха, а городъ состоялъ изъ 5 т. домовъ, нѣсколькихъ хорошихъ мечетей и христіанской церкви. Судя по добычѣ и трофеямъ, доставшимся нашимъ войскамъ, можно полагать, что городъ былъ богатый и хорошо защищенный каменными стѣнами съ огромными башнями, вокругъ которыхъ шелъ глубокій ровъ. Укрѣпленія эти, судя по остаткамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и понынѣ сохранившимся внутри города на базарной улицѣ, были обновлены во времена турецкаго господства на этой мѣстности.

Нѣтъ сомнѣнія, что Евпаторія играла важную роль въ коммерческомъ отношеніи при туркахъ. Это подтверждается торговлею ея даже въ началѣ нашего столѣтія, когда враждебные намъ турки неохотно и со страхомъ приходили къ нашимъ владѣніямъ. Сумароковъ, посѣщавшій Евпаторію въ 1801 году, встрѣтилъ въ ней до 170 иностранныхъ судовъ, доставившихъ разныхъ грузовъ на 55 тысячъ рублей. Онъ же утверждаетъ,

что въ томъ-же году вывезено отсюда за границу до 250 тыс. пудовъ соли, 25 т. пудовъ овечьей и козьей шерсти и около $2^1/_2$ тысячъ шерстяныхъ бурокъ. Вѣроятно, количество подобныхъ грузовъ бывало значительнѣе во время господства здѣсь турокъ на томъ основаніи, что они дѣйствовали у себя и свободнѣе и гораздо менѣе уплачивали пошлинъ какъ за привозные, такъ точно и за вывозные продукты. При этомъ надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что до покоренія Крыма въ немъ гораздо болѣе было татаръ, получавшихъ изъ Стамбула предметы роскоши, которые, впослѣдствіи, начали ввозиться сюда изъ Россіи и другихъ государствъ.

Изъ памятниковъ, оставленныхъ намъ турками въ Евпаторіи, достопримѣчательны сохранившіяся въ цѣлости до настоящаго столѣтія: обновленные крѣпости и фонтаны. Послѣдніе приводили въ удивленіе тѣмъ, что устроены были въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ слѣдовъ поверхностныхъ водъ и гдѣ колодцы имѣютъ въ глубину до 30 саженъ. Фонтаны эти были около ханской мечети и старой почтовой конторы *). Затѣмъ слѣдуютъ мечети и кладбища.

Судя по разсказамъ стариковъ, Евпаторія была самымъ лучшимъ городомъ для жизни человѣка, даже въ началѣ нашего вѣка. Сюда свозились изъ Турціи, Малой Азіи и прилегающихъ къ послѣдней странъ, лучшія произведенія и отдавались за безцѣнокъ; здѣсь имѣли огромные заработки бѣдные люди на соленыхъ озерахъ, сюда съѣзжались, какъ на выгоднѣйшій рынокъ, всѣ обитатели бо́льшей части Крыма; здѣсь продавались ихъ произведенія и отсюда развозились иностранные товары въ Бахчисарай, Симферополь, Карасубазаръ, Перекопъ и въ болѣе значительныя поселенія сѣверо-западной части полуострова и ногайскія степи. Крымскіе ханы, не смотря на то, что мѣстность эта принадлежала Турецкимъ султанамъ, содержавшимъ здѣсь свои войска въ главѣ паши, очень часто посѣ-

*) Нынѣ они не даютъ болѣе воды.

щали Евпаторію и имѣли свою мечеть, которая по настоящее время сохранилась въ прекрасномъ видѣ и именуется ханскою. Мечеть эта расположена не вдали отъ морскаго берега и представляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, оставленныхъ намъ, какъ полагаютъ, отъ времени мусульманскаго господства въ Крыму; это есть громадное зданіе значительной вышины, украшенное пятью куполами и вообще носящее характеръ византійской архитектуры. Намъ кажется, что мечеть эта есть та самая, о которой упоминаетъ священникъ Іаковъ, видѣвшій ее во второй трети 17-го столѣтія и увѣрявшій, что она раньше была христіанскимъ храмомъ. Увѣреніе почтеннаго духовника едва-ли подлежитъ сомнѣнію, если мы обратимъ вниманіе на то, что храмъ этотъ имѣетъ направленіе отъ запада къ востоку т. е. совершенно противоположное правиламъ постановки магометанскихъ мечетей. Мечеть эта къ сожалѣнію нашему и теперь остается въ рукахъ мусульманъ, которые не въ состояніи ее ремонтировать, изрѣдка навѣщаютъ—и весьма вѣроятно, что въ скоромъ будущемъ постройка эта преждевременно погибнетъ отъ грубаго невѣжества владѣтелей, которые не думаютъ даже прикрыть входы въ нее отъ блуждающей скотины и, повидимому, стараются окружить ее могильными памятниками для достиженія права вѣчнаго владѣнія.

Преданіе говоритъ, что Крымскіе ханы проживали въ Евпаторіи преимущественно во времена смутъ беевъ и другихъ своихъ вассаловъ. Отсюда, при содѣйствіи турецкаго паши, они по возможности возвращали спокойствіе въ странѣ или вели переговоры съ властителемъ Стамбула, отъ котораго зависѣла ихъ судьба. Однако нельзя думать, что Евпаторія управлялась не ханскими чиновниками и что гиреи являлись сюда въ качествѣ гостей; напротивъ, мы предполагаемъ, что султаны только имѣли въ ней свой гарнизонъ для поддержанія вліянія и господствующаго права на всемъ полуостровѣ, который могъ-бы, при надобности, выставить до 200 т. войска, всегда охотно воюющаго противъ христіанскихъ народовъ. Г. Пейсонель, въ своемъ

Traité sur le commerce de la mer Noire (Paris 1787, II, 259 p.) говоритъ, что таможенные и другіе государственные сборы съ Евпаторіи, тогда только принадлежали султанамъ, когда они не требовали отъ крымскихъ гиреевъ свыше 30 т. войска, но если требованіе превосходило эту цифру—всѣ доходы турецкой казны въ Крыму поступали въ распоряженіе ханства.

До присоединенія Крыма къ Россіи, Евпаторія имѣла очень важное значеніе въ томъ отношеніи для отважныхъ татаръ, на случай преслѣдованія ихъ за стѣнами перекопскихъ укрѣпленій, въ ней они могли въ крайности переходить на суда и удаляться отъ опаснаго берега. Послѣднее спасло ихъ въ славный для нашихъ войскъ 1736 годъ, когда Магнусъ Биронъ, предполагая вторгнуться внутрь Крыма, нашелъ необходимымъ предварительно разгромить Евпаторію, въ чемъ и успѣлъ 16 іюня; но въ то время, когда онъ вступалъ въ городъ побѣдителемъ, жители и войска его отплыли на судахъ въ Константинополь.

Евпаторія и теперь, не смотря на дважды бывшее выселеніе изъ нее, съ начала Крымской войны татаръ, судя по спискамъ населенныхъ мѣстъ Россіи*), имѣетъ около 7 т. народонаселенія, изъ коихъ до 2,700 душъ обоего пола однихъ только караимовъ, обыкновенно селившихся въ такихъ массахъ въ торговыхъ городахъ. Благополучное состояніе ихъ легко замѣтить взглядомъ на раскошную синагогу, украшенную прекраснымъ памятникомъ въ воспоминаніе посѣщенія императора Александра Благословеннаго. Синагога эта представляетъ замѣчательный образецъ восточной архитектуры и тѣмъ еще отличается, что во многихъ мѣстахъ завита виноградными лозами, составляющими рѣдкое явленіе на солонцоватой почвѣ города. Что касается татарскаго населенія, котораго въ настоящее время остается немного въ Евпаторіи, о благосостояніи и значительности ихъ до времени эмиграцій, можно судить по 11-ти большимъ

*) См. Таврическую губернію.

мечетямъ и содержанію высшаго духовнаго училища (*медресе*) для городскихъ и окружныхъ обитателей.

Евпаторійскій портъ, до военнаго въ Крыму времени или лучше сказать до появленія пароходовъ русскаго общества, посѣщающихъ всѣ приморскіе города полуострова—исключительно служилъ мѣстомъ отплытія въ Константинополь всѣхъ почти прамовъ или слѣдующихъ въ Мекку на поклоненіе мусульманъ. Обстоятельство это также содѣйствовало торговлѣ города и предоставляло иностраннымъ судамъ толпы пассажировъ, которые при настоящихъ удобствахъ отправляются съ болѣе приближенныхъ къ нимъ приморскихъ городовъ, Весь недостатокъ Евпаторіи искони заключается въ отсутствіи растительности, могущей предохранить жителей отъ знойныхъ лѣтнихъ жаровъ и дороговизны топлива, которое, какъ и прежде, до настоящаго времени привозится изъ турецкихъ владѣній на судахъ и продается на вѣсъ.

Торговую дѣятельность Евпаторіи, продолжавшей по прежнему получать въ незначительномъ уже количествѣ произведенія обѣихъ Турцій, по случаю эмиграціи большинства Крымскихъ татаръ—и сбытъ туземныхъ произведеній за границу, состоящихъ преимущественно изъ шерсти, хлѣбнаго и льнянаго зерна, кожъ, соли и т. п. можно выразить слѣдующими данными за 1866 годъ, въ теченіи котораго прибыло: заграничныхъ судовъ 237, съ товарами на сумму около 140 т. р., а вывезено ими нашихъ продуктовъ на сумму, равняющуюся 650 т. руб., россійскими-же судами, которыхъ было въ приходѣ 586, доставлено грузовъ на 553 т. руб. а вывезено слишкомъ на 660 т. рублей. Эти значительныя цифры ясно свидѣтельствуютъ, что Евпаторія, не представляющая удобной стоянки для судовъ, расположенная въ мѣстности далеко непроизводительной почвы и притомъ лишенной народонаселенія, пользуется выгодами своими по ближайшему положенію къ Одессѣ и Константинополю и благодаря усердію караимовъ, почти единственныхъ двигателей въ Крыму иностранной торговли.

Евпаторія считается въ Крыму единственнымъ, по удобству, мѣстомъ для пріема морскихъ ваннъ; удобство это заключается во-первыхъ въ томъ, что берегъ на значительное пространство не глубокъ и чистъ отъ всякихъ наносныхъ нечистотъ и водорослей и наконецъ дно его, подобное берегамъ Антильскихъ острововъ, на половину состоитъ изъ мельчайшихъ корненожковыхъ раковинъ, имѣющихъ формы шариковъ, дисковъ, звѣздочекъ, фестоновъ и т. п. которыя нанесены сюда морскими прибоями и грозятъ въ отдаленномъ будущемъ значительнымъ отступленіемъ моря отъ настоящей точки его очертанія. Подобное событіе уже однажды совершилось въ этой мѣстности, сохранивъ намъ въ доказательство громадные пласты камня, состоящаго изъ животной матеріи или скорлупъ раковинъ, который нынѣ служитъ для жителей Евпаторіи пригоднымъ матеріаломъ для постройки жилищъ.

Раковинки, покрывающія дно Евпаторійской бухты такъ мелки, что простымъ глазомъ ихъ трудно отличить отъ обыкновеннаго морскаго песку, отъ котораго они отличаются только желтоватымъ цвѣтомъ; для принимающихъ-же морскія ванны они представляютъ несравненно больше удобства по ровности и мягкости въ сравненіи съ остальными берегами Крымскаго полуострова.

Евпаторія имѣетъ довольно представительную наружность, только съ набережной стороны, гдѣ размѣщены лучшія постройки, прекращавшіеся съ одной стороны карантинными дворами, а съ противоположной, рядами вѣтренныхъ мельницъ. Дальнѣйшія-же части ея, состоятъ изъ узкихъ ломанныхъ переулковъ, гдѣ изрѣдка встрѣчаются окна на улицу, и то неиначе какъ съ желѣзными рѣшотками. За то я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на внутренность дворовъ ихъ, которые большинствомъ выложены каменными плитами, засажены тутовыми деревьями, акаціями и виноградными лозами, растянутыми на подставахъ для тѣни и красоты. Торговля въ городѣ производится на двухъ обшир-

ныхъ площадяхъ разъ въ недѣлю, но дѣятельность въ бухтѣ не прекращается съ ранней весны до поздней осени.

Въ Евпаторіи существуютъ присутственныя мѣста, прогимназія, довольно обширная православная церковь, въ которой отправляется богослуженіе на греческомъ и русскомъ языкахъ; кромѣ этого есть двѣ, три гостинницы, таможня, карантинное агенство, читальня и т. п. Не смотря на несовсѣмъ благопріятную обстановку свою, городъ этотъ въ лѣтнее время представляетъ оживленный видъ, потому что наводняется толпами пріѣзжихъ, освѣжающихъ нервы морскими ваннами. Теперь обратимся къ его округѣ. Евпаторійскій уѣздъ заключаетъ въ себѣ, около 500 тысячъ десятинъ земли и неболѣе 18 тысячъ народонаселенія, изъ которыхъ до 10 т. татаръ, а остальные христіане православнаго исповѣданія, нѣмцы и до 150 эстовъ. До первой эмиграціи татаръ изъ Крыма, послѣдовавшей вскорѣ послѣ присоединенія его къ Россіи, уѣздъ этотъ считался однимъ изъ самыхъ населеннѣйшихъ, а до занятія турками Евпаторіи въ 1854 году и послѣдовавшей чрезъ 5 лѣтъ послѣ того, общей эмиграціи изъ Таврической губерніи мусульманъ, а отсюда въ числѣ 196 деревень, въ немъ обитало болѣе 40 т. татаръ, занимавшихся исключительно хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и баштанами. Всѣ эти хозяйственные промыслы— не смотря на то, что почва земли здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо глинисто-солонцоватая, изрѣдка орашаемая дождями, маловодная, представляющая глубокіе колодцы и частенько покрываемая массами все истребляющей саранчи,—удавались на столько, что въ иные годы доставляли поселянамъ значительные доходы, которые могли-бы современемъ сдѣлаться постоянными, еслибъ правительственныя лица или сами владѣльцы, успѣли убѣдить или заставить поселянъ, хоть мѣстами облѣсить свои земли и ежегодно въ концѣ лѣта выжигать степи, для уничтоженія различнаго рода насѣкомыхъ съ ихъ сѣменами, которыя служатъ грозою для сельскаго промышленника и истребляютъ нивы сосѣднихъ, а иногда и отдаленныхъ обитателей. Польза выжига-

нія полей очевидна въ нѣкоторыхъ степныхъ губерніяхъ Кавказа, куда нерѣдко проникаетъ саранча и гдѣ она никогда почти не зарождается изъ оставленныхъ сѣмянъ. Намъ кажется что это есть самое лучшее и самое дѣйствительное средство для всеобщаго и быстраго уничтоженія, всѣхъ вообще вредныхъ насѣкомыхъ, къ которому прибѣгнетъ человѣчество быть можетъ тогда, когда почувствуетъ крайнюю необходимость освобожденія отъ враговъ, уничтожавшихъ безнаказанно его труды и надежды.

О производительности Евпаторійскаго уѣзда, мы должны сказать подробнѣе: потому что онъ заслуживаетъ этого тѣми отличительностями, которые не свойственны другимъ частямъ полуострова: 1-е *Хлѣбопашество*. Отрасль эта мало разнится въ преимуществахъ, сравнительно съ прочими уѣздами Крыма и уступаетъ въ плодородіи Ѳеодосійскому округу, такъ равно и не производитъ той славной арнаутки, которою снабжаетъ насъ бывшій нѣкогда Ченгарскій кадылыкъ, но за то, здѣсь родятся несравненно лучше другихъ мѣстностей льняное сѣмя, лукъ и баштанные посѣвы, Евпаторійскіе арбузы едвали не есть самые вкусные на полуостровѣ по избытку сока. Они не бываютъ велики, подобно перекопскимъ или алешковскимъ, имѣютъ совершенно круглый видъ, мелкое сѣмя, не приторны сладостію и такъ туго начинены, что при разрѣзѣ выпускаютъ множество сока. Туземцы не иначе ѣдятъ ихъ, какъ облупивъ верхнюю кожу и нарѣзая ножемъ поперечными линіями, чтобы непрорѣзать вдоль сердцевины, мгновенно извергающей лучшій сокъ. По разчисленію туземцевъ, каждая квадратная сажень земли въ этомъ уѣздѣ, даетъ въ урожайный годъ цѣлую подводу арбузовъ. Вслѣдствіе чего установилось обыкновеніе, отдавать въ аренду землю подъ посѣвы арбузовъ и дынь, по кулачамъ т. е. погоннымъ саженямъ. Что касается хлѣбнаго зерна, то оно въ счастливые годы очень хорошо вознаграждаетъ сѣятелей. Такъ напр., пшеница родится сама 15, ячмень—12, овесъ—15, ленъ до 18-ти, а просо до самъ 80-ти.

Скотоводство: евпаторійскіе лошади считаются въ Крыму

за лучшихъ скакуновъ; а верблюды, которыхъ нынѣ немного, за сильнѣйшихъ и чрезвычайно выгодныхъ животныхъ, для степныхъ работъ и перевозки тяжестей на подводахъ; но изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, здѣсь славятся такъ называемые мерлушковые бараны, исключительно принадлежащіе этому уѣзду. Ихъ дорогіе овчины достаточно уже извѣстны всѣмъ. Другія породы овецъ, блаженствующія здѣсь отъ избытка соленыхъ травъ, имѣютъ то преимущество, что мясо ихъ такъ нѣжно и пріятно, что многіе предпочитаютъ его телячьему и куриному. Евпаторійскій сыръ, приготовляемый караимами и извѣстный подъ именемъ брусковаго или кашкавала, можетъ свидѣтельствовать о томъ, какое превосходное молоко получается отъ коровъ и, какой великолѣпный сыръ возможно приготовлять въ этомъ уѣздѣ, при знаніи дѣла и устройствѣ спеціальными людьми сырныхъ заведеній. Евпаторійскій уѣздъ могъ-бы покрыться и садовою растительностію, еслибъ этого, пожелали владѣльцы земель. Возможность достигнуть этого достаточно свидѣтельствуется остатками растительности, отъ временъ ханскаго владычества въ дер. Караджинѣ, гдѣ ростутъ и теперь фиговыя, айвовыя и разнаго рода лѣсныя деревья; а въ селеніяхъ Чокракѣ и Акмечетской бухтѣ встрѣчаются не только фруктовыя деревья, но и виноградники. Но самую выгодную отрасль производительности, евпаторійскій уѣздъ представляетъ солеными озерами; число которыхъ доходитъ до 42. Озера эти еще во времена татарскаго господства въ Крыму, привлекали купцовъ изъ Анатоліи, Кавказа, Польши, Подоли, Литвы и Россіи и доставляли хану, которому они лично принадлежали, какъ удостовѣряетъ г. Пейсонель, значительные доходы; но несравненно большія выгоды откупщикамъ, которые на случай нераспродажи выволоченной соли, боясь лишиться ее въ зимнее время, насильно навязывали иностранцамъ вмѣсто денегъ. Соль евпаторійскихъ озеръ считается въ Крыму, несравненно лучшею предъ другими озерами и въ особенности для соленія рыбы и овощей. Сказавши о соленыхъ озерахъ, мы, для окончательнаго

очерка евпаторійскаго уѣзда, должны упомянуть о Сакскихъ минеральныхъ грязяхъ, прославившихъ своею цѣлебностію ничтожную татарскую деревушку. Грязи эти находятся въ 19-ти верстахъ отъ Евпаторіи, на почтовомъ трактѣ, при татарской деревушкѣ Сакки. О громадной пользѣ, приносимой ими ежегодно страждущимъ посѣтителямъ, достаточно уже сказано было нами, но съ котораго времени благодѣтельное свойство ихъ открыто въ Крыму—это вопросъ не рѣшенный никѣмъ. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что татаре давно знали о цѣлебности ихъ. Сумароковъ, бывшій въ Крыму, вскорѣ послѣ присоединенія его къ Россіи, пишетъ, что онъ пользовался ими по совѣту мѣстнаго татарина медика, но, къ сожалѣнію, не оставилъ намъ свѣдѣнія противъ какой болѣзни лечился, чтобы вывести заключеніе, имѣли-ли Крымцы основательное понятіе въ вліяніи ихъ на тѣло, при извѣстнаго рода болѣзняхъ или безсознательно вѣрили, что они могутъ спасать отъ одного только ревматизма? Судя же по современнымъ убѣжденіямъ татаръ, надо думать, что они признавали ихъ цѣлебность только противъ ноенія костей, извѣстнаго у нихъ подъ именемъ *сызлама*.

Сакскія грязи, впервые открыты нами въ 1809 году докторомъ Лангомъ, и съ того времени опыты и химическое разложеніе ихъ дали имъ европейскую извѣстность. Нынѣ къ нимъ стекаются съ отдаленныхъ мѣстъ, много страдальцевъ, которые большинствомъ, послѣ долголѣтнихъ страданій, возвращаются домой совершенно здоровыми. Славу ихъ въ наше время поддерживаетъ, съ замѣчательнымъ усердіемъ и вниманіемъ къ больнымъ, докторъ Поспишиль, который содержитъ при нихъ, для удобства посѣтителей, гостинницу съ рестораномъ и употребляетъ всевозможные усилія, для доставленія паціентамъ своимъ комфорта и развлеченій. Кромѣ всего этого, Евпаторійскій уѣздъ отличается отъ прочихъ Крымскихъ тѣмъ еще, что всѣ почти деревни имѣютъ своихъ азизовъ, къ которымъ стекаются на молитву разслабленные и одержимые различными недугами. Изъ нихъ признаны первенствующими три брата Орденъ-

кельме, при останкахъ которыхъ сохраняется, въ серебрянномъ футлярѣ частица бороды Магомета и неизвѣстные, покоющіяся въ д. Эдилеръ-Шеихъ-эли; но несравненно они богаче мѣстами, обитаемыми злыми духами которые по ихъ мнѣнію, въ одномъ мѣстѣ хранятъ погреба съ золотомъ и показываются прохожимъ въ видѣ медвѣдя, въ другомъ въ образѣ плачущей женщины, тамъ квочкою съ цыплятами, а здѣсь въ подобіе громадной собаки. Мнѣ помнится даже разсказъ одного старика, который увѣрялъ меня, что однажды къ нему явился джинъ въ образѣ щенка, котораго онъ принесъ домой и который на утро превратился въ громаднаго мертвеца. Подобныхъ разсказовъ, на различные лады, существуетъ ужасное множество между татарами этого уѣзда, и всѣ они какъ-то страстно придаются имъ и повѣствованію о сельской жизни евреевъ, которыхъ лѣтъ 30-ть тому назадъ, правительство наше поселило между ними, въ дер. Домузларѣ, гдѣ они чуть не посходили съ ума, отъ безцвѣтной жизни и чуть не поумирали съ голода, отъ боязни выйти въ поле съ волами, у которыхъ рога казались на столько крѣпкими, что въ состояніи прорвать человѣку животъ или поднять его на воздухъ и бросить по направленію къ солнцу.

Симферополь.

Объ этомъ городѣ мы уже сказали въ первой части нашего труда, но сказанное нами относилось къ такого рода путешественникамъ, которые, впервые посѣтивъ этотъ городъ, пожелали бы составить себѣ общее понятіе о немъ. Теперь-же мы обязаны познакомить читателя нашего съ историческою судьбою его: Симферополь получилъ это названіе только послѣ присоединенія Крыма къ Россіи; но до этого онъ извѣстенъ былъ подъ татарскимъ названіемъ. Симферополь въ переводѣ съ греческаго означаетъ: выгодный городъ. Почему ему присвоено это имя—мы незнаемъ. По народному преданію онъ основанъ послѣ

вступленія турковъ въ Крымскій полуостровъ, что согласуется отчасти съ мнѣніемъ Сумарокова, что онъ построенъ послѣ 1500 года какимъ-то Ибрагимъ-бекомъ, которому крымскій ханъ подарилъ эту мѣстность за счастливый походъ противъ Россіи. По другимъ-же преданіямъ на мѣстности Симферополя поселился какой-то начальникъ племени съ дозволенія брата крымскаго султана, которому принадлежалъ весь округъ, начиная отъ теперешней деревни Мамутъ-султана.

Симферополь, во время татарскаго владычества, назывался Ахмечетомъ (бѣлая мечеть)—отъ мечети, покрашенной известью, что составляло въ то время особенную рѣдкость по городамъ и селеніямъ Крыма. Мечеть эта, по мнѣнію старожиловъ, существуетъ и до настоящаго времени подъ именемъ *джума-джами* въ восточной части города. При ней и понынѣ, не смотря на множество выселившихся изъ окрестностей Симферополя татаръ, остается высшее духовное училище (медрессе), для образованія людей, способныхъ къ занятію должностей имамовъ, хатиповъ и т. п. Кромѣ этой мечети въ описываемое нами время, т. е. послѣ обращенія Симферополя графомъ Минихомъ въ груду камней и пепла, въ городѣ находилось еще двѣ мечети, которыя сохраняются и по настоящее время, именно: *Базаръ-джами* и *Тохалъ-джами*. Число этихъ молитвенныхъ домовъ, по словамъ однихъ, простиралось въ Ахмечети до 1736 года, до 11, но послѣ нашествія русскихъ, ихъ осталось только три. Ихъ было достаточно для 200 дворовъ, составлявшихъ городъ, исключительно обитаемый мусульманами. Впослѣдствіи-же, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, когда число татаръ увеличилось въ Симферополѣ, число мечетей постепенно возрастало и дошло до 6-ти. Если возможно, по числу молитвенныхъ домовъ дѣлать вычисленія о населеніи города въ различныя его эпохи, то, принимая въ разсчетъ, что въ послѣднее время при 6 мечетяхъ состояло въ Симферополѣ болѣе 2,500 душъ мужескаго пола *), мы увидимъ, что до нашествія графа Миниха число

*) Женщины у магометанъ не допускаются въ мечети.

жителей магометанскаго вѣроисповѣданія въ Ахмечети простиралось съ женскимъ поломъ до 10 тысячь, а во времена послѣднихъ хановъ едва-ли доходило до трехъ.

Симферополь всегда считался въ Крыму вторымъ городомъ послѣ Бахчисарая. Онъ былъ резиденціею Калги-султана, главнѣйшаго сановника въ царствѣ, и мѣстопребываніемъ беевъ и мурзъ. По преданіямъ, дошедшимъ до нашего времени, этотъ городъ расположенъ былъ на пространствѣ, отъ нынѣшняго Стараго собора до Цыганской улицы, идущей отъ базарной площади на Востокъ. Отсюда онъ подымался на возвышенность, и спускался къ мѣстности, занимаемой въ настоящее время пивоварнею. На с. в. и ю. з. сторонахъ его, гдѣ находятся нынѣ казармы и прочія постройки, а также образовавшаяся нынѣ цыганская улица, существовали кладбища. На одномъ изъ нихъ, именно прилегающемъ къ Салгиру, преимущественно хоронились лица знатнаго происхожденія, обитавшія по сосѣдству съ Калга-султаномъ, проживавшемъ въ сераѣ, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ пивоварнею. Кладбища эти давно уже перерыты и на мѣстахъ ихъ воздвигнуты постройки; но слѣды ихъ еще сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на протяженіи цыганской улицы. На с.-восточной-же части города до настоящаго времени остается не тронутою одна могила, гдѣ покоится, по убѣжденію мусульманъ, святой человѣкъ, подъ именемъ *азисъ-Салгиръ-баба*, т. е. отецъ Салгира. Могила эта ограждена со всѣхъ сторонъ высокою каменною стѣною и покрыта зеленымъ досчатымъ навѣсомъ. При ней постоянно находится афузъ (малоумный), посвятившій себя исключительно службѣ въ мечетяхъ и надъ могилами мусульманскихъ праведниковъ. Обязанности его у могилы азиса заключаются преимущественно въ пріемѣ добровольныхъ подаяній отъ проѣзжающихъ, которымъ онъ желаетъ благополучно доѣхать до желанной цѣли, и отъ страждущихъ различными болѣзнями, посѣщающихъ азиса, въ надеждѣ на могущество его изгонять изъ утробы больнаго злаго духа, который, по ихъ понятіямъ, вселяется въ человѣка въ образѣ ли-

хорадки, горячки или эпилепсическихъ припадковъ. Мнѣ какъ-то случайно пришлось зайти въ дворикъ, гдѣ находилась могила знаменитаго азиса-Салгиръ-баба. Прежде всего я замѣтилъ, налѣво отъ входа, множество человѣческихъ головъ, рукъ, ногъ и проч. На вопросъ мой, афузъ объяснилъ, что эти кости собраны его предмѣстниками при постройкѣ сосѣднихъ домовъ, когда строители, разрывая землю для фундаментовъ, выбрасывали ихъ безъ всякаго вниманія; потомъ я увидѣлъ у могилы азиса двухъ татаръ, стоящихъ на колѣнахъ и усердно молящихся Богу. Они были страшно изуродованы болѣзнью. Когда молитва ихъ была окончена, афузъ указалъ имъ мѣсто, гдѣ слѣдуетъ положить куски отъ одеждъ. По его мнѣнію и вообще по убѣжденіямъ мусульманъ, какъ сказано было, оставленіе кусковъ отъ собственнаго платья на могилѣ азиса означаетъ оставленіе съ ними и недуговъ, которымъ больные подвержены за собственные или за родительскіе грѣхи.

О томъ, какимъ образомъ прославился въ народѣ Салгиръ-баба и кто онъ таковъ? — я получилъ отъ афуза слѣдующее объясненіе: „Нашъ покровитель, любимая тварь Аллаха, Салгиръ-баба, ведетъ начало отъ могущественныхъ шейховъ, прибывшихъ въ Крымъ въ древнія времена. Этотъ благочестивый мусульманинъ, по волѣ всемилостивѣйшаго пейгамбера (пророка), жилъ въ Ахмечети въ качествѣ экима (лекаря), врачующаго страждущихъ различными болѣзнями, отчитывая ихъ священными молитвами. Всѣ заработываемыя деньги онъ раздавалъ неимущимъ жителямъ, обитающимъ на протяженіи Салгира, по которому онъ совершалъ свое постоянное путешествіе, вслѣдствіе чего и прозванъ былъ въ народѣ отцемъ Салгира. Слава его была велика. Не разъ ханы посылали за нимъ богатоубранныхъ лошадей и исцѣлялись отъ болѣзней молитвами этого человѣка. Наконецъ, преданіе говоритъ, что, когда гяуры напали на Ахмечетъ, Салгиръ-баба, не трогаясь съ мѣста, молился Богу; въ это время одинъ изъ разбойниковъ лишилъ его жизни. Также точно гяуры поступили и съ Мелекъ-султанъ,

дочерью знаменитаго бея, выбѣжавшею изъ города при слухѣ о ихъ нашествіи; но не далеко ушла она, потому что, по повелѣнію Аллаха, одинъ изъ алчныхъ гяуровъ встрѣтилъ ее около дер. Кіятъ и предалъ смерти. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ этого кроваваго нашествія гяуровъ на нашу страну, Аллахъ милостивый, да буду я жертвою его имени, открылъ правовѣрнымъ могилы невинно-павшихъ на войнѣ Салгиръ-бабы и Мелекъ-султанъ. Первый изъ нихъ похороненъ здѣсь—сказалъ афузъ, указывая мнѣ на сѣрую каменную плиту; а послѣдняя—за городомъ, по перекопскому тракту, не далеко отъ деревни Кіятъ".

Симферополь, сколько извѣстно изъ преданій, составлялъ собственность наслѣдника ханскаго престола. Подати и прочіе налоги на обитателей его не шли въ государственную казну, а доставлялись наслѣднику хана, обязанность котораго была заботиться о благосостояніи жителей этого города. Главное управленіе въ Ахмечети, какъ военное и гражданское, такъ и разбирательство духовныхъ дѣлъ соединялось въ лицѣ кадія, приказанія котораго передавались жителямъ чрезъ имамовъ и хатиповъ въ мечетяхъ, послѣ молитвы. Для этого предъ каждымъ молитвеннымъ домомъ устраивалась большая галлерея съ лавками, гдѣ народъ имѣлъ сужденіе по своимъ дѣламъ или выслушивалъ отъ приходскаго имама приказанія кадія. Этотъ порядокъ Крымскіе татары не отмѣнили и до настоящаго времени. Кади и вообще всѣ духовныя лица вѣдомства Калги-султана не получали изъ казны содержанія. Они считали себя обязанными исполнять всякаго рода дѣла, пользуясь только тѣми доходами, которые предоставлялись за совершеніе религіозныхъ обрядовъ. Въ полицейскомъ отношеніи, муллы исполняли обязанность нашихъ приставовъ и десятниковъ. Они рѣшали также спорныя дѣла и мирили недовольныхъ; но все это дѣлалось словесно въ присутствіи цѣлаго прихода, который всегда принималъ участіе въ лицахъ, требовавшихъ суда. За воровство и прочія преступленія, совершенныя безъ пролитія крови, винов-

ный подвергался на первый разъ посрамленію народа, а въ послѣдующіе случаи — наказанію по пятамъ (фаланга). Потомъ онъ считался одержимымъ злымъ духомъ и не принимался въ совѣтѣ общества за человѣка, чтущаго пророка. Къ его имени непремѣнно присоединяли и другое, для выраженія его поступковъ. Такъ напр. *айнаджи* (мошенникъ) Аметъ или *хырсысъ* (воръ) Асанъ и т. п. Это прилагательное, если и не служило достаточнымъ наказаніемъ, то по крайней мѣрѣ возбуждало упреки и постоянныя преслѣдованія и виновному оставалось единственное средство для избѣжанія народнаго посмѣянія — послѣдовать примѣру честныхъ людей. Положительно мы не знаемъ, на сколько удавалась эта мѣра, но имѣя понятіе, въ какой степени татары дорожатъ добрымъ именемъ между собою, предполагаемъ, что это средство было радикальнѣе въ сравненіи съ тѣлесными наказаніями, тюремными заключеніями и арестантскими ротами. Между татарами и въ настоящее время замѣтна особая склонность къ опредѣленію болѣе или менѣе яркихъ качествъ человѣка присоединеніемъ къ собственному имени его другаго, рѣзко обозначающаго добрыя или дурныя наклонности его характера.

Государственные преступники, которые возстановляли народъ противъ ханской воли, не почитавшіе личности хана или калги султана, разбойники и мусульмане, гласно невѣровавшіе въ чудеса Магомета—предавались или вѣчному заключенію въ темницѣ *), или оканчивали жизнь подъ сѣкирою палача, чаще же на висѣлицѣ. Такого рода преступники судились въ Бахчисараѣ верховнымъ диваномъ или въ Ахмечетѣ калгою-султаномъ. Власть послѣдняго въ своемъ городѣ была хотя и ограничена, но онъ рѣзалъ и вѣшалъ, и смотря по надобности сообщалъ объ этомъ хану властителю, и свѣтлому дивану. Въ

*) Одна изъ этихъ темницъ находилась въ Чергунской крѣпости, существующей до настоящаго времени, а другая въ Чуфутъ-кале подъ именемъ Хоба. Послѣдняя высѣчена въ каменной скалѣ.

народныхъ преданіяхъ жителей, обитающихъ преимущественно въ Симферопольскомъ уѣздѣ, много еще сохранилось кровавыхъ исторій, совершенныхъ въ различныя времена жадными калга-султанами, которые пользовались правомъ наслѣдовать имуществомъ тѣхъ мурзъ и беевъ, которые не оставляли по себѣ наслѣдниковъ.

Послѣдній ахмечетскій калга-султанъ Тохтамышъ-гирей, такъ какъ и предмѣстники его, жилъ во дворцѣ, расположенномъ въ прекрасной мѣстности, нынѣ занимаемой пивоварнею и изобилующей водяными источниками. По преданіямъ дворецъ его былъ такъ красивъ снаружи, что народъ проходилъ мимо него съ благоговѣніемъ. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ громадными тополями, платанами, липами и т. п., между которыми высоко подымались къ небу минареты двухкупольной побѣленной мечети. Противъ дворцовыхъ воротъ, на площадкѣ, прилегающей къ Салгиру, устроена была висѣлица на двухъ липовыхъ деревьяхъ *). Тутъ-же были различныя устройства для *джанбазовъ* (акробатовъ), на искусство которыхъ смотрѣлъ калга изъ оконъ своего высокаго сераля. Въ одномъ изъ дворовъ было зданіе, предназначенное для пріема высокихъ посѣтителей изъ Бахчисарая; тутъ-же калга, въ случаѣ надобности, имѣлъ совѣщанія съ беями и мурзами, рѣшалъ важнѣйшія дѣла и принималъ духовниковъ. Въ этой-же комнатѣ онъ смотрѣлъ на танцы баядерокъ.

У послѣдняго калги, кромѣ этихъ наслѣдственныхъ привычекъ развлеченія, были еще другія, которымъ онъ не измѣнялъ никогда. Такъ, напримѣръ, онъ по вторникамъ постоянно выѣзжалъ съ многочисленною свитою на охоту съ соколами, по четвергамъ — съ борзыми противъ зайцевъ, а въ пятницу, по однажды заведенному порядку, къ нему собирался, послѣ пер-

---

*) Эти деревья, — по словамъ одной 100 лѣтней старухи татарки, жившей по военное время въ Симферополѣ и рожденной при дворѣ калги-султана, — еще цѣлы.

вой вечерней молитвы, весь народъ, присутствовавшій при богослуженіи въ его мечети, и пользовался роскошнымъ ужиномъ. Вообще, судя по преданіямъ, послѣдній калга-султанъ, жившій въ Ахмечетѣ, былъ человѣкъ кроткаго нрава. Мнѣ говорили старики татары, что онъ былъ любитель музыки и охотникъ слушать похожденія древнихъ сказочныхъ героевъ, какъ напр. Керъ-оглу, Чера-батырь и несчастныхъ любовниковъ: Ашихъ-гариба, Арзы-гамберъ и другихъ, которыми такъ богаты вообще мусульманскіе народы. 10-ть человѣкъ сказочниковъ имѣли постоянное пребываніе при дворцѣ, пользовались въ народѣ большимъ значеніемъ и получали значительные подарки. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ такъ умѣлъ плѣнить калгу своими разсказами и пѣснями, что султанъ рѣшился однажды сдѣлать его вмѣсто себя калгою; но сказочникъ отвѣчалъ: „я принялъ-бы это великое званіе, но не желая васъ лишать такого усерднаго, какъ я слуги—добровольно отказываюсь отъ господства“. Тогда калга предложилъ ему выбрать лучшую лошадь изъ конюшни своей и жениться на любой красавицѣ Ахмечета.

Однажды въ годъ, и именно въ первые дни праздника курбанъ-байрама, калга-султанъ выѣзжалъ въ поле смотрѣть на джигитовку своихъ подданныхъ. По издревле заведенному порядку, лошадь, за которою оставался призъ, подводилась къ нему и передавалась въ память событія, котораго онъ былъ очевидцемъ.

Изъ разсказовъ 100 лѣтней старухи, на которую я выше ссылаюсь, послѣдній калга былъ ужасный врагъ распутныхъ женщинъ. Достаточно было сказать ему одно слово о невѣрности жены бея, мурзы или простаго мусульманина, чтобы взволновать его душу. И обыкновенно подобныя женщины не оставались болѣе въ Ахмечети: онѣ отправлялись на корабляхъ въ Египетъ или Константинополь, и промѣнивались на рисовое зерно. Говорятъ, что и Шагинъ-гирей-ханъ охотно занимался торговлею такого рода преступницами.

Въ окрестностяхъ Симферополя, къ ю. в., до настоящаго

времени существуютъ слѣды древняго поселенія. Археологи предполагаютъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ городокъ Неаполисъ, основанный выходцами съ острова Родоса. Изъ преданій-же татаръ видно, что на этомъ мѣстѣ обитали „френки". Этимъ именемъ они обыкновенно называли генуэзцевъ. Извѣстный Палласъ также предполагалъ открыть здѣсь слѣды генуэзскаго поселенія, и искалъ ихъ въ развалинахъ при дер. Эски-орда. Собственные мои розыски на мѣстѣ предполагаемаго Неаполиса не могли привести меня къ какому-либо положительному результату. Въ одномъ мѣстѣ я находилъ римскія монеты, въ другомъ—греческія, а въ третьемъ—ханскія полусеребряныя пари. Въ пустыхъ повидимому могилахъ встрѣчались мнѣ стрѣлообразные мѣдные и желѣзные наконечники, кувшинчики, куски стеклянныхъ браслетъ, янтарныхъ гранатовъ и раковинъ. Подобные остатки встрѣчаются повсюду на Крымскомъ полуостровѣ въ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда бывали греческія колоніи.

Туземцы вѣрятъ, что эти френки—или бѣжали, или-же, что ихъ предалъ смерти какой-то богатырь, по повелѣнію хана, за то, что они не соглашались принять магометанской вѣры.

Симферополь, кромѣ Ахмечети, именовался въ Крыму и Султанъ-сараемъ, вѣроятно по имени дворца Калги-султана. По преданіямъ, въ этомъ городѣ на каждый кварталъ приходилось по два фонтана. Даже и теперь очень многіе старожилы помнятъ, что за 50 лѣтъ въ Симферополѣ было четыре фонтана, именно: первый—немного выше старой почтовой конторы; второй—противъ стараго собора, гдѣ впослѣдствіи воздвигнуто было зданіе духовнаго правленія, третій—на старомъ базарѣ, а четвертый — недалеко отъ дома д. с. с. Жуковской. Я говорю о фонтанахъ только потому, чтобы показать, въ какой степени мы плохіе гидротехты, въ сравненіи съ прежними жителями Симферополя, въ центрѣ котораго, не смотря на всѣ усилія послѣдняго начальника губерніи, не оказалось возможности провести воды въ устроенный на городской площади бассейнъ *).

*) Нынѣ вода проведена сюда изъ родника за 5 верстъ.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами о Симферополѣ, до присоединенія Крыма къ Россіи, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ его существованія, подъ управленіемъ послѣдняго хана. Татары говорятъ, что первое возстаніе *халисовъ* *) противъ Шагинъ-гирей-хана было объявлено въ Ахмечети, и первыми виновниками его были мурзы Ширинскіе, во главѣ Сагибъ-гирея, которые впослѣдствіи, когда русскіе подошли къ селеніямъ Чинбай, Джабу, Минъ и построили земляную крѣпость Рашъ-хале, были убиты каменьями и зарыты полуживыми въ землю. Словомъ, по ихъ убѣжденіямъ, искра возстанія вспыхнула въ Симферополѣ и была поводомъ окончательной гибели царства Узбека.

Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, Симферополь, по выгодному мѣстоположенію въ административномъ отношеніи съ 1784 года сдѣлался губернскимъ городомъ. Въ это время въ немъ насчитывалось до 300 дворовъ татарскихъ и нѣсколько христіанскихъ. Восемъ-же лѣтъ спустя число народонаселенія его достигло въ городѣ до 815 душъ, а въ уѣздѣ около 65 тысячь, въ томъ числѣ до 5 т. христіанъ. Первая православная церковь во имя св. Константина и Елены находилась въ татарскомъ переулкѣ въ домикѣ, купленномъ за 30 руб. ассигнаціями, т. е. за $7^1/_2$ руб. сер. Въ 1805 году воздвигнутъ былъ Петропавловскій соборъ на краю лучшей въ то время улицы, находящейся между мечетями Токалъ и Джума-джами и примыкавшей къ извѣстному кварталу Тотай-маале, гдѣ были гаремы богатыхъ мурзъ, на мѣстѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ Суворовымъ редутъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, за соборомъ этимъ **) образовался новый городъ, а число всего народонаселенія достигаетъ до 20 т. душъ.

Теперь бросимъ взглядъ на уѣздъ его, который заключаетъ въ себѣ до 320 т. десятинъ и не болѣе 35 т. жителей послѣ эмиграціи

---

*) Дорянъ.

**) Который былъ разрушенъ и вновь выстроенъ.

поселянъ изъ 67 деревень. Въ немъ первое мѣсто по производительности принадлежитъ садоводству и винодѣлію; затѣмъ слѣдуетъ лѣсная отрасль и минеральное богатство. Скотоводство здѣсь не особенно интересуетъ землевладѣльцевъ по отдаленности соляныхъ озеръ; что-же касается до хлѣбопашества, то оно мало вознаграждаетъ въ обыкновенные годы, вслѣдствіе зарожденія на нивахъ огромнаго количества повителя (convolvulus arvensis), глинистой почвы и плохой обработки ея.

Карасубазаръ.

Въ центрѣ Крымскаго полуострова, у подножія небольшихъ мѣловыхъ возвышенностей, на прекрасной равнинѣ, пересѣкаемой рѣкою Большая Карасовка, расположенъ довольно обширный городъ Карасубазаръ (т. е. рынокъ черной рѣчки), прозванный этимъ именемъ безъ сомнѣнія татарами, основателями его. О времени основанія этого города мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній, но судя по названію его полагаемъ, что на этомъ мѣстѣ былъ рынокъ еще въ тѣ времена, когда столица Монголо-татаръ находилась въ Старомъ-Крыму, сосѣдственномъ съ этою мѣстностію. Если-же вѣрить преданію, что Старый Крымъ простирался на 60 верстъ въ длину, то Карасубазаръ состоялъ въ числѣ предмѣстій этой столицы и пользовался именемъ рынка Черной рѣчки только потому, что на площадь его, прилегающую къ Карасовкѣ, собирались окрестные жители для сбыта своихъ произведеній. Впрочемъ есть люди, которые предполагаютъ, что въ Карасубазарѣ обитали греки и имѣли здѣсь укрѣпленіе Мавронъ-кастронъ, (т. е. Черную крѣпость) отъ которой не открыто до настоящаго времени положительно никакихъ признаковъ. Не опровергая предположенія ихъ на томъ основаніи, что древніе греки занимали всѣ лучшія мѣстности Тавриды, мы однако не имѣемъ ни малѣйшаго повода и согласиться съ ними. Намъ извѣстно только по

смутнымъ преданіямъ, что Крымскіе ханы или представители ихъ перенесли резиденцію свою изъ Стараго Крыма въ Карасубазаръ, вслѣдствіе чего этотъ городъ сдѣлался самымъ обширнѣйшимъ въ ханствѣ. Что онъ былъ таковымъ даже послѣ окончательнаго поселенія Крымскихъ государей въ Бахчисарай, можно судить потому, что въ 1737 г. при нашествіи графа Ласси на Крымъ, разбившаго Менгли-гирей-хана и превратившаго Карасубазаръ въ пепелъ, въ немъ въ это время было до шести тысячъ домовъ, 38 мечетей, 2 церкви (греческая и армянская) и до 50 мельницъ. Если дѣйствительно состояло такое количество построекъ въ томъ году, то неподлежитъ сомнѣнію, что городъ былъ вдвое больше во время резиденціи въ немъ ханской власти. Послѣ нашествія Ласси, ограбившаго и полонившаго Карасубазарцевъ, жители его, судя по словамъ миледи Кравенъ, посѣтившей этотъ городъ въ 1786 году, большинствомъ переселились на Кавказскія горы, такъ что при послѣднемъ ханѣ въ немъ считалось всего 759 дворовъ мусульманскихъ и только 808 душъ христіанскаго вѣроисповѣданія, а шестьнадцать лѣтъ спустя, т. е. въ 1802 году, народонаселеніе его непревышало 2285 человѣкъ, при которыхъ находилось 17 мечетей, 1 текіе (жилище софу) и три народныхъ училища.

Вотъ что говоритъ туземное преданіе о Карасубазарѣ: „Одинъ изъ представителей хана, сдѣлавшись по образу жизни настоящимъ мусульманиномъ: положился, во что бы нестало, переобразовать обитателей своей столицы, которые, обладая громадными богатствами, вели слишкомъ безобразную жизнь. Изъ множества употребленныхъ имъ для этого средствъ, ни одно не оказало успѣховъ. Тогда благочестивый правитель обратился къ шейхамъ и дервишамъ съ просьбою вызвать негодованіе Аллаха, противъ развращенныхъ купцовъ. Послѣдніе начали усердно молиться Творцу. И вотъ въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей истощенный въ нѣгѣ народъ пробудился отъ ужасныхъ подземныхъ выстрѣловъ и со страхомъ выбѣжалъ изъ трепещущихъ домовъ, призывая покровительство божественныхъ силъ. Въ эту страш-

ную минуту въ горахъ показался огненный столбъ, далеко метавшій искры, готовыя воспламенить весь городъ. Испуганные окончательно жители бросились къ повелителю своему. Тогда мудрый человѣкъ сказалъ имъ: „Огонь этотъ пожретъ васъ и дѣтей вашихъ за ваши грѣхи, если только вы теперь же не поклянетесь слушаться во всемъ меня.

— Будемъ, будемъ вовсемъ повиноваться тебѣ, отвѣчали тысячи голосовъ.

— Въ такомъ случаѣ спѣшите собрать все ваше имущество и уйти отъ этого оскверненнаго вами мѣста. Я и самъ послѣдую за вами. Мы поселимся на одной изъ лучшихъ полянъ, пересѣкаемыхъ рѣкою Кара-су.

Предложеніе это принято было съ восторгомъ и на другой день безчетное множество народа со всѣмъ своимъ имуществомъ выступили изъ прекраснаго Стараго-Крыма и поселилось на той самой равнинѣ, гдѣ существуетъ до настоящаго времени Карасубазаръ“.

Между тѣмъ изъ историческихъ свѣдѣній также можно заключать, что Карасубазаръ дѣлался временно резиденціею Крымскихъ хановъ въ эпоху междоусобій предъ династіею гиреевъ, что конечно содѣйствовало его развитію. Объ этомъ также существуетъ между татарами разсказъ слѣдующаго содержанія:

„По магометанскому шираату, послѣ смерти царствующаго хана, престолъ долженъ перейти къ старшему въ родѣ; между тѣмъ сынъ послѣдняго старо-крымскаго падишаха возсталъ противъ этого установленія, такъ какъ дядя его всю жизнь свою былъ пастухомъ и совершенно не понималъ ни людей, ни правилъ управленія царствомъ. Доказывая это народу, онъ обратилъ его въ свою сторону; но шейхи, духовенство и старики отозвались, что они останутся вѣрными тому, кто по заповѣди пророка долженъ управлять ими. Тогда послѣдовало раздѣленіе города: вся молодежь послѣдовала за молодымъ ханомъ въ Карасубазаръ, а старики съ духовенствомъ провозгласили надъ собою пастуха, котораго власть впрочемъ не распространялась

дальше Эски-Крыма, но тѣмъ не менѣе обстоятельство это послужило началомъ основанія враждебныхъ партій, предводительствуемыхъ отважными любителями анархіи.“

Изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ свѣдѣній, существующихъ о времени перенесенія въ послѣдній разъ ханами столицы своей въ Карасубазаръ, надо признать 1736 годъ, когда Фетта-Гирей-Ханъ рѣшительно возненавидѣлъ Бахчисарайцевъ и положился окружить себя болѣе уважающими людьми. Однако желаніе его не увѣнчалось успѣхомъ, во первыхъ потому, что онъ сошелъ съ престола и наконецъ потому, что городъ этотъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя разоренъ былъ русскими войсками. До этого же времени Карасубазаръ составлялъ резиденцію Калги — султана, который, въ качествѣ наслѣдника престола, управлялъ имъ самовластно. Одному изъ этихъ султановъ приписываютъ постройку въ Карасубазарѣ самой большой и лучшей мечети, извѣстной подъ именемъ ханской.

Карасубазаръ извѣстенъ еще потому, что въ немъ въ 1772 году 1-го ноября заключенъ Сагипъ-Гирей-ханомъ частный съ Россіею договоръ, утвержденный мирнымъ и союзнымъ трактатомъ 29 января 1773 года. Договоръ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что съ этого времени Россія убѣдилась въ возможности покорить безпокойныхъ татаръ, такъ долго безнаказанно опустошавшихъ огнемъ и мечемъ наши южныя провинціи. И дѣйствительно, 10 лѣтъ спустя, Карасубазаръ, въ которомъ заключенъ этотъ трактатъ, уже вмѣщалъ въ себѣ главное русское управленіе Крымомъ и въ немъ квартировали наши казаки, въ высшей степени ожесточенные набѣгами татаръ.

Въ эту знаменательную для Россіи эпоху, явилась въ Карасубазаръ миледи Кравенъ, которая, къ сожалѣнію, въ мемуарахъ своихъ не представляетъ ничего интереснаго, ограничившись описаніемъ гостепріимства, оказаннаго ей военными властями, встрѣчею съ женою татарскаго кадія въ чалмѣ, украшенной драгоцѣнными камнями и жемчугомъ и лицезрѣніемъ отчаянныхъ молитвъ дервишей, падающихъ отъ изнеможенія.

Такъ какъ подобныя свѣдѣнія мало интересуютъ серіозныхъ людей, то мы снова должны прибѣгнуть къ разсказамъ туземцевъ собраннымъ нами до эмиграціи татаръ, разсказамъ, нынѣ не многимъ уже извѣстнымъ

„Когда отцы наши узнали, что мурзы продали Крымъ русскимъ, Карасубазарцы, извѣстные подъ именемъ *Пуштовъ*, вмѣсто того, чтобы собраться съ послѣдними силами и отразить враждебныхъ иновѣрцовъ, остались спокойными зрителями общаго нашего порабощенія и первые закричали: „лучше погибнемъ подъ кнутомъ казаковъ, чѣмъ станемъ повиноваться Шагинъ-Гирей хану!“ Вскорѣ послѣ этого въ Карасубазаръ вступили гяуры и безцеремонно размѣстились по домамъ. Естественно, что жены и дочери ихъ обязаны были служить прихотямъ поработителей, а зажиточные горожане приносить въ даръ все лучшее достояніе, чтобы заслужить расположенность и сохранить жизнь свою. Многимъ изъ нихъ памятно было то время (1737 г.), когда эти-же войска разбили ихъ въ пухъ и прахъ, превратили городъ въ пепелъ и разграбивъ богатѣйшихъ, полонили ихъ мурзъ. Это было ужасное время для всѣхъ обитателей Крыма, потому что Карасубазаръ считался лучшимъ торговымъ городомъ, а сѣверныя окрестности его, также разграбленныя русскими,—богатѣйшими скотоводствомъ, важнѣйшимъ продуктомъ для благосостоянія татарина. Съ гибелью Карасубазара обитатели его большинствомъ должны были, въ качествѣ нищихъ, или разойтиться по царству или искать счастія въ Стамбулѣ. Такой участи не захотѣли во второй разъ испытать *Пуштъ* и раболѣпно преклонили головы свои предъ казаками. Впрочемъ послѣдніе не въ такой степени варварски обращались съ порабощенными, какъ арнауты — эти безпощадные враги всего мусульманства. Отцы наши разсказывали, что если арнауту попадалась случайно женщина, которая имѣла неосторожность показать ему свои глаза, онъ слѣдилъ за нею до квартиры ея, и затѣмъ, вошедъ въ хату, дѣлался обладателемъ ея. Ни просьбы, ни рыданія, ничто не дѣйствовало на его желѣз-

ную душу; если же выпроваживали его силою, то въ первую же ночь все семейство находили мертвымъ. Многіе честные люди покончили жизнь свою такимъ ужаснымъ образомъ, но крайній городской кварталъ, не высказавъ ни малѣйшимъ образомъ сопротивленія предъ искателями приключеній, возбудилъ ненависть пророка нашего, который приказалъ молніи небесной разсѣчь ихъ мечеть пополамъ и оставить ее до настоящаго времени въ такомъ видѣ, чтобы это послужило примѣромъ ихъ поколѣніямъ. Такое безцеремонное насиліе, грозившее разрушеніемъ не только семейнаго счастія, но и правовѣрной религіи, къ счастію прекратилось скоро и именно съ той минуты, когда русскіе правители царствомъ, вѣроятно по волѣ Аллаха, задумали переѣхать въ Ахмечеть (Симферополь) и тамъ основать свое управленіе, а въ остальныхъ мѣстностяхъ предоставить распоряженіе кадіямъ, избраннымъ нами. Послѣдніе принесли много пользы русскому правительству, потому что народъ, не видя измѣненій въ образѣ управленія, не замѣчалъ перехода въ чужое подданство, а Карасубазарцы, на которыхъ народъ основывалъ всю надежду избавленія, довольные спокойствіемъ, предались обычнымъ занятіямъ. Изъ числа ихъ эмигрировали въ султанскія владѣнія только тѣ, кто имѣлъ много золота и серебра, и которые сочли грѣхомъ, будучи мусульманиномъ, оставаться въ подданствѣ христіанина.

Карасубазаръ, до вступленія русскихъ въ Крымъ, былъ самимъ обширнѣйшимъ рынкомъ въ царствѣ. Сюда свозились всѣ почти произведенія страны для сбыта ихъ купцамъ, ведущимъ обширную торговлю съ Стамбуломъ и кавказскими народами чрезъ Евпаторію и Ѳеодосію. Дѣлами этими занимались преимущественно Армяне-католики основавшіеся здѣсь съ давнихъ временъ. Этотъ предпріимчивый и дружественный намъ народъ, вывозя изъ Карасубазара произведенія его рынка, доставлялъ въ замѣнъ изъ отдаленныхъ странъ все, что необходимо было для роскоши богача и жизни бѣднаго поденщика. Такъ какъ въ окрестностяхъ этого города обитали богатѣйшіе землевла-

дѣльцы, беи и мурзы, содержащіе гостинницы, куда безплатно принимались всѣ прохожіе и проѣзжающіе во имя Аллаха и ради доставленія удовольствія хозяину, то по разсказамъ стариковъ нерѣдко около этихъ благоугодныхъ домовъ встрѣчали сотни черкешенокъ одна красивѣе другой, пригнанныхъ для продажи. Добродушные беи, сочувствуя этимъ несчастнымъ невольницамъ, обыкновенно считали обязанностію вырвать ихъ изъ рукъ алчныхъ торговцевъ и платили имъ большія деньги. Такіе подвиги очень понравились доставителямъ женщинъ и они въ одно время пригнали къ окрестностямъ Карасубазара 1100 дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтняго возраста. Дѣвушки были силою отобраны отъ негодныхъ купцовъ и розданы всѣмъ, кто пожелалъ принять ихъ въ качествѣ женъ и дочерей. Этаго мало, по приказанію беевъ и мурзъ, купцы эти за варварство получили каждый по пяткамъ столько палочныхъ ударовъ *) сколько привели плѣнницъ. Съ этихъ поръ къ Карасубазару никто не приводилъ болѣе невольницъ, непріятныхъ для нашихъ женъ и дочерей.

Изъ произведеній, вывозимыхъ изъ Карасубазара въ Стамбулъ и на Кавказъ, въ обдѣланномъ видѣ, были кожи, сафьяны, бурки и войлоки. Изъ сафьяновъ карасубазарскіе ремесленники превосходно приготовляли женскую и мужескую обувь, сѣдла и различнаго рода мѣшечки и дѣтскія игрушки. Отсюда же въ большихъ массахъ вывозили пшеницу, шерсть, медъ и солонину, а взамѣнъ привозили изъ Константинополя разныя лекарственныя травы, ракушки и камни, священныя книги, хлопокъ, сукна, зеркала и различныя матеріи. Изъ Евпаторіи же преимущественно доставляли сладости, подобные раатъ-лукуму, халвы, изюму, ля-блябля (сладкій горохъ) и т. п., до которыхъ наши крымскія татарки большія охотницы.“

Съ того времени, какъ Крымскій полуостровъ присоединился къ Россіи, промышленность и торговля Карасубазара со-

---

*) Подобное наказаніе принято у татаръ и именуется *фалаига*.

вершенно прекратилась, потому что комерческіе люди переселились отчасти въ Евпаторію, а отчасти въ Ѳеодосію. Съ этого времени Карасубазаръ началъ приходить къ упадку и обитатели его по необходимости предались садоводству и хлѣбопашеству. Въ этихъ занятіяхъ имъ совершенно не приходила на мысль зависимость отъ русскихъ и можетъ быть еще нѣсколько лѣтъ они не почувствовали-бы ея, еслибъ не послѣдовало повѣленія, отъ князя Потемкина, построить для императрицы Екатерины Великой дворецъ, въ постройкѣ котораго принимали участіе всѣ почти горожане. Дворецъ этотъ, какъ извѣстно, воздвигался только для ночлега мудрой государыни, но карасубазарцы долго воображали, что въ немъ, по примѣру хановъ, повременамъ будутъ проживать русскіе цари. Это ничтожное повидимому обстоятельство, снова возбудило въ духовенствѣ страхъ и послужило къ тому, что въ Карасубазарѣ не осталось почти ни одного дервиша.

До настоящаго времени мы говорили о прошлыхъ временахъ Карасубазара,—теперь обратимъ вниманіе на современное состояніе его.

Городъ этотъ, какъ замѣчено было раньше, расположенъ на обширной равнинѣ, имѣющей въ центрѣ едва примѣтную для глазъ впадину. Положеніе это имѣетъ то непріятное неудобство, что при сильныхъ дождяхъ и частыхъ разлитіяхъ Карасовки, большая половина зданій и дворовъ заливается водою, а узкія улицы, въ которыя рѣдко когда проникаютъ солнечные лучи, превращаются въ грязные каналы, мѣстами въ аршинъ глубиною. Послѣднее послужило поводомъ выдумать, что Карасубазарцы, выходя изъ дому въ дожливое время, прощаются съ домашними своими такъ, какъ бы рискуя не возвратиться. Естественно, что при такихъ условіяхъ жители этаго города не пользуются благорастворенным воздухомъ и часто дѣлаются жертвами болѣзней, происходящихъ отъ излишней влажности почвы.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Карасуба-

зарѣ обитаетъ около 16 тысячъ человѣкъ къ 4102 домахъ. Кромѣ этого въ немъ 1144 лавки съ заводами и различнаго рода заведеніями, 23 мечети, 3 медресе (татарскія семинаріи), 15 мектебе (училищъ), 4 христіанскихъ храма и два частныхъ училища. Народонаселеніе его состоитъ изъ татаръ, армяно-католиковъ, армяно-григорьянъ, грековъ, и въ незначительномъ числѣ, русскихъ. Если татаре составляютъ въ немъ наибольшую числительность, то армяне католическаго исповѣданія, считаются самыми богатѣйшими. Послѣдніе имѣютъ свой судъ, именуемый римско-католическимъ и громадный костелъ, едвали не лучшій изъ всѣхъ костеловъ въ Таврической губерніи.

Занятія всего народонаселенія состоитъ въ слѣдующемъ: татаре большинствомъ заняты хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, огородами, выдѣлкою сафьяновъ приготовленіемъ изъ нихъ разнаго рода обуви, сѣделъ, плетокъ, уздечекъ, кушаковъ, мячиковъ и кисетовъ; другіе преданы токарному искусству; третьи выдѣлываютъ чубуки; четвертые ножи; пятые бурки и войлоки; шестые трубки изъ черной и красной глины; седьмые шьютъ шубы, а послѣдніе содержатъ рѣзницы; немногіе-же изъ нихъ имѣютъ свѣчные и мыловарные заводы.

На долю армяно-католиковъ выпала торговля красными товарами, выдѣлка хлопка, плетеніе шелковыхъ и мишурныхъ шнурковъ; греки-же и григоріяне занимаются различными ремеслами изъ числа указанныхъ, и отчасти имѣютъ черепичные и кирпичные заводы. Изъ всѣхъ занятій Карасубазарцевъ собственно имъ принадлежитъ приготовленіе на весь Крымъ глиняныхъ трубокъ и такъ называемыхъ *суджуковъ* и *пастырма*. Суджукъ есть колбасы, приготовляемые изъ говядины съ небольшою примѣсью чеснока, а пастырма—искуснымъ образомъ завяленное воловье мясо, которое не подвергается порчѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Послѣдніе изготовляются только армянами. Кромѣ этого, Карасубазарскій рынокъ отличается отъ прочихъ крымскихъ поразительною дешевизною всѣхъ вообще предметовъ и жизненныхъ продуктовъ, что и служитъ

главнѣйшею причиною съѣзда сюда большинства сельскихъ жителей. Перекопскаго и отчасти Симферопольскаго, Ѳеодоссійскаго и Евпаторійскаго уѣздовъ.

Въ наше время въ Карасубазарѣ встрѣчается много построекъ въ европейскомъ вкусѣ, но они рѣшительно не имѣютъ никакой привлекательности, вслѣдствіе нахожденія въ узкихъ и грязныхъ переулкахъ; центръ-же города состоитъ изъ безчетнаго числа крошечныхъ темныхъ лавочекъ. Глядя на нихъ невольно представляешь патріархальную простоту туземнаго населенія: все лежитъ въ безпорядкѣ, а покупщики въ полулежачемъ положеніи курятъ изъ длинныхъ чубуковъ и внимательно слушаютъ краснорѣчиваго армянина—купца, постановившаго за правило не упускать изъ лавки никого безвыгодно для себя. Не менѣе страннымъ мнѣ показалось расположеніе лавокъ: около пекарни виситъ десятокъ облупленныхъ барановъ, тутъ-же продажа свѣчей, харчевня и кучи фруктовъ, а вокругъ этого, расположилась стая голодающихъ собакъ всевозможныхъ возрастовъ, цвѣтовъ и породъ. Проходя мимо подобныхъ рядовъ, того и гляди, чтобы не облили помоями или не ранили кускомъ кости, вылетающей изъ подъ топора мужественнаго рѣзника.

Если Карасубазаръ самъ не представляетъ ничего пріятнаго для глазъ, то ближайшія окрестности его и именно сады, идущіе по теченію Карасовки, заслуживаютъ вниманія со стороны каждаго посѣтителя; но дальше ихъ—видъ не утѣшителенъ: съ одной стороны горы, покрытыя дубнякомъ, съ другой красновато глинистая степь, а съ остальныхъ мѣловатые холмы съ складками и морщинами, изрѣзанными дождевыми потоками.

Въ заключеніе мы должны сказать, что внутренность Карасубазара напоминаетъ намъ вполнѣ азіятскіе города и едвали физіогномія эта измѣнится до тѣхъ поръ, пока непослѣдуетъ насильственнаго переобразованія его улицъ. Намъ удивительно, что городъ этотъ, имѣя возможность раскинуться во всѣ стороны на громадное разстояніе, сплотнился до такой степени, что

не мыслимо проѣхать двумъ экипажамъ. Безжизненный видъ его дополняется отсутствіемъ оконъ на улицу, но въ немъ, также какъ и въ Евпаторіи, всѣ дворы вымощены камнемъ и большинствомъ прикрыты тѣнью деревъ.

Изъ окрестностей его, нѣтъ ни одной чѣмъ-либо достопамятной, за исключеніемъ горы Ахъ-каи, которая по мнѣнію однихъ въ ханскія времена служила мѣстомъ погребенія казненныхъ, а по другимъ съ нея сбрасывались преступники. Гора эта въ мое дѣтство памятна была старикамъ тѣмъ еще, что на ней мурзы Ширинскіе волновали татаръ противъ послѣдняго хана *) и что на ней Карасубазарскіе татаре приняли первую присягу за себя и дѣтей быть вѣрноподданными Россіи. Кромѣ этого, мнѣ разсказывали, что у подножія ея нѣкогда Русскіе разбили Турко-татарскія войска и проникли въ городъ, который превратили въ груду камней. Разсказъ этотъ напоминаетъ намъ внезапное нашествіе отрядовъ графа Ласси въ 1737 году, разгромившаго подъ Карасубазаромъ турецкій укрѣпленный лагерь, въ которомъ находилось до 15 тысячъ войска.

Бахчисарай.

Столица Крымскихъ хановъ.

Въ 30-ти верстномъ разстояніи отъ Севастополя и Симферополя, между степью и горными возвышенностями въ сосѣдствѣ Алминской, Качинской и Бельбекской долинъ, орошаемыхъ плодоносными рѣками, въ глубокой впадинѣ, обставленной живописными скалами, изобилующими отрадными источниками воды, расположена бывшая столица Крымскихъ хановъ— Бахчисарай. Одно имя этого, нѣкогда страшнаго для Россіи, города воскрешаетъ въ памяти нашей тысячи воспоминаній.

Когда я въ первый разъ очутился предъ этимъ городомъ,

*) Вслѣдствіе чего она долго именовалась Ширинъ-кая.

мнѣ не хотѣлось вѣрить, чтобы въ немъ обитали тѣ грозные повелители наши, которые смотрѣли на милліоны русскихъ, какъ на рабовъ, созданныхъ Аллахомъ для ихъ нуждъ и блаженствъ— до того видъ его оказался обителью скромности, спокоя и молитвы, между тѣмъ какъ на дѣлѣ въ этихъ пестрыхъ домикахъ, прикрытыхъ вѣтками грѣцкихъ орѣховъ, еще не такъ давно, жили наши безжалостные тираны, а на этихъ минаретахъ кричали тѣ муллы-фанатики, которые, подстрекая вражду, быстрыми шагами вели народъ къ лишенію его политической самостоятельности.

По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, на мѣстѣ, нынѣ занятомъ Бахчисараемъ, нѣкогда существовали города Бадатіонъ и Палакіонъ—и что здѣсь будто Тавро-скиѳскій царь Скирулъ, скрывшись съ остатками своихъ войновъ отъ преслѣдованія военачальниковъ Митридата Понтійскаго, покончилъ жизнь свою съ мудрымъ завѣщаніемъ, принятымъ за девизъ Голландской республики.

Мы въ свою очередь готовы признать, что въ Бахчисарайской котловинѣ обитали Тавро-скифы, но только здѣсь не могъ-бы скрыться Скирулъ отъ побѣдоносныхъ войскъ Митридата, а что онъ засѣлъ въ недоступную крѣпость, созданную имъ на вершинѣ сосѣдняго Бахчисарая, Чуфутъ-кале—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

О времени занятія Бахчисарая татарами мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но знаемъ, что раньше ихъ здѣсь было греческое поселеніе Марьяно, съ тѣмъ самымъ пещернымъ храмомъ во имя Успенія Богородицы, который до настоящаго времени стоитъ въ неизмѣненномъ видѣ. Селеніе это повидимому, въ первобытныя времена, ограждено было крѣпкою стѣною, остатки которой лѣтъ 30-ть тому назадъ, извѣстны подъ названіемъ Біюкъ-исара около Оксюзъ-джами и предмѣстья ханъ-джуматы, разобраны окончательно на городскія постройки. Впослѣдствіи, въ недальнемъ разстояніи отъ него, татаре основали юртъ, названный ими Хыркъ-еромъ или *мѣстомъ сорока*, нынѣ извѣстнымъ подъ именемъ эски-юрта, т. е. стараго обиталища. Слѣды

этого юрта находятся въ предмѣстіяхъ нынѣшняго города, между Азизомъ и Акъ-Чекракъ. Преданіе гласитъ, что Кыркъеръ основанъ сорока семействами татаръ за долго до перенесенія сюда столицы. Семейства эти безропотно составляли частицу одного изъ отрядовъ тѣхъ пяти оджаковъ или племенъ, которыя, присвоивъ себѣ Бахчисарайскую округу, сочли нужнымъ устроить здѣсь поселеніе съ мѣстопребываніемъ начальника или предводителя, для взиманія гарача съ порабощенныхъ обитателей. Сколько времени въ такомъ положеніи находились жители Маріина села—неизвѣстно, потому что неизвѣстно, когда именно переселились сюда ханы. По разсказамъ однихъ, резиденція основана здѣсь Худа-Берде-ханомъ, другіе относятъ Хаджи-гирей-хану, а послѣдніе Менгли-гирею. Намъ кажется, что это произошло нераньше гибели генуэзскихъ факторій въ Крыму т. е. послѣ 1475 года. Слѣдовательно Бахчисарай сдѣлался столицею послѣ того времени, какъ Турки заняли Ѳеодосію и Менгли-гирей-ханъ возвратился изъ Константинополя. Между тѣмъ народное преданіе говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Мѣстоположеніе Бахчисарая,—по изобилію водяныхъ источниковъ, скрытому отъ вліянія вѣтровъ и вообще по заманчивой уютности, которая всегда нравится азіятскимъ народамъ,—не могло быть незамѣченымъ монгольскими ханами, мало интересующимися значеніемъ резиденціи въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Все это замѣчено было Худа-Бердеханомъ, при объѣздкѣ Крымскаго полуострова и онъ чрезвычайно грустилъ, что сначала царствованія своего въ Тавридѣ не основалъ въ Бахчисараѣ резиденціи. Эта мѣстность возбудила не менѣе сильное впечатлѣніе и на сына его, Девлетъхана, который, необращая вниманія на народный ропотъ, положилъ переселиться въ сосѣдство Маріина села и приказалъ построить здѣсь дворецъ для себя и придворныхъ служителей. Естественно, что примѣру его послѣдовали всѣ родственники и государственные сановники. Когда-же воцарился Мингли-гирей-ханъ, тотъ самый, который воспитывался около 8 лѣтъ у гену-

эзцевъ, онъ, при содѣйствіи лучшихъ итальянскихъ архитекторовъ, расширилъ отцовскій дворецъ, воздвигъ сотни фонтановъ и, переселившись сюда, немедленно приступилъ къ устройству новаго дворца у лѣваго подножія Чуфутъ-кале, подъ именемъ Ашлама. Дворецъ этотъ долженъ былъ быть самымъ роскошнымъ въ мірѣ, но такъ какъ этотъ ханъ былъ чрезвычайно скупъ и не хотѣлъ платить мастеровымъ и чернорабочимъ, то постройка шла до того медленно, что нетерпѣливый ханъ предалъ ее проклятію и самъ пожелалъ, чтобы никогда оджакъ этого дворца не дымился *). Затѣмъ онъ приступилъ къ устройству новаго обширнаго зданія для себя въ Салачикѣ, которое получило названіе Ишлеме-сарай и которое, впослѣдствіи перестроенное Асланъ-гиреемъ, кажется, присоединено было къ воздвигнутой, первымъ ханомъ, семинаріи".

Судя по числу этихъ построекъ, Менгли-гирей-ханъ долженъ быть признанъ основателемъ Бахчисарая и первымъ государемъ, окончательно переселившимся сюда. Однако, не подвергается сомнѣнію и то, что Крымскіе ханы имѣли, по крайней мѣрѣ за два столѣтія раньше его, свой укрѣпленный замокъ на вершинѣ Чуфутъ-кале, куда скрывались въ минуты опасности при международной войнѣ, возбуждаемой золото-ордынскими принцами, въ качествѣ наслѣдниковъ крымскаго престола и вообще при частыхъ сраженіяхъ съ генуэзцами, какъ извѣстно, укрѣпившимися въ Ѳеодосіи, отстоящей отъ столицы хановъ, Эски-Крыма, въ 8 часовомъ разстояніи.

Бахчисарай всегда считался въ Крыму однимъ изъ большихъ городовъ по народонаселенію, хотя это трудно замѣтить съ возвышенностей, въ глубинѣ которыхъ онъ покоится. Онъ начинается съ одной стороны нашими казармами или вѣрнѣе низменностію, носящею названіе *Ахъ хачь*. Значеніе этого слова на татарскомъ языкѣ, имѣетъ двоякій смыслъ: въ первомъ случаѣ *ахъ хачь* значитъ бѣлый крестъ, въ послѣд-

*) Читатель, вѣроятно, помнитъ сказанное нами объ этомъ дворцѣ и убѣдится, что татаре путаются въ именахъ хановъ, разсказывая событія изъ жизни ихъ.

немъ: ахъ бѣги! По словамъ однихъ здѣсь стоялъ бѣлый крестъ; по разсказамъ-же другихъ, отсюда въ безпорядкѣ бѣжали ханскіе войска въ 1736 г., при нашествіи русскихъ. Отъ Ахъ-хача къ югу расположено предмѣстье города Азизъ и эски-юртъ, при которыхъ находится мѣстность подъ именемъ *кучукъ ахъ хача* т. е малаго бѣлаго креста. Азизъ въ переводѣ значитъ святой. Именемъ этимъ названо предмѣстіе, потому что здѣсь, по вѣрованію татаръ, покоится просвятившійся единовѣрецъ ихъ: Мелекъ Аджидеръ, при которомъ постоянно живетъ шейхъ, обладающій нѣсколькими волосинками изъ бороды Магомета и знаменитою молитвою, написанною будто-бы пророкомъ противъ всѣхъ болѣзней. Молитва эта извѣстна въ Крыму подъ именемъ *Алтынъ-дуа*, т. е. золотой, и доставляетъ громадный доходъ шейху, такъ какъ онъ одинъ вправѣ снабжать ею больныхъ. Кромѣ этихъ мусульманскихъ святостей, около Ахъ-хача на кладбищѣ и около дороги, татары указываютъ еще на три священныя могилы и именно: Шеихъ-Мемедъ-эфендія, который просвятился за то, что никогда не спалъ, Киль-Гирена, занимающагося торговлею килемъ или землянымъ мыломъ и Хатанъ-Усеинъ эфенди, учившаго дѣтей безплатно. По разсказамъ татаръ въ Азисѣ, кромѣ Мелекъ-Аджидера, покоится также просвятившійся какой-то цыганъ за то, что во время изана или призыва на молитву, онъ прекращалъ работу свою. Когда онъ умеръ и его хотѣли вынести, никто этого не могъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не прекратился изанъ. По ихъ мнѣнію существующая древняя двухъ-этажная мечеть въ Азисѣ построена въ честь этого цыгана; но именуется Меликъ-аджидеромъ, во славу котораго создана благочестивыми мусульманами *теке* или монастырь для юродивыхъ и дервишей. Изъ другихъ памятниковъ въ этомъ предмѣстіи и эски-юртѣ, существуютъ еще двѣ гробницы, о которыхъ сказано будетъ въ археологическомъ отдѣлѣ.

Отъ Ахъ-хача и Азиса, Бахчисарай направляется по всему ущелью или котловинѣ, версты на четыре въ длину до послѣдняго предмѣстья своего Салачикъ, сосѣдняго успенскому мо-

настырю и Чуфутъ-кале. Въ этомъ предмѣстіи татаре признаютъ, мѣстомъ вѣчнаго покоя просвятившагося Джигитъ-Аметъ-эрена, который будто здѣсь перескочилъ верхомъ чрезъ все ущелье. Въ подтвержденіе разсказываютъ, что будто пика этого героя до настоящаго времени, находится въ расщелинѣ скалъ и что подъ всякую пятницу предъ нею горитъ зеленая свѣча, какъ знакъ всевышняго благоволенія Аллаха.

Самымъ широкимъ мѣстомъ Бахчисарайской котловины можно признать часть, сосѣдственную ханскому дворцу, но и она не имѣетъ протяженія болѣе версты. По этой линіи около Оксюзъ-джами въ ханскія времена сохранялась въ цѣлости древняя стѣна, за которою имѣли свои дворцы исключительно высшіе государственные сановники; тамъ-же, около Орта-джами, по словамъ туземцевъ, покоится ихъ святой Сеитъ-Меметъ-еренъ; а на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ находились городскія укрѣпленія: Мезли-хане (земляныя насыпи) и Топъ-хая (гора-пушекъ). Вдоль всего города проходитъ одна улица, мѣстами вымощенная крупнымъ камнемъ, отъ нея уже идутъ на право и на лѣво едва примѣтные проулки, посредствомъ которыхъ сообщаются жители съ своими домами. По протяженію всего города протекаетъ довольно большой ручей Чурукъ-су (гнилая вода). Рѣчонка эта названа такъ вслѣдствіе того, что со всѣхъ дворовъ, сосѣдственныхъ къ ней, извергаются сюда нечистоты. Въ дальнѣйшемъ протяженіи она, какъ изобилующая удобреніями почвы, считается плодотворною въ особенности для огородныхъ овощей и именно капусты и баклажановъ, которые и разводятся здѣсь въ значительномъ количествѣ туземными татарами. Всѣ почти бахчисарайскія зданія воздвигнуты въ чисто-азіатскомъ вкусѣ въ два этажа съ балконами и окнами на дворъ, который окруженъ высокими оградами. Зданія эти, большинствомъ низкія и мрачныя, отличаются отъ прочихъ татарскихъ, роскошною меблировкою вещами, сохранившимися еще со временъ ханства. Каждый дворикъ вымощенъ каменными тротуарами и засаженъ рослыми деревьями и виноградными лозами *асма*,

обладающими свойствомъ разростаться на столько, что нерѣдко, при помощи подставокъ, прикрываютъ весь дворъ отъ солнечныхъ лучей и приносятъ изумительное множество винограда. По главной улицѣ расположены исключительно лавки и заѣзжіе дворы, гдѣ чуть-ли не на всякомъ шагу попадаются фонтаны съ восхитительною водою. Вообще-же видъ Бахчисарая съ его густыми постройками и минаретами, представляетъ заманчивую картину для пылкаго воображенія путешественника. Въ отдѣльности-же лучшими частями его можно признать слѣдующія мѣстности:

Чуфутъ-кале, выдавшійся въ видѣ воздушнаго мыса съ Ю. В. въ центрѣ ущелья, которое, раздѣливъ на два дефиле, образовалъ справа восхитительный входъ, извѣстный подъ именемъ Ашлама, а съ лѣва—оврагъ Успенскаго монастыря. Первый, при ровности своей, обставленъ по бокамъ гигантскими скалами живописной конструкціи, а послѣдній, начинаясь Исафатовою долиною, останавливающею вниманіе путника, знаменитымъ Караимскимъ кладбищемъ, прекращается не менѣе знаменитою по древности христіанскою пещерною церковью, нынѣ Успенскимъ монастыремъ. Храмъ этотъ прорубленъ въ отвѣсѣ одной изъ самыхъ высшихъ точекъ скалы, куда достигаютъ по лѣстницѣ, изсѣченной на сплошной массѣ известняка. Церковь эта можетъ вмѣстить въ себѣ до 200 человѣкъ и спереди имѣетъ балконъ, откуда представляется видъ на живописный оврагъ и монастырскія постройки, состоящія изъ келій, прорубленныхъ въ той-же скалѣ, трапезной, гостинницы, архимандритскаго жилища и различныхъ аппартаментовъ. Всего интереснѣе видъ на предмѣстіе Салачикъ, покоющееся въ группѣ садовъ и разнообразной формы скалъ. Успенскій монастырь дважды въ годъ представляетъ величественное зрѣлище, а именно 15 августа, въ день храмоваго праздника и на 9-й день послѣ онаго. Къ этимъ двумъ праздникамъ съѣзжаются сюда, кромѣ множества русскихъ, почти всѣ обитающіе въ сосѣднихъ селахъ и городахъ греки туземнаго происхожденія, тѣ самые греки, пращуры

которыхъ обязаны сохраненіемъ христіанской религіи этому монастырю, неперестававшему отправлять богослуженіе въ тѣ времена, когда татаре употребляли всевозможныя мѣры сокрушить этотъ храмъ, нетерпимый ими уже потому, что находился въ ихъ столицѣ и могъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ заслужить покровительство со стороны хановъ.

Теперь обратимся къ городскимъ достопримѣчательностямъ и посмотримъ какимъ встрѣчали Бахчисарай Русскіе путешественники и войска при нашествіи въ 1736 году. Къ числу древнѣйшихъ построекъ этаго города принадлежатъ нѣсколько мечетей и медресе салачинскаго предмѣстья. Это послѣднее до настоящаго времени продолжаетъ быть высшимъ татарскимъ училищемъ въ Крыму, имѣя до 300 воспитанниковъ, свою мечеть, сады, лавки и огороды, которые обезпечиваютъ содержаніе преподавателей и другія потребности заведенія. Вторымъ считаютъ ханскую обитель, которая превращена впослѣдствіи въ комнату фонтановъ, сосѣдственную нынѣ съ придворною мечетью. Комната эта представляетъ мрачный видъ въ чисто азіятскомъ вкусѣ по устройству фонтановъ. Дальнѣйшія части дворца, составляющія продолженіе первобытнаго сераля, не существуютъ съ того вѣроятно времени, какъ воздвигнутъ новый. Третьимъ историческимъ сооруженіемъ по древности называютъ мостъ, переброшенный, въ виду дворца, чрезъ Чурукъ-су. По народному преданію здѣсь обезглавливали всѣхъ тѣхъ, кто заслуживалъ этого по магометанскому шираату и воли самодержавныхъ хановъ. Четвертую древность составляютъ главныя двери при входѣ во дворецъ, гдѣ сохранились надписи о томъ, что владѣтель этого сераля — Менгли-гирей-ханъ и что входъ этотъ сооруженъ по повелѣнію его въ 1503 г. Р. Х. Затѣмъ слѣдуетъ придворная мечеть Біюкъ-джами надъ дверьми которой написано, что она построена Селяметъ-гирей-ханомъ въ 1740 г. и ремонтирована Крымъ-гиреемъ въ 1762 г. Мечеть эта есть обширнѣйшая изъ всѣхъ крымскихъ. Не оставляемая татарами до настоящаго времени, она сохраняетъ свои перво-

бытныя убранства съ канделабрами, украшенными страусовыми яйцами и надписями по стѣнамъ, выражающими свойства божества, а въ другихъ мѣстахъ стихи изъ Корана. Одна изъ хоръ этой мечети сообщается съ дворомъ серали. По преданію, здѣсь молились всѣ Крымскіе ханы, незамѣчаемые народомъ. По запискамъ барона Ингельстрома при этой мечети въ ханскія времена состояло служителей 57 человѣкъ и именно: 1 хатибъ, 2-е муллъ, 6 муэзиновъ, 3 каіюма, 1 мутевели, 30 деврихуновъ или вседневныхъ чтецовъ корана, 10 отдѣльныхъ рамазанскихъ деврихуновъ, 1 курси-шеихъ (проповѣдникъ), 2 кютюбъ-хане мухафиза (библіотекаря) и 1 дере-самъ или учитель богословія. Всѣ они получали жалованье изъ казны на счетъ таможенныхъ сборовъ изъ Евпаторіи. Въ настоящее-же время при мечети этой неболѣе трехъ служителей, которые содержатся общественнымъ подаяніемъ самой ничтожной части народонаселенія, посѣщающей этотъ молитвенный домъ. Невдали отъ этой мечети находится другая, извѣстная подъ именемъ Ешиль-джами т. е. зеленой мечети. Храмъ этотъ построенъ Крымъ-гирей-ханомъ въ честь любимой наложницы своей Дилара-бикечь той самой таинственной женщины, которая нѣкоторыми изъ поэтовъ нашихъ признана за Марію Потоцкою. Мечеть эта названа зеленою, потому что покрашена была зеленымъ цвѣтомъ. На внутреннихъ стѣнахъ ея сохранилось много надписей въ честь Аллаха и одна такого содержанія: да будетъ милосердіе Божіе надъ Диларою 1764 г. Въ настоящее время Ешиль-джами превращена въ теке или мѣстожительство афузовъ или юродивыхъ, подвязавшихся служенію Бога, но формальнаго богослуженія или призыва людей на молитву съ минарета здѣсь не существуетъ по слѣдующей, какъ мнѣ говорили греки, причинѣ: при пріѣздѣ въ Бахчисарай императрицы Екатерины, часовому, поставленному у дворца, приказано было строго слѣдить за тишиною на улицѣ. Какъ вдругъ, въ полночь, на минаретъ Ешиль-джами взобрался мулла и началъ кричать. Солдатъ въ предположеніи, что онъ съ цѣлью нару-

шаетъ покой царицы или замышляетъ не доброе троекратно заставлялъ его замолчать, затѣмъ прицѣлился и выстрѣлилъ изъ ружья. Минуту спустя ревностный мусульманинъ испустилъ послѣднее дыханіе у подножія минарета. Съ этихъ поръ татаре, признавъ минаретъ окровавленнымъ, покинули его навсегда.

Изъ сказанія русскаго священника Іоакова, бывшаго въ Крыму въ 1634—35 годахъ съ посломъ Дворяниновымъ, видно, „что въ Бахчисараѣ была христіанская церковь велика и высока, но превращена въ мечеть и царь ходитъ въ нее по своему молиться, въ предмѣстьи-же Искиюртѣ, отъ Бахчисараевъ съ версту, церковь зѣло велика и была украшена вельми, нынѣже сдѣлана мечетью, а кладутся въ ней Крымскіе цари и царевичи, а татарове отнюдь не кладутся. Около тѣхъ мѣстъ многія христіанскія церкви: иныя разорены, а въ иныхъ службы совершаются и до днесь отъ грекъ“.

Почтенный авторъ этихъ строкъ повидимому намекаетъ на нынѣшнюю ханскую и мелекъ-аджидерскую мечети, но это предположеніе выведено было имъ лично безъ всякихъ основаній въ убѣжденіи, что мусульмане не могли строить красивыхъ молитвенныхъ домовъ, а отбирали ихъ отъ порабощенныхъ христіанъ. О существованіи другихъ церквей, кромѣ успенской пещерной, мы также ничего не слыхали отъ туземныхъ грековъ; нынѣшняя-же городская не такъ давно построена на счетъ Калига.

По запискамъ, оставленнымъ намъ Минихомъ, послѣ побѣдоноснаго 1736 года, видно, что столица Крымскихъ хановъ и въ то время имѣла современный видъ. Вотъ что записано объ этомъ городѣ въ военномъ дневникѣ фельдмаршала: „Бахчисарай тянется въ видѣ длинной улицы съ запада къ востоку между скалами и утесами въ глубокой низменности, такъ что городъ вовсе не замѣчается, пока не дойдешь до вышеупомянутаго ущелья, пробитаго въ скалѣ. Городъ состоитъ изъ 3000 порядочно выстроенныхъ домовъ, въ томъ числѣ и дворецъ

ханскій, о которомъ можно сказать, что онъ безъ сомнѣнія уступаетъ немногимъ только, если не великолѣпіемъ, то изящнымъ видомъ.“ Послѣднее мнѣніе несправедливо, потому что дворецъ крымскихъ хановъ былъ и будетъ замѣчательнѣйшимъ и единственнымъ въ Тавридѣ памятникомъ архитектурнаго искуства.

Въ замѣткѣ, напечатанной въ XVIII томѣ журнала Neue Europaeische, принадлежащей одному изъ вступившихъ въ Крымъ одновременно съ фельдмаршаломъ Минихомъ говорится слѣдующее: „Городъ Бахчисарай, резиденція хана, лежитъ въ глубокой, весьма узкой долинѣ среди скалъ. Верхняя часть города раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ первая была населена христіанами различнаго происхожденія и вѣроисповѣданія, въ особенности-же греками и армянами, которые тамъ имѣли даже церковь, но она была разрушена татарами когда мы приближались. Другая наибольшая часть города населена татарами; здѣсь-же находится ханскій дворецъ. Въ городъ въѣзжаютъ одними только крутыми, изсѣченными въ скалѣ дорогами, за исключеніемъ западной стороны, гдѣ въ большой долинѣ находится предмѣстье, чрезъ которое мы шли къ Бахчисараю. По описанію М. Броневскаго, бывшаго въ Бахчисараѣ въ 1578 г. въ качествѣ посланника, мы встрѣчаемъ слѣдующее: „дворцы или дома ханскіе находятся въ срединѣ полуострова. Тамъ есть небольшой городокъ и первый каменный домъ, въ которыхъ живетъ ханъ, называется Бахчисарай, городокъ расположенъ между двумя горами; посрединѣ его протекаетъ ручей, отъ котораго городъ получилъ названіе. Возлѣ города построены каменная мечеть и гробница хановъ изъ развалинъ христіанскихъ. Неподалеку также отъ города, изъ развалинъ греческихъ, выстроенъ монастырь магометанскій и многія татарскія гробницы. Въ концѣ есть другой городъ, называемый Салачикъ съ хорошими домами, построенными турецкими жителями. Ханскій дворецъ, древними татарскими государями, великолѣпно украшенъ зданіями, мечетями, гробницами и банями. Ханы нерѣдко уда-

ляются въ этотъ дворецъ съ женами, потому что это мѣсто или положеніе дворца очень благопріятно для охоты. Тамъ есть сады яблоней и другихъ плодовъ, виноградники и прекрасныя поля, орошаемыя чистыми ручьями.

Таковымъ былъ Бахчисарай до входа нашихъ войскъ въ 1736 г. Война эта обошлась ему потерею четвертой части построекъ, погибнувшихъ отъ пожара. При этомъ сдѣлались жертвою пламени постройки Іезуитской миссіи и замѣчательной библіотеки ихъ, частью сожженной, а частью затопленной виномъ, найденнымъ казаками въ погребахъ, куда спрятаны были іезуитами лучшія книги и рукописи. Пожаръ этотъ поглотилъ западную часть города т. е. которая занята была мелкими постройками и наиболѣе бѣднѣйшею частью народонаселенія. Когда-же войска наши отступили, возвратившіеся жители, при помощи правительства, снова поселились здѣсь и такимъ образомъ наружность Бахчисарая нисколько не измѣнилась. Напротивъ многое въ немъ улучшилось, въ томъ числѣ и ханскій дворецъ, сильно пострадавшій отъ огня. Вотъ что говоритъ преданіе объ этомъ страшномъ нашествіи русскихъ: „какъ только верховые сообщили, что гяуры въ огромной массѣ направились на столицу нашу, къ которой со дня существованія ея, еще никто изъ непріятелей не дерзалъ подступить, горожане, въ сознаніи невозможности разбить его или отогнать, начали собираться къ побѣгу, захвативъ съ собою наиболѣе цѣнныя и необходимыя вещи, часть ихъ направилась въ Балаклаву и Севастополь, чтобы оттуда пересѣсть на суда и бѣжать въ Константинополь, а другая бросилась въ горы съ тѣмъ, чтобы возвратиться по минованіи опасности. Всѣ ханскія сокровища со всѣхъ дворцовъ, съ женами и дѣтьми, также отправлены были въ Балаклаву, гдѣ стояли на готовѣ суда, имѣющія увезти повелителя съ его семействомъ въ Турцію, на случай если непріятель задумаетъ преслѣдовать двинувшіеся въ безпорядкѣ къ горамъ войска наши. Словомъ Бахчисарай совершенно опустѣлъ; остались только христіане, греки и армяне,

которымъ бѣжавшіе начальники города поручили по возможности воздерживать русскихъ отъ разрушенія построекъ. Десять дней спустя, большинство народонаселенія возвратилось въ свои жилища и открыли закопанныя въ дворахъ домашнія принадлежности; но ханъ съ семействомъ не могъ поселиться въ Бахчисараѣ, по случаю значительныхъ поврежденій, происшедшихъ отъ пожара въ его сералѣ. Послѣ этого событія Бахчисарай около двухъ лѣтъ терпѣлъ недостатки и вообще вяло подвигались коммерческія дѣла, раззоренной и значительно ограбленной страны. Для обѣднѣвшихъ татаръ оставалось единственное средство усилить нападенія на русскія земли, чтобы возвратить потерянное и такимъ образомъ войдти въ первобытное положеніе".

Сдѣлавъ очеркъ древнимъ зданіямъ татарской столицы, обратимъ теперь вниманіе въ какомъ положеніи она находилась во время присоединенія къ Россіи и чѣмъ отличалась отъ прочихъ городовъ ханства. По запискамъ Сумарокова, посѣтившаго Тавриду въ 1802 году, значится, что въ это время обитало въ Бахчисараѣ 2645 душъ мужскаго и женскаго пола; но свѣдѣніе это, при соображеніи, что при послѣднемъ ханѣ находилось здѣсь 1432 двора, не можетъ быть признано нами справедливымъ *). Бывшая-же въ немъ, въ 1786 году, англійская путешественница миледи Кравенъ, считая недостойнымъ сообщить о народонаселеніи, только что вошедшаго въ наше владѣніе, Бахчисарая, замѣтила въ немъ слѣдующее: что ханы не входили въ мечеть, а слушали намазъ съ хоръ, на которыя вхо-

---

*) По разсказу-же Палласа въ немъ было 1561 дворъ и 5776 жителей 31 мечеть, 1 греческая и 1 армянская церковь, 21 погребъ, 17 кофеинь, 5 мельницъ и 517 лавокъ, изъ которыхъ: 121 мануфактурныхъ, 41 сѣдельныхъ 135 бакалейныхъ, 24 башмачныхъ, 23 ножныхъ, 5 лудильныхъ, 10 цирюленъ, 19 портныхъ, 6 золотыхъ дѣлъ, 5 оружейныхъ, 8 сапожныхъ, 20 пекарень, 13 бузень. 9 лѣсныхъ, 8 бондарень, 5 веревочныхъ, 7 бурокъ и фесковъ, 4 гончарныхъ, 13 свѣчныхъ, 5 трубочныхъ, 6 кузень, 7 токарныхъ и 13 кожанныхъ и сафьянныхъ.

дили съ дворцоваго двора, что видѣла у сестры каймакама браслетъ съ дорогими изумрудами, что въ ханскомъ дворцѣ надписи были золотыя и что Бахчисарай, въ ея время, производилъ торговлю саблями и ножами, которые такъ были хороши, что не уступали дамаскимъ. Кромѣ этихъ записокъ, мы другихъ не имѣемъ и слѣдовательно опять приходится обратиться къ разсказамъ старожиловъ. По ихъ преданіямъ, Бахчисарай, какъ столица и средоточіе представителей религіозной цивилизаціи и разнаго рода ремесленниковъ, всегда заключалъ большое народонаселеніе не только мусульманъ, но и христіанъ. Кромѣ этого, сюда ежедневно почти стекались покупщики различныхъ издѣлій не съ одного Крымскаго полуострова, но и съ Ногайскихъ степей до Буджака. Здѣсь распродавались черкесами табуны лошадей и овецъ, здѣсь искали заработковъ Персіяне, Бухарцы, Анадольцы и Турки и сюда свозились для распродажи лучшія произведенія крымской почвы; сюда стекались всѣ почти мусульманскіе шуристы (поэты), пѣснопѣвцы, сказочники, баядерки и джигиты-силачи, чтобы прельщать и забавлять огромнѣйшія толпы богатаго народонаселенія, проводящаго свои дни въ кофейняхъ и на площадяхъ и съ жадностію пожирающихъ, разносимые по улицамъ, прославленные вкусомъ, бахчисарайскіе *кебабы* (шышлыки) *плацинды* и *пеныръ-бореки* (сырные пирожки). Слава послѣднихъ до того была велика, что бахчисарайцевъ и до настоящаго времени именуютъ пеныръ-бореками Важнѣйшими ремесленниками, которыхъ въ Бахчисараѣ было огромное число, считались самыми зажиточными и счастливыми слѣдующіе: заготовляющіе сабли, ружья и ножи, мѣдную посуду сѣдла, бурки и ножную обувь, остальныя приготовляли сафьяны, плети, мячи, кушаки, шнурки и множество другихъ кожаныхъ вещей; къ третьему разряду принадлежали дѣлатели войлоковъ, токари, чубучники и т. п. Всѣ эти люди, пріобрѣтая значительныя средства къ жизни, ничего не щадили для роскошной обстановки своей, и, въ послѣдніе дни ханства, до того отличались отъ прочихъ татаръ ханства въ изысканности наря-

довъ, что Шагинъ-гирей, ханъ назвалъ ихъ *есма* или всемірными щеголями. Вотъ эти-то есма, вскорѣ превратившись въ гордыхъ гражданъ, пируя въ переднихъ роскошныхъ бань, предались изысканнымъ фразамъ бахчисарайскихъ муллъ и съумѣли возстановить народонаселеніе Крыма противъ послѣдняго хана, употреблявшаго послѣднія усилія, для поддержанія распадающагося царства.

Теперь обратимъ наше вниманіе на современное состояніе Бахчисарая, число жителей котораго, разумѣется съ предмѣстьями, простирается до 12 тысячь и занятія которыхъ, преимущественно, составляютъ потребность всего мусульманскаго народонаселенія Тавриды. Городъ этотъ, скрытый отъ вліянія сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, изобилующій водою и близлежащими лѣсами, въ дѣйствительности представляетъ одну изъ удобнѣйшихъ мѣстностей для жизни человѣка. Онъ, по прежнему, составляетъ средоточіе мусульманской мудрости и славится своими медресе и наставниками молодежи; здѣсь, какъ и прежде, татаре отличаются учтивостью, изысканностію нарядовъ и краснорѣчіемъ; здѣсь, какъ и искони, проживаютъ въ большомъ числѣ цыгане, съ артистическими способностями выдумывать пѣсни и разыгрывать ихъ на скрипкахъ, зурна (дудки), бубнахъ и барабанахъ и отсюда предпринимать путешествія по странѣ, съ цѣлью показать свое искуство и заработать средства къ жизни. Словомъ, здѣсь все является въ первобытномъ состояніи и не достаетъ только суевѣрныхъ дервишей, чтобы дополнить картину временъ ханскаго владычества. Бахчисарай и теперь славится искуствомъ прекраснаго приготовленія особеннаго рода ножей, съ которыми никогда не разлучаются татаре, трубокъ, чубуковъ, люлекъ, войлоковъ, бурокъ, серебряныхъ кушаковъ, колецъ и т. п. вещицъ; сѣделъ, шубъ, ходулей и различнаго рода обуви и сафьянныхъ вещей. Всѣ эти произведенія продаются по чрезвычайно добросовѣстнымъ цѣнамъ, что и служитъ заманкою, для жителей всей почти страны, пріѣзжать сюда. Кромѣ этого, Бахчисарай до настоящаго

времени служитъ пунктомъ сбора плодовъ всѣхъ почти садовыхъ произведеній южной части Крыма, которыя отправляются въ Россію. Въ этомъ городѣ все предано труду, молитвамъ и коммерческимъ сдѣлкамъ. Неумолкаемый шумъ и движеніе массы народа пріостанавливается только въ тѣ минуты, когда, на почернѣвшихъ отъ времени минаретахъ, покажутся бодрые муэзины съ приглашеніемъ правовѣрныхъ на молитву, тогда всѣ спѣшатъ къ фонтанамъ, чтобы совершить омовеніе и чистыми войти въ дома Аллаха, которыхъ здѣсь 35, (а при ханскомъ господствѣ было только 29). Кромѣ этой дѣятельности, во всѣхъ почти городскихъ кварталахъ не перестаютъ, въ теченіи всего дня, учиться грамотѣ городскія дѣти, за которыми зорко слѣдятъ учители, употребляя всѣ усилія сдѣлать изъ нихъ достойныхъ послѣдователей ислама. За ученіе это, наставникъ получаетъ по нѣсколько копѣекъ въ мѣсяцъ и никогда не ропщетъ на трудность принятой обязанности, потому что полное вознагражденіе онъ получитъ на небѣ. Духовенство здѣсь также не имѣетъ постояннаго содержанія и довольствуется случайными доходами отъ прихожанъ, за исполненіе религіозныхъ обрядовъ и съ вакуфныхъ недвижимостей, предоставленныхъ въ вѣчное владѣніе служителей мечети. Не смотря на всю ничтожность этихъ доходовъ, бахчисарайскіе муллы никогда не выражали жадности и напротивъ отправляютъ обязанности свои, не требуя у бѣдняковъ вознагражденія. Держа себя съ достоинствомъ, они до настоящаго времени пользуются большимъ вліяніемъ на простонародіе и разбираютъ охотно всякаго рода ихъ споры, тяжбы и недоразумѣнія.

Современное намъ народонаселенія Бахчисарая состоитъ изъ Татаръ, Цыганъ, Караимовъ, Грековъ и незначительной части Русскихъ, Евреевъ и Армянъ. Татаре занимаются исключительно сафьянными издѣліями и всѣми другими ремеслами, о которыхъ сказано было выше. Всѣ они имѣютъ благородный типъ лица, которымъ наслѣдовали отъ смѣси съ Греками, Черкесами, Генуэзцами, Турками, Поляками и малороссіянками.

Цыгане занимаются здѣсь перепродажею лошадей, кузнями, дѣланьемъ корзинъ, рѣшотъ, музыкальнымъ искуствомъ и добываніемъ *киля* или землянаго мыла, которое залягаетъ не въ дальнихъ окрестностяхъ города. Караимы, Греки и Армяне промышляютъ торговлею красныхъ и бакалейныхъ товаровъ и садовыхъ произведеній. Русскіе проживаютъ или въ качествѣ сосѣдственныхъ землевладѣльцевъ, служащихъ, или-же мастеровыхъ домостроителей. Что касается до жителей предмѣстій, то большинство изъ нихъ занимается огородами и хлѣбопашествомъ. Вообще, при общей дѣятельности жителей этого города и постояннаго наплыва коммерческаго люда, жизнь въ немъ чрезвычайно дешева, но замѣчательнѣе всего, что народонаселеніе Бахчисарая, до настоящаго времени, сохраняетъ наслѣдственныя правила честности, чистоту супружескихъ отношеній и чрезвычайную деликатность въ обращеніи даже съ дѣтьми.

На нравственность Бахчисарайцевъ и вообще на народныя привычки, не поблагопріятствовала отчасти послѣдняя крымская кампанія, когда здѣсь, почти на всякомъ шагу, появились шинки, различнаго рода авантюристы и авантюристки, грубое обращеніе нашихъ солдатъ и мелкихъ властей, считающихъ татаръ враждебными нашему правительству, тогда какъ въ сущности они давнымъ давно потеряли всякія стремленія къ политической независимости и находятъ лучшими благами на землѣ свободу исповѣданія религіи, независимость семейнаго быта и справедливый судъ противъ тѣхъ, которые посягнули-бы на ихъ національныя права.

Херсонесъ.

По разсказу Страбона, жившаго въ 1-мъ столѣтіи отъ нашего лѣтосчисленія, городъ этотъ находился на Трахейскомъ полуостровѣ и былъ основанъ выходцами изъ Иракліи Понтійской. Въ городѣ этомъ—продолжаетъ онъ—находится храмъ

дѣвы, нѣкоему Божеству посвященный, по которому и мысъ, во ста стадіяхъ отстоящій, называется Парѳеніонъ, на коемъ стоитъ капище того-же божества съ истуканомъ онаго; между городомъ-же и мысомъ находятся три бухты. За симъ слѣдуютъ развалины древняго Херсонеса, потомъ узкоустая-гавань (Балаклавская) окрестъ коей Тавры Скиѳское племя разбойничаютъ и нападаютъ на заходящихъ въ эту гавань, называемую Символонъ. Сія то гавань и вмѣстѣ съ нею другая по имени Ктенусъ (Севастопольская) образуетъ перешеекъ въ 40 стадій длины. „Перешеекъ этотъ, судя по его-же разсказу, былъ перекопанъ рвомъ и огражденъ оборонительною стѣною съ башнями. Это мы заключаемъ изъ слѣдующихъ словъ, относящихся къ повѣтствованію о войнѣ Митридатовыхъ войскъ противъ Скилура.“ Скифы ворвались было за стѣну и, наполнивъ ровъ камышемъ, переходили по немъ какъ по мосту но царскіе воины, зажегши этотъ камышъ ночью, сражались тутъ до тѣхъ поръ, пока одолѣли враговъ. Разсказанное Страбономъ такъ согласуется съ дѣйствительностію, что намъ не предстоитъ ни малѣйшей надобности приводить свидѣтельства другихъ древнихъ писателей о мѣстоположеніи Херсонеса.

Замѣчательный этотъ городъ, какъ сказано было въ отдѣлѣ греческаго господства въ Тавридѣ, основанъ былъ греками гораздо раньше въ сравненіи съ временемъ, опредѣляемымъ Геродотомъ. Есть писатели, которые предполагаютъ, что на Трахейскомъ полуостровѣ (т. е. за Севастопольскою бухтою) существовали два Херсонеса; изъ которыхъ первый находился къ Юго-Западу отъ того, о которомъ мы собираемся говорить.

Основаніе Херсонеса относится къ баснословнымъ временамъ и по разсказамъ древнихъ греческихъ писателей избранъ былъ Ираклійцами и Делійцами по опредѣленію аракула. Такъ предполагали греки о всѣхъ поселеніяхъ, время и причины основанія которыхъ они не могли узнать. Городъ этотъ, судя по разсказу Плинія имѣлъ въ окружности 5 тысячь (passus)

шаговъ или около 4-хъ верстъ *); свѣдѣніе это подтверждается существующими до нашего времени слѣдами городской стѣны отъ Карантинной бухты до круглаго залива. Но это былъ центръ города съ лучшими общественными постройками, по всему вѣроятію доступный зажиточному классу людей; бѣднѣйшіе-же обитали въ окрестностяхъ на разстояніи до перешейка, пересѣченнаго вторымъ рядомъ укрѣплѣній. Кромѣ этаго у сѣверо-восточной оконечности города было третье укрѣпленіе, представлявшее акрополь, какъ извѣстно принятый греками во всѣхъ богатыхъ и пользующихся самостоятельнымъ управленіемъ городахъ. Отъ него шла вдоль Севастопольской бухты Діофановская стѣна. Въ сосѣдствѣ этаго акрополя, господствовавшаго надъ окрестностями, были двѣ пристани. Къ Югу по направленію Карантинной бухты шло кладбище; у сѣверо-же западнаго конца города т. е. у сосѣдства Круглаго залива—входъ или въѣздъ. По мнѣнію новѣйшихъ археологовъ, Херсонесъ имѣлъ одни только ворота; но по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, ихъ было нѣсколько. Херсонесъ, судя по чрезвычайно выгодному географическому мѣстоположенію своему и нѣсколькимъ хорошимъ бухтамъ, не замерзающимъ въ зимнее время, долженъ былъ имѣть, какъ въ торговомъ, такъ равно и въ стратетическомъ отношеніяхъ важныя преимущества предъ всѣми древними городами Тавриды. Вотъ почему мы видимъ его во первыхъ торжествующимъ надъ Пантикапейскими царями и другими осаждавшими его народами и узнаемъ чрезъ Ксенафонта (въ его доходахъ Аттики гл. 1). что Аѳиняне получали очень много хлѣбнаго зерна изъ Херсонеса Таврійскаго. Естественно, что хлѣбъ этотъ добывался не изъ ближайшихъ окрестностей города, а свозился сюда съ восточныхъ береговъ Чернаго моря и прилегающихъ къ нимъ странъ. Это говоритъ въ пользу того, что Херсонесцы принадлежали къ числу самыхъ предпріимчивыхъ мореходцевъ, которые обога-

*) Во время присоединенія Крыма къ Россіи, развалины Херсонеса простирались верстъ на 100 въ окружности.

щались на счетъ произведеній отдаленныхъ странъ, а у себя—быболовлею и солянымъ промысломъ. О богатствѣ и цвѣтущемъ положеніи ихъ, мы можемъ судить по слѣдамъ городскихъ построекъ и замѣткѣ, оставленной Константиномъ Порфиророднымъ, который, разсказывая о сватовствѣ сына Асандра съ Гикіею, прибавляетъ, что отецъ послѣдней, Ламахъ, былъ очень богатъ золотомъ, серебромъ, рабами и рабынями, лошадьми и землями и что жилище его, выстроенное на четыре страны свѣта въ ширину и длину, простиралось до самыхъ такъ называемыхъ Сузъ *), гдѣ у него были ворота въ стѣнѣ, кромѣ четырехъ другихъ и многихъ малыхъ для входа и выхода, такъ что скотъ его, входя въ городъ, раздѣлялся: жеребцы, кобылицы, быки, коровы, овцы и ослы и приходили отдѣльными воротами въ отдѣльные загоны.

Херсонесъ, надо полагать, обладалъ огромнымъ числомъ мореходныхъ судовъ, такъ какъ народонаселеніе его положительно не имѣло возможности чѣмъ-либо заниматься на каменистой почвѣ Трахеи, за исключеніемъ развѣ скотоводства, для собственныхъ нуждъ, и въ немногихъ мѣстахъ хлѣбопашествомъ. Всего вѣрнѣе, что они у себя чрезвычайно усердно занимались рыболовлею въ Ктеноской бухтѣ, какъ извѣстно изобиловавшей различными породами рыбъ, до тѣхъ поръ, пока въ нее не начали заходить колесные пароходы. Предположеніе наше оправдывается раньше приведенными доказательствами**). Кромѣ всѣхъ приведенныхъ промысловъ надо думать, что херсонесцы закупали всѣ произведенія южнобережскихъ обитателей и въ обширныхъ размѣрахъ торговали невольниками. При таковыхъ средствахъ къ жизни, сталкиваясь ежедневно почти со всѣми образованными для того времени народностями, они успѣли обратить на себя вниманіе не только въ коммерческомъ отношеніи, но въ политическомъ и домашнемъ быту. Воздвигнутый ими въ языческія времена храмъ Діаны, а въ христіанскія—обшир-

*) Не тамъ-ли гдѣ предполагаютъ первый Херсонесъ?

**) Въ отдѣлѣ зоологіи, о рыбахъ крымскихъ заливовъ.

ныя церкви, украшенныя мраморомъ и мозаиками, доказываютъ почтеніе къ божественнымъ силамъ; мирныя-же отношенія къ іудеямъ: вѣротерпимость и готовность дѣлиться даже съ чуждымъ племенемъ выгодами своими. Единодушіе и достаточное развитіе херсонесцевъ свидѣтельствуется, во-первыхъ, тѣмъ, что они не пощадили ничего для защиты своего гнѣзда, во-вторыхъ, избраннымъ образомъ правленія, чеканкою собственной монеты, статуями, надписями, воинскими подвигами противъ сильнѣйшихъ враговъ и т. п. Но лучшимъ качествомъ ихъ было то, что однажды, отдавшись Митридату, они до послѣднихъ минутъ зависимости своей отъ Римской и Греческой имперій, не мечтали болѣе свергнуть добровольно принятаго ига; но въ трудные моменты, когда деспотизмъ монарховъ превышалъ такъ сказать силу терпѣнія, они настолько были сильны и вліятельны, что свергали злодѣевъ съ Византійскаго престола и замѣняли ихъ тѣми кого желали.

О дальнѣйшей судьбѣ Херсонеса мы сказали уже отчасти, но намъ еще разъ придется говорить о развалинахъ его, которые останутся вѣчными памятниками существованія этой славной колоніи грековъ въ Тавридѣ, если только будущность Севастополя пощадитъ его груды камней и основанія стѣнъ, систернъ, пристаней, башней и церквей.

Выгодное положеніе Трахейскаго полуострова и въ особенности одной изъ бухтъ образующихъ его, не остались безъ замѣчанія съ нашей стороны съ минуты присоединенія Крыма къ Россіи. Императрица Екатерина, убѣдившись въ томъ, что этотъ уголокъ можетъ господствовать надъ обѣими Турціями и Чернымъ моремъ, приказала основать, между Ктеноскою бухтою и оградною стѣною Херсонеса, Севастополь, о которомъ мы говорили въ первой части настоящаго труда и который положительно былъ недоступенъ съ моря, огражденнаго укрѣпленными фортами: Александровскимъ, Константиновскимъ, Николаевскимъ, Павловскимъ и Михайловскимъ.

Балаклава.

Въ 12 верстахъ отъ Севастополя на лѣвомъ берегу небольшой врѣзавшейся въ котловину скалистыхъ горъ бухты, расположено маленькое греческое селеніе Балаклава, о которомъ первыя свѣдѣнія завѣщалъ намъ Гомеръ въ своей Одиссеи, посылая Улиса странствовать къ берегамъ Понта-Евксинскаго въ страну Тавровъ, которыхъ онъ называетъ лестригонами (пиратами). Провѣряя описаніе его, мы находимъ, что и теперь у входа въ Балаклавскую бухту, которая слѣдуетъ послѣ пролива, дѣлающаго три заворота подъ тупыми углами, стоятъ два высокихъ утеса, выдвигающихся изъ бездны водъ, промежь которыхъ какъ-бы нарочно оставленъ проходъ для образованія бухты, у оконечности которой имѣется источникъ прѣсной воды, названной Гомеромъ, фонтаномъ Тилеоты-Артакіи, а нынѣ извѣстный подъ именемъ Кефало-вриси. Послѣдующіе за нимъ греческіе писатели всѣ почти упоминаютъ объ этой бухтѣ, а нѣкоторые увѣряютъ, что въ ней тавро-скиѳы разбойничали; по другимъ-же, ее посѣщали ахеяне, геніоты и цыги и что она была важнымъ рынкомъ невольниковъ. Плиній добавляетъ, что невдали отъ Балаклавской бухты, именуемой Символонъ, находился городъ Плація, что послужило поводомъ покойному Бларенбергу вывесть предположеніе о существованіи, на мѣстѣ теперешней Балаклавы, тавро-скиѳскаго укрѣпленія Палакіона. Послѣ Плинія мы не имѣемъ никакихъ слуховъ о существованіи города на берегахъ Символона до 1434 года, т. е. до того времени, пока подъ названіемъ Balacheium она на короткое время подпала подъ власть генуэзцевъ, которые, не успѣвъ еще укрѣпиться начатымъ валомъ и рвомъ, вынуждены были возвратить ее грекамъ, первобытнымъ владѣтелямъ, на этотъ разъ предавшимся какому-то топарху Алексѣю. Въ промежуткѣ этого времени генуэзцы успѣли кажется кое-какъ реставрировать древнія греческія укрѣпленія ея и помѣстить на нихъ гербы и над-

писи, которые до настоящаго времени многихъ археологовъ заставляютъ предполагать, что Балаклавскій замокъ основанъ генуэзцами. Стоитъ только спросить, имѣли-ль надобность генуэзцы воздвигать крѣпость для защиты входа съ моря, откуда не существовало опасности, а дѣйствительная представлялась въ это время со стороны материка — чтобы положительно убѣдиться, что балаклавскій замокъ, не приспособленный къ орудіямъ, былъ предназначенъ не для предохраненія города, а для укрывательства его жителей, что было общею идеею древнихъ крымскихъ грековъ, которая подтверждается всѣми воздвигнутыми ими въ странѣ этой укрѣпленіями. Нѣсколько времени спустя Балаклава становится извѣстною подъ именемъ Чимбало и Ямполи. Послѣднее названіе безъ сомнѣнія произведено отъ греческихъ словъ *іянъ* (здоровье) и *поли* (городъ), т. е. городъ здоровья. Послѣ 1475 года Чимбало, подпавъ подъ власть турокъ, получаетъ названіе Балаклавы, данное ей монголо-татарами, произведенное отъ татарскихъ словъ: *балыкъ* (рыба) и *юва* (гнѣздо), каковою дѣйствительно является бухта ея въ то время, когда преслѣдуемая дельфинами мелкая рыба вбѣгаетъ въ нее въ громадномъ количествѣ. Что было съ Балаклавою въ продолженіи мусульманскаго господства въ Крыму — мы не знаемъ. Извѣстно только, что при туркахъ въ ней было не болѣе 150 домовъ и что здѣсь обязаны были доживать свой вѣкъ тѣ изъ сверженныхъ хановъ, которыхъ не обязывалъ турецкій султанъ прибыть въ Турцію.

При покореніи нами Крыма въ Балаклавѣ не было ни одного жителя, но такъ какъ постройки находились въ цѣлости, то правительство заблагоразсудило перевезти сюда архипелажскихъ грековъ, поселенныхъ въ Керчь-Еникале. Переселившись сюда, эти греки, о которыхъ Суворовъ писалъ въ военное министерство „Бога ради осемьяните албанцевъ или они вымрутъ какъ древняя мекленбургская армія“, начали безцеремонно похищать у татаръ и караимовъ дочерей и женившись на нихъ, упрочили свое племя и вскорѣ послѣ этого развели въ окрестностяхъ

фруктовые и виноградные сады на пространствѣ около 66 десятинахъ. Этими-же греками, вскорѣ послѣ перехода въ Балаклаву, обращена была въ православную церковь татарская мечеть при дер. Кадыковкѣ, которая представляла всѣ признаки отправленія въ ней богослуженія христіанами.

Въ Балаклавѣ запрещено было лицамъ, не принадлежащимъ къ греческому батальону, имѣть недвижимую собственность. Обстоятельство это главнѣйшимъ образомъ послужило къ тому, что городокъ этотъ, не смотря на удобство бухты, не могъ увеличиться, но однако съ учрежденіемъ въ ней таможенной заставы съ 1807 г., вслѣдствіе недопуска выгружаться купеческимъ судамъ въ Севастополѣ, онъ значительно ожилъ и современемъ могъ-бы исправиться, еслибъ въ Крымскую кампанію не былъ занятъ непріятельскими войсками, а вскорѣ послѣ того, и именно 15 Ноября 1859 г., когда въ окрестностяхъ этого города истреблены были всѣ сады, не объявленъ былъ приказъ начальства объ упраздненіи Балаклавскаго греческаго батальона. Это распоряженіе не только на долго остановило развитіе Балаклавы, но и навѣрное рано или поздно сдѣлаетъ городокъ этотъ достояніемъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыя будутъ извлекать изъ бухты ея громадные доходы. Въ наше время Балаклава состоитъ изъ нѣсколька десятковъ домиковъ и полуразрушенныхъ избъ, въ которыхъ обитаютъ потомки архипелажскихъ грековъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и рыболовлею.

Осматривая Балаклаву послѣ заключенія Крымской кампаніи въ предположеніи встрѣтить какіе-нибудь памятники, оставленные Англо-французами, я ничего не могъ замѣтить, кромѣ надгробныхъ камней, разрушающейся деревянной пристани и слѣдовъ желѣзной дороги, проведенной ими до Камышевой бухты. Чичероне мой убѣждалъ меня, что дѣйствительно кромѣ этого и опустошенія виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, они ничего не оставили. Между тѣмъ замѣчая, съ какимъ вниманіемъ я осматривалъ каждый лагерь пребыванія союзныхъ войскъ, ста-

рый грекъ туземнаго происхожденія, вздохнувъ, сказалъ: „кто знаетъ, быть можетъ когда нибудь будутъ искать и нашихъ слѣдовъ — слѣдовъ нѣкогда страшныхъ Арнаутовъ, осмѣлившихся воевать въ числѣ 70 человѣкъ противъ 100 т. союзной арміи; но увы не останется здѣсь памяти о нашемъ пребываніи, такъ точно какъ не осталось ничего, за исключеніемъ вотъ этихъ крѣпостей (онъ указалъ на гору), отъ временъ первыхъ соотчественниковъ нашихъ, владѣвшихъ этою землею... Впрочемъ виноватъ, отъ нихъ остался одинъ колодезь, сохранившій за собою преданіе...—Какое преданіе? спросилъ я. „Преданіе это невѣроятно. но оно изъ тѣхъ, которыя и нравятся и легко помнятся. Я вамъ разскажу его: одинъ изъ древнихъ греческихъ князей, властвовавшихъ въ Балаклавѣ, узнавъ, что татары возвращаются въ Крымъ съ богатою военною добычею и что драгоцѣнности сопровождаются небольшимъ числомъ воиновъ, собралъ самыхъ храбрыхъ паликаровъ своихъ и рѣшился отбить отъ нихъ пріобрѣтенныя сокровища. Подданные его приняли вызовъ и, отправивъ нѣсколько гребныхъ судовъ къ евпаторійскимъ берегамъ, чтобы воспользоваться ими на случай успѣха или несчастія, въ тотъ-же день направились къ Перекопу, единственному пути, по которому долженъ былъ слѣдовать богатый караванъ. Незамѣченные ханскими войсками, прошедшими прежде, они устроили засаду и безъ большихъ усилій, не только завладѣли добычею ненавистныхъ татаръ, но истребили всѣхъ, сопровождавшихъ караванъ. Затѣмъ двинулись къ евпаторійскимъ берегамъ моря и здѣсь, сложивъ добычу на гребныя суда, благополучно возвратились въ Балаклаву. Однако громадное богатство надобно было скрыть, чтобы не лишиться его, на случай, если мусульмане откроютъ въ нихъ похитителей. Составленный, по этому предмету, совѣтъ рѣшилъ выкопать глубокій колодезь на возвышенности вотъ этой горы (онъ указалъ на гору, гдѣ стоитъ генуэзская крѣпость) и спустить туда богатства. Такъ и было сдѣлано; но въ то время, когда они начали спускать сундуки, въ одномъ изъ нихъ по-

слышался легкій стонъ. Князь приказалъ вскрыть его, и каково было его изумленіе, когда предъ нимъ очутилась дѣвушка волшебной красоты. Знаками она просила пощады. Юный повелитель, очарованный ею, далъ понять, что ей нечего бояться. Вскорѣ подданные замѣтили, что любимый ихъ князь не разлучается съ таинственною плѣнницею своею и предположивъ, что это можетъ послужить къ ихъ несчастію, положили во чтобы ни стало, спасти властителя своего, отъ вліянія злаго духа, принявшаго образъ женщины. На совѣтѣ было постановлено, что одинъ изъ нихъ въ темную ночь войдетъ въ комнату, гдѣ спитъ красавица и убьетъ ее кинжаломъ. Охотникъ нашелся; но напрасно онъ искалъ свою жертву, во всемъ княжескомъ жилищѣ не оказалось таинственной дѣвушки. На другой день князь, печальный, напрасно разыскивалъ свою плѣнницу. Посланные въ окрестности, также возвратились безъ всякаго успѣха. Вторичные посланные долго не возвращались. Между тѣмъ князь, пылая любовью къ изчезнувшей, безъ слѣдовъ, красавицѣ, рѣшился самъ поискать ее и, не слушая просьбъ старѣйшинъ, бросилъ резиденцію свою и скрылся за городомъ. Прежде всего онъ обошелъ всѣ окрестныя поселенія и лѣса, потомъ направилъ путь свой въ Старый-Крымъ, тогдашнюю столицу хановъ. Одѣтый въ лохмотья женскаго платья, онъ прибылъ въ столицу въ тотъ день когда ханъ праздновалъ свадьбу дочери своей. Въ предположеніи увидѣть между женщинами свою плѣнницу, онъ подошелъ къ окнамъ зданія, гдѣ онѣ пировали. Одна изъ распорядительницъ пира, замѣтивъ его, спросила: зачѣмъ онъ такъ близко подошолъ къ окнамъ, за которыми пируютъ знатныя женщины? Князь отвѣчалъ: „я бѣдная ворожея и желала-бы показать свое искуство этимъ знатнымъ госпожамъ“. Нѣсколько минутъ спустя эта же самая распорядительница подошла къ князю и объявила ему, что сама султанша желаетъ узнать отъ нее свою будущность и потому приказала войти. Князь послѣдовалъ за распорядительницею пира; но когда очутился за шир-

мою *) сердце его ужасно забилось, потому что въ невѣстѣ онъ узналъ свою бывшую плѣнницу.—„Подойди ко мнѣ ближе-сказала она-и скажи откровенно, буду-ли я счастлива съ человѣкомъ, который чрезъ часъ будетъ моимъ мужемъ, котораго я люблю всею душою, и которому позволила похитить себя изъ отцовскаго дома съ безчисленнымъ богатствомъ, которое хотя и ограблено идолопоклонниками, но по одному моему слову явится предо мною. Я уже послала за нимъ и оно должно завтра поступить въ казну моего властителя...“ Слова эти, какъ молнія прожгли сердце несчастнаго князя. Съ минуту онъ молча смотрѣлъ на ладонь красавицы, но вдругъ выхватилъ, изъ за пазухи, кинжалъ и всадилъ его въ сердце счастливой невѣсты и такъ быстро выскочилъ на дворъ и скрылся, что никто не замѣтилъ его. Чрезъ нѣсколько дней онъ счастливо возвратился домой. Первый вопросъ его былъ о сокровищахъ, зарытыхъ въ колодезѣ; но ему отвѣчали, что кладъ этотъ превратился въ безконечный рой пчелъ, улѣтевшій къ востоку и что, когда онъ пролѣталъ мимо города, то многіе мальчишки бросали въ него шапками и тѣ пчелы, въ которыхъ попадали, упадая на землю, превращались въ червонцы.

Послѣдующій за Балаклавою городокъ былъ Ялта или древняя Ялита или Джалита, о которой мы сказали въ первой части нестоящаго труда все что могли узнать. Ялта съ 1838 года обращена въ уѣздный городъ, къ которому причислено 73 деревни, заключающія въ себѣ до 28 тысячь народонаселенія и до 165 т. десятинъ земли. Изъ уѣзда этаго въ послѣднюю эмиграцію татаръ выступило сравнительно ничтожное число мусульманъ. Все народонаселеніе занимается садоводствомъ, винодѣліемъ и табаководствомъ. Съ того времени, какъ императрица Марія Александровна пріобрѣла въ сосѣдствѣ этого города Ливадію и начала почти ежегодно посѣщать свою дачу. Ялта наводняется тысячами больныхъ и туристовъ.

---

*) У мусульманъ невѣсты, пока свадебный пиръ продолжается, сидятъ за ширмами.

Городъ Θеодоро.

Въ селеніи Саблахъ, находящемся въ 15 верстахъ отъ Симферополя, находится каменная плита съ греческою надписью нижеслѣдующаго содержанія:

ΕΚΤΗΣΟΗ Ο ΗΑΟϹ ϹΥΗΤΟ ΕΥΛΟΓΗΜΕΗΟ ΚΑΣΤΡΟ
ΟΗΥ ΟΡΑΤΑΙ ΥΠΟΗΗΕΡΩΗ ΚΥΡΟΥ ΑΛΕΞΙΟΥ ΑΥΘΕΗΤΟΥ
ΠΟΛΕΩϹ ΘΕΟΔΩΡΟΥϹ ΚΛΙ ΠΑΡΑΘΑΛΑϹΙΑϹ ΚΑΙ ΚΤΗΤΩΡ
ΤΩΗ ΑΓΙΩΗ ΕΗΔΩΞΩΗ ΘΕΟϹΕΠΟΗ ΗΕΓΑΛΩΗ ΒΑ-
ϹΙΛΕΩΗ
ΚΑΙ ΕΙϹ ΑΠΟϹΤΟΛΩΗ ΚΟΗϹΤΑΗΤΙΗΟΥ ΚΑΙ ΕΛΕΗΗϹ
ΜΗΗΙ ΟΚΘΟΒΡ
ΙΗΔΗΚΤΗΟΗΟϹ ΕΚΤΗϹ ΕΤΟΥϹ (6936)

Плита эта имѣетъ въ длину 1 арш. $13^1/_2$ верш., въ ширину $9^3/_4$ верш., а въ толщину $3^3/_8$ верш., она разграфлена и представляетъ три анаграммы.

Въ первой части настоящаго труда мы представили переводъ ея и читатель вѣроятно помнитъ, что она поставлена въ храмѣ съ крѣпостью „во дни Кира Алексія, повелителя города Θеодоросъ и прибрежнаго пространства и ктитора святыхъ всеславныхъ боговѣнчанныхъ великихъ государей и равноапостольныхъ Константина и Елены, мѣсяца Октября, индикта 6, лѣта 6936 (т. е. 1427 г. по Р. Х).

Въ первой анаграммѣ изображенъ крестъ—символъ христіанства; въ средней—имя основателя Алексѣя, а въ послѣдней—двуглавый орелъ съ короною, безспорно Византійскій гербъ, составляющій принадлежность владѣтеля мѣстности.

Судя по содержанію этой надписи, въ Тавридѣ существовалъ въ началѣ XV столѣтія городъ, подъ названіемъ Θеодоро и принадлежалъ независимому владѣтелю приморскаго пространства, господину Алексію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ и самъ находился на берегу моря т. е. на территоріи владѣльца и что надпись эта кѣмъ-либо перенесена съ прибрежнаго простран-

ства въ окрестности Симферополя. Провѣряя предположеніе наше съ историческими данными и разсказами старожиловъ, мы открываетъ слѣдующее:

а) Императоръ Мануилъ Палеологъ (царствовавшій съ 1391 по 1425 годъ), отдалъ четвертому изъ сыновей своихъ, Константину *), Понтійскую страну въ Хазаріи (т. е. Тавридѣ) и б) Что какой-то властитель дѣйствительно княжилъ въ Тавридѣ въ г. Ѳеодоро и извѣстенъ былъ Генуэзцамъ подъ именемъ Dominus de Lotedoro. Это свидѣтельствуетъ Стелла, говоря, что въ 1434 году Балаклавскіе греки, вслѣдствіе заговора подчинили ему крѣпость castrum Cimbaldi, состоявшую во владѣніи Генуэзцевъ.

Всего этого достаточно для подтвержденія во-первыхъ того, что въ 15 вѣкѣ въ Тавридѣ господствовали князья изъ греческой императорской фамиліи и наконецъ, что владѣтель города Ѳеодоро и прибрежнаго пространства находился въ ближайшей смежности съ Балаклавою; кромѣ этого, мы открываемъ, что въ это время Генуэзцы не могли владѣть всею Готѳіею (т. е. прибрежнымъ пространствомъ, начиная отъ Ѳеодосіи до Балаклавы), какъ объяснено это въ трактатѣ ихъ съ татарами, заключенномъ въ 1380 г.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ вышеприведенная нами каменная плита съ надписью, могла попасть съ прибрежнаго пространства въ селеніе Соблы, находящееся въ окрестностяхъ Симферополя. По разсказамъ старожиловъ, это произошло слѣдующимъ образомъ: лѣтъ 70 тому назадъ, бывшій владѣтель селенія Соблы, Бороздинъ, имѣлъ и на южномъ берегу Крыма, въ сосѣдствѣ Партенита, дачу, откуда онъ, въ числѣ разныхъ другихъ, добытыхъ съ южнаго берега, древностей отыскалъ и эту плиту, которую перевезъ въ Соблы, гдѣ бывалъ чаще, такъ какъ послѣднее находилось въ 15 верстахъ отъ

*) Т. е. тому самому несчастливцу, который былъ убитъ при взятіи Византіи турками въ 1453 году.

Симферополя, постоянной резиденціи его въ качествѣ губернатора. Что преданіе это справедливо, въ этомъ нельзя сомнѣваться изъ содержанія самой надписи; но такъ какъ никто не помнитъ, гдѣ эта плита найдена, то естественно, большинство изъ нашихъ археологовъ охотно повѣрили Броневскому и Тунману, что г. Θеодоро находился въ Инкерманѣ, находившемся у окончанія Севастопольской бухты, что не могло ни въ какомъ случаѣ согласоваться съ смысломъ надписи, сосѣдствомъ Херсонеса и независимой Балаклавской крѣпости, которая, какъ сказано выше, передалась Dominus de Letodoro только послѣ завоеванія ея Генуэзцами. Неосновательное предположеніе это могло-бы еще долго имѣть послѣдователей, еслибъ мы, кромѣ сказаннаго, не привели нижеслѣдующую надпись, недавно открытую въ деревнѣ Партенитѣ, какъ извѣстно сосѣдственную съ бывшимъ имѣніемъ генерала Бороздина:

IC|XC
HI|KA

ΗΠΑΝCΕΠΤΟC ΚΑΙ ΘΕΟΙC ΝΑΟC ΤΩΝ ΑΓΙΩΝ ΕΔΟ
ξΩΝ ΠΑΝΕΦΗΜΩΝ ΚΑΙ ΠΡΩΤΟΚΟΡΥΦΑΙΩΝ ΑΠΟ-
CΤΟΛΩΝ
(ΠΕΤΡΟΥ ΚΑΙ ΠΑΒΛΟΥ) ΕΚΤΗΙCΘΗ ΝΕΚ ΒΑΘΡΩΝ
ΠΡΟΧΡΟΝΩΝ
ΠΟΛΛΩΝ ΠΑΡΑ ΤΟΥ ΕΝΑΓΙΟΙC ΠΡCΝΗΜΩΝ ΚΑΙ
ΑΡΧΙΟΠΙC
ΚΟΠΟΥ ΠΟΛΕΩC ΘΕΟΔΩΡΟΥC. (ΚΑΙ) ΠΑCΗC ΓΟ-
ΤΘΙΑC ΙΩ
ΤΟΥ ΟΗΟΛΟΤΗΤΟΥ: ΑΝΕΚΑΙΝΙΘΗ ΔΕΗΙΗ ΚΑ
ΘΩC ΟΡΑΤΑΙ ΠΑΡΑ ΤΟΥ ΠΑΝΙΕΡΟΤΑΤΟΥ ΤΡΟΠΟ
ΛΙΤΟΥ ΠΟΛΕΩC ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΚΑΙ ΠΑCΗC ΓΟΤΘΙ
ΑC ΚΥΡΟΥ ΔΑΗΙΑΝΟΥ. ΕΤΟΥC ΕΞΑΚΙCΧΙ
ΛΙΟCΤΟΥ ΕΝΝΑΚΟCΙΟCΤΟΥ ΤΡΙΑΚΟCΤΟΥ ΕΚ
ΤΟΥ ΗΝΔΙΚΤΙΩΝΟC ΕΚΤΗC ΗΗΝΙ CΕΠΤΕ
ΒΡΙΩ ΔΕΚΑΤΗ.

Въ переводѣ значитъ:

Іисусъ | Христ.
побѣж | даетъ

Пречестный и великолѣпный храмъ святыхъ славныхъ всехвальныхъ и первоверховныхъ апостоловъ

(Петра и Павла). Построенъ изъ древнихъ многихъ лѣтъ чрезъ пресвятаго преподобнаго архіепископа города Ѳеодороса (и) всей Готѳіи Іоанна Исповѣдника. Возобновленъ нынѣ какъ видите преосвященнымъ митрополитомъ города Ѳеодоро и всей Готѳіи, господиномъ Даміаномъ. Въ годъ шесть тысячь девятьсотъ тридцать шестой, въ индиктъ шестой, мѣсяца сентября десятаго.

Читатель вѣроятно замѣтилъ уже, что надпись эта однаго и того же года и индикта съ первою, находящеюся въ дер. Соблахъ. Не менѣе достопримѣчательно въ ней указаніе, что храмъ, въ которомъ плита эта найдена, построенъ святымъ Іоанномъ Исповѣдникомъ т. е. тѣмъ самымъ святителемъ, который извѣстенъ намъ подъ именемъ св. Іоанна Готѳскаго, чтимаго нашею церковью 26 іюня и который, какъ извѣстно, архіепископствовалъ въ Готѳіи въ концѣ 8 вѣка *). Совмѣстно съ тѣмъ, мы открываемъ имя митрополита Даміана, остававшагося до настоящаго времени неизвѣстнымъ по списку іерарховъ Готѳійской митрополіи; но всего важнѣе, что, съ момента открытія ея, мы узнаемъ, что плита, сохранявшаяся въ Соблахъ, вывезена изъ Парѳенита и что городъ Ѳеодоро, нѣкогда бывшій резиденціею греческихъ князей, находился у подножія Кріуметопона или Медвѣдь-горы, въ центрѣ южнаго берега, тамъ, гдѣ въ 8 столѣтіи былъ обширный торговый городъ, куда, по словамъ Никифора, патріарха Константинопольскаго, писавшаго исторію отъ 602 по 770 годъ, бѣжалъ изъ Херсонеса, сосланный въ Тавриду императоръ Юстиніанъ II и, подружившись съ Хазарскимъ каганомъ, женился на его дочери **); городъ, который отнятъ былъ въ 679 году Казарами и состоялъ

*) Подробности см. въ отдѣлѣ „Христіанство въ Крыму“.

**) Карамзинъ I пр. 88. По исторіи-же греческихъ писателей Юстиніанъ будто выдалъ свою сестру Ѳеодору за Кагана. Судя по тому, что при бѣглецѣ этомъ не было сестры и соображаясь съ дальнѣйшими событіями жизни Юстиніана Ринотмина,—мы довѣряемъ болѣе Карамзину.

въ ихъ владѣніи почти до 9 столѣтія, а съ 1204 г. т. е. со времени завоеванія крестоносцами Византіи, управлялся членами императорской фамиліи, вынужденными бѣжать въ Тавриду, къ числу которыхъ, судя по Тунману, принадлежалъ и послѣдній Константинопольскій автократъ Константинъ до воцаренія въ Византіи.

Открытіе этой надписи кромѣ того опредѣляетъ дѣйствительное мѣстонахожденіе резиденціи отдѣльнаго греческаго княжества на южномъ берегу Крыма на пространствѣ отъ Кастель-горы до нынѣшняго татарскаго селенія Форосъ *), что согласуется съ содержаніемъ первой надписи ΚΑΙ ΠΑΡΑΘΑΛΑCΙΑC (т. е. прибрежнаго пространства), но и утверждаетъ, что владѣнія Генуэзцевъ въ Крыму, извѣстныя подъ именемъ Готѳіи, распространялись не далѣе Алушты или Кастель-горы. Дѣйствительность послѣдняго подтверждается свидѣтельствомъ самихъ Генуэзскихъ писателей, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаетъ вѣры Стелла а Джустиніани. Исторіографы эти говорятъ, что Кафская колонія до того была ожесточена противъ поступковъ грековъ (надо полагать мореплавателей, конкурировавшимъ ей), что въ мартѣ 1464 года, отправила къ Балаклавѣ на 20 судахъ 6 тысячъ воиновъ подъ предводительствомъ Карла Ломеллина, который приступомъ взялъ Балаклавское укрѣпленіе **). Это уже доказываетъ, что Генуэзцы не владѣли этимъ городомъ согласно договору, заключенному съ татарскимъ ханомъ въ 1380 году, которымъ уступалась имъ Готѳія. Вслѣдъ затѣмъ разсказъ тѣхъ-же бытописателей, что Балаклавскіе греки въ томъ-же 1434 году, вслѣдствіе заговора (вѣроятно противъ побѣдителей) передались Dominus de Letedoro, не менѣе свидѣтельствуетъ въ томъ, что прибережныя владѣнія этаго Dominus'а

*) Отъ греческаго слова, означающаго дань. Надо полагать, что это было послѣднее селеніе, обязанное платить дань.

**) Обращаю вниманіе читателей на эти слова съ цѣлью, чтобы доказать имъ, что укрѣпленія этаго города были сооружены не Генуэзцами, какъ думаютъ современные археологи.

подходили къ Балаклавѣ и находились на указанномъ нами пространствѣ, чрезъ которое они не властны были проходить съ войсками во время осады Балаклавы, а вынуждены были направиться къ ней на судахъ. Для болѣе же яснаго убѣжденія читателей въ ошибочномъ предположеніи всѣхъ тѣхъ, которые по мнѣвію Тунмана признаютъ за Θеодоро развалины Инкермана, мы должны сказать, что еслибъ этотъ городъ находился здѣсь, то ему приходилось-бы господствовать по смыслу ΚΑΙ ΠΑΡΑΘΑΛΑΣΙΑΣ надъ береговою линіею Севастопольской бухты, по направленію къ Евпаторіи, что не могло-бы имѣть значенія въ виду Херсонеса и степнаго пространства, населеннаго Номадами и, естественно, Балаклавскіе жители не сочли-бы за нужное передаваться Dominus'у de Letodoro, еслибы онъ, какъ сильный владѣтель береговой полосы, прикрывающій ихъ съ сухаго пути отъ Генуэзской Готѳіи, не оказался-бы дѣйствительнымъ защитникомъ. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы Генуэзцы, послѣ этой передачи, вторично завоевали-бы Балаклаву.

Замѣчательно однако, что Нубійскій географъ XII в. Идрисій и послѣдующіе за нимъ составители картъ южной полосы Тавриды положительно умалчиваютъ о существованіи на Парѳенитскомъ берегу города Θеодоро. По словамъ Идрисія, напротивъ, на мѣстѣ его стояла Бертабита, а на всѣхъ другихъ средневѣковыхъ картахъ съ 1318 по 1514 годъ здѣсь находился Пангрополи или Нагрополи, безъ сомнѣнія исковерканное Парѳенополи. Не допуская вполнѣ предположенія, что всѣ эти географы ошибались, я прихожу къ другаго рода предположенію, казавшемуся мнѣ болѣе правдоподобнымъ, и именно къ тому, что Парѳенополи былъ переименованъ въ Θеодоросъ (даръ Божій) первымъ изъ Византійскихъ князей, бѣжавшихъ сюда изъ Константинополя безъ надежды властвовать. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣглецъ этотъ первоначально явился въ Херсонесъ, но не бывъ тамъ принятъ въ качествѣ повелителя, изъ боязни жителей подвергнуться императорской мести, рѣшился

искать счастія дальше и нашелъ его въ сосѣдствѣ Готѳіи, нуждающейся въ предводителѣ. Вотъ такому только человѣку могло придти желаніе переименовать древнее названіе города въ *даръ Божій* на томъ основаніи, что онъ отдался ему въ минуты безнадежнаго положенія: Однако, по видимому, названіе это признано было очень немногими и извѣстнымъ было только въ надписяхъ, потому что не употреблялось современными географами и нисколько не сохранилось въ преданіяхъ туземцевъ, тогда какъ первобытное Парѳенополи до настоящаго времени не забыто и рѣзко звучитъ въ теперешнемъ имени бѣднаго татарскаго поселенія Парѳенитъ.

Парѳенитъ находится на берегу моря, у юго-восточной подошвы Аю-дага или Медвѣдь горы, на обширной равнинѣ, нынѣ, большинствомъ, занятой садами владѣльца этой деревни. Прикрытый отъ Юго-запада далеко выступавшею скалою Аю-дага (въ 2 т. футовъ вышиною въ море) ясно, что на берегу его образовалась бухта, удобная для стоянокъ судовъ въ лѣтнее время года. Дальнѣйшія окрестности хотя не представляютъ равнинъ, но чрезвычайно плодоносны качествами наносной почвы и, судя по обширности ихъ, могли съ избыткомъ служить нуждамъ народонаселенія въ двѣ тысячи человѣкъ. Къ другимъ удобствамъ этой мѣстности подлежитъ сосѣдство лѣсовъ и Яйлынскій хребетъ, прикрывающій ее отъ вліянія сѣверныхъ вѣтровъ. Не менѣе выгоднымъ служило мѣстоположеніе Парѳенита въ тѣ времена, когда процвѣтали съ одной стороны Пантикапея, Ѳеодосія и Судакъ, а съ другой Херсонесъ. Находясь въ центрѣ между указанными городами, безъ сомнѣнія онъ долженъ былъ служить средоточіемъ торговой дѣятельности обитателей большинства южнобережскихъ поселеній. Вѣроятность этого подтверждается нѣкоторыми надгробными памятниками, доказывавшими, что здѣсь обитали іудеи, какъ надо полагать, пріѣзжавшіе изъ Херсонеса для скупа или сбыта различныхъ произведеній. Вотъ фигура и надпись одного изъ этихъ надгробныхъ камней открытаго въ 1869 году и до настоящаго времени на-

ходящагося въ Парѳенитѣ: рельефное изображеніе сабли, іерусалимскій семилампадникъ и четырехъ строчная надпись, которая по мнѣнію евреевъ означаетъ имя сына Аны, Аврагама. Другіе предполагаютъ: Шетія Шалома; послѣдніе-же въ имени Шалона читаютъ 5376 годъ отъ сотворенія міра.

Первыя свѣдѣнія о Парѳенитѣ мы получаемъ изъ разсказовъ древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ о существованіи въ Тавридѣ, еще во времена Троянской войны, храма Діаны и затѣмъ Орестеона, воздвигнутаго въ память Ореста и Пилада, похитившихъ изъ перваго Ифигенію. Подробности объ этомъ сообщаются нами ниже. Затѣмъ о существованіи Парѳенита мы узнаемъ со времени появленія въ этой части полуострова христіанскаго епископа, а нынѣ, судя по открытію водопроводовъ и нѣсколькихъ фундаментовъ отъ церквей, убѣждаемся въ предположеніяхъ, что здѣсь издавна существовало обширное и богатое поселеніе. Для подтвержденія сказаннаго опишемъ въ нѣсколькихъ строкахъ остатки того повидимому великолѣпнаго храма, въ которомъ найдена послѣдняя приведенная нами надпись, составленная по приказанію митрополита Даміана. Такихъ храмовъ, ясно, что не могло-бы воздвигать ничтожное или бѣдное поселеніе.

Первые слѣды этой церкви открыты въ 1869 году при проводѣ дороги по сѣверовосточному нижайшему отклону Медвѣдь горы въ сосѣдствѣ горнаго ручья, но предварительно открытія ихъ, свезено было отсюда болѣе 200 подводъ камня, бывшаго въ дѣлѣ. Это количество можетъ очень хорошо свидѣтельствовать о размѣрѣ постройки. Послѣ свозки камня показалась частица алтарной стѣны, большая бѣлая капитель изящной скульптуры и нѣсколько могилъ, между которыми найденъ желѣзный крестъ. Послѣдній увѣрилъ работавшихъ, что тутъ христіанское кладбище и что открывшаяся стѣна принадлежитъ церквѣ. Затѣмъ, когда приступлено было къ расчисткѣ этой мѣстности, обнаружилось, что храмъ большихъ размѣровъ, богато украшенъ и приспособленъ для архіерейскаго служенія. Вотъ по-

дробности о немъ, сообщаемыя въ 23 № „Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1871 годъ: “алтарь въ $7^1/_2$ аршинъ ширины, образуетъ полукругъ, сложенный съ инкерманскаго кажется камня; въ разстояніи 2 ар. отъ стѣны утвержденъ престолъ, а за нимъ, на горнемъ мѣстѣ, сидѣнье для епископа; въ предъалтарной части, съ правой стороны въ углубленіи стѣны, устроено сидѣнье для неслужащаго архіерея, а съ лѣвой вдоль стѣны, каменныя скамьи для возсѣданія неслужащихъ священниковъ. Длина алтаря съ открытой пока предъалтарной частью 9 аршинъ. Въ предъалтарной части, у мѣста, гдѣ устраивается иконостасъ, полъ выстланъ сѣрымъ мраморомъ съ темносиними разводами; далѣе-же какъ и въ другихъ частяхъ храма полъ мозаичный, выложенъ изъ квадратиковъ алебастра (полевой шпакъ) если не ошибаюсь и кирпича съ блестящей поверхностью. Стѣны въ 2 арш. ширины сложены на извести. Изъ предъалтарной части, повыше сидѣнія для священниковъ, ведетъ въ жертвенникъ или лѣвый придѣлъ дверь, которая впрочемъ задѣлана. Эта часть храма имѣетъ $3^1/_2$ аршина ширины и 7 арш. длины съ такимъ-же мозаичнымъ поломъ. Съ противоположной стороны отчасти отрытъ правый придѣлъ храма съ признаками могилъ. Къ сказанному остается прибавить, что въ лѣвомъ придѣлѣ стѣны сохранились до 3 арш.; въ главной части храма они понижаются, а въ правомъ придѣлѣ не поднимаются выше 1 арш. отъ пола.“

Изъ всего этого видно, что храмъ этотъ былъ трехпрестольный, предназначенный для архіерейскаго служенія, а по надписи, открытой въ немъ, сооруженъ первоначально ахіепископомъ Іоанномъ исповѣдникомъ, извѣстнымъ намъ по исторіи христіанства подъ именемъ Готѳскаго и іерарховствавшимъ въ половинѣ 8 вѣка т. е. въ то время, когда Парѳенополи славился за цвѣтущій торговлею городъ. Это состояніе его достаточно подтверждается, кромѣ богатаго убранства собора въ античномъ вкусѣ, еще семью развалинами церквей существующихъ въ ближайшей окрестности. Мы положительно увѣрены,

что при серіозныхъ разкопахъ въ этой мѣстности найдено будетъ много интересныхъ предметовъ, которые разкроютъ предъ любителями археологіи многое, изчезнувшее отъ насъ съ разрушеніемъ нѣкогда блистательныхъ городовъ прибережной полосы южнаго и юго-восточнаго пространства Тавриды.

Судакъ.

Мѣстечко Судакъ расположено на юго-восточномъ берегу Тавриды между Алуштою и Ѳеодосіею на живописной долинѣ, примыкающей къ горамъ и изобилующей водяными источниками. Всякій, кто бы не посѣтилъ эту прекрасную мѣстность, составилъ-бы убѣжденіе, что она занята была человѣкомъ съ глубокой древности. Между тѣмъ мы наслѣдовали такія ничтожныя свѣдѣнія относительно этаго, безспорно важнаго въ древности, города, что не можемъ выяснить, кто были основатели его. Такъ напр. профессоръ Брунъ предполагаетъ, что онъ основанъ Аланами, а мы положительно убѣждены, что малоазіятскими греками, единственнымъ народомъ, который селился на берегахъ моря и промышлялъ судоходствомъ. Предположеніе наше оправдывается замѣткою въ перыплѣ Арріана, который, находя Судакъ опустѣвшимъ, прибавилъ, что онъ былъ пристанью Тавро-скиѳовъ т. е. обитателей горной части полуострова. Нѣтъ сомнѣнія, что опустѣніе такой выгодной для жизни мѣстности было временное и зависѣло отъ какихъ нибудь естественныхъ (въ родѣ землетрясенія) или насильственныхъ причинъ и что по минованіи ихъ, первобытные владѣльцы возвратились, и на этотъ разъ уже воздвигли тѣ укрѣпленія, которыя много вѣковъ спустя достались генуэзцамъ и, реставрированныя въ различныя времена разными лицами, вселили въ современныхъ намъ археологахъ убѣжденіе что величественный за́мокъ этотъ основанъ Итальянцами. Чтобы разувѣриться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе, для какой

надобности могъ служить генуэзцамъ этотъ замокъ, который выстроенъ по методѣ грековъ скрываться въ немъ, но никакъ не по методѣ Итальянцевъ предохранять городъ отъ внезапнаго нашествія на него непріятеля. Къ укрѣпленіямъ, воздвигнутымъ Генуэзцами въ Крыму, относятся только Ѳеодосійскія, назначеніе которыхъ было своевременно для того времени. Впрочемъ объ этомъ мы поговоримъ въ отдѣлѣ древностей. Изъ изданной въ 1863 г. архимандритомъ Антониномъ приписки къ одному греческому Синаксарію (житью святыхъ), писанному почерками 12 вѣка, мы между прочимъ читаемъ слѣдующее о Сугдеѣ: *)

„Въ тотъ-же день (22 декабря) почилъ сынъ господина Симака, господинъ Константинъ зять г. Георгія севаста". (Послѣднее слово обыкновенно присвоялось царствующему лицу).

Въ тотъ-же день (26 декабря) пришли Татаре, 6747 (1239) года.

7 января освященъ храмъ св. Афанасія въ 6797 (1289) г.

(9-го ч.) въ тотъ-же день совершаемъ (память) во святыхъ отца нашего Василія архіепископа Сугдеи и Фулы.

Въ тотъ-же день почилъ архіепископъ Судго-Фульскій Ѳеодоръ переименованный Ѳеодосій монахъ. 6782 (1274) года.

(18 ч.) Въ тотъ-же день скончалась раба божія Катерина монахиня Севаста (дочь) Пансеваста Севаста. 6821 (1313) г.

(22 ч.) почилъ архіепископъ Сугдо-Фульскій Іоаннъ 6830 (1322 г.)

(26 ч.) Безбожные агаряне закрыли икону Іисуса Христа въ царскихъ воротахъ богоспасаемаго города Сугдеи 6831 (1323) г.

(27 ч.) Пришли впервые татаре 6731 (1223) года.

28) Въ третій часъ ночи треслась земля 6808 (1292) г.

(29 ч.) Скончался Константинъ Севастъ сынъ Севаста Алапси въ 6924 (1317) году.

---

*) См. 5 т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и древ. стр. 595.

(29 ч.) празднуется день (снятія) осады поганыхъ узбековъ, Константина Мономаха... города Сугдеи.

Въ Февралѣ (7 ч.) почилъ Ѳеодоръ митрополитъ Сугдофульскій 6790 (1282) г.

Въ 1291 г. 14 февр. было затмѣніе луны.

Въ 1186 г. 15 ч. инд. скончался сынъ протопопа Георій.

Построена крѣпость Сугдеи въ 5720 (212) году; всѣхъ-же лѣтъ отъ постройки Сугдеи до сего дня т. е. до 6804 (1296) года 1084.

Въ 1305 г. скончалась Ѳамарь, жена Макарія Севаста Топти.

Въ 1267 г. скончался Поликарпъ сынъ Севаста.

О смерти дѣтей Севаста и пансеваста встрѣчается нѣсколько разъ. Такъ равно и о смерти выкрещенныхъ татаръ и татарокъ.

Въ мѣсяцѣ апрѣлѣ. (1 числа) память г. Евѳимія архіепископа Сугдеи.

(Тогоже числа) въ 6-мъ часу пропало солнце 6769 (1261) г.

13 Апрѣля скончался Севастъ Анаткусъ сынъ Севаста Чочаки и погребенъ въ св. Димитріѣ 6847 (1339) г.

15 числа память г. Петра архіепископа Сугдейскаго Евдомита.

Въ 6819 (1311) г. Скончался Петръ сынъ Севаста-Хутлунея.

23 ч. Успеніе святѣйшаго архіеп. Судгеи Фул. г. Іоанна.

Въ 6847 (1339) г. почилъ Лука Архіеп. Судгеи и погребенъ въ Кафѣ.

Въ тотъ-же день разорена крѣпость и храмы св. Софіи, Стефана и Варвары въ Сугдеи Агачемъ и Талактемиромъ.

Въ 6757 (1249) г. 27 ч. Въ тотъ-же день очищено отъ татаръ все.... совнѣ города и счелъ Севастъ народъ и нашелъ 308 тысячъ и праздновалъ торжественно.

Въ маѣ 6780 (1281) г. скончалась Анна, дочь Севаста.

Въ 6816 (1308) скончался Альмальгу, заколотый казаками.

Въ 6816 (—) 21 ч. разграблена татарами Кафа.

Въ тотъ-же день память преосвящ. архіеп. Сугд. Климента.

Іюнь.

(2 ч.). Память св. архіеп. Сугдеи и Фуллъ г. Никиты.

(8) Обновленіе храма Софіи въ Сугдеѣ въ 9301 (793) г.

(8 августа) въ 6830 (1322) г. пришелъ Толактемиръ и апокрисіарій узбековъ Карабулатъ и взялъ Сугдею безъ войны и сняли колокола всѣ и сломали иконы и кресты и затворили ворота и была скорбь, какова небыла никогда.

15 декабря празднуется смерть св. Стефана Исповѣд. архіепископа Сугдейскаго, потому что просвѣтилъ Сугдейцевъ и сдѣлалъ христіанами.

Изъ этихъ приписокъ мы узнаемъ во-первыхъ, что въ Сугдеи были севасты или царствующія особы, во-вторыхъ, что крѣпость, основаніе которой приписывается итальянцамъ, существовала за тысячу слишкомъ лѣтъ до появленія этаго народа въ Тавридѣ, въ-третьихъ, о смерти многихъ епископовъ, имена которыхъ не сохранились въ архивѣ Константинопольскаго патріархата, въ четвертыхъ, что первое нашествіе татаръ было въ 1223 году, второе—въ 1339 году, а изгнаніе ихъ изъ города въ 1249 г. Въ припискѣ къ послѣднему году въ особенности замѣчательны слова: „и счелъ севастъ народъ и нашелъ 308 тысячь и праздновалъ торжественно“. Очень ясно, что показанной цифры народонаселенія не могло быть нетолько въ Сугдеи съ окрестностями, но и даже во всей южной половинѣ Крыма. Всего вѣрнѣе, что бытописатель хотѣлъ изобразить 38 тысячъ, но написалъ 30 и 8 вмѣстѣ, что дало поводъ переводчику принять за 308. Мы сказали, что замѣтка эта замѣчательна. Знаменательность ея признаемъ мы въ отношеніи того, что въ это время Сугдея имѣла своего государя, у котораго было 38 тысячь подданныхъ.

По другимъ источникамъ и именно: по Птоломею, мы уз-

наемъ, что во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. Сугдея извѣстна была подъ именемъ Лагиры. Послѣдующіе за нимъ намекаютъ на то, что она переименована въ Сугдею и управлялась греческими князьями, изъ фамиліи восточныхъ императоровъ. Съ 8 вѣка въ Судакъ назначаются уже архіепископы, являвшіеся отсюда на вселенскія соборы, а съ XI столѣтія, онъ дѣлается такимъ важнымъ приморскимъ городомъ, что Черное море получаетъ его имя, и всѣ купцы, слѣдующіе изъ Россіи въ Византію и изъ Византіи въ Россію, шли не иначе какъ чрезъ Сугдею*).

Въ этомъ свидѣтельствуютъ, во первыхъ Ибнъ-Эль-аширъ и Рашидъ-Эдинъ, присовокупляя, что сюда привозили на судахъ одежды, которыя вымѣнивали на невольниковъ и невольницъ, сѣробурыхъ лисицъ, бобровъ и бѣлокъ (?) и другіе товары этой земли. Рашидъ-Эдинъ, кромѣ этого говоритъ, что послѣ перваго нашествія Монголо-татаръ на Сугдею жители его разсѣялись: часть ихъ ушла въ горы, а часть переселилась въ малую Азію. Бывшій въ Сугдеѣ въ 1253 году, Рубруквисъ посломъ отъ Св. Людовика, также свидѣтельствуетъ о его значительной торговлѣ. По разсказу послѣдняго въ его время въ городѣ этомъ, Венеціанскіе купцы имѣли свои конторы, въ числѣ которыхъ, былъ старшій братъ знаменитаго Марка Поло. По свидѣтельству Карамзина Россіяне съ XI до XIII вѣка, покупая соль въ Таврідѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные (3 т. с. 205), чтобы обмѣнивать ихъ у купцовъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряныя коренья. Далѣе (въ 5 т. с. 396) „купцы, торговавшіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ Сурожанами по имени Суражскаго моря; затѣмъ онъ добавляетъ (въ 32 примѣч.), что до нынѣ рядъ, гдѣ продаются

---

*) Изъ мѣсяцеслова императора Василія, X вѣка, мы узнаемъ, что Сугдія при Константинѣ Компронимѣ, также была мѣстомъ ссылки. Такъ напр. въ нее по лишеніи зрѣнія, сосланъ какой-то Василій, Стефанъ, два Григорія и много другихъ.

шелковыя матеріи, извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ Суровскаго."

Аббатъ Одерико говоритъ, что въ началѣ XIV вѣка греки были вытѣснены изъ Сугдаи татарами, завладѣвшими Крымскимъ полуостровомъ, но вскорѣ по ходатайству папы Іоанна XXII, Узбекъ возвратилъ имъ Судакъ съ тѣмъ, чтобы жители обязались платить ему дань. Въ 1365 году Судакомъ овладѣли Генуэзцы, которыми былъ недоволенъ, и за это и за сооруженіе въ Кафѣ новыхъ укрѣпленій, Крымскій ханъ. Это обстоятельство послужило поводомъ нарушенія мирныхъ отношеній и между ними началась новая война, прекратившаяся нераньше 1383 года съ большою выгодою для генуэзцовъ, за которыми оставленъ Судакъ съ округомъ и прибрежною полосою, извѣстною подъ именемъ Готоіи. Съ окончательнымъ переходомъ Судака въ итальянскія руки, который въ это время, по мнѣнію Стелы, былъ въ жалкомъ видѣ, онъ вскорости началъ населяться кафскими колонистами и получилъ названіе Soldaya. Десять лѣтъ спустя, онъ уже считался вторымъ послѣ блестящей Кафы и управлялся отдѣльными консулами. О величинѣ города можно судить потому, что въ немъ существовало только 13 латинскихъ церквей, пользовавшихся пособіемъ правительства; что же касается укрѣпленій, то генуэзцы хотя и не сознавали въ нихъ особенной надобности, но постепенно на счетъ обывателей довели ихъ, какъ надо полагать, до первобытнаго положенія т. е. до такого, въ какомъ они находились до входа Монголо-татаръ. Вотъ почему до насъ дошли свѣдѣнія и надписи, что замокъ этотъ строился 20 лѣтъ. Судакъ во все время генуэзскаго господства, лишенъ былъ права вести торговлю на судахъ; такимъ образомъ ни одно судно съ грузомъ, не смѣло распродавать свои товары въ этомъ городѣ. Управляясь отдѣльнымъ консуломъ, который получалъ отъ Кафинской общины жалованье и который подчинялся кафскому верховному консулу, онъ обязанъ былъ слѣдить за крѣпостію и вообще за благосостояніемъ города съ окружными селеніями. Кромѣ того,

онъ обязанъ былъ ежегодно, при содѣйствіи 8 старѣйшинъ, избирать членовъ, для состава попечительнаго комитета о водоснабженіи виноградниковъ, которые въ это время составляли важный промыселъ для туземцевъ. Такихъ консуловъ съ 1374 по 1474-й годъ т. е. отъ Филиппа де-Монтольда до Христофора де-Аллегро насчитываютъ 39-ть. Гражданскую власть къ Судакѣ, представлялъ нотарій съ переводчикомъ греческаго языка, и торговый приставъ. У консула было два помощника, которые считались комендантами: одинъ въ крѣпости Св. Креста, а другой— Св. Ильи. Въ первомъ изъ этихъ укрѣпленій, должно было во всякое время состоять не менѣе четырехъ стражниковъ, а въ послѣдней не менѣе 6-ти. Оба коменданта, по заходѣ солнца, обязаны были являться въ свои крѣпости и оставаться въ нихъ до утра, чтобы наблюдать за музыкантами и стражниками, которые, въ продолженіи ночи, обязаны были обходить укрѣпленіе, играть и барабанить.

У внѣшнихъ и базарныхъ воротъ, ставились на ночь по два караульныхъ. Весь-же гарнизонъ состоялъ изъ 28 человѣкъ, къ которымъ при надобности просоединялись горожане. Кромѣ этихъ, въ городѣ былъ еще попечительный комитетъ, въ лицѣ генуэзца и грека, на обязанности которыхъ лежалъ долгъ ремонтировки крѣпостей и вообще городскихъ принадлежностей.

Описавъ количество гарнизона въ Сугдейскихъ крѣпостяхъ и упомянувъ о томъ, что на обитателяхъ этого города, лежала обязанность исправленія крѣпостей, мы не имѣли въ виду ничего другаго какъ только доказать, что Сугдейцы при упадкѣ торговли въ ихъ городѣ, не могли-бы воздвигнуть съизнова такого громаднаго зáмка. Генуэзская-же община, еслибъ дорожила имъ или предназначала для чего-либо важнаго, не ограничивалась-бы содержаніемъ въ немъ только 10 стражниковъ. Да и что за надобность предстояла имъ воздвигать такое укрѣпленіе тамъ, гдѣ они не торговали, гдѣ не обитали представители высшей власти, и гдѣ легко было ограничиться ничтож-

нымъ въ сравненіи казаматомъ, для содержанія преступниковъ. Все это взятое вмѣстѣ, при изслѣдованіи внутренняго устройства крѣпостей и ихъ храмовъ, ясно свидѣтельствуютъ, что Судакскій зáмокъ всецѣло принадлежитъ временамъ самостоятельности здѣсь грековъ, но поврежденный татарами, исправлялся частями въ продолженіи 20 лѣтъ, на народныя средства, тѣми консулами, которые приказывали ознаменовывать заботливость свою надписями, гербами республики и т. п.

Съ падніемъ Кафы и Судакъ достался Туркамъ. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ городѣ, посѣтившій его въ 1578 году Броневскій: Сидагіосъ городъ съ крѣпостью, такъ названный греками; генуэзцами-же называемый Судакъ, вовсе неизвѣстенъ татарамъ. Онъ построенъ греками или генуэзцами на высокой горѣ, утесистой и широкой, возвышающейся скалою недалеко отъ моря; имѣетъ три крѣпости или замка: верхнюю, среднюю и нижнюю, окруженныя стѣною и башнями. Въ немъ множество греческихъ церквей, нѣсколько часовень еще уцѣлѣвшихъ, но по большой части лежащихъ обломками среди развалинъ. Гордые, несогласные и мятежные греки, побѣжденные генуэзцами лишились этого города. Тамъ видны слѣды владычества генуэзцевъ гораздо явственнѣе, нежели грековъ. Что этотъ городъ былъ весьма значителенъ, какъ видно изъ развалинъ, объ этомъ говорятъ сами греки, которыхъ тамъ осталось не много.... Въ нижней крѣпости видны три большія католическія церкви. домы, стѣны, ворота и красивыя башни украшены узорами и гербами генуэзскими. Отъ митрополита греческаго, мужа почтеннаго и честнаго, который съ греческихъ острововъ прибылъ для осмотра церквей, я узналъ, что когда турки осаждали этотъ городъ съ моря многочисленнымъ войскомъ, генуэзцы храбро и сильно защищали его; но когда уже немогли болѣе переносить голода, и выдержать безпрерывную осаду столь сильнаго войска, тогда нѣсколько сотъ или, какъ онъ увѣрялъ, почти тысячи отборныхъ воиновъ, затворившись въ большой церкви, которая и до сихъ поръ еще цѣла, и нѣсколько дней храбро

защищаясь въ нижней крѣпости, въ которую турки ворвались, одержали надъ ними славную побѣду; но наконецъ побѣжденные числомъ непріятеля, въ храмѣ томъ всѣ погибли. Турки заложили камнями двери и окна церкви; а трупы убитыхъ и теперь еще лежатъ безъ погребенія. Какой-то турокъ изъ Кафы, по имени Сеніякъ, постоянно тамъ живущій, запретилъ мнѣ входить въ эту церковь. Въ городѣ была значительная таможня. Жители Кафы, турки, евреи и христіане, воздѣлываютъ прекрасные сады и виноградники, простирающіеся болѣе чѣмъ на двѣ мили. Вся полоса изобилуетъ пріятнѣйшими ручьями, вытекающими изъ горъ и лѣсовъ, которыхъ тамъ очень много."

Затѣмъ о положеніи Судака мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній до присоединенія Крыма къ Россіи. Послѣ-же этого времени изъ вѣдомости, представленной въ 1785 году судакскимъ кадіемъ Аминъ-агою, видно, что въ этомъ году при немъ занималось винодѣліемъ 202 человѣка и ими добыто 257,270 окъ вина; Сумароковъ же, посѣтившій Судакъ въ 1800 г. извѣщаетъ, что долина его приносила до 150 тысячь ведеръ. По дѣламъ-же, оставленнымъ намъ коммиссіею, учрежденною въ 1802 г. для разбора поземельныхъ споровъ въ Крыму, видно, что въ Судакѣ, извѣстномъ съ 1795 г. подъ именемъ Кириловской крѣпости, занятой двумя ротами нашихъ солдатъ, было 237 фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ.

Судакъ въ наше время ничтожное по народонаселенію мѣстечко, занимаетъ одно изъ почтенныхъ мѣстъ въ Тавридѣ по отпуску винограда и вина. Всѣ почти виноградники Судакской долины теперь перешли въ руки христіанъ, которые построили при нихъ хорошенькіе домики и вдали отъ шумнаго міра тихо и безмятежно занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ славная нѣкогда Сугдея нынѣ превращена въ скромный уголокъ труженниковъ и любителей прекрасныхъ картинъ природы.

Старый Крымъ.

Подъ этимъ названіемъ существуетъ до настоящаго времени въ Тавридѣ довольно большое поселеніе на мѣстѣ, гдѣ (по указанію Птоломея) Муравьевъ-Апостолъ опредѣлялъ древній городъ Киммеріонъ (его путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году). Старый Крымъ или по татарски Эски-Крымъ, безспорно во времена татарскаго владычества назывался просто Крымомъ, а впослѣдствіи, когда Бахчисарай сдѣлался резиденціею хановъ, къ нему присоединено прилагательное, старый или бывшій. Габлицъ въ своихъ географическихъ извѣстіяхъ, полагаетъ, что у татаръ онъ именовался Солкатомъ, почти тѣмъ самымъ именемъ, какимъ былъ извѣстенъ во времена пребыванія въ немъ комановъ и половцевъ. Мы однако не имѣемъ повода согласиться съ этимъ и знаемъ, что татары всѣмъ занятымъ ими мѣстностямъ давали свои названія. Только со времени появленія ихъ, Таврида получила названіе Крыма, данное вѣроятно прежде всего мѣсту перваго ихъ поселенія и потомъ всему полуострову. *Хырымъ* по татарски значитъ: пораженіе. Слово это легко примѣнить къ событію, вынудившему татаръ вторгнуться въ Тавриду. Караимы, древніе обитатели Солката, объясняютъ слово Крымъ подаркомъ и приписываютъ названіе это себѣ, но такъ какъ раньше татаръ страна эта не была извѣстна подъ именемъ Хырыма, то вѣроятнѣе всего, что оно принадлежитъ татарамъ, у которыхъ впослѣдствіи многіе ханы именовались этимъ именемъ *).

Старый Крымъ расположенъ у подножья горы Агармышъ (побѣлѣвшей) на живописной равнинѣ, изрѣдка покрытой старыми шелковичными деревьями, при рѣчкѣ Чурюкъ-су (гнилая вода). Нынѣ это—большая деревня съ 2,800 обитателями, зани-

---

*) Болѣе подробное разъясненіе слова Крымъ слѣдуетъ въ археологическомъ отдѣлѣ.

мающимися мелочною торговлею, скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, табачными плантаціями и заводами: кафельнымъ, кирпичнымъ, кожевеннымъ, мыльнымъ и свѣчнымъ. Обитатели его— армяне, болгары и греки. Въ нѣсколькихъ верстахъ, въ лѣсу, существуетъ армянскій монастырь Сурпъ-хачь (св. Креста) замѣчательный длинными подземными ходами, бывшій по Тунману въ 1320 году францисканскимъ. По другимъ-же онъ основанъ гораздо позже и былъ 25 разъ разграбленъ татарами, которые въ XVI вѣкѣ убили въ немъ 4-хъ эпископовъ, похороненныхъ здѣсь-же. По мнѣнію армянъ здѣсь хранятся слѣдующія святости: кусокъ честнаго креста и кости святыхъ: Георгія просвѣтителя великой Арменіи, Якова и другихъ. Всѣ они лежатъ въ серебряномъ крестѣ за стекломъ, съ хартіей, подписанной многими духовными лицами, удостовѣряющими дѣйствительность ихъ.

При взглядѣ на мѣстность Эски-Крыма, нѣкогда славнаго громадностію построекъ, невольно возбуждается вопросъ: куда-же дѣвались остатки его величія? Старожилы отвѣчаютъ, что все разобрано болгарами на постройки въ 1813 году, когда имъ предложили здѣсь селиться и отведено было, гораздо раньше, по ордеру князя Потемкина-Таврическаго, 1,850 десятинъ земли, подъ шелковичныя плантаціи. По ихъ же убѣжденію, Старый-Крымъ въ эпоху цвѣтущаго состоянія такъ былъ великъ, что занималъ пространство до нынѣшняго Карасубазара; впослѣдствіи, когда пала генуэзская Кафа и когда ханы переселились въ Бахчисарай, онъ быстро началъ упадать, но все еще оставался любимымъ мѣстопребываніемъ гиреевъ въ тяжелыя минуты жизни. Татары говорятъ, что здѣсь скрывался послѣдній изъ ихъ хановъ отъ разъяреннаго противъ него народа, возставшаго будто по проискамъ мурзъ Ширинскихъ, уполномоченныхъ со стороны Турціи волновать простонародіе, и увѣрявшихъ, что Шагинъ-гирей-ханъ передался христіанамъ и согласился продать императрицѣ Екатеринѣ Великой всѣхъ мусульманъ своего царства.

По народному преданію здѣсь существовалъ ханскій дворецъ Хатырша-сарай, который, по отдѣлкѣ и величинѣ, принадлежалъ къ великолѣпнѣйшимъ постройкамъ тогдашняго міра. Расположенный на высокомъ мѣстѣ и окруженный садами, онъ имѣлъ въ окружности около сотни фонтановъ, поражающихъ слухъ пріятнымъ журчаніемъ, а глазъ великолѣпнымъ разнообразіемъ архитектуры и надписей. Здѣсь часто проводили ханы цѣлые мѣсяцы, окруженные любимыми мурзами, беями и прекрасными наложницами; сюда они ссылали въ темницы, сохранившія до настоящаго времени слѣды своего существованія, тѣхъ, кто дѣлался имъ ненавистнымъ или опаснымъ. Темницы эти были извѣстны въ народѣ подъ именемъ могилъ и тотъ, кто попадалъ сюда, никогда болѣе не показывался на свѣтъ Божій. Сначала будто они служили для невѣрныхъ и различнаго рода плѣнныхъ, преимущественно жившихъ въ Кафѣ и Судакѣ, надъ которыми тѣшились кровожадные правители или улусы, а потомъ сдѣлались общимъ назначеніемъ для всѣхъ, кто осуждался на голодную смерть, Въ нихъ и теперь множество человѣческихъ костей и кто знаетъ, быть можетъ кости принадлежатъ умершимъ по прихоти безжалостныхъ Гиреевъ. Кромѣ этаго сохранилось преданіе, о существующемъ на возвышенности горы Агармышъ, глубокомъ отверстіи, на подобіе колодезя и развалинъ мечети *Мюскъ-драми* т. е. мускусовой мечети. Существованіе перваго приписываютъ какому-то таинственному факиру, выходящему изъ подъ земли для проповѣди Корана, а основаніе послѣдней, богатѣйшему индѣйскому купцу-мусульманину, воздвигнувшему ее съ тѣмъ, чтобы удивить міръ своимъ богатствомъ; она вся была изъ лучшаго мрамора и сіяла золотомъ, но важнѣе всего то, что стѣны клались на цементѣ, смѣшанномъ съ мускусомъ, который издавалъ ароматъ на нѣсколько верстъ. Сосѣдніе татары такъ убѣждены въ справедливости этого преданія, что и теперь стараются увѣрять будто послѣ дождя, проходящіе мимо этой знаменитой мечети, слышатъ запахъ мускуса. Между тѣмъ академикъ Кеппенъ, въ

своемъ „Крымскомъ Сборникѣ„ говоритъ: рожденный въ Кипчакѣ султанъ Бирбасъ, государь Египта, желая увѣковѣчить свое имя и прославить мѣсто рожденія, съ дозволенія хана Кипчакскаго, построилъ въ Крыму великолѣпную мечеть, стѣны которой были покрыты мраморомъ, а верхъ порфиромъ. Въ противоположность почтенному автору Сборника, мы сошлемся на списокъ съ арабской надписи, пріобрѣтенный въ Старомъ-крыму Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей и безспорно принадлежавшій Старо-крымской мечети *).

Провѣримъ теперь всѣ приведенныя нами преданія съ дѣйствительными слѣдами и историческими разсказами: а) что въ сосѣдствѣ Стараго-Крыма существовалъ въ древности большой городъ, это доказывается находящимися на возвышенности Кузгула-бурунъ или Ногайлы-оглу-оба слѣдами глубокаго рва жилищъ, фонтановъ, гротовъ и подземныхъ ходовъ. Глубочайшій-же изъ послѣднихъ именуется Чингисханъ-хую. б) что Эски-Крымъ бывалъ временною резиденціею хановъ, это доказывается во первыхъ развалинами дворца ихъ у ручья Серенъ-су, и наконецъ надгробными памятниками, поставленными надъ прахомъ какого-то Гасединъ-султана, сына Килай-Темиръ-хана, и благороднѣйшей Салика-султанши, дочери Девлетъ-гирей-хана, описаніе которыхъ слѣдуетъ впереди.

Кромѣ этого мы узнаемъ, что въ 1263 г. послы Египетскаго султана Бирбаса, слѣдовали къ Берке-хану чрезъ Судагскій портъ въ Солхатъ, населенный будто-бы кипчаками, русскими и аланами. Свѣдѣніе это подтверждается во первыхъ тѣмъ что Эски-Крымъ дѣйствительно въ это время назывался Солъ-хатомъ, (какъ его именовали различные писатели, что означало правый склонъ или высоту); русскіе-же пріѣзжали сюда съ своими произведеніями, для обмѣна на произведенія востока. Судя по припискѣ къ греческому синаксарю, при-

*) Надпись эта цѣликомъ приводится въ 15 части настоящаго труда и доказываетъ, что Кеппенъ пользовался невѣрными источниками.

веденному нами при описаніи Судака, въ Солхатѣ въ 1292 г. была Армянская колонія, а по каменнымъ плитамъ надъ воротами греческой церкви, съ изображеніемъ Божіей матери съ младенцемъ Іисусомъ, гербомъ и 1450 годомъ, принадлежащимъ искусству Генуэзцевъ, мы убѣждаемся, что въ городѣ этомъ проживали различные народы.

По монетамъ, найденнымъ въ Тавридѣ, самыми старѣйшими чеканенными въ Старомъ Крыму, считаются Менгу-Темира Туда-Мангу-хана и другихъ, которые будутъ описаны нами въ археологическомъ отдѣлѣ настоящаго труда.

Тунманъ (I, 1224) предполагаетъ, что на мѣстѣ Стараго Крыма въ VI в. по Р. Х. существовалъ греческій городъ Кареа или Кареонъ-полисъ. Не зная откуда онъ позаимствовалъ это свѣдѣніе, мы въ виду развалинъ на Кузгула-бурунъ, пожалуй гототовы согласиться съ мнѣніемъ его.

Дегинь, (въ 18 кн. своей исторіи Гуновъ, Турковъ и Монголовъ), говоря о Старомъ-Крымѣ увѣряетъ, что онъ былъ одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ Азіи и такъ великъ, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня; что въ немъ находились постройки, достойныя удивленія, но въ особенности поражали высшія училища, въ которыхъ преподавались всѣ науки; что караваны изъ Ховарезміи (Хивы) ходили въ Крымъ безъ малѣйшей опастности, употребляя 3 мѣсяца на совершеніе пути. При большомъ избыткѣ, господствовавшемъ въ тѣхъ странахъ, небыло надобности брать съ собою съѣстные запасы; путешественники вездѣ находили гостинницы, гдѣ нынѣ встрѣчаются серны и дикія козы. Торговля доставляла жителямъ большія богатства, но они, по скупости, только запирали золото въ сундуки и ничего не удѣляли бѣднымъ. Эти высокомѣрные Крымцы строили великолѣпныя мечети и другіе подобныя зданія не столько для того, чтобы соорудить памятники своего благочестія, сколько для увѣковѣченія гордости своей и богатства....“

По итальянскимъ писателямъ мы узнаемъ, что въ 1380 году

въ Солхатѣ намѣстникомъ хана былъ Черкесъ-бей, который уступилъ генуэзцамъ Судакъ съ 18 селеніями, а въ 86 году является на его мѣсто Кутлукъ-бекъ. Затѣмъ подъ 1434 годомъ Стелла и Друстиніани повѣтствуютъ „что кафскіе генуэзцы, взявши Балаклавское укрѣпленіе и не довольствуясь этимъ, вздумали ограбить Солхатъ, но это предпріятіе кончилось тѣмъ, что они были окружены татарами и большинствомъ изрублены. Въ 1478 году Сеитъ Ахметъ ханъ Золотой орды, напавъ на Солхатъ, побилъ и ограбилъ его жителей (Journal asiatique 1833 Oct. p. 354—355.) По исторіи Крымскихъ хановъ Эски-Крымъ въ 1531 году былъ резиденціею Ширинскихъ беевъ, гдѣ въ томъ-же году (по Карамзину VII пр. 301) Саадетъ-гирей-ханъ умертвилъ представителя ихъ рода, Бахтіара. По свидѣтельству Витсена, Эски-Крымъ былъ разоренъ казаками въ 1650 году. Если послѣднее справедливо, то съ этого времени вѣроятно жители этого города начали покидать его и переселяться въ Карасубазаръ. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, Старый-Крымъ названъ былъ Левкополемъ и предназначенъ былъ княземъ Потемкинымъ для разведенія шелковичныхъ плантацій. Затѣмъ въ немъ построенъ былъ дворецъ для пріема императрицы Екатерины, въ оградѣ котораго (бывшей церковной) находилось много надгробныхъ камней съ фамильными гербами и надписями генуэзцевъ и армянъ. Дворецъ этотъ сгорѣлъ въ 1825 году; но бесѣдка съ фонтаномъ до настоящаго времени сохраняютъ свои слѣды. Въ наше время Старый-Крымъ заключаетъ около 2 т. народонаселенія, которое добываетъ себѣ насущное пропитаніе сельско-хозяйственными промыслами и мелочною торговлею съ жителями окрестныхъ селеній.

Ѳеодосія.

На сѣверо-восточномъ берегу Крымскаго полуострова, по взморью обширной и прикрытой отъ южныхъ и западныхъ

вѣтровъ бухты, расположена у основанія Устюкскихъ горъ Ѳеодосія, нынѣ незавидный городокъ, заключающій съ четырьмя предмѣстьями не болѣе 10 тысячь обитателей. Тотъ, кто сколько нибудь уже ознакомился съ историческою судьбою этого славнаго и громаднѣйшаго города, извѣстнаго еще за сто лѣтъ предъ симъ подъ именемъ Кучукъ-Стамбула (малаго Константинополя), невольно задумается надъ величественными остатками его древнихъ укрѣпленій и невольно спроситъ себя, что за необходимость заставила расчетливыхъ Генуэзцевъ основать на этомъ низкомъ берегу, стѣсненномъ голыми безобразными горами, свою знаменитую факторію, которая ни въ какомъ случаѣ не могла-бы долго оставаться свободною, будучи слишкомъ далека отъ метрополіи, и главное внутри владѣній татаръ жаждущихъ порабощенія христіанскихъ народовъ? Не можетъ быть, чтобы эти благоразумные поселенцы не предвидѣли своей будущности и въ такомъ случаѣ, еслибъ Константинопольскій проливъ продолжалъ оставаться въ веденіи греческихъ императоровъ, домогающихся исключительнаго господства на Черномъ морѣ и уступающихъ временно это право другимъ, послѣ страшнаго удара, нанесеннаго Восточной имперіи взятіемъ Византіи Латинянами. Мы будемъ совершенно правы, если предположимъ, что на нынѣшней мѣстности Ѳеодосіи, чрезвычайно важной по географическому положенію для торговыхъ сношеній съ богатѣйшими странами малоизвѣстными и почти недосягаемыми для тогдашнихъ обитателей южной Европы, первоначально образовался пунктъ стоянки отважныхъ мореходныхъ купцовъ Генуи, а потомъ важныя выгоды заставили ихъ переселиться сюда и постепенно, въ сознаніи своего богатства, довести свою факторію до того цвѣтущаго положенія, которое прилично было-бы любой столицѣ тогдашняго міра—и конечно богатство и великолѣпіе прежде всего побудило алчныхъ турокъ предать Ѳеодосію тѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ, о которыхъ сказано будетъ ниже. Впрочемъ, Ѳеодосіи, судя по имѣющимся историческимъ свѣдѣніямъ и раньше поселенія въ ней

генуэзцевъ, доходила до цвѣтущаго положенія, что не нравилось сосѣднимъ народамъ и возбуждало въ нихъ воинственныя страсти, прекращающіяся порабощеніемъ ея поселенцевъ; но, однако, предварительно разъясненія причинъ паданія этого города, обратимъ вниманіе, кѣмъ онъ впервые основанъ: большинство археологовъ предполагаетъ, что здѣсь было поселеніе тавроскиѳовъ, первобытныхъ обитателей горной части Крымскаго полуострова, подъ именемъ Ардавды, означающей на аланскомъ языкѣ городъ семи боговъ. Свѣдѣніе это оставлено намъ безъимяннымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго и Меотійскаго озера. Но, когда именно явились сюда греки и какимъ образомъ досталась эта мѣстность имъ — исторія не представляетъ положительныхъ данныхъ и поэтому, всѣ предположенія наши по этому вопросу, основаны на самымъ древнѣйшихъ монетахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Ѳеодосіи. Таковыми были монеты съ изображеніемъ, съ одной стороны, головы Архонта, а съ другой — лука и колчана, съ греческою надписью ѳе. Вѣрнѣе всего предполагать, что греческое поселеніе является здѣсь одновременно съ основаніемъ Пантикапеи (Керчи) выходцами изъ Милета, того знаменитаго города Каріи, основаніе котораго Критянами относятъ къ времени Сарпедона отца Минасова, корабли котораго покрывали Средиземное, Черное и Азовское моря и который подобно Тиру и Сидону основалъ множество колоній *). Само названіе Пантикапея, безъ сомнѣнія произведенное отъ словъ Понтосъ и Капосъ, достаточно подтверждаетъ, что Ѳеодосія наименована Кафою или Кафумъ одними и тѣми-же греками, задумавшими назвать свои поселенія сходственными именами. Что касается того, что Ѳеодосія гораздо раньше Генуэзскаго въ ней владычества называлась Кафою, объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный въ

*) Древнему величію Милета и теперь удивляются путешественники по развалинамъ.

разсказахъ своихъ о происшествіяхъ IV вѣка по Р. Х. *). Какія причины послужили однако къ тому, что впослѣдствіи она измѣнила свое имя на Ѳеодосію—предполагаютъ, что разрушенная Тавро-скифами, она была возобновлена императоромъ Ѳеодосіемъ и въ честь его названа этимъ именемъ, но такъ какъ предположеніе это не подтверждается никакими историческими свѣдѣніями, то можно думать, что имя это присвоено этому городу побѣдителемъ ея Босфор. царемъ Левкономъ или гражданами Аѳинъ, которымъ Кафа оказывала громадныя услуги въ голодныя года посылкою пшеницы и которые справедливо могли за эти пожертвованія считать ее даромъ Божьимъ т. е. *Ѳеодосисъ* **). Знаменитый ораторъ Греціи Демосѳенъ, въ одной изъ рѣчей своихъ, торжественно заявилъ, что Ѳеодосія одна прислала для согражданъ его гораздо болѣе хлѣбнаго зерна чѣмъ всѣ прочіе, выразившіе сочувствіе къ бѣдственному положенію жителей столицы, томимыхъ голодомъ.

Ясно, что подобныя пожертвованія могъ дѣлать городъ цвѣтущій и богатый. Не можетъ быть, чтобы эта факторія предпріимчивыхъ Милетянъ ограничивалась торговлею только на одномъ полуостровѣ: имъ извѣстны были и раньше переселенія сюда, окрестныя страны Средиземнаго, Чернаго и Азовскаго морей и слѣдовательно они вели чуть-ли не такую громадную торговлю между образованными и полудикими племенами тогдашняго времени, какую производили съ этого пункта много вѣковъ спустя рѣшительные Генуэзцы. Мы будемъ основательнѣе, если обратимся къ Геродоту, свидѣтельствующему, что даже Скиѳы, основатели Ѳеодосіи, состояли въ сношеніяхъ съ Индіею. Въ такомъ случаѣ приходится вѣрить, что описываемый нами городъ сначала своего бытія до нашего вѣка безпрестанно проявлялъ свое міровое значеніе по чрезвычайно выгодному географическому положенію, которое сокрушалось насильственнымъ

*) См. De administrando Imperii стр. 211 изд. 1617 года.
**) Буквальный переводъ: Богомъ данный.

образомъ и снова возникло, потому что не было другаго пункта съ такою обширною бухтою и расположеннаго на плодороднѣйшемъ берегу Чернаго моря, омывающаго самыя лучшія страны древняго міра. Всѣ сосѣднія царства сознавали это важное преимущество Ѳеодосіи и поэтому изъ видовъ собственныхъ выгодъ старались превращать ее въ груды развалинъ. Для подтвержденія этого, мы имѣемъ достаточно историческихъ фактовъ—а именно: когда Пантикапея, сознала, что благоденствіе и богатство ея не возможно при существованіи по сосѣдству Ѳеодосіи, она употребила всевозможныя средства къ покоренію ея и когда достигла этого (въ 358 году до Р. Х.) тогда начала процвѣтать и дошла до той поражающей славы, которая извѣстна намъ по исторіи и множеству открытыхъ въ ней памятниковъ. Конечно съ этого времени Ѳеодосія начала пустѣть и хотя Плиній *) ставитъ ее въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ число городовъ Тавриды, но Арріанъ, правитель Каподокійской области **), объѣзжая берега Чернаго моря, нашелъ ее опустѣвшею. Чрезъ 7 вѣковъ она снова начала возставать изъ развалинъ, подъ именемъ Кафы, но, увы, на этотъ разъ ей трудно было восторжествовать надъ Херсонесомъ и Судгеею, уже успѣвшими прибрать въ свои руки торговлю Пантикапеи, павшей подъ ударами Гунновъ. Кромѣ этого, надо полагать, ея развитію препятствовали полудикія племена, безпрестанно смѣнявшіеся въ Тавридѣ, которыя, кочуя въ окрестностяхъ этого возрождающагося города, снова довели его до опустѣнія такъ, что въ половинѣ 12 вѣка въ немъ ужъ не было никого.

Въ началѣ 13 столѣтія Ѳеодосіи снова суждено было возстать изъ развалинъ и достигнуть такого цвѣтущаго положенія, какого не могли ожидать ни Константинопольскіе, ни Херсонескіе купцы, въ рукахъ которыхъ находилась торговля всѣхъ почти приморскихъ странъ Чернаго и Азовскаго морей. По

---

*) См. Кн. IV глава 26.

**) См. Периплъ его къ Императору Адріану.

словамъ Августина Джустиніани первыми Генуэзцами, поселившимися на мѣстѣ древней Ѳеодосіи, были два купца Бальдо Доріа и Антоніо Дель-Орто, которые гораздо раньше замѣтили ея обширную бухту и сообразили громаднѣйшія выгоды ея счастливаго мѣстоположенія. Отважные купцы эти обратились къ Кипчанскому хану съ просьбою о дозволеніи имъ основать въ виду Ѳеодосійской бухты торговую контору. Получивъ на это согласіе, они вскорѣ прикупили участокъ земли, на которомъ начали воздвигать дома и магазины. *) Татары, которымъ неизвѣстны были торговые рынки запада и которые не могли сбывать свои произведенія, повидимому смотрѣли на нихъ благосклонно. Вниманіе это наиболѣе выражено въ трактатѣ съ ханомъ, которымъ запрещалась торговля въ Крыму всѣмъ другимъ народамъ. Понятно, что вскорѣ послѣ этого въ Ѳеодосію, снова названную Кафою, начали собираться толпами Генуэзцы, преимущественно обитающіе въ Галатѣ. О времени возникновенія этой, уже итальянской, колоніи мы хотя и сказали все извѣстное, но также не имѣемъ положительно вѣрныхъ свѣдѣній. Такъ напр. изъ лѣтописи Стеллы на 1337 годъ видно, что она занята Генуэзцами незадолго до сего. Григорасъ, жившій въ половинѣ 14-го вѣка подтверждаетъ его запись. Другіе-же писатели относятъ основаніе ея къ 1266 году, а аббатъ Одерико къ 1269 году. Вѣрнѣе предполагать, что Генуэзцы основались здѣсь со времени вступленія татаръ въ Тавриду и только въ одномъ изъ указанныхъ выше годовъ сдѣлались хозяевами мѣстности, признанной ихъ собственностію ханами. *) Такъ или иначе, но нѣсколько лѣтъ спустя колонія эта, сознавая блистательную будущность свою, если только достигнетъ совершенной независимости отъ окружающихъ ее татаръ, начала окапываться рвами. Ханъ потребовалъ отъ нихъ объясненія и

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей Оранъ-Тимуръ уступилъ генуэзцамъ урочище Кафу за огромныя деньги съ условіемъ получать пошлины какъ съ привозныхъ такъ равно и вывозныхъ товаровъ.

*) По разсказу Абдуль-гази, Генуэзцы поселились въ ней не ранѣе 1281 г.

успокоился, когда Генуэзцы сообщили ему, что воздвигли эти легкія укрѣпленія не противъ татаръ, но Венеціанъ, ихъ непримиримыхъ враговъ, постоянно жаждущихъ уничтоженія ихъ факторій, какъ господствующей надъ мореходствомъ по Азовскому морю, ближайшей къ Константинополю и имѣвшей самое удобное сообщеніе съ Кубанью. Оправданіе это подтвердилось на дѣлѣ. Венеціане, дѣйствительно возмущенные успѣхами кафской торговли, въ 1296 году внезапно напали на Кафу, разграбили ее, сожгли генуэзскія суда и лучшія зданія въ городѣ и принудили ихъ бѣжать къ татарамъ. Завладѣвъ Кафою, Венеціане думали удержать ее за собою, но такъ какъ татаре не захотѣли имѣть съ ними никакого сообщенія, то послѣ первой-же зимы, изнуренные холодомъ и голодомъ, они бѣжали отсюда, а Генуэзцы, возвратившись снова на свое мѣсто, имѣли уже поводъ воздвигнуть тѣ превосходныя стѣны и башни вокругъ города своего, которыя спасли ихъ отъ татарскаго гнета, и остатки которыхъ до настоящаго времени приводятъ въ удивленіе посѣтителей Ѳеодосіи. Укрѣпленіе это по разсказу Патеръ-Минаса *), состояло изъ крѣпостной стѣны, проведенной вокругъ города, но надъ краемъ широкаго рва, прорытаго раньше. По стѣнѣ этой, сложенной изъ громадныхъ камней, большинствомъ доставленныхъ изъ Галаты, воздвигнуто было 12-ть башень и открыто семь воротъ для входа въ городъ. Первый входъ со стороны моря, такъ какъ онъ находился у пристани, именовался *Скеле-хапусу* (входъ съ пристани) второй: *Атлы* (верховой), третій *Татлы-амамъ-хапусу* (дверь сладкой бани), четвертый: *Френкъ-Исаръ-хапусу* (дверь френковой стѣны) **), пятый: *Серче-хапусу* (воробьиная дверь), шестой: *Намазья-хапусу* (молитвенная дверь) и седьмой: *Кучукъ-хапусу* (малая дверь). Послѣдній находился на Ю. В. сторонѣ города

---

*) Сочиненіе этаго духовника написано на Армянскомъ языкѣ но къ сожалѣнію никѣмъ не переведено.

**) Френками татары называли Генуэзцевъ.

и слѣдовательно есть тотъ самый, который до настоящаго времени сохранился въ карантинной оградѣ. Кромѣ этого Генуэзцы выстроили въ бухтѣ обширную стѣну, за которою моглибы, во время непогодъ или нашествія непріятеля, скрываться ихъ суда.

Естественно, что укрѣпленная такимъ образомъ незначительная итальянская колонія въ короткое время населилась громадной цифрою купцовъ. Развитію и украшенію ея въ особенности содѣйствовали Армяне, переселившіеся сюда изъ городовъ: Ани, Сарая и Казани. Патеръ Минасъ полагаетъ, что ихъ въ эту эпоху поселилось въ Ѳеодосіи и окрестностяхъ ея до 100 тысячь семействъ, построившихъ около 1000 церквей. Число это мнѣ кажется слишкомъ преувеличено почтеннымъ архимандритомъ, но Армяне современные жители Ѳеодосіи стараются увѣрить въ справедливости этого, ссылаясь на какой-то манускриптъ того времени, хранящійся при ихъ храмѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя и именно въ 1343 году, когда татаре напали на Солдаію и обложили жителей ея данью, Генуэзцы встревожились и снова начали помышлять о томъ, чтобы сдѣлать поселеніе свое недоступнымъ для татаръ, повидимому переставшихъ имъ довѣрять. Нѣкоторые изъ писателей думаютъ, что мысль о вторичномъ укрѣпленіи Кафы возбуждена была не вслѣдствіе этого событія, которое относилось къ греческому городу, а по слѣдующей причинѣ: одинъ генуэзскій колонистъ поспорилъ къ татарскимъ купцомъ, который въ увлеченіи ударилъ итальянца въ лицо. Ожесточенный Генуэзецъ выхватилъ шпагу и прокололъ мусульманина. Поступокъ этотъ представленъ былъ хану Чанибеку, какъ неслыханная дерзость со стороны гяуровъ, жителей Танаиса. Ханъ вышелъ изъ себя и поклялся отомстить за него всѣмъ латинскимъ купцамъ. Узнавъ объ этомъ, жители Таны переселились въ Кафу. Однако Чанибекъ недовольствовался этимъ и послалъ сюда требовать убійцу. Генуэзцы отказали ему. Оскорбленный ханъ созвалъ свои войска и расположилъ ихъ подъ стѣнами города. Армяне, гораздо

раньше узнавшіе о намѣреніи хана разрушить Кафу, явились къ начальнику колоніи съ изъявленіемъ желанія выстроить на свой счетъ новую предохранительную стѣну съ болѣе опасной стороны города и именно отъ морскаго берега по направленію къ нынѣшнему кладбищу. Городское начальство, для правильности дѣла и скорѣйшаго выполненія этого выгоднаго предложенія, опредѣлило каждому изъ нихъ, смотря по состоянію, доставить и сложить на извѣстномъ пунктѣ назначенное число камней.

При этомъ дозволено было каждому на воздвигаемомъ имъ участкѣ стѣны обозначать свое имя, какъ-бы въ доказательство выполненія своего добровольнаго обязательства или съ цѣлью сохранить имя свое въ потомствѣ.

По разсказу патеръ Минаса, эта раскладка камней по состоянію каждаго гражданина впослѣдствіи принята была въ народѣ сравненіемъ богатства купца — такъ что, еслибъ кто вздумалъ-бы опредѣлять чье-либо состояніе, то говорилъ: этотъ человѣкъ могъ-бы поставить для городскихъ укрѣпленій такое-то количество камней.

Вновь воздвигнутая армянами вокругъ Кафы стѣна была сложена изъ громадныхъ камней и, подобно первой генуэзской, испещрена надписями. Чрезъ каждые 20, 40 и 60 саж. ее защищали башни съ амбразурами и сдѣланы были выходы. Послѣднихъ было девять. Первый отъ моря во времена Турецкаго владычества назывался: Балыкъ-хапу (рыбная дверь). 2) Бояджи-хапу (красильная), 3) Орта-хапу (средняя), 4) Кучукъ-хапу (малая) 5) Куле-хапу (башенная), 6) Ягупъ-хапу (Якова) 7) Кара-Юсуфъ-хапу (чернаго Іосифа), 8) Асланджи-хапу (висячая) и 9) Терсане-хапу (судостроительная). У послѣдняго выхода была пристань, именуемая Чуа-Искелеси т. е. суконная. Кромѣ этого по протяженію этой стѣны было много рѣшотчатыхъ воротъ для истоковъ воды, стремящихся съ возвышенности горы, примкнувшей съ Ю. З. стороны къ городу. Ворота эти, существовавшія еще въ ханскія времена, извѣстны были подъ

именемъ Сель-хапу. Оградившись такимъ образомъ второю стѣною, Генуэзцы хладнокровно смотрѣли на массы татаръ, расположившихся не въ дальнемъ разстояніи отъ нихъ. Имѣя въ распоряженіи своемъ море. они не могли нуждаться ни въ чемъ. Два года татаре не отходили отъ Кафы, не будучи въ силахъ нанести ей никакого вреда своими луками. Чанибекъ приходилъ въ ожесточеніе и рѣшился воздвигнуть какія-то машины, которыми надѣялся уничтожить недоступныя стѣны, но Генуэзцы не дали ему времени испытать ихъ и, сдѣлавъ неожиданную вылазку до того разбили татаръ, что ханъ принужденъ былъ снять осаду, но все-таки, пылающій местью, бросился на Балаклаву, гдѣ жили отчасти Генуэзцы, разграбилъ и сжогъ ее. Но пожаръ Балаклавы дорого ему стоилъ: Папа Климентъ VI назначилъ противъ татаръ крестовый походъ. Тогда Кафскіе купцы опустошили всѣ берега Азовскаго моря, разграбили жителей ихъ и въ свою очередь сожгли Тану и навели на всю страну такой ужасъ, что ханъ принужденъ былъ возвратиться на берега Танаиса и вскорѣ послѣ того предложить Итальянцамъ унизительный миръ.

По другимъ источникамъ, вторая стѣна Кафы начата была въ 1357 году, а окончена въ 1386.

Испытавъ свое могущество въ послѣднюю войну съ татарами, жители Кафы, сознавая, что никогда впредь не будутъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ ними, задумали расширить свои владѣнія въ Крыму и 18 іюля 1365 г. овладѣли Судакомъ, который принадлежалъ грекамъ. Ханъ, недовольный этимъ, прервалъ съ ними миръ и снова началась война, продолжавшаяся до 1383 года, но и на этотъ разъ гордому властелину татаръ, приводившему въ трепетъ огромныя сосѣдственныя царства, не посчастливилось подчинить своей власти жителей ничтожнаго населенія, образовавшагося въ его владѣніяхъ. Месть хана и татаръ къ этимъ дерзкимъ колонистамъ увеличилась съ 1374 года еще двумя оскорбительными подвигами, а именно: одинъ изъ жителей Кафы, Лука Тариго, подобравъ себѣ от-

важную шайку и, вооруживъ легкое судно, направился въ Донъ, откуда судно это волокомъ перенесено на Волгу. По этой рѣкѣ пираты проникли въ Каспійское море и предавъ грабежу окрестныхъ жителей и всѣ попавшіеся имъ суда, тѣмъ же путемъ воротились въ Кафу. Нѣкоторые изъ свидѣтельствующихъ объ этомъ гнусномъ поступкѣ говорятъ, что разбойники эти слѣдовали домой сухимъ путемъ и въ свою очередь были ограблены на дорогѣ, но какъ-бы тамъ ни было, это событіе должно было ужаснуть хана и подданныхъ его. Второй подвигъ окончательно унизилъ Генуэзцевъ въ глазахъ татаръ, считавшихъ гостепріимство за одно изъ главныхъ правилъ, свойственныхъ человѣчеству. Вотъ какъ было дѣло: грозный Мамай, разбитый Тохтамышемъ, бѣжалъ съ своими сокровищами въ Кафу, отдавшись подъ покровительство Итальянцевъ, но люди эти, принявшіе славнаго для татаръ героя, вскорѣ послѣ этаго жалкимъ образомъ предали его смерти и по требованію татаръ, вывезли тѣло его за городъ. Татаре-туземцы предали его погребенію на мѣстѣ, сохранившемъ по настоящее время имя Шахъ-Мамай *).

Понятно, что эти печальные поступки подготовили татаръ къ отчаянной войнѣ съ пришельцами въ ихъ владѣнія, но увы, не обладая орудіями для сокрушенія стѣнъ Кафы и не имѣя огнестрѣльнаго оружія, которымъ дѣйствовали итальянцы изъ амбразурныхъ укрѣпленій, они, послѣ тщетныхъ, долговременныхъ усилій, вынуждены были не только прекратить военныя дѣйствія но и уступить Кафѣ все береговое пространство, вѣроятно до Судака, извѣстное подъ именемъ Готѳіи. Тѣмъ временемъ Тамерланъ, знаменитый ханъ монголовъ, низкимъ обманомъ проникъ, разграбилъ и сжегъ славный венеціанскій городъ Тану, существованіе котораго мѣшало исключительной монополіи Генуэзцевъ. Событіе это послужило поводомъ къ тому, что кафскіе колонисты овладѣли всею торговлею на Черномъ

*) Подъ этимъ именемъ въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ нынѣ существуетъ татарское селеніе.

и Азовскомъ моряхъ и къ нимъ единственно направлялись многочисленные купцы изъ Россіи, Валахіи и прочихъ сосѣднихъ царствъ и народовъ. Словомъ, красный крестъ Генуи владычествовалъ на всѣхъ берегахъ этихъ двухъ морей. При такихъ условіяхъ, конечно, Кафа, принявшая къ себѣ остатки жителей Таны и объявившая въ 1352 году гавань свою свободною для всѣхъ мореходцевъ, должна была увеличиться въ размѣрахъ, украситься великолѣпными постройками и расширить торговую дѣятельность. Вотъ почему всѣ почти лѣтописи свидѣтельствуютъ намъ, что едва-ли прошло полвѣка со времени основанія ея, какъ она представляла уже видъ обширнаго города. Тысячи домовъ поднялись, какъ будто волшебствомъ; обширные магазины, величественные базары, наполненные товарами, тянулись вдоль порта, оживленнаго безпрерывнымъ движеніемъ толпы. Естественно, что при такомъ значительномъ народонаселеніи, необходимо было городу назначить управленіе, пользующееся властью нетолько въ колоніи, но имѣющее значеніе и въ глазахъ Генуи, которая поспѣшила выслать въ Кафу уполномоченнаго съ своей стороны намѣстника, съ правомъ именоваться консуломъ Кафы, всего великаго моря и Хазарской имперіи и учредить, кромѣ указанныхъ нами раньше учрежденій, и отдѣленіе Казарскаго трибунала, подъ названіемъ officium mercanciae, которое обязано было наблюдать только за коммерческими судами, идущими въ Азовское море. Насколько Генуя заботилась о сосредоточеніи торговли въ Ѳеодосіи, это видно изъ постановленія ея трибунала, обязавшаго всѣ вступающія въ Черное море суда своей республики, останавливаться въ Кафѣ и отнюдь нигдѣ на крымскихъ берегахъ ни продавать, ни покупать товаровъ, за исключеніемъ этой колоніи.

Въ духовномъ отношеніи Кафа управлялась двумя первосвященниками: католическимъ и армянскимъ. Послѣдній изъ нихъ явился сюда вѣроятно одновременно съ паствою своею послѣ землетрясенія въ г. Ани, а первый не раньше 1320 г., по назначенію папы Іоанна XII. Католическая епархія была

слишкомъ велика впослѣдствіи, такъ что простиралась съ одной стороны до татарскаго города Сарая на берегахъ Волги, съ другой—до Варны, въ странѣ Болгарской и отъ береговъ Чернаго моря до границъ тогдашней Россіи. Первымъ католическимъ епископомъ назначенъ въ Кафу монахъ францисканскаго ордена Джироламо. Понятно, что съ этого времени католическое духовенство, жаждущее присоединенія къ своей церкви всѣхъ народовъ, имѣло широкое поприще, но ему трудно было дѣйствовать на татаръ, успѣвшихъ уже окрѣпнуть въ исламизмѣ и совершенно незнакомыхъ ни съ языкомъ итальянцевъ, ни съ духомъ образованныхъ обществъ, казавшихся имъ совершенно другою расою человѣчества. Безуспѣшность пропаганды, повидимому не сокрушала въ немъ надежды до тѣхъ поръ, пока и іезуитскія конторы не принесли никакой пользы. Тогда католики взялись за живущихъ подъ покровительствомъ ихъ республики Армяно-Григоріанъ. Но такъ какъ и съ этими не легко было справиться, то хитрые іезуиты рѣшились сначала заставить ихъ признать надъ собою господство могущественнаго въ то время папы, показывая видъ, что господство это не будетъ распространяться на нихъ въ религіозномъ отношеніи. Армяне колебались до тѣхъ поръ, пока самъ консулъ республики Пуало Имперіале не принялся за ихъ архіепископа въ 1438 году. Безпомощные и дорожащіе своимъ выгоднымъ положеніемъ первенствующіе Армяне, въ убѣжденіи, что признаніе главою своимъ папы не есть присоединеніе церкви къ католицизму, торжественною присягою подчинились папѣ Евгенію VI. Впослѣдствіи іезуиты, съ удивительною постепенностію и осторожностью, вводили въ богослуженіе ихъ правила своей церкви, а въ заключеніе достигли и того, что заставили ихъ священниковъ служить не только по установленію католицизма, но даже и на латинскомъ языкѣ, котораго не понимали Армяне.

Теперь обратимся къ торговой дѣятельности Кафы, которой она обязана была своимъ великолѣпіемъ, богатствомъ и громкою извѣстностію. Генуэзцы, поселившись на мѣстѣ древней

Ѳеодосіи, сообразили что Таврическій полуостровъ, окруженный свободными отъ полудикихъ народовъ морями: Чернымъ и Азовскимъ, кромѣ безопасности и не слишкомъ отдаленнаго разстоянія отъ образованнаго міра, представляетъ самый выгоднѣйшій пунктъ для торговыхъ сношеній съ отдаленными странами, къ которымъ никто не рѣшался проникнуть другими путями. При этомъ они сознали, что, расположивъ къ себѣ Монголовъ, выманятъ отъ нихъ за бездѣльныя вещицы самыя цѣнные товары на рынкахъ запада и кромѣ того, завладѣютъ внутри ихъ владѣній всѣмъ, что можетъ приносить опытному человѣку громадныя выгоды. Предположенія эти выполнились въ точности. Пріучивъ монголовъ къ пріобрѣтенію цвѣтныхъ суконъ и тканей итальянскихъ и германскихъ фабрикъ, металическихъ вещей, вина, стекла, ожерелій, поясовъ, запястій, красной кожи и т. пд. дешевыхъ издѣлій, которые мѣняли имъ за хлѣбное зерно, шерсть, мѣха, сырыя кожи, медъ, конскій волосъ, воскъ и т. п. Генуэзцы вскорѣ замѣтили, что Монголо-татаре владѣютъ огромнымъ количествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней, награбленныхъ ими въ Китаѣ, Индіи и Персіи *) и большинствомъ старались, отдавать свои товары за эти драгоцѣнности. Затѣмъ они обратили вниманіе на Донъ и начали пріобрѣтать разнообразныя произведенія сѣверной Европы и Сибири. Овладѣвъ послѣднимъ, итальянцы проникли въ богатый и плодоносный Кавказъ и, основавъ въ лучшихъ мѣстахъ его конторы, не только завладѣли всѣми выгодами торговли, но даже начали разработывать въ горахъ его серебряную руду.

Такимъ образомъ въ продолженіи какихъ-нибудь 25 — 30 лѣтъ современи основанія Кафской колоніи, въ нее направлялись уже изъ Россіи для южной Европы: строевой лѣсъ, пенька и ленъ, а изъ Сибири: мѣха, жѣлезо, мѣдь, смола, варъ и сало. Всѣ эти товары шли изъ Перьми и приуральскихъ областей по

---

*) Богатство этого народа послужило отчасти и къ тому, что орду ихъ называли Алтынъ-орда т. е. золотая.

Камѣ и Волгѣ до Дубовки, а отсюда перевозились къ Дону, гдѣ опять нагружались на суда. Дорогіе мѣха доставлялись въ Кафу, новгородскими и архангельскими купцами. Таврическій полуостровъ также доставлялъ имъ много выгодныхъ для торговли, предметовъ, изъ которыхъ наиболѣе блистательными считались: соляныя озера, богатѣйшія рыбныя ловли въ Керченскомъ проливѣ, хлѣбное зерно, лисьи и куницевые мѣха и т. п. Изъ Кавказа Кафскіе Генуэзцы вывозили: кожи, марену, шерсть, мѣха, бумажныя ткани, шафранъ и воскъ, требуемый въ огромныхъ массахъ въ то время для церквей и монастырей, но главнѣйшею торговлею ихъ въ Черкесіи считалось пріобрѣтеніе невольниковъ за ничтожные товары, которыхъ чрезвычайно выгодно сбывали въ Египтѣ. О количествѣ закупаемыхъ на кавказѣ неневольниковъ Генуэзцами можно судить потому, что Мингрелія, по словамъ Шардена, ежегодно продавала ихъ до 12 тысячъ. Таковы были предметы торговли Генуэзцевъ въ Крыму, въ первыя времена основанія Кафы, но вскорѣ они недовольствовались уже произведеніями этихъ странъ и, проложили себѣ пути въ самыя отдаленнныя части роскошной своими произведеніями южной Азіи. Обратимъ вниманіе на то, какими путями они проникали туда и что привозили въ Кафу, эту справедливо названную житницу обоихъ понтовъ.

Кафскіе колонисты, узнавъ отъ жителей Таны, что торговля съ Китаемъ доставляетъ имъ громадныя выгоды, незамедлили направиться въ это отдаленное государство. Путь ихъ лежалъ чрезъ Асрахань на Сарай, столицу кипчакскихъ хановъ, извѣстнѣйшею рынкомъ невольниковъ, отсюда чрезъ Сарачикъ, по берегу Каспійскаго моря, въ Ургенцъ, столицу Харемзскаго ханства, служившаго средоточіемъ торговли всей этой страны. Здѣсь Генуэзцы, по свидѣтельству Пеголоти, могли скоро и выгодно сбывать свои товары и пріобрѣтать шелковыя матеріи персидскихъ фабрикъ. Изъ Ургенца направлялись на Фарабъ, въ Туркестанъ, куда сходились всѣ торговцы изъ Татаріи и средней Азіи, потомъ чрезъ Альмалехъ на Тангутъ и берегомъ рѣки

Хоанго въ Кинсай, одинъ изъ богатѣйшихъ и обширнѣйшихъ городовъ Китая. Изъ Кинсая (что нынѣ Ханъ-чу), достигали до Пекина. На проѣздъ всего этого пространства необходимо было употребить Генуэзскому каравану около 250 дней.

Кромѣ этой дороги Итальянцы слѣдовали до столицы Китайской имперіи изъ Ургенца чрезъ пустыню Кесна въ Бухару и Кашгаръ. Въ послѣднемъ въ особенности дешево продавался ревень, такъ что за шесть грошей (grossi) можно было купить его столько, сколько въ силахъ свезти лошадь. Изъ Кошгара шли въ Котанъ, гдѣ торговали жемчугомъ, кораллами, ладономъ, гвоздикою, мускусомъ, лекарственными травами и гдѣ выдѣлывали превосходныя и дорогія ткани. Изъ Хотана чрезъ песчаную степь и мимо Куа-чу, достигали Ло, расположеннаго при озерѣ, на границѣ песчанной степи Гоби или Шамо. Здѣсь въ виду громадной степи песковъ, на проѣздъ которой надобно было употребить по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, отважные купцы Кафы останавливались на нѣсколько дней и, заготовивъ себѣ необходимую провизію, направлялись въ Сочу и Тангутъ, и оттуда уже достигали Пекина.

Свѣдѣнія объ этихъ путяхъ шествія, намъ оставилъ Франческо Пеголоти слѣдовавшій по нимъ въ 1335 году. По словамъ его всѣ издержки, на путешествіе до Пекина съ жалованьемъ переводчику и двумъ слугамъ, простирались отъ 300 до 350 золотыхъ флориновъ и, что путешествіе это не было сопряжено съ опасностію жизни, если караваны были въ 50 или 60 человѣкъ.

Кафскіе колонисты до начала XV-го столѣтія, не переставали ѣздить въ Китай по этимъ двумъ дорогамъ, но съ 1405 года, послѣ нашествія Тамерлана на эти страны и города, Итальянцы должны были забыть свои выгодныя похожденія, потому что всѣ пути были опустошены грознымъ монгольскимъ завоевателемъ, съ цѣлью обратить избранный имъ для жительства своего Самарканъ, въ центръ торговыхъ сношеній между Европою и Азіею. Ясно, что съ этого времени, произведенія Китая: мус-

кусъ, жемчугъ, драгоцѣнные камни, золотой песокъ и проч. а равно и Сибирскіе мѣха, привозились по необходимости въ Самарканъ, откуда кафскіе купцы перекупали ихъ уже изъ вторыхъ рукъ.

Клавихо, видѣвшій въ это время Самарканъ, говоритъ, что предмѣстія этого города, населенныя жителями побѣжденныхъ и уничтоженныхъ Тамерланомъ городовъ, занимали огромное пространство и, что городъ этотъ служилъ не только рынкомъ для сбыта произведеній Сибири и Китая, но что сюда направлялись купцы Индіи и почти всей Азіи.

Для предпріимчивыхъ обитателей Кафы, проникавшихъ въ отдаленный Пекинъ, не трудно было предпринимать путешествія къ тѣмъ знаменитымъ по торговлѣ городамъ, въ которыхъ сосредоточивались лучшія произведенія Индіи и близлежащихъ островов. Таковымъ являлся въ то время Ормусъ, небольшой островокъ при входѣ въ Персидскій заливъ, служившій издавна складочнымъ мѣстомъ торговли Индіи съ Персіею. На немъ былъ прекрасный, самый великолѣпный и самый пріятный на всемъ востокѣ городъ. Сюда-то, изъ знаменитаго рынка Камбая, перевозились ароматы, пряныя коренья и другія драгоцѣнныя произведенія Индіи, сюда направлялись роскошныя плоды Персіи, благовонныя вина Шираза и всякаго рода жизненные припасы; сюда несли Калькутта и Малакка свои богатства почвы, сюда изъ Кермана и другихъ городовъ Персіи доставлялись оружіе, прекрасные ковры, квасцы, бирюза, такъ равно и произведенія Аравіи и Еѳіопіи, сюда свозились мѣшками жемчугъ съ Цейлона и Багрейна и, наконецъ, такія прекрасныя женщины, что, по сказанію арабовъ, Магометъ никогда не соглашался посѣтить этотъ городъ, опасаясь не устоять противъ обольщенія. Нѣкоторые изъ описывающихъ Ормусъ разсказываютъ, что по улицамъ его, устланнымъ циновками и коврами молодыя дѣвушки, съ малолѣтства наставленныя всѣмъ хитростямъ разнообразить и усиливать сладострастіе, подавали въ роскошныхъ чашахъ прохладительные напитки богатымъ пер-

сидскимъ и арабскимъ купцамъ, съ важностью прогуливающимся въ длинныхъ шелковыхъ и парчевыхъ одеждахъ, съ кинжалами, украшенными золотомъ или съ раззолоченными луками. Такого великолѣпія и богатства достигалъ Ормусъ (справедливо названный въ то время европейцами проклятымъ Содомомъ) преимущественно потому, что всѣ прибывавшіе въ него купцы, какой-бы религіи не были, съ полною свободою исполняли обрядъ своего вѣроисповѣданія и правосудіе было оказываемо равномѣрно для всѣхъ. Надо полагать, что островъ этотъ пользовался особенными еще привилегіями, потому что назывался у арабовъ Даръ-аль-аманъ, т. е. жилище безопасности. Замѣчательно еще, что здѣсь само начальство городское сортировало и оцѣнивало произведенія, доставляемыя для продажи такъ, что всѣ пріобрѣтали лучшіе товары по дѣйствительной ихъ стоимости.

Клавихо, оставившій намъ подробное описаніе путей, по которымъ слѣдовали въ Ормусъ кафскіе колонисты, говоритъ, что они направлялись въ Султанье, громаднѣйшій въ то время торговый городъ, а изъ него въ поражающій великолѣпными базарами Таврисъ, гдѣ насчитывалось до 300 караван-сараевъ, который, по свидѣтельству Рамузіо, былъ главнымъ складочнымъ пунктомъ Персіи и въ который приходили караваны изъ всѣхъ странъ Азіи, такъ что не было такихъ товаровъ, которыя нельзя было-бы въ немъ найти. Кафскіе купцы привозили въ Таврисъ сукна, бархатъ, мѣха и полотна, взамѣнъ которыхъ вывозили шелкъ, хлопчатую бумагу, ревень, индиго, ультрамаринъ, лакъ и жемчугъ. Здѣсь у нихъ была контора, завѣдывающая торговлею между Индіею и Кафою. Изъ Ормуса доставлялись товары въ Таврисъ различными путями: Персидскимъ заливомъ до Бассоры, а отсюда сухимъ путемъ или сплавлялись по Тигру. Этимъ трактомъ крымскіе итальянцы пріобрѣтали великолѣпныя ткани моссула (мусслины), золотыя парчи, камку и багдатскія шелковыя матеріи, протканныя золотомъ. Третій торговый путь изъ Индіи пролегалъ по

р. Инду, до того мѣста, гдѣ прекращалась его судоходность. Оттуда шли сухимъ путемъ до славной Ганзы и пройдя весь Кандагаръ, вступали въ Бухару, производившую большую торговлю хлопчатою бумагой, шерстью, рисомъ, сухими плодами и шафраномъ. Изъ Бухары шли два пути къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: первый—на Балкѣ большой торговый городъ, Астрабадъ и въ Мазандеранъ, а отсюда чрезъ Каспійское море, поднимались по Курѣ, посѣщали Тифлисъ, столицу Грузіи и спускались по Ріону въ Черное море. Второй путь отъ Бухары шелъ на Астрахань, откуда по Волгѣ плыли на судахъ, а затѣмъ, перетащивъ свои грузы на Донъ, достигали своей колоніи.

Мы указали только на самые отдаленные азіятскіе торговые пункты, куда направлялись отважные купцы Кафы, не считавшіе ни во-что опасность, время, проводимое въ трудныхъ поѣздахъ, и громадные капиталы, потеря которыхъ возможна была на всякомъ шагу при слѣдованіи къ Персидскому заливу. Объ остальныхъ какъ менѣе замѣчательныхъ и имѣющихъ болѣе или менѣе связь съ указанными, мы не станемъ говорить. Намъ желательно было только указать на кругъ дѣйствій описываемаго нами города, чтобы дать понятіе, какое важное значеніе пріобрѣла Ѳеодосійская бухта въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ глазахъ извѣстной въ то время части Европы. При этомъ становится яснымъ причина того великолѣпія и богатства ея, о которомъ мы говорили раньше; но величіе этого города быть можетъ достигло-бы до баснословности, еслибъ Тамерланъ не пресѣкъ жителямъ его сообщеніе съ Китаемъ и еслибъ послѣдніе крестовые походы не возбудили противъ нихъ мусульманскій міръ. Этому въ добавокъ содѣйствовали и папскія буллы, запрещавшія, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, всякаго рода сношенія съ сарацинами. Въ половинѣ XV вѣка торговля кафскихъ генуэзцевъ снова ожила въ полномъ смыслѣ слова, но въ это время и именно 29 мая 1453 года, послѣ 50-дневной осады, Константинополь взятъ былъ турками, сдѣлавшимися

вмѣстѣ съ тѣмъ и обладателями Чернаго моря. Съ этой минуты жители Кафы поняли, что сіявшая надъ ними, въ теченіи двухъ вѣковъ, счастливая звѣзда скрылась отъ нихъ навсегда и что рано или поздно, если христіане западной Европы не изгонятъ варваровъ съ береговъ Константинопольскаго пролива, то имъ прежде другихъ прійдется или бѣжать или умереть на развалинахъ прекрасной своей факторіи. Предвидѣнное исполнилось ровно чрезъ 22 года.

Кафскія колонисты, ласкавшіеся иногда надеждою на значеніе и силы метрополіи своей, которая страдала въ то время отъ споровъ двухъ фамилій за верховную власть, пришли въ отчаяніе, когда въ 1456 году, просьбы ихъ дожа къ королямъ венгерскому, французскому, англійскому и португальскому, о защитѣ Кафы противъ турокъ, остались безуспѣшными. Отчаяніе это усилилось, послѣ разгромленія султаномъ Магометомъ Трапезундскаго императора, уничтоженія сильныхъ укрѣпленій ихъ соотечественниковъ въ Анатоліи и лопнувшей надежды на прибытіе изъ Польши подкрѣпленія. Но преждевременную гибель Кафы ускорили сами-же генуэзцы, заставивъ Менгли-гирей-хана смѣстить правителя сосѣдственнаго имъ татарскаго округа Эминекъ-Бека на ненавистную для тагаръ личность. Обстоятельство это, какъ сказано было раньше, послужило поводомъ къ тому, что вліятельный Эминекъ, соединившись съ нѣсколькими себѣ подобными лицами, возмутилъ татаръ и, не признавая болѣе власти надъ собою хана, отправилъ въ Стамбулъ пословъ съ изъявленіемъ желанія вступить въ подданство Магомета II, если онъ поможетъ имъ выгнать изъ Крыма франковъ. Въ то время, когда прибыло въ Константинополь это желанное посольство, султанъ, владѣющій уже 480 кораблями разной величины, готовился идти на Италію, Албанію, Кандію и Родосъ. Магометъ понималъ, какіе выгоды можетъ извлечь торговля, если онъ сдѣлается полнымъ властелиномъ Чернаго моря; къ тому-же ограбить богатую Кафу, что-нибудь значило для алчнаго къ добычамъ султана. Не медля ни минуты, онъ приказалъ посадить

войска на приготовленныя суда и отправиться въ Крымъ для покоренія Кафы. Когда показался турецкій флотъ въ виду генуэзской колоніи, Эминекъ-Бекъ съ татарами, уже около шести недѣль держалъ городъ въ осадномъ положеніи. Предводительствующій турецкими войсками Капуданъ-паша-Ахметъ, сейчасъ-же приказалъ стрѣлять изъ пушекъ на городскія стѣны, затѣмъ, выгрузивъ часть артиллеріи и устроивъ въ четырехъ мѣстахъ батареи, въ теченіи трехъ дней не переставалъ громить городскія башни и стѣны, которыя готовы были обрушиться, — кафскіе жители упорно защищались, но на пятые сутки городскіе ключи были выданы пашѣ послѣднимъ консуломъ Антоніемъ делла Габелла и совѣтникомъ его, Уберто Скуарчіафико. Исторія клеймитъ этихъ правителей колоніи сильнымъ подозрѣніемъ въ измѣнѣ и считаетъ, что оба они понесли достойную кару отъ самихъ побѣдителей: консулъ былъ сосланъ на тяжкія работы, а совѣтникъ, отправленный въ оковахъ въ Константинополь, преданъ въ темницѣ мучительной смерти. Другіе писатели приписываютъ, что Кафскимъ генуэзцамъ измѣнили восемъ главнѣйшыхъ армянскихъ купцовъ, возмутившихъ народъ въ пользу турокъ и заставившихъ начальниковъ города подписать капитуляцію. Въ награду за эту услугу паша обѣщалъ имъ часть добычи, но, вмѣсто оной, снялъ съ нихъ головы.

Занявъ Кафу, Ахметъ-паша приказалъ всѣмъ жителямъ представить ему опись своему имуществу. Такъ какъ по капитуляціи, подписанной имъ, собственность жителей должна была оставаться неприкосновенною, то колонисты охотно исполнили его приказаніе; но паша, воспользовавшись тѣмъ, что въ описяхъ показаны, противъ повелѣнія его, невольники, приказалъ сначала отобрать ихъ, а потомъ заставилъ хозяевъ выкупить по самой высокой цѣнѣ. Вслѣдъ затѣмъ потребовалъ отъ иностранныхъ купцовъ 25 тысячь дукатовъ въ видѣ контрибуціи, а съ Генуезцевъ сумму, равную половинѣ ихъ имущества. Наконецъ, снявъ личину, онъ приказалъ всѣмъ латинянамъ быть въ готовности ѣхать въ Константинополь. Въ то жевремя онъ выбралъ себѣ

въ янычарскія орты лучшую молодежь города, а 300 самыхъ богатѣйшихъ гражданъ и съ ними вмѣстѣ 162 валахскихъ купца предалъ — казни; первыхъ — съ цѣлью завладѣть ихъ имуществомъ, а послѣднихъ, въ возмездіе за убійство туецкихъ плѣнныхъ въ минувшемъ году палатиномъ молдавскимъ.

Изъ числа отправленныхъ въ Константинополь многихъ тысячь генуэзцевъ на постоянное жительство въ опустѣвшіе кварталы, только 150 человѣкъ, овладѣвъ кораблемъ, скрылись въ Киліи, откуда пробрались въ метрополію съ печальнымъ извѣстіемъ паденія Кафы. *) Такимъ образомъ сокрушилась торговля и вмѣстѣ съ тѣмъ господство генуэзцевъ на Черномъ морѣ послѣ двухъ-вѣковаго существованія Кафы, обагренной невинною кровью множества купцовъ, прославившихъ ее настолько, что весь Крымскій полуостровъ именовался островомъ Кафы (Isola di Caffa).

Со дня вступленія турецкихъ войскъ въ Кафу, Магометъ II, сдѣлался владѣтелемъ всего береговаго пространства Крымскаго полуострова и занялъ всѣ приморскіе города гарнизонами. Въ Кафѣ учрежденъ былъ санджакъ съ Беглеръ-беемъ и оставлены были наиболѣе преданные ему янычары. Нѣсколько лѣтъ спустя Кафа, переименованная Турками въ Кефе *), снова начала оживать и населяться и снова корабли Стамбула и Малоазійскихъ приморскихъ жителей, начали входить въ ея бухту съ произведеніями своихъ странъ и вывозя изъ нея: мѣха, доставляемыя изъ Россіи, соль, медъ, воскъ, хлѣбное зерно, кожи, овчины, войлоки, шерсть, солонину, баранье сало и невольниковъ, пріобрѣтаемыхъ Кафою изъ Черкесіи. Эти ничтожные, въ

---

*) По Турецкимъ свѣдѣніямъ, при занятіи турками Кафы, въ ней обитало до 6 тысячъ христіанскихъ семействъ, которые имѣли 44 церкви и 30 тысячъ рабовъ. Въ русской лѣтописи подъ 1475 годъ сказано: «лѣта 6983 г. Туркове взяша Кафу и гостей московскихъ много побиша, а иныхъ поймаша, и иныхъ пограбивъ, на откупъ даваше.

*) Нѣкоторые полагаютъ, что она названа этимъ именемъ по сходству съ словомъ *Кяфиръ* или *Кіафиръ* т. е. поганый.

сравненіи съ генуэзскою торговлею, вывозы всетаки были на столько обширны и выгодны, что опустѣвшая Кафа въ XVI столѣтіи по величинѣ и богатству получила названіе Кучукъ-Стамбула или меньшаго Константинополя. Если вѣрить Шардену, бывшему въ Кафѣ въ 1663 году, то въ это время въ бухтѣ ея стояло до 400 судовъ, а въ городѣ обитало до 80 т. человѣкъ. Полтораста лѣтъ спустя въ ней было, судя по словамъ очевидца французскаго посла при ханѣ, г. Пейсонеля, до 111 церквей, монастырей, синагогъ и мечетей и около сотни фонтановъ и до 30 тысячъ дворовъ. Въ обширномъ предмѣстіи въ Ю. З. сторонѣ города проживали преимущественно богатѣйшіе татарскіе мурзы, имѣвшіе здѣсь красивые дома, утопающіе въ зелени садовъ и окруженные роскошными фонтанами, а если вѣрить Боплану, посѣщавшему Кафу также въ 17-мъ вѣкѣ, въ ней было церквей: 12 греческихъ, 32 армянскихъ и одна католическая. Намъ кажется, что свѣдѣнія эти не совсѣмъ вѣрны, потому что нынѣ существующихъ фундаментовъ и слѣдовъ церквей насчитываютъ 17-ть, изъ которыхъ сохранились въ цѣлости до настоящаго времени четыре въ Карантинномъ дворѣ: 1) около фонтана, во имя Св. Димитрія, 2) Св. Благовѣщенія, 3) Св. Великом. Георгія и 4) Св. Апостоловъ. Изъ памятниковъ Турецкаго господства, за исключеніемъ мечетей, нынѣ ничего не существуетъ, хотя и оставалась до 1835 года въ цѣлости великолѣпная баня, съ громадными куполами въ отдѣленіяхъ, но она разобрана на другія постройки. Въ 1771 году, при бомбандированіи ея княземъ Долгорукимъ, Кафа значительно пострадала и хотя снова начала приходить въ первобытное положеніе съ переходомъ во власть крымскихъ хановъ, но опять пришла въ упадокъ съ выходомъ богатыхъ и способныхъ къ торговлѣ армянъ, переселившихся въ Россію въ 1779 году. Не смотря на все это, послѣдній Крымскій ханъ Шагинъ-гирей, въ послѣдніе годы царствованія своего, выстроилъ въ Кафѣ для себя дворецъ на берегу моря въ европейскомъ вкусѣ и, сознавая выгоды мѣстоположенія Ѳеодосійской бухты, серіозно

мечталъ о переносѣ сюда столицы. *) Преданіе говоритъ, что ему въ особенности нравилась здѣсь древняя мечеть античной архитектуры, выложенная внутри мраморомъ и покрытая свинцомъ. Христіанскій храмъ этотъ, превращенный турками въ свою святыню, по свидѣтельству старожилъ, расположенъ былъ не вдали отъ морскаго берега и свободно могъ вмѣщать 2 тысячи человѣкъ. Къ прискорбію нашему эта великолѣпная постройка также какъ и славная Кафская баня разобраны до фундамента въ 1834 году. По историческимъ замѣткамъ барона Ингельстрома, при этой мечети, именуемой ханъ-джами или Біюкъ-джами, состояли на жалованьѣ отъ гирея, (что составляло рѣдкость въ мусульманскомъ мірѣ,) 1 хатибъ (въ родѣ протоіерея), 2 муллы, 4 муэзина и 1 каіюмъ (пономарь). Въ ней всегда горѣли зеленыя восковыя свѣчи и всегда при богослуженіи присутствовалъ муфтій, важнѣйшее лицо въ ханствѣ, имѣвшее резиденцію въ Кафѣ. Что городъ этотъ пользовался особеннымъ значеніемъ въ глазахъ хановъ, это подтверждается не только частымъ ихъ жительствомъ въ немъ, присутствіемъ муфтія, но и тѣмъ, что они здѣсь имѣли самый большой монетный дворъ.

Теперь намъ предстоитъ сказать нѣсколько словъ о Кафѣ послѣ того, какъ она перешла въ наши руки.

Русскіе въ первый разъ завоевали этотъ городъ въ 1771 г. По преданіямъ, сохранившимся у туземцевъ, гяуры или московы, приблизившись къ ней, расположили артиллерію на Лысой горѣ и отсюда начали канонаду, которая предала пламени и разрушенію большую часть городскихъ построекъ, стѣнъ и башень. Тѣмъ временемъ наши войска проникли въ большую крѣпость, которая находилась у главныхъ городскихъ воротъ и истребили весь гарнизонъ, состоящій изъ турецкихъ янычаръ. Чрезъ 12-ть лѣтъ русскіе вторично вступили въ Кафу, но на этотъ разъ съ тѣмъ, чтобы присоединить ее навсегда къ на-

*) Въ бытность Сумарокова въ Ѳеодосіи, зданіе это находилось внѣ первой городской стѣны и принадлежало армянину.

шимъ владѣніямъ. На этотъ разъ орудія не громили ее, но жители турецкаго и татарскаго происхожденія массами выходили изъ нея. Городъ съ каждымъ днемъ пустѣлъ и это отчасти заставляло русскія войска безжалостно истреблять покинутые сады и лѣсныя рощи, которыми изобиловали окрестности города и которые быть можетъ сберегали тѣ источники водъ, которые по свидѣтельству генуэзцевъ образовывали рѣку Истріану. Такимъ образомъ Кафа досталась намъ съ ничтожнымъ числомъ построекъ и народонаселенія. Естественно, что правительство наше, сознавая выгодное положеніе этого города, не могло равнодушно смотрѣть на его опустѣніе и застой торговли. Но для возстановленія его прежней дѣятельности необходимы были важныя пожертвованія. Вслѣдствіе чего въ Кафу, переименованную въ первобытное ея названіе Ѳеодосія, назначенъ былъ градоначальникъ для особеннаго попеченія о привлеченіи поселенцевъ и торговыхъ людей; затѣмъ предоставлены были въ пользу города доходы изъ сосѣдственныхъ соляныхъ озеръ и виннаго городскаго откупа; учреждена банковая контора; отведенъ былъ огромный кусокъ земли для гражданъ; дарована была 25-ти лѣтняя льгота отъ платежа гильдейскихъ повинностей и податей, затѣмъ послѣдовало распоряженіе объ освобожденіи города отъ всякаго рода воинскаго постоя и кромѣ этого приказано было раздать городскимъ обитателямъ заимообразно, на постройки, сто тысячъ рублей. Въ заключеніе-же дарована, въ пользу надобностей города, пятая часть изъ суммы таможенныхъ сборовъ. Очень натурально, что послѣ такихъ важныхъ преимуществъ, Ѳеодосія въ непродолжительномъ времени населилась капиталистами различныхъ націй; но гораздо болѣе она оживилась съ того времени, когда правительство учредило въ ней безпошлинную и безсрочную складку товаровъ, подъ названіемъ транзитнаго торга. Всѣ эти блага навѣрно довели-бы Ѳеодосію до грандіознаго величія, еслибъ безпрерывныя войны наши съ Франціей, Англіей, Турціей и Персіей не повліяли на торговую дѣятельность и еслибъ занесенная въ нее въ 1812 году

чума не истребила и не разогнала-бы большинства торговыхъ представителей. Однако, несмотря на всѣ эти неудачи, въ 1820 годахъ торговля въ Ѳеодосіи достигла до такихъ размѣровъ, что таможенный доходъ простирался до милліона рублей. Но тѣмъ временемъ различныя льготы, предоставленныя Керчи и Бердянску, и открытіе въ Одессѣ порто-франко, такъ сильно отозвались на этотъ, только что оживающій городъ, что онъ быстро началъ клониться къ упадку и дошелъ до того, что еле-еле кое-что вывозилось изъ него за границу. Вслѣдъ затѣмъ Черное море, занятое англо-французскими эскадрами, заставило Ѳеодосійскихъ жителей надолго оставаться безъ всякаго сообщенія съ приморскими городами и, въ виду предстоящей опасности, искать убѣжища внѣ Крымскаго полуострова. Вотъ почему послѣ военнаго времени, прибывъ въ Ѳеодосію на службу, я повсюду встрѣчалъ покинутые и полуразрушенные дома, а народонаселеніе въ крайней нуждѣ. Въ 1856 году, май мѣсяцъ былъ однимъ изъ отраднѣйшихъ въ лѣтописяхъ этого города: въ давнозабытую бухту его почти одновременно прибыло 629 иностранныхъ судовъ для выполненія карантинныхъ постановленій.

Такой-же отрадный день почувствовала Ѳеодосія въ 1859 году, когда главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилось соединить Москву съ нею рельсовымъ путемъ и приступило къ дѣлу. Въ это время полуразрушенные дома какъ-бы волшебствомъ приняли первобытный видъ, а развалины преобразились въ прекрасныя постройки; окрестные участки земель, издавна предназначенные для садоводства, но на которые не являлось охотниковъ, быстро распродались по баснословнымъ цѣнамъ. Словомъ, Ѳеодосія употребила всевозможныя мѣры и средства, чтобы сбросить съ себя несвойственный ея историческому мѣстоположенію горестный видъ, но это была иллюзія—и несчастному своею историческою судьбою городу не суждено было снова воскреснуть и сдѣлаться знаменитымъ рынкомъ между Россіею и Азіею.

Современное положеніе Ѳеодосіи можно выразить слѣдующими словами: она расположена на всемъ почти пространствѣ между бухтою и окружными горами. Къ западу отъ города идетъ обширная долина, покрытая фруктовыми и виноградными садами. Жителей не болѣе 10 тысячь обоего пола, которые состоятъ изъ армянъ, грековъ, русскихъ, караимъ, татаръ, евреевъ, итальянцевъ и другихъ націй. Городъ состоитъ изъ трехъ главныхъ улицъ, перепоясывающихъ его въ длину и четырехъ въ ширину и кромѣ окружныхъ дачь имѣетъ три предмѣстья: Бикарюковку, Карантинную слободку и татарскій форштатъ. Число лавокъ относится къ числу домовъ какъ 1 — 4. Христіанскихъ церквей 7. Изъ нихъ достопримѣчательны по старинѣ Армянская и Карантинная. Изъ прочихъ построекъ: Халибовское училище, основанное съ цѣлью образованія армянъ и недавно отстроенный памятникъ генералу Котляревскому, въ которомъ помѣщенъ музеумъ мѣстныхъ древностей. Ѳеодосія въ настоящее время отправляетъ за границу хлѣбное зерно, кожи и шерсть въ очень незначительномъ количествѣ, а въ русскіе сосѣдніе порты: кирпичь, черепицу и гидравлическую известь. Кромѣ этого, въ бухтѣ ея почти ежегодно ловятся, въ значительныхъ размѣрахъ, сельди, кефаль и т. п. рыба, которая, доставляя бѣднякамъ пищу, въ тоже время даетъ средства для пріобрѣтенія другихъ потребностей жизни. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, который принадлежитъ къ самымъ плодороднѣйшимъ въ Тавридѣ, но къ сожалѣнію заключающемъ неболѣе 40 т. народонаселенія. Плодородіе его извѣстно еще со временъ Босфорскаго царя Левкона и не смотря на то, что съ того времени прошло болѣе 20 столѣтій, онъ по прежнему, при нѣсколькихъ своевременныхъ дождяхъ, приноситъ земледѣльцу отъ самъ 20 до самъ 25 на зерно при двукратной косовицѣ сѣна. Но не въ одномъ только производствѣ хлѣбнаго зерна славится этотъ уѣздъ: юго-восточная часть его, представляя живописную природу изобилуетъ чрезвычайнымъ множествомъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ,

число которыхъ превышаетъ пять тысячь и снабжаетъ большую часть Россіи виноградомъ, винами и другаго рода плодами, а С. В. нефтяными колодцами, доставляющими превосходнаго качества фотоженъ.

Арабатъ.

По словамъ Страбона, приведеннымъ нами въ началѣ этого отдѣла, Ираклеонъ находился недалеко отъ самаго узкаго мѣста у Палюса-меотійскаго. Къ этому Діодоръ сицилійскій добавляетъ, что не въ дальнемъ разстояніи отъ Пантикапеи существовалъ городъ Гаргауза, около котораго Евмилъ, сынъ Перисадовъ, разбилъ Притана и прогналъ его къ перешейку Меотійскаго озера. Розыскивая мѣстность, гдѣ-бы могъ быть этотъ городъ, мы при соображеніи значенія Арабатской стрѣлки для Босфорскаго царства, должны были придти къ убѣжденію, что выходъ этотъ долженъ былъ быть защищеннымъ самымъ тщательнымъ образомъ и что при немъ находилась постоянная стража. Предположеніе наше оправдывается названіемъ, указаннымъ Страбономъ, которое воспроизведено отъ столбовъ Иракловыхъ. Если укрѣпленіе это именовалось Ираклеономъ, то очень можетъ быть, что состоящее невдали отъ него поселеніе носило названіе Гаргазы. Для убѣжденія въ этомъ, намъ достаточно представить, что Арабатская стрѣлка была Гибралтаромъ Босфорскаго царства и что у мѣста соединенія ея съ полуостровомъ необходимо было имѣть укрѣпленіе; но одно укрѣпленіе, безъ достаточнаго числа воиновъ, не могло имѣть значенія и вотъ почему мы встрѣчаемъ къ окрестностяхъ Арабата, на стрѣлкѣ и на островѣ Сиваша, могильные курганы, свидѣтельствующіе о мѣстопребываніи здѣсь человѣка съ глубокой древности. Ираклеонъ, повидимому, сохранилъ слѣды своихъ укрѣпленій до временъ появленія Турокъ, которые, понявъ, что значеніе укрѣпленія на этомъ мѣстѣ настолько-же важно какъ и въ Перекопскомъ перешейкѣ, не замедлили воздвигнуть, на

бывшихъ развалинахъ его, обширную крѣпость съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ, обложеннымъ камнемъ. Въ крѣпости этой, также какъ и въ давно минувшія времена, обитали турки, что подтверждается существующими при ней развалинами мечети, бани и казармъ.

Въ 1737 году къ крѣпости Арабатской подступилъ фельдмаршалъ Ласси, рѣшившійся напасть на Менгли-гирей-хана въ тылъ, который ожидалъ его съ многочисленнымъ войскомъ подъ укрѣпленіями Перекопа. Арабатъ опустѣлъ послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго міра.

Керчь.

Едва-ли встрѣтится въ наше время грамотный человѣкъ, которому неизвѣстно названіе этого города, славнаго своею исторіею, памятниками древности и драгоцѣнными находками, украсившими Петербургскій эрмитажъ. Керчь расположена на восточной окраинѣ Таврическаго полуострова у обширнаго залива, образованнаго проливомъ, соединяющимъ Азовское море съ Чернымъ, противъ Таманскаго полуострова. По предположеніямъ древнихъ писателей, Керчь, подъ названіемъ Пантикапеи, основана за 480 лѣтъ до Р. Х., но свѣдѣніе это весьма вѣроятно относится къ той эпохи, когда городъ этотъ сдѣлался столицею архонтовъ Босфорскаго царства или обратилъ на себя вниманіе тогдашняго образованнаго міра. По географіи Стефана Византійскаго, основателями Пантикапеи были колхидяне, предводительствуемые Аэтомъ, который получилъ отъ скиѳскаго царя Агатая, страну лежащую при устьѣ рѣки Пантикапея. Подъ именемъ этой рѣки мы разумѣемъ Керченскій проливъ. Городъ этотъ былъ построенъ на горѣ со стороны Тавріи; гавань его была на восточной сторонѣ, а близъ его стѣнъ находилось мѣстечко Пантикапумъ. Геродотъ (кн. 2 и 4 въ §§ 104 и 81) предполагаетъ, что появленіе грековъ въ Пантикапеѣ слѣдуетъ отнести къ временамъ возмущенія персидскихъ сатраповъ грече-

скаго происхожденія противъ Дарія. Константинъ Порфирородный и Кедринъ свидѣтельствуютъ въ томъ только, что Пантикапея существовала за 480 лѣтъ до Р. Х. По разсказамъ всѣхъ другихъ исторіографовъ городъ этотъ основанъ не раньше похода Дарія Испаста на Скиѳію (около 515 г.) и не позже паденія Милета (въ 494 г. до Р. Х.). Сообразивъ всѣ эти предположенія съ свидѣтельствомъ Діодора, который считаетъ въ Пантикапеи перваго царя за 480 лѣтъ до Р. Х., а сами пантикапейцы были убѣждены въ томъ, что первое поселеніе ихъ основано здѣсь со времени похода аргонавтовъ, мы приходимъ къ слѣдующаго рода заключенію: что по берегамъ Киммерійскаго пролива, богатаго рыбными ловлями и расположеннаго въ центрѣ двухъ морей при сосѣдствѣ богатѣйшихъ странъ, со стороны юго-восточной Европы, существовали съ глубочайшей древности поселенія грековъ, которыя по временамъ имѣли сообщенія съ эллинами и которыя навѣрно возбудили походъ аргонавтовъ; въ противномъ-же случаѣ обитатели древней Эллады не имѣли-бы понятія ни о древней Колхидѣ, ни о золотомъ рунѣ. Что греки хорошо знакомы были съ прибережными жителями Тавріи и ихъ важнѣйшими поселеніями это опредѣляется Гомеромъ въ его Илліадѣ и Одиссеѣ; участіемъ Ѳоаса въ Троянской войнѣ и подвигами Ифигеніи, Ореста и Пилада. Слѣдовательно мѣстечко Пантикапумъ, какъ сказано выше (основанное при устьѣ рѣки Пантикапеи), существовало за многіе вѣка раньше до похода Дарія на скиѳовъ, но очень можетъ быть окончательно населилось послѣ него (какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ), взбунтовавшимися греками, которые имѣли случай видѣть счастливую жизнь единоплеменниковъ своихъ на этой мѣстности. Замѣчательно однако, что Геродотъ, дважды бывшій въ половинѣ 5 вѣка до Р. Х. въ пристаняхъ Пантикапеи, не упоминаетъ о мѣстечкѣ подъ этимъ именемъ, но говоритъ о существованіи Киммеріона и Порѳмеи (кн. IV, 12 и 45) между тѣмъ, по разсказу Льва діакона Калойскаго, участвовавшій въ

троянской войнѣ Пелеевъ, сынъ Ахиллъ, былъ изъ Мирмикіона *). При такой путанницѣ въ свѣдѣніяхъ, завѣщанныхъ намъ древними писателями о времени основанія Пантикапеи, намъ конечно приходится оставаться при своихъ убѣжденіяхъ и перейти къ изображенію Пантикапеи въ то время, когда она была извѣстною столицею Босфорскаго царства.

Первыя свѣдѣнія о положеніи этого города оставлены намъ Страбономъ, который, какъ извѣстно, писалъ въ началѣ 1 вѣка. По его разсказу (кн. VII гл. 4 стр. 309) „Пантикапея представляетъ холмъ, населенный на 20 стадій въ окружности. На восточной сторонѣ она имѣетъ гавань съ верфью, въ которой можетъ помѣститься до 30 кораблей и кромѣ того есть въ ней акрополь“... На основаніи этихъ словъ мы вправѣ предполагать, что городъ этотъ занималъ окружность холма извѣстнаго въ наше время подъ именемъ Митридатовой горы, а гавань съ верфью была въ виду теперешней Керчи. Что-же касается акрополя, то онъ вполнѣ представляя здѣсь значеніе свое *), находился на краю города и господствовалъ надъ предохранительнымъ рвомъ.

Въ отдѣлѣ греческаго господства въ Тавридѣ мы отчасти познакомили читателя съ историческою судьбою этого замѣчательнаго города; теперь скажемъ объ его величіи, богатствѣ, торговлѣ и внезапной гибели.

Величина Пантикапеи, хотя никѣмъ изъ древнихъ писателей не опредѣлена съ достовѣрностію, но мы, при существованіи вала, идущаго отъ золотаго кургана или отъ акрополя, сами можемъ опредѣлить ее, такъ какъ валъ этотъ не могъ имѣть другаго назначенія, какъ предохраненіе столицы отъ внезапнаго нашествія кочующихъ племенъ и въ тоже время опредѣлялъ городскую черту, за которую никто не рѣшался пе-

---

*) Городокъ около Пантикапеи. Объ этомъ говорится подробнѣе въ отдѣлѣ древностей Тавриды.

*) Въ переводѣ: край города.

реступить. Весьма вѣроятно, что обширная площадь эта далеко не могла вмѣстить въ себѣ увеличивающееся народонаселеніе Пантикапеи и заставляла ихъ искать себѣ пристанище въ окрестностяхъ и основать нѣсколько городовъ и поселеній, вслѣдствіе чего Амміанъ Марцелинъ, жившій до конца IV вѣка, называетъ ее матерью всѣхъ милезійскихъ городовъ Босфора. Этихъ данныхъ при томъ, что Пантикапейскіе архонды величались всѣми царями, достаточно для убѣжденія, что крошечное царство это, было густо населено и по богатству своему принадлежало къ числу самыхъ счастливыхъ для того времени. И въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ наше вниманіе на тѣ величественныя могилы, которыя открыты въ окрестностяхъ этого города и на устройство которыхъ потребовалось-бы въ наше время громадное количество денегъ и усилій разумнаго человѣка, то ни на минуту не станемъ сомнѣваться, что жители Пантикапеи обладали значительными богатствами и легко могли жертвовать большими суммами денегъ на устройство храмовъ и различныхъ игръ въ честь обожаемыхъ представителей верьховныхъ силъ. При такихъ условіяхъ, мы въ правѣ предполагать, что здѣсь красовались величественныя капища съ не менѣе величественными статуями; что здѣсь всѣ старались заслужить вниманіе эллиновъ, считавшихся въ то время лучшими представителями человѣческаго рода, что доказывается тѣмъ, что самый умный изъ ихъ царей, Левконъ, платилъ такимъ ораторамъ, какъ Демосѳенъ и Изократъ за то, что они возхваляли его достоинства предъ аѳинянами. Ясно, что Пантикапея, въ лучшій періодъ своей самостоятельности, употребляла всѣ усилія достигнуть той славы, которою пользовалась Аттика и чрезвычайно разумно вела себя въ отношеніи къ образу управленія и, въ особенности, въ сношеніяхъ съ иностранцами. Это доказывается тѣмъ участіемъ, которое принимали пантикапейцы въ жителяхъ Аѳинъ въ голодные годы и, наконецъ, тѣмъ, что имена ихъ царей заносились въ списокъ важнѣйшихъ гражданъ Эллады и, кромѣ того, статуи ихъ, наравнѣ съ божествен-

ными ставились въ аѳинскомъ акрополѣ съ цѣлью, обезсмертить въ поколѣніяхъ.

Имѣя въ виду подобныя стремленія Пантикапейцевъ, мы, соображаясь съ прекрасною архитектурою ихъ могильныхъ памятниковъ, властны заключить, что и зданія ихъ воздвигались въ томъ-же вкусѣ и нисколько не уступали лучшимъ постройкамъ Эллады, тѣмъ болѣе, что они имѣли на мѣстѣ превосходный мягкій камень, который рубился подобно дереву и могъ служить для всякаго рода украшеній; о домашней утвари ихъ, мы можемъ судить по великолѣпной отдѣлкѣ глиняной посуды и кипарисныхъ гробовъ, потому что Кавказъ, прилегающею къ нимъ частицею, изобиловалъ орѣхомъ, чинаромъ и палисандрою, которые вѣроятно во всѣ времена предпочитались другимъ лѣснымъ матеріаламъ.

Встрѣчая въ большинствѣ кургановъ, окружающихъ Керчь, золотыя вещицы, мы не ограничиваемся тѣмъ, что металлъ этотъ привозился сюда только изъ Урала и Алтая, но и добывался въ Кавказскихъ горахъ. Онъ-то, составляя по видимому громадный промыселъ для Пантикапейцевъ, предоставлялъ имъ взамѣнъ серебро изъ Элладскихъ рудниковъ, которое цѣнилось у нихъ чуть-ли не выше всѣхъ другихъ металловъ. Свозя сюда всѣ лучшія произведенія окрестностей Азовскаго моря, Восточной Россіи, Сибири и Кавказа, Пантикапейцы пользовались еще баснословными урожаями хлѣбнаго зерна на принадлежащихъ имъ пространствахъ, начиная отъ Скиѳскаго рва до предѣловъ Таманскаго полуострова. Этого мало, богатство рыбныхъ ловлей въ проливѣ и Меотійскомъ морѣ, тутъ-же нескончаемые рудники соли и сосѣдство скотоводовъ предоставляли имъ такія громадныя массы продуктовъ, въ которыхъ нуждались древнія образованныя страны, что Пантикапеѣ справедливо присвоено названіе житницы Аѳинъ, а кромѣ этого *тариксоплеосъ Босфоросъ* т. е. города переполненнаго солониной. Сбывая всѣ эти произведенія по выгодной цѣнѣ, пантикапейцы взамѣнъ вывозили съ западныхъ странъ мануфактурные товары, которые

большинствомъ вымѣнивались Скиѳамъ и жителямъ Кавказа на кожи, шерсть, воскъ, золото, невольниковъ и т. п. продукты, имѣвшіе хорошій сбытъ на извѣстныхъ, въ то время, рынкахъ Средиземнаго моря. Этого достаточно для представленія, какими легкими способами могли обогащаться предпріимчивые обитатели Пантикапеи, а при богатствѣ слѣдуетъ необходимость прикрыть себя отъ набѣговъ и всякаго рода случайностей. Въ эту-то эпоху являются тѣ укрѣпленія вокругъ Пантикапеи, слѣдовъ которыхъ мы не встрѣчаемъ болѣе, но объ исправленіи которыхъ, много вѣковъ спустя, судя по Прокопію, заботился императоръ Юстиніанъ I, царствовавшій въ VI столѣтіи.

Затѣмъ слѣдуетъ провозглашеніе архондовъ царями, чтобы придать имъ первенство надъ прочими самостоятельными княжествами въ Тавридѣ, и уравнить съ тѣми народностями, которыя тщеславились властью и величіемъ своихъ монарховъ. Мы не отвергаемъ и того, что Пантикапейцы должны были всецѣло вручить заботливость, объ охраненіи своихъ границъ и интересовъ такому лицу, которое было-бы заинтересовано своимъ положеніемъ, и, ради собственныхъ благъ, отстаивало общественные интересы и лично распоряжалось войскомъ и представителями судебной и административной власти, такъ какъ община была предана различнаго рода предпріятіямъ и положительно не имѣла свободнаго времени, заниматься никакими дѣлами, кромѣ коммерческихъ. Благоразумное управленіе первыхъ царей въ Пантикапеи безъ сомнѣнія, было поводомъ, что власть ихъ сдѣлалась наслѣдственною до тѣхъ поръ, пока поколѣнія ихъ не утратили самостоятельности своей или не отдались подъ покровительство иностранныхъ царей. Послѣдующею властью въ Босфорскомъ царствѣ былъ верховный Совѣтъ, дѣйствующій обще съ представителями различныхъ сословій, который дѣлалъ постановленія свои, оглавляя ихъ: *постановленіемъ Совѣта и приговоромъ народа.* Затѣмъ слѣдовало народное собраніе, которое обсуждало или выслушивало постановленія власти и заботилось о приведеніи его въ исполненіе. Кромѣ этихъ, были отдѣльные

начальники въ родѣ епимелитовъ, завѣдывавшихъ религіозными обрядами, торжищемъ, гимназіями, архивомъ и т. п. Обезпечивъ себя и на этомъ поприщѣ, счастливымъ пантикапейцамъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ искать развлеченій въ особенности въ зимнее время, когда проливъ и Меотійское море (Азовское) покрывались льдомъ и прекращалось движеніе судовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти богачи заманивали для этой цѣли изъ Аѳинъ лучшихъ актеровъ и руководителей народныхъ игръ. Къ нимъ присоединялись художники, скульпторы, рѣзчики и различнаго рода техники, которые, развивая врожденную въ нихъ страсть къ предметамъ роскоши, оставили намъ множество драгоцѣнныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о вкусѣ и умственномъ развитіи обитателей Пантикапеи въ лучшую эпоху ея самостоятельности.

Естественно, что если мелочи, доставшіеся намъ изъ земли отъ этой эпохи, заставляютъ насъ удивляться потребностямъ обыденной жизни пантикапейца, то какъ долженъ быть богатъ городъ ихъ храмами и статуями при стремленіи не уступать ни въ чемъ древней Элладѣ. Какъ были оживлены растительностію нынѣ голыя окрестности Керчи, свидѣтельницы различныхъ священныхъ игръ; какая была дѣятельность на верьфи, куда свозился дорогой матерьялъ съ прибережья Кавказа и какова была картина на величавый Митридатовскій холмъ, который со всѣхъ сторонъ и на всякомъ шагу занятъ былъ Богъ вѣсть какими постройками. Пантикапеецъ не оставилъ безъ вниманія и громадный естественный камень на этой горѣ и нарѣзавъ на немъ нѣсколько ступеней для удобнаго восхода, чтобы наслаждаться величественнымъ видомъ пролива и юго-западныхъ окрестностей, заставилъ вѣрить современниковъ нашихъ, что эта скала была кресломъ Митридата. Къ этому блистательному періоду надо отнести и самое твердое положеніе династіи, которая распространила владѣнія царства до окрестныхъ горъ Ѳеодосіи.

Но, увы, не долго пришлось наслаждаться Пантикапеѣ сво-

имъ величіемъ: тѣ-же монархи, которые довели ее до цвѣтущаго состоянія, ихъ царствующіе потомки низвели государственныя силы и народъ до такого печальнаго состоянія, что Скиѳы положительно начали господствовать надъ Босфоромъ. Это безвыходное положеніе дало возможность Митридату понтійскому воспользоваться присоединеніемъ Босфора къ занятому войсками Херсонесу и провосгласить себя покровителемъ всѣхъ эллиновъ въ Тавридѣ, но съ тѣмъ, чтобы обложить ихъ данью. Невниманіе этого государя къ пріобрѣтеннымъ такимъ легкимъ способомъ въ Тавридѣ землямъ еще болѣе посодѣйствовало къ анархіи и грабежамъ скиѳовъ. Тогда Пантикапейцы, собравшись съ послѣдними силами, рѣшились завоевать себѣ свободу и славу предковъ; но, разбитые Митридатомъ, должны были смириться предъ волею поработителя. Съ этой минуты они уже были рабами чуждыхъ имъ монарховъ, не имѣвшихъ надобности уважать ихъ правъ, но вслѣдъ затѣмъ достались римлянамъ, которые возводили на престолъ не такихъ людей, которые могли доставить счастіе подданнымъ, но которые заботились о своихъ выгодахъ. Долго терпѣли Пантикапейцы эту жалкую участь, но наконецъ еще разъ рѣшились собраться съ послѣдними силами, чтобы завоевать самостоятельность, но и на этотъ разъ ихъ постигла таже неудача: Маркъ Випсаній Агриппа нанесъ пантикапейцамъ такой ударъ, который отнялъ у нихъ навсегда энергію и предалъ рабской зависимости въ продолженіи четырехъ вѣковъ. Очень понятно, что такое положеніе могли выносить только такіе люди, которые могли равнодушно смотрѣть на измѣнившіяся событія и попранныя права предковъ, но всѣ остальные начали покидать Пантикапею. Съ выходомъ ихъ падала и торговля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и столица все болѣе и болѣе склонялась, если не къ упадку, то къ безжизненности или апатіи въ политическомъ отношеніи. Тѣмъ временемъ усилилась вражда ихъ съ Херсонесомъ, повидимому пользующимся сравнительно лучшимъ положеніемъ, и Пантикапейцы открыли цѣлый рядъ воинъ, кончавшихся для нихъ—сна-

чала неудачами, разореніемъ, а въ заключеніе порабощеніемъ. Доживъ до такой жалкой судьбы, естественно, что Пантикапея ожидала перваго врага, который разгромилъ бы ея полумертвую самостоятельность и прекратилъ-бы долговременную агонію подъ безсиліемъ монархической власти. На все это римляне смотрѣли равнодушно, не предполагая, что Готѳы сдѣлаются властителями Рима-повелителя вселенной. Пока этотъ надменный повелитель народовъ терпѣлъ, въ свою очередь, чужеземное иго, несчастное Босфорское царство успѣло сдѣлаться добычею Гунновъ, которые не пощадили въ немъ ничего, составлявшаго его древнюю гордость и славу. Эти послѣдніе, предавъ ее грабежу, не пощадили ни великолѣпныхъ зданій, ни храмовъ, ни предметовъ, напоминавшихъ прошлое величіе. Такимъ образомъ и Пантикапея раздѣлила участь славныхъ городовъ древняго міра; но такія мѣста, какъ извѣстно, никогда не предаются вѣчному опустѣнію и рано или поздно въ нихъ зараждается новая жизнь и дѣятельность, какъ бы для того, чтобы напоминать предназначеніе счастливыхъ мѣстъ. И дѣйствительно, въ VI вѣкѣ переименованная въ Босфоросъ Пантикапея уже имѣла своего христіанскаго епископа, а въ половинѣ 8-го вѣка—тотъ самый храмъ во имя Св. Іоанна, который существуетъ до настоящаго времени. Что было съ Босфоросомъ и какую жизнь вели его новые основатели до нашествія въ Тавриду монголо-татаръ—мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ сказанія Прокопія о постройкѣ Юстиніаномъ новыхъ стѣнъ въ окружности его; свидѣтельства Константина Порфиророднаго, что въ его время Воспорская епархія достигла такого значенія, что переименована въ архіепископію и мраморной плиты съ славянскою надписью о томъ, что въ 1068 г. князь Глѣбъ измѣрялъ море (проливъ) по льду отъ Тмуторакана до Керчева. Какъ не малозначительны эти свидѣтельства, но они намъ повѣдаютъ во первыхъ, что Пантикапея, огражденная стѣнами, которыя были разрушены, на столько была еще значительна, что имѣла надобность въ постройкѣ новыхъ; во вторыхъ, что она достигла

такой цифры народонаселенія, что необходимо было переименовать епископа въ архіепископы и, наконецъ, что Воспоросъ, подпавъ подъ власть русскихъ, получилъ названіе Керчева, безъ сомнѣнія данное ему Хазарами и происходящее отъ слова Чарше (рынокъ). Впослѣдствіе мы снова видимъ Керчь въ числѣ городовъ Византійской имперіи, въ которомъ императоръ Мануилъ, предоставившій генуэзцамъ право торговли во всѣхъ портахъ Чернаго моря, запретилъ имѣть свои конторы и вообще приставать къ этому городу. Послѣ вступленія татаръ въ Тавриду, жители Керчи, не имѣя возможности ни сопротивляться, ни сносить дани съ одной стороны, а съ противоположнаго берега черкескихъ набѣговъ,—поневолѣ должны были частью возвратиться къ единоплеменникамъ въ Малую Азію и Константинополь, а отчасти разойтись по прибрежнымъ поселеніямъ горной части Тавриды. Только немногіе бѣдняки остались въ ней промышлять рыболовлею, къ которымъ вскорѣ присоединились и генуэзцы, открывшіе коммерческія сношенія съ кавказскими племенами. Во времена турецкаго господства, Керчь или Чарше снова сдѣлался рынкомъ Персіи, Индіи и Египта. Въ 1774 году, послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира, покинутая всѣми жителями своими, Керчь населена была Архипелагскими греками, но десять лѣтъ спустя и они переселены были изъ нея въ Балаклаву, такъ что въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ ней было не болѣе 80 домиковъ и одна только улица. Такимъ образомъ, преданная забвенію, она служила обителью рыбаковъ въ продолженіи 20 лѣтъ, но повторяемъ, что такимъ счастливымъ по географическому положенію мѣстностямъ не суждено оставаться долго въ неизвѣстности. Керчь въ наше время безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ и оживленныхъ городовъ южной Россіи. Упершись твердою ногою на развалинахъ древней Пантикапеи, городъ этотъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ больше и больше значенія по торговымъ оборотамъ, которые доходятъ нынѣ до нѣсколькихъ милліоновъ и, весьма вѣроятно, при населеніи Кав-

каза, достигнетъ громадныхъ размѣровъ. Чтобы опредѣлить, въ какой степени онъ оживляетсн въ навигаціонное время, мы скажемъ, что въ виду его останавливаются до 10 тысячъ судовъ при слѣдованіи и въ Азовское и Черное моря, что ежедневно два парохода совершаютъ по два рейса между нимъ и Таманьскимъ полуостровомъ и что всѣ почти пассажиры, слѣдующіе изъ Кавказа, Анатоліи и Россіи чрезъ Тамань и Азовское море, останавливаются въ немъ, одни въ ожиданіи парохода для дальнѣйшаго слѣдованія, а другіе—чтобы осмотрѣть остатки его величественныхъ памятниковъ древности. Кромѣ всего этого, въ окрестностяхъ его, по прежнему, идетъ въ громадныхъ размѣрахъ уловъ сельдей, осетровъ и различнаго рода цѣнныхъ рыбъ; добыча нефти, урожаи на хлѣбное зерно и въ добавокъ открытъ сѣрный источникъ, цѣлительныя свойства котораго начали уже привлекать страждущихъ различными болѣзнями.

Ени-Кале.

Подъ этимъ названіемъ, означающемъ съ турко-татарскаго „новая крѣпость“, существуетъ небольшое поселеніе на берегу Керченскаго пролива, занятое преимущественно рыболовами. Само названіе его свидѣтельствуетъ, что оно основано не такъ давно, съ цѣлью препятствовать русскимъ входить въ Черное море. По нѣкоторымъ источникамъ, крѣпость эта основана султаномъ Ахметомъ по требованію великаго визиря Али-паши. По дневнику-же фельдмаршала Миниха (стр. 122), она построена въ 1706 году и что предъ нею находилась въ водѣ такой длины platte-form-а, что существовалъ въ проливѣ проходъ только для одного корабля. Крѣпость эта, какъ извѣстно, въ числѣ прочихъ турецкихъ, была взята въ 1771 году княземъ Долгоруковымъ и съ тѣхъ поръ оставалась неприкосновенною.

Ени-кале, служа сначала мѣстопребываніемъ турецкаго паши

и довольно сильнаго гарнизона, вскорѣ начало населяться и купцами, перекупающими у черкесовъ скотину и невольницъ.

По нашему предположенію, основаніе Еникальской крѣпости относится къ 1534 году, т. е. ко времени, когда султанъ Муратъ присылалъ въ Крымъ свои войска, чтобы наказать Меметъ-гирей-хана. Послѣ-же Кучукъ-кайнарджинскаго мира она опустѣла, а вслѣдъ затѣмъ ее заняли Албанцы, къ которымъ присоединились греки туземнаго происхожденія. Въ такомъ видѣ существуетъ и до настоящаго времени это мѣстечко съ турецкою крѣпостью, которая съ каждымъ годомъ ветшаетъ. Отъ времени же Архипелажскихъ грековъ, въ немъ не сохранилось ничего, кромѣ бѣднаго памятника надъ прахомъ того митрополита Анѳима Монемвасійскаго, который, поощряя грековъ служить на русскомъ флотѣ при войнѣ съ Турціею, сочелъ за долгъ свой перейти съ ними во вновь пріобрѣтенные русскими города въ 1774 г.

КОНЕЦЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ

КРЫМА

В. Х. Кондараки,

Члена Императорскихъ Обществъ: Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Одесскаго Исторіи и древностей и Ялтинскаго садоводовъ и винодѣловъ.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Веллинга, Англійскій просп., домъ № 10.

1875.

Древности Крыма.

Причины названія страны Тавридою и Крымомъ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію древнихъ развалинъ, надписей и всякаго другаго рода памятниковъ, существующихъ въ Тавридѣ, намъ необходимо познакомить читателя нашего съ происхожденіемъ названій этой страны. Большинство писателей убѣждены что Таврія получила названіе свое отъ города Тафроса или ассирійскаго слова топра: гора. Предположеніе это не заслуживаетъ вниманія на томъ основаніи, что имя это во-первыхъ произведено греками и наконецъ потому что имѣетъ ясное значеніе на языкѣ этого народа: *таэврика* или *та-врика* въ переводѣ означаетъ: нашелъ, открылъ или найденная, открытая.

Такъ точно грѣшатъ наши археологи, производя послѣднее названіе этой страны *Крымъ* отъ нѣкогда существовавшаго въ Тавридѣ города Кеммеріана, Кремни и т. п. сходственныхъ именъ, тогда какъ въ сущности названіе это присвоенное татарами, на ихъ языкѣ имѣетъ двоякое значеніе: *хырымъ*: гибель, опустошеніе или *хырымларъ*: возвышенныя мѣста. Вѣрнѣе-же думать, что оно происходитъ отъ слова Крымъ, означающаго на джагалтайскомъ нарѣчіи подарокъ, какимъ дѣйствительно досталась эта страна Орану отъ Кипчакскаго хана Мангу.

Такъ какъ сказаннаго нами весьма достаточно для опроверженія всѣхъ существующихъ до настоящаго времени предположеній о происхожденіи названій этого полуострова, то мы и приступимъ къ дальнѣйшему повѣствованію.

Храмъ Діаны.

Въ началѣ этнографическаго отдѣла мы имѣли случай замѣтить, что, по разсказу древнѣйшихъ исторіографовъ, амазонки основали въ городѣ Тавруполѣ храмъ въ честь Діаны. Такъ-ли это или нѣтъ, но мы знаемъ по Гомеру и другимъ писателямъ, что храмъ этотъ дѣйствительно существовалъ въ Тавридѣ, что въ немъ была жрицею еще во времена троянской войны Ифигенія, дочь царя Агамемнона, и что въ заключеніе кумиръ этого божества былъ увезенъ въ Аттику славными дружбою Орестомъ и Пилатомъ. Къ сожалѣнію до настоящаго времени никто не занялся не только опредѣленіемъ мѣстности, гдѣ именно могъ быть въ Татридѣ храмъ этой богини, но даже сгруппировкою свидѣтельствъ всѣхъ древнихъ бытописателей о томъ, что дѣйствительно въ странѣ этой находился храмъ съ истуканомъ Артемиды. Задавшись мыслью всецѣло посвятить читателя въ исторію Крыма, мы находимъ нужнымъ обратить вниманіе на этотъ первый памятникъ и возможно подробно поговорить о немъ. Кромѣ Гомера и Геродота, свидѣтельствующихъ о существованіи въ Тавріи храма въ честь Діаны, куда прибыла Ифигенія, объ этомъ свидѣтельствуютъ и другіе. Такъ напр. по Скимну Хіоскаго (изд. Гудзона стр. 48) Ифигенія прибыла на мысъ Кріу-метопонъ (Аю-дагъ). По Діодору Сицилійскому въ Тавридѣ существовалъ обычай приносить въ жертву Артемидѣ всѣхъ чужеземцевъ, пристававшихъ къ ихъ берегамъ. Тамъ-то впослѣдствіи Ифигенія, ставъ жрицей этой богини, приносила ей въ жертву всѣхъ плѣнниковъ. По разсказу Еврипида: Орестъ и Ифигенія, убѣгая отъ береговъ Тавриды, увезли съ собою и кумиръ Діаны, будто-бы упавшій съ неба и, при-

везя его въ Элладу, поставили въ Брауронѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Аттики. Это подтверждаетъ и Павзаній (кн. 1 стр. 33); по другимъ-же, кумиръ этотъ оставленъ былъ въ мѣстечкѣ Арафенидѣ. По свидѣтельству Страбона (кн. VII гл. IV стр. 306) мы узнаемъ, что обожаніе Артемиды продолжалось въ Тавридѣ и въ его время. Вотъ его слова: въ Херсонесѣ видѣнъ Парѳеніонъ, храмъ демонической богини, отъ котораго названъ мысъ, находящійся въ 100 стадіяхъ отъ города съ храмомъ и деревянной статуей богини. Овидій въ своихъ Понтикахъ сообщаетъ „что храмъ Артемиды, поддерживаемый огромными колоннами, донынѣ существуетъ въ Тавридѣ, куда восходятъ по лѣстницѣ въ 40 ступеней. Молва гласитъ, что нѣкогда въ этомъ храмѣ находилась статуя божества, съ неба явившагося. Несомнѣнно то, что подножье ея до нынѣ находится въ храмѣ; камень, изъ котораго сдѣланъ жертвенникъ, сперва былъ бѣлымъ, но цвѣтъ его измѣнился: онъ сталъ краснымъ отъ крови, которою былъ орошаемъ. Женщина, для которой никогда не возжигался факелъ гименея и по роду благороднѣйшая изъ скиѳскихъ дѣвъ, занимаетъ при жертвоприношеніяхъ первое мѣсто. Каждый пришлецъ изъ чужихъ краевъ долженъ пасть подъ священнымъ ножемъ жрицы: таково жертвоприношеніе, установленное предками.

Такимъ образомъ всѣ почти древніе географы свидѣтельствуютъ, что въ Крыму былъ знаменитый храмъ въ честь Діаны, прозванной Таврическою. Обстоятельство это заставило послѣдующихъ за ними писателей думать, что храмъ этотъ находился на Трахейскомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ Херсонеса, на мѣстѣ нынѣшняго Георгіевскаго монастыря. Заблужденіе это воспроизведено Страбономъ, написавшимъ, что въ окрестностяхъ Херсонеса существовало капище въ честь нѣкоей дѣвы... но намъ хорошо извѣстно, что Херсонесъ основанъ не раньше 6-ти или 7-ми столѣтій до Р. Х., а храмъ Діаны въ Тавридѣ пользовался извѣстностью у грековъ еще во время Троянской

войны. Для подтвержденія послѣдняго приведемъ повѣствованія изъ Гомера, Гезіода и Еврипида:

„Когда соединенный греческій флотъ, въ числѣ двухъ тысячъ кораблей, собрался въ Авлидѣ, Агамемнонъ, предводительствующій ими, однажды по ошибкѣ или изъ презрѣнія къ чужой собственности, застрѣлилъ оленя въ рощѣ, принадлежащей жрецамъ Діаны. Святотатство это не осталось безнаказаннымъ: оскорбленная богиня остановила дуновеніе вѣтровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весь предводительствуемый Агамемнономъ флотъ, который возроптадъ и громко обвинялъ въ этомъ предводителя своего, какъ осквернителя ограды священнаго лѣса и оскорбителя жрецовъ. Наконецъ вопрошаютъ прорицателя, который отвѣтствуетъ, что беззаконіе, дозволенное Агамемнономъ, не иначе можетъ быть очищено, какъ только кровью виновнаго и, что слѣдуетъ принести въ жертву его дочь Ифигенію. Агамемнонъ колеблетъ покорность и посылаетъ за дочерью своею Улисса, одного изъ ревностныхъ союзниковъ своихъ, подъ предлогомъ сочетанія ея съ Ахиломъ... Улиссъ доставилъ ее съ матерью въ Авлиду и предалъ въ руки жрецовъ; но, увѣдомленный объ этомъ, Ахилъ мужественно презираетъ власть Агамемнона, удаляетъ окружавшую уже олтарь и дожидавшую жертвоприношенія стражу, не видя невозможность сочетаться съ нею во время похода, поручаетъ ее царю Ѳоасу, и проситъ отвезти ее въ Таврію, за 1219 лѣтъ до Р. Х.

Ѳоасъ не замедлилъ возвратиться съ нею въ Тавриду, но, не смѣя отторгнуть ее вовсе отъ алтаря Діаны, которой обѣщана была и отступить отъ исполненія прорицанія, посвятилъ ее во храмъ этой богини, воздвигнутой въ Таврополѣ Амазонками...“

Приведеннаго нами достаточно, чтобы разувѣрить тѣхъ, которые, увлекаясь повѣствованіемъ Страбона, вообразили, что онъ указывалъ, на Трахейскомъ полуостровѣ, тотъ самый храмъ Діаны, гдѣ была жрицею дочь Агамемнона. Археологи эти не хотѣли даже подумать, что храмы въ честь этой богини воздвигались и внѣ Тавриды, но что это еще не означало, что

при нихъ служила Ифигенія. При этомъ было-бы благоразумно замѣтить, что Тавры обитали въ горной части Крымскаго полуострова и слѣдовательно имъ не кстати было основывать капище свое на Трахейскомъ полуостровѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ и не представляющемъ особенныхъ удобствъ для народонаселенія, не исключительно преданнаго коммерціи; что амазонки никогда не рѣшились-бы основывать поселеній въ мѣстностяхъ легко-доступныхъ и что грекамъ не приходилось-бы называть городъ ихъ Тавополемъ, еслибъ онъ находился не въ мѣстности извѣстной подъ именемъ Таврики. Словомъ, по обсужденіи всѣхъ этихъ данныхъ, намъ приходится вѣрить, что первобытный храмъ Діаны Таврической воздвигнутъ былъ въ центрѣ древней Тавріи или горной части Крыма, гдѣ групировалось ея народонаселеніе, пользуясь удобствами жизни въ климатическомъ, стратегическомъ и матерьяльномъ отношеніяхъ, что заманивало всѣ первобытныя племена. А такъ какъ Таврію составляла небольшая полоса земли, начиная отъ нынѣшнихъ Байдарскихъ воротъ до окрестностей Ѳеодосіи, то намъ приходится искать слѣдовъ Тавополя и знаменитаго храма Діаны Таврической на этомъ пространствѣ.

По свидѣтельству Геродота намъ извѣстно, что капище Діаны, въ которомъ служила жрицею Ифигенія, составляло пещеру на возвышенной горѣ, откуда сбрасывались тѣла принесенныхъ въ жертву иностранцевъ въ морскую пучину. Кромѣ этого мы знаемъ, что Орестъ съ Пилатомъ, прибывшіе за похищеніемъ Ифигеніи, подошли съ своимъ судномъ къ подножію храма, никѣмъ незамѣченные, и спрятали свое войско въ скалахъ.

Обсуживая эти данныя и примѣняя ихъ къ берегамъ классической части Тавриды, мы находимъ слѣдующее: что если когда-либо существовалъ въ Тавридѣ храмъ Діаны, то онъ находился на оконечности Аю-дага, — той самой скалы, которая, вдаваясь далеко въ море, извѣстна была древнимъ грекамъ подъ именемъ Кріометопона или бараньяго лба, потому что только

она одна выступала въ море и съ оконечности ея можно было сбрасывать трупы въ морскую пучину — и за нею возможно было пристать судну и выгрузить десантъ, не бывъ замѣченными, если только Тавроиоль находился на мѣстѣ нынѣшняго татарскаго селенія Партенита, а храмъ Діаны съ с.-в. стороны Аю-дага. При серьезномъ обсужденіи, мы дѣйствительно, убѣждаемся, что тавры обитали въ Парѳенитѣ и что названіе этого мѣста, происходящее отъ греческаго слова *Парѳени* (дѣва), произошло не случайно, а вслѣдствіе существующаго здѣсь храма во имя дѣвы, такъ точно, какъ и ближайшій портъ назывался дѣвичьимъ*). Что Аю-дагъ пользовался у древнихъ грековъ извѣстностью, намъ повѣтствуетъ Плутархъ слѣдующій миѳъ: по проискамъ Ино, жены ѳивскаго царя Атамаса, дѣти сего послѣдняго отъ перваго брака—сынъ Фиксъ и дочь Гелла, были приговорены оракуломъ къ смерти, но какъ только предположено было приступить къ казни, златорунный баранъ умчалъ ихъ на себѣ въ Колхиду. Половину своей ноши баранъ утратилъ на пути: Гелла утонула въ морѣ, названномъ послѣ того Геллеспонтомъ. На мысѣ Кріометопонѣ, черезъ который повѣсть прокладываетъ путь златорунному барану, утомленный и опечаленный потерею сестры, Фриксъ уснулъ. Замѣтивъ это, жители страны хотѣли плѣнить его, но баранъ закричалъ человѣческимъ голосомъ и пробудилъ его. Вслѣдствіе чего, мысъ получилъ названіе Кріометопона или бараньяго лба. „Страбонъ объ Аю-дагѣ замѣчаетъ, что мысъ этотъ расположенъ противъ Карамвиса, лежащаго на азіятскомъ берегу и что съ извѣстной точки Понта, какъ одинъ, такъ и другой, видны въ одно время.

Не приходится сомнѣваться также и въ томъ, что если дѣйствительно амазонки основали городъ, названный греками по-

---

*) Нѣкоторые изъ переводчиковъ древнихъ географовъ Тавриды переводили слово *Парѳени* (дѣва), Богородицею, только потому, что греки и матерь Бога именуютъ этимъ именемъ.

своему Тавраполемъ, то онъ находился у восточной подошвы Медвѣдь горы, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ находится деревня Парѳенитъ, то самое поселеніе, которое, еще въ VIII вѣкѣ, считалось важнымъ торговымъ пунктомъ.

Приведенныя нами соображенія при взглядѣ на Аю-дагъ, Парѳенитъ и его единственную въ Тавріи бухту *) до того согласуются съ повѣствованіями древнихъ грековъ, что если фактъ сказанія сомнителенъ, то не подвергается сомнѣнію, что мѣстомъ дѣйствія созданной трагедіи избрана Медвѣдь гора.

Храмъ Діаны Таврической воздвигнутъ амазонками, которыя, прославившись воинскими подвигами, сочли нужнымъ соорудить капище отвлеченному идеальному богу, покровителю оружія. Знали-ли они о боготвореніи въ Греціи Марса или просто хотѣли поклоняться божественной силѣ въ образѣ своего пола — неизвѣстно; но изъ повѣствованій первыхъ исторіографовъ мы сознаемъ, что Діана у нихъ замѣняла греческаго бога войны и ей предназначены были жертвы. Изъ тѣхъ-же источниковъ мы имѣемъ возможность предполагать, что не только въ Тавріи, но и другихъ мѣстахъ, гдѣ воздвигались капища въ честь Діаны Таврической, принято было отправлять богослуженіе въ пещерахъ. Обыкновеніе это, вѣроятно, перенято было изъ Тавріи отъ амазонокъ, которыя, по недостатку силы или умѣнія воздвигать прочныя постройки, предпочли занять естественные гроты, расположенные у морской пучины, что необходимо было для удобнаго выполненія обрядовъ жертвоприношенія, которые, по разсказу Геродота, у тавровъ выполнились слѣдующимъ образомъ: „Каждый, пойманный въ Тавридѣ иностранецъ, предназначался въ жертву Діаны Таврической, котораго, послѣ извѣстныхъ церемоній, ударомъ дубины съ булавою по головѣ, повергали на смерть и по отсѣченіи головы, привязывали ее къ кресту, а тѣло сбрасывали въ бездну мор-

*) На пространствѣ отъ Байдарскихъ воротъ до Судака, Партенитская бухта, какъ защищенная съ запада, считается лучшею.

скую". Чтобы сдѣлать послѣднее, необходимо было имѣть капище на возвышенности, далеко вдавшейся въ море, а сколько намъ извѣстно, мѣстность георгіевскаго монастыря, гдѣ предполагаютъ первый храмъ Діаны Таврической, не представляла этого условія и только одинъ Аю-дагъ соотвѣтствовалъ подобному назначенію. Указавъ на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть первый храмъ въ честь Діаны въ Тавридѣ, мы для удовлетворенія любознательности читателя, должны сказать еще нѣсколько словъ объ Ифигеніи, жрицѣ его, на столько прославившейся въ немъ своимъ поведеніемъ, что по словамъ того-же Геродота, тавры говорили, что богиня, которой они приносятъ эти жертвы, есть Ифигенія, дочь Агамемнона.

Ифигенія, прибывъ въ Таврію, приняла на себя обязанность жрицы въ храмѣ Діаны, которая состояла въ приношеніи на жертву иностранцевъ, приводимыхъ къ ней. Между тѣмъ, посвятившій ее на это поприще Ѳоасъ не зналъ, что впослѣдствіи прорицатель Авлиды Халкасъ, устрашенный гнѣвомъ Ахила, жениха Ифигеніи, перетолковалъ прорицаніе свое, что божество требовало крови не Агамемноновой дочери, а другой Ифигеніи, прозванной Ерифилею и рожденной отъ тайнаго союза Ѳезея съ Еленою, сестрою Клитемнестры, прежде нежели она законно вышла въ замужество за Менелая, которую и надлежитъ принести въ жертву въ Авлидѣ на алтарѣ Діаниномъ. Три года послѣ осады Трои, Агамемнонъ, возвратясь въ свое государство, былъ убитъ своею супругою Клитемнестрою, задумавшею возвести на престолъ своего любовника Эгиста. Оскорбленный Орестъ отмстилъ за это матери своей убіеніемъ ея, но вскорѣ, терзаемый совѣстію, почувствовалъ помраченіе разсудка. Дельфійскій прорицатель, къ которому онъ обратился за средствомъ возстановленія здоровья, отвѣчалъ, что по волѣ Аполлона для спасенія себя, онъ долженъ увести сестру свою изъ Тавріи. Орестъ, сообщивъ объ этомъ другу своему Пиладу, немедленно снаряжаетъ корабль и отправляется въ Тавриду. Прибывъ къ мѣсту назначенія, они выбрасываются бурею на бе-

регъ, гдѣ между скалъ скрываютъ матросовъ, а Орестъ отправляется къ храму, съ цѣлью похитить золотаго идола Діаны, сестры Аполлоновой, думая исполнить тѣмъ опредѣленіе Дельфійскаго оракула, въ невѣденіи, что сестра его Ифигенія была жрицею этого храма и что за нею онъ посылался, но въ это время тавры схватываютъ его съ Пиладомъ и представляютъ предъ грозною жрицею, которая уже сыплетъ на плѣнниковъ соль и муку, но затѣмъ изъ дальнѣйшихъ разспросовъ узнаетъ, что одинъ изъ нихъ братъ ея. По чувству сестры, она хочетъ спасти его; какъ только узналъ это Орестъ, онъ присвоилъ себѣ имя друга своего Пилада, а послѣдній назвался Орестомъ. Великодушіе и самоотверженіе это въ пользу дружбы до того поразило Тавровъ, что Ифигеніи легко было испросить для обоихъ пощаду, но едва они получили свободу, какъ сзываютъ своихъ товарищей и нападаютъ на полонившихъ ихъ. Въ битвѣ этой палъ и царь Ѳоасъ. Тогда Орестъ, чтобы буквально исполнить требованіе оракула, не только увозитъ съ собою Ифигенію, но похищаетъ даже и золотой кумиръ Діаны.

Читатель, привыкшій до настоящаго времени вѣрить, что храмъ Діаны Таврической на Трахейскомъ полуостровѣ, имѣетъ полное право замѣтить, что если такіе почтенные писатели, какъ Сестреацевичъ и другіе, ошиблись, то знаменитый Палласъ не могъ быть погрѣшимъ, потому что лично видѣлъ на этомъ мѣстѣ развалины храма, безъ сомнѣнія принадлежащаго до-христіанской эпохѣ. На это мы отвѣтимъ, что въ Тавридѣ было три храма въ честь Діаны и что одинъ изъ нихъ, воздвигнутый Ираклійскими греками на мѣстѣ Георгіевскаго монастыря, не имѣлъ ничего общаго съ храмомъ Діаны Тавровъ, которые всего охотнѣе жертвоприносили въ немъ грековъ, искателей добычи на ихъ берегахъ. По нашимъ убѣжденіямъ, еслибъ подобный храмъ и перешолъ-бы во власть грековъ, то они сокрушили-бы его до основанія, чтобы не оставлять, какъ говорится, въ живыхъ зданіе, предназначенное для истребленія самыхъ смѣлыхъ ихъ соотечественниковъ. Слѣдовательно

храмъ, о которомъ повѣствуютъ Сестренцевичъ, Палласъ, Муравьевъ и т. п., совершенно не тотъ, который составлялъ капище Тавровъ, а храмъ херсонесцевъ или мало-азіатскихъ грековъ, созданный по образцу просвѣщенныхъ въ то время народовъ и въ честь не импровизированной богини, а вѣроятно той Діаны, которая чтилась всѣми греками.

Впрочемъ слава объ Артемидѣ Таврической вскорѣ разошлась по отдаленнымъ странамъ и дошла даже до Аравіи, гдѣ на О. Икарскомъ находился храмъ ея *) по увѣренію Амміана Марцелина, украшенный человѣческими головами **) но и здѣсь какъ на О. Самосѣ ѳракійскомъ и въ Колхидѣ едва-ли существовалъ храмъ, воздвигнутый руками, а безъ сомнѣнія такъ точно какъ и въ послѣднихъ въ одной изъ пещеръ, находящихся надъ пучиною морскою.

Что сталось въ послѣдствіи съ храмомъ Діаны Таврической въ Тавополѣ, послѣ похищенія ея статуи отважными Орестомъ и Пилатомъ,—мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но что касается увезеннаго божества, то древніе греческіе писатели оставили намъ свѣдѣніе, что Эллины, которымъ пришлось обладать кумиромъ Тавровъ чрезвычайно тщеславились имъ и называя священнѣйшимъ изображеніемъ, вѣрили въ различные толки, такъ напримѣръ по Діодору Сицилійскому учредительницею поклоненія таврической Артемиды была Геката, царица Тавріи, которая и повелѣла приносить въ жертву богинѣ этой всѣхъ иноземцевъ, пристававшихъ къ ея владѣніямъ. Геката была дочь царя Перая. Страстно любя охоту, но не встрѣчая достаточно дичи, она нерѣдко пронзала людей стрѣлами. Затѣмъ, изобрѣвъ ядъ, называемый *аконитъ* она отравила отца своего и завладѣла его царствомъ. (кн. IV § XLV).

По Еврипиду, въ то время, когда Орестъ увозилъ уже кумиръ отъ негостепріимныхъ береговъ Тавріи, къ нему явилась

---

*) Страбонъ XVI, 766.

**) Rerum gestarum XXII, 8.

богиня Аѳина и сказала: „воротясь въ Аѳины, вспомни, что на границахъ Аттики есть священное мѣсто близъ каристійскаго берега; народъ мой зоветъ его Гале; тамъ построй храмъ и поставь кумиръ Артемиды; она сохранитъ свое прозваніе Таврической въ память твоихъ странствованій и жестокихъ терзаній совѣсти. Отнынѣ смертные будутъ приносить ей жертвы и моленія не иначе какъ подъ именемъ богини Таврополіи. Твое освобожденіе отъ фурій станутъ праздновать, и ты установишь закономъ, чтобы при празднествахъ этихъ слегка прикасались обнаженнымъ мечемъ къ головѣ человѣка, посвящаемаго на жертву. Но самое жертвоприношеніе замѣнится нѣсколькими каплями крови, пролитой въ честь Артемиды. Ты же Ифигенія, ставъ жрицей богини въ Брауронѣ, тамъ удостоишься принять погребальныя почести. На твою гробницу станутъ возлагать драгоцѣнныя ткани, которыя остаются послѣ женъ, умирающихъ отъ родовъ.“

Однако, по мнѣнію спартанцевъ, настоящая статуя Таврической богини, обожаемой подъ именемъ Артемиды-Орѳіи находилась въ ихъ Лимнеонѣ. Вотъ что повѣтствуетъ объ этомъ Павзаній: мѣсто, называемое Лимнеонъ, посвящено Артемидѣ-Орѳіи. Лакедемоняне увѣряютъ, что деревянная статуя ея та самая, которую Орестъ и Ифигенія унесли изъ Тавриды и которую Орестъ, царь ихъ, привезъ въ эту страну... Таврическая богиня и теперь еще столь знаменита, что народы Каппадокіи, Понта Эвксинскаго и Лидійцы оспариваютъ честь обладанія ея кумиромъ. Впослѣдствіи Селевкъ отдалъ ее Сирійцамъ въ Лаодикею, гдѣ она и теперь находится. Дальнѣйшее повѣствованіе свидѣтельствуетъ, что Ликургъ запретилъ приносить Артемиды Таврической жертвоприношеніе людей, но вмѣсто этого приказалъ бичевать дѣтей до крови, которою и орошать ея жертвенникъ. Статуя ея была очень легка, такъ какъ размѣры ея очень малы, но когда сѣкущіе дѣтей, щадятъ ихъ за красоту или званіе, она становится до такой степени тяжелою, что жрица съ великимъ трудомъ можетъ удержать ее на рукахъ и упрекаетъ сѣкущихъ,

что они причиною ея необычайнаго отягощенія. Таково было почтеніе Артемиды Таврической въ Греціи. Замѣчательно однако, что Геродотъ говоритъ, что, по словамъ самихъ Тавровъ богиня, которой они приносили въ жертву людей, была никто иная какъ Ифигенія, дочь Агамемнона. Павзаній (11, 35, 2) увѣряетъ, что и въ Арголидѣ Артемидѣ поклонялись подъ именемъ Ифигеніи. Какъ-бы тамъ ни было, но мы имѣемъ достаточно основаній вѣрить, что въ Тавридѣ существовалъ храмъ знаменитой Артемиды и что она была главнѣйшимъ божествомъ въ Херсонесѣ, Пантикапеѣ и другихъ городахъ; это доказывается изображеніями ея на монетахъ и надписями на посвященныхъ въ честь ея храмахъ. Въ этихъ городахъ она преимущественно изображалась съ лукомъ и колчаномъ, олонемъ, конемъ или воломъ въ коротокомъ хитонѣ с обнаженною грудью до самой шеи и пристегнутомъ на правомъ плечѣ. Прическа: коса, затянутая на макушкѣ и распускающаяся тонкими кудрями.

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ указать читателю на мѣсто, гдѣ, по предположенію нашему, находился храмъ этой богини. Раньше мы отмѣтили, что онъ нигдѣ больше не могъ находиться какъ на Медвѣдь-горѣ, у подножья котораго расположена небольшая татарская деревушка, до настоящаго времени именуемая Нарсенитомъ. Подъѣхавъ къ селенію этому по экипажной дорогѣ, пролегающей у подошвѣ Аю-дага, путникъ, предварительно переѣзда чрезъ русло рѣки, замѣтитъ на правой тропинку, какъ-бы прорванную дождевыми потоками, которая вьется на прибрежную часть Медвѣдь-горы. Слѣдуя этимъ путемъ, легко подмѣтить, что онъ былъ проложенъ руками человѣка и что по сторонамъ его нѣкогда были какія-то постройки, отъ которыхъ остались обломки черепицы. Взобравшись на первый ярусъ откоса, путникъ поворачиваетъ къ морю, гдѣ существуютъ развалины христіанскаго храма, извѣстныя всѣмъ туземцамъ. Храмъ этотъ основанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было страшное для древнихъ иностранцевъ капище. Изслѣдуя

эту мѣстность, я остался при убѣжденіи, что пещера Діаны и теперь существуетъ, но она завалена, чтобы образовать входъ въ церковь. За храмомъ этимъ до настоящаго времени выглядываютъ изъ земли остріемъ поставленные камни, быть можетъ для опредѣленія священнаго пути, по которому влачились тѣла для сталкиванія въ море съ отвѣсной скалы. Кромѣ этихъ признаковъ не трудно замѣтить что капище это ограждено было стѣною, отъ которой, въ немногихъ мѣстахъ, сохранились слабые слѣды и за которою находилась своего рода авлида (дворъ) или запрещенная роща, нынѣ извѣстная подъ названіемъ Акустанцы (прославленной). Вотъ приблизительный видъ Аю-дага и существующихъ на немъ слѣдовъ капища.

Храмъ Орестеоновъ.

Самоотверженіе Ореста и Пилада и, ихъ безстрашный подвигъ въ глазахъ Тавровъ, при похищеніи истукана Діаны и ихъ богоподобной жрицы Ифигеніи—по свидѣтельству древнихъ писателей, до того поразили Тавровъ, что они воздвигли въ честь этихъ двухъ друзей-героевъ храмъ подъ именемъ Орестеона и причислили ихъ къ сонму боговъ. Храмъ этотъ безъ сомнѣнія воздвигнутъ былъ или на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣйствіе или въ нынѣшнемъ поселеніи Партенитѣ, въ центрѣ обиталища Тавровъ. Послѣднее предположеніе мы допускаемъ на томъ основаніи, что онъ служилъ, для дѣтей строителей, училищемъ познанія великаго значенія дружбы и дол-

женъ былъ находиться въ сосѣдствѣ съ ними. По свѣдѣніямъ, оставленнымъ греческими исторіографами, храмъ этотъ представлялъ исключительно событія, сопровождающія въ Тавріи пріѣздъ и отбытіе друзей, что было написано на мѣдномъ столбѣ; затѣмъ слѣдовали по стѣнамъ его изображенія: а) Слѣдованіе корабля съ Орестомъ и Пиладомъ, б) ихъ крушеніе, г) плѣненіе друзей Таврами и влекомыхъ къ жертвеннику, д) поднятіе руки Ифигеніею на несчастнаго и открытіе въ немъ своего брата. Далѣе слѣдовали изображенія Ореста и Пилада, по полученіи свободы сражающихся, бѣгущихъ къ кораблю съ золотымъ кумиромъ Діаны и Ифигеніею, за которыми слѣдуютъ Тавры и хватаются за руль и корму корабля, чтобы остановить похитителей ихъ святыни, которые пользуясь попутнымъ вѣтромъ быстро удаляются отъ негостепріимныхъ береговъ. Среди всѣхъ этихъ картинъ, лучшею считалась представляющая самоотверженіе Ореста и Пилада для спасенія другъ другу жизни.

По словамъ Лукіана, умершаго въ концѣ 2-го вѣка по Р. Х., эти изображенія еще существовали въ его время *).

Храмъ Орестеоновъ имѣетъ то важное значеніе въ исторіи Тавро-Скиѳовъ, что съ этого времени они, сознавъ силу дружбы, признали ее за первѣйшую добродѣтель и положили вселить ее въ нравы своихъ поколѣній. Въ этомъ зданіи не переставали разсказывать дѣтямъ и юношамъ, въ подробностяхъ всѣ событія, изображенныя на его стѣнахъ, съ цѣлью возбудить у нихъ охоту къ великимъ дѣяніямъ, доступнымъ лицамъ, соединеннымъ неразлучною святостью дружбы. На сколько желаніе основателей Орестеона достигло цѣли—мы не знаемъ; но видимъ изъ разсказовъ **), что даже скиѳскіе цари имѣли друзей, обязывающихся клятвою, не переживать ихъ; а нижеслѣдующіе примѣры, приведенные Лусьеномъ въ исторіи Скиѳовъ,

---

*) См. Lucian Taxor et Mnesip. Ovid. Pont. lib. 3 ep. 2 и Сестренцевичъ Истор. царств. Херсон. 80 стр.

**) Freret Acad. des inscripions et belles lettres t. XIX.

доказываютъ, что святость дружбы дѣйствительно представляла у народовъ Тавриды примѣры баснословнаго героизма. Такъ, однажды Сарматы, внезапно напавъ на Скиѳовъ, на берегу Танаиса, разбили ихъ и многихъ увели въ плѣнъ. Въ числѣ скрывшихся бѣгствомъ, былъ нѣкто Дандамисъ. Когда прекратилось сраженіе, онъ узналъ, что другъ его Амизокъ также плѣненъ. Немедленно возвращается онъ къ мѣсту битвы и отправляется въ непріятельскій лагерь, съ просьбою возвратить ему друга. Плѣнившій Амизока потребовалъ огромнаго выкупа. Дандамисъ, лишившійся всего своего имущества, предлагаетъ самаго себя въ обмѣнъ. Тогда жестокій Сарматъ потребовалъ отъ него глаза. Дардамисъ безъ малѣйшаго возраженія, позволяетъ лишить себя зрѣнія и возращается въ станъ, опираясь на своего друга. Когда они возвратились, Амизокъ въ свою очередь повелѣваетъ ослѣпить себя, чтобы вознаградить самоотверженіе друга.

Нѣкто Васѳъ былъ растерзанъ звѣремъ. Другъ его Бенита, узнавъ объ этомъ, не обращая вниманія на то, что плохо вооруженъ, бросается на губителя друга своего, но, поражая его, самъ получаетъ смертельную рану, отъ которой умеръ. Скиѳы, оцѣнивъ этотъ подвигъ, воздвигнули надъ друзьями памятникъ и такой-же надъ прахомъ звѣря, послужившаго поводомъ выраженія преданности друзей.

Арзакомасъ, посланный къ Левканору, царю Воспорійскому, за данью, воспламенился любовью дочери его Мазеѣ и просилъ ее въ супружество. Одновременно, два богатыхъ князя Лазскій и Маклійскій, сдѣлали такое-же предложеніе. Тогда Арзакомасъ объявляетъ, что онъ богаче князей, потому, что имѣетъ двухъ достойныхъ друзей. Отвѣтъ этотъ возбудилъ улыбку и Мазея обѣщана князю Маклейскому. Смущенный Скиѳъ, по возвращеніи въ отечество, разсказалъ друзьямъ своимъ, Левхату и Макенту, сдѣланную ему обиду. Тогда первый изъ нихъ обѣщаетъ принести голову Левканора, а второй увезти Мазею. Вслѣдъ затѣмъ, Левхатъ летитъ въ Воспоръ, является къ царю и предлагаетъ ему сообщить, выгодную тайну подъ присягою:

Повѣривъ ему, царь вводитъ его въ храмъ, гдѣ Левхатъ отсѣкаетъ у него голову, кладетъ въ котомку и преспокойно садится на лошадь и возвращается къ другу. Макентъ въ свою очередь является къ князю Маклійскому, называется родственникомъ Мазеи, извѣщаетъ его объ упраздненіи Воспорскаго престола и проситъ поспѣшить въ Воспоръ, обѣщая немедленно привести къ нему и Мазею. Князь увлекается его рѣчью, а онъ, между тѣмъ, увозитъ княжну къ другу своему Арзакомасу.

Абавхасъ пріѣзжаетъ въ городъ Борисѳенъ съ женою и двумя дѣтьми. Ихъ сопутствовалъ другъ Гинданъ, который по причинѣ раны на ногѣ не могъ ходить. Однажды, во время ихъ сна, загорѣлся домъ, занимаемый ими. Абавхасъ просыпается, забываетъ жену и дѣтей, беретъ къ себѣ на плечи Гиндана и выноситъ его по лѣстницѣ; между тѣмъ жена его съ трудомъ успѣваетъ спасти только одно дитя. Когда-же стали обвинять Абавхаса въ невниманіи къ семейству, онъ отвѣчалъ: „я могу нажить другихъ дѣтей, но никогда не найду другаго друга, подобнаго Гиндану.“

Токсарисъ повѣствуетъ слѣдующій примѣръ преданности къ нему: путешествуя по Греціи, онъ былъ сопровождаемъ другомъ своимъ Сизиномъ. На возвратномъ пути въ Таврію, по прибытіи въ городъ Амастридъ, они были обворованы. Лишившись всего, Сизинъ заявилъ другу, что онъ будетъ содержать его своими поденными трудами и нанимается въ носильщики, но такъ какъ заработокъ этотъ оказывается ничтожнымъ, то онъ рѣшается сражаться на народномъ празднествѣ, гдѣ бойцамъ выдавали плату впередъ. Его впускаютъ на арену и за вызовъ самаго опаснаго бойца, выдаютъ ему одинъ талантъ серебра (около 1200 руб.). Получивъ эти деньги, Сизинъ, поднося ихъ другу своему Токсарису, состоящему въ числѣ зрителей, сказалъ ему: „если я останусь живъ, то мы подѣлимся ими, если-же я буду побѣжденъ, то отдаю тебѣ все съ тѣмъ, чтобы ты похоронилъ меня.“

Приведенныхъ нами примѣровъ достаточно для уясненія,

что храмъ, созданный Тавро-скиѳами во имя дружбы, предназначался создать таковую въ народѣ, котораго греки считали способнымъ къ варварству и чуждымъ къ усвоенію цивилизаціи. Между тѣмъ, инициатива причисленія Ореста и Пилада къ сонму идеальныхъ представителей высокихъ правилъ жизни, принадлежитъ Таврамъ, и отъ нихъ уже переняли греки, оказанное впослѣдствіи почтеніе къ подвигамъ друзей.

Въ началѣ нашего разсказа, мы выразили убѣжденіе, что Орестеонъ находился или на вершинѣ Аю-дага, или въ самомъ Парѳенитѣ. Со времени основанія этого храма прошло уже около 30 вѣковъ,, но до настоящаго времени ничего, не открыто отъ него на этой мѣстностности, за исключеніемъ медальона съ изображеніемъ Ореста и Пилада, хранившагося въ Одесскомъ музеѣ.

Къ второму разряду памятниковъ, оставленныхъ намъ въ Таврическомъ полуостровѣ, его первобытными обитателями, безспорно принадлежатъ вещи, относящіяся къ каменному періоду, какъ-то: молоты и наконечники стрѣлъ, и затѣмъ уже каменные истуканы, извѣстные у насъ подъ общимъ названіемъ *бабъ*, и такъ называемые пещерные города или крипты, которые, сохранивъ первобытную форму и видъ свой, даютъ намъ возможность сдѣлать имъ описаніе и въ тоже время высказать, какъ существующее о нихъ мнѣніе болѣе серіозныхъ писателей, такъ равно и наши предположенія.

Каменные истуканы или бабы степей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крымскаго полуострова встрѣчаются каменные истуканы, которые, по сходству своему съ наружными формами женщины, прозваны *бабами*. Истуканы эти, въ наше время, какъ драгоцѣнные памятники глубокой старины, собраны съ степей и составляютъ частную собственность.

Изъ нихъ только два остались неприкосновенными, въ окрестностяхъ Бахчисарая, при дер. Топчи-кой и въ дер. Отешель. Туземцы разсказываютъ, что это окаменѣвшія женщины по повелѣнію Аллаха, заслужили проклятіе родителей и въ такомъ видѣ простоятъ по день страшнаго суда, для предупрежденія возмущенія дѣтей противъ отцовъ. Болѣе благоразумные предполагаютъ, что, въ первобытныя времена, подобными истуканами устанавливались границы царства. Разсказы эти естественно выдуманы позднѣйшими обитателями Крыма, и отчасти свидѣтельствуютъ, что грубыя статуи эти не суть произведенія рукъ Монголовъ, появленіе которыхъ въ Европѣ съ подробнымъ описаніемъ ихъ обрядовъ, хорошо извѣстно исторіи.

Бабы эти, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, въ значительномъ числѣ попадаются на равнинахъ между рѣками отъ Днѣпра до Урала, и отчасти въ Сибири къ китайскимъ границамъ. Изъ нихъ лучшими по отдѣлкѣ считаются—Донскихъ и Маріупольскихъ степей. Здѣсь онѣ составляютъ принадлежность насыпныхъ кургановъ, расположенныхъ треугольникомъ, изъ которыхъ одинъ всегда бываетъ обширнѣе и выше остальныхъ. Г. Всеволожскій, говоря объ этихъ неразгаданныхъ до настоящаго времени памятникахъ, полагаетъ, что на высшемъ курганѣ расположена была кочевая палатка князя племени, на второмъ жены его, а на послѣднемъ жреца, и что на память временной резиденціи устанавливались племенемъ эти человѣкообразные монументы.

Предположеніе это нѣкоторыми доморощенными археологами признано за правдоподобное, но никто изъ нихъ не задалъ вопроса: ужели эти странствующіе князья имѣли въ запасѣ такое множество каменныхъ статуй, что могли оставлять ихъ на всякой стоянкѣ и къ этому еще затрачивать безъ всякой надобности, усилія цѣлаго племени для сооруженія кургановъ? Подобная мысль могла бы быть допущенною, еслибъ кочующія племена, по необходимости имѣть пастьбища для стадъ своихъ, не обязаны были, въ теченіи двухъ трехъ мѣсяцевъ, переселять-

ся на другія мѣстности или наконецъ еслибъ на этихъ степяхъ въ избыткѣ добывался камень такой годности и величины, который требовался для сооруженія этихъ истукановъ; но сколько намъ извѣстно подобнаго матеріала не легко добывать на этихъ пространствахъ и слѣдовательно сооруженіе этихъ монументовъ было дѣломъ важной необходимости для цѣлаго племени.

Большинство изъ писателей нашихъ безъотчетно признаютъ каменныя бабы Новороссійскихъ степей за идоловъ монгольскихъ племенъ, нахлынувшихъ въ Европу въ началѣ XIII столѣтія,—вѣроятно на томъ ничтожномъ основаніи, что Малороссы именуютъ ихъ *мамаями*. Предположеніе это болѣе несообразно съ историческими свѣдѣніями и духомъ монголовъ, которые слишкомъ низко ставили женщину и едвали при таковыхъ убѣжденіяхъ возвели бы полъ ея до степени божества.

Чтобы узнать намъ религіозные догматы Монголовъ, послѣдуемъ за Іоанномъ де-Плано-Карпини первымъ христіанскимъ посломъ къ нимъ въ 1245 г., который съ удивительною точностію описалъ все достопримѣчательное въ этомъ народѣ. Мы сказали съ удивительною точностію, потому что сами, изучая остатки этого народа шесть столѣтій спустя, нашли описаніе его и въ наше время достойнымъ подражанія. Писатель этотъ во 2-й книгѣ, 3-й главѣ, носящей заглавіе: De cultu et de hiis guae credunt esse peccata, говоритъ, что монголы признаютъ верховное существо, но не молятся ему, а имѣютъ какихъ-то идоловъ, сдѣланныхъ изъ войлоковъ (т. е. легкихъ и удобныхъ для перевозки), которыхъ ставятъ по обѣимъ сторонамъ своихъ кибитокъ или ставокъ, а подъ ними кладутъ что-то сдѣланное изъ войлока-же въ подобіи вымяни и считаютъ ихъ хранителями стадъ, содѣйствующими обилію молока и плодовитости. Идоламъ этимъ приносятъ въ жертву лошадей и другаго рода животныхъ, но поклоняются южной сторонѣ, т. е. праху Чингисъ-хана. За неисполненіе же сего, послѣдній русскій князь Ми-

хаилъ Всеволодичь Черниговскій съ бояриномъ Өеодоромъ были жестоко казнены. Слѣдовательно, по словамъ справедливаго и долго жившаго между ними ученаго посла, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода заключать, что монголы имѣли каменныхъ истукановъ, которымъ воздавали божескія почести. Изъ генуэзцевъ и венеціанъ, которые также проникали къ монголамъ, совершенно никто не оставилъ намъ намека, могущаго свидѣтельствовать о томъ, что бабы эти служили чѣмъ нибудь въ религіозномъ отношеніи этому племени или употреблялись ими какъ надгробные памятники; что-же касается мнѣнія о нихъ современныхъ намъ ногайцевъ, которые должны-бы сохранить какого-нибудь рода преданія, еслибъ они принадлежали ихъ предкамъ, то оно также несообразно съ дѣйствительностію, какъ и преданіе о Топчи-койской бабѣ.

Рубруквисъ, посѣтившій монголо-татаръ въ 1255 и 66 годахъ, обратилъ вниманіе на эти человѣкообразные истуканы и остался при совершенно справедливомъ убѣжденіи, что они служили надгробными знаками, но только конечно не половцамъ или команамъ (какъ онъ думалъ), потому что и эти народы, послѣ покоренія ихъ монголами и послѣ того какъ сдѣлались доступными исторіографамъ, не проявляли болѣе ни въ Крыму, ни въ другихъ мѣстахъ жительства подобныхъ сооруженій надъ могилами усопшихъ. Предположенію Рубриквиса послѣдовали многіе любители древностей и трактуя на всѣ лады, старались даже объяснить, что рельефное изображеніе чаши на животѣ этихъ бабъ выражаетъ эмблему печали, или проще сосудъ для изверженія слезъ, хотя несравненно разумнѣе было бы думать, что рельефъ этотъ служилъ простымъ изображеніемъ отличительнаго племеннаго знака (герба), такъ напримѣръ молочнаго сосуда—эмблемы галактофаговъ (молокоѣдовъ) или скотоводовъ, о которыхъ упоминаетъ Гомеръ.

Предварительно чѣмъ мы выскажемъ и наше мнѣніе о каменныхъ бабахъ вообще Новороссійскихъ степей, опишемъ ихъ наружный видъ: истуканы эти, нерѣдко имѣющіе саженный

ростъ, изсѣчены на цѣльномъ известнякѣ, такъ что съ передней стороны имѣютъ подобіе скульптурнаго изваянія человѣческаго образа, задняя-же часть оставлена гладкою. По грубымъ очеркамъ лица и вообще наружной формы онѣ представляютъ различный возрастъ и полъ людей, дѣйствительно имѣющихъ сходство съ племенами монгольскаго происхожденія. Изъ числа 8-ми подобныхъ статуй, привезенныхъ въ Алупку покойнымъ княземъ Воронцовымъ, мы находимъ всѣ съ сведенными руками на животѣ, какъ бы придерживающими четвероугольный сосудъ. Однѣ изъ нихъ съ открытыми головами, а другія въ треугольныхъ шапкахъ съ бусами на шеѣ, какомъ-то набедренникѣ на лѣвомъ боку и двухъ полунулей, а на правомъ бедрѣ двухъ кружковъ. Судя по очертанію грудей, послѣднія изображаютъ фигуру женщины, а первые мущинъ. Вообще же изъ встрѣчаемыхъ въ степи, большая часть составляютъ изображеніе женскаго рода, въ подобіи описанномъ нами выше или въ шапочкахъ, походящихъ на турецкія фески съ тремя косами, падающими на спину, или же въ четвероугольныхъ шапкахъ съ ожерельемъ на шеѣ, но много и такихъ, которыя лишены всякаго рода украшеній.

Еслибъ намъ пришлось искать въ древнѣйшихъ манускриптахъ какое-либо повѣтствованіе объ этихъ каменныхъ истуканахъ, имѣющихъ поразительное сходство съ идолами первобытныхъ временъ человѣческаго рода, мы должны бы были признать ихъ за послѣдніе по книгѣ Бытія, гдѣ упоминается о существованіи камней на нѣкоторыхъ священныхъ возвышенностяхъ (вѣроятно курганахъ), которымъ воздавались жертвы. Магометъ въ своемъ Коранѣ (5 сура 4 стихъ) также указываетъ на существованіе жертвенниковъ или камней, подъ именемъ *азнабовъ*. Судя по запрещеніямъ его принимать въ пищу все то, что приносилось имъ въ жертву, представляли образъ тѣхъ предполагаемыхъ божественныхъ силъ, которымъ отправлялось богослуженіе. Впрочемъ, указанія эти не могутъ относиться къ разсматриваемымъ нами истуканамъ, потому что о ваятеляхъ

ихъ едва-ли составители этихъ книгъ имѣли какое-либо свѣдѣніе. Нѣтъ основанія также признавать ихъ за идоловъ, во-первыхъ, потому, что ихъ не оставляли-бы поклонники навсегда на одной и той-же мѣстности, при кочующемъ образѣ жизни и, наконецъ, они встрѣчались-бы и рѣже и безъ измѣненія наружныхъ украшеній.

По нашему убѣжденію, правдоподобнѣе всего допустить слѣдующее: гораздо раньше Скиѳовъ, явившихся у береговъ Палюса-Меотійскаго и рѣки Танаиса (Дона), кочевало обширное племя скотоводовъ или галоктофаговъ, вышедшее изъ сѣверныхъ частей Азіи, которое, слѣдуя по направленію отъ Китайскихъ границъ къ Азовскому морю и Днѣпру, оставляло за собою вѣчные памятники пути движенія. Памятники эти ставились надъ общими могилами племени при стоянкахъ ихъ, изображаясь человѣкообразными подобіями и для большей важности, возносились на поверхности насыпныхъ кургановъ, въ окружностяхъ которыхъ покоились тѣла: у высшаго — мущинъ, во второмъ — женщинъ, а въ послѣднемъ дѣтей. Всякое другое предположеніе, при существованіи трехъ кургановъ съ тремя статуями, представляющими три рода человѣческой семьи, положительно невозможно до тѣхъ поръ, пока не найденъ будетъ народъ, продолжающій сохранять подобные обряды старины. Пока-же оно единственно согласуется съ мыслію, что монументы эти ставились для того, чтобы навсегда оставаться неприкосновенными и что сооруженіе ихъ съ курганами достигалось не иначе, какъ при сочувствіи значительной массы народа. Что таинственное племя это достигло, не безъ нравственной пользы для себя, до Маріупольскихъ степей, это обозначилось болѣе искуственнымъ изваяніемъ своихъ курганныхъ истукановъ.

Но какое именно было это племя и куда оно дѣвалось? не беремся отвѣчать, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ. Намъ извѣстно только, что съ глубокой древности являлись изъ зауральскихъ степей въ Европу кочующія племена монгольской расы, которыя, судя по разсказамъ Геродота, даже въ его

время, обитали у подножья кавказскихъ горъ и которыя онъ, какъ сказано было нами, называлъ лысыми отъ рожденія.

Искусственныя пещеры.

Не многія страны свѣта заключаютъ въ себѣ такое изобиліе жилищъ временъ патріархальнаго человѣка, какъ юго-восточная часть Таврическаго полуострова. Жилища эти основаны на возвышенныхъ мѣстахъ, обширны и доказываютъ, что первобытный творецъ ихъ или обиталъ въ нихъ только въ лѣтнее время года или онъ былъ нечувствителенъ къ стужѣ *). Такъ или нѣтъ, но, служа древнѣйшими и несокрушенными памятниками народа, не оставившаго намъ другихъ слѣдовъ, мы при взглядѣ на нихъ сознаемъ, что люди эти любили жить обществами, были трудолюбивы, терпѣливы и обладали даромъ соображенія.

Пещеры, подобно тѣмъ, о которыхъ я буду говорить, всюду гдѣ только находятся, безъ сомнѣнія, въ глубочайшей древности имѣли важное значеніе какъ жилища первобытнаго человѣка. Гомеръ въ своей Одиссеѣ (IX, 113 и 114) объясняетъ, что древнѣйшіе обитатели нашей планеты были троглодиты — циклопы, обитавшіе въ подземельяхъ на вершинахъ высочайшихъ горъ. Страбонъ (XII к. 569 стр.) говоритъ, что недоступныя вершины Тавра были обитаемы гомонадами, которые здѣсь жили въ пещерахъ. Свѣдѣнія эти не подвергаются сомнѣнію, въ особенности если мы обратимъ вниманіе на высоты Атласа, гдѣ по настоящее время пещеры служатъ жилищами для Берберовъ.

---

*) Наслѣдственныя привычки наши—не закрывать лица, развѣ не дѣлаютъ его малочувствительнымъ къ стужѣ и вообще ко всѣмъ климатическимъ перемѣнамъ. Это можетъ убѣдить насъ, что человѣкъ способенъ пріучить себя къ холоду, и въ такой-же степени переносить его равнодушно, какъ вѣчно обнаженныя части нашего тѣла.

Впослѣдствіи когда человѣчество образовалось на столько, что могло измѣнить неудобства первобытной жизни, пещеры начали обращаться въ жилища отшельниковъ и вообще людей, преслѣдуемыхъ другими или предававшихся таинственнымъ изслѣдованіямъ о началѣ міра и свойствахъ высшаго существа. Таковыми являлись Зороастръ, Мена, Моисей на горѣ Синаѣ, Скиѳскій Замолксисъ, *) Магометъ и многіе изъ послѣдователей Іисуса Христа, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства до прекращенія гоненія на нихъ и до нашего времени. И въ самомъ дѣлѣ, въ крымскихъ лучшихъ пещерахъ по всюду существуютъ слѣды, согласующіеся съ преданіями туземныхъ жителей, относительно обитанія въ нихъ какихъ-то, враждебныхъ остальнымъ, людей, которыхъ истребили не иначе, какъ разведеніемъ костра у отверстія.

Искусственныя пещеры, о которыхъ мы собираемся говорить, всѣ почти вырыты въ известковыхъ скалахъ мягкаго качества и занимаютъ большинствомъ возвышенное и недоступное мѣстоположеніе. Ясно, что строитель, кромѣ удовольствія дышать нагорнымъ воздухомъ и любоваться обширнымъ и прекраснымъ видомъ, имѣлъ въ умѣ поселиться такъ, чтобы не сдѣлаться жертвою внезапнаго нападенія на него непріятеля; а въ случаѣ, еслибъ его атаковали, чтобы отразить безъ малѣйшаго урона. Для достиженія послѣдняго, эти благоразумные люди избирали возвышенные холмы, надъ вершиною которыхъ выростали каменныя шапки съ отвѣсными по сторонамъ боками. Вотъ въ этихъ-то шапкообразныхъ скалахъ первобытный человѣкъ, подражая пчеламъ, врѣзывалъ себѣ улей съ сотнями гнѣздъ, въ которыхъ помѣщался съ своимъ семействомъ, и въ крайностяхъ взбирался на вершину, откуда, вооружаясь обломками скалъ, побѣдоносно отражалъ посягавшаго на его убогое жилище алчнаго разбойника. Не менѣе важное значеніе эти

---

*) По словамъ Геродота (IV к. 95 с.) онъ скрывался въ подземельѣ три года, съ цѣлью убѣдить соотечественниковъ своихъ въ безсмертіи человѣка.

пріюты предоставляли въ экономическомъ значеніи: однажды воздвигнутые долговременными трудами, они никогда не требовали ремонтировокъ и переходили въ послѣдующія поколѣнія въ первобытномъ видѣ. Судя по величинѣ большинства изъ этихъ пещеръ, расположенныхъ у подошвы скалъ, мы полагаемъ, что эти нижнія отдѣленія составляли жилища или очередныхъ стражниковъ или загоны для домашней скотины, а болѣе возвышенныя предназначались для спокойной жизни. Пещеры этого этажа представляютъ болѣе роскоши, если не въ отдѣлкѣ стѣнъ, то въ устройствѣ мѣстъ лежанія и сѣдалища въ подобіи яслей, табуретовъ и т. п.; въ нѣкоторыхъ-же ради красоты или необходимости оставлены колонны, какъ-бы поддерживающія неизмѣримую тяжесть потолка.

Всѣ крымскія искуственныя пещеры, повидимому, суть созданія одного и того-же народа — до того сходственъ ихъ характеръ въ отдѣлкѣ, но въ деталяхъ они представляютъ три отличительныя формы: неправильно-круглыя, овальныя и четвероугольныя. Длина и ширина ихъ различна, но вышиною, не превышающею 3 аршинъ, они совершенно сходствуютъ между собою. Входы въ нихъ почти одинаковой высоты и ширины; но въ тѣхъ, гдѣ они узки съ обѣихъ сторонъ, сдѣланы овальныя отверстія для освѣщенія внутренности комнатъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пещеры примыкаютъ одна къ другой, раздѣляющія ихъ стѣны и потолки до того тонки, что въ рѣдкихъ случаяхъ шире 5—6 дюймовъ, а тамъ гдѣ обитель состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, то постройки ихъ не превышаютъ 2—3 дюймовъ. Всѣ эти пещеры, судя по знакамъ, сохранившимся на ихъ стѣнахъ, вырубливались шинами или-же простыми заостренными кусками желѣза при содѣйствіи молотковъ. Работа не трудная, но требующая терпѣнія и по крайней мѣрѣ годовыхъ неутомимыхъ занятій.

Самыми обширными пещерными поселеніями человѣка въ Тавридѣ, можно назвать Инкерманъ, Эски-Кеменъ, Тепе-Керменъ, Мангупъ, Качи-Кальенъ и Чуфутъ-Кале. Вопросъ: кѣмъ они

основаны?—до настоящаго времени не рѣшенъ. По мнѣнію напр. знаменитаго Паласса, Инкерманскія пещеры вырублены послѣдователями Арія во время преслѣдованія ихъ. Почтенный писатель повидимому не обратилъ вниманія на историческіе факты, что въ первое столѣтіе по Р. Х. Инкерманъ служилъ мѣстомъ ссылки въ него осужденныхъ римлянъ, преимущественно за исповѣданіе ученія Іисуса Христа, и что эти-то несчастные, обязанные выламывать каменья для построекъ Рима, одновременно устраивали себѣ пріюты по примѣру первобытныхъ обитателей чтобы скрываться въ нихъ отъ непогодъ. Кромѣ этого полагаю достаточнымъ сказать въ опроверженіе, что Арій не проповѣдывалъ въ Тавридѣ и слѣдовательно послѣдователи его не имѣли надобности въ Крыму добровольно подвергать себя заточенію. По нашему убѣжденію, въ Инкерманѣ искони существовали пещерныя жилища; но число ихъ начало увеличиваться со времени появленія сюда папы Климента, съумѣвшаго всѣхъ ссыльныхъ обратить въ христіанство и возбудить въ нихъ страсть придавать кельямъ своимъ видъ храмовъ. Вотъ этотъ-то видъ ихъ и служитъ доказательствомъ, что большинство Инкерманскихъ искуственныхъ пещеръ принадлежитъ періоду ссылки сюда римскихъ гражданъ, обвиненныхъ въ исповѣданіи евангелія. По примѣру этихъ пещеръ, впослѣдствіи образовались Кіевскія, святогорскія и черниговскія пещеры, людьми, преданными религіи, не щадившими своихъ усилій ради свободнаго исповѣданія религіи. Что касается до остальныхъ пещерныхъ поселеній, то, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, они основаны Троглодитами. Съ чего взято это предположеніе, — мы совершенно не знаемъ, тогда какъ подобныя жилища на Кавказѣ въ горахъ Бадиловъ и Уйтигуръ, въ Карталингіи и другихъ мѣстностяхъ Европы, встрѣчаясь тысячами, свидѣтельствовали, что было время, когда скромные и благоразумные люди, во избѣжаніе внезапныхъ нападеній со стороны бродящихъ племенъ, должны были селиться на возвышенныхъ и трудно доступныхъ скалахъ, съ единственною цѣлью — предохранить себя

отъ печальныхъ неожиданнностей. Однако, по нашимъ убѣжденіямъ, причины основанія жилищъ въ скалахъ Инкермана, Эски-Кермена, Мангупа и прочихъ сосѣдственныхъ мѣстъ къ Херсону, занятому праклійскими греками, жаждущими завоеваній, относятся не къ личному только самоохраненію, но и къ защитѣ своихъ владѣній отъ чужестранцевъ, самопроизвольно основавшихся въ ихъ наслѣдственной странѣ—и основатели этихъ пещеръ должны быть безспорно тѣ самые Тавро-Скиѳы, противъ которыхъ должны были херсонесцы призвать на помощь Митридата, царя понтійскаго, сокрушившаго ихъ владычество и которые, по словамъ Страбона, имѣли въ Тавридѣ три сильныхъ укрѣпленія. Укрѣпленія эти существуютъ по настоящее время, но вмѣсто данныхъ имъ Страбономъ названій, они теперь извѣстны подъ именами Инкермана, Мангупа и Чуфутъ-кале.

Что касается до народныхъ преданій объ этихъ пещерахъ, собранныхъ нами изъ устъ туземцевъ, то всѣ они баснословны. Достовѣрно только то, что во всѣхъ этихъ каменныхъ домикахъ, продолжали жить люди и послѣ распространенія христіанской вѣры въ Тавридѣ. Послѣднее доказываетъ существованіе, въ Инкерманѣ, Тепе-керменѣ и Качи-кальенѣ, храмовъ. Мангупскія-же пещеры и Чуфуткальская вершина только недавно опустѣли. Кромѣ историческихъ подтвержденій объ этомъ, въ первыхъ еще не разрушились печи и деревянныя украшенія, цѣло турецко-татарское кладбище и не разобраны груды камней, составляющихъ еще недавнія постройки, а на Чуфутъ-кале и теперь обитаетъ два, три семейства, охраняющихъ древніе караимскіе храмы и, оставшіеся цѣлыми, отцовскія жилища.

Къ послѣдующему разряду остатковъ отъ древнихъ обитателей Тавриды принадлежатъ постройки ихъ при поселеніяхъ и (извѣстныхъ уже читателю) городахъ. Постройки эти заключаются во первыхъ въ высокихъ предохранительныхъ стѣнахъ съ башнями, рвами и валами, которыми окружался городъ, вто-

рую важность составлялъ акрополь или господствовавшій въ городѣ укрѣпленный пунктъ, а затѣмъ систерны, колодцы, храмы и могилы. Все это строилось съ такимъ повидимому знаніемъ архитектуры, что большинство изъ этихъ памятниковъ сохранилось до нашего времени. Чтобы короче познакомить читателя нашего съ ними, мы представимъ очеркъ, всѣхъ существующихъ въ Тавридѣ мѣстностей, гдѣ сохранились какія-либо развалины и гдѣ найдены были надписи, монеты и т. п. достопримѣчательности.

Древности Трахейскаго или Херсонескаго полуострова.

Отъ мѣстности, нынѣ занимаемой Балаклавою, у подошвы горы Трапезусъ, названной татарами Синапъ-дагомъ *) гдѣ по мнѣнію г. Бларемберга существовало Тавро-скиѳское укрѣпленіе Палакіонъ и невдали отъ мыса Агія, принимаемаго многими за Кріуметопонъ, — начинается Трахейскій полуостровъ, извѣстный Геродоту подъ именемъ Τρηχύς (к. IV, 99), вслѣдствіе дикости или каменистости почвы. Впослѣдствіи, когда полуостровъ этотъ пересѣченъ былъ рвомъ и стѣною вдоль всего перешейка, онъ получилъ названіе Χερρονησις т. е. искуственнаго или руками сдѣланнаго острова **). Вотъ почему первое поселеніе на Трахейскомъ полуостровѣ получило названіе Херсонеса, которое до настоящаго времени никто изъ археологовъ не потрудился объяснить намъ. Чтобы вѣрнѣе опредѣлить мѣстоположеніе Херсонеса съ его укрѣпленіями и прочими развалинами, мы представимъ глазомѣрный планъ.

Планъ этотъ не имѣетъ никакого другаго значенія, за исключеніемъ того, чтобы указать читателю расположеніе этого славнаго города, окружающихъ его стѣнъ, укрѣпленій, пристаней,

---

*) Синапомъ называется яблоко, извѣст. въ Россіи Крымскимъ.

**) Отъ греческихъ словъ: *херро* (руками) и *ниси* (островъ).

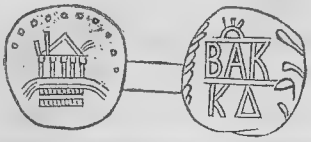
четырехъ храмовъ, кладбищъ и главныхъ улицъ. Кромѣ этихъ гигантскихъ построекъ *) въ Херсонесѣ обращаютъ на себя вниманіе холмъ, который, судя потому что онъ насыпной, быть можетъ, есть тотъ самый, который насыпался славянами подъ городскими стѣнами, по приказанію Владиміра, а Херсонесцами по мѣрѣ насыпи переносился въ городъ. Не менѣе достопримѣчательны обширные резервуары для скопленія воды, храмы изъ трубчато-раковистаго камня и гробницы у начала Карантинной бухты, которыя высѣкались въ сплошной массѣ камня съ нишами по сторонамъ и закрывались плитами. Въ гробницахъ этихъ находятъ по настоящее время монеты, гли-

няныя урны, лампы, слезницы и т. п. вещи языческихъ временъ. Изъ числа всѣхъ монетъ, найденныхъ на Трахейскомъ полуостровѣ, къ рѣдчайшимъ принадлежатъ слѣдующія: серебряная драхма съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ головы

*) Всѣ херсонескія церкви представляютъ довольно обширные размѣры. Самая большая по измѣренію моему имѣла 60 аршинъ въ длину и 25 въ ширину. Одна изъ нихъ повидимому убрана была мозаикою, а другая и теперь сохраняетъ бѣлый мраморный полъ и такія-же колонны.

Артемиды съ сергою въ ухѣ, украшенною короною, имѣющею форму зубчатой башенной стѣны; за спиною колчанъ. На обратной сторонѣ фигура оленя и надписи МОІРІОΣ и ХЕР. Золотая: на лицевой сторонѣ голова Римскаго императора съ діадемою и надписью ХЕР. На оборотѣ: Артемида съ calathos на головѣ, копьемъ въ правой и лукомъ въ лѣвой рукѣ. У ногъ бѣгущій олень и надпись АР. О полагаютъ, что эти два знака означаютъ 73 годъ нашей эры.

На остальныхъ: Меркуріева голова въ шлемѣ, позади кадуцей, на обрат. сторонѣ ХЕР., рогъ изобилія, а съ боку РОМАІОУ. Или головы Аполонова въ лавровомъ вѣнкѣ и лира; на оборотѣ ЕГОУРК, Діана въ длинной туникѣ съ стрѣлами и лукомъ въ рукахъ. На полѣ клеймо съ изображеніемъ кажется Паллады или: лежащій колосъ съ надп. СЕКАІ. АРО.; на обрат. сторонѣ: знакъ похожій на вѣнокъ ХЕР и ОНОУ. На нѣкоторыхъ-же надписи ЕΛΕΥΘΕΡΑΞ или монограмма ПАРΔΕΥΕΙΟS. Болѣе древнѣйшихъ пока не найдено, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нумизматовъ вывели довольно справедливое предположеніе; что древнѣйшія херсонескія монеты перечеканивались. Дѣйствительность этого подтверждается на многихъ изъ нихъ остатками фигуръ отъ перваго чекана. Въ числѣ предметовъ древности, найденныхъ въ Херсонесѣ, Палласъ видѣлъ медаль съ слѣдующимъ изображеніемъ:



Кромѣ этихъ вещей найдены были еще слѣдующія: а) кусокъ колонны дорическаго стиля, по мнѣнію большинства принадлежащей храму Діаны-агротеры; б) Четыреугольное мраморное весьма древнее подножіе отъ статуи эллина Агасиклита съ 8-ю похвальными вѣнками, данными ему Херсонесцами за разныя услуги, оказанныя городу; в) Похвальная надпись въ честь дочери Парѳенокловой; г) Мраморный-обломокъ съ изображеніемъ Діаны, охотящейся за оленемъ; д) Кусокъ барель-

ефа, изображающаго война Ксанѳа, поражающаго непріятеля; е) Каменное надгробіе грубой работы, изображающее царя и царицу въ вѣнцахъ; ж) Таковое-же Ѳеагена Христіанова и жены его Улпіаны; з) Известковое надгробіе римскаго ветерана съ аттрибутами воинской власти; і) Мраморное надгробіе эллинки съ двумя сражающимися гладіаторами; и) Мраморная женская статуя древнѣйшей эллинской работы; к) Известковая круглая гробница для храненія сожженнаго человѣческаго пепла; и л) Отъ первыхъ временъ христіанства: древняя епископская панагія, золотой и мѣдный кресты, куски мраморныхъ колоннъ съ крестами формы VI вѣка, мраморные капители, фризы и т. п. украшенія, замѣчательныя по изящной отдѣлкѣ.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Херсонеса достопримѣчательны по древнимъ географамъ: храмъ Діаны и укрѣпленіе, воздвигнутое митридатовскими войнами. Къ сожалѣнію въ настоящее время отъ построекъ этихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, но вѣря извѣстному ученому Палласу и академику Келеру, которые объѣзжали этотъ полуостровъ въ концѣ минувшаго и началѣ нашего столѣтія, мы имѣемъ возможность удостовѣриться, что какъ первый, такъ и послѣднее дѣйствительно существовали и именно храмъ Діаны, о которомъ повѣствуетъ Геродотъ, жившій за $4^1/_2$ вѣка до Р. Хр. и Страбонъ, видѣвшій его въ I-мъ вѣкѣ, находился невдали отъ теперешняго Георгіевскаго монастыря. Предположеніе Палласа, заслуживаетъ полной довѣренности, во-первыхъ, по опредѣленію имъ признаковъ основанія бывшей постройки съ выходомъ къ морю и обнесенной оградою для священной авлиды и наконецъ по свидѣтельству Страбона, опредѣлившаго не только мѣстоположеніе, но и даже разстояніе его отъ Херсонеса.

Вотъ подлинныя слова его:

„Въ этомъ городѣ (Херсонесѣ) находится храмъ дѣвы, нѣкоему божеству посвященный, по которому и мысъ въ ста стадіяхъ (10 верстъ) называется Парѳеніономъ, на коемъ стоитъ капище съ истуканомъ...“ Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ тотъ

самый храмъ Артемиды, о которомъ писалъ Овидій, увѣряя, что онъ поддерживался огромными коллонами и такъ былъ высокъ, что отстоялъ отъ земли на 40 ступеней. Очень жаль, что до настоящаго времени на этой мѣстности не сдѣлано никакихъ археологическихъ розысковъ.

Что касается Евпатріона, то объ укрѣпленіи этомъ Страсонъ говоритъ, что оно находилось въ 15 стадіяхъ отъ стѣнъ Херсонеса и было построено полководцемъ Митридата. Однако предварительно разсказа о немъ, сообщимъ еще объ одной древности Херсонеса, и именно—о плитѣ въ одной изъ башень у Карантинной бухты, съ слѣдующаго рода надписью:

ἀνενεωτη δὲ ὁ πν΄ργος ουιος πρὰττοντος τοῦ μεγαλο πρεπεστατον κόμητος Διογένου ετους ΦΙΒ εν ινδ ΙΔ.

Что означаетъ: „Башня эта была воздвигнута подъ надзоромъ свѣтлѣйшаго графа Діогена въ 512 году, въ 15 индиктъ *).

Въ той-же мѣстности Палласъ видѣлъ мраморную плиту съ слѣдующаго рода надписью, которая, къ сожалѣнію, неправильно списана имъ, но представляетъ неизвѣстное исторіи событіе.

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ	Благое счастіе!
ΑΠΟΛΛΩΝΙ	
ΠΡΟΣΤΑΤΗΟΙ	Аполлону
ΠΕΡΙΠΑΤΙΑΝ	
ΠΡΑΣΙΑΝΑΚΤΟΣ	командующіе,
ΣΤΡΑΤΗΤΟΙ ΠΡΟ	вошедъ съ множествомъ войска
ΖΕΝΟΣΣΩΜΑ	и посланникомъ, юношею хоро-
ΧΟΥΑΘΟΣ ΚΑΛ	шаго рода, Савратомъ Димитріу,
ΛΙΣΘΕΝΟΙ ΣΑΒΡΑ	послѣ удачнаго сраженія разо-
ΤΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ	рили до основанія дома Херсо-
ΕΥΠΛΟΥΣΣΩΜΑ	ниса, смотри, какъ это видно
ΧΟΧΙΑΦΑΣΟΣ ΠΙΔΕΙ	

*) По всѣмъ выводамъ, лѣтоисчисленіе въ Херсонесѣ начато съ 21 года до Р. Хр.

ΑΝΕΘΗΡΑΝΝΕΙΚΗΝ
ΧΡΥΤΟΝΥΠΕΡΙΕΥΛΕ
ΟΣΚΑΤΟΘΕΝΕΕΥΙΩΝΥΩΕΑ-
ΝΕΙΙΙ
ΤΟΣΑΥΤΟΙΣ ΕΠΕΣΚΕΥΑΣΟΝ
ΔΙΑΤΟΥΑΥΙ ΟΥΝΑΟΥ ΑΠΟΛΛΟ
ΛΟΣΙΟΥ ΠΟΡΟΥ.

ниже. За что и соорудили святой храмъ Аполлону сыну Пора *).

Не менѣе достопримѣчательная надпись, видѣнная также Палласомъ на развалинахъ Херсонеса, нынѣ находящаяся въ Алупкѣ, гдѣ она вдѣлана въ фонтанъ около старой оранжереи, что на морскомъ берегу, состоитъ изъ слѣдующаго содержанія:

ΑΥΤΩΚΡΑΤΩΡ ΚΕCΑΡΖ ΗΝΩC
ΤΡΟΠΕΟΥΧΩC ΜΕΤΙΤOC ΑΕΡCΕΒΑCΤOC
† ΦΙΛΟΤΙΜΗCΑΜΕΝ ΗΝΙΙΑΥΤΩΝ ΕΥCΕΒΙΑ ΩCΕΙ †
ΠΛCΑΙCΤΑΙC ΠΟΛΕCΙΝ ΚΑΙ ΕΝΤΑΥΤΗ ΤΗ ΑΥΥΟΥ
ΠΟΛΙ ΕΔΟΡΗCΑΤΟ ΧΡΙΜΑΤΟΙΝ ΔΟCΙΝ ΤΑCΥΝΑΙΜΕ
ΝΑ ΕΚΤΟΥ ΠΡΑΚΤΙΟΥ ΦΗΡΜΙΤΟΥ ΕΝ ΤΑΥΘΑ
ΒΙΚΑΡΑΤΟΥ ΤΩΝ ΚΛΘΟCΙΩΜΕΝΩΝ ΒΑΛΛΙCΤΡΑ
ΡΙΩΝ ΔΙΩΝΑΝ ΤΕΟΥΝ ΤΕ ΤΑΤΙΧΗ ΠΡΟCΤΑΝ
CΩΤΗΡΙΑΝ ΤΗC ΑΥΤΗC ΠΟΛΕΩC ΚΑΙ ΕΥΧΑ
ΡΙCΤΥΗΤΕC ΑΝΕΘΗΚΑΝ ΕΝ ΤΟΔΕΤΟΤΠΛΟΝ
ΕΙC ΜΝΗΜOCΥΝΟΝ ΑΕΙΔΙΟΝ ΤΗC ΑΥΤΩΝ
† ΒΑCΙΛΙΑC †
† ΑΝΕΗΕΩΘΝ ΔΕ ΟΠΥΡΓOC ΟΥΤOC ΠΡΑ
† ΤΟΝΤOC ΤΟΥ ΜΕΓΑ ΟΠΡΙKOS
† ΔΙΟΓΕΝΟΤ : ΕΤΟΥC : ΦΙΒ : ΕΝΙΝΑCΙΑ

*) Переводъ этотъ сдѣланъ нами по догадкѣ, вслѣдствіе неправильнаго списанія надписи.

Въ переводѣ:

Автократъ кесарь Зинонъ,

Побѣдитель величественный присночестивый.

Дружелюбивыми и благочестивыми всѣхъ городовъ и настоящаго града сего пожертвованную денежную сумму, собранную сборщикомъ Фирмитомъ съ здѣшнимъ викаратомъ Валистратіемъ Діономъ, чтобы возстановить стѣны для спасенія сего города и возблагодаривъ (Бога) поставили на семъ мѣстѣ въ память незабвеннаго ихъ царства. Возобновлена-же башня сія съ помощію великаго оприкоса Діогена въ 512 году въ Енасіи.

Кромѣ этого на Херсонскомъ полуостровѣ по свидѣтельству академика Келера, въ началѣ нашего столѣтія видны были при Камышевой бухтѣ древнія гробницы и другаго рода слѣды построекъ, начиная отъ Севастополя до Георгіевскаго монастыря, а между Балаклавой и Инкерманомъ онъ видѣлъ остатки большихъ зданій съ древней плотиной, укрѣпленій и башень. По его-же донесенію академіи наукъ тутъ-же на мысѣ Ая-бурунѣ существовали фундаменты большаго зданія, башни и остатки широкой стѣны.

Крѣпость Евпаторіонъ.

Страбонъ, говоря объ укрѣпленіяхъ Тавриды *), упоминаетъ о постройкѣ въ окрестностяхъ Херсонеса крѣпости Діофаномъ, однимъ, изъ военачальниковъ Митридата (эвпатора) Понтійскаго, которую назвалъ въ честь государя своего Евпаторіонъ **). По словамъ этаго правдиваго писателя, укрѣпленіе это воздвиглось противъ Тавро-скиѳовъ, которые тѣснили херсонескую республику, вынужденную прибѣгнуть къ царю Понтійскому, какъ извѣстно царствовавшему въ Понтѣ съ 123 по 64 годъ по

*) Смотр. VII к. 312 стр.

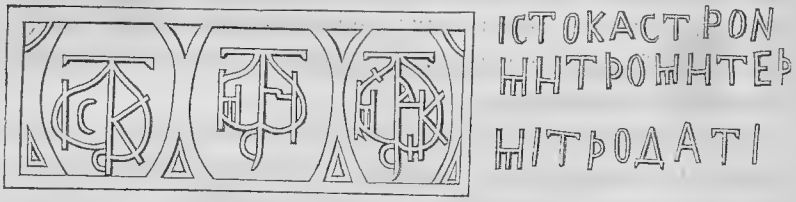
**) Крѣпость эта, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, впослѣдствіи названа Помпеіополисъ въ честь Помпея.

Р. Х. Исторія представляетъ намъ много доказательствъ въ томъ, что Херсонесцы были храбрые войны и что владѣнія ихъ въ Тавридѣ были ограждены моремъ, а съ материка недоступными башнями и стѣнами. При таковой обстановкѣ казалось-бы, что гордая республика не имѣла особенной крайности отдаваться въ зависимость такого предпріимчиваго монарха, какимъ являлъ себя Матридатъ-Эвпаторъ; но въ дѣйствительности, надо полагать, существовали причины, которыхъ нельзя было избѣжать. Причины эти являются съ того момента, когда, по разсказу тогоже Страбона, Тавро-скиѳскій царь Скирулъ воздвигъ противъ нихъ три крѣпости и именно: Палакіонъ, Хавонъ и Неаполисъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о мѣстоположеніи этихъ укрѣпленій, но соображая, что если Діофанъ прибылъ съ войсками для содѣйствія Херсонесцамъ, то безъ сомнѣнія былъ принятъ ими за стѣны своего полуострова, гдѣ и соорудилъ независимую отъ республики крѣпость—и что если дѣйствительно тавро-скиѳы воздвигли противъ Херсонесцовъ три крѣпости, то таковыя находились въ ближайшемъ отъ нихъ разстояніи. Предположенія наши не могутъ быть сомнительными и въ такомъ случаѣ, еслибъ мы не могли даже доказать существующими памятниками и развалинами.

Между тѣмъ, нѣкоторые любители археологіи, въ томъ числѣ и покойный Бларамбергъ, пользуясь открытіями древнихъ крѣпостей въ Тавридѣ, каждый по своему приписывалъ имъ названія Тавро-скиѳскихъ укрѣпленій. Интереснѣе всего убѣжденія Бларамберга, предполагавшаго, что Палакіонъ былъ въ Балаклавѣ т. е. подъ укрѣпленіями Херсонескаго полуострова, Неаполисъ въ окрестностяхъ Симферополя, а Хавонъ между Ѳеодосіею и Судакомъ. Спрашивается, какое значеніе могли имѣть всѣ эти крѣпости противъ Херсонеса, какъ извѣстно занимавшго небольшое пространство земли между Севастопольскою и Балаклавскою бухтами? Ясно, что никакого; но однако, до настоящаго времени никто не рѣшался возстать противъ этого безсмысленнаго заключенія и указать на дѣйствительныя

мѣста существованія этихъ трехъ славныхъ памятниковъ, еще не пришедшихъ въ полныя развалины; но предварительно указанія ихъ, обратимся къ доказательствамъ существованія на Херсонескомъ полуостровѣ укрѣпленія, воздвигнутаго Діофаномъ въ честь своего государя. Доказательства эти кратки и ясны для тѣхъ, которые умѣютъ читать на древнихъ надписяхъ анаграммы. Извѣстный натуралистъ нашъ, Палласъ, при второмъ путешествіи своемъ по Тавридѣ *), нашелъ между развалинами Херсонескихъ крѣпостей нижеслѣдующую надпись на мраморной плитѣ. Снявъ ее съ замѣчательною аккуратностію, славный писатель, естественно не подозрѣвалъ, что въ фигурныхъ знакахъ ея заключается другая, болѣе интересная надпись, которую рано или поздно разберутъ и по ней увѣрятся въ дѣйствительномъ существованіи Митридатовской крѣпости на мѣстности, нынѣ занятой Херсонескимъ монастыремъ.

ВАЛЛОМЕVОV || ЕТОКАСТРО || ТІСХЕРОVІАС
поставленъ на крѣпости Херонійской



Въ первой анаграммѣ, разобранной нами по буквамъ, значится: въ крѣпости; во-второй: Митроносца, а въ послѣдней: Митродата.

Естественно, что послѣ этой надписи вопросъ о мѣстонахожденіи Евпаторіона дѣлается окончательно рѣшеннымъ и одновременно подкрѣпляются древнія историческія свѣдѣнія о господствѣ Митридата Понтійскаго на Трахейскомъ полуостровѣ. Господство это безъ сомнѣнія начинается съ минуты порабоще-

*) См. его 3 т. 88 стр.

нія Тавро-скиѳовъ и перехода сильнѣйшихъ крѣпостей ихъ въ распоряженіе охранителей Херсонеса.

Что Тавро-Скиѳы были страшны и держали въ постоянной осадѣ Херсонскую республику,—можетъ свидѣтельствовать только одно, что они, въ самомъ близкомъ разстояніи, имѣли неприступныя укрѣпленія, противъ которыхъ Херсонесцы не могли дѣйствовать съ успѣхомъ и, отчаявшись, рѣшились отдаться воинственному монарху, который незамедлилъ направить къ нимъ 60 т. армію подъ предводительствомъ Діофана *). Посмотримъ теперь, въ какой степени предположеніе наше согласуется съ существующими памятниками въ ближайшихъ окрестностяхъ Севастопольской бухты, которую, какъ извѣстно, не занимали Херсонесцы не потому вѣроятно, что не сознавали ея преимущества, а потому, что могли быть во всякое время застигнуты въ ней Тавро-скиѳами, слѣдящими за всякимъ шагомъ ираклійскихъ выходцевъ, безъ сомнѣнія жаждавшихъ распространить свои владѣнія на счетъ туземцевъ.

Тавро-скиѳскія укрѣпленія: Хавонъ, Палакіонъ и Неаполисъ.

По предположеніямъ Бларамберга, укрѣпленіе Палакіонъ Тавро-скиѳы основали въ Балаклавѣ. Надо быть большимъ невѣждою, чтобы дать малѣйшее вѣроятіе этому предположенію. Всѣ почти любители археологіи очень хорошо знаютъ, что балаклавская бухта (λιμην στενὸδτομος) представляла для Скиѳовъ, съ глубокой древности, одно изъ лучшихъ мѣстъ для грабежа тѣхъ мореходцевъ, которые въ крайности искали въ ней спасенія отъ бури. Очень понятно, что еслибъ здѣсь было укрѣпленіе варваровъ, ни одинъ мореходецъ не рисковалъ-бы сдѣлаться вѣрною добычею въ виду Трахейскаго полуострова и скорѣе пустился-бы на гостепріимный берегъ, чѣмъ въ бухту разбой-

*) Страбонъ, кн. VI, стр. 306.

никовъ, откуда никакимъ образомъ не могъ-бы избавиться отъ смерти. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ: что за надобность была у Тавро-скифовъ сооружать укрѣпленіе въ виду стѣны съ башнями, принадлежащей обитателямъ Трахейскаго полуострова? Если вѣрить дѣйствительности, что крѣпостныя стѣны Херсонесцевъ начинались отъ крошечной Балаклавской бухты, въ чемъ свидѣтельствуетъ Страбонъ и что подтверждаетъ очевидецъ ихъ слѣдовъ, Палласъ, то надо предполагать, что Тавро-скиѳы не во всякое время пользовались на ней полнымъ правомъ господства, а если и удавались имъ иногда грабежи на заходившихъ греческихъ судахъ, то подобные случаи были ничто иное, какъ ловкіе набѣги съ противоположныхъ горъ.

По разсказу Страбона, Тавро-скиѳы построили въ Тавридѣ три укрѣпленія, которыя назывались Палакіономъ, Хавономъ и Неаполисомъ. Прежде всего, намъ предстоитъ рѣшить, противъ кого народъ этотъ имѣлъ надобность воздвигать ихъ? Нѣтъ сомнѣнія, что противъ Херсонесцевъ, которые съ каждымъ днемъ усиливались и грозили быть властелинами всей прилегающей къ ихъ полуострову мѣстности, а если это такъ, то крѣпости эти должны были быть въ сосѣдствѣ Херсонеса. Между тѣмъ г. Бларамбергъ, томимый желаніемъ открыть слѣды ихъ, до того увлекся, что въ изданной имъ по этому поводу брошурѣ подъ заглавіемъ: „De la position de trois forteresse Tauroscythes, dont parle Strabon“, разомъ опредѣлилъ: Палакіонъ, на мѣстѣ нынѣшней Балаклавы, Хавонъ около Ѳеодосіи, а Неаполисъ въ виду Симферополя. Посмотримъ въ какой степени предположеніе это заслуживаетъ вниманія.

Если Тавро-скиѳы точно занимались грабежемъ въ Балаклавской бухтѣ, то вѣроятнѣе предположить существованіе одного изъ названныхъ Страбономъ укрѣпленій ихъ въ недальнемъ разстояніи отъ этой бухты—и въ такомъ случаѣ пограничная и естественно недоступная возвышенность Инкермана давала имъ то выгодное положеніе, которымъ они безнаказанно пользовались надъ жителями Херсонеса. Удобство этого природ-

наго укрѣпленія, расположеннаго у окончанія Ктеноской (Севастопольской) бухты и господствовшаго надъ роскошною долиною, едва-ли могло остаться безъ замѣчанія Тавро-скиѳовъ, смотрѣвшихъ съ алчностію на богатство непобѣдимаго Херсонеса, который они безпрестанно осаждали; въ случаяхъ-же неудачь, могли быстро скрываться въ неприступномъ своемъ замкѣ, огражденномъ отвѣсными скалами, надъ которыми въ добавокъ воздвигнуты были крѣпостныя стѣны и башни. Но еслибъ и здѣсь имъ не посчастливилось, то бѣгство чрезъ горы въ послѣдующія за этимъ, болѣе недоступныя, также по естественному положенію, укрѣпленія Мангупъ и Чуфутъ-кале, окончательно ихъ спасало отъ преслѣдованія непріятеля и грозило послѣднему всеобщимъ истребленіемъ. Поэтому, на основаніи здраваго смысла, слѣдуетъ признать названныя Страбономъ скиѳскія укрѣпленія Палакіонъ, Хавонъ и Неаполисъ за Инкерманъ, Мангупъ и Чуфутъ-Кале, одинаково недоступные для народа, мало развитаго и неимѣвшаго понятія о порохѣ. По нашему мнѣнію, Мартинъ Броневскій не напрасно замѣтилъ, что на Инкерманѣ проживали шайки разбойниковъ, а Сестренцевичъ, что въ Бахчисараѣ была крѣпость Палакіонъ. Конечно, послѣдній изъ нихъ могъ ошибаться въ опредѣленіи имени, потому что ни сохранилось никакихъ памятниковъ, по которымъ представлялась-бы возможность признать одно или другое укрѣпленіе по указанному названію. Мы скорѣе-бы признали Чуфутъ-кале за Неаполисъ (новый городъ), такъ какъ на немъ представляется болѣе усовершенствованія, сравнительно съ Инкерманскими и Мангупскими постройками и даже сохранился надъ воротами на камнѣ грубо вырубленный гербъ, безспорно Тавро-скиѳскій: стремя и вилы—эмблема промысла этого народа.

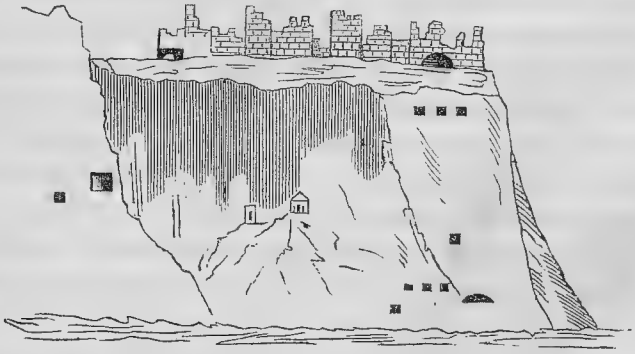
Если мы вспомнимъ, что храбрые херсонесцы, не разъ оказавшіе важныя услуги восточной имперіи, не могли не только совладать съ Тавро-скиѳами, но даже спокойно жить въ своемъ огражденномъ полуостровѣ и вынуждены были обратиться за помощію къ Митридату Понтійскому; то нѣтъ сомнѣнія, что

скиѳскія неприступныя притонища находились въ близкомъ разстояніи отъ Херсонеса т. е. въ такомъ, что они ежедневно могли совершать набѣги и безнаказанно укрываться въ нихъ. Не было-ли это обстоятельство отчасти причиною и тому, что Ираклійцы поневолѣ не строились у береговъ Ктеноской (Севастопольской) бухты, представлявшей несравненно болѣе удобствъ въ сравненіи съ прочими заливами Трахеи. Еще однимъ доказательствомъ тому, что Инкерманъ занятъ былъ враждебнымъ для Иракліотовъ народомъ, можетъ служить то, что въ развалинахъ Херсонеса не встрѣчается ни однаго камня изъ инкерманскихъ скалъ, который по мягкости и достоинству своему вывозился впослѣдствіи, какъ извѣстно, не только въ Константинополь, но и въ Римъ.

Высказавъ наше убѣжденіе о дѣйствительномъ мѣстоположеніи Тавро-скиѳскихъ крѣпостей, намъ приходится описать первую изъ нихъ, по направленію къ Байдарской долинѣ; а объ остальныхъ говорить при очеркѣ древностей Бахчисарайской и степной части Крыма.

Направляющемуся отъ Херсонескаго монастыря къ древнимъ Инкерманскимъ крѣпостямъ, приходится проѣжать чрезъ юго-восточную оконечность развалинъ недавно еще грознаго укрѣпленіями Севастополя, расположенными съ такимъ искусствомъ, что на единственный входъ къ нему съ моря дѣйствовали до 600 орудій. Изъ города этаго многіе предпочитаютъ ѣхать въ Инкерманъ на яликѣ, но, по нашему мнѣнію, гораздо пріятнѣе слѣдовать верхомъ изъ корабельной бухты по тропѣ, идущей около замѣчательнѣйшаго водопровода изъ Черной рѣчки для бывшихъ доковъ. Водопроводъ этотъ проходитъ по отклону высокой скалы и представляетъ громадный трудъ человѣческихъ силъ,—трудъ, о которомъ быть можетъ съ изумленіемъ станутъ говорить позднѣйшія поколѣнія наши, потому что строителямъ приходилось исключительно прорѣзывать скалу. Болѣе примѣчательнымъ на протяженіи его являются: мосты на высокихъ аркахъ, выложенные изъ штучныхъ плитъ инкерманскаго

камня, мягкаго, подобнаго мальтійскому, (но твердѣющему на воздухѣ) и тоннель, имѣющій 55 шаговъ въ длину, 5 въ ширину и около 5 аршинъ въ вышину. У конца Севастопольской бухты, тамъ, гдѣ вливается Черная рѣчка—лучшая изъ всѣхъ рѣкъ Крыма, начинается Инкерманская долина, параллельно прикрытая съ двухъ сторонъ скалами на протяженіи около 500 саженъ. Равнина эта тянется верстъ на пять и прекращается у татарской деревушки Чергунъ. Самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ ея считаются отвѣсныя скалы цѣльнаго камня. На одной изъ нихъ, гдѣ нынѣ показываются монахи и любознательные туристы, сохранился цѣлый рядъ полуразрушенныхъ укрѣпленій, а на другой, тамъ гдѣ пересѣченъ оврагъ длиннымъ водопроводнымъ мостомъ, подходящимъ подъ отверстіе тоннеля и гдѣ почіютъ вѣчнымъ сномъ падшіе братья наши въ Крымскую войну *), представляется множество искусственныхъ пещеръ съ слѣдами церковной живописи: трудъ изгнанныхъ изъ отечества и осужденныхъ на вѣчныя работы христіанъ. Эти-то несчастные, не имѣя пріюта, выдалбливая себѣ въ мягкихъ скалахъ несокрушимыя вѣками жилища, придавали имъ видъ церквей. Чтобы яснѣе представить читателю эти скалы, съ существующими на нихъ постройками, представимъ глазомѣрный видъ ихъ.



*) Невдали отсюда, 4-го августа 1855 г. происходило отчаянное сраженіе

Изъ ограды Инкерманской киновіи ведетъ тропинка на выступившую къ Югу скалу, во внутренности которой прорубленъ храмъ во имя Св. Климента. Тропинка эта за фонтаномъ поворачиваетъ на право и всходитъ на вершину горы, представлявшую довольно обширную и прекрасную поляну, которая примыкаетъ къ Сѣверу къ болѣе возвышенной отрасли мѣловыхъ горъ, а съ другихъ сторонъ прекращавшеюся глубокими отвѣсами обнаженнаго камня. Поляна эта, съ передней стороны во всю длину, по надъ отвѣсомъ, установлена была двойнымъ рядомъ стѣнъ съ башнями, которыя, смыкаясь между собою, образовывали совершенно недоступный замокъ. Нынѣ сохранившись только на половину, онѣ все таки свидѣтельствуютъ, что строители ихъ были очень разумные люди и не щадили при надобности никакихъ трудовъ. По протяженію стѣнъ этихъ я насчиталъ 10 башень, изъ числа которыхъ средняя имѣла выходъ снаружи и вѣроятно служила пунктомъ для постояннаго наблюденія за движеніями Херсонесцевъ. Изъ подъ первой-же и восьмой оставлены аркообразные проходы на площадь, отдѣляющую линію укрѣпленій отъ краевъ отвѣса. Несокрушимость этихъ стѣнъ безъ сомнѣнія происходитъ оттого, что онѣ поставлены на сплошной скалѣ, нѣсколько прорубленной съ задней стороны для стека воды и свободнаго проѣзда между крѣпостями. Всматриваясь въ архитектурный стиль этихъ построекъ, сложенныхъ правильно и хорошо на цементѣ, съ перваго-же взгляда убѣждаешься, что ихъ воздвигали люди незнакомые съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и только для того, чтобы лично защищаться на случай неустойки. И въ самомъ дѣлѣ какимъ другимъ расчетомъ строители могли руководствоваться, сооружая ихъ во первыхъ надъ хребтомъ глубокоотвѣсной скалы, положительно недосягаемой здѣсь для человѣка и наконецъ въ такомъ разстояніи отъ отвѣса, что ни одна изъ этихъ башень,

---

между русскими и англо-французами, при которомъ былъ убитъ генералъ Реадъ и сильно пострадали украинскій, одесскій и азовскій полки.

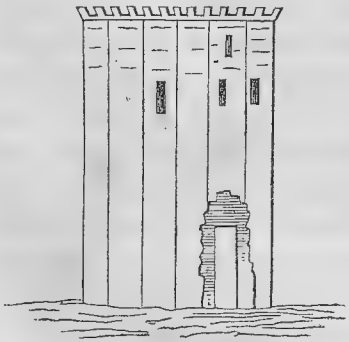
еслибъ и вооружены онѣ были, не могла-бы дѣйствовать на непріятеля, который подошелъ-бы къ подножію скалы. Съ нихъ представлялось возможность сбрасывать тяжести только тогда, когда непріятель очутился-бы подъ самыми стѣнами.

На возвышенности этой существуетъ еще другой памятникъ, свидѣтельствующій о пребываніи здѣсь человѣка, предпринимавшаго изнурительный и долговременный трудъ: это колодезь, выдолбленный въ скалѣ въ 40 аршинъ глубиною; затѣмъ слѣдуютъ пещеры по надъ отвѣсомъ, которыя безпорно послужили примѣромъ для жилищъ послѣдующихъ за скиѳами обитателей. Но кто именно были эти послѣдующіе жители — мы неимѣемъ точныхъ свѣдѣній, но надо полагать, что послѣ побѣды и изгнанія ихъ Діофаномъ полководцемъ Митридата, жители Херсонескаго полуострова не допускали поселиться въ немъ чужихъ, за исключеніемъ каменоломцевъ, а впослѣдствіи оно превратилось въ мѣсто ссылки первыхъ христіанъ, въ числѣ которыхъ были многіе славные мученики въ исторіи христіанства. О дальнѣйшей участи Инкермана сообщаетъ намъ Тунманъ тѣ свѣдѣнія, которыя относятся къ г. Ѳеодоро. Но вотъ, что мы узнаемъ о немъ отъ Броневскаго, посѣтившаго эту мѣстность въ 1578 году: „Ингерменъ находится въ 12 милляхъ или болѣе отъ Козлова (Евпаторіи). Въ немъ каменная крѣпость, мечеть и пещеры, съ удивительнымъ искуствомъ высѣченныя подъ крѣпостію и насупротивъ нея; ибо городъ расположенъ на большой высокой горѣ и отъ этихъ пещеръ получилъ названіе. Онъ прежде былъ значителенъ, довольно богатъ, изобиловалъ всѣмъ и былъ замѣчателенъ своимъ мѣстоположеніемъ. Насупротивъ города тянется мысъ, имѣющій въ ширину нѣсколько стадій, а въ длину на протяженіи 3 или 4 миль узкою полосою далеко вдается въ Черное море. Имѣетъ три пристани, изъ которыхъ одна Portus pactorum (пристань договоровъ).... Видно, что Ингерменская великолѣпная крѣпость построена греческими государями, ибо до сихъ поръ еще ворота и нѣкоторыя уцѣлѣвшія зданія украшены греческими надписями и гербами. Очень ясно видно, что

по всему тому перешейку, даже до стѣнъ города, были великолѣпныя строенія и вырыто множество колодцевъ, на оконечности-же видны двѣ большія широкія дороги, вымощенныя камнями...“

По другимъ источникамъ мы узнаемъ, что Турки, послѣ изгнанія генуэзцевъ изъ Тавриды, содержали въ Инкерманѣ гарнизонъ; но впослѣдствіи, покинувъ его, городокъ этотъ опустѣлъ и оставался необитаемъ со времени эмиграціи грековъ изъ Крыма. Современное положеніе Инкермана представляется въ раньше изображенномъ нами видѣ. Слѣдуетъ добавить только, что красивая долина, находящаяся между этими скалами, пересѣкаемая Черною рѣчкою, нынѣ не представляетъ болѣе слѣдовъ первобытныхъ построекъ, такъ точно не уцѣлѣло никакихъ надписей и гербовъ, о которыхъ повѣтствовалъ Броневскій. Остались только несокрушаемыя временемъ пещеры и нарѣзы на скалахъ, свидѣтельствующіе о трудахъ первыхъ ссыльныхъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, до настоящаго времени, лежатъ кости быть можетъ этихъ-же труженниковъ.

Въ Инкерманѣ обращаетъ особенное вниманіе пещерный храмъ, устройство котораго приписываютъ Св. Клименту и отъ котораго продѣланъ чрезъ всю скалу выходъ на вершину ея. Аркообразно изсѣченный плафонъ его и вообще размѣръ церкви заставляютъ думать, что святой мученникъ этотъ всю жизнь свою употребилъ на сооруженіе этого вѣчнаго памятника.



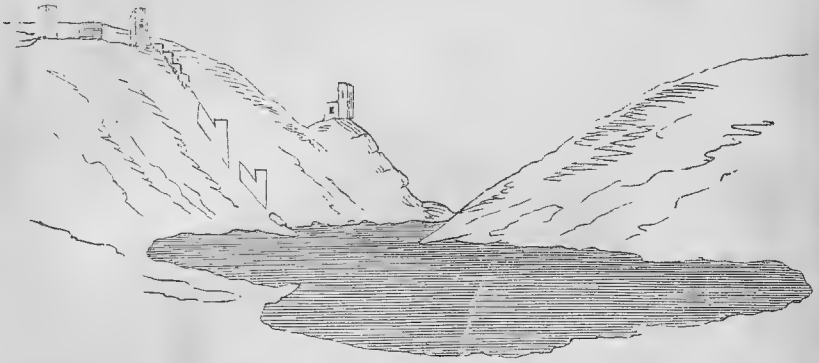
За Инкерманомъ въ деревнѣ Чёргунъ всецѣло сохранилась башня, которая, судя по архитектурѣ и народнымъ преданіямъ, принадлежитъ къ временамъ татарско-турецкаго господства. Въ первой части настоящаго труда мы разсказали эти преданія, а здѣсь представляемъ рисунокъ ея.

Балаклавскій округъ.

Не смотря на то, что Балаклава принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній въ Тавридѣ, мы до настоящаго времени не открыли въ ней никакихъ памятниковъ, подтверждающихъ это справедливое мнѣніе первыхъ писателей, за исключеніемъ слѣдовъ первобытнаго кладбища, которое находится на возвышенности Кефало-вриси, имѣющей нѣсколько ключей, служившихъ нѣкогда для снабженія города и крѣпости водою. Въ одной изъ гробницъ этихъ, которая представляла земляной сводъ на глубинѣ $1^1/_2$ аршина, прикрытый каменною плитою, въ головахъ покойника оказалась небольшая ниша, въ которой найдены стеклянная слезница, шесть глиняныхъ тарелокъ разной величины, одинъ кувшинъ и четыре зерна ожерелья *). Кромѣ этого мы прочитали въ англійскомъ Athenaeum 1856 г. № 1470, что при раскопкахъ, произведенныхъ подполковникомъ 39 полка Монро (Murno) во время крымской кампаніи найдены были въ окрестностяхъ Балаклавы: монеты, статуэтки изъ сженой глины, одинъ красивый рельефъ и много посуды. Извѣщеніе это напоминаетъ мнѣ разсказъ одного француза, что при дальнѣйшихъ раскопкахъ ими открытъ былъ въ Херсонесѣ храмъ съ мозаиковымъ поломъ, имѣющимъ около 60 кв. саженъ, который цѣликомъ былъ взятъ и отправленъ за границу и что подъ храмомъ этимъ крестообразно сложены были кости усопшихъ. Очень можетъ быть, что кромѣ этихъ вещей найдены были англо-французами и многія другія, о которыхъ не извѣщалось въ спеціальныхъ вѣстникахъ. Послѣ древняго кладбища, безспорно принадлежащаго грекамъ, мы останавливаемся на Балаклавской крѣпости, которая основана по всему вѣроятію въ эпоху христіанства. Что замокъ этотъ построенъ обитателями южной при-

*) Всѣ эти вещи переданы командиромъ Балаклавск. греческ. баталіона, при отношеніи отъ 27 мая 1860 г. за № 109 въ одесскій музей древностей.

морской полосы и не предназначался для предохраненія города— это видно во-первыхъ по архитектурѣ его и наконецъ по мѣстоположенію. Для любознательныхъ представляемъ его общій видъ съ бухтою:



Что укрѣпленіе это было греческое, это подтверждается тѣмъ еще, что въ главнѣйшей башнѣ его находился храмъ слѣдующей формы:

Замѣчательно однако, что генуэзцы, которые прогосподствовавъ въ Балаклавѣ такое незначительное время, не успѣли окопаться рвомъ со стороны материка, имѣвшаго не болѣе 100 саженъ, успѣли однако не только сдѣлать свои надписи на чужихъ крѣпостяхъ, но и выдолбить на нихъ свои гербы и разнаго рода украшенія, которыя заставили современныхъ намъ археологовъ предположить, что замокъ этотъ построенъ итальянцами. Тогда какъ на сооруженіе подобнаго зданія мало-мальски потребовалось-бы нѣсколько лѣтъ и очень много денегъ, которыми не охотно жертвовала Кафская община для укрѣпленій внѣ своего города. Впрочемъ о генуэзскомъ господствѣ въ этомъ городѣ мы, кромѣ историческихъ свѣдѣній, имѣли нѣсколько надписей, изъ которыхъ двѣ увезены были въ крымскую войну генераломъ Ламармора въ Италію, а послѣдняя за-

штукатурена въ церкви, находящейся на краю города вблизи крѣпости. Надпись эта слѣдующаго содержанія: «1357 die ..septembris hoc ...us inceptum fu.. tempore regim.... discreti viri Simonis de Orto Consulis et Castelani » Въ переводѣ: „1357 десятаго сентября начата эта постройка во время управленія скромнаго мужа Симоне Орто, консула и коменданта“.

Надпись эта важна въ томъ отношеніи, что доказываетъ господство генуэзцевъ въ Балаклавѣ гораздо раньше 1434 года т. е. времени, которое опредѣлено итальянскими писателями о первомъ завоеваніи этого города генуэзцами. На одной изъ увезенныхъ *) генераломъ Ламармора плитъ, сколько намъ помнится, былъ гербъ съ изображеніемъ въ щитахъ двухъ рыбъ, имѣющихъ вмѣсто головъ цвѣты лилій и съ каждой стороны по одному ангелу, сверху-же крестъ.

Раньше мы говорили, что въ татарско-турецкое господство въ Крыму, въ Балаклаву ссылались нѣкоторые изъ сверженныхъ хановъ съ семействами своими, другіе-же, въ крайности, убѣгали отсюда на судахъ въ Константинополь. Все это свидѣтельствуетъ, что во время господства татаръ въ этой странѣ, Балаклава была населеннымъ и торговымъ городомъ, и что городъ этотъ выстроенъ изъ древнихъ стѣнъ и башень, пересѣкающихъ Херсонесскій перешеекъ. Остатки этихъ построекъ, судя по донесенію академика Келера и въ наше столѣтіе переносились балаклавскими жителями на постройки домовъ **).

Исарчикъ или Біюкъ-Мускомское укрѣпленіе.

Единственнымъ указателемъ древнихъ укрѣпленій въ Крыму служитъ пока „Сборникъ“ покойнаго академика Кеппена. Тѣмъ,

---

*) Во время Крымской войны.

**) См. 3-е отдѣл. VIII т. Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей, стр. 372.

кто мало или совершенно незнакомъ съ описанными имъ укрѣпленіями, мѣстностію и туземными языками Тавриды, „Сборникъ“ этотъ, пожалуй, можетъ быть удовлетворительнымъ, но для насъ это простая географическая карта съ текстомъ, написаннымъ человѣкомъ, однажды взглянувшимъ на мѣстность и, какъ извѣстно намъ, не говорившимъ ни на одномъ изъ туземныхъ языковъ, чтобы имѣть возможность подробнѣе изслѣдовать окрестности, описываемой мѣстности. Послѣднее безъ сомнѣнія послужило ему препятствіемъ узнать о существованіи въ Байдарской долинѣ памятниковъ древнѣйшихъ обитателей этой страны.

Однако, прежде чѣмъ представимъ мы самое подробное описаніе укрѣпленнымъ пунктамъ и другимъ памятникамъ, оставленнымъ намъ древними посѣтителями Тавриды съ существующими о нихъ преданіями, прежде, чѣмъ докажемъ невѣрность предположеній г. Кеппена о томъ, что всѣ укрѣпленія горной части полуострова составляли общую систематическую оборону южнаго берега и находились во взаимномъ соотношеніи, его неправильныя заключенія по названіямъ мѣстъ, названныхъ туземцами сравнительно, а имъ принятымъ за мѣста укрѣпленій и т. п. мы скажемъ нѣсколько словъ о Біюкъ-Мускомскомъ древремъ укрѣпленіи, которое впервые встрѣчается за Инкерманомъ по направленію къ юго-востоку. Вотъ, что говоритъ о немъ г. Кеппенъ, именуя его „Исарчикомъ, т. е. стѣночкою“, какъ привыкли татаре называть всѣ древнія развалины, имѣющія видъ стѣнъ: „по Казыкли-Езенскому“ (правильнѣе: Озенскому) ущелью вверхъ къ Байдарской долинѣ, выше деревни Алсу, съ правой стороны Черной рѣчки, которая тутъ называется и Алсу, на остроконечности горы, есть слѣды стѣны, пересѣкавшей высунувшійся къ рѣкѣ отрогъ горы. На томъ мѣстѣ, именуемомъ Исарчикъ, нѣкогда находился наблюдательный постъ“.

Во-первыхъ, укрѣпленіе это, какъ видно на приложенномъ Кеппеномъ, хотя и неполномъ рисункѣ, расположено не на

острой оконечности горы, а занимаетъ весь высунувшійся скалистый полукругъ горы, именуемый татарами Хараджа-пулъ; во-вторыхъ, наблюдательнымъ пунктомъ оно, какъ самое нижайшее въ окружающихъ его со всѣхъ сторонъ горахъ, съ единственнымъ видомъ на глубокій оврагъ, гдѣ течетъ Черная рѣчка, никакъ не могло быть—и, наконецъ, указанный къ нему путь положительно недоступенъ. При томъ укрѣпленіе это ни въ какомъ случаѣ не могло принадлежать обитателямъ той стороны, по которой направлялся къ нему г. Кеппенъ. Укрѣпленіе это ясно служило мѣстомъ укрывательства жителямъ исчезнувшаго древняго поселенія на границѣ горъ, окружающихъ съ западной стороны Байдарскую долину, расположеннаго въ глубокомъ отклонѣ Хараджапулской возвышенности, между названнымъ г. Кеппеномъ Исарчикомъ и коническою горою Асаране-бурунъ, на макушкѣ котораго также видны незамѣченныя г. Кеппеномъ слѣды стѣны. Съ этого буруна видна почти вся Байдарская долина, и пространство до окрестностей Севастополя; слѣдовательно было-бы гораздо вѣроятнѣе допустить здѣсь существованіе наблюдательнаго пункта, но мы положительно отвергаемъ, что жители небольшихъ древнихъ поселеній имѣли такіе пункты. Тотъ, кто сомнѣвается въ нашемъ убѣжденіи, вѣроятно разрѣшитъ намъ вопросъ: зачѣмъ и для какой надобности укрѣплять пунктъ, предназначенный для одного наблюденія?...

Мѣсто, на которомъ находилось древнее жилище строителей Исарчика, нынѣ называется, сосѣдними татарами, *бахчаларъ* т. е. сады. Здѣсь много одичавшихъ фруктовыхъ деревъ, нѣсколько изумительно старыхъ грецкихъ орѣховъ, которые, какъ извѣстно, не встрѣчаются въ дикомъ видѣ въ этой части Крыма и два прекрасныхъ ручейка. Оно занимаетъ, какъ сказано выше, довольно значительное лѣсное пространство сѣверной покатости Хараджа-пула, примыкающаго къ хребту Ланга-кая, имѣя съ лѣвой стороны заросшій до вершины Асаране-бурунъ, а съ правой каменный полукруглый выступъ съ гладкою вершиною,

на которомъ сохраняются развалины оборонительной стѣны, заканчиваясь русломъ Черной рѣчки, берущей начало въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда. За рѣчкою выступаетъ каменная масса Кызылъ-каи (красноватой горы), прозванной татарами этимъ именемъ по красноватому цвѣту камней, окрашенныхъ желѣзными началами.

Сообщеніе этаго исчезнувшаго и заросшаго густымъ лѣсомъ, незамѣченнаго любознательнымъ Кеппеномъ древняго поселенія съ Байдарскою долиною, производилось путемъ до нынѣ сохранившимся въ удовлетворительномъ видѣ для воловыхъ подводъ чрезъ Ю. З. покатость Асаране-берунъ. Дорога эта идетъ лѣсомъ до сада Перовскаго, а потомъ гладкою поляною направляется на Біюкъ-Мускомью, единственно сохранившую въ нетронутомъ видѣ тѣ древнѣйшія могилы, которыя въ другихъ мѣстностяхъ полуразрушенныя, приняты были за кельтійскіе жертвенники. Кромѣ этаго пути, изъ поселенія можно было выходить оврагомъ Черной рѣчки по направленію къ Севастополю и на югъ къ деревняхъ Уркуста и Скеля, представляющимъ также слѣды древнихъ поселеній.

Но обратимся къ Исарчику, заслуживающему вниманіе по исключительно удобному мѣстоположенію для защиты и замѣчательному поражающимъ видомъ на скалистый оврагъ Черной рѣчки. Укрѣпленіе это, какъ было сказано, расположено на скалѣ Хараджа-пулской возвышенности, выдвинувшейся къ сѣверу въ видѣ воздушнаго полуострова съ отвѣсными окраинами, глубиною приблизительно до 100 саженъ. Недоступная площадка этаго полуострова съ ю. з. стороны, тамъ, гдѣ соединялась съ Хараджа-пулскою покатостію, пересѣкалась стѣною въ два аршина ширины, выложенною на извести, изъ громадныхъ камней. Стѣна эта имѣетъ 120 шаговъ въ длину и не представляетъ въ центрѣ предположенныхъ г. Кеппеномъ слѣдовъ башни; замѣченныя же имъ груды камней по правую сторону дороги, ведущей въ Исарчикъ, скорѣе представляютъ развалины воротъ, которыхъ, какъ можно было предполагать по при-

знакамъ, было двое: одни у начала отвѣсной скалы, противъ бывшаго поселенія, а другіе въ противоположномъ концѣ. Цѣль ихъ ясна, чтобы въ крайности имѣть надежду къ спасенію бѣгствомъ.

Длина воздушнаго полуострова этого заключаетъ 125 шаговъ, представляя полукруглую площадку, нѣсколько наклоненную къ сѣверу. Въ сторонѣ, ближайшей къ стѣнѣ и по направленію къ Бахчаларъ, во многихъ мѣстахъ сохранились небольшія груды камней, по очертанію представлявшихъ слѣды построекъ. Тутъ-же нѣсколько поставленныхъ на ребро плитъ, имѣли подобіе древнихъ могилъ. Признаки этихъ построекъ едва-ли могутъ свидѣтельствовать тому, что они нѣкогда были жилищами, скорѣе они служили мѣстами склада провизіи и имущества во времена укрывательства. Здѣсь, какъ и на всѣхъ почти древнихъ греческихъ укрѣпленіяхъ горной части Крыма, я снова встрѣтилъ старыя можжевеловыя и терпентинныя (Pistacia terebinthus) деревья, рѣшительно не встрѣчаемыя даже въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ этаго укрѣпленія. Присутствіе ихъ всегда заставляло меня размышлять: почему древніе строители спасительныхъ засадъ своихъ считали необходимымъ имѣть около нихъ эти растенія? Терпентинное и можжевеловое дерева встрѣчаются и въ Георгіевскомъ монастырѣ, одномъ изъ самыхъ древнѣйшихъ поселеній Крыма, и вдоль всего южнаго берега, гдѣ представляются признаки давно изчезнувшихъ жилищъ; а тамъ, гдѣ и нѣтъ ихъ слѣдовъ, они служатъ какъ-бы свидѣтелями бытности жилищъ. Добывали-ли древніе соотечественники наши съ этихъ растеній какія нибудь существенныя выгоды, которыми мы не пользуемся отъ невѣденія? Это ясно; но что именно, кромѣ терпентина, это вопросъ, который мы не въ состояніи рѣшить.

Судя по количеству камней, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ Исарчика, оборонительная стѣна эта, нынѣ имѣющая вышины отъ 2 до 3 аршинъ, надо полагать доходила до 3 саж.;

что она давно уже разрушилась, этому свидѣтельствуютъ громадныя деревья, выросшія въ промежуткахъ ея. Видъ съ Исарчика на окружающія его лѣсныя горы: Асаране-бурунъ, Хараджапулъ, Ланга-кая и Хызылъ-кая, въ центрѣ которыхъ онъ находится—восхитительный; но никакихъ деревень или мѣстъ, заключавшихъ признаки древнихъ поселеній, не видно. Величественнѣе же всего—зрѣлище къ с. з. на скалистый оврагъ, гдѣ протекаетъ лучшая въ Крыму, никогда не пересыхающая Черная рѣчка, прозванная татарами Казыкли-Озень, что означаетъ „покрытую кольями“ или колистую рѣку. Не встрѣчая на протяженіи (около 30 верстъ) ея ничего подобнаго, что могло произвести это названіе, я пришелъ къ мысли, что имя это происходитъ отъ испорченнаго татарскаго слова Хаза или Хазалы-Озень т. е. рѣка, способная нанести вредъ. Оврагомъ этой рѣки древніе обладатели Исарчика могли сообщаться съ поселеніями къ Инкерману и проходить вверхъ къ богатымъ равнинамъ Уркусты и Скеля, послѣднее селеніе, судя по множеству слѣдовъ древнихъ могилъ, не принадлежащихъ временамъ христіанской эры и курганамъ, которыхъ я нигдѣ болѣе не встрѣчалъ въ горной части полуострова, а равно и по обширности остатковъ храма уже христіанскихъ временъ, воздвигнутаго надъ самымъ истокомъ Черной рѣчки,—надо полагать, было одно изъ обширнѣйшихъ. Скельскій храмъ въ настоящее время представляетъ только часть стѣны, сложенной изъ громадныхъ камней, все-же остальное обрушилось въ источникъ рѣки. Одна изъ старыхъ татарокъ, нѣкогда проживавшихъ въ Скелѣ *), передавала мнѣ слышанное отъ родителей своихъ, что на развалинахъ этой церкви стоялъ какой-то образъ, которому приходили поклоняться греки и что въ ея юное время, когда обрушилась передняя половина стѣны, показалось отверстіе подъ храмъ. Обстоятельство это возбудило въ нѣкоторыхъ ли-

*) Татаре, жившіе въ Скелѣ, еще въ 1856 году, вышли изъ Крыма въ Турцію.

цахъ надежду открыть богатый кладъ, но ничего не найдено ими, кромѣ скелетовъ, между которыми одинъ оказался, по словамъ ея, въ сидячемъ положеніи.

На распросы мои у татаръ сосѣднихъ деревень, какія сохранились у нихъ объ Исарчикѣ преданія, я получалъ отвѣты, которые ясно подтверждали, что укрѣпленіе это существовало далеко раньше вступленія татаръ въ гористую часть Крыму. По ихъ убѣжденію, Исарчикъ принадлежалъ Френкамъ т. е. Генуэзцамъ, которые, какъ извѣстно исторически, не имѣли своихъ владѣній въ этой мѣстности, что будто эти Френки, запершіеся въ Исарчикѣ при нашествіи на нихъ турокъ, были побиты съ противоположной горы Асаране-бурунъ. Преданіе это, не смотря на невѣроятность свою, проливаетъ свѣтъ на событіе, которое дѣйствительно могло совершиться въ то время, когда несчастные итальянцы, разбитые турками по всѣмъ крымскимъ факторіямъ своимъ, лишенные пріюта и надежды на спасеніе жизни, скрываясь отъ кровожадныхъ преслѣдователей, забрели сюда и оставались невредимыми до того времени, пока не наведены были на нихъ орудія съ Асаране-буруна.

Древности Байдарской долины.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Балаклавы, по направленію къ Форосскому берегу, или Ю, В. склону Таврическихъ горъ, разстилается прекрасная и довольно обширная равнина, названная туземцами Байдарскою, по имени татарскаго селенія, расположеннаго въ центрѣ слѣдующихъ 12-ти деревень: Хайто, Кучукъ-Мускомья, Варнутка, Ласпи, Сахтикъ, Календи, Скеля, Узунджа, Саватка, Бага Уркуста и Біюкъ-Мускомья. Большинство названій этихъ, исковерканныхъ татарами, еще достаточно свидѣтельствуютъ о греческомъ происхожденіи ихъ, но слово Байдаръ или *Байтаръ* *) означающее на татарскомъ

*) Даръ, Дере-долина, глубокій оврагъ.

языкѣ, богатая тѣснина, ясно удостовѣряетъ, что оно произведено татарами, сознавшими красоту и преимущества этой долины на Крымскомъ полуостровѣ. Байдарская долина начинается узкимъ ущельемъ между горъ, заросшихъ дубовымъ и грабовымъ лѣсомъ и по мѣрѣ въѣзда расширяется. Наиболѣе красивѣйшимъ мѣстомъ ея можно считать окрестности деревни Варнутки, но самымъ широкимъ пространствомъ ея — равнину отъ дер. Скеля, по направленію къ морю. Названныя нами выше 12-ть деревень считаются расположенными на этой долинѣ, но въ дѣйствительности на ней находятся только немногія изъ нихъ, а остальныя какъ напр. Ласпи, Бага, Узунджа, Біюкъ-Мускомья и Хайто занимаютъ или углубленныя впадины между горами или высокія покатости ихъ, или обширнѣйшія естественные бассейны, образованные дѣйствіемъ подходившаго моря, которому безспорно можно приписать образованіе всей обширной и большинствомъ чрезвычайно гладкой равнины Байдара, окаймленной высокими горами и имѣющей издали видъ, какъ будто недавно пересохшаго озера. Байдарская долина, не смотря на то, что занимаетъ возвышенное мѣстоположеніе и подвергается позднимъ весеннимъ и раннимъ осеннимъ морозамъ, есть одна изъ выгоднѣйшихъ мѣстностей въ Крыму для жительства людей и животныхъ. Отличаясь здоровымъ климатомъ, она изобилуетъ прекрасными лѣсами, водяными ключами, превосходными пастбищами, въ особенности на вершинахъ горъ, фруктовыми садами, сѣнокосными чапрами и почвою земли, которая съ избыткомъ вазнаградила бы трудъ земледѣльца, еслибъ онъ соображалъ, что послѣ тысячелѣтнихъ посѣвовъ, даже самая тучнѣйшая почва, потребуетъ удобреній. Этого мало, производимый на ней медъ—прозрачный и ароматный, настолько хорошъ, что и теперь въ Константинополѣ, этомъ центрѣ міровой торговли, считается лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ роскошная Байдарская долина, сосѣдственная съ древнимъ Трахейскимъ полуостровомъ, не могла оставаться безъ вниманія со

стороны Ираклійцевъ—основателей древнихъ Херсонесовъ и мы имѣемъ нѣсколько данныхъ къ тому, что предпріимчивый народъ этотъ пользовался всѣми произведеніями этой долины, даже и во времена вступленія Монголо-Татаръ въ Крымскій полуостровъ; но мѣстами жительства ихъ служили только окраины долины, подходящія къ болѣе возвышеннымъ и труднодоступнымъ горамъ. Обратимся къ доказательствамъ. Первымъ поселеніемъ грековъ въ Байдарской долинѣ надо признать Кучукъ-Мускомью какъ ближайшій пунктъ къ Херсонесу и самый удобнѣйшій по плодородію почвы и господствующему положенію надъ громадною и живописною Варнутскою площадью. Поселеніе это расположено было у подножья высокаго кольцеобразнаго холма, извѣстнаго и по нынѣ туземнымъ морякамъ за точку, указывающую прямое направленіе къ Константинополю и съ вершины котораго видѣнъ Трахейскій полуостровъ и морской берегъ до Евпаторіи.

Памятники нашего предположенія сохраняются и теперь отчасти въ наименованіяхъ окружныхъ мѣстъ. Чтобы видѣть первыя, слѣдуетъ взобраться на указанный выше холмъ Аія-хая (святая скала) и, минуя оврагъ или пропасть Кокіи, подойти къ старой стѣнѣ, прикрывавшей площадку, задняя сторона которой примыкаетъ къ провалу, не требующему, по недоступности съ этой стороны, искусственной ограды. Ясно, что это было скрытое отъ глазъ и не легко доступное укрѣпленіе, основанное древними обитателями дер. Кучукъ-Мускомья *) съ тѣмъ, чтобы при надобности скрываться въ стѣнахъ его съ имуществомъ своимъ и которые не вдали отъ него, между двухъ естественно укрѣпленныхъ по положенію своему мѣстностей, извѣстныхъ подъ именами *Демиръ-хапу* и *Ханевизъ-дере* **), от-

---

*) Слово Кучукъ на татарскомъ языкѣ значитъ малая, но Мускомья безъ сомнѣнія происходитъ отъ греческаго *Муско-мели* т. е. мускосный медъ.

**) Демиръ-хапу на татарскомъ—желѣзные ворота. Татары многія мѣстности, которыя по положенію своему недоступны, называютъ желѣзными воротами. Ха-

крыли источникъ воды, необходимый на случай переселенія въ укрѣпленіе народа, но кромѣ этихъ развалинъ, по свидѣтельству старожиловъ, существуютъ не вдали отъ нихъ и остатки церкви, вслѣдствіе чего и мысъ этотъ называется Ая-бурунъ (святой носъ), или Ай-Лія-бурунъ т. е. мысъ св. Иліи. Когда эта церковь основана и кѣмъ—никто не сохранилъ преданія. Мы можемъ только предполагать, что явленіе ея на такой мѣстности принадлежитъ слишкомъ отдаленнымъ временамъ и что она воздвигнута какимъ нибудь морякомъ, по обѣщанію, въ минуты опасности. Конечно не покажется страннымъ, если допустимъ идею, что основаніе его могло принадлежать христіанамъ и во время турецкаго господства, такъ какъ мусульмане охотнѣе всего нападали на нихъ во время богослуженія и—слѣдовательно благоразумнѣе было избирать для сооруженія церкви отдаленный и нелегко доступный пунктъ. Этого мало, при въѣздѣ къ Кучукъ-Мускомью, по правую сторону дороги, замѣтны слѣды фундамента извѣстнаго у татаръ подъ именемъ *клисе-баши* т. е. начала церкви. Явно, что и здѣсь была церковь, принадлежавшая грекамъ, однако не тѣмъ изъ нихъ, которые выселились изъ Крыма въ 1778—79 годахъ, а гораздо древнѣйшимъ, судя потому, что въ ханскія времена въ Байдарской долинѣ не обитало ни одного христіанина.

Вторымъ поселеніемъ грековъ на этой долинѣ была мѣстность, извѣстная подъ именемъ Ласпи *). Ласпи занимаетъ небольшое пространство между горами, заканчивающееся высокими скалистыми выступами, и такъ какъ имѣетъ бухту, годную для стоянки судовъ, то, безъ сомнѣнія, во времена Херсонеской республики, мѣстечко это служило пунктомъ, куда свозились произведенія Байдарской долины и оттуда сплавлялись моремъ по назначенію. Что въ Ласпи было поселеніе древнихъ грековъ—

невизъ-дере также происходитъ отъ греческаго глагола *анево* т. е. взбираюсь или *анєвазо*—встягиваю.

*) Ласпи на греческомъ языкѣ означаетъ грязь.

это свидѣтельствуютъ слѣды церкви, на правой сторонѣ выступа отвѣсной скалы, извѣстной также подъ именемъ Аія-бурунъ или святаго мыса, кромѣ этого попадаются надгробные камни съ изображеніемъ на нихъ орудій, обозначающихъ родъ занятій усопшихъ *). Мы хорошо знаемъ, что подобные надгробія не ставились греками во времена мусульманскаго владычества въ Крыму, и слѣдовательно происхожденіе ихъ относится къ болѣе отдаленнымъ временамъ; но было ли въ Ласпи укрѣпленіе, какъ это принято было древними при каждомъ обширномъ поселеніи своемъ—пока неизвѣстно. Въ преданіяхъ туземцевъ, напротивъ, сохранилось предположеніе, что древніе жители Ласпи, которыхъ не могло быть много, судя по мѣстности, въ крайности скрывались въ пещерѣ съ кресомъ, которую могли открыть только люди хорошо знакомые съ окружностью. Пещера эта дѣйствительно существуетъ въ скалистомъ хребтѣ, примкнувшемъ съ Ю. В. къ ласпинскому углубленію и нынѣ извѣстна какъ мѣсто долговременнаго жительства въ ней замѣчательнаго при взятіи Крыма разбойника Кокій-айдамака, который здѣсь установилъ дань съ проѣзжихъ въ пользу свою по цвѣту одежды, и такимъ образомъ заставилъ всѣхъ выѣзжающихъ изъ дому одѣваться въ такого цвѣта нарядъ, за который приходилось вносить меньшую дань.

Впрочемъ, если только въ Ласпи было незначительное поселеніе перекупщиковъ произведеній Байдарской долины или промышленниковъ лѣсомъ, подобныхъ, какіе являлись сюда въ 40 годахъ, то народъ этотъ не имѣлъ особенной надобности въ укрѣпленіи, для него нуженъ былъ какой нибудь таинственный гротъ, чтобы скрыть свое имущество, которымъ безъ сомнѣнія увлекались полудикіе скитальцы крымскихъ степей гораздо болѣе, чѣмъ драгоцѣнными каменьями, а самъ онъ могъ разойтись въ густые громадные лѣса или по надъ приморскими обрывами проникнуть къ Балаклавѣ. Нынѣ отъ Ласпи такимъ

*) Изображеніе этихъ памятниковъ читатель найдетъ впереди.

путемъ проѣзжаютъ на Кучукъ-Мускомью, но отъ послѣдней идетъ проселочный путь по сѣверному отлогу Ай-Лійской возвышенности, по направленію къ Шайтанъ-дере (чертову оврагу)— этой глубочайшей пропасти въ виду моря, мимо которой суевѣрные татары со страхомъ проходятъ ночью.

Третьимъ селеніемъ грековъ въ Байдарской долинѣ была нынѣшняя татарская деревушка Варнутка; но здѣсь не найдено пока ни одного памятника, могущаго подтвердить это предположеніе. Все основано на преданіи старожиловъ, которые слышали отъ отцевъ и дѣдовъ, что названіе этого селенія произошло отъ слѣдующей причины: во времена турецкаго господства, въ Байдарскую долину прибылъ изъ Варны какой-то грекъ и началъ дѣлать раскопы на мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ Варнутки. Труды его увѣнчались открытіемъ значительнаго клада въ церкви, отъ которой остались едва примѣтные слѣды фундамента. На память этого событія пришлецъ затратилъ довольно большую сумму на устройство, на счастливомъ для него мѣстѣ фонтана, который названъ Варналы (т. е. Варнскій), а впослѣдствіи, когда поселились въ окрестности его мусульмане, то поселеніе получило имя Варнутки.

Четвертымъ греческимъ поселеніемъ въ Байдарской долинѣ была мѣстность, нынѣ извѣстная подъ именемъ Календи. Само названіе это, означающее на татарскомъ языкѣ *Кале* (крѣпость) и *энды* (спустилась) достаточно свидѣтельствуетъ, что здѣсь была крѣпость, которая разрушилась. Академикъ Кеппенъ, убѣжденный, что южная полоса Крыма была систематически укрѣплена, на Календи не обратилъ никакого вниманія. Ему казалось, что древніе греки имѣли укрѣпленіе при Чертовой лѣстницѣ, для защиты этого прохода со стороны Байдарской долины. Конечно, еслибъ почтенный авторъ „Крымскаго Сборника“ побывалъ самъ на Чортовой лѣстницѣ, то ему легко-бы было разувѣриться въ неосновательности созданнаго имъ предположенія: во-первыхъ, потому, что ни на ней, ни по сторонамъ ея не было возможности поставить крѣпость, которая могла-бы имѣть влія-

ніе на желающихъ проникнуть Мердевеномъ *), и наконецъ, что за необходимость была жителямъ южнаго берега воздвигать, въ отдаленныхъ отъ нихъ мѣстахъ, крѣпость, когда таковыя находились при нихъ? Что вообще всѣ греческіе укрѣпленные пункты въ Крыму сооружались при поселеніяхъ съ цѣлію личнаго самохраненія, а не для пораженія непріятеля, это доказывается ихъ особеннымъ устройствомъ въ скрытныхъ мѣстахъ—и нѣтъ слѣдовъ ни одного изъ нихъ на мѣстностяхъ открытыхъ, легко доступныхъ, или лежащихъ въ ущельяхъ, служившихъ единственными путями сообщенія южнаго берега съ степною частью Крыма. Календи, нынѣ маленькая татарская деревушка, расположена по правую сторону глубокаго оврага, служащаго единственнымъ выходомъ къ Чортовой лѣстницѣ. Не можетъ быть, чтобы древніе греки Тавриды оставили прекрасную мѣстность эту безъ вниманія; но къ сожалѣнію, не смотря на тщательные розыски наши, мы до настоящаго времени не открыли никакихъ слѣдовъ, могущихъ подтвердить безъошибочное предположеніе наше. Не осталось въ живыхъ ни одного человѣка въ Байдарской долинѣ, который-бы могъ указать даже на то скрытное мѣсто, гдѣ могла находиться обрушившаяся крѣпость, послужившая мусульманамъ къ воспроизведенію названія вновь основанному ими поселенію.

Пятое и самое обширное поселеніе грековъ находилось въ нынѣшней Скелѣ, покинутой татарами въ послѣднюю Крымскую войну и не очень давно занятую русскими поселянами. Восхитительное мѣстоположеніе Скели, откуда беретъ начало лучшая рѣчка Крыма Хазыклы-озенъ (Черная рѣчка), ставитъ ее въ исключительное положеніе предъ всѣми почти населенными мѣстами Таврическаго полуострова. Здѣсь всѣмъ могъ заниматься человѣкъ: садоводствомъ, лѣснымъ промысломъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, сѣнокошеніемъ, огородничествомъ, — и все добытое могъ сбывать въ нѣсколько часовъ

*) Татаре Мердевеномъ называютъ лѣстницу.

въ Ласпи, Балаклавѣ, или Херсонесѣ, отстоящихъ отъ нея въ близкомъ разстояніи, — эти преимущества Скели, прикрытой въ добавокъ горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, вызвали серіозное вниманіе проникнувшихъ сюда впервые грековъ и заставили ихъ укрѣпить городокъ свой каменною стѣною, съ двухъ сторонъ, при которой были обширныя круглыя башни. Разумѣется въ настоящее время отъ укрѣпленій этихъ, давнымъ давно разобранныхъ для очистки мѣстъ подъ огороды, осталось немного цѣльныхъ фундаментовъ. Таковыми служатъ сугробы, идущіе влѣво отъ дороги при въѣздѣ въ деревню; фундаменты эти обходятъ древнее кладбище и исчезаютъ у основанія четыреугольной постройки, по сосѣдству которой существуетъ источникъ воды, извѣстный подъ именемъ Св. Іоанна. Надо полагать, что отсюда стѣна поворачивалась къ С. В. и примыкала къ большой круглой башнѣ, фундаментъ которой сохранился до настоящаго времени. Къ сказанному добавимъ, что деревня эта по названію своему, безъ сомнѣнія происходящему отъ греческаго *скала* (лѣсница), всегда казалась мнѣ мѣстомъ, которое не могло оставаться необитаемымъ съ глубокой древности и слѣдовательно не лишеннымъ какихъ-либо, если и не новыхъ для археологіи памятниковъ, то такихъ по крайней мѣрѣ, которые могли-бы служить содѣйствіемъ къ болѣе положительному разъясненію найденныхъ въ другихъ частяхъ полуострова. При входѣ въ деревню эту, я прежде всего замѣтилъ, вправо отъ дороги, два громадныхъ камня, поставленныхъ стоймя и издали имѣющихъ подобіе истукановъ. Соображаясь съ тѣмъ, сколькихъ усилій потребовалось-бы къ доставкѣ ихъ на эту равнину, я напрасно старался замѣтить въ наружности и положеніи ихъ что нибудь такое, которое опредѣляло-бы ихъ назначеніе. Были ли они нѣчто подобное Микенскимъ воротамъ или простые столбы въ естественномъ своемъ видѣ, для опредѣленія въѣзда, идолы или другіе, имѣющіе значеніе знаки — нѣтъ основаній къ предположеніямъ. У окружныхъ же татаръ существуетъ преданіе, что они сброшены съ Яйлы какимъ-то озлобленнымъ пророкомъ,

что заставляетъ больше вѣрить въ отдаленность времени ихъ постановки, потому что татаре все, что неизвѣстно имъ и что кажется не нужнымъ или невозможнымъ для нихъ, приписываютъ сверхъестественной силѣ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ этихъ столбовъ, я наткнулся на цѣлый рядъ такихъ точно памятниковъ, какіе существуютъ въ окрестностяхъ Ялты и признаны г. Фабромъ за Кельтійскіе жертвенники, съ тою только разницею, что здѣсь со всѣхъ были сброшены верхнія плиты, оставленныя около нихъ. Ясно было, что это древнѣйшія могилы, но могилы такого размѣра, что въ нихъ погребались не иначе какъ въ сидячемъ положеніи. Самая большая изъ нихъ имѣла въ длину не болѣе 2 аршинъ, а въ ширину пять четвертей т. е. одинаковый объемъ и всего важнѣе, одинаковое направленіе съ Ялтинскими и именно отъ Ю. З. къ С. В. Такихъ могилъ, безъ сомнѣнія принадлежащихъ времени появленія въ южной части Крыма первыхъ поселеній грековъ, кромѣ окончательно раззоренныхъ и осѣвшихъ въ землю, я насчиталъ болѣе десятка и всѣ они ограблены и завалены мелкимъ камнемъ. Кладбище это заканчивается виднѣющимся фундаментомъ изъ цѣльныхъ плитъ.

Былъ-ли здѣсь храмъ или отдѣльный обширный склепъ — трудно опредѣлить. Къ Югу отъ слѣдовъ фундамента виднѣются два правильныхъ курганчика. Одинъ изъ нихъ повидимому уже былъ тронутъ съ средины, гдѣ образовался выемъ, но другой остается неприкосновеннымъ. Въ томъ, что они насыпные и составляютъ могилы, я не сомнѣваюсь потому, что на другой день, гораздо внимательнѣе изслѣдуя ихъ, около вскрытаго нашелъ мѣдную монету съ неяснымъ изображеніемъ человѣческихъ бюстовъ. Есть-ли на ней кромѣ этихъ замѣтныхъ изображеній что-нибудь другое—я не могу опредѣлить до тѣхъ поръ, пока не сниму ржавчину. Что-же касается остальныхъ могилъ, подобныхъ признаннымъ въ окрестностяхъ Ялты г. Фабромъ за Кельтійскіе жертвенники только потому, что они приняли, послѣ отдѣленія отъ нихъ боковыхъ плитъ, видъ жертвен-

никовъ — я, въ двухъ, посредствомъ очистки камней, земли и терновыхъ кустовъ, нашелъ довольно много человѣческихъ костей, разсыпающихся при малѣйшемъ давленіи. Кромѣ всего этого, въ Скелѣ у самаго истока Черной рѣчки существуютъ развалины древней постройки, которая, по общему убѣжденію, составляла христіанскій храмъ, подъ спудомъ котораго еще не такъ давно видѣли черепа и кости человѣческіе. Въ заключеніе скажемъ что ни на одной мѣстности Крыма не существуетъ такихъ старыхъ грецкихъ орѣховъ какъ въ Скели. Между ними я встрѣтилъ одно, имѣющее 12-ть аршинъ въ окружности. Дереву этому, судя потому, какъ медленно орѣхи ростутъ въ Таврідѣ, вѣроятно можно насчитать много столѣтій.

За Скелею въ двухъ или въ трехъ верстахъ находится татарская деревушка Узунджа *), одна изъ достопримѣчательныхъ въ Крыму по живописному мѣстоположенію. Она расположена въ глубочайшей котловинѣ горъ, на прекрасной продолговатой долинѣ, мѣстами заросшей старыми грецкими орѣхами. Въ виду ея на верхушкѣ одного изъ выступившихъ отклоновъ Яйлы, опускающихся здѣсь почти вертикально, путникъ замѣчаетъ небольшое пространство, закрытое громадными деревьями, въ центрѣ которыхъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, Богъ вѣсть кѣмъ и когда, устроенный ставокъ. Неоднократно проѣзжая мимо Узунджи, представляющей роскошное мѣсто для жизни человѣка, я всегда употреблялъ нѣсколько часовъ на открытіе какихъ либо древнихъ развалинъ, но этого мнѣ не удавалось найти, не смотря на то, что группы одичавшаго винограда и другихъ растеній, которыхъ не разводятъ татаре, доказывали мнѣ о жительствѣ здѣсь грековъ. Однажды на вопросъ мой: нѣтъ-ли въ окрестностяхъ Узунджи пещеръ — старики съ одушевленіемъ стали описывать мнѣ величественный, по ихъ убѣжденію, естественный гротъ Сюндюрли-хоба, отстоящій отъ деревни ихъ въ часовомъ раз-

*) На татарскомъ языкѣ значитъ продолговатая.

стоянiи. По словамъ ихъ пещера эта имѣетъ нѣсколько верстъ длины и заключаетъ въ глубинѣ своей много костей, которыя будто принадлежали френкамъ (Генуэзцамъ), задушеннымъ турками посредствомъ костровъ, разложенныхъ у отверстiя хобы. Заинтересованный преимущественно названiемъ этой пещеры, означающей потухшая (отъ татарскаго глагола: Сöндю или сонмекъ—потухать) я, запасшись опытнымъ проводникомъ, отправился къ ней. Мы начали подниматься на сѣверный скалистый холмъ, поросшiй можжевельникомъ и гораздо болѣе доступный со стороны деревни. Миновавъ его, мы поднялись на второй выступъ, извѣстный подъ именемъ *Тилки-ялаганъ-бурунъ* т. е. мысъ облизанный лисицею. По словамъ проводника названiе это присвоено скалѣ, потому что сюда являются къ огромному съ выемомъ камню, лисицы и вылизываютъ съ него дождевую воду. Вскорѣ мы поднялись на третiй уступъ одной и той-же отрасли Яйлы. Здѣсь, неожиданно я очутился у древней стѣны, сложенной изъ огромныхъ камней, имѣющей около $1^1/_2$ сажени въ ширину. Впервые встрѣчая такую толстую стѣну, я съ особеннымъ любопытствомъ осматривалъ окрестности, надъ которыми господствовала эта возвышенность: многое мнѣ пророчило, что когда-то на этихъ мѣстахъ были обширныя поселенiя, управляемыя быть можетъ тѣми личностями, которыхъ пепелъ покоится подъ насыпными курганчиками и въ цѣльныхъ плитахъ на скельскомъ древнемъ кладбищѣ. Продолжая осматривать открытое укрѣпленiе, я могъ только вывести заключенiе, что воздвигнутое на площадкѣ, усѣченной съ трехъ сторонъ скалистыми отвѣсами, оно какъ и всѣ прочiя, принадлежащiя древнимъ грекамъ въ Тавридѣ, служило имъ мѣстомъ укрывательства. Татаре называютъ крѣпость эту Хапуларъ т. е. воротами, потому что она расположена на единственной тропинкѣ, идущей къ вершинѣ горы и въ тоже время къ пещерѣ Сюндюрли-хоба. Продолжая взбираться выше, мы вскорѣ миновали лѣсокъ, состоящiй преимущественно изъ дикихъ грушевыхъ деревъ и затѣмъ приблизились къ поверхности высшей точки ка-

менистой горы. Здѣсь, привязавъ лошадей, мы сошли въ дубовый лѣсокъ и проводникъ подвелъ меня къ обширному отверстію въ скалѣ, представляющему наклонный сходъ во внутренность огромной залы, пересѣченной тремя естественными арками. Предварительно вступленія въ эту пещеру, я успѣлъ убѣдиться, при содѣйствіи сопровождавшаго меня татарина, что пространство, прилегающее къ отверстію пещеры выложено плоскими плитами съ цѣлью недопущенія сырости и грязи. Обстоятельство это достаточно свидѣтельствовало о томъ, что здѣсь обиталъ человѣкъ, если не историческихъ временъ, то навѣрное каменнаго періода. Изъ трехъ встрѣченныхъ мною внутри пещеры арокъ, только одна средняя представляла тотъ корридоръ во внутренность скалы, протяженіе котораго, по словамъ туземцевъ, идетъ на нѣсколько верстъ. Проникнувъ въ него я былъ пораженъ удивительною правильностью длинной галлереи. Болѣе получаса, при едва примѣтномъ освѣщеніи отъ свѣчи, мы двигалисъ впередъ, шагая по перегнившему помету и костямъ. Наконецъ, угрожаемые остаться безъ свѣта и возможности дышать отъ недостатка воздуха, мы поспѣшили возвратиться къ мѣсту входа. Нѣсколько захваченныхъ мною, изъ самой отдаленной точки, костей, къ удивленію моему, оказались не человѣческими. Какимъ образомъ могли животныя проникать въ такую мрачную глубину? Ясно, что онѣ принадлежали къ тѣмъ видамъ пещерныхъ жильцевъ, о которыхъ не имѣетъ полнаго понятія современная намъ зоологія. Признавая во всякомъ случаѣ замѣчательную Сюндюрли-хоба за превосходное мѣсто для укрывательства отъ внезапныхъ набѣговъ степныхъ обитателей, я какъ то былъ убѣжденъ, что и въ окрестности этой пещеры должно было находиться поселеніе. Проводникъ мой не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ моимъ на томъ основаніи, что на такой высотѣ человѣку трудно жить въ зимнее время. Такъ какъ это доказательство было очень слабое, я вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ зеленѣющимъ полянамъ къ Ю. В. отъ пещеры. Нѣсколько минутъ спустя я находился на покатистой равнинѣ,

изрѣдка поросшей одичавшими грушевыми, яблоневыми и другими фруктовыми деревьями, между которыми находились кучи ломаннаго камня и какъ бы очертанія отъ заросшихъ фундаментовъ. По словамъ проводника моего, пограничный съ этою мѣстностію лѣсъ издревле называется Ай-Дмитріевскимъ т. е. Св. Дмитрія. Очень естественно, что названіе это не могло произойти безъ причины. Вскорѣ затѣмъ я узналъ отъ вышедшаго ко мнѣ на встрѣчу лѣснаго стража, что въ нѣсколькихъ сотняхъ шагахъ отъ меня существуютъ остатки нѣкогда бывшей церкви во имя Св. Дмитрія. Направивъ путь къ нимъ, мы вскорѣ очутились въ группахъ старыхъ сливъ и орѣшниковъ, впервое встрѣченныхъ мною толщиною отъ 6 до 7 аршинъ въ объемѣ. Правильная посадка ихъ свидѣтельствовала о томъ, что явленіе ихъ не есть случайное. Нѣсколько шаговъ дальше предъ нами открылся прекрасный родникъ воды, за которымъ находится едва замѣтный фундаментъ церкви во имя Св. Дмитрія. Тутъ же начинается лѣсъ самый старый и самый громаднѣйшій, по величинѣ деревъ, на Крымскомъ полуостровѣ. Чтобы опредѣлить его старину и толщину, я скажу только, что встрѣчалъ много деревъ въ нѣкоторыхъ частяхъ которыхъ образовался перегной и въ немъ повыростали совершенно другаго рода старыя деревья. Если все это сообразить, не упуская изъ виду красоты мѣстоположенія, громадное изобиліе фруктовыхъ деревъ и сосѣдственность великолѣпныхъ пастбищъ — то становится яснымъ, что древніе обитатели возвышенныхъ мѣстностей Крыма, наслаждались здѣсь лучшими дарами природы безъ тѣхъ усилій и заботъ, которымъ подвергались обитатели низменныхъ мѣстъ.

Нѣсколько дней спустя, я поѣхалъ въ татарское селеніе Багу, которая по предположенію моему также не должна была оставаться незамѣченною древними греками. Конечно слѣдовъ ихъ пребыванія я не надѣялся найти, потому что они рѣдко когда остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ образуются новыя поселенія; но мысль, что и тамъ гдѣ нибудь въ окружностяхъ со-

храняются развалины крѣпости или предохранительной стѣны, казалась мнѣ не подлежащею сомнѣнію. И дѣйствительно, я не обманулся въ заключеніяхъ. По опыту, пріобрѣтенному мною, какія мѣстности избирались древними для сооруженія крѣпостей, я безъ потери времени направился на сѣверный холмъ, подходящій къ Багѣ. Громадныя орѣховыя деревья и дорога, мѣстами выложенная большими каменьями, поощряли мои надежды. Нѣсколько минутъ спустя, я уже стоялъ предъ нѣсколькими разоренными могилами, составленными изъ пяти цѣльныхъ плитъ; немного дальше я открылъ развалины древней стѣны, которая огибала возвышенную площадку. Явно, что это была предохранительная стѣна, за которою укрывались; но какимъ образомъ очутились здѣсь могилы? Случайность ли это, или древніе на столько дорожили прахомъ лучшихъ согражданъ своихъ, что погребали ихъ въ укрѣпленіи, которое отдавали непріятелю вмѣстѣ съ жизнью своею.

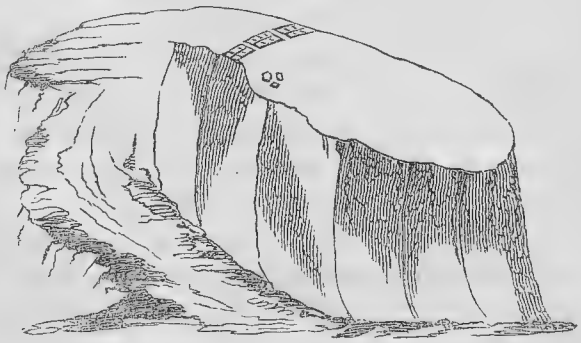
Слѣдуя изъ Баги на Біюкъ-Мускомью между послѣднимъ селеніемъ и Уркустою, невдали отъ Черной рѣчки, находятся нѣсколько древнихъ могилъ, такого-же устройства какъ въ Скели и Багѣ. Это есть единственные изъ подобныхъ памятниковъ, не тронутые пока, ни любопытными, ни алчными.

Нѣтъ сомнѣнія, что около этихъ могилъ находилось и поселеніе, но гдѣ именно въ Уркустѣ или Біюкъ-Мускомьѣ — трудно опредѣлить по отсутствію данныхъ. Чтобы пополнить археологическій очеркъ Байдарской долины, добавимъ къ сказанному свѣдѣнія, добытыя нами изъ спорнаго дѣла за Байдарскую долину, начатаго съ конца прошлаго столѣтія: съ того времени, какъ прекратилось вліяніе турецкихъ султановъ на приморскія земли Крыма т, е. со времени, Кучукъ- Кайнарджинскаго мира (1774 г.) долина эта перешла въ распоряженіе хановъ, которые отдавали ее въ аренду. Послѣднимъ арендаторомъ при Шагинъ-Гирей-Ханѣ былъ директоръ монетнаго двора Абдуль-Хашидъ-ага. Но что именно отдавалось ему въ оброчное состояніе: лѣса или всѣ земли? Этотъ вопросъ не рѣ-

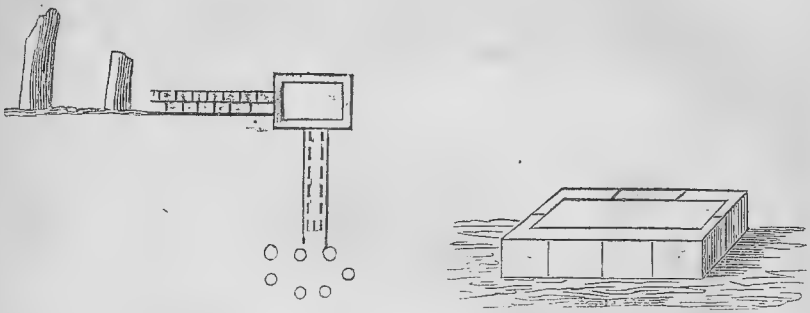
шенъ, хотя и ясно, что арендатору предоставлялось пользоваться, по мусульманскому закону, только однимъ ушуромъ, или извѣстною частицею со всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Ушуръ, до Шагинъ-Гирея, вносили татаре духовенству, но онъ обратилъ его въ пользу казны. Что поселяне Байдарской долины пользовались правомъ владѣнія населяемой ими земли, это видно изъ ханскихъ фирмановъ, подтверждавшихъ это право, но съ тѣмъ, что они обязаны содержать въ надлежащемъ видѣ дороги. Подобные фирманы имѣются при дѣлѣ даже отъ Магнутскихъ кадіевъ: Асана отъ 1704 года и Мустафы въ 1780 году. Впрочемъ въ Байдарской долинѣ былъ собственникомъ одинъ изъ чиновниковъ хана Меметъ-ага-Хасымъ-оглу, владѣвшій 800 десятинами земли. Какимъ образомъ земля эта досталась одинокой личности? Подарена ли она была Ханомъ, который не могъ быть хозяиномъ народной собственности, остававшейся таковою въ теченіи четырехъ столѣтій, или эта былъ *бейликъ*, наслѣдственно переходившій изъ рода въ родъ? Такъ или иначе, но земля эта при нашемъ владычествѣ въ Крыму перепродана была въ русскія руки, а вся Байдарская долина пожалована была княземъ Потемкинымъ самому себѣ. Это послужило поводомъ къ возбужденію татарами того отчаяннаго спора, который,—не смотря на то, что Высочайше назначенная въ началѣ нашего столѣтія коммисія для разсмотрѣнія этого дѣла признала, что князь Потемкинъ имѣлъ право жаловать другихъ, но не самаго себя,—не окончился до настоящаго времени.

Въ 1784 году, т. е. вскорѣ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, изъ Байдарской долины совершилась первая эмиграція татаръ въ Турцію. Три года спустя, долину посѣтила Императрица Екатерина великая съ Римскимъ Императоромъ Іосифомъ II. Вѣнценосцы эти, проживъ цѣлый день въ Скелѣ, поѣхали верьхами въ Ласпи и отсюда любовались на прелестные виды южнаго берега, куда невозможно было имъ проникнуть, по отсутствію дороги. Семнадцать лѣтъ послѣ этого и именно

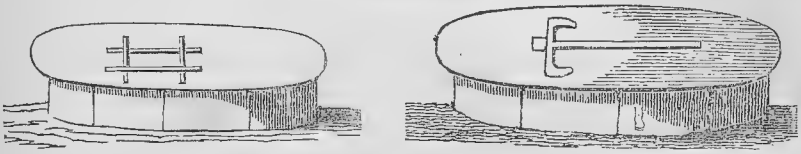
въ январѣ 1804 года правительство пріобрѣло мѣстность Ласпи, съ цѣлью разведенія на ней образцовой виноградной школы. Для приведенія въ исполненіе этой прекрасной мысли, избранъ былъ г. Рувье, который въ 1804 году уже привезъ сюда испанскія и мадерскія лозы и, разсадивъ ихъ, подъ присмотромъ нарочно выписанныхъ изъ Испаніи спеціалистовъ, принялся за дѣло. Понятно, что эти лозы переродились на почвѣ Ласпи, но во всякомъ случаѣ предпріятіе это улучшило Крымское винодѣліе. Байдарская долина, какъ сказано выше, обреченная на безконечный споръ, кромѣ этого подвергалась сильнымъ опустошеніямъ отъ чумы въ 1812 году, холеры въ 1820 и 48 годахъ и наконецъ нашествію англо-французовъ съ 1854 по 56 годъ, принудившаго большинство изъ обитателей ея бѣжать въ Турцію. Съ паденіемъ-же Севастополя, гдѣ выгодно сбывались всѣ произведенія этой долины—несчастные обитатели ея дошли до жалкаго положенія. Описавъ по возможности древности Байдарской долины, мы считаемъ необходимымъ представить, наиболѣе сохранившимся изъ нихъ, приблизительные рисунки:



Исарчикъ или Біюкъ-мускомское укрѣпленіе.



Развалины и могилы при дер. Скеля.



Могилы при дер. Ласпи.

Древности Юго-восточной приморской части Крыма.

Крымскій полуостровъ, какъ замѣчено уже читателемъ, принадлежитъ къ числу странъ, изобилующихъ многими памятниками древнихъ обитателей; но къ сожалѣнію до настоящаго времени никто не позаботился составить имъ подробное описаніе съ приличнымъ текстомъ. Правда взялся было за это дѣло Бларенбергъ, Ашикъ, Кеппенъ и другія менѣе способныя личности, но все сказанное ими или ограничилось незначительнымъ райономъ или не могло заслуживать вниманія серіозныхъ изслѣдователей очевидностію неосновательныхъ соображеній и недостаткомъ изученія преданій туземныхъ народовъ. Сожалѣя объ этомъ, мы задались желаніемъ пополнить этотъ пробѣлъ, но предварительно считаемъ нужнымъ познакомить нашихъ читателей съ тѣми названіями, которыя могутъ каждому посѣти-

телю Тавриды опредѣлить, на сколько въ извѣтной мѣстности слѣдуетъ вѣрить народнымъ разсказамъ и по нимъ дѣлать розыски.

Всѣ древнія, укрѣпленія, остатки которыхъ сохраняются до нашего времени въ Тавридѣ, туземнымъ народамъ извѣстны подъ слѣдующими названіями: а) Исаръ или Исарчикъ б) Кастель Кастро или Кастропуло, е) Керменъ или Керменчикъ и д) Кале или Хуле.

Всѣ-же валы, рвы и т. п. искуственно-предохранительныя сооруженія именуются *эндэками* *). Впрочемъ нерѣдко случается, что и естественныя прогалины пользуюся этимъ названіемъ и легко могутъ писавшаго заочно, привести въ заблужденіе.

По свидѣтельству всѣхъ древнѣйшихъ писателей, первыми обитателями Тавриды признаны Тавры, занимавшіе горную часть полуострова. Какого-бы не было ихъ названіе, но эти люди, какъ сказано было нами, явились съ мало-азіатскаго берега и были греческаго происхожденія, потому уже, что открывшіе эту страну, случайно при разъѣздахъ по Черному морю, назвали греческимъ именемъ Таврика. Величественная природа Южнаго берега, прикрытаго отъ Сѣвера и Запада высокими горами, и повсемѣстно дѣвственная почва, способная производить знакомыя имъ растенія—невольно могла возбудить охоту къ независимости и благосостоянію. Допуская подобное предположеніе, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что впослѣдствіи обитатели эти, замѣтивъ бродящія толпы номадовъ по ту сторону горъ, должны были позаботиться о предохраненіи себя отъ внезапныхъ набѣговъ этихъ полудикихъ скитальцевъ и воздвигали различнаго рода укрѣпленія, не съ цѣлью конечно отражать ихъ, но съ тѣмъ, чтобы самимъ скрываться въ нихъ въ крайности съ семействами и имуществомъ.

*) Отъ татарскаго глагола *энмекъ* опускаться.

О существованіи этихъ укрѣпленій мы впервое узнаемъ отъ Константина Багрянороднаго, писавшаго въ X столѣтіи, который, располагая ихъ на пространствѣ между Херсонескою республикою и Воспорскимъ царствомъ, именуетъ крѣпостями климатовъ (κάστρα τῶν κλιματων) *). Затѣмъ упоминаетъ объ нихъ монахъ Рубруквисъ, бывшій въ Крыму въ половинѣ XIII вѣка. По его счету между Корсунью и Солдаею находилось до 40 замковъ, имѣющихъ свое отличительное имя. Но никто изъ нихъ не сообщилъ намъ: когда основаны эти укрѣпленія? Къ удовольствію нашему въ числѣ писателей VI вѣка является Прокопій, градоначальникъ Константинополя, который задается мыслью записать всѣ укрѣпленія, созданныя въ различныхъ мѣстностяхъ государемъ своимъ Юстиніаномъ и вотъ что онъ сказалъ относительно Тавриды: „Возстановивъ укрѣпленія Воспора и Херсонеса, онъ (т. е. Юстиніанъ) построилъ замокъ Алустонъ и замокъ въ округѣ Гурзовитской и оградилъ большими стѣнами Готѳовъ отъ набѣговъ и т. п.“

Въ этихъ немногихъ строкахъ мы видимъ, во-первыхъ, что всѣ остальныя мѣстности Крыма, занятыя греками, были достаточно обезпечены противъ непріятельскихъ вторженій и наконецъ, что стѣны, созданныя Юстиніаномъ были тѣ самыя, слѣды которыхъ еще сохранились по обѣ стороны Палатъ-горы, начиная отъ Искута до Яйлынскаго хребта т. е. на линіи, которая дѣйствительно представляла возможность безпрепятственнаго перехода со стороны степей. Слѣдовательно замки, о которыхъ упоминаетъ Константинъ Багрянородный и Рубруквисъ, существовали гораздо раньше того времени, когда Юстиніанъ озаботился, укрѣпленіемъ которыхъ мѣстностей Южной Тавриды.

Такъ какъ они принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ памятникамъ, то намъ предварительно слѣдуетъ указать на тѣ мѣстности, гдѣ они были воздвигнуты и что сохранилось отъ

*) *Клима* на греческомъ языкѣ означаетъ виноградную лозу. Не произошло-ли это названіе по роду занятій строителей этихъ крѣпостей.

нихъ въ настоящее время. При этомъ считаемъ обязанностью разъяснить, что названіе, данное Рубруквисомъ, вполнѣ соотвѣтствовало значенію этихъ недоступныхъ построекъ, которыя, какъ сказано было выше, сооружались не съ цѣлью прегражденія или защиты селеній, а въ скрытыхъ и отдаленныхъ отъ нихъ мѣстахъ, для того, чтобы въ виду опасности замкнуться въ нихъ съ семействомъ и имуществомъ, или-же, припрятавъ послѣднихъ, самимъ дѣйствовать противъ враговъ. Мысль эта была превосходна для поселянъ, не всегда имѣвшихъ возможность отражать непріятелей, повидимому нападавшихъ съ цѣлью пріобрѣтенія невольницъ и скота и рѣзко противорѣчитъ укрѣпленіямъ, воздвигнутымъ Юстиніаномъ внутри Алустона (Алушты) и въ нынѣшнемъ Гурзуфѣ, не имѣвшимъ ровно никакого стратегическаго значенія въ то время, когда неизвѣстенъ былъ порохъ и когда входъ въ крѣпость предохранялся сверженіемъ съ вершины ея камней и другаго рода тяжестей. Естественно, что, при такого рода вооруженіяхъ, могли оставаться неприкосновенными только засѣвшіе въ крѣпость, а поселеніе оставалось во власти непріятелей. По нашему убѣжденію въ подобныхъ случаяхъ несравненно благоразумнѣе дѣлали туземцы, устраивавшіе свои замки вдали отъ селеній въ скрытыхъ и недоступныхъ по естественному положенію мѣстахъ: во-первыхъ, они были убѣждены, что непріятель не откроетъ ихъ и наконецъ они могли лично защищать нападеніе на дома свои, и въ случаѣ крайности скрываться въ сосѣдственныхъ горахъ или соединяться съ семействами въ замкахъ.

Рубруквису, насчитавшему до 40 подобныхъ замковъ, мы обязаны тѣмъ, что этимъ онъ опредѣлилъ намъ число большихъ поселеній первобытныхъ грековъ, поселившихся въ приморской полосѣ Тавріи. Свѣдѣніе это вполнѣ подтверждается существующими развалинами и для ясности мы укажемъ на мѣсто-нахожденія ихъ.

Такъ какъ мы не имѣемъ возможности опредѣлить, гдѣ основано первое поселеніе тавровъ и откуда они распростра-

нялись, то начнемъ наше описаніе съ южной оконечности полуострова и именно съ Байдарской долины, откуда впервое встрѣчаются скрытые въ горахъ и лѣсахъ трудно-доступные замки, носящіе одинаковый стиль архитектуры съ тѣми, которые попадаются на пространствѣ по берегу морскому до Демерджинской скалы и окрестностей Ѳеодосіи. Въ Байдарской долинѣ, судя по развалинамъ и надгробнымъ памятникамъ отдаленныхъ временъ, было 6 замковъ и столько-же поселеній, которые подробно описаны нами въ Байдарской долинѣ. Седьмой замокъ находится на обратной сторонѣ Яйлы, куда проходили чрезъ Мердевень или Чертову лѣстницу, отстоящій отъ послѣдней не болѣе какъ на полъ-версты, извѣстный туземцамъ подъ именемъ Исаръ-кая. По предположеніямъ нашимъ на этой возвышенности не было надобности сооружать искуственнаго прикрытія съ такою заботливостію, какъ это дѣлалось въ болѣе доступныхъ и открытыхъ мѣстахъ. Ясно также, что замокъ этотъ былъ мѣстомъ укрывательства живущихъ у подножья скалъ первобытныхъ обитателей нынѣшнихъ деревень Мшатки и Михалатки. 8) Древнее поселеніе съ замкомъ было нынѣшнее Кастропуло. Это подтвердилось открытіемъ здѣсь посуды и различныхъ строительныхъ матерьяловъ въ видѣ черепицъ и большихъ кувшиновъ мало-азійской формы. 9) Замокъ находился невдали теперешняго татарскаго селенія Кикенеиса на недоступной почти скалѣ, извѣстной подъ именемъ Біюкъ-Исара. 10) Именуемый Кучукъ-Исаръ занималъ оконечность Кикинеискаго мыса и вѣроятно принадлежалъ жителямъ другаго поселенія, отъ котораго не сохранилось никакихъ остатковъ.

Обо всѣхъ этихъ замкахъ въ народѣ существуютъ двоякаго рода преданія: одни говорятъ, что они принадлежатъ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда славные берега Тавриды служили приманкою для пиратовъ и вообще промышляющихъ набѣгами; по остальнымъ—они сооружены френками (генуэзцами). Естественно, что послѣднее предположеніе не имѣетъ никакого основанія, потому что подобные замки въ ихъ время не могли

имѣть никакого значенія. Они хороши были противъ небольшой толпы не воиновъ, а грабителей, которые не руководились завоевательною идеею и не имѣли другаго оружія, кромѣ лука и сабли. 11) Замокъ воздвигнутъ былъ на скалѣ, составляющій Лименскій мысъ. Нѣтъ сомнѣнія, что основатели его обитали невдали отъ него и можетъ быть на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и теперь находится деревня Лимена. 12) Расположенъ на оконечности скалъ, составляющихъ какъ-бы обломки Лименскаго мыса, извѣстные подъ именемъ Дзива-кая. Замокъ этотъ, названный туземцами Панеа, безъ сомнѣнія принадлежалъ обитателямъ противоположнаго ската Лименской скалы, гдѣ нынѣ находится Семеизъ и откуда пролегаетъ къ нему удобный путь. 13) Находился на вершинѣ Ай-Петри, что противъ Алупки. Замокъ этотъ повидимому находился невдали основавшихъ его поселянъ, которые какъ кажется обитали у подножья скалы, что доказывается слѣдами построекъ, встрѣчающихся между сосновыми деревьями, имѣющими въ объемѣ до 5-ти аршинъ. Селеніе это, судя по обширности замка, было громадное. Въ народныхъ преданіяхъ здѣсь находилась и церковь во имя св. Петра и надо полагать, что въ лѣтнее время на этой возвышенности обитали поселяне съ своими домашними животными и занимались сборомъ лѣсныхъ фруктъ, съ которыхъ вываривали сокъ, и до нашихъ временъ добываемый подъ именемъ *бекмеза*. Подобныя переселенія въ горы совершались жителями южнаго берега до 1779 года и теперь еще совершаются стильскими и озенбашскими татарами. 14) Замокъ находится въ сосѣдственныхъ горахъ Гаспринскаго округа, извѣстный подъ именами Исаръ-кая или Гаспра-Исаръ. Судя по его ничтожному пространству, надо думать, что онъ служилъ мѣстомъ укрывательства жителямъ не особенно большаго поселенія. 15) Замокъ, принадлежавшій первобытнымъ обитателямъ нынѣшняго Мисхора, сохранившаго свое греческое названіе, въ наше время не представляетъ никакихъ слѣдовъ. Надо полагать, что онъ разобранъ или помѣщиками при устройствѣ приморскихъ дачь или

татарами, замѣнившими грековъ. 16) Находится на Ай-тодорскомъ мысу у оконечности, извѣстной туземцамъ подъ именемъ Лиманъ-буруна или Исара. За́мокъ этотъ былъ великъ и слѣдовательно принадлежалъ обширному селенію. 17) Расположенъ былъ на возвышенности, пересѣкающей Верхнюю и Нижнюю Ореанды. Татаре именуютъ его также Исаромъ. Онъ повидимому служилъ мѣстомъ укрывательства значительной толпы народонаселенія, обитавшаго на равнинахъ Верхней Ореанды и оставившаго намъ нѣсколько надгробныхъ памятниковъ отдаленныхъ временъ. 18) За́мокъ находился въ поселеніи Ай-Яни, гдѣ нынѣ Ливадія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь производится ломка камня. Десять лѣтъ тому назадъ, за́мокъ этотъ представлялъ остатки стѣнъ, но теперь онъ совершенно исчезъ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ находился. 19) Находился при несуществующемъ въ наше время селеніи, противъ Нижней Аутки, на холмѣ, носящемъ названіе Пола-клесія. Такъ какъ здѣсь открыты залежни діорита, то естественно, никто не мечталъ о предохраненіи за́мка отъ обрушенія въ пропасть. 20) Подъ именемъ Учанъ-су-исаръ или Зиго-исаръ находится въ Аутинской дачѣ на землѣ, принадлежащей умершему бездѣтнымъ чиновнику Фацарди. За́мокъ этотъ, сохранившись сравнительно въ лучшемъ противъ другихъ видѣ, безъ сомнѣнія основанъ первобытными жителями Верхней Аутки. 21) Расположенъ былъ въ виду Ялты, на возвышенномъ бугрѣ, именуемомъ туземцами Палекуръ, но кѣмъ было основано это укрѣпленіе, ялтинскими-ли обитателями или жителями дер. Нижняя Массандра—трудно опредѣлить. 22) Находился на бугрѣ, занятомъ нынѣ подъ кладбище татарами при въѣздѣ въ дер. Ай-василь. Отъ этого послѣдняго не осталось никакихъ слѣдовъ, потому что всѣ камни разобраны на обозначеніе могилъ. 23) За́мокъ расположенъ былъ на первой верстѣ отъ Ялты къ Симферополю, въ имѣніи гр. Мордвинова, на томъ самомъ крестообразномъ холмѣ, гдѣ нынѣ находятся древнія греческія могилы. Отъ за́мка этого нынѣ остались только слѣды фунда-

ментовъ. 24) Находился на остроконечной скалѣ, въ виду Магарачинской округи и извѣстенъ подъ именемъ Палекастро (старая крѣпость), а у татаръ Паликастеръ. Стѣны этого зáмка, какъ отдаленнаго отъ мѣстожительства человѣка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились довольно хорошо. Нѣтъ сомнѣнія, что зáмокъ этотъ служилъ мѣстомъ укрывательства обитателей бывшаго нѣкогда поселенія магарачинскихъ грековъ. 25) Былъ воздвигнутъ на Никитинскомъ мысу, который именуется въ настоящее время Рускофиль-кале. Укрѣпленіе это воздвигнуто было, какъ надо полагать, жителями деревни Никита. 26) Находится по дорогѣ въ Стилю и Бешуй, близъ урочища Грамата, подъ названіемъ Кале. Этотъ зáмокъ просто состоялъ изъ площадки, обведенной рвомъ и земляными насыпями. 27) Былъ въ Гурзуфѣ, тотъ самый, который, по сказанію Прокопія, воздвигнутъ императоромъ Юстиніаномъ I. 28) Сооруженъ былъ на скалѣ, извѣстной нынѣ подъ именемъ Гелинъ-кая, расположенной повыше татарскаго селенія Кизиль-ташъ. Такъ какъ развалины его продолжаютъ существовать, то мы вправѣ думать, что на мѣстѣ Кизиль-таша нѣкогда обитали основатели его—греки. 29) Находился на Медвѣдь-горѣ и извѣстенъ туземцамъ подъ именемъ Буюкъ-кастель. Слѣды обширнаго зáмка этого до настоящаго времени свидѣтельствуютъ о сказанномъ нами. 30) Находился на возвышенности, примыкавшей къ Парѳениту и Кыркулету. Къ сожалѣнію, отъ этаго замка не оставлено ни малѣйшихъ слѣдовъ. 31) Принадлежавшій древнимъ жителямъ теперешняго татарскаго поселенія Дегерменъ-кой, находился на сосѣдственной скалѣ, примыкавшей къ южной оконечности настоящей деревни. 32) Находился въ Біюкъ-Ламбатѣ, на горѣ, извѣстной подъ именемъ Ай-Тодора (св. Ѳеодора) гдѣ и сохранились остатки древнихъ стѣнъ. 33) Находился на высотѣ Кучукъ-Кастеля, нынѣ принадлежащаго русскому Аѳонскому монастырю. Зáмокъ этотъ, повидимому, принадлежалъ обширному селенію. 34) Былъ въ Алуштѣ и, какъ сказано выше, построенъ греческимъ императоромъ Юстиніаномъ I. 35) За-

мокъ находился при нынѣшнемъ татарскомъ селеніи Демерджи и примыкалъ къ церкви. 36) Находился въ Улу-озенской округѣ и повидимому основанъ первобытными жителями Куру-озена или одного изъ исчезнувшихъ поселеній. Татаре именуютъ его Кастро или Кастронунъ-кези. 37) Воздвигнутъ былъ на одной изъ оконечностей Чатыръ-дага, извѣстной подъ именемъ Эклисе-бурунъ (т. е. церковный носъ) вслѣдствіе нахожденія здѣсь храма, 38) Находился на Искутскомъ мысѣ и извѣстенъ подъ именемъ Чебанъ-кале. 39) Безъ сомнѣнія, находился на одной изъ возвышенностей, окружающихъ нынѣшнее татарское селеніе Капсихоръ, безпорно бывшее занято греками, судя по греческому названію его: жаркій или теплый городъ. 40) былъ въ Судакѣ.

Вотъ эти 40 замковъ, о которыхъ упомянулъ монахъ Рубруквисъ, бывшій въ Тавридѣ шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, служившіе мѣстами укрывательства тѣхъ самыхъ обитателей, которыхъ императоръ Константинъ Багрянородный назвалъ Климатами за триста лѣтъ до него и которые существовали въ царствованіе Юстиніана I. Слѣдовательно памятникамъ этимъ мы должны мало-мальски насчитывать отъ полторы до двухъ тысячь лѣтъ. Однако, не смотря на такую почтенную цифру, въ большинствѣ изъ нихъ еще крѣпко стоятъ стѣны, подвергающіяся дождямъ и вообще зимнимъ непогодамъ. Наилучшими же по цѣлости я нашелъ Учанъ-су Исаръ и Чебанъ-кале. Эти два замка до настоящаго времени сохранили стѣны свои во всю вышину и кругомъ. Онѣ выложены изъ небольшихъ камней, на отличной извести, безъ особеннаго искусства и обязаны сохраненію своему, какъ кажется, преимущественно тому, что фундаментами избраны были неподвижныя скалы.

Чтобы дать вѣрное понятіе читателямъ нашимъ о видѣ и положеніи этихъ замковъ, намъ приходится сказать еще нѣсколько словъ. Тѣ изъ древнихъ поселеній южной полосы Тавриды, которыя были малочисленны обитателями или не пользовались излишними средствами, обыкновенно воздвигали свои замки въ скалахъ на такой возвышенности, которая съ нѣ-

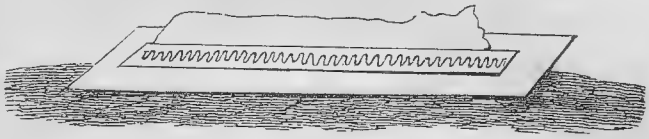
сколькихъ сторонъ оставалась недоступною; на линіи-же, не представляющей затрудненія къ приближенію, воздвигалась стѣна, въ оконечности которой оставлялся проходъ. Болѣе зажиточные поселяне предпочитали устраивать свои зàмки на одиноко-торчащихъ колоссальныхъ скалахъ, которыя и безъ того казались недоступными. Такихъ на южномъ берегу Тавриды только три и именно: Кикенеизскій, Аутинскій или Учанъсу Исаръ или Кизильташскій или Гелинъ-кая. Исключеніемъ служатъ: Искутскій зàмокъ, имѣющій форму башни и Гурзуфскій, представляющій подобіе цитадели. Надо полагать, что эти послѣдніе воздвигнуты жителями обширныхъ поселеній, которые превосходили остальныхъ соотечественниковъ своихъ въ понятіяхъ о стратегіи и фортификаціи и были руководимы спеціалистами, присланными со стороны императора Юстиніана, которому Прокопій приписываетъ сооруженіе ихъ, въ своей книгѣ, оглавленной „Ктизмата“.

Въ сказанномъ мы сдѣлали общій очеркъ укрѣпленій, чтобы удостовѣриться въ повѣствованіи Рубруквиса. Теперь обратимъ вниманіе наше на другаго рода болѣе или менѣе достопримѣчательные памятники или развалины, существующіе на протяженіи отъ Фороской скалы до Судакскаго мыса. Прежде всего мы останавливаемся на названіи Фороса, которое съ греческаго означаетъ *данъ*. Подъ этимъ названіемъ извѣстно до настоящаго времени и бывшее здѣсь до эмиграціи татаръ поселеніе. Очень понятно, что подобное имя не присвоивается мѣстности безъ причинъ, но къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ основаній къ какого-либо рода заключеніямъ. За Фовосомъ слѣдуетъ Михалатка, гдѣ въ дѣтствѣ я видѣлъ развалины древней обширной постройки *). Въ послѣдующемъ затѣмъ поселеніи Кикенеизъ, существуютъ три надгробныхъ камня,

---

*) Это подтверждается по описи академика Келера.

съ рельефными изображеніями, подобными караимскимъ надгробіямъ. Какому народу принадлежатъ эти, единственные на южномъ берегу, памятники,—трудно опредѣлить; но судя по могиламъ, находящимся около нихъ, они греческія Вотъ приблизительный снимокъ лучшаго изъ нихъ; остальные-же, вслѣдствіе разрушенія, приняли видъ лежащаго чаловѣка *).

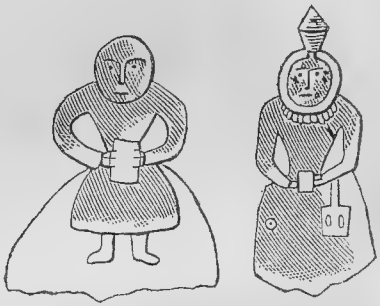


За Кикенеизомъ, на живописномъ берегу, окаймленномъ красивою скалою Дзива-кая, существуетъ мѣстность подъ именемъ Лимены. Здѣсь сохранились во многихъ мѣстахъ могилы, въ которыхъ находятся монеты римскихъ и греческихъ императоровъ. Объ укрѣпленіяхъ Дзива-кая и вообще о мѣстоположеніи Лимены, мы уже сказали въ первой части нашего описанія.

Въ Алупкѣ, въ наше время, находятся, кромѣ приведенной нами раньше греческой надписи 512 года, слѣдующаго рода привезенные сюда предметы древностей: мраморная доска, по краямъ которой изображены голые амурчики, а въ центрѣ Амуръ въ объятіяхъ Психеи. Такой-же древней скульптуры орелъ, въ позѣ готоваго поднятъся съ мѣста: двѣ мраморныя-же статуи, къ сожалѣнію безъ головъ; большая бѣлая коллона, въ 8 вершковъ толщины, съ греческимъ крестомъ и 8 известковыхъ бабъ. Бабы эти имѣютъ слѣдующій видъ:

---

*) Между Михалаткою и Кучукъ-коемъ, по дорогѣ къ графини Толь, встрѣчаются также древнія могилы, безспорно принадлежавшія грекамъ.



Айтодорскій маякъ.

Между Оріандою и Алушкою, выступаетъ далеко въ море, высоко приподнятый скалистый холмъ, извѣстный подъ именемъ Айтодорскаго мыса, на которомъ устроенъ правительствомъ маякъ. Названіе это присвоено мѣстности татарами по преданію, потому что на мысѣ этомъ существовалъ нѣкогда греческій храмъ во имя св. Ѳеодора Стратилата. Провѣряя его, мы дѣйствительно находимъ, на прилегающей къ маяку скалѣ, отлично сохранившееся очертаніе небольшой древней церкви, безъ сомнѣненія воздвигнутой какимъ нибудь набожнымъ христіаниномъ давно минувшихъ вѣковъ, съ цѣлью остановить вниманіе проходящаго мореходца и заставить испросить помощи или благословенія святаго на дальнѣйшее плаваніе. Прекрасная мысль эта могла представлять и другое назначеніе для мореходцевъ въ ноное время, если только церковь эта освѣщалась. И въ самомъ дѣлѣ, неужели подобныя постройки воздвигались надъ пропастями безъ всякой цѣли? Сколько намъ извѣстно, древніе обитатели Крыма всегда избирали для мѣста жительства своего низменныя и главное прикрытыя отъ сѣверныхъ вѣтровъ поляны; приписать же случайности постройку церкви на оконечности этой открытой скалы, было бы гораздо проще, еслибъ мы не встрѣчали такихъ храмовъ почти на всѣхъ возвышеніяхъ, выступающихъ въ море, вдоль Юго-восточной береговой линіи Крыма, начиная отъ Херсонеса до Ѳеодосіи. Что храмы

эти не были народные — это свидѣтельствуетъ ихъ ничтожная величина. Если всѣ приведенныя нами предположенія не были принимаемы въ расчетъ древними греками Тавриды, то нѣтъ сомнѣнія, что постановка ихъ на такихъ пунктахъ производилась съ цѣлью убѣдить плавающихъ, что они находятся въ виду христіанскихъ населеній. И такъ Айтодорскій маякъ не безъ основанія получилъ современное ему названіе, означающее на греческомъ языкѣ имя, названнаго нами выше святаго.

Предварительно описанія Айтодорскихъ древнихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о нахожденіи здѣсь нѣкогда обширнаго и богатаго поселенія, намъ необходимо представить читателю для соображенія топографическую карту мѣстности. Айтодоръ расположенъ, какъ замѣчено было, у морскаго берега и заканчивается тремя скалистыми мысами, которые какъ бы нарочно приподняты у окончанія. На первомъ изъ нихъ расположенъ маякъ, содержимый въ отличной исправности, на второмъ развалины церкви, вслѣдствіе чего названъ туземцами клисе-бурунъ (церковный носъ), а на третьемъ лиманъ-бурунъ (носъ залива) находятся также развалины какой-то незначительной постройки, которыя по мнѣнію сосѣднихъ татаръ, нѣкогда принадлежали Туркамъ.

Всѣ эти мысы заканчиваются страшной глубины отвѣсами съ обнаженными боками почернѣвшихъ скалъ, а у центра средняго виднѣется пещера, въ которую едвали въ наше время возможно войти человѣку, непривыкшему карабкаться по вертикальнымъ стремнинамъ.

Въ виду этихъ мысовъ растилается великолѣпная поляна, отклоняющаяся къ двумъ прибрежьямъ, пересѣченнымъ у конца маячною скалою. Живописное пространство это имѣетъ подобіе котловины, прикрытой со всѣхъ почти стороны высокими горами, но въ особенности отъ запада ее охраняютъ Айпетринскій шпиль, съ прилегающимъ яйлынскимъ хребтомъ, а у Юго-восточнаго окончанія своего она примыкаетъ къ небольшой бухтѣ, прикрытой клисе- и лиманъ-бурунами. Вообще мѣстность эта

представляетъ много заманчивыхъ удобствъ для человѣка, который любитъ заниматься виноградными плантаціями, наслаждаться прекрасными картинами, окружающей его природы и для котораго море также необходимо какъ воздухъ. Взглянемъ теперь на самые буруны. Первый, на которомъ нынѣ находятся маячныя постройки, есть самый большой и самый интересный, по множеству памятниковъ древности, которые до настоящаго времени остаются не изслѣдованы. Мысъ этотъ съ поляны представляется огромнымъ холмомъ, заросшимъ большими можжевеловыми деревьями и до того отвѣсенъ къ морю, что положительно не представляетъ возможности сообщенія съ берегомъ.

Клисе-бурунъ имѣетъ подобную же форму, но нынѣ оголенъ, чрезвычайно каменистъ, гораздо меньшаго объема и несравненно ниже, окружающихъ его мысовъ. Съ него также не возможно спуститься къ морю. На этой возвышенности, какъ сказано, существовалъ небольшой храмъ, въ которомъ могло помѣститься не болѣе 30 — 40 человѣкъ. Послѣдующій затѣмъ мысъ лиманъ-бурунъ обрушился со стороны моря и, обнаживъ свои скалистые бока, рѣшительно сдѣлался недоступнымъ съ моря. На вершину его ведетъ съ поляны тропинка, безъ сомнѣнія, составлявшая для древнихъ обитателей этой мѣстности кратчайшій путь сообщенія съ Ялтою и другими прибрежными поселеніями. Вотъ этою тропинкою *) и я пошелъ на лиманъ-бурунъ, чтобы лично удостовѣриться: насколько справедливо существующее между туземцами-татарами преданіе о существованіи здѣсь развалинъ турецкой крѣпости, которая не могла быть здѣсь ни въ какомъ случаѣ, потому что этотъ народъ нигдѣ не воздвигалъ въ Крыму укрѣпленій, за исключеніемъ Арабата и Еникале. Взобравшись на вершину этой скалы, заросшую кустарниками, я дѣйствительно нашелъ развалины незначительной постройки, но она скорѣе походила на церковь,

*) Въ настоящее время здѣсь проведено прекрасное шоссе до Ореанды.

чѣмъ на что-либо подобное крѣпости. Съ этой живописной скалы, у подошвы которой торчатъ громадные обломки камня, вѣчно омываемые волнами, представляется восхитительный видъ на Ялту съ окрестными горами. Обсуждая причины, могущія заставить древнихъ построить на этомъ мѣстѣ одинокое зданіе, если только оно не предназначено было для священнодѣйствія, я готовъ былъ думать, что здѣсь нѣкогда былъ наблюдательный постъ для предупрежденія внезапнаго нашествія непріятеля, какъ со стороны сухаго пути, такъ равно и со стороны моря, за передвиженіями котораго невозможно было слѣдить съ другихъ буруновъ.

Ознакомивъ читателя съ мѣстоположеніемъ Айтодора, находящагося въ 10 верстахъ отъ Ялты и не болѣе какъ въ 3 отъ Алупки, мнѣ остается познакомить его съ тѣми замѣчательными памятниками древности, которые существуютъ здѣсь, но въ такомъ видѣ, что никому не приходилось до настоящаго времени и подозрѣвать существованія ихъ. Всего интереснѣе, что они, повидимому, въ большинствѣ не ограблены, подобно другимъ, татарами и обѣщаютъ въ будущемъ познакомить археологію со многими интересными сторонами жизни, давно сошедшаго съ лица земли, народа. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ и именно надгробные, находящіеся въ Оріандскомъ округѣ и у шоссе, вблизи Гаспры, такъ какъ расположены были на открытыхъ мѣстахъ, то совершенно обобраны; но и въ настоящемъ видѣ монументы эти отличаются, отъ всѣхъ подобныхъ въ Крыму, по величинѣ плитъ, чѣмъ даютъ поводъ предполагать, что въ окрестностяхъ ихъ нѣкогда существовало богатое поселеніе, о которомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось ни малѣйшихъ свѣдѣній, за исключеніемъ названія сосѣдней татарской деревни Гаспра, отъ греческаго слова *аспро* (бѣлый) или другой, извѣстной подъ именемъ Мисъ-хора, означающаго мускусный городъ или отъ греческихъ словъ: *меси-хора* (средній городъ) или *миси-хора* (полъ города).

Естественно, что по отсутствію историческихъ свѣдѣній и

какихъ-либо вещественныхъ доказательствъ о существованіи, въ Гаспринскомъ или Мисхорскомъ округѣ, древняго города, намъ не приходится трактовать объ этомъ положительнымъ тономъ, а слѣдуетъ указать на памятники, которые, быть можетъ, рано или поздно повѣдаютъ истину. Мы убѣждены только въ томъ, что современный намъ Айтодорскій мысъ принадлежитъ къ числу мѣстъ, за много столѣтій заселенныхъ людьми, которые имѣли частое сообщеніе съ Херсонесомъ и Пантикапеею, что доказывается, безпрестанно находимыми здѣсь, монетами этихъ городовъ; но почему онъ не былъ занесенъ ни однимъ древнимъ географомъ въ число городовъ или поселеній, существовавшихъ по берегамъ Чернаго моря, которые, какъ извѣстно, записывались съ указаніемъ даже разстоянія во II-мъ вѣкѣ нашей эры Флавіемъ Арріаномъ, мы не знаемъ. До насъ дошли только свѣдѣнія, что Айтодорскій мысъ въ древности именовался Тазусомъ, а съ 1318 года, онъ обозначался на итальянскихъ картахъ подъ слѣдующими названіями: Cavo Sti Todare, S-to Taodoro, S. Todaro и S. Todero *). Но былъ-ли онъ обитаемъ или нѣтъ, объ этомъ никто ничего не сообщалъ. Академикъ П. И. Кеппенъ, которому чудилось систематическое укрѣпленіе всего южнаго берега, повидимому, посѣтилъ Айтодорскій мысъ, но замѣтивъ на немъ груды камня, не потрудился даже дать себѣ отчета, былъ-ли это камень насыпанный нарочно или принадлежалъ къ постройкамъ, обрушившимся отъ времени. Почтенный авторъ Крымскаго сборника не могъ даже замѣтить роскошнаго входа древнихъ въ Айтодорскую цитадель, безъ сомнѣнія игравшую роль чего-то въ родѣ акрополя и ограничился сообщеніемъ, что и здѣсь существовало древнее укрѣпленіе.

Предварительно многократнаго изслѣдованія мною Айтодор-

---

*) Въ названіяхъ этихъ читатель встрѣчаетъ имя города Ѳеодоро, о которомъ мы говорили. Кто знаетъ, можетъ быть, рано или поздно, раскопки докажутъ, что Ѳеодоро здѣсь находился вопреки предположеніямъ нашимъ.

скихъ развалинъ, я серіозно думалъ о причинахъ происхожденія его названія (въ 1318 году) Cavo Santi Todare, безъ сомнѣнія, означающаго въ переводѣ: погребъ, пещера св. Ѳеодора. Такія имена, надо полагать, не могли быть присвоены мѣстности безъ всякаго къ тому повода. Желая убѣдиться въ послѣднемъ, я очень часто распрашивалъ у сосѣднихъ туземцевъ, относительно наслѣдованныхъ ими преданій, но, увы, ничего не узналъ до тѣхъ поръ, пока личные мои труды не оправдали предположеній, что Айтодорскій маякъ нѣкогда представлялъ рядъ погребовъ или подземелій, отлично выложенныхъ внутри каменными стѣнами на извести, которые сверху накрывались, не только землею, но даже и битыми каменьями, повидимому, съ цѣлью отвлечь вниманіе любопытныхъ. Для какой надобности дѣлались такого рода постройки — мы не беремся отвѣчать до того времени, пока не будутъ произведены раскопки. Изъ числа-же двухъ, вскрытыхъ уже подземелій графомъ Шуваловымъ, ничего нельзя вывести, за исключеніемъ развѣ того, что они раньше были случайно открыты и обобраны; что они значительно велики и по бокамъ представляютъ ниши, значеніе которыхъ также не легко опредѣлить однимъ взглядомъ. Впрочемъ есть люди, которые увѣряютъ, что на долю Шувалова досталась мраморная статуя, а какимъ-то татариномъ найдена была золотая статуетка, держащая въ одной рукѣ обнаженную саблю, а въ другой отрубленную голову.

Такого рода подземельями, повидимому, занята вся вершина маячной скалы, которая съ перваго взгляда кажется покрытою развалинами небольшихъ домиковъ, насухо сложенныхъ; но въ дѣйствительности оказывается, что постройки эти остаются цѣлыми подъ грудами этихъ, нарочно набросанныхъ, камней. Кромѣ подобнаго рода предохраненій, древніе владѣтели окружили ихъ двумя стѣнами, которыя огибали, такъ-сказать, макушку всего мыса отъ одной до другой пропасти. Стѣны эти, повидимому, не были высоки, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образованы изъ

двухъ только камней, вѣсъ которыхъ приблизительно можно опредѣлить отъ 500 до тысячи пудовъ *).

Проходя вдоль этихъ предохранительныхъ стѣнъ, я отыскалъ, у С.-З. части ихъ, слѣды каменной лѣстницы. Ясно, что этимъ путемъ проникали въ укрѣпленіе основатели его. Кромѣ этихъ, такіе точно слѣды стѣнъ замѣтны въ двухъ мѣстахъ, по направленію къ Клисебурунъ и той живописной поляны, которая тянется въ виду этихъ мысовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти послѣднія воздвигнуты были для предохраненія какихъ-либо построекъ. Очень понятно, что всѣ эти сооруженія не могли быть созданы безъ цѣли жителями какого-нибудь ничтожнаго поселенія. Мы имѣемъ еще одинъ поводъ предполагать, что въ былыя времена, здѣсь обитали люди не только зажиточные, но и любители роскошныхъ вещей, потому что только здѣсь, какъ въ Керчи и Херсонесѣ, находимъ мраморныя плиты, колонны и т. п. изваянія изъ камня, привезеннаго изъ отдаленныхъ странъ. Вообще-же здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ южной Тавридѣ, отыскиваются серебряныя монеты и другаго рода вещицы, которыя обнаруживаются на поверхности земли послѣ дождей **).

Понятно, что рано или поздно, найдутся люди, которые проникнутъ въ эти погреба или подземелья, и извлекутъ изъ нихъ очень цѣнные для науки предметы.

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что эта кладка принадлежитъ къ циклопической или пелазгической и напоминаетъ остатки стѣнъ древняго Тиринѳа.

**) Изъ найденныхъ вещицъ смотрителемъ этого маяка, въ особенности обращаютъ вниманіе фарфоровая брошка, на которой прекрасно нарисована молодая женщина съ голубемъ въ рукахъ. Пуговица античнаго стекла въ цвѣтныхъ трубочкахъ и нижеслѣдующая, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившаяся надпись на раковистомъ камнѣ:

При послѣднемъ посѣщеніи моемъ Айтодорской скалы, я рѣшился поискать надписей въ развалинахъ храма, но очистивъ вокругъ фундаментовъ и во внутренности мусоръ, хотя и не нанашелъ желаемаго, однако убѣдился, что церковь эта имѣла подобіе трехъ престольной, алтарь выслана былъ плитами бѣлаго мрамора, а въ западной сторонѣ находилась, подъ большею плитою, кимитирія или общая усыпальница, куда собирались кости вѣроятно священнослужителей или другихъ вліятельныхъ людей. Странно однако, что я въ ней не нашелъ ни одного цѣлаго черепа. Не найдя здѣсь ничего такого, что могло-бы привести къ какимъ-либо серіознымъ заключеніямъ, я перешелъ къ изслѣдованію одной изъ громадныхъ могилъ, находящихся по лѣвую руку отъ тропинки, идущей отъ бухты къ маяку. Могила эта была уже тронута, но только поверхностно. Сбросивъ съ нея мусоръ и камни, я вскорѣ открылъ четыреугольную стѣну, кладенную на извести. Углубляясь по ней во внутренность, я два дня не прекращалъ работы и не смотря на то, что проникъ на 4-хъ аршинную глубину, не достигъ материка. Къ сожалѣнію, не имѣя возможности добыть рабочихъ, я долженъ былъ оставить мою работу. Тѣмъ временемъ, я въ прогулкахъ моихъ успѣлъ найти на поверхности земли двѣ серебряныя монеты временъ греческаго господства въ Крыму и сердоликъ отъ перстня съ изображеніемъ воина въ фригійской шапкѣ съ пикою въ рукахъ и съ опущеннымъ къ ногамъ шлемомъ. Ясно, что онъ принадлежалъ къ числу погребальныхъ колецъ.

Въ оградѣ Айтодорскаго маяка я открылъ еще одну церковь, которая, повидимому, была уже раскопана. Она находится въ лѣвой сторонѣ тропинки, ведущей на маякъ отъ почтовой дороги.

Въ заключеніе намъ слѣдовало-бы сказать нѣсколько словъ о сосѣднихъ могилахъ Айтодора, но такъ какъ подобные памятники встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго берега, то мы скажемъ о нихъ отдѣльно.

Валвани-Оба.

Этимъ именемъ называется небольшой холмъ, расположенный въ виду Ялты, между почтовою дорогою и морскимъ берегомъ, заканчивающійся у русла Аутинской рѣки. Всѣ тѣ, которые осмотрѣли-бы форму его конструкціи со вниманіемъ, пришли-бы къ убѣжденію, что вершина его создана человѣческими руками, но случайными-ли насыпями мусора или ради удовлетворенія задуманной цѣли народонаселенія — этого невозможно опредѣлить. Любуясь этимъ курганомъ почти каждый день, я, на основаніи составленныхъ мною предположеній о постройкахъ первобытныхъ обитателей Тавриды, создалъ себѣ идею, что мѣсто это нѣкогда занято было подъ капище или священную авлиду. Поводомъ къ такого рода заключенію мнѣ послужило, во-первыхъ, сосѣдство могилъ языческихъ временъ и наконецъ слѣды огорожи верхушки кургана громадными обломками камня. Въ томъ-же, что холмъ этотъ — насыпной, свидѣтельствовало самое названіе его, безспорно происходящее отъ двухъ соединенныхъ греческихъ словъ: *вали*, *валы* т. е. накладывай. Придерживаясь подобнаго рода заключенію, я думалъ что если, дѣйствительно, на вершинѣ кургана было капище, то народъ обязанъ былъ отправлять свои религіозные догматы, игры и т. п. постановленія, на теперешней почтовой дорогѣ, или-же на берегу моря. На первой мѣстности, составлявшей скатъ горы, мнѣ казалось неудобнымъ отправленіе священныхъ игръ, а на послѣднемъ, песчанномъ — совершенно невозможнымъ. Такимъ образомъ, я оставался въ недоумѣніи до тѣхъ поръ, пока не приступлено было къ раскопамъ кургана и изслѣдованію мною морскаго берега.

Раскопка начата была хозяиномъ мѣстности подъ постройку зданія. Лишь только сброшенъ былъ первый слой земли — показались нижніе камни отъ фундамента стѣны, обращенной къ востоку, а вокругъ ихъ куски кирпича, битой посуды, из-

весть и т. п. мусоръ. Фундаментъ этотъ шелъ по направленію отвѣса со стороны моря. Другихъ слѣдовъ стѣнъ не оказалось. Послѣднее заставляетъ думать, что стѣны эти или разобраны были до послѣдняго камня или обрушились въ пропасть. При дальнѣйшей раскопкѣ открыта могила, созданная по образцу древнихъ изъ мягкихъ известковыхъ камней и прикрытая песчаными плитами. Въ ней сложены были останки цѣлаго семейства, повидимому, перенесенные въ различное время изъ другихъ могилъ. Вотъ въ какомъ положеніи я открылъ ихъ: два черепа лежали подъ заднею плитою, обращенные къ востоку; за ними слѣдовалъ кусокъ черепицы, поставленный вертикально, какъ-бы съ цѣлью указать раздѣлъ; за черепкомъ находилось уже три черепа, а за ними—остальные кости, прикрытыя какою-то шерстяною матеріей, отъ которой сохранились клѣтчатыя волосинки; у конца-же могилы — черепки отъ мелкой глиняной посуды, не представлявшіе ничего особеннаго. Послѣдующія за тѣмъ раскопки опредѣлили, что подобныхъ могилъ или, скорѣе, усыпальницъ, было около десятка и всѣ онѣ расположены были полукругомъ на верхушкѣ кургана. Не нашедъ въ нихъ ничего такого, что могло-бы свидѣтельствовать объ эпохѣ сооруженія этихъ могилъ, я перешелъ къ каменнымъ обломкамъ, разставленнымъ вокругъ вершины холмика и, подкопавъ нѣкоторые изъ нихъ, убѣдился, что камни эти перенесены сюда и поставлены на насыпную землю какъ-бы съ цѣлью оградиться. Покончивъ и съ этимъ, я спустился къ морскому берегу и, послѣ непродолжительныхъ усилій, открылъ, что все береговое пространство, начиная отъ основанія Валвани-Оба до моря и саженъ на полтораста въ длину, выложено было цементною массою, замѣчательной крѣпости. Цементъ этотъ, судя по толщинѣ и крупности камешковъ, повидимому, приготовлялся самымъ простымъ способомъ т. е. морской песокъ обливался растворомъ гидравлической извести, что повторялось, вѣроятно, послѣ новыхъ наносовъ щебня до того времени, пока почва достаточно возвысилась надъ уровнемъ моря. Послѣ этого,

я, въ виду того, что здѣсь не могла быть пристань древнихъ обитателей Тавриды, такъ какъ берегъ этотъ совершенно открытъ съ востока, пришелъ къ убѣжденію, что на этомъ мѣстѣ былъ *дромосъ* или ристалище, необходимое для отправленія священныхъ игръ, при болѣе или менѣе замѣчательномъ капищѣ.

Что же касается найденныхъ здѣсь христіанскихъ могилъ, то мнѣ кажется, что онѣ были расположены вокругъ церкви, воздвигнутой на развалинахъ языческаго храма, и принадлежатъ къ той эпохѣ, когда не считали болѣе нужнымъ хоронить тѣла съ цѣнными вещицами, но, подъ вліяніемъ старинныхъ обычаевъ, вносили въ гроба ихъ глиняную посуду, безъ сомнѣнія, съ ѳиміамами или виномъ, въ которомъ будто-бы души покойниковъ омывались отъ грѣховъ. Послѣдній обычай и теперь еще не вполнѣ оставленъ туземными греками, но съ тою разницею, что вино ставится у изголовья умершаго на время пребыванія его дома.

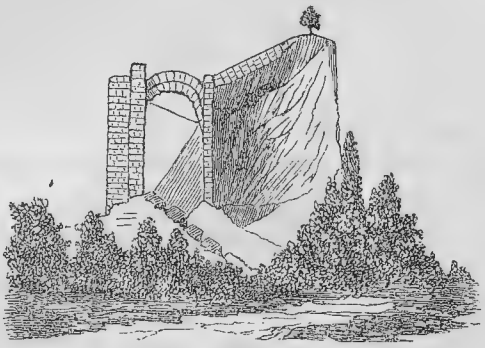
Древности Аутинской округи.

Величественное мѣстоположеніе Аутинской долины въ Крыму, подходящей къ Ялтинской бухты, окаймленной отъ Сѣвера, Запада и Востока высокими горами, заросшими по отклонамъ прекрасными лѣсами, промежду коихъ чуть-ли не на всякомъ шагу извиваются ручьи воды — безъ сомнѣнія остановило на себѣ вниманіе первыхъ мореходцевъ, случайно подошедшихъ къ ней. Если къ этому мы прибавимъ, что Аутинская долина по составу почвы и климатическимъ условіямъ занимаетъ первостепенное мѣсто въ Тавридѣ, то сдѣлается яснымъ предположеніе наше, что эта частица полуострова гораздо раньше другихъ мѣстностей могла заманить переселенцевъ изъ древняго міра, но вѣроятнѣе всего обитателей противоположнаго берега Чернаго моря Анатольцевъ, знакомыхъ уже съ нѣкоторыми искусствами Греціи и Египта. Вѣроятность послѣдняго подтверж-

дается всѣми развалинами или вообще памятниками, открытыми до нашихъ дней въ описываемой нами мѣстности. Обратимъ наше вниманіе на ихъ и представимъ читателю возможно вѣрные рисунки съ топографическими подробностями. Къ числу самыхъ древнѣйшихъ сооруженій этой долины до-христіанской эпохи, по нашему предположенію, относятся: крѣпость Зиго-Исаръ и нѣсколько могилъ, отчасти разрушенныхъ въ наше время.

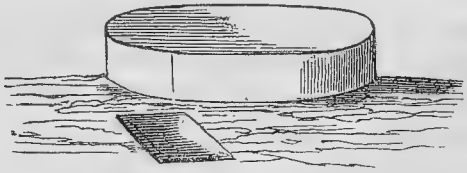
Зиго-Исаръ, находится внѣ Верхней Аутки по дорогѣ на вершину Яйлы или къ водопаду „Кремасто-неро (висячая вода), извѣстному татарамъ подъ именемъ Учанъ-Су (летучая вода). Крѣпость эта находится въ нѣсколькихъ сотняхъ шагахъ отъ послѣдняго переѣзда чрезъ рѣку въ лѣво отъ оврага, служащаго русломъ ея. Она воздвигнута на громадномъ камнѣ одиноко торчавшемъ среди сосноваго лѣса на возвышенной площадкѣ, откуда представляется великолѣпный видъ на горы и виднѣется та часть моря, которая примыкаетъ къ Аутинской долинѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, у тропинки, проложенной на горы, виднѣются развалины зданія, не очень давно построеннаго владѣтелемъ этой мѣстности для лѣснаго сторожа; дальше идетъ сосновая роща, выступающая холмомъ, которая, отклоняясь въ правую сторону къ руслу рѣки, въ наше время густо покрывается буковыми деревьями отъ 4 до 5 вершковъ въ объемѣ по мѣрѣ отклоненія отъ тропинки, продѣланной туземными греками и татарами, имѣющими обыкновеніе ѣздить за дровами на лошадяхъ съ вьючными сѣдлами или на волахъ, запряженныхъ въ двѣ палки, связанныхъ у концовъ перекладиною съ тремя колышками. На эти колышки они вдѣваютъ бревна и свозятъ ихъ волокомъ. Изобрѣтеніе это очень хорошо въ томъ отношеніи, что бревно не скользитъ и животное не испытываетъ особенныхъ трудовъ при спускѣ подъ гору. Вотъ такимъ образомъ образуются всѣ крымскія лѣсныя дороги, которымъ вслѣдствіе этого приписывается названіе *Чана-елу* т. е. санныя дороги. Сооруженіе крѣпости Зиго-Исаръ у громаднаго

камня, безпорно принадлежитъ расчетливому человѣку, желавшему соблюсти выгоды односельцевъ и въ тоже время воспользоваться неприступностью его съ двухъ сторонъ. Крѣпость эта представляется въ наше время въ слѣдующемъ видѣ:



По соображеніямъ нашимъ, подъ аркою, служившею входомъ въ крѣпость, находились ворота около 8 аршинъ въ вышину, но не только отъ нихъ, но даже и отъ коробки, вставленной въ стѣны для навѣса ихъ, не осталось ни малѣйшаго остатка дерева. Это обстоятельство, судя по тому, что крымскій дубъ довольно хорошо сохранился въ укрѣпленіяхъ Тавриды VI вѣка, заставляетъ насъ думать, что Аутинская крѣпость принадлежитъ къ числу построекъ, воздвигнутыхъ до временъ Р. Х. Не менѣе поразительно то, что, не смотря на вышину, она сложена изъ мелкихъ камней. Послѣднее доказываетъ, что строители ея имѣли вѣрное понятіе, относительно значенія неподвижности естественнаго фундамента и вяжущей массы. Внутреннее пространство крѣпости очень не велико и представляетъ скалистообразный отклонъ того громаднаго камня, къ которому придѣлана съ доступныхъ сторонъ стѣна. По глазомѣрному вычисленію моему, въ нее могло вмѣщаться отъ 250 до 300 человѣкъ. Если принять въ основаніе, что первобытные обитатели южнаго берега въ подобныхъ замкахъ скрывали только женъ

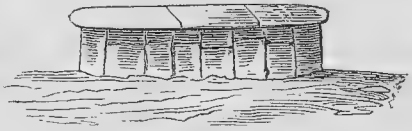
и дѣтей своихъ во время нашествія непріятелей, а сами по возможности отстаивали свое мѣстоприбываніе, то во всякомъ случаѣ мы не сдѣлаемъ большой ошибки опредѣливъ, что крѣпость такого размѣра могла быть удовлетворительною для поселенія, состоящаго приблизительно изъ 500 душъ обоего пола. Что первобытная Аутка не могла имѣть большаго народонаселенія, это доказывается и древними кладбищами, которыя разбросаны въ 5-ти различныхъ мѣстахъ и какъ-бы свидѣтельствуютъ, что человѣкъ того времени не любилъ группироваться въ большое общество. Кладбища эти до того ничтожны числительностію надгробныхъ памятниковъ, что едвали можно допустить и предложеннаго нами числа обитателей въ этой округѣ. По числу кладбищъ намъ приходится обозначать и мѣстопребыванія поселеній. Первыя обиталища, судя по ниже начертаннымъ памятникамъ, являются на двухъ противоположныхъ возвышенностяхъ, имѣющихъ въ центрѣ рѣку Кремасто-неро. Одно на дачѣ, нынѣ принадлежащей землевладѣльцу Роману Мейеру, а другое при Нижней Ауткѣ въ сосѣдствѣ теперешняго общественнаго кладбища. Монументы эти, судя по тому что о нихъ существуютъ баснословныя легенды, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ, о которыхъ утрачено всякое преданіе.



Они составлены изъ четырехъ большихъ песчаныхъ или мраморныхъ *) плитъ, поставленныхъ вертикально въ квадратъ и прикрытыхъ сверху пятою. Всѣ плиты эти добывались повиди-

*) Плутоническій известнякъ особеннаго качества.

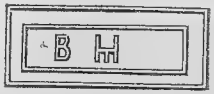
мому изъ ближайшихъ окрестностей и въ естественномъ видѣ употреблялись въ дѣло. Во всякомъ случаѣ намъ приходится удивляться умѣнію древнихъ перевозить такіе огромные камни для сооруженія могилъ, своимъ согражданамъ. Соображаясь съ тѣми усиліями, которыя необходимы для постройки одной изъ подобныхъ могилъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что онѣ воздвигались не для всякаго, а только для избранныхъ, богатѣйшихъ или заслужившихъ народное уваженіе. Всѣ они въ наше время разграблены, а нѣкоторыя цѣликомъ свезены и употреблены на различнаго рода постройки. При тщательныхъ раскопкахъ въ нихъ открывали полуистлѣвшія кости, римскія монеты, бусы изъ египетской массы (pâte) и т. п. украшенія. Третье кладбище находилось у подножья холма, при поворотѣ отъ почтоваго шоссе въ Аутку, на мѣстности, нынѣ занятой постройками: Барилье, земскою больницею и другими. Кладбище это чрезвычайно пострадало отъ дождевыхъ истоковъ и наносовъ земли съ сосѣдняго кургана; но тамъ, гдѣ эти причины меньше вліяли при открытіи ихъ, мы замѣчали, что могилы отрывались на глубинѣ почвы не больше, какъ на аршинъ и по сторонамъ обкладывались песчаными плитами, добываемыми и теперь въ дер. Ай-Василѣ. Верхъ закрывался также ими. Разница между этими и предыдущими состоитъ во первыхъ въ томъ, что первыя устраивались въ циклопическихъ размѣрахъ надъ поверхностью земли, а послѣднія изъ небольшихъ кусковъ песчанника въ подпочвѣ и заключали въ себя кромѣ бусъ различныя глиняныя вещи въ родѣ чашечекъ грубой отдѣлки. Вотъ приблизительный видъ этихъ могилъ.



Четвертое кладбище, нынѣ положительно уничтоженное, находилось противъ Аутки на возвышенности, именуемой Пола-

клесія (многоцерквіе). Оно занимало подножіе бугра, образованнаго изъ вулканической лавы превосходнаго діорита. При открытіи здѣсь каменоломни въ 1862 году, устройствѣ по сосѣдству виноградниковъ и зданій, всѣ эти могилы или завалены или прикрыты для уровня мѣстности. По положенію ихъ и отсутствію всякаго рода украшеній и посуды глиняной онѣ принадлежатъ временамъ христіанской эпохи, но почти ничѣмъ не отличались отъ внутренняго устройства съ предъидущими. На нѣкоторыхъ только мы находили небольшіе куски діорита съ надписями двухъ буквъ, вѣроятно означающихъ имя и отчество усопшаго. Вотъ одинъ изъ подобнымъ камней.

Къ числу ихъ намъ приходится онтести и глиняныя плоскія плиты, называемыя, черепицею древнихъ обитателей южнаго берега. Названіе это, сколько намъ кажется, не правильно присвоено, потому что они предназначались или для фонтановъ въ видѣ указанія именныхъ буквъ строителя или для надгробнаго изголовья. Черепицы эти имѣютъ около 8 вершковъ въ длину при четырехъ въ ширину. Толщиною-же около 2 дюймовъ, въ нижеслѣдующей формѣ.



Пятое кладбище въ Аутинской округѣ находится внутри селенія Верхняя Аутка немного повыше татарской мечети около церковной ограды на самой дорогѣ. Въ немъ вѣроятно хоронились обитатели этой мѣстности до времени переселенія отсюда грековъ въ Маріупольскія степи. Могилы эти также выкладывались внутри камнемъ, а сверху по уровню земли прикрывались легкими песчаными плитами; но въ нихъ, судя по остаткамъ дерева, уже хоронились усопшіе въ дубовыхъ гробахъ.

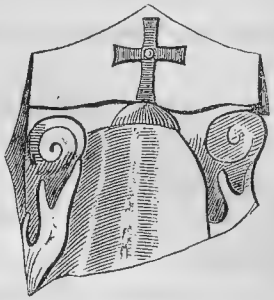
Теперь перейдемъ къ древностямъ христіанскихъ временъ и именно къ храмамъ, которыхъ въ Аутинскомъ округѣ было, судя по народнымъ преданіямъ, очень много. Правдоподобность разсказовъ туземцевъ подтверждается только что приведеннымъ

нами названіемъ мѣстности Пола-клесія, но кромѣ этого мы имѣемъ предъ собою отлично сохранившіеся фундаменты церквей: во имя св. Іоанна, св. Анастасіи, Праскевіи, Дмитрія и двѣ реставрированныя, въ которыхъ и въ наше время отправляется богослуженіе во имя: Успенія Богородицы (въ Нижней Ауткѣ) и св. Ѳеодора Стратилата (въ Верхней Ауткѣ). Мы сказали, что послѣднія были реставрированы, но реставрація эта не касалась до фундаментальныхъ стѣнъ, а кровли и внутреннихъ украшеній. Строители этихъ церквей, сколько намъ извѣстно, всегда при храмахъ этихъ изображали на каменной плитѣ надпись, кѣмъ воздвигнутъ и въ какое время. Такія надписи въ наше время отысканы въ развалинахъ Ай-Васильской и Партенитской церквахъ. По свидѣтельству старожиловъ Аутки и въ здѣшней Успенской церкви лѣтъ 50 тому назадъ находилась подобная надпись, но впослѣдствіи заштукатурена. Всѣ Аутинскія церкви были чрезвычайно малой величины и именно: внутренность алтаря не привышали 3 кв. саженей, а приходская половина отъ 8 до 10-ти кв. саженъ. Святые иконы изображались прямо на стѣнахъ, преимущественно коричневою краскою; форма-же устройства храмовъ этихъ по фундаментамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

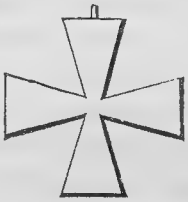
Мы представили очеркъ по фундаменту, теперь представимъ наружное очертаніе ихъ по образцамъ существующихъ церквей.

Храмы эти, по принятому обычаю, складывались аркообразно и чрезвычайно разумно. При этихъ церквахъ отыскиваются чрезвычайно красивыя мраморныя капители, которыя повиди-

мому не составляли принадлежность ихъ и Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ доставлялись. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, каждый изъ любопытныхъ можетъ видѣть, напр. въ Аутинской успенской церкви такіе камни въ оградахъ, а такъ какъ старинная часть этого храма, нынѣ вошедшаго цѣликомъ въ алтарное отдѣленіе, не перестраивалась, то естественно, что они доставлялись набожными людьми изъ развалинъ сосѣдственныхъ мѣстностей съ цѣлью употребить въ дѣло. Капители эти въ большинствѣ случаевъ представляютъ фантастическіе узоры, но принадлежащія къ храмамъ, имѣютъ нижеслѣдующій рисунокъ:



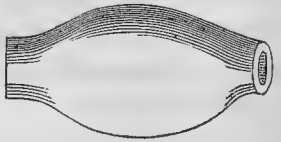
Кромѣ ихъ, при развалинахъ церквей, въ Аутинской округѣ, находятся въ числѣ другихъ древностей желѣзные крестики, которые надо полагать хранились при нихъ и употреблялись при выполненіи религіозныхъ догматовъ. Крестики эти имѣютъ около 2 вершковъ въ длину и представляются въ слѣдующемъ видѣ:



Какъ украшенія-же, сохранявшіяся отчасти въ поколѣніяхъ первобытныхъ грековъ, по нынѣ населяющихъ Аутинскій округъ, попадаются разныя золотыя вещицы, украшенныя довольно крупными яхонтами въ естественномъ видѣ. Изъ видѣнныхъ и найденныхъ мною въ этой мѣстности, большинство походили на нижеслѣдующія:

Къ числу другихъ древностей, хранимыхъ обитателями Аутинской долины, подъ названіемъ громовыхъ стрѣлъ, попадаются оконечности стрѣлъ древнихъ жителей этой мѣстности, которыя пользуются славою врачеванія, преимущественно отъ перепуга. Стрѣлы эти замѣчательны тѣмъ, что ихъ не можетъ пилить самый изъ острѣйшихъ терпуговъ нашихъ. Изъ числа видѣнныхъ мною, большинство представляли слѣдующую форму:

Не менѣе замѣчательны отыскиваемые при раскопахъ въ этой долинѣ кувшины или амфоры, замѣнявшіе у древнихъ современныя бочки, которые вкапывались въ землю и налитые виномъ, предохраняли его отъ порчи. Сосуды эти сооружались въ нижеслѣдующей формѣ:



Амфоры эти очень часто отыскиваются въ юго-западной сторонѣ Аутки, гдѣ по видимому древніе обитатели имѣли свои виноградники.

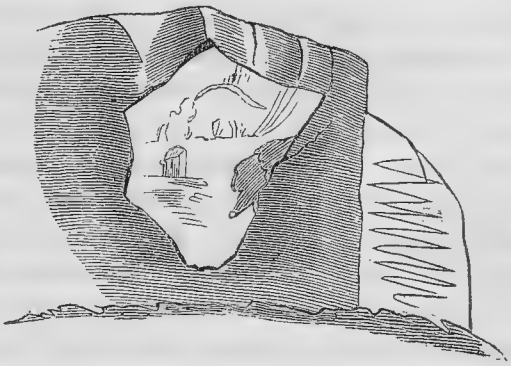
Изъ всего-же древняго временъ христіанской эпохи въ Аутинскомъ округѣ, замѣчательнѣйшимъ считается храмъ въ пещерѣ, между скалами, извѣстными подъ названіемъ Евграфъ-хаясы, находящейся невдали отъ Аутинскаго богаза или тропинки, ведущей чрезъ Яйлынскій хребетъ въ дер. Озенбашъ. Путешественникъ, пожелавшій-бы взглянуть на этотъ храмъ подъ вершиною скалистаго выступа Яйлы, слѣдуетъ изъ Аутки на скалу, извѣстную подъ именемъ *эки чамъ* (двѣ сосны) или *Хырла изменъ орсъ* *), затѣмъ прошедъ поляну Педи, вступаетъ въ сосновый лѣсъ и начинаетъ карабкаться по тропинкѣ на чрезвычайно крутую гору, съ которой открывается величественный видъ на море и яйлынскія отрасли. Чѣмъ дальше проникаетъ путникъ, тѣмъ опаснѣе становится тропинка, но всего хуже

---

*) *Хыръ* на татарскомъ означаетъ хребетъ скалы. Остальныя-же слова мы относимъ къ тавро-скиѳскимъ, означающимъ: истребленный лѣсъ.

идти чрезъ плоскія скалы, висящія надъ пропастями. Прошедъ ихъ, на оголенной вершинѣ перваго холма существуютъ двѣ—три могилы, обозначенныя нѣсколькими каменьями. По народнымъ преданіямъ здѣсь схоронены татаре, убитые въ стычкѣ съ арнаутами въ то время, когда Россія присоединила Крымскій полуостровъ. За холмообразною возвышенностію этою, тропинка подступаетъ къ окрайнѣ лѣса, но тамъ, гдѣ поворачиваетъ на Яйлынскій хребетъ, отъ нея слѣдуетъ направиться на право и придерживаться хребтовой скалы, выступившей по направленію къ Ялтѣ.

Вотъ на обратной сторонѣ этого выступа преставляется изображенная ниже сего пещера:



Она имѣетъ въ вышину до 3-хъ саженъ и около пяти въ длину. Во внутренности ея, на лѣво отъ входа, сохранился всецѣло алтарь съ сквознымъ окошечкомъ и жертвенникомъ, выстроенные изъ штучнаго камня аркообразно. Задняя часть пещеры углублена аршина на два и завалена довольно большими каменьями, изъ которыхъ одинъ громадной величины подходитъ почти къ алтарю. Всего интереснѣе Ю. З. стѣна пещеры этой, на которой сталактиты образовали наросты, одинъ въ подобіи бараньей головы, выглядывающей изъ за женскаго лика, далѣе

выступаетъ очеркъ какого-то рыцаря изъ ниши и т. п. Мы не сомнѣваемся, что здѣсь отправлялось богослуженіе древними греками, но когда именно—трудно опредѣлить. Пещера эта искони называется Евграфъ-хаясы, что заставляетъ полагать, что существующій въ ней храмъ посвященъ былъ во имя св. Евграфа; но можно думать и иначе: *Евъ* на татарскомъ языкѣ означаетъ *домъ, жилище,* а *графо* на греческомъ: *пишу,* что въ общемъ составитъ писанный домъ. По разсказамъ стариковъ, здѣсь когда-то отысканъ былъ чрезвычайно древній образъ Божьей матери.

Кладбища.

Мы сообщали очеркъ могилъ, находящихся въ Аутинскомъ округѣ, но подобныя могилы, имѣющія форму продолговатаго куба, встрѣчаются въ слѣдующихъ еще мѣстностяхъ, начиная отъ Гаспры до Никиты. a) Въ Айтодорскомъ округѣ, въ двухъ верстахъ отъ Гаспры, при почтовой дорогѣ, по направленію къ Ялтѣ. b) Въ Верхне-Оріандской дачѣ. c) При деревнѣ Аутке. d) Позади Ялты около Палекура *). e) Тамъ-же въ имѣніи графа Мордвинова. и f) Одна могила по дорогѣ изъ Верхней Масандры на водопадъ. Форма этихъ могилъ представлена уже нами. Теперь слѣдуетъ объяснить, что въ нихъ не найдено ничего почти цѣннаго, вѣроятно потому, что они давнымъ-давно ограблены. Впрочемъ, тщательные розыски туземцевъ доказали намъ, что въ нихъ отыскиваются браслеты, ожерелья изъ разноцвѣтныхъ глиняныхъ бусъ и мѣдныхъ трубочекъ, желѣзныя кольца, мѣдныя: булавки, пуговицы, удочки, оконечники для стрѣлъ, человѣческія кости, кинжалы, оконечники для копій, привѣсы для рыболовныхъ сѣтей изъ олова и камня, ручки отъ стеклянной и глиняной посуды и т. п.

Одинъ изъ описывающихъ эти могилы (г. Фабръ) при взглядѣ

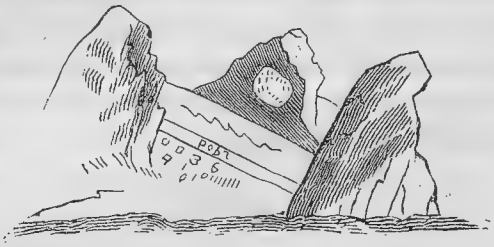
---

*) Въ настоящее время на Пале-курѣ не осталось отъ этихъ могилъ ничего

на нихъ до того увлекся разсказомъ Сальверта, высказанномъ въ его Notices sur quelques monumentes anciens setués dans les environs de Geneve, что принялъ ихъ за кельтійскіе жертвенники и опредѣлилъ какимъ родомъ проникали въ нихъ друиды и совершали жертвоприношеніе. Мнѣніе это пожалуй было-бы принято и всѣми другими, которые довѣряютъ печатанному слову, еслибъ намъ не пришлось убѣдиться, что могилы эти приняли видъ подобныхъ жертвенниковъ только потому, что переднія плиты ихъ были отвалены грабителями и послѣ этого представили подобіе жертвенниковъ, въ которые возможно было проникать.

Послѣ Аутки слѣдовала Ялита, въ которой по офиціальнымъ свѣдѣніямъ послѣдній начальникъ, назначенный въ 1778 году былъ Бекъ-мурза, получавшій отъ хана 540 руб. жалованья въ годъ и взыскивавшій съ южнобережскихъ татаръ дань за то, что они отказывались отъ натуральной повинности при военныхъ дѣйствіяхъ. Изъ древнихъ развалинъ Ялты пока извѣстны двѣ церкви св. Іоанна и другая невдали отъ постройки гр. Мордвинова съ источникомъ воды. За Ялтою слѣдовали: Ай-Василь (святой Василій) въ которомъ существуетъ до настоящаго времени храмъ, судя по найденной въ немъ надписи, основанный въ концѣ 12 столѣтія, а затѣмъ въ горахъ, нынѣ извѣстныхъ подъ именемъ Масандровскаго лѣса, встрѣчаются основанія церквей Ай-Лія (св. Ильи) и Ай-Ери (св. Георгія), а дальше у Кузъ-кая, по выше пещеры Секетанъ-кая—слѣды бывшаго нѣкогда укрѣпленія. Въ Никитинской округѣ. кромѣ укрѣпленія Рускофиль, сохранились древняя церковь, превращенная въ татарскую мечеть послѣ выхода отсюда грековъ, и фундаменты другой во имя св. Симеона (Ай-Сима). При первой существуетъ христіанское кладбище. На возвышенности-же Яйлы, не доходя до Граматакая существуетъ отъ одной скалы до другой ровъ, который, судя по развалинамъ, былъ огражденъ каменною стѣною. Укрѣпле-

ніе это очевидно было сдѣлано противъ нашествій со стороны моря жителями сосѣдняго селенія, которые лѣтомъ переселялись въ горы съ стадами своими и для удобства тамъ-же устраивали себѣ небольшія церкви въ родѣ приведенныхъ нами Ай-лія и Ай-Ери. Вотъ очеркъ этого укрѣпленія.



На приведенномъ рисункѣ читатель вѣроятно остановитъ вниманіе на скалѣ, названной Грамата-кая, что означаетъ исписанный камень. Громкое названіе это не однажды заставляло меня допрашивать туземцевъ, почему именно присвоено подобное названіе скалѣ. Всѣ отвѣчали, потому что онъ исписанъ какими-то таинственными буквами. Отвѣтъ этотъ заставилъ меня перваго рѣшиться осмотрѣть эту скалу, съ цѣлью познакомить публику съ тѣмъ, что я найду. И что-же оказалось: природа съиграла здѣсь такую шутку, какая едвали существуетъ въ другихъ мѣстностяхъ и именно начертила множество рельефныхъ буквъ, подобныхъ арабскимъ и еврейскимъ на лицевой сторонѣ скалы. Въ дѣйствительности-же, на камнѣ этомъ наросли грибки, которые, содержа въ себѣ известковую жидкость, образовавшуюся отъ дождевыхъ капель, образовали вокругъ себя подобіе буквъ. Безграмотные греки и татаре, видя эти знаки, похожіе на знакомые письменные, предположили, что они начертаны были первобытнымъ человѣкомъ, пожелавшимъ заповѣдать потомству какія-либо событія давно минувшихъ дней. И въ такихъ убѣжденіяхъ создали различнаго рода легенды. Нѣкоторыя изъ нихъ я постараюсь привести въ буквальномъ почти переводѣ.

Грамата-кая или Исписанная скала.

(Греческая легенда)

На южномъ берегу Тавриды, на Яйлынскомъ хребтѣ, отклонъ котораго примыкаетъ къ татарскому нынѣ селенію Никита, существуетъ обширная скала, извѣстная подъ названіемъ Грамата-кая или Язы-ташъ. Одно и другое имя въ переводѣ означаетъ исписанный камень. Скала эта примыкаетъ къ прекрасной площадкѣ, заканчивающейся къ юго-западу ужасною пропастью, гдѣ будто существуютъ желѣзныя кольца, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь, когда-то, моря. Къ югу выступаетъ другая холмообразная скала съ провалами или трещинами, которую туземцы называютъ Кале (крѣпостью). Съ вершины ея представляется величественный видъ на горы, море и окрестности Ялты. Отъ сѣвернаго отклона этой скалы до другой противоположной, проведенъ широкій ровъ, по краямъ котораго лежатъ большіе камни, безъ сомнѣнія составлявшіе нѣкогда предохранительную стѣну. Послѣдніе ясно свидѣтельствуютъ, что въ былыя времена здѣсь былъ замокъ или укрѣпленіе давно исчезнувшаго съ лица земли человѣка. Туземцы, проѣзжая эту таинственную мѣстность, покоющуюся подъ облаками, невольно останавливаются предъ испещренною гіероглифическими знаками Грамата-кая и стараются прочитать на ней исторію минувшихъ временъ Крыма. Любознательность безграмотнаго человѣка, не умѣвшаго отличить письмо отъ естественнаго творчества, повидимому возбудила у нѣкоторыхъ фантазеровъ поводъ создать различнаго рода сказки и легенды, чтобы удовлетворить желанію ихъ. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ только одинъ, сообщенный мнѣ Аутинскимъ грекомъ показался нѣсколько интереснымъ. Чтоже касается татарскихъ легендъ, то всѣ онѣ тождественны и относятся къ божественнымъ силамъ или пророкамъ, заповѣдывавшимъ храненіе религіи въ чистотѣ и святости.

„Въ моей молодости—говорилъ мнѣ грекъ—въ наше селеніе пріѣхалъ изъ Маріупольскаго округа почтенный старичекъ, предки котораго обитали въ Никитѣ до послѣдней эмиграціи грековъ изъ Крыма. Назвавъ меня родственникомъ своимъ и доказавъ это именами моихъ отцовъ и дѣдовъ, онъ въ скоромъ времени очаровалъ жителей нашего селенія такого рода разсказами и событіями, нѣкогда совершившимися на южномъ берегу, что мы восторгались его пріѣздомъ. Вотъ, однажды, гость мой обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не знаю-ли я дороги къ скалѣ, которая называется Грамата-кая? Отвѣтивъ, что я почти каждый мѣсяцъ бываю въ окрестности ея, гость повидимому очень обрадовался существованію подобной скалы и началъ разсказывать подробности о положеніи ея. Удивленный, какимъ образомъ онъ знаетъ это, я остался при убѣжденіи, что человѣкъ этотъ не даромъ пріѣхалъ въ нашъ край и вѣроятно замышляетъ искать дѣдовскаго клада, зачѣмъ нерѣдко и до него пріѣзжали къ намъ Маріупольцы. Нѣсколько дней спустя старичекъ мой пригласилъ меня погулять въ окрестностяхъ Аутки и предложилъ взять съ собою топоръ съ киркою. По желанію его, мы взобрались на возвышенность Пола-клесіи и остановились у подножія остроконечныхъ скалъ, выглядывавшихъ изъ высокаго холма. „Вотъ здѣсь — сказалъ Маріуполецъ — ваши предки имѣли церкви и народное кладбище. Отецъ мой увѣрялъ меня, что, недоходя до него, существовало небольшое подземелье, въ которомъ складывалось самое цѣнное имущество жителей во время лѣтнихъ переселеній ихъ съ стадами въ горы. Сказавъ это онъ взялъ у меня кирку и, отмѣривъ 15 шаговъ отъ основанія холма къ юго-западу, началъ копать и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ открылъ фундаментъ постройки. Въ тотъ день, до глубокой ночи, мы не покидали этой работы; но къ сожалѣнію, за исключеніемъ нѣсколькихъ домашнихъ принадлежностей, ничего не нашли. Однако старикъ мой не ограничился этимъ и долго еще возился на Пола-клесійской возвышенности и, какъ сказывали мнѣ стороннія лица, досталъ изъ

земли нѣсколько довольно цѣнныхъ вещей, которыя перенесъ въ болѣе удобное для него мѣсто. Покончивши съ этимъ мѣстомъ, гость мой собрался идти на Грамата-кая. „Тамъ также должно быть богатство нашихъ прадѣдовъ — сказалъ онъ, вооружаясь ломомъ, а мнѣ предлагая взять кирку и лопату. Въ тотъ-же день мы дошли до таинственной скалы и расположились на ночлегъ, такъ какъ было поздно и притомъ старикъ чувствовалъ утомленіе и желаніе подкрѣпиться пищею. Наѣвшись, Маріуполецъ обратилъ глаза свои на исписанную скалу и такъ долго не сводилъ ихъ, что я готовъ былъ вѣрить, что онъ нѣсколько разъ перечитывалъ всякое изображенное на ней слово.

— Не извѣстно-ли вамъ чего нибудь — спросилъ я — объ этой надписи?—Еслибъ я не зналъ о ней, то и не просилъ-бы тебя провести себя сюда. Въ этой надписи, по словамъ моихъ дѣдовъ, изображены страданія какого-то занесеннаго сюда моремъ царя. Впрочемъ, когда мы возвратимся домой я тебѣ прочитаю всю эту надпись.—А этотъ ровъ—кто прокопалъ? спросилъ я. — По разсказу моихъ родителей онъ сдѣланъ впослѣдствіи уже семью братьями, у которыхъ была сестра неестественной красоты. Семья эта жила въ селеніи Масандра и до того времени наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, пока не появился въ ихъ домѣ какой-то турецкій паша, преимущественно объѣзжающій нашъ край съ цѣлью выбирать красивыхъ дѣвицъ въ султанскій гаремъ. Братья приняли его съ подобающимъ радушіемъ, но каково было ихъ удивленіе, когда на другой день паша объявилъ желаніе отправить сестру ихъ въ Стамбулъ. „Для какой надобности? спросилъ старшій братъ. Паша съ надменностію началъ объяснять, но прежде чѣмъ онъ окончилъ отчаянный юноша вонзилъ ему въ сердце кинжалъ и выбѣжалъ на дворъ. Разсказавъ о подвигѣ своемъ остальнымъ братьямъ и односельцамъ, всѣ единогласно опредѣлили, что семейство это, предварительно прихода турковъ, должно скрыться въ горахъ, куда, въ крайности, придутъ имъ на помощь всѣ моло-

дые греки. Совѣтъ былъ принятъ и въ тотъ-же день семейство перешло къ подножію Грамата-кая. Но такъ какъ мѣстность эта не вполнѣ была защищена, то они съ помощію 200 паликарей прокопали глубокій ровъ и обложили его каменною стѣною. Нѣсколько дней спустя, турки, увѣдомленные объ убійствѣ въ Масандрѣ ихъ паши, направили въ селеніе это толпу янычаръ съ тѣмъ, чтобы представить въ Кафу виновныхъ. Узнавъ объ этомъ, Масандрскіе жители поспѣшили выбраться въ лѣса, а способные носить оружіе присоединились къ семи братьямъ. Вслѣдъ затѣмъ къ укрѣпленію братьевъ подступили турки въ сопровожденіи нѣсколькихъ татаръ, знакомыхъ съ мѣстностію. Греки встрѣтили ихъ градомъ стрѣлъ и каменьевъ. Вооруженные ружьями янычары отвѣчали имъ пулями, но такъ какъ осажденные укрылись за стѣною, то залпы ихъ оставались безвредными. Тогда предводитель рѣшился проникнуть къ грекамъ, въ мѣсто ихъ засады. Пока они сговаривались, какъ удобнѣе сдѣлать это, одинъ изъ братьевъ подозвалъ къ себѣ сестру и поручилъ ей занять скалу надъ ужасною пропастью съ тѣмъ, что если всѣ защитники ея будутъ перебиты, чтобы она немедленно бросилась-бы съ ужасной вышины. Отдавъ это приказаніе, братья, увѣренные, что они не въ состояніи воспрепятствовать отважнымъ туркамъ достигнуть цѣли, предложили всѣмъ прибывшимъ къ нимъ на помощь бѣжать къ своимъ семействамъ, потому что смерть неминуема. Нѣкоторые согласились уйти, но большинство поклялось умереть съ ними и, обнаживъ сабли придвинулись къ стѣнѣ въ ожиданіи врага, который началъ уже подступать. Часъ спустя турки силились уже перескочить чрезъ стѣну по грудамъ тѣлъ, наполнившихъ ровъ. Греки безпощадно продолжали рубить ихъ, но наконецъ лишившись самыхъ сильнѣйшихъ, когда янычары начали стрѣлять въ нихъ изъ небольшой пушки, вынуждены были вступить въ рукопашный бой и не прекращать его до тѣхъ поръ пока не были изрублены всѣ. Въ этотъ моментъ предъ побѣдителями показалась неестественной красоты женщина и начала преда-

вать ихъ анаѳемѣ. Пораженный внезапнымъ появленіемъ женщины на скалѣ, предводитель турокъ приказалъ войнамъ своимъ схватить ее, но прежде чѣмъ коснулась дерзкая рука края ея одежды красавица лежала бездыханною у подножія отвѣсной скалы.

Событіе это послужило поводомъ къ тому, что впослѣдствіи въ край этотъ никогда болѣе не являлись турецкія паши съ цѣлью набирать христіанскихъ дѣвицъ въ султанскій гаремъ".

Старикъ закончивъ свой разсказъ, перевернулся и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Не слѣдующій день мы пробудились до разсвѣта и взобрались на скалу, отъ которой начинается ровъ семи братьевъ. Маріуполецъ направился къ Юго-западной оконечности его и здѣсь остановившись у ращелины, повидимому разсуждалъ проникнуть въ нее. Затѣмъ потребовалъ ломъ, началъ пробовать выглядывающія верхушки скалъ, но ни одна изъ нихъ не подавалась нашимъ усиліямъ. Такимъ образомъ мы трудились до полудня, не нашедъ возможности проникнуть въ скалу. „Нѣтъ, видно землетрясеніе испортило проходъ и намъ не достигнуть до дѣдовскаго имущества—заключилъ гость мой. Но въ то время, когда мы собирались возвратиться домой, старичекъ какъ-то случайно тронулъ ломомъ небольшой камень, лежащій у ногъ его. По звуку онъ былъ отдѣльный отъ скалы и скоро былъ вывороченъ нами. Что же оказалось: подъ нимъ лежало около 10 старинныхъ золотыхъ монетъ и болѣе 100 штукъ серебряныхъ и еще какія-то вещицы, которыя разсыпались отъ прикосновенія. Собравъ деньги, гость мой остался очень доволенъ и мы къ вечеру возвратились домой. Въ то время я былъ молодъ и больше интересовался разсказами, чѣмъ предложенными мнѣ гостемъ монетами: проще, я горѣлъ нетерпѣніемъ заучить надпись на Грамата-кая. Пришедъ домой, я распорядился угостить Маріупольца изрядною порціею вина и когда онъ забылъ усталость, напомнилъ про обѣщаніе. Старичекъ бросился къ сундуку своему и, досталъ изъ него толстую

рукописную книгу съ пѣснями, сказками и различнаго рода преданіями, сѣлъ у стола и началъ читать слѣдующее:

„Въ дѣтствѣ моемъ я слышалъ постоянно, что въ первобытной родинѣ предковъ моихъ и именно въ Крыму около дер. Никиты существуетъ громадный камень съ древнѣйшею надписью, который народъ прозвалъ грамата-кая. Заинтересованный разсказами о немъ, я однажды обратился къ дѣду моему съ просьбою объяснить мнѣ, почему этотъ камень носитъ подобное названіе и дѣйствительно-ли на немъ существуетъ какая-либо надпись? Дѣтъ мой удивился моей любознательности и пообѣщалъ разсказать все, что знаетъ о немъ.

Съ этого дня я безпрестанно напоминалъ ему про обѣщаніе и вотъ—однажды, оставшись на единѣ съ старикомъ, я уговорилъ его начать разсказъ. Дѣдушка погрузился въ размышленіе, затѣмъ, принявъ серіозный видъ, заговорилъ: „много разъ мнѣ приходилось слышать, что на грамата-кая не было никакой надписи до того времени, пока въ страну эту не явился какой-то царь изъ отдаленныхъ странъ. Этотъ царь, полагая, что страна эта никѣмъ не обитаема и что ему придется умереть въ одиночествѣ, изобразилъ на камнѣ этомъ нижеслѣдующимъ образомъ свою судьбу: „Я происходилъ отъ царской крови и по достиженій 25 лѣтняго возраста вступилъ на прадѣдовскій престолъ. Къ несчастію я былъ такъ красивъ, что ничего подобнаго никогда не видали женщины. Три года я царствовалъ довольно хорошо, хотя день и ночь не имѣлъ покоя отъ женщинъ, искавшихъ моей дружбы. Но какъ только я приказалъ, чтобы впредь не допускать ко мнѣ женскій полъ, всѣ женщины моего небольшаго царства взбунтовались, вытащили меня изъ дворца и, посадивъ на карабль съ натянутыми парусами, оставили на произволъ вѣтровъ. Такимъ образомъ, пропутешествовавъ около полугода я въ заключеніе выброшенъ былъ волнами въ эту страну, гдѣ почти ежедневно трясется земля и кругомъ на горахъ горятъ огни. Къ счастію здѣсь

много животныхъ и плодовъ, которыми я питаюсь. Что будетъ со мною — не знаю.

Три или четыре мѣсяца спустя, я, однажды, вышедши изъ пещеры моей, замѣтилъ на берегу моря разбитое судно и около него многихъ людей, которые говорили понятнымъ мнѣ нарѣчіемъ. Я отправился къ нимъ и, разсказавъ мою плачевную судьбу, согласился присоединиться къ нимъ и основать въ этомъ краю поселеніе. Такимъ образомъ, я навсегда остаюсь въ этой странѣ и буду господствовать надъ бѣдными моряками, которые, подобно мнѣ, выброшены на чужую землю".

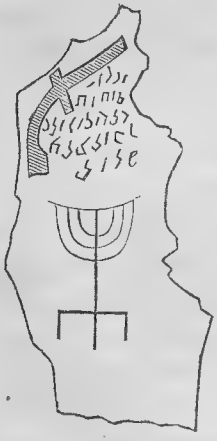
Этимъ онъ закончилъ рукопись, но видя мое грустное выраженіе лица, потому что я ожидалъ интереснаго разсказа, старичекъ прибавилъ: по разсказамъ моихъ отцевъ, люди эти основали свои жилища на южномъ берегу и были родоначальниками нашими. Впослѣдствіи они размножились на столько, что заселили всю горную часть теперешняго Крыма и господствовали въ ней до того времени, пока не появились турки.

Вымышленный цѣликомъ разсказъ этотъ составляетъ ничто иное какъ баснословное преданіе, унаслѣдованное потомками древнихъ грековъ Тавриды. По мнѣнію моему первая легенда разъясняетъ, что укрѣпленіе у Грамата-кая основано вслѣдствіе крайней необходимости и что турки имѣли поползновеніе выбирать изъ южнобережскихъ дѣвицъ самыхъ красивѣйшихъ для гаремовъ своихъ, но этого они не достигли; по послѣднему-же разсказу маріупольца выясняется, что эта часть Тавриды подвергалась нѣкогда землетрясенію; имѣла огнедышащія горы; что сюда люди попали случайно, которыхъ открыли другіе и что впослѣдствіи, избравъ себѣ царя или предводителя, они заняли подъ поселеніе свое лучшую для жизни южнобережскую полосу.

За Никитою находится урочище извѣстное подъ именемъ Ай-даниль т. е. св. Даніила. Судя по названію этому здѣсь

былъ храмъ во имя этого угодника Божія, но отъ него не сохранилось ни малѣйшихъ признаковъ. По предположенію нашему, мѣстность эта служила предмѣстіемъ древняго Гурзуфа, который по разсказу нѣкоторыхъ писателей нѣкогда былъ довольно значительный городъ.

Дальше находится татарское селеніе Гурзуфъ, въ которомъ сохранились развалины крѣпости Юстиніана I и фундаменты нѣсколькихъ церквей; за нимъ Артекъ, въ которомъ попадаются обломки черепицъ, слѣды построекъ и древней формы кувшины. За Артекомъ выступаетъ Аю-дагъ или тотъ древній Кріуметопонъ, который опредѣленъ Птоломеемъ въ таблицахъ его мередіановъ подъ 62°. На горѣ этой, кромѣ прописаннаго нами, находятся фундаменты церкви и обширнаго зданія, имѣвшаго видъ укрѣпленія. Кларке видѣлъ здѣсь 4 мраморныя коллоны *). Изъ числа древнихъ памятниковъ, найденныхъ у Аю-дага и нынѣ находящихся здѣсь, есть Іудейская надгробная плита, относящаяся къ II вѣку, до Р. Х. о которой сказано было раньше и рисунокъ которой прилагаемъ.



Въ дальнѣйшемъ направленіи слѣдуетъ Кучукъ-Ламбадъ или та возвышенность, которая въ древности извѣстна была подъ именемъ Лампада. Къ сожалѣнію здѣсь или ничего не найдено или найденное осталось неизвѣстнымъ. Въ виду этого Ламбада находится другое поселеніе того-же имени, въ которомъ открыты развалины обширной церкви, изъ подъ алтаря которой вытекаетъ струя воды, а въ окрестностяхъ замѣтны слѣды построекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Бюкъ-Ламбадская мѣстность, по удобному и выгодному мѣстоположенію, нѣкогда была густо населена. Нынѣ

*) Которыя, по приказанію князя Потемкина, отправлены были въ Херсонъ для храма.

Біюкъ-Ламбадъ небольшое татарское поселеніе, расположено на почтовой дорогѣ и не представляетъ никакой почти народной дѣятельности; между тѣмъ по периплу Безъимянному въ этихъ именно мѣстахъ были многочисленны Тавры, занимающіеся скотоводствомъ. Скимнъ, писавшій за 90 лѣтъ до Р. Х. также упоминаетъ о Ламбадѣ.

Кастель-Гора.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка Алушты, въ виду Біюкъ-ламбадской станціи, отстоящей отъ г. Ялты въ 28 верстахъ, выступаетъ надъ берегомъ моря круглообразная скала, густо заросшая лѣсными деревьями, подъ названіемъ Кучукъ-кастель. Къ этой историческо-прекрасной мѣстности, въ настоящее время не ведутъ уже широкія дороги, но сохранились тропинки. Одною изъ нихъ, помимо очаровательнаго Кучукъ-Ламбада, я направился верхомъ и едва-ли когда-нибудь изгладится изъ памяти моей впечатлѣніе, вынесенное изъ этой поѣздки; избранная мною дорожка шла по крутому отклону горы, съ одной стороны заросшему разнообразными экзотическими растеніями, въ промежуткѣ которыхъ рисовались красивыя постройки владѣльцевъ, а съ другой, въ глубокомъ отвѣсѣ, шумѣли волны, разбиваясь о почернѣвшіе обломки скалъ. Тутъ, у Кара-бага, надъ пропастью, въ зеленой рощѣ лавровъ и кипарисовъ, я встрѣтилъ одинокую могилу академика П. И. Кеппена, который всю жизнь свою трудился для науки; дальше предо мною явился, въ полномъ величіи, примѣръ разрушенія до основанія громадной скалы дѣйствіемъ вулканическихъ силъ, а затѣмъ, я не менѣе очарованъ былъ берегомъ, заваленнымъ какъ-бы нарочно, безчисленнымъ множествомъ великолѣпно округленныхъ гранитовъ, точно окаменѣвшихъ арбузовъ или пушечныхъ ядеръ. Любуясь видами разнообразной природы, я не замѣтилъ, когда въѣхалъ на небольшую виноградную поляну,

гдѣ работалъ человѣкъ въ монашеской рясѣ. И дѣйствительно, это былъ инокъ съ Аѳонскаго русскаго монастыря, присланный сюда для пріема Кастель-горы съ окрестными землями, подаренными владѣльцемъ въ пользу монашествующихъ св. обители русскихъ въ отдаленной Турціи. На привѣтствіе мое, монахъ отвѣчалъ братскимъ поклономъ и приглашеніемъ въ его келью на отдыхъ. Я поблагодарилъ и охотно изъявилъ согласіе провести здѣсь ночь, потому что не было вблизи другаго жилища. Нѣсколько минутъ спустя, мы подошли къ убогой хижинѣ чужестранца, расположенной на крошечной площадкѣ, у подножья которой бушевало море. Когда я вошелъ въ жилище этого добраго отшельника, ко мнѣ подошелъ другой монахъ съ привѣтствіемъ. По разспросамъ моимъ, онъ только недавно оставилъ Аѳонъ, съ цѣлью пройти пѣшкомъ по всѣмъ монастырямъ Россійской имперіи.

Гостепріимный монахъ, хозяинъ обители, прежде чѣмъ я успѣлъ снять съ себя костюмъ странника, распорядился поставить на столъ графинъ вина и тарелку съ отвареннымъ картофелемъ. Къ удовольствію моему, я прибавилъ къ этому коробочку сардинокъ, десятокъ яицъ и фунтъ маслинъ. Бѣдные монахи съ жадностью принялись за мою закуску и безпрестанно благодарили меня за неожиданный пріѣздъ. Послѣ чая, я предложилъ пріѣзжему монаху прогулку на вершину Кастель-горы, разсказавъ ему, въ краткихъ словахъ, минувшее значеніе этой скалы. Инокъ охотно согласился и мы вышли изъ кельи, принявъ направленіе къ сѣверо-западу, чтобы съ этой стороны осмотрѣть достопримѣчательную возвышенность. Подвигаясь медленнымъ шагомъ, я безпрестанно озирался кругомъ и повсюду мнѣ представлялись, то одичавшія фруктовыя деревья, то осколки черепицы, то груды камней, быть можетъ нѣкогда принадлежавшихъ къ обширнымъ постройкамъ. Чѣмъ дальше мы подымались, тѣмъ больше я вѣрилъ въ предположеніе мое, что здѣсь, въ періодъ греческаго господства, существовало обширное поселеніе, утратившее для насъ свое имя;

поселеніе, для котораго Кастель-гора служила акрополемъ или замкомъ, на случай нашествія враговъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое другое значеніе могла имѣть круглообразная скала съ крутымъ отклономъ къ морю, чтобы заставить поселиться на ней человѣка, тогда какъ у подножнія этой возвышенности, разстилались великолѣпныя полянки, скрытыя отъ вліянія холодныхъ вѣтровъ и изобилующія водяными ключами. Ясно, что и эта гора, подобно Айтодорской, никогда не служила мѣстомъ постоянной обители древнихъ, но играла очень важную роль въ стратегическомъ отношеніи, какъ недоступная съ трехъ сторонъ. Часъ спустя, мы вступили въ лѣсъ и начали подыматься на Кастель, до того уединенный, что нигдѣ не показывалось и птички. — Отличное мѣсто для жизни отшельниковъ—замѣтилъ монахъ. Это было сознано и первобытными христіанами, устроившими, какъ гласитъ преданіе, нѣсколько монастырей на вершинѣ скалы, отвѣчалъ я.

Добравшись до половины дороги, повидимому нѣкогда хорошо содержимой, предо мною показались широкія развалины насухо сложенныхъ стѣнъ, опоясывающихъ верхушку Кастеля съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ, какъ болѣе доступныхъ по естественному положенію. Немногимъ выше, шла вторая предохранительная стѣна вдоль всего сѣверозападнаго отклона, а дальше безпрестанно встрѣчались груды камней отъ небольшихъ построекъ, мѣстами заросшія одичавшимъ виноградомъ. Взобравшись на верхушку горы, я невольно остановился предъ грудою камней, прикрытыхъ громадными обломками скалы. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ мѣстѣ было обширное укрѣпленіе, пристроенное къ скалѣ, подобное Ауткинскому и многимъ другимъ на южномъ берегу, которое разрушилось съ паденіемъ скалы. Здѣсь я снова встрѣтилъ виноградную лозу и кизилевыя деревья. Отсюда я направился къ сѣверо-востоку, чтобы осмотрѣть протяженіе предохранительныхъ стѣнъ и мѣсторасположеніе древняго селенія. Первыя протягивались къ берегу моря и до выступа, названнаго туземцами

Камышъ-бурунъ; что-же касается послѣдняго, то судя по отсутствію всякаго рода признаковъ въ этой сторонѣ, приходилось остаться при убѣжденіи, что онъ находился или у юго-западной подошвы горы, занятой отчасти виноградниками нынѣшняго владѣтеля мѣстности, или у нижайшихъ скатовъ Кастель-горы, обращенныхъ къ морю. Видѣнные мною слѣды развалинъ по сосѣдству виноградниковъ и площадь, занятая ими, мнѣ все таки казались ничтожными для такого поселенія, которое въ состояніи было воздвигнуть такой обширный замокъ, и я рѣшился спуститься къ морю. Послѣ долгихъ и не безопасныхъ усилій, мнѣ удалось достигнуть цѣли. И дѣйствительно въ этой очаровательной мѣстности, образующей, въ виду моря, довольно обширныя площадки, я безпрестанно встрѣчалъ слѣды жительства людей и мѣстами хорошо сохранившуюся дорогу, идущую полукружіями; но увы, нигдѣ ничего такого, что могло-бы свидѣтельствовать о времени поселенія. Мнѣ не удалось даже найти ни одного надгробнаго памятника, чтобы, конструкціею и положеніемъ его, опредѣлить: какимъ народомъ были заняты эти мѣста. Представивъ современное положеніе Кастель-горы, съ ея ближайшими окрестностями, намъ приходится посвятить читателя во всѣ историческія и народныя преданія, добытыя нами объ этой мѣстности. Прежде всего обратимъ вниманіе на значеніе слова Кастель, которое, безъ сомнѣнія, передѣлано татарами съ итальянскаго *кастело*, то есть укрѣпленіе или крѣпость. Что здѣсь была крѣпость, это свидѣтельствуется слѣдами предохранительныхъ стѣнъ, сохранившихъ до настоящаго времени свои фундаменты съ водопроводомъ къ ней отъ источника, именуемаго и теперь татарами *вриси* (по гречески значитъ источникъ воды). Что мѣстность эта была обитаема греками, кромѣ этихъ названій существуютъ еще и другія, подтверждающія тоже; такъ напр. сѣверо-западный скалистый отклонъ этой скалы, носитъ названіе Эмата-кая, что означаетъ на греческомъ: кровавая или многокровная скала; затѣмъ, у западнаго подножья Кастеля, указы-

ваютъ на развалины церкви Ай-Брокуль (Св. Прокула). Кромѣ всего этого, существуютъ убѣжденія, что на вершинѣ Кастеля сохранились развалины трехъ церквей во имя Ай-Яни (Св. Іоанна), Св. Константина и Св. Николая. Не смотря на то, что мы не имѣли возможности лично убѣдиться въ послѣднемъ мы не вправѣ отвергать существованія ихъ въ числѣ развалинъ. Всего этого достаточно для полнаго сознанія, что мѣстность эта была обитаема греками, но какимъ пользовалась названіемъ—трудно опредѣлить. По свидѣтельству Арріана *), объѣзжавшаго вокругъ Чернаго моря, судя по разстоянію, опредѣляемому имъ отъ Пантикапеи до Ѳеодосіи, а оттуда до опустѣвщей пристани Скиѳо-тавровъ и затѣмъ до Алмитиса-Таврійскаго (600 стадій), надо полагать, что послѣдній находился, на описываемой нами мѣстности, во 2 вѣкѣ по Р. Х. Послѣдующіе затѣмъ географы прошли молчаніемъ Кастель-гору. Затѣмъ на картахъ 14 столѣтія появляется впервые городокъ между Алуштою и Айдоторскимъ мысомъ, подъ названіемъ Пангрополи.

Теперь прислушаемся къ разсказамъ туземцевъ, которые не всегда вѣрны, но все-таки намекаютъ на правдоподобныя событія давно минувшихъ временъ. Въ 1848 году, проживая въ Біюкъ-Ламбадѣ, въ домѣ очень стараго татарина, я безъ всякой цѣли, въ то время, записалъ со словъ его слѣдующаго рода преданіе о Кастель-горѣ. „По разсказамъ дѣда моего, говорилъ татаринъ, здѣсь обитали первоначально греки, имѣвшіе славные города и поселенія по береговой линіи. Богатства ихъ были такъ велики, что заманивали безпрестанно различные народы; но имъ почти всегда приходилось истреблять своихъ враговъ безъ особенныхъ усилій. Это продолжалось до того времени, пока явились въ Крымъ наши прадѣды татаре и Дженевезы (генуэзцы). Однажды сообщили хану, что за горами, принимаемыми за предѣлъ завоеванной имъ страны, живутъ въ роскошныхъ селеніяхъ люди, не признающіе его власти. Ханъ очень удивился этой новости и отправилъ, для покоренія ихъ,

*) См. периплъ его понта Евксинскаго.

значительное войско, изъ котораго однако ни единаго человѣка не возвратилось. Мѣсяцъ спустя, было послано противъ нихъ вдвое больше воиновъ, но и этихъ постигла таже участь. Тогда ханъ обратился къ дружественнымъ дженевезамъ, разузнать, гдѣ дѣвались его войска и что это за народъ, который такъ мастерски плѣняетъ или истребляетъ массы отборнаго войска. Дженевезы долго не могли добиться истины, но наконецъ донесли хану, что если онъ отдастъ имъ всю страну, занятую греками, то они охотно помогутъ ему овладѣть этими людьми, которые, рано или поздно, вытѣснятъ и его самого изъ Крыма. Ханъ изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы греки остались его подданными, а они только распоряжались ихъ политическою судьбою. Когда подписано было такого рода условіе, дженевезы вооружились и одновременно съ татарами аттаковали грековъ съ моря и суши. На отчаянную борьбу эту сбѣжались почти всѣ греки на Кастель-гору, чтобы защищаться до послѣднихъ силъ. Но увы! Главнѣйшія ихъ силы были изрублены въ кусочки у Эмата-кая и въ оврагѣ Канлы-дере (кровавая пропасть), сохранившіе до настоящаго времени эти названія въ воспоминаніе страшныхъ событій. Старики прибавляютъ къ этому, что вслѣдъ затѣмъ раздались подземные удары и сильнымъ землетрясеніемъ были разрушены всѣ укрѣпленія и постройки, сооруженныя греками на Кастель-горѣ.

Ко всему этому прибавимъ въ краткихъ словахъ легенду, приведенную г. Карауловымъ о Кастель-горѣ, Богъ вѣсть откуда почерпнутую или просто выдуманную подъ настроеніемъ смутныхъ преданій о „Ѳеодорѣ, послѣдней владѣтельницѣ древней Судгагіи“. Мы приводимъ ее только для того, чтобы не упустить ничего кѣмъ-либо сказаннаго объ этой замѣчательной мѣстности. По его словамъ, будто-бы основаннымъ на греческой рукописи, найденной (кѣмъ?) въ монастырѣ Успенія Божьей Матери около Трапезонда *), находившееся подъ Кастель-го-

*) Сколько намъ извѣстно, около этого города и вообще по всей Хавлійской епархіи нѣтъ монастыря во имя Успенія Богородицы.

рою поселеніе окружено было стѣною съ нѣсколькими сторожевыми башнями. Начинаясь у подошвы горы съ западной стороны, стѣна шла то опускаясь въ овраги, то подымаясь на гору до крѣпости, стоявшей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь деревня Алушта *). Въ этой крѣпости находилась небольшая церковь. Къ востоку отъ Кастеля шла вторая стѣна къ берегу моря. Неподалеку отъ рѣчки (Алушты) находились ворота, которыми входили въ очень обширное поселеніе, разбросанное между садами и холмами. Чрезъ все поселеніе протекали три рѣчки, орошающія великолѣпные сады, а у быстраго ручья, протекавшаго подъ самой Кастельею, находился монастырскій садъ, воздѣлываемый самими монахами. Въ этомъ поселеніи было нѣсколько церквей и именно: одна на берегу рѣчки, которую татаре теперь называютъ Птичьей, во имя св. Косьмы и Дамьяна, а дальше, по сосѣдству съ крѣпостію, надъ моремъ стоялъ большой монастырь св. апостоловъ Петра и Павла, развалины котораго татаре указываютъ и теперь (?). Монастырь этотъ зависѣлъ отъ настоятеля монастыря св. Прокла, но послѣдній отдѣлялся отъ города особою стѣною, которая, огибая всю гору, спускалась къ самому морю и по которой разставлены были высокія башни для воиновъ. За стѣною этою было огромное водохранилище, а въ одной изъ башень царица Судагіи велѣла вырыть глубокій колодезь, а изъ него провести подземный ходъ къ самому морю для удобнаго бѣгства въ крайности. Колодезь этотъ прикрывался желѣзною дверью. Съ восточной стороны Кастеля находились обитыя желѣзомъ ворота, по сторонамъ которыхъ стояли двѣ сторожевыя башни...“

Такой очеркъ совершенно не согласуется съ существующими развалинами стѣнъ, которыя, судя по руинамъ ихъ, были нетолько не высоки, но даже сложены насухо; что-же касается сторожевыхъ башенъ, то мы положительно удостовѣряемъ, что

---

*) Это значитъ по крайней мѣрѣ на 10 верстъ. Это ужъ превышаетъ всякаго рода вымыселъ.

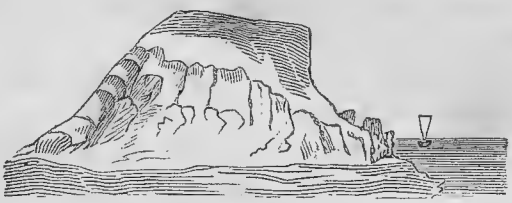
ихъ здѣсь не было ни одной, за исключеніемъ развѣ стѣнъ, существовавшихъ на верхушкѣ скалы.

Не менѣе интересно дальнѣйшее повѣствованіе Караулова о судьбѣ, постигшей будто-бы Ѳеодору, послѣднюю владѣтельницу Судгагіи на Кастель-горѣ, куда она, тѣснимая генуэзцами послѣ сдачи Алустона (Алушты), скрылась съ остатками войскъ. „Въ укрѣпленіе это, говоритъ онъ, — ползкомъ проникъ Ираклій, пылавшій местью къ Ѳеодорѣ, за то, что она отказала ему въ любви и прежде всего поразилъ на смерть роднаго брата своего Константина, не разлучавшагося съ царицею во все время опасности. Покончивъ съ нимъ, онъ пробрался и къ Ѳеодорѣ и въ то время, когда началъ угрожать ей, благочестивая дѣвица раскроила ему голову ловко нанесеннымъ ударомъ; но узнавъ, что любимый ею, пріемный сынъ родителей ея, Константинъ убитъ, рѣшилась съ этой минуты и сама воевать съ неотступными генуэзцами и, вооруживъ всѣхъ обитателей послѣдняго селенія своего съ монашествующими и дѣтьми, она отчаянно дралась до тѣхъ поръ, пока не пала мертвою. Всѣ прочіе защитники не оставляли оружія до того-же времени. Изъ всѣхъ остался въ живыхъ,присовокупляетъ разсказчикъ, — только одинъ монахъ, отецъ Анастасій, перешедшій впослѣдствіи въ церковь Ламбада, гдѣ и написалъ жизнь и событія послѣдней владѣтельницы Судгагскаго княжества. Оттуда рукопись эта перенесена будто въ Анатолійскій монастырь Успенія Божьей Матери, находящійся не вдали отъ Трапезонда“.

Легенду эту очень легко принять за событіе, во многомъ согласующееся съ народными преданіями о Кастель-горѣ, еслибы авторъ ея не придалъ-бы такого важнаго значенія величинѣ бывшаго здѣсь поселенія и количеству крѣпостныхъ построекъ. Послѣдняя невѣроятность какъ-то невольно заставляетъ не вѣрить въ существованіе какой-либо рукописи, относительно приводимаго имъ разсказа. Въ Анатолійскихъ монастыряхъ, сколько мы знаемъ, дѣйствительно находится очень много рукописей о различныхъ мѣстностяхъ Тавриды, занимаемыхъ нѣ-

когда иракліотами; но, до настоящаго времени, ихъ не касалась рука просвѣщеннаго дѣятеля, такъ точно, какъ не касалась почвы окрестностей Кастеля, безъ сомнѣнія сохранившей въ нѣдрахъ своихъ надписи и другаго рода памятники, чрезвычайно для насъ важные.

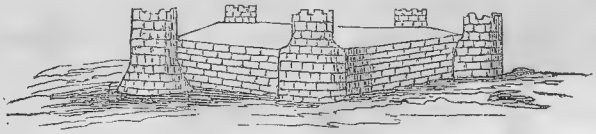
Взаключеніе представимъ общій видъ мѣстности этой скалы, извѣстной нынѣ подъ именемъ Серафимовки:



На противоположной сторонѣ Кастель-горы и именно на вершинѣ Бабуганъ-Яйлы существуетъ разрушившаяся стѣна, которая, повидимому, имѣла тоже назначеніе, какое приписываетъ Прокопій Юстиніановскій, идущій по Карабѣ-Яйлѣ отъ сосѣдства деревень Туака и Искута.

Алуштинскій округъ.

О древнемъ значеніи мѣстечка Алушты, извѣстной подъ названіемъ Алистонъ (неумытый), мы можемъ судить по обширному укрѣпленію, воздвигнутому на возвышенномъ мѣстѣ императоромъ Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ и чрезвычайно выгодному для жизни мѣстоположенію въ этой долинѣ, прикрытой со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ южной, высокими горами, изобилующими лѣсомъ и пастьбищами. Вотъ глазомѣрный планъ этого



укрѣпленія, которое нынѣ только въ немногихъ мѣстахъ сохрахранило наполовину свои башни и фундаменты окружныхъ стѣнъ.

Кромѣ этой крѣпости къ остаткамъ древностей въ Алуштѣ слѣдуетъ отнести два кладбища, которыя всецѣло сохранились въ двухъ противоположныхъ сторонахъ деревни. Кладбища эти имѣютъ общую форму съ описанными раньше: такія-же громадныя цѣльныя плиты, какъ въ Верхней Атукѣ, Никитѣ и др. мѣстахъ.

Въ окрестностяхъ Алушты существуютъ слѣды еще двухъ нѣкогда бывшихъ поселеній. Мѣста эти извѣстны у татаръ подъ названіемъ Мутула и Ай-ёри (св. Георгія). Въ противоположной сторонѣ у подошвы Демерджинской скалы вновь встрѣчается укрѣпленіе, съ храмомъ надъ обрывомъ, которыя представляютъ слѣдующій видъ:

За Алуштою, у источника Талханъ-Чекрака проходъ между горъ пересѣкается стѣною, выложенною изъ большихъ камней. Это такая-же стѣна, о которой упоминаетъ Прокопій. Странно, что татаре приписываютъ, что она воздвигнута Темиръ-Аксакомъ (Тамерланомъ), который, какъ извѣстно, никогда не царствовалъ въ Крыму. Впрочемъ татаре всѣ циклопическія кладки приписываютъ какимъ-то богатырямъ, между которыми знаменитымъ считается Темиръ-Аксай (желѣзный хромой).

Отъ Алушты по направленію къ Судаку безпрестанно встрѣчаются слѣды построекъ, церквей, надгробныхъ камней и различныхъ названій мѣстностей, которыя свидѣтельствуютъ, что все это пространство занято было греками; но между всѣми остатками древностей, нѣтъ ничего особенно отличительнаго въ сравненіи съ прописаннымъ раньше, за исключеніемъ древней башни между Искутомъ и Капсихоромъ.

Судакъ и прибрежная полоса Ѳеодосіи.

Нынѣшнее мѣстечко Судакъ, какъ сказано было нами въ Исторической судьбѣ Крымскихъ городовъ, нѣкогда былъ замѣчательный, по торговой дѣятельности, городъ. Естественно, что подобные города должны были представлять многіе памятники для потомства, но, къ сожалѣнію, мы до настоящаго времени не открыли здѣсь ни одной греческой надписи, которая моглабы подтвердить, къ какому времени относится существованіе этой колоніи, которая, повидимому, управлялась самостоятельно; но нѣтъ сомнѣнія, что подобныхъ надписей здѣсь столько, сколько развалинъ церквей и крѣпостей, но всѣ ихъ надобно искать или подъ престолами храмовъ или подъ фундаментами этихъ построекъ. Изъ всѣхъ памятниковъ древняго величія Судакской долины безспорно лучшимъ въ Тавридѣ считается находящійся при этомъ мѣстечкѣ обширный за́мокъ. Вотъ приблизительный видъ его въ началѣ нашего столѣтія:

Мы уже имѣли случай говорить, что укрѣпленіе это не могло быть сооружено генуэзцами, которые воздвигали крѣпостныя стѣны даже въ Кафѣ, не на счетъ распублики, а пожертвованіями обитателей. При этомъ странно допустить, чтобы разумный народъ затрачивалъ-бы такія громадныя усилія на сооруженіе зáмка, не предназначеннаго для защиты города, а служащаго скорѣе акрополемъ. По нашему убѣжденію, генуэзцы положительно ничего не сдѣлали для укрѣпленія ненужнаго имъ Судака, за исключеніемъ исправленій нѣкоторыхъ изъ башенъ, которыя были отчасти разрушены при нашествіи монголовъ и на которыхъ они выставляли свои гербы и имена консуловъ. Чтобы провѣрить сказанное, стоитъ обратить вниманіе на Ѳеодосійскія крѣпости, которыя дѣйствительно суть творенія генуэзцевъ, но ни въ одной изъ нихъ не встрѣчается церквей, тогда какъ греки всегда имѣли ихъ, если размѣры зáмковъ позволяли это. Такіе храмы съ корсуньскою живописью встрѣчаются въ Сюйренской, Балаклавской и Судакскихъ башняхъ. Въ послѣднихъ, напримѣръ, до настоящаго времени сохранилось преданіе, что существующія церкви были во имя святыхъ Іоанна Златоуста, апостола Матвея и св. Георгія. Въ дѣйствительности того, что и туземцы Крыма убѣждены, что Судакскій замокъ принадлежалъ грекамъ, приводимъ слѣдующую легенду.

Катара-Куле или проклятая башня.

(Южнобережская легенда).

Въ Судакѣ, нѣкогда замѣчательномъ греческомъ городѣ, на берегу Понта Эвксинскаго, до настоящаго времени сохранилась высокая башня, на высокой скалѣ, подъ именемъ Катара-куле. Названіе это происходитъ отъ двухъ словъ, греческаго: *проклятая* и татарскаго: *крѣпость*. Нѣтъ сомнѣнія, что укрѣпленіе это основано греками въ тѣ времена, когда древняя Судагія

была резиденціею греческихъ князей и досталось, въ числѣ прочихъ городскихъ укрѣпленій, отважнымъ генуэзцамъ, употреблявшимъ всевозможныя мѣры къ присвоенію себѣ чужой собственности, въ видѣ передѣлокъ, исправленій, вставки гербовъ съ надписями и т. п., вслѣдствіе чего большинство современныхъ писателей заключили, что Судакскій замокъ есть твореніе, итальянцевъ, тогда какъ во времена ихъ владычества, городокъ этотъ былъ лишенъ права торговли, охранялся ничтожною стражею и слѣдовательно не представлялъ необходимости сооружать такого рода укрѣпленій, на которыя потребовалось много лѣтъ труда и громадныя средства. Притомъ генуэзцы, сколько намъ извѣстно, не строили укрѣпленій внѣ города, по примѣру туземныхъ грековъ Тавриды, съ цѣлью личной самозащиты, а обносили ими всѣ постройки для предохраненія и матеріальныхъ средствъ народонаселенія. Не безъосновательное убѣжденіе наше въ томъ, что Судакскія крѣпости воздвигнуты были греческими князьями по необходимости, во время ихъ резиденціи здѣсь. Мы съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались къ легендамъ крымскихъ обывателей въ полномъ убѣжденіи, что рано или поздно, услышимъ хотя въ полусказочномъ повѣствованіи, что нибудь согласующееся съ нашимъ предположеніемъ. Наконецъ, намъ пришлось повстрѣчаться на южномъ берегу Тавриды, въ греческомъ селеніи Аутка, со священникомъ от. Георгіемъ, прослужившимъ въ этомъ санѣ ровно сорокъ лѣтъ и происходившимъ отъ поколѣнія первобытныхъ іереевъ, туземныхъ грековъ. Старецъ этотъ, которому мы обязаны чрезвычайно многими преданіями объ историческихъ мѣстностяхъ Тавриды, вотъ что сообщилъ намъ о Катара-куле;

„Отъ дѣдовъ моихъ я постоянно слыхалъ, что вся приморская полоса земли, вокругъ Крыма, принадлежала нашимъ пращурамъ, которые жили въ ней счастливо до того времени, пока Константинополь не принадлежалъ туркамъ и пока татаре не укрѣпились въ нашей странѣ; что здѣсь греки разныхъ мѣстностей основали цѣлыя царства и княжества и вели коммерцію

съ самыми отдаленными странами міра; что здѣсь золото цѣнилось гораздо дешевле серебра и что было огромное изобиліе въ естественныхъ произведеніяхъ, составляющихъ потребность народонаселенія. Всѣ эти удобства и блага, послужили поводомъ къ основанію многихъ городовъ и селеній съ зáмками или укрѣпленными пунктами, для предохраненія семействъ отъ внезапныхъ нашествій непріятеля; но изъ всѣхъ этихъ городовъ, будто славнѣе былъ Судакъ недоступностію крѣпостей, воздвигнутыхъ богатѣйшими архонтами его. По сохранившемуся преданію, постройка ихъ задумана однимъ изъ царевичей, выселившихся изъ Византіи съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе туда. У царевича этого было три дочери красавицы, какихъ міръ не создавалъ и единственный сынъ, котораго онъ любилъ до безумія. Когда онъ воцарился въ Судакѣ и покончилъ съ постройкою двухъ крѣпостей, однажды князь вышелъ на охоту съ цѣлью походить въ окрестностяхъ своей столицы. Увлеченный прекрасными видами дальнихъ горъ, архонтъ до того замечтался, что потерялъ въ лѣсу тропинку и заблудился. Къ вечеру онъ очутился въ обширномъ гротѣ и поневолѣ рѣшился ночевать въ немъ; но не успѣлъ онъ склониться головою на камень, какъ предъ нимъ очутился сѣдой монахъ въ митрѣ, блистающей разноцвѣтными огнями.—Я давно желалъ тебя видѣть, добрый архонтъ—сказалъ онъ, кланяясь ему почтительно и садясь около него.—А для чего я тебѣ нуженъ, святой отецъ?—Мнѣ необходимо сообщить тебѣ тайну, чтобы ты принялъ мѣры къ предотвращенію страшной бѣды. — Неужели мнѣ предстоитъ что нибудь нехорошее? — Ты потеряешь одновременно всѣхъ дѣтей своихъ, если не предохранишь ихъ.—Отъ кого и чего?—Этого я не смѣю сказать. Монахъ исчезъ, но князь до утра не закрывалъ глазъ, придумывая, что можетъ грозить его дѣтямъ и какъ сдѣлать, чтобы не допустить ихъ до гибели. На утро, выходя изъ пещеры, архонтъ порѣшилъ перевести ихъ въ только что законченныя крѣпости и окружить самыми преданными слугами. Возвратившись домой, онъ пригласилъ жену и, сообщивъ

ей сказанное таинственнымъ монахомъ, спросилъ ея мнѣніе. Испуганная мать одобрила постановленіе мужа и въ тотъ-же день сынъ переведенъ былъ въ Катара-куле, а дочери въ Хызъ-куле *). Въ приказаніяхъ, отданныхъ стражникамъ, всего важнѣе было то, чтобы братъ не зналъ о заключеніи сестеръ и чтобы сестры не подозрѣвали ареста брата; на случай-же, если они станутъ скучать и допрашивать, за что именно сосланы въ эти крѣпости, дать имъ понять, что княжеству угрожаетъ великая опасность, по минованіи которой они сейчасъ же возвратятся въ родительскій домъ. Покончивъ съ этимъ, князь по прежнему занялся дѣлами и усердно молилъ Бога о сохраненіи дѣтей своихъ; между тѣмъ, въ крѣпостяхъ, гдѣ просиживали по цѣлымъ днямъ и ночамъ его дорогія дѣти, не то творилось: всѣ они любили безумною любовью и изнывали тоскою отъ разлуки съ нѣжными друзьями. Наконецъ, имъ недостало силъ и старшая сестра обратилась къ остальнымъ съ предложеніемъ, послать къ родителямъ одного изъ стражниковъ съ умоленіемъ, вывести ихъ изъ заключенія, въ противномъ случаѣ онѣ вынуждены будутъ умереть. Посланный, которому не вѣрилась эта угроза и не хотѣлось тревожить князя, изъ состраданія къ молодости дѣвъ, рѣшился дозволить имъ прогулку по горамъ и свиданіе съ братомъ. Дѣвицы съ радостью приняли дозволеніе и бѣгомъ пустились къ брату. Молодой человѣкъ, которому извѣстно было заключеніе юныхъ и ни въ чемъ не виновныхъ его сестеръ, съ отчаяннымъ рыданіемъ бросился къ нимъ на шею и затѣмъ, посадивъ передъ собою, разсказалъ слѣдующее:—Вѣрный нашъ родственникъ, вчера вечеромъ, прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ сообщаетъ, что мы всѣ заточены по подозрѣнію будто бы въ желаніи отравить отца, вслѣдствіе чего и приговорены къ позорной казни. Въ доказательство, онъ прилагаетъ лжесвидѣтельство рабовъ, которые нена-

*) Въ переводѣ съ татарскаго значитъ: крѣпость дѣвъ. Этимъ именемъ она пользуется до настоящаго времени.

видѣли насъ и рады были случаю обвинить. Въ заключеніе, другъ нашъ совѣтуетъ намъ, какъ можно скорѣе умереть честною смертью, потому что неизвѣстенъ часъ казни и не представляется возможности спасти насъ отъ лжесвидѣтелей, представившихъ даже ядъ, будто бы приготовленный нами для отца.

— Быть не можетъ! закричали дѣвицы, хватаясь за волосы. Неужели бѣдный отецъ нашъ могъ повѣрить такой безчестной и возмутительной клеветѣ?

— Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, возразилъ братъ, то объясните мнѣ причину нашего заключенія въ крѣпостяхъ, куда сводятся только важнѣйшіе преступники и почему до настоящаго времени насъ не навѣстили родители?

Дѣвицы молча взглянули на образъ Божіей Матери.

— Чтожъ намъ дѣлать? спросила старшая.

— Ничего больше, какъ воспользоваться добрымъ совѣтомъ нашего родственника.

Послѣ долгаго молчанія, сестры рѣшились послушать брата и умереть тою же смертью, какою онъ умретъ.

Положено было подождать до слѣдующаго дня, чтобы всю ночь молиться Творцу о прощеніи имъ грѣховъ и затѣмъ броситься одновременно съ вершины крѣпости на острые камни. Рѣшеніе укрѣплено было клятвою и прощальными поцѣлуями. Нѣсколько минутъ спустя, сестры возвратились въ свою крѣпость и начали горячо молиться Богу. Тѣмъ временемъ, отецъ ихъ, покончивъ дневныя занятія, расположился на отдыхъ; но не успѣлъ онъ закрыть глазъ, какъ предъ нимъ предсталъ тотъ монахъ, который являлся въ гротѣ.

— Архонтъ, сказалъ онъ, если ты не поспѣшишь къ дѣтямъ своимъ, то завтра утромъ тебѣ придется похоронить одни только обезображенные ихъ останки. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что злой духъ, поселившійся въ крѣпости, гдѣ обитаетъ твой возлюбленный сынъ, подготовилъ ихъ къ страшнаго образа смерти. Да будетъ же эта крѣпость проклята до того времени, пока ты или наслѣдники твои, не сооружатъ въ ней храмъ Бо-

жій и непрестанною молитвою не изгонятъ изъ нея вреднаго духа.

Князь очнулся и поспѣшилъ къ женѣ, но и ей снился подобный же сонъ. Увѣренные окончательно, что дѣтямъ ихъ грозитъ опасность, родители, не смотря на бурную ночь, направились къ высокимъ скаламъ, гдѣ томились предсмертною тоскою ихъ честныя и богобоязливыя дѣти.

Со страхомъ и какимъ-то неестественнымъ трепетомъ, они окликнули полусонныхъ стражниковъ и едва слышными шагами приблизились къ дверямъ, за которыми громко вопилъ несчастный юноша. Въ эту только минуту, князь, убѣдившись въ справедливости сказанія таинственнаго монаха, быстро отворилъ двери, чтобы поскорѣе утѣшить дорогаго сына; но этотъ стукъ и внезапное появленіе въ поздній часъ ночи отца, до того подѣйствовали на юношу, что онъ лишился разсудка. Таже участь постигла и бѣдныхъ дочерей, вообразившихъ, что ихъ требуютъ къ позорной казни.

Событія эти не менѣе жестоко поразили нѣжныхъ родителей, которые въ отчаяніи ломали себѣ руки и готовы были броситься въ пучину морскую. Къ счастію подоспѣлъ таинственный монахъ и, прикоснувшись къ страждущему семейству, заставилъ ихъ очнуться отъ болѣзненныхъ припадковъ; затѣмъ, благословивъ ихъ на долгую и счастливую жизнь, онъ повернулъ глаза къ крѣпости, гдѣ сидѣлъ княжескій сынъ и трижды произнесъ проклятіе.

Катара, катара! повторило и княжеское семейство.

Вотъ съ того времени, заключилъ священникъ, крѣпость эта носитъ названіе „Катара-куле“ или „проклятая крѣпость“ и вѣроятно названіе это до тѣхъ поръ не забудется, пока не исчезнетъ послѣдній камень отъ нея на этой возвышенности“.

За Судакомъ по направленію къ Ѳеодосіи слѣдуетъ деревня Козы, безъ сомнѣнія то самое поселеніе, которое извѣстно было у Генуэзцевъ подъ названіемъ Cosale de Coxii. Судя по остаткамъ стѣны, развалинамъ церквей и т. п., мѣстность эта оби-

таема была греками, принадлежащими къ судгейскому княжеству. Но самыми интересными памятниками на этомъ протяженіи являются кладбища, установленныя громадными каменными столбами, Богъ вѣсть какому народу принадлежащія. По мнѣнію однихъ ученыхъ это были Еврейскія, а по другимъ Черкесскія. Не давая значенія догадкамъ мы ограничимся тѣмъ, что до настоящаго времени здѣсь не сдѣлано было никакихъ раскоповъ и что памятники эти принадлежатъ къ единственнымъ въ подобномъ родѣ на Таврическомъ полуостровѣ. Не вдали отъ Козъ, по пути въ Токлукъ, существуетъ высокій каменный шпиль съ изображеніемъ на немъ креста. Камень этотъ не могъ-бы обратить на себя вниманія, еслибъ подобный не существовалъ-бы около дер. Куру-узена въ урочище Кало-Ливади, гдѣ встрѣчаются греческія кладбища и гдѣ невдали отъ водопада Джуръ-Джуръ сохранились фундаменты отъ церкви Ай-эндри (св. Андрея) съ источникомъ воды, выступающимъ изъ подъ алтаря.

Судя по разсказу Формаліони въ 1429 году въ Козахъ начальствовалъ капитанъ Батисто де-Гандино. Это отчасти можетъ свидѣтельствовать, что здѣсь было и въ то время обширное поселеніе. Но кромѣ этого, фундаменты трехъ церквей во имя св. Ильи, св. Георгія и Успенія Пресв. Богородицы, а за мѣстностью, извѣстною нынѣ подъ именемъ Мегана довольно обширныя слѣды построекъ, ясно говорятъ въ пользу этого предположенія. Изъ природныхъ замѣчательностей здѣсь обращаютъ на себя вниманіе Делекли-кая съ сквознымъ отверстіемъ и другая скала, прозванная банею дѣвъ, изъ которой въ подобіи дождевыхъ капель просасывается вода.

Послѣдующею за Козами мѣстностью интересною въ археологическомъ отношеніи, представляется Отузская долина. Вотъ здѣсь развалины обширной крѣпости заставили покойнаго Бларенберга предполагать о существованіи третьяго укрѣпленія Тавро-скиѳовъ, извѣстнаго подъ именемъ Хавона. Богатѣйшая естественными произведеніями Отузская долина безъ сомнѣнія

искони занята была человѣкомъ. Это доказываютъ значительные слѣды первобытныхъ построекъ, кладбищъ и основаній церквей, изъ которыхъ двѣ сохранили свои названія и именно во имя Успенія Богородицы и св. Георгія. Отузъ въ переводѣ съ татарскаго значитъ тридцать. Полагаютъ, что названіе это происходитъ отъ числа дворовъ, оставшихся послѣ выхода грековъ въ 1779 году.

За Отузами слѣдуетъ полуразрушенная деревушка Коктебель, расположенная у подошвы Кара-дага съ слѣдами древнихъ построекъ и фундаментами церквей во имя св. Дмитрія и св. Георгія. Такъ какъ въ окрестности этой деревушки находится озеро Бараколь, то мы, судя по разсказу Плинія, предполагаемъ, что здѣсь заканчивались владѣнія Тавро-скиѳовъ. Изъ надгробныхъ памятниковъ съ надписями, встрѣчаются нѣсколько армянскихъ, изъ которыхъ древнѣйшіе поставлены надъ прахомъ архимандрита Аведика и Стефана (1401 г.) и Авакъ-Хатуна (1487 г.)

Древности Ѳеодосіи.

Къ числу древнѣйшихъ памятниковъ, оставленныхъ намъ человѣкомъ, въ окрестностяхъ Ѳеодосіи, принадлежитъ кладбище, расположенное за Карантинною слободкою, въ гробницахъ котораго отыскивали много разнородныхъ вещей, имѣющихъ одинаковую форму и качества съ босфорскими. Въ 1856 году, въ присутствіи моемъ, была открыта одна изъ этихъ могилъ и въ ней найдены были остатки кипарисного гроба, слезница античнаго стекла, глиняная чашечка и другія мелочи, которыя постоянно находились въ древнихъ могилахъ Пантикапеи.

Изъ всего найденнаго пока въ Ѳеодосіи считаются лучшими: золотая медаль Лизимаха и серебрянная Александра великаго, мраморный пьедесталъ съ греческою надписью: Ксенокрита жрица Цереры, посвящаетъ сіе богинѣ за здравіе дочери ея

Дмитріи и мраморная статуэтка, изображающая морскую викторію. Послѣдующими считаются обломки разныхъ скульпторныхъ изображеній, вазы, лампы, глиняная посуда, античное стекло, римскія и босфорскія медали, золотыя и серебрянныя вещицы, монеты и т. п. мелочи, хранящіеся въ Одесскомъ и мѣстномъ музеумахъ.

Изъ построекъ останавливаютъ вниманіе двѣ еврейскія синагоги, которымъ Сумароковъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, насчитывалъ первой 1000 а другой 800 лѣтъ. Дома эти дѣйствительно имѣютъ видъ глубокой старины и такъ какъ находятся въ отдаленныхъ переулкахъ и никѣмъ не описаны, то почти неизвѣстны даже мѣстнымъ жителямъ. По свидѣтельству Гартгазена, при реставраціи одной изъ этихъ синагогъ, кажется въ 1828 г., найденъ манускриптъ, удостовѣряющій о постройкѣ ея за 800 лѣтъ тому назадъ. Почтенный путешественникъ получилъ даже копію съ него, но къ сожалѣнію не опубликовалъ содержаніе этого очень важнаго документа, для опредѣленія, кѣмъ была воздвигнута эта постройка, Іудеями или Караимами. Синагоги эти я осматривалъ въ 1857 году и, по надгробной плитѣ при дворѣ, узналъ, что она положена 360 лѣтъ тому назадъ. По другой надписи, состоящей изъ восьми цифръ, и именно: 30, 30, 100, 30, 30, 60, 80 и 220—составляющихъ итогъ 580, едва-ли возможно сдѣлать какое-либо заключеніе. Караимы, предполагающіе свое жительство въ Ѳеодосіи съ половины третьяго вѣка (?), стараются доказать, что 580 лѣтъ означаютъ время прошедшее отъ открытія этого храма изъ подъ земли и, желая присвоить его себѣ, доказывали на него Іудеямъ права своей секты. Споръ объ этомъ будто прекратился только тогда, когда евреямъ удалось открыть подъ спудомъ онаго колодезь омовенія для женскаго пола, чего не бываетъ при караимскихъ молитвенныхъ домахъ.

Архитектура этой синагоги совершенно татарская, а мѣсто Кивотъ-завѣта направлено къ южной сторонѣ, что не согласуется съ правилами храмоустройства, существующими у Ев-

реевъ. Мѣстный равинъ приписывалъ это тому, что строители ея были Іудеи, пришедшіе изъ Испаніи, гдѣ необходимо направлять сторону Кивотъ-Завѣта къ югу. Плохое это доказательство оспаривается Караимами, убѣждавшими, что евреи обязаны направлять Святыни свои къ востоку, подобно христіанамъ, а они только молятся на югъ по закону, основанному на томъ, что пророкъ Даніилъ, совершая молитву, направлялъ взоры свои къ Іерусалиму—и что колодезь омовенія женщинъ открытъ евреями гораздо позже и именно въ то время, когда караимы выселились изъ Ѳеодосіи во внутрь Крыма. Во внутренности этой синагоги обращаютъ на себя вниманіе двѣ прекраснаго бѣлаго мрамора колонны, поддерживающія потолокъ зданія и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляющія мѣсто для равина. Преданіе говоритъ, что такихъ колонъ было четыре, но двѣ лучшія взяты турками. Кромѣ этого приписываютъ большую старину слѣдующимъ стихамъ, изображеннымъ на одной изъ стѣнъ на Халдейскомъ языкѣ:

Умомъ воздвигается Божій храмъ
А вѣрою людей укрѣпляется.
Народъ Іудейскій ждетъ Миссію,
Чтобы онъ снялъ печать съ заповѣдей.

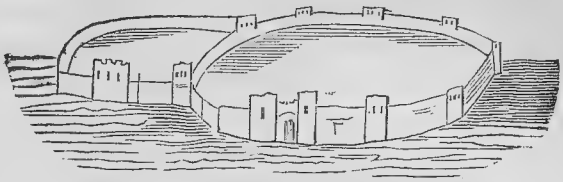
Отъ этой синагоги, Караимскій молитвенный домъ находится не въ недальнемъ разстояніи. Ему также, какъ сказано выше, приписываютъ удивительную древность, чуть-ли не 1500 лѣтъ, судя потому, что будто Евреи явились въ Ѳеодосію за долго до Р. Х. Мы не станемъ спорить о томъ, что они могли явиться въ Крымъ при нашествіи Митридата Эвпатора на Босфорское царство, но никакъ не можемъ согласиться, чтобы это зданіе, сложенное на глинѣ, могло бы сохраниться столько вѣковъ. Изъ цифры, начерченной на одной изъ балокъ этой синагоги и именно 5052, мы можемъ заключать, и то только въ такомъ случаѣ, если она обозначаетъ время постройки зда-

нія и годъ отъ сотворенія міра, что храму этому (судя по счисленію Караимовъ) около 575 лѣтъ.

Отъ временъ христіанства, древнѣйшими памятниками считается мраморный столбъ съ греческими надписями, что здѣсь покоятся раба Божія Елена монахиня, скончавшаяся 11 мая и рабъ Божій Тамганъ, умершій 13-го мая 7327 (819) года и недавно открытый фундаментъ отъ обширнаго храма, такъ хорошо сохранившійся, что на немъ нынѣ воздвигнутъ Александровскій соборъ. При очисткѣ его найдены были разнаго рода металическія вещи, относящіяся къ церковной утвари грековъ. Фундаментъ этотъ принадлежитъ къ тому славному храму, обращенному Турками въ мечеть, которому удивлялся въ 16 вѣкѣ священникъ Іаковъ, а затѣмъ Сумароковъ. Послѣдній говоритъ, что онъ превосходилъ всѣ другія зданія въ Крыму, имѣлъ 10 куполовъ покрытыхъ свинцомъ и поддерживался на четырехъ мраморныхъ колонахъ, на одной изъ которыхъ изображены были только—что приведеннныя нами эпитафіи. Храмъ этотъ (рисунокъ котораго прилагается при этомъ), по распоряженію мѣстнаго начальства, былъ разобранъ въ 1834 году, какъ говорятъ съ единственною цѣлью, занять чернорабочихъ какимъ, нибудь дѣломъ.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе старинною архитектурою Армянскій монастырь.

Послѣдующими полуразвалинами являются: ровъ съ крѣпостными стѣнами и башнями генуэзской эпохи. Наиболѣе уцѣлѣвшія изъ нихъ находятся въ Юго-восточной части города, гдѣ ремонтируются мѣстнымъ начальствомъ только потому, что служатъ оградами для карантиннаго учрежденія. Вотъ общій приблизительный видъ всего Ѳеодосійскаго укрѣпленія вокругъ города, по существовавшимъ слѣдамъ въ 1856 году. Мы конечно не думаемъ приписывать ему вѣрности, такъ какъ проходили по едва примѣтнымъ въ многихъ мѣстахъ слѣдамъ, но убѣждены, что онъ можетъ дать вѣрное понятіе о формѣ этого укрѣпленія.



Послѣ сказаннаго, въ Кафѣ до настоящаго времени находятся въ изобиліи древнія монеты въ особенности послѣ сильныхъ дождей въ карантинныхъ дворахъ. Изъ числа находимыхъ мною и однимъ изъ товарищей моихъ, у котораго ихъ набралось нѣсколько сотенъ, я всего чаще встрѣчалъ татарскія *пара*, рѣже греческія, римскія и Босфорскія и еще рѣже такъ называемыя генуэзко-татарскія. Такъ какъ послѣднія считаются самыми интересными и только въ этой мѣстности отыскиваются, то мы считаемъ нужнымъ познакомить читателя нашего съ ними: на первой—съ лицевой стороны A F/C A (Кафа). Ясно, что изображеніе промежь буквъ представляетъ ворота или такъ называемый порталь. На обратной сторонѣ таракъ-тамга (гребневый знакъ) присвоенный золото-ордынскими ханами. На другой: въ порталѣ двѣ буквы, вѣроятно начальныя отъ имяни и фамиліи консула, тамга въ полумѣсяцѣ или съ приложенною къ ней вѣтвью. На четвертой Св. Георгій на конѣ съ копьемъ, воткнутымъ въ змѣя, на обратной сторонѣ порталь. На пятой—двѣ буквы, по сторонамъ двѣ вѣтки; на обратной сторонѣ тамга. На шестой—Соломоновъ узелъ, порталь; на обор. татарская надпись. Седьмой—щитъ съ двумя буквами и надпись Кафа; на оборотѣ татарская надпись. Всѣ-же остальныя неособенно отличались между собою *).

Относительно существующихъ въ Ѳеодосіи надписей временъ Генуэзскаго владычества, мы можемъ сказать, что изъ нихъ 21

*) Монетный дворъ у Генуэзцевъ впервые устроенъ въ Кафѣ въ 1455 г.

имѣется въ Ѳеодосійскомъ, а 3 въ одесскомъ музеумахъ; изъ плитъ этихъ—древнѣйшая по надписи относится къ 1302 году. По содержанію-же—останавливаетъ вниманіе 1346 года. Въ ней говорится: „когда дарована была милость Климентомъ папою для возвеличенія креста, эта построенная башня получила свое начало, основанная пастыремъ. Затѣмъ слѣдуетъ молитва къ Іисусу, избавившему городъ отъ истребленія о ходатайствѣ предъ Богомъ, чтобы Онъ охранялъ выстроенную башню, ниспосылая по прежнему свою помощь христіанской религіи“. Въ послѣдующихъ надписяхъ показано только время постройки крѣпости и имя строителя. Не менѣе интересна надпись на надгробномъ камнѣ слѣдующаго содержанія; „Здѣсь покоится благородный юноша Лафранки Захарія (сынъ) господина Анджело 1523 г. перваго ноября“.

Надпись эта указываетъ на время пребываніе въ Кафѣ Генуэзцевъ, почти 50 лѣтъ послѣ завоеванія этаго города Турками.

Къ времени Генуэзскаго господства въ Тавридѣ безъ сомнѣнія принадлежатъ и всѣ тѣ храмы, которые до настоящаго времени находятся въ совершенной цѣлости въ дворахъ карантина. Вотъ наружная форма лучшаго изъ нихъ:

Кромѣ этихъ, въ Ѳеодосіи существуетъ древній храмъ во имя с. Георгія, о которомъ мы имѣли случай говорить. При храмѣ этомъ сохранились слѣдующаго рода армянскія надписи: 1) лѣта 476 (1027). Сіи святыя знаменія суть предстатели Григорія и его сына. Сей крестъ есть памятникъ Карима и его

супруги... сына Хачадура, лѣта 1000 (1551). 2) Сіи святыя знаменія суть предстатели Эминъ-Мелика Унана, великаго барона Савахта 928 (1479). 3) Лѣта 997 (1548). Сіи св. знаменія суть предстатели Ованеса, Вартенеса Ата-бека. 4) Сіи св. знаменія суть предстатели монаховъ-мучениковъ Лазаря и Ѳадея лѣта 891 (1442). 5) Сіи святыя знаменія суть предстатели Еранухи, Іустины, барона Кеворка, Манука и Сакака, 948 (1499). 6) Лѣта 998 (1549). (На оконечностяхъ креста). Господь Богъ Іисусъ Христосъ. Сіи св. знаменія суть предстатели Такворшаха, его дѣтей и родителей. 7) Сей св. крестъ есть памятникъ Вартанеса, лѣта 950 (1501). Надписей, гдѣ не существуетъ года, мы не приводимъ.

Кромѣ этихъ, въ Ѳеодосіи, при церкви св. Сергія существуютъ еще нѣсколько армянскихъ надписей, слѣдующаго содержанія: 1) Сіе святое знам(еніе) предстат.... Шамшана Хатуна 873 (1424). 2) Сей св. крестъ воздвигнутъ предстателемъ Довлатъ-Хатуна, Аведика, Сергія, лѣта 911 (1461). 3) Сіи святыя знаменія суть памятники Джигана, сына его Оски и его родителей 942 (1493). 4) Сіи св. знаменія суть предстатели мученика Ганеса, Анна Хатуна лѣта 960 (1511). 5) Сіи св. знаменія суть предстатели мученика Ордабека и сыновей его Суинчъ-бека, Іолъ-бека и отца его Ованеса, лѣта 990 (1541). 6) Сіи св. знаменія суть предстатели Ходжа Ованеса и отца его Атакая и матери Іолъ-мелика и брата Аведика, лѣта 990 (1541).

Приводя эти надписи, мы обращаемъ вниманіе читателя на слова: мученикъ и великій баронъ. По предположенію нашему, къ первымъ относятся пострадавшіе за вѣру отцовъ, а послѣдній титулъ, надо полагать, принадлежалъ какому-нибудь потомку царствовавшей въ Арменіи фамиліи.

Въ заключеніе, намъ приходится сказать нѣсколько словъ о турецко-татарскихъ памятникахъ. Народъ этотъ, какъ извѣстно никогда не интересовался сооруженіемъ надписей надъ обыкновенными предметами, за исключеніемъ фонтановъ и надгроб-

ныхъ камней. Вотъ вслѣдствіе чего мы до настоящаго времени не нашли ни одного памятника отъ какой-либо мечети или другаго рода постройки турокъ. Напротивъ, мы убѣждены, что въ ихъ время подобраны были всѣ лучшія плиты и колонны съ надписями и употреблены на постройки въ родѣ такихъ мечетей, какъ напр. занятой подъ музеумъ и католическій костелъ, гдѣ быть можетъ они остаются до нашего времени. Единственнымъ турецкимъ зданіемъ, которое останавливало вниманіе посѣтителей Ѳеодосіи послѣ присоединенія Крыма, была громадная баня съ 17-ю большими куполами, которая, по желанію начальства, разобрана въ 1834 году *).

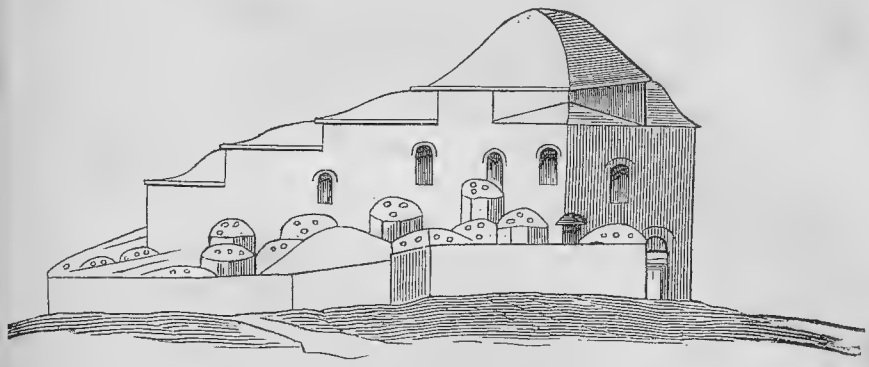
Выше, говоря объ армянскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, который по нѣкоторымъ историческимъ свѣдѣніямъ построенъ въ 1442 году, что не согласуется съ приведенными армянскими надписями, свидѣтельствующими, что храмъ этотъ построенъ несравненно раньше, мы упомнили сказать, что въ немъ хранятся два образа св. Георгія и св. Мины, очень древней живописи. Мнѣ говорили, что существующая на первомъ изъ нихъ греческая надпись: ο ἅγιος Γεωργιος удостовѣряетъ, что церковь эта нѣкогда принадлежала грекамъ. Не придавая послѣднему особеннаго значенія, мы остаемся однако при предположеніи, что храмъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ въ Ѳеодосіи.

Послѣдующими, по древности, храмами въ этомъ городѣ считаются: св. Николая и введенія во храмъ Богородицы. Въ послѣдней—престолъ установленъ на 4-хъ столбикахъ съ мраморною доскою, а иконостасъ старинной греческой работы. При ней напрестольное греческое Евангеліе, печатанное въ Венеціи въ 1614 году, двѣ стоящія за престоломъ ришиды серебряныя съ позолотою внутри изображенныхъ ангеловъ и паникадило

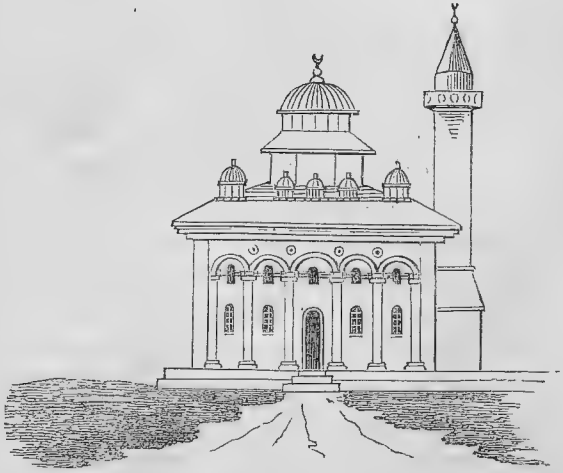
---

*) Прилагаемый рисунокъ этой бани снятъ съ плановъ, приложенныхъ къ 8 т. «Зап. Одес. Общ. ист. и древностей».

изъ чистаго серебра, отличнаго чекана, о 13 стаканчикахъ для елея. Затѣмъ именуютъ храмъ во имя св. Магдалины, построенный въ 1351 году, съ изображеніемъ на камнѣ святой и надписи о моленіи ею прощенія у І. Христа за грѣхи.



Видъ бани.



Видъ храма.

Древности Сѣверной, Юго-западной и Восточной частей Крыма.

Всѣ, въѣзжающіе въ Крымъ, невольно останавливаютъ вниманіе на Перекопскомъ рвѣ, имѣющимъ протяженіе отъ рукава Сиваша, извѣстнаго татарамъ подъ названіемъ Су-ахъ, до залива Чернаго моря 6 верстъ и 472 саж. съ землянымъ валомъ съ Юга, прерваннымъ только у воротъ. Самое большое возвышеніе вала 49 футовъ въ отвѣсѣ, ширина рва 56 футовъ. Естественно, что подобное сооруженіе принадлежитъ къ разряду важныхъ памятниковъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что оно есть твореніе не какихъ-нибудь помадовъ, а людей разумныхъ. Но кто именно его устроилъ—мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, хотя и вѣримъ, что каждый благоразумный побѣдитель Тавриды, обозрѣвшій ея границы и не претендующій на дальнѣйшія завоеванія, непремѣнно-бы остановилъ свое вниманіе на Перекопскомъ перешейкѣ, составляющемъ единственный свободный путь для входа въ страну, прикрытую со всѣхъ остальныхъ сторонъ морями и позаботился-бы сдѣлать его недоступнымъ. При такой очевидной защитѣ цѣлой страны однимъ пунктомъ, понятно, что первое вошедшее въ него племя должно было сознать необходимость охраны этого перешейка; между тѣмъ Плиній увѣряетъ, что перешеекъ этотъ былъ судоходенъ и что чрезъ него ходили въ Азовское море суда, но это кажется было его предположеніе о прошломъ, потому что онъ упоминаетъ о существовавшемъ въ его время Тафрѣ (ровъ), посрединѣ котораго было и укрѣпленіе тогоже имени. Затѣмъ, по свидѣтельству Константина Богрянороднаго, ровъ этотъ былъ засыпанъ и покрытъ густымъ лѣсомъ и чрезъ него проложены двѣ дороги: одна къ востоку—въ городъ Воспоръ, а другая къ Югу—въ Херсонесъ. Страбонъ ограничился только названіемъ Перекопскаго перешейка Истмомъ; у генуэзцовъ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Зухала, а у татаръ и казаковъ подъ названіемъ Башта (т. е. въ началѣ). Затѣмъ мы узнаемъ, что

Менгли-гирей-ханъ построилъ на немъ укрѣпленіе Феркерманъ, которое строилось нѣсколько лѣтъ итальянскими архитекторами, при содѣйствіи 5 тысячъ человѣкъ, и столько громадныхъ усилій и денегъ, по отсутствію общаго плана; что Саибъ-гирей распространилъ его и началъ рытіе Перекопскаго рва, а Арсланъ-гирей не пощадилъ ничего, чтобы довести его до совершенства. По разсказамъ однихъ: во время Турко-татарскаго господства ровъ этотъ былъ прикрытъ 6-ю крѣпостями, кромѣ шестровыхъ укрѣпленій съ бастіонами и двумя воротами, въ виду которыхъ находился чрезъ ровъ подъемный мостъ. Съ южной стороны крѣпость эта обведена была двойнымъ земляннымъ рвомъ; въ крѣпости имѣлись подземные ходы, гербъ въ фигурѣ Совы и надпись 1156 (1743) года. Проще, укрѣпленія имѣли слѣдующій приблизительный видъ:

По словамъ стольника Василія Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посланныхъ въ Крымъ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ для заключенія договора о границахъ: „Перекопскій валъ имѣлъ протяженіе до морскихъ водъ; чрезъ него въѣздъ и выѣздъ въ одни ворота съ крымской стороны, а другія ворота засыпаны, а съ московской стороны стоитъ глухою стѣною; межъ валомъ и въ тѣхъ стѣнахъ учинены многія домовыя жилища и чердаки. А камень и кирпичъ въ стѣнахъ кладенъ и смазыванъ, межъ тѣсницъ и брусьевъ деревянныхъ, глиною и грязью и твердости никакой не имѣетъ. По стѣнамъ и воротамъ только восемь башень. Кругомъ всего города ровъ, глубиною сажень трехъ или малымъ чѣмъ меньше, окладомъ и величиною съ небольшой монастырь; возлѣ вала, съ московской стороны отъ степи, ровъ не глубокъ и раздолисть и на валу во многихъ мѣстахъ есть траверзины и людные проходы *).

*) См. Статейный списокъ Тяпкина и Зотова стр. 29—31.

По запискамъ капитана Манштейна, состоящаго въ войскахъ адъютантомъ *) при нашествіи русскихъ на Крымъ въ 1736 году Перекопскій ровъ имѣлъ въ ширину 12, а въ глубину 7 саженъ и защищался 6-ю каменными башнями, вооруженными пушками. Земля, выброшенная изъ рва на обѣ стороны, возвысила почву надъ естественнымъ ея уровнемъ. Впрочемъ ровъ этотъ не такъ глубокъ, чтобы вода съ оконечностей его могла втекать въ него и должно думать, что онъ не былъ выкопанъ съ тѣмъ, чтобы отдѣлить Крымъ отъ твердой земли; вѣроятно также опасались наводнить страну, такъ какъ онъ болѣе и болѣе понижается къ Югу. Нѣкоторыя географы, воображая что этотъ перешеекъ уже и длиннѣе сравнительно съ дѣйствительностію, полагали, что почва его песчаная, а посему самому удивлялись, почему съ давнихъ поръ не послѣдовало сліянія обоихъ морей. Но такъ какъ почва глинистая и слѣдовательно по природѣ своей противостоитъ водѣ, то волны обоихъ морей все болѣе выбрасываютъ песокъ, камышъ, илъ, раковины и т. п. и тѣмъ не только возвышаютъ почву, но еще дѣлаютъ перешеекъ все болѣе широкимъ противъ прежняго, какъ это можно усмотрѣть изъ различныхъ наносовъ. Кажется также, что вода обоихъ морей никогда до такой степени не поднимается вѣтрами, чтобы волны могли далеко покрыть перешеекъ тѣмъ болѣе, что когда при сильномъ вѣтрѣ, дующемъ съ С. З. С., вода изъ залива Чернаго моря стремится въ ровъ, тогдаже оттуда удаляется вода Гнилаго моря и что противное явленіе совершается при С. В. С. вѣтрѣ. А какъ оба не поднимаются въ одно и тоже время, то и не могутъ сливаться, что однако случалось-бы, еслибъ посредствомъ труда и искуства, превышающаго способности турокъ и татаръ **). Перекопскій

---

*) Manstein's hystische, politische und militariche nachrichten von Russland von dem Jahre 1737 bis 1744 Leipzig.

*) Напротивъ, судя по ихъ водопроводамъ въ Крыму, люди эти имѣли отличныя понятія въ подобныхъ предріятіяхъ и легко достигали-бы соединенія двухъ морей, если-бъ это было въ ихъ желаніяхъ и мѣстность позволяла.

былъ-бы изрытъ до такой глубины, что основаніе его становилось-бы паралельнымъ съ основаніемъ обоихъ заливовъ, что какъ говорятъ, пытались уже сдѣлать древніе Скиѳы, обитавшіе въ этихъ мѣстахъ до и послѣ Р. Хр.".

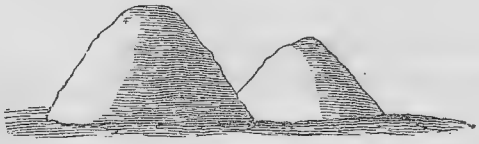
Обсуждая всѣ эти предположенія относительно Перекопскаго рва, мы, знакомые съ его возвышеннымъ положеніемъ у Чернаго моря, твердо убѣждены, что какъ первые основатели его, такъ и послѣдующіе владѣтели, у которыхъ онъ считался охраною царства, никогда не задавались мыслію наводненія его водами изъ сосѣдственныхъ морей. Подобная идея могла-бы явиться коммерческому народу и только въ такомъ случаѣ, еслибъ Каркинитскій заливъ и Сивашъ были судоходны; но въ стратегическомъ отношеніи каналъ едвали можетъ представлять ту положительную недоступность для желающихъ проникнуть чрезъ него, какъ ровъ въ 12 саженъ ширины при 7-ми саженной глубинѣ. Что Перекопскій ровъ былъ недоступенъ, это доказывается, вопервыхъ, долговременнымъ господствомъ горсти татаръ надъ Россіею и тѣмъ наконецъ, что русскимъ войскамъ, неоднократно подступавшимъ къ Перекопу, ни разу не удалось перейти чрезъ него. Послѣ этого возникаетъ вопросъ: могъ-ли быть настолько недоступнымъ этотъ ровъ, еслибъ онъ былъ наводненъ? Не придумали-бы русскіе сотни различныхъ средствъ для переправы чрезъ него? Въ такомъ недоступномъ положеніи вѣроятно находился Перекопскій ровъ и въ глубокой древности, и если онъ, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный, былъ засыпанъ, то мы имѣемъ поводъ предполагать, что уничтоженіе его совершено или самими царственными скиѳами, чтобы предупредить враждебность или отложеніе соплеменниковъ своихъ, обитавшихъ внутри Тавриды или это сдѣлано раньше или позже однимъ изъ сосѣдственныхъ народовъ къ полуострову, которому приходилось испытывать тоже самое, что испытывала южная Россія отъ татаръ до тѣхъ поръ, пока этотъ ровъ былъ недоступнымъ. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, сооруженіе Перекопскаго рва принадлежитъ къ разряду гигантскихъ пред-

пріятій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ для предохраненія цѣлой страны отъ враждебныхъ нашествій. Ровъ этотъ всего болѣе оказалъ услугъ крымскимъ татарамъ, которые поручали охраненіе его самому ближайшему родственнику хана или вообще лицу извѣстному своею преданностію отечеству. Изъ охранителей этихъ исторически извѣстны своими отважными набѣгами Азаматъ-гирей, сынъ Девлетъ-гирей-хана и Тугай-бей *).

Только впослѣдствіи, когда русскіе, по указанію казаковъ, нерѣдко проникавшихъ въ Крымъ **), открыли и другіе входы въ эту страну, Перекопскій ровъ утратилъ свое стратегическое значеніе; а въ заключеніе, послѣ присоединенія Тавриды къ Россіи, онъ сдѣлался полезнымъ въ томъ отношеніи, что облегчилъ взиманіе пошлинъ съ вывозныхъ произведеній этой страны; а башни и вообще всѣ каменныя укрѣпленія разобраны жителями Перекопа на постройки жилищъ.

Нѣсколько южнѣе этого рва, существуютъ слѣды другаго, который окружалъ нѣкогда существующій здѣсь городокъ или мѣстопребываніе стражи, предназначенной для охраненія перешейка.

Въ дальнѣйшемъ протяженіи начинаютъ мелькать по степному пространству курганчики, безъ сомнѣнія обозначавшіе мѣста погребенія древнихъ обитателей. Курганчики эти имѣютъ нижеслѣдующій видъ и, къ сожалѣнію, до настоящаго времени

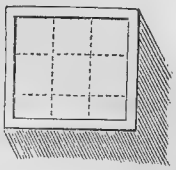


*) Тугай-бей былъ тотъ самый, который, во времена гетмана Хмѣльницкаго, дѣйствовалъ противъ поляковъ.

**] Подвиги грознаго казака Бурлая до настоящаго времени не забыты татарами.

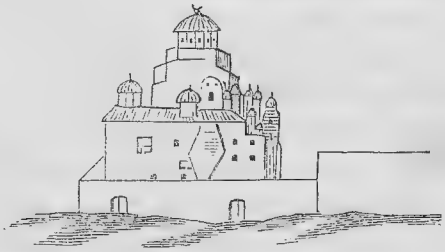
ни одинъ изъ нихъ не раскопанъ. До эмиграціи татаръ мнѣ нерѣдко приходилось слышать отъ стариковъ баснословныя легенды, въ родѣ того, что въ нихъ обитаютъ злые духи и вѣдьмы, а по другимъ, что они служили могилами первобытныхъ гигантовъ и богатырей, павшихъ на полѣ битвы.

Послѣдующимъ укрѣпленіемъ въ степной части Тавриды, при тщательныхъ розыскахъ и распросахъ нашихъ, оказалось на лѣвомъ берегу рѣки Чатырлыкъ въ виду татарской деревушки Кучукъ-Бійбулушъ. Укрѣпленіе это было каменное и, судя по развалинамъ, принадлежало къ числу обширныхъ. Господствуя надъ рвомъ и рѣкою, оно съ остальныхъ сторонъ ограждалось рвомъ и валомъ. Вотъ глазомѣрный планъ его:



Слѣдуя юго-западнымъ прибрежьемъ моря, гдѣ по всему вѣроятію нѣкогда существовали поселенія древнихъ, мы невольно останавливаемся у Джарылгачскаго залива, который въ былое время представлялъ великолѣпную бухту. Осматривая окрестности нынѣ отдѣлившагося отъ нея озера Сасыкъ (вонючій), я пораженъ былъ названіемъ татарской деревни Кастелемъ. Зная хорошо, что татаре не безъ причины сохраняютъ иностранныя названія занятымъ ими мѣстностямъ, я вскорѣ отыскалъ едва примѣтные слѣды нѣкогда существовавшихъ здѣсь укрѣпленій, которыя разобраны татарами, до основанія на постройки мечетей. По мнѣнію старожиловъ оно ограждено было рвомъ, вслѣдствіе чего и называется мѣстность эта Курама (огражденное). И дѣйствительно, я встрѣтилъ не одинъ, а два рва, которые примыкали съ двухъ сторонъ къ бухтѣ. Чтобы ознакомить читателя съ этою мѣстностію, представимъ глазомѣрный планъ.

Опускаясь морскимъ берегомъ ниже, вскорѣ путешественникъ подъѣзжаетъ къ большому селенію Акъ-мечетъ, расположенному у сѣверовосточной оконечности бухты, повыше котораго сохранились слѣды древняго укрѣпленія. За Ахмечетомъ, на берегу моря, снова встрѣчаются двѣ разоренныя деревни, носящія названія Біюкъ (большой) и Кучукъ (малый) Кастели. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь были крѣпости древнихъ. Послѣдующіе затѣмъ слѣды древняго укрѣпленія находятся не доѣзжая трёхъ верстъ до большаго озера Домузлава, которое извѣстно туземцамъ подъ названіемъ Була-кале. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ описанная нами Евпаторія. Такъ какъ въ ней самымъ интереснымъ памятникомъ представляется мечеть, воздвигнутая на подобіе Ай-софіевской въ Константинополѣ, то мы сдѣлаемъ очеркъ этой замѣчательной постройки, которую никакъ не можемъ признать за турко-татарскую, во первыхъ по направленію алтаря и наконецъ по минарету, основаніе котораго обыкновенно связывается съ капитальною стѣною и устраивается у входныхъ дверей.



Говоря о Евпаторіи, намъ слѣдуетъ замѣтить, что въ девяти верстахъ отъ этого города, на перешейкѣ между моремъ и Гнилымъ озеромъ, существовалъ ровъ для прегражденія вѣроятно вторженія южныхъ жителей страны. Ровъ этотъ отчасти можетъ свидѣтельствовать, что Евпаторія въ минувшіе вѣка не имѣла ничего общаго съ остальною Тавридою и управлялась самостоятельно.

У Сакскаго озера, которое повидимому нѣкогда составляло

морской заливъ, по преданію татаръ также существовали слѣды древнихъ развалинъ, которые снесены на новые постройки при этой деревнѣ.

Десятью верстами южнѣе, на берегу моря, снова встрѣчаются развалины какой-то постройки, которую Сумароковъ обозначилъ на своей картѣ подъ названіемъ редута.

Дальше у залива Каламитскаго, сѣверная часть котораго именуется Бешъ-лиманъ (пять заливовъ), а южная—Ондертъ-лиманъ (т. е. 14 бухтъ), вновь встрѣчаются слѣды древнихъ построекъ, которые Тунманъ и Сестренневичъ признаютъ за остатки города Каламиты.

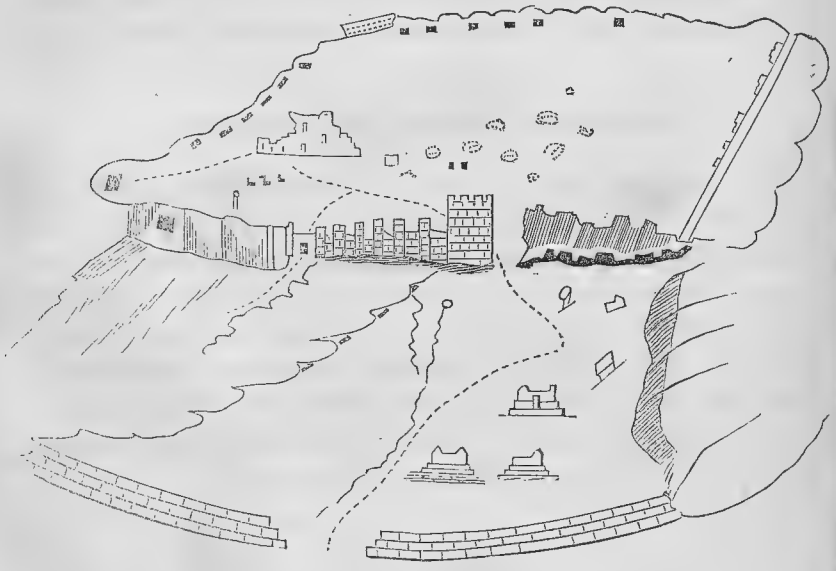
Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья рѣки Качи, между этою рѣкою и Алмою, по направленію къ дер. Эфендикой, встрѣчаются впервые надгробные памятники, выложенные изъ каменныхъ плитъ, походящіе формою на домики, безъ сомнѣнія принадлежвщіе первымъ изъ хазаръ, принявшихъ Іудейскую религію. Это предположеніе мы основываемъ на надписяхъ, которыя составляютъ смѣсь еврейскихъ и татарскихъ буквъ.

Древности по берегамъ рѣки Бельбека.

Рѣка Бельбекъ беретъ начало у подошвы Яйлы, подходящей къ Коккозской долинѣ, одной изъ счастливѣйшихъ по мѣстоположенію, почвѣ и растительности. Очень натурально, что подобная мѣстность не могла быть оставлена безъ вниманія древними обитателями Тавриды, что и подтверждается существующимъ въ окрестности зáмкомъ Давлица и кладбищами, о которыхъ мы говорили въ первой части настоящаго труда. Вотъ наружная форма этихъ могилъ, которыя расположены на возвышенномъ мѣстѣ при въѣздѣ въ деревню.

Изъ древнихъ вещей, найденныхъ здѣсь, обращаетъ на себя вниманіе желѣзная ось, имѣющая 13 пудовъ, которая находится въ дворѣ мѣстнаго землевладѣльца Али-бея Булгакова и пріобрѣтенная мною чернильница красной мѣди, изображающая голову Пана.

Послѣдующею мѣстностію, представляющею развалины древнихъ построекъ является клочекъ земли подъ названіемъ Ханикоя. Легенду о развалинахъ этихъ мы уже сообщили. Въ Яни-салѣ и Фотъ-салѣ встрѣчаются слѣды церквей. Лѣвѣе находится дер. Ай-Тодоръ, Мангупъ, Эски-Керменъ и Черкезъ-Керменъ. Въ первомъ сохранились слѣды церкви безъ сомнѣнія во имя св. Ѳеодора съ христіанскимъ кладбищемъ, а что касается остальныхъ, описанныхъ нами въ первой части, то, прилагая глазомѣрные снимки съ нихъ, мы постараемся сказать кое что о древнихъ памятникахъ этихъ истинно замѣчательныхъ мѣстъ.



Видъ на Табана дере и площадь Мангупа.

Мангупъ-кале.

Г-нъ Кларкъ, увидѣвши Мангупъ, сказалъ: „ничто, въ какой-бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасную величественность этой мѣстности“ *). Ученый путешественникъ сказалъ совершенную правду. Мѣстоположеніе Мангупа, нѣкогда населеннаго разумнымъ народомъ, представляетъ различныя удобства для человѣка, опасающагося внезапныхъ нападеній, любящаго величественную природу, чистоту воздуха, садоводство и другаго рода сельско-хозяйственные промыслы. При такихъ рѣдкихъ условіяхъ, конечно, высоко поднятая площадь *Баба-кая* **) должна была остановить взоры первобытныхъ жителей Тавриды, а въ послѣдствіи, когда вступили въ эту страну другія племена, послужить мѣстомъ основанія городу, огражденному съ доступныхъ сторонъ такими огромными стѣнами и башнями, которыя, сохранившись во многихъ мѣстахъ до настоящаго времени, пораждаютъ удивленіе къ строителямъ. Мангупъ находится въ центрѣ пространства между Инкерманомъ и Чуфутъ-кале, близко сходственъ съ ними по мѣстности, укрѣпленіямъ и первобытнымъ жилищамъ человѣка, не уступающимъ ему въ обширности верхней площади и величественной высотѣ. Это въ полномъ смыслѣ слова Баба-кая или отецъ оръ въ сравненіи съ Инкерманскими и Чуфуткальскими скаглами.

Къ Мангупу идутъ два пути: одинъ изъ Бахчисарая чрезъ р. Качу на дер. Теберти, а другой изъ Севастополя чрезъ Инкерманскую долину на Чергунъ, Шулю, Черкезъ-Керменъ, Орта-Каралезъ и минуя, Юкары-Каралезъ, вступаетъ въ сжатое го-

---

*) См. Eduard-Daniel Clarce: Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie P. 1813, II, 484 pag.

**) *Баба* на татарскомъ языкѣ означаетъ: отецъ. Въ Крыму многимъ высокимъ отдѣльнымъ горамъ присвоиваютъ это названіе, какъ-бы въ отличіе отъ окружающихъ ихъ менѣе значительныхъ возвышенностей.

рами, съ каменными выступами на вершинахъ, ущелье, едва-ли имѣющее въ ширину до 40 саженъ. Прорѣзъ этотъ имѣетъ нѣсколько поворотовъ и раздѣляется на два различныя направленія, которыя также образуютъ два ущелья. Правое служитъ для выѣзда на Байдарскую долину и именуется Рогузъ-дере, а лѣвое къ дер. Ходжа-сала, нынѣ почти опустѣвшему татарскому селенію, расположенному у подошвы Баба-кая, представляющей видъ четырехъ мысовъ, выступившихъ впередъ на значительное разстояніе отъ возвышенной площади Мангупа. Высокіе мысы эти называются: 1) Чанъ-бурунъ (колокольный носъ), 2) Чуфутъ-чагиранъ (вызова жидовъ), 3) Махнели, вѣрнѣе Манели (звучный или эховой) и 4) Елли-бурунъ (вѣтренный).

На вершину знаменитаго Мангупа я направился съ разсвѣтомъ. Путь нашъ пролегалъ оврагомъ Табана-дере по чрезвычайно крутымъ отклонамъ горы, усыпаннымъ тонкими пластинами отвердѣвшей глины. Когда я замѣтилъ проводнику моему, что едва-ли многочисленные обитатели Мангупа могли довольствоваться такою трудною и почти невозможною для верховой ѣзды тропинкою—татаринъ отвѣчалъ, что древніе обитатели этой мѣстности имѣли превосходную дорогу, пролегавшую по углубленію Аманъ-дере (оврагу бани), которая нынѣ во многихъ мѣстахъ заросла терномъ и другими колючими растеніями. Оврагъ этотъ или скорѣе названіе его *табана* нѣкоторыхъ изъ археологовъ, не знающихъ татарско-турецкаго языка, заставлялъ предполагать о существованіи здѣсь древняго города Тавана (Ταβανα) указаннаго Птоломеемъ въ Тавридѣ, тогда, какъ слово это въ переводѣ означаетъ подметку или подошву и не безъ причины, какъ далѣе будетъ сказано, присвоено этой мѣстности, положительно не представляющей никакихъ удобствъ для жительства человѣка. При восходѣ солнца мы подошли къ первой оборонительной стѣнѣ Мангупа, перепоясывающей весь оврагъ Табана-дере, которая, начинаясь отъ края недоступнаго Чуфутъ-чагиранъ-буруна, примыкала къ противоположному скалистому выступу Чанъ-бурунъ. Стѣна эта

значительно высока и имѣетъ въ ширину $1^1/_2$ аршина и вся почти цѣла, за исключеніемъ небольшаго пространства, чрезъ которое пролегаетъ тропинка и гдѣ вѣроятно въ былое время были ворота. За этою крѣпостною оградою начинается обширное караимское кладбище, установленное множествомъ двурогихъ надгробныхъ камней, большинствомъ сохранившихъ еврейскія надписи; но между ними есть и такіе, которые по формѣ и нѣкоторымъ изображеніямъ принадлежатъ другому народу. Я говорю это, имѣя въ виду, что и татаре ставили надъ могилами своими двурогіе монументы въ родѣ караимскихъ, но безъ всякихъ надписей и какъ-бы въ отличіе отъ послѣднихъ изображали на нихъ сабли. Два подобныхъ памятника сохранились на татарскомъ кладбищѣ при дер. Черкезъ-керманъ. Надъ женскими-же могилами на камняхъ не дѣлалось никакихъ знаковъ и не дѣлается по настоящее время, какъ видно изъ памятника недавно еще воздвигнутаго, совершенно въ караимскомъ вкусѣ, однимъ изъ татаръ въ дер. Ашага-каралезъ надъ прахомъ своей жены. Не придавая впрочемъ особеннаго значенія этимъ немногимъ фактамъ для подтвержденія того, что татаре раньше знакомства съ турками имѣли обыкновеніе ставить другаго рода надгробные памятники, однако нѣтъ ничего страннаго предположить, что древнѣйшіе владѣтели Мангута могли имѣть своего рода правила, въ постановкѣ надъ усопшими знаковъ въ видѣ тѣхъ, которые приняты караимами. Покрайней мѣрѣ мнѣ казалось, что древнѣйшіе изъ видѣнныхъ мною здѣсь безъ надписей, не принадлежатъ Караимамъ. Изъ всѣхъ надписей на караимскихъ монументахъ не отыскано пока ни одной, свидѣтельствующей о пребываніи въ Мангупѣ Караимовъ раньше 1274 года, т. е. раньше появленія въ Крыму татаръ.

Надгробные памятники эти разбросаны на огромномъ пространствѣ Табана-дере и подходятъ съ одной стороны къ стѣнамъ Мангупа а съ другой — къ Чан-бурунскому выступу. Большинство ихъ не многимъ отличается между собою по наружному виду, но одинъ изъ нихъ въ особенности оста-

новилъ мое вниманіе и, судя по рельефному изображенію на немъ другаго въ миніатюрѣ, явно поставленъ надъ прахомъ женщины, умершей въ беременности. Къ востоку кладбище доходитъ до 10 корытъ, вырубленныхъ въ массѣ известняка, извѣстныхъ туземцамъ подъ именемъ табановъ, служившихъ ремесленникамъ для выдѣлки кожъ и сафьяновъ. Разсказъ свой объ этомъ подтвердилъ мнѣ проводникъ, указывая на большія кучи пепла предъ каждымъ корытомъ, внутри и по краямъ которыхъ я нашелъ нѣсколько клоковъ несовсѣмъ еще истлѣвшей шерсти. Табаны эти расположены въ рядъ у подножія скалистаго выступа Чуфутъ-чагирана, въ виду прекрасныхъ искусственныхъ пещеръ, служившихъ пріютомъ для промышленниковъ и въ сосѣдствѣ двухъ водяныхъ источниковъ, которые, по словамъ проводника, не изсякаютъ никогда, несмотря на долговременныя засухи и то, что вытекаютъ почти изъ подъ уровня верхней площади горы. Случайность эта нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Баба-кая пуста на такое обширное пространство, что можетъ служить неистощимымъ резервуаромъ для двухъ источниковъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Отъ табановъ, по ступенямъ, нарѣзаннымъ на каменномъ выступѣ, можно взойти на мысъ „Чуфутъ-чагиранъ, на которомъ, въ виду крѣпостной стѣны, снова представляются изсѣченныя пещеры одна надъ другою въ три яруса, соединяющіяся между собою лѣстницами на сплошномъ камнѣ и нѣсколько другихъ довольно обширныхъ гротовъ, большинствомъ обращенныхъ къ ущелью. Надо полагать, что здѣсь помѣщалась постоянная стража городскихъ обитателей, которая, оставаясь недоступною съ наружныхъ сторонъ, могла не только слѣдить за каждымъ подходящимъ къ укрѣпленію, но и при надобности отражать непріятеля. Намъ кажется, что здѣсь даже и въ то время, когда Мангупъ перешелъ въ распоряженіе Караимовъ — эти въ свою очередь имѣли часовыхъ, посредствомъ которыхъ предварительно переговаривались люди, имѣющіе надобность къ кому-либо изъ жителей Мангупа. Предположеніе

такое основываемъ, во-первыхъ на названіи мыса: „мысомъ вызова жидовъ“ и маконецъ на преданіи, что дѣйствительно къ этой оконечности сходились для переговоровъ всѣ имѣвшіе дѣла къ чуфутамъ.

Отъ конца караимскаго кладбища, тропинка подходитъ къ верхней площади Баба-кая, на которой былъ расположенъ Мангутъ, окруженный славными укрѣпленіями. Входъ на нее пролегаетъ у основанія хорошо сохранившейся до настоящаго времени высокой четыреугольной башни, мѣстами исправленной. На башнѣ этой, со стороны входа, виднѣется кусокъ гладкой плиты, на которой повидимому былъ изображенъ гербъ владѣтелей Мангупа, но варварская рука не пощадила его и вѣроятно при выламываніи отбила половину, имѣвшую изображеніе. Около башни проходитъ искуственный ровъ, огражденный стѣнами, нынѣ заросшій кустами и деревьями, но нѣкогда служившій или мѣстомъ въѣзда или истокомъ съ площади дождевыхъ водъ. По правую сторону башни этой, безъ сомнѣнія защищавшей городскіе ворота, отъ которыхъ уцѣлѣлъ теперь только слѣдъ ихъ ширины, путешественникъ вступаетъ на площадь, нѣкогда обширнаго города, расположеннаго по словамъ академика Кеппена „между небомъ и землею“ и въ туже минуту чувствуетъ разительную перемѣну въ воздухѣ. Прошедъ нѣсколько шаговъ, я остановился, чтобы посмотрѣть на окружающій меня видъ. Впереди растилалась зеленая равнина, заваленная грудами бѣлѣющихъ камней, на право полуразрушенныя башни, а къ востоку—длинная оборонительная стѣна сажени въ двѣ вышиною, сохранившаяся въ совершенной цѣлости. По стѣнѣ этой, на извѣстномъ разстояніи, выступаютъ высокія квадратныя башни съ амбразурами. Укрѣпленная ограда эта проходитъ по всему хребту „Чуфутъ-чагиранъ-буруна“ и пересѣкая вершину оврага „Аманъ-дере“, упирается къ отвѣснымъ скаламъ „Махнели-буруна“. Съ С. З. стороны Мангупской площади—укрѣпленій немного, потому что мѣстность, естественно,

недоступна для человѣка. Противъ оврага „Амамъ“ или „Хапу-дере“ сохранился слѣдъ второй дороги для въѣзда на вершину Баба-каи. Сколько я могъ замѣтить, дорога эта, огибая отклоны яра, была проведена для перевозки тяжестей на телегахъ. Она входила въ Мангупъ воротами, защищаемыми съ обѣихъ сторонъ башнями. Что здѣсь были главные ворота, это свидѣтельствуетъ не только проломъ въ стѣнѣ, но и само названіе оврага: „Хапу-дере“ т. е. оврагъ дверей. Миновавъ поверхность этого оврага я приблизился къ отвѣсной пропасти „Махнели-бурунъ“ и въ недоумѣненіи оставался у каменной колонны, глубоко всаженной въ землю надъ самою пропастью. Какое-бы значеніе могъ имѣть этотъ изглаженный временемъ столбъ. Проводникъ мой старался доказать мнѣ, что онъ когда-то служилъ обитателямъ Мангупа точкою прикрѣпленія подходящихъ къ поверхности Баба-каи судовъ. Преданіе это не основательно, на томъ основаніи, что еслибъ достигало-бы сюда море, то всѣ окруженныя пространства оставались-бы подъ водою и обитателямъ не могло представляться надобности проживать на этой большинствомъ скалистой возвышенности. Правдоподобнѣе предположить, что колонна эта служила точкою опоры для поднятія провизіи и другаго рода тяжестей изъ пропасти или спуска и пріема людей съ различными порученіями во время осады укрѣпленія. Надъ оврагомъ „Аманъ-дере“, пересѣченнымъ крѣпостною стѣною, я осмотрѣлъ цѣлый рядъ искуственныхъ пещеръ, въ которыхъ позднѣйшіе жители устроили печи, сохранившіеся до настоящаго времени въ хорошемъ видѣ. На право же отъ каменной колонны бѣлѣютъ груды мусора и камней, ясные признаки многихъ построекъ. Здѣсь указываютъ на церковь, мечеть и другія общественныя зданія, во время турецкаго владычества; но увы, всѣ онѣ въ такомъ нынѣ положеніи, что трудно вѣрить разсказу о ихъ величинѣ и быломъ значеніи. Между этими руинами гораздо лучше сохранились надгробные памятники на турецкомъ кладбищѣ съ огражденною могилою *азиза* или какого-то праведника, воз-

веденнаго туземными мусульманами въ святые и нѣсколько дворогихъ камней, также безъ сомнѣнія поставленныхъ надъ прахомъ исламистовъ, заслужившихъ эту почесть. Далѣе, подходя къ выступу „Елли-бурунъ“, путешественникъ приходитъ въ изумленіе видомъ полуразвалинъ древней великолѣпной постройки въ два этажа, фасадная сторона которой сохранилась въ цѣлости и представляетъ орнаменты строго византійскаго стиля. Это былъ, повидимому, дворецъ владѣтельныхъ князей Мангупа. Его рельефныя украшенія на каменныхъ рамахъ вокругъ дверей и оконъ, возвышенный плацъ въ видѣ террасы предъ нижнимъ этажемъ и балкономъ, его тайныя и странныя отдѣленія съ задней стороны и по бокамъ, обширныя пристройки съ небольшими отверстіями; все это приводитъ къ мысли, что строители обладали прекраснымъ вкусомъ, разумнымъ соображеніемъ и значительными средствами. Зданіе это, расположенное на востокъ, на лучшей мѣстности горы, находится въ виду дороги, прорубленной на скалѣ и ведущей къ оконечности „Елли-буруна“, гдѣ искустная рука терпѣливаго труженика выдолбила, какъ тыкву, выступившій край скалы и превратила его въ замѣчательнѣйшій павильонъ съ нѣсколькими входами, какъ-бы висячій на воздухѣ надъ ужасною пропастью Ходжасалынскаго ущелья. Этого мало, прихотливому властелину захотѣлось проникнуть въ отвѣсъ скалы, вертикально висящей саженъ на 100 надъ оврагомъ, и вотъ, отъ цѣльнаго павильона по отвѣсу скалы прорублена боковая лѣстница, вводившая въ довольно обширную каменную залу, потолокъ которой какъ-бы поддерживается четыреугольнымъ столбомъ, нарочно оставленнымъ при вырубкѣ ея, для эфекта. По обѣимъ сторонамъ этой горницы существуютъ нѣсколько комнатъ, соединяющихся отверстіями съ залою. Въ одной изъ нихъ строителю пришло на мысль создать себѣ возвышенное сѣдалище и онъ вырубилъ на цѣльной скалѣ диванъ, который просуществуетъ навѣрно еще нѣсколько тысячь лѣтъ. Отсюда-же можно, по опаснѣйшей лѣстницѣ надъ обрывомъ, пробраться къ сѣверному уступу скалы и

въ противоположную южную сторону, гдѣ опять встрѣчается искусственный гротъ, отъ котораго снова по ступенямъ подымаешься на вершину горы. По словамъ проводника моего, эти семь каменныхъ комнатъ, прорубленныхъ въ отвѣсѣ страшной вышины, были предназначены для содержанія преступниковъ, которыхъ незачѣмъ было стеречь при закрытіи одного только выхода съ павильона. По его-же словамъ и колоны съ пробоями, нарочно оставленныя въ залахъ, имѣли то назначеніе, что къ нимъ прикрѣплялись тѣ несчастные, которымъ присуждались высшія наказанія. Очень можетъ быть, что древнѣйшія жилища эти служили, во времена турецкаго и татарскаго владычества, мѣстомъ ссылки или заключенія преступниковъ и кто знаетъ можетъ быть и плѣнныхъ русскихъ, которыхъ сотнями пригоняли татары при внезапныхъ набѣгахъ своихъ на Украинскія равнины и выдерживали ихъ здѣсь до распродажи. Предположеніе наше не покажется страннымъ, если мы вспомнимъ, что сюда неоднажды попадали и русскіе послы *), по приказанію своевольныхъ гиреевъ. Впрочемъ подобныя вышеуказанной колоннѣ встрѣчается въ Крыму и въ одной изъ пещеръ Чуфутъ-кале, гдѣ имѣется больше данныхъ къ заключенію, что она служила темницею въ былыя времена. Татары-туземцы именуютъ эти семь комнатъ *Дауджи-хоба* т. е. играющія или издающія эхо, потому, что дѣйствительно, каждый звукъ въ нихъ производитъ оглушительный гулъ въ сосѣднихъ камерахъ. Но всего ужаснѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпнѣе, съ этихъ гнѣздъ человѣка рисуется видъ на глубочайшую пропасть, прикрытую древесною зеленью, за которою подымается въ видѣ стѣны высокая гора, окаймленная на вершинѣ известнякомъ, мѣстами выступающимъ въ подобіи призмъ, кубовъ, квадратныхъ досокъ и т. п. фигуръ. Отъ павильона, продолжая путь по окрайнѣ площади къ западу, путешественникъ идетъ надъ отвѣсною скалою страшной глубины.

---

*) См. Ист. Карамзина IX т. 129 стр.

Предъ нимъ рисуется вдали высшая цѣпь крымскихъ горъ со всѣми отраслями, густо заросшими лѣсами. Ближе выставляются окрестности татарскихъ деревень: Атымъ-Чакракъ (бьющій ключъ воды), Отарчикъ (хуторокъ) и другихъ, останавливающихъ взоры своими чудными зелеными полянами, перепоясанными множествомъ оградъ и извѣстныхъ у туземцевъ подъ именемъ чапровъ или сѣнокосныхъ загородъ. Далѣе, чрезъ каждые пять и десять шаговъ снова идутъ искусственныя пещеры, выдолбленныя вблизи отвѣса, состоящія иногда изъ двухъ комнатъ, съ правильными окнами и печами. Всѣ онѣ, судя по положенію своему надъ бездною, вѣроятно служили пристанищами древнѣйшимъ обитателямъ Мангупа. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣющихъ до 5-ти саженъ длины, я видѣлъ шкафы съ полками, цѣликомъ вырѣзанные въ скалѣ. Надъ одною-же изъ нихъ существуетъ нѣсколько корытообразныхъ углубленій, безъ сомнѣнія, прорубленныхъ для скопленія дождевой воды. Въ недалекѣ отъ нихъ сохранились остатки толстой стѣны, пересѣкающей разщелину между скалами, по которой представляется возможность спуститься къ подножію скалы. Проводникъ говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ стариковъ о существованіи здѣсь небольшихъ желѣзныхъ воротъ, которыми проходили караимы въ деревни Айтодоръ, Чамлы и Озенъ-башъ. Прошедши всѣ эти пещеры, путникъ подходитъ къ гроту, носящему названіе *Хызъ-куле* (дѣвичья крѣпость): отверстіе въ ней очень узко, но протяженіе въ длину никому неизвѣстно. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ свѣчи и поэтому не могъ убѣдиться въ дѣйствительности того, что сказано мнѣ было относительно длины грота. Проводникъ разсказывалъ мнѣ, что сюда заточались, какимъ-то могущественнымъ беемъ (княземъ), дѣвицы и морились голодомъ, что по существующему преданію ихъ однажды было заперто 40 и всѣ они погибли, съѣвши другъ друга. По его мнѣнію, внутренность этого грота недоступна только по узкости входа, недостаточно снабженнаго воздухомъ и что протяженіе Хызъ-куле можетъ быть доходитъ до стѣнъ дворца и въ настоящее время. На

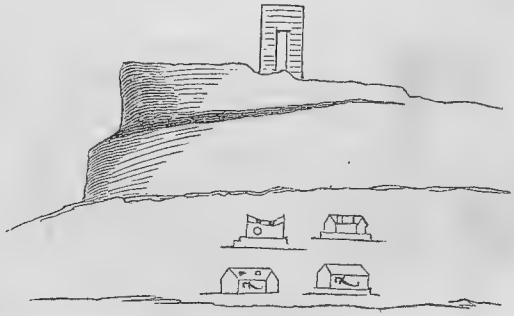
сколько справедливъ разсказъ татарина, мы не имѣемъ основаній судить; но если точно пещера Хызъ-куле имѣетъ предполагаемое протяженіе, то надо думать, что подземный ходъ этотъ имѣлъ при надобности важное значеніе и въ крайности служилъ мѣстомъ укрывательства владѣтелей и при этомъ, конечно, снабжался въ достаточномъ количествѣ воздухомъ. Однако, сколько я ни старался замѣтить, съ поверхности, направленія его къ дворцу—отверстій или слѣдовъ какихъ-либо отдушниковъ — ничего не оказалось. У подножія отвѣсной скалы, гдѣ находится только что описанное нами отверстіе Хызъ-куле, по словамъ проводника моего, существуетъ цѣлый рядъ пещеръ, между которыми одна сохраняетъ слѣды церковной живописи. Еслибъ была какая-либо возможность спускаться къ нимъ человѣку, я, можетъ быть, допустилъ предположеніе, что Хызъ-куле было ничто иное, какъ скрытый ходъ отъ жилища Мангупскаго владѣтеля къ обитателямъ, расположеннымъ у подошвы высоконоднятой вершины Баба-каи.

Вотъ все, что можно встрѣтить болѣе или менѣе интереснаго въ настоящее время въ Мангупѣ, нѣкогда замѣчательномъ укрѣпленіи, повидимому, богатаго и промышленнаго племени. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ пещеръ носятъ слѣды церковной живописи, а другія изобилуютъ вырѣзанными буквами на стѣнахъ, которыя тщетно усиливаются прочитать нѣкоторые любители древности, не подозрѣвая въ нихъ начальныхъ буквъ именъ усопшихъ церковнослужителей, кости которыхъ переносились въ общую братскую кимитирію при храмѣ.

Эски-Керменъ.

У подошвы горы, раздѣляющей Шульскій округъ отъ Черкезкерменскаго, на великолѣпной долинѣ, выступаетъ столбообразно громадная скала, усѣянная съ сѣверо-восточной стороны множествомъ искусственныхъ пещеръ, въ нѣсколько эта-

жей, которыя раздѣляются между собою тонкими стѣнами и заключаютъ различнаго рода сѣдалища. Многія изъ нихъ соединяются отверстіями, къ которымъ ведутъ лѣстницы, вырубленныя въ массѣ камня, а нѣкоторыя, судя по устройству и церковной живописи, служили христіанамъ для богослуженія. Всѣ они имѣютъ отверстія для свѣта, которыя, повидимому, никогда не прикрывались; всего замѣчательнѣе здѣсь—прорубленный, почти до основанія колодезь или отверстіе къ пещерѣ, въ которую просасывается вода. Объ Эски-Керменѣ мы достаточно сказали въ первой части нашего труда. Здѣсь намъ слѣдовало-бы представить его рисунокъ и добавить, что первобытныя жилища эти не покидались человѣкомъ приблизительно до V-го или VI-го столѣтія, что они останутся вѣчными памятниками въ Тавридѣ и всегда будутъ удивлять новыя поколѣнія терпѣніемъ и трудолюбіемъ человѣка давно минувшихъ вѣковъ. Въ числѣ множества пещеръ Эски-Кермана невольно останавливаетъ вниманіе созданная въ обрушившемся утесѣ, которая предназначена была для богослуженія. Въ ней сохранились слѣды иконописи и греческихъ надписей. Противъ Эскикерманской скалы выступаетъ другая, совершенно подобная широкой сплошной стѣнѣ, на вершинѣ которой сохранилась всецѣло четыреугольная башня, безъ сомнѣнія, воздвигнутая или переселившимися въ ущелье обитателями Эскикермена или Херсонскими греками, послѣ утраченнаго господства тавро-скиѳовъ. Вотъ изображеніе ея съ надгробными памятниками, найденными мною у подножія скалы:



Бойка и Сюренъ.

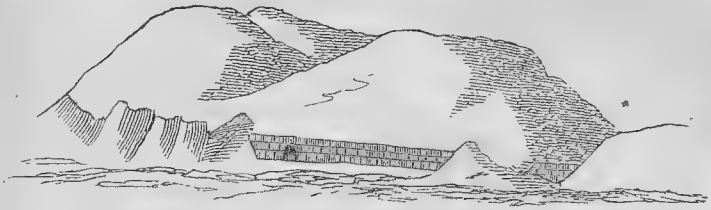
При истокѣ Озенъ-башъ, соединяющемся въ дальнѣйшемъ протяженіи съ Коккозскою рѣкою, находится чрезвычайно живописная и богатѣйшая по производительнымъ силамъ мѣстность, носившая названіе этой рѣки. Будучи увѣренъ, что здѣсь искони существовало поселеніе, я тщетно искалъ слѣды укрѣпленія, безъ чего не жили древніе обитатели. Всѣ розыски и распросы наши привели только къ тому, что мы узнали о существованіи Каплу-кая съ отверстіемъ и кладбищемъ на ней, легенда о которой приведена нами въ 1-й части и которая еще болѣе убѣдила меня въ существованіи здѣсь въ древности греческаго поселенія. Въ предположеніи, что эта скала замѣняла древнимъ замокъ, мы отложили было розыски и ограничились прилагаемымъ снимкомъ этой скалы;

но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, случайно узнавъ о существованіи развалинъ христіанскаго храма въ окрестностяхъ Озенъ-баша, и именно въ урочищѣ Бойка, я рѣшился съѣздить туда въ полномъ убѣжденіи, что всѣ бывавшіе въ Крыму любители древностей очень охотно описывали развалины крѣпостей и городовъ, лежавшихъ на почтовомъ трактѣ, но никто не хотѣлъ вдаваться внутрь страны и тамъ поискать чего нибудь интереснаго. Зная Крымскій полуостровъ очень хорошо, я былъ вполнѣ

убѣжденъ, что древніе греки обитали почти на всѣхъ мѣстахъ С. З. отклона Яйлынскаго хребта, представлявшаго заманчивыя удобства въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Въ такихъ убѣжденіяхъ я нерѣдко, проѣзжая промежь Коккозской и Озенбашской долинъ, останавливалъ взоры на обширномъ возвышенномъ пространствѣ, естественно отдѣленномъ обрывистыми оконечностями отъ сосѣднихъ урочищъ и извѣстномъ у туземцевъ подъ именемъ Біюкъ-а или Бойка. На распросы мои, чѣмъ отличается эта мѣстность, проводники и случайно встрѣчаемые окрестные жители отвѣчали, что Бойка чрезвычайно изобилуетъ одичавшими плодовыми деревьями, что она имѣетъ въ окружности болѣе 50 верстъ и что съ наступленіемъ лѣта многіе озенбашскіе татаре переселяются туда съ стадами своими и тамъ проводятъ теплое время года до 26 октября, собирая фрукты и приготовляя сыръ и катыкъ, которые большинствомъ сбываются въ Ялтѣ и окрестностяхъ этого города. Цѣлый годъ я собирался сдѣлать подробный осмотръ этой мѣстности, но различныя обстоятельства и чрезвычайно утомительная чрезъ горы дорога удерживали меня. Наконецъ 8 октября 1873 г. я пустился въ путь изъ Ялты въ сопровожденіи двухъ проводниковъ, чрезъ Аутинскій богазъ самый ближайшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый опасный. Ровно въ полдень мы начали подыматься на горы, сначала верхомъ, но какъ только вступили въ Дерекойскій лѣсъ и тропинка пошла по надъ пропастью, я изъ состраданія къ бѣдному животному долженъ былъ идти пѣшкомъ. Всего ужаснѣе показался мнѣ переходъ чрезъ *хатмеры* или висящіе каменные выступы, на оконечностяхъ которыхъ еще древніе обитатели страны насѣкли нѣчто подобное тропинкѣ. Два съ половиною часа прошло, пока мы вскарабкались на вершину Яйлы и, сѣвъ на лошадей, поскакали къ западу, т. е. по направленію къ центру Коккозской и Озенбашской долинъ. Проѣхавъ хребетъ, мы направились къ противоположному спуску. Здѣсь одинъ изъ проводниковъ указалъ мнѣ на явный слѣдъ *эндека* или рва, повидимому устроеннаго

древними для предохраненія этого пути. Вслѣдъ затѣмъ мы начали спускаться по тропинкѣ, направляющейся къ сѣверу и выѣхали на широкую дорогу, которая мѣстами, какъ показалось мнѣ, была нѣкогда вымощена камнемъ. Отсюда начались чаиры или сѣнокосные огороды съ изрѣдка ростущими на нихъ деревьями. Миновавъ эти восхитительныя поляны, окруженныя густымъ лѣсомъ, мы опустились на низменность и сейчасъ-же начали взбираться на конусообразную гору, заросшую орѣшниками и другаго рода растительностію. Здѣсь я замѣтилъ признаки раскоповъ. Проводникъ мой, какъ мѣстный житель, подтвердилъ, что не такъ давно нѣсколько молодыхъ людей, въ предположеніи найти кладъ подъ лежавшею плитою, горячо принялись было за дѣло, но убѣдившись, что плита эта не положена человѣческими руками, оставили его.—Это доказываетъ— сказалъ я — что вы не разъ открывали уже цѣнныя вещи на этой мѣстности. — Прежде дѣйствительно попадались дорогія вещи, но теперь очень рѣдко находятъ монеты, кольца и т. п. пустяки. — Что-же вы дѣлаете съ этими вещами? — Мы дѣйствуемъ по примѣру нашихъ отцевъ, т. е. отвозимъ ихъ въ Бахчисарай къ золотыхъ дѣлъ мастерамъ и передѣлываемъ на такія вещи, которыя намъ приличны, а нѣкоторые изъ насъ продаютъ или промѣниваютъ на серебро. Этотъ откровенный разсказъ заставилъ меня подуматъ о томъ, сколько быть можетъ чрезвычайно интересныхъ древностей, найденныхъ на этой никому почти неизвѣстной мѣстности, передѣланы и уничтожены безъ всякаго сознанія.

Взобравшись на верхушку горы, я остановился, чтобы осмотрѣть окрестности. Величественные отрасли Яйлы, густо заросшія лѣсомъ, представляли неистощимый источникъ богатства, а тамъ дальше рисовались зеленыя поляны благодатныхъ чаировъ; въ центрѣ-же выступала Бойка, имѣющая, по словамъ проводника моего, болѣе 50 верстъ въ окружности. Вотъ глазомѣрный видъ ея издали:



Затѣмъ мы опустились въ урочище Тратеизъ, гдѣ, по словамъ проводника моего, нѣкогда было поселеніе неизвѣстнаго народа. Ниже мы встрѣтили снова прекрасные чаиры съ старыми калированными грушевыми деревьями и въ нихъ небольшіе бараки или лѣтнія жилища татаръ изъ сосѣднихъ деревень. Мѣсто это именовалось Ервата. Вслѣдъ затѣмъ мы подъѣхали къ источнику воды и перешагнули чрезъ развалины древней стѣны, начинавшейся отъ Кушъ-кая и заканчивающейся у скалистаго оврага Куру-озенъ. Стѣна эта, по глазомѣру, имѣла около двухъ верстъ длины и безспорно воздвигнута была съ цѣлью сдѣлать недоступною всю Бойку, которая съ другихъ сторонъ заканчивалась отвѣсными скалами. Продолжая путь нашъ, мы къ вечеру сошли въ глубокую котловину горъ, изрѣзанную оградами зеленыхъ чаировъ, въ которыхъ виднѣлись крошечныя жилища временныхъ обитателей. Такъ какъ было поздно, мы направились къ одной изъ этихъ построекъ и попросили ночлега. Старый хозяинъ очень любезно принялъ насъ и сейчасъ-же позаботился угостить сливками и окисленнымъ молокомъ. Нѣсколько минутъ спустя, въ лачугу нашу пришло еще нѣсколько стариковъ татаръ на *лафы* (бесѣду). Я очень обрадовался ихъ приходу, потому что могъ узнать всѣ преданія, сохранившіеся у нихъ относительно Бойки, о существованіи которой до настоящаго времени ни одинъ изъ писателей о Крымѣ не хотѣлъ и повѣрить, въ полномъ убѣжденіи, что академикъ Кеппенъ, описывая развалины южнаго Крыма, ни въ какомъ случаѣ не пропустилъ-бы сказать нѣсколько словъ о цѣломъ почти княжествѣ. Дорожа временемъ, я немедленно

приступилъ къ разспросамъ и узналъ нижеслѣдующее: „Бойка занимаетъ въ окружности такое пространство, что рѣдкій изъ молодыхъ людей обойдетъ ее въ теченіе двухъ дней. Въ центрѣ она представляетъ возвышенность, но по отклонамъ очень удобныя поляны, изрѣдка заросшія лѣсными деревьями. Западная оконечность ея, извѣстная подъ именемъ Джевизлика (грецкаго орѣха) до того переполнена орѣшниками и другаго рода одичавшими фруктовыми деревьями, что мы, жители 14 большихъ деревень, никогда не имѣли возможности собрать и половины созрѣвшей здѣсь фрукты. Чтобы увѣрить васъ въ дѣйствительности сказаннаго, говорилъ хозяинъ, я разскажу, что въ нынѣшнемъ году снялъ съ однаго дерева 12 мѣшковъ яблокъ, а такихъ деревъ тамъ безсчетное множество. Мѣстность эта, изобилующая отличнымъ пастбищемъ, какъ вы замѣтили вѣроятно, со всѣхъ сторонъ заканчивается отвѣсными скалами, за исключеніемъ отклона съ южной стороны. Существуетъ также два богаза (прохода), первый—противъ Караулъ-каи (сторожевой) и деревни Коккоза, а послѣдній—въ виду Махольдура, но всѣ они, такъ равно и открытое отъ юга пространство, обнесены были толстыми стѣнами, развалины которыхъ представляютъ груды камней. При такой обстановкѣ и слѣдамъ множества построекъ, отцы наши заключили, что здѣсь было отдѣльное княжество или народъ, который не признавалъ надъ собою сторонняго господства. Самымъ-же распространеннымъ мнѣніемъ было, что мѣстомъ этимъ завладѣли генуэзцы и сообщались съ Кафою чрезъ Яйлынскій хребетъ. Впослѣдствіи на нихъ напали турки и перебили всѣхъ. По словамъ отца моего, событіе это случилось въ день *хадырлеза* (23 апрѣля). Вотъ все, что намъ извѣстно о нашей Бойкѣ.

— Не передавали-ль вамъ ваши отцы чего-нибудь о томъ, какъ взята была эта недоступная мѣстность и какъ долго длилась осада? — Намъ говорили, что турки первоначально подступили къ Бойкѣ со стороны Яйлы, но не нашедъ входа въ нее, переправились на противоположную отрасль горъ и оттуда, съ возвышенности, именуемой Мангупъ, начали стрѣлять изъ пу-

шекъ, но ничего не подѣлавъ, перешли на послѣдующую гору Ятакъ-кая*) и отсюда очень долго наблюдали за осажденными. Наконецъ имъ удалось поймать на берегу Куру-озена одного изъ жителей Бойки, который ночью пробрался къ своей мельницѣ и этотъ несчастный, не будучи въ состояніи перенести ужасной пытки, открылъ непріятелю входъ на Бойку чрезъ *демиръ-хапу* (желѣзная дверь), въ которую могъ помѣщаться только одинъ человѣкъ. Турки безотлагательно воспользовались этимъ открытіемъ, и въ то время, когда жители недоступной крѣпости спали крѣпкимъ сномъ, они вступили въ Бойку и, взобравшись на высшую точку ея, гдѣ находятся развалины большой церкви, водрузили знамя побѣды. Послѣ чего захвачены были жители и большинствомъ ограблены и казнены; лучшія-же женщины обращены въ невольницъ и отправлены на рынки Кафы. Затѣмъ, разрушивъ до основанія стѣны, преграждавшія входъ на Бойку и объявивъ имъ зависимость отъ султана, турки возвратились во свояси". Татаре замолчали и принялись за трубки свои. Я не тревожилъ ихъ нѣсколько минутъ не единымъ вопросомъ, хотя положительно былъ убѣжденъ, что они знаютъ много еще кое-чего. Затѣмъ я спросилъ: нѣтъ-ли въ окрестностяхъ Бойки искусственныхъ пещеръ. Всѣ старики отвѣчали отрицательно, но одинъ изъ молодыхъ сказалъ, что на лѣвомъ берегу Куру-озена, онъ, за обломками скалъ, открылъ пещеру, которая, судя потому, что съ передней стороны была прикрыта стѣною, нѣкогда служила мѣстопребываніемъ человѣка. — Открытіемъ этой пещеры, замѣтилъ одинъ изъ стариковъ, ты напомнилъ мнѣ разсказъ дѣда моего, который сохранилъ преданіе нижеслѣдующаго содержанія: въ то время, когда на Бойку проникнули турки и заняли вершину горы, бей или князь этой мѣстности какимъ-то чудеснымъ образомъ успѣлъ скрыться съ единственною дочерью въ пещерѣ, находящейся будто-бы подъ скалою. Затѣмъ-же, когда непрія-

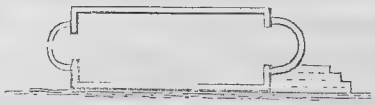
*) Гора расположенія войскъ.

тель удалился и установилась первобытная тишина, бей этотъ, собравъ остатокъ народа своего, основалъ новое поселеніе на мѣстѣ теперешняго Кучукъ-озенбаша. Мнѣ помнится даже, что дѣдъ мой указывалъ могилу этого карамана (богатыря), который до послѣднихъ дней своей жизни не переставалъ мстить разрушителямъ его княжества въ качествѣ наѣздника.

Такъ у васъ существуетъ преданіе, что жители Бойки переселились въ Озенбашъ? спросилъ я.—Преданіе это подтверждается надгробными памятниками, которые вы можете видѣть и теперь. Для меня очень важно было выяснить этотъ вопросъ, потому что существующія могилы въ Кучукъ-Озенбашѣ есть греческія. Къ этому еще я положительно былъ убѣжденъ, что жители всей этой округи есть потомки древнихъ крымскихъ грековъ, принявшихъ исламъ во время господства въ Тавридѣ Турокъ и татаръ, но всего досаднѣе, что они, хотя и сохраняютъ преданія о происхожденіи своемъ отъ грековъ, но низакакія блага не сообщатъ ихъ христіанину, какъ-бы изъ боязни, чтобы отъ нихъ не потребовало правительство наше возвращенія въ религію прапрадѣдовъ. На другой день, напившись парнаго молока, я направился на высшую точку Бойки къ развалинамъ церкви. Не смотря на то, что утро было туманное и холодное, мы всѣ пропотѣли, пока прошли чрезъ нижайшіе скалистые уступы этой крутой горы, извѣстной подъ именемъ Сотиры. Названіе какъ видите греческое, означающее въ переводѣ Спаса. Понятно что оно присвоено мѣстности по существовавшему здѣсь храму во имя св. Спаса. Прошедъ скалы, мы вошли въ лѣсъ фундуковыхъ деревъ и затѣмъ по красивымъ полянамъ, изрѣдка прикрытымъ буковыми и грабовыми деревьями дошли до возвышенной равнины, занятой грудою камня, въ числѣ котораго находилось очень много трубчатаго, какъ извѣстно предпочитавшагося древними греками въ Крыму при постройкѣ церквей *). Тамъ-же найдено было мною нѣсколько

*) По убѣжденіямъ современныхъ грековъ, камень этотъ будто способствуетъ резонансу.

большихъ отесанныхъ обломковъ мягкаго инкерманскаго камня. Смотря на послѣдній, я невольно задался мыслью, какимъ образомъ онъ доставленъ на эту высоту? Надо полагать, что набожные христіане доставляли его просто на лошадиныхъ спинахъ. Храмъ этотъ имѣлъ притворъ и, судя по хорошо сохранившемуся очерку основаній, представлялъ нижеслѣдующій видъ.



По размѣру онъ имѣетъ въ длину около 25, а въ ширину не болѣе 9 шаговъ. Признаться такой величины храма я не встрѣчалъ въ горной части Крыма. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось покопаться въ алтарной части его, въ полномъ убѣжденіи открыть надпись о времени основанія, но такъ какъ для этого требовалось много рабочихъ, я поневолѣ долженъ былъ остановить эту мысль. На противоположной (къ Югу) скалѣ, именуемой *обаларъ*, гдѣ по разсказамъ моихъ проводниковъ было поселеніе древнихъ, я не нашелъ никакихъ наружныхъ признаковъ или фундаментовъ. Всего-же страннѣе мнѣ показалось, что ни около развалинъ церкви, ни въ окрестностяхъ ея не находилось ни одного надгробнаго памятника или чего-либо, свидѣтельствовавшаго о мѣстопогребеніи человѣка. Проводники мои утверждали, что и на всей Бойкѣ имъ ничего подобнаго не приходилось видѣть. Послѣдующія развалины церквей находятся невдали отъ Камбопуль-кая *) и на Джевизликѣ противъ Караулъ (сторожевой) кая; но они принадлежатъ по размѣру къ обыкновенной величины. Осматривая эти единственно отчетливыя развалины, я на всякомъ шагу почти подмѣчалъ камни, повидимому бывшіе въ дѣлѣ. Не менѣе заинтересовали меня мѣстности, до настоящаго времени носящія греческія названія

*) Названіе это безспорно происходитъ отъ греческихъ словъ: Камбо (степь) и поли (городъ).

такъ напр. Камбица, папа-Ёри и т. п. По красотѣ и удобству для мѣстожительства обращаетъ на себя вниманіе поляна между вершиною Сотиры и Махольдурскимъ обрывомъ. Отсюда открывается великолѣпный видъ на окрестности, покоющіеся въ глубокой пропасти и какъ извѣстно чрезвычайно изобилующія разнаго рода растительностію. Высоту этой мѣстности можно опредѣлить тѣмъ, что съ нея виднѣется Евпаторійскій берегъ съ обширнымъ озеромъ.

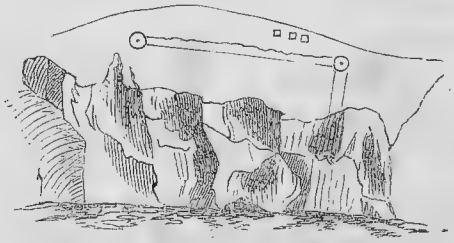
Читатель, прослѣдившій за нашимъ разсказомъ, навѣрно желалъ-бы узнать наше мнѣніе: кѣмъ и когда была обитаема Бойка? На это я отвѣчаю, что мѣстность эта такъ-же какъ и окрестныя ей заняты были Тавро-скиѳами. Естественно, что въ то время она быть можетъ и не представляла необходимости быть укрѣпленною, такъ какъ находилась въ углубленіи горъ, но затѣмъ, когда владѣнія Тавро-скиѳовъ сокрушены были Митридатомъ Понтійскимъ, жители Бойки, въ предупрежденіе всякаго рода случайностей со стороны поработителя, должны были оградиться стѣнами. Въ послѣдствіи же, когда воспріяли христіанство, они хотя и не имѣли особенной надобности въ крѣпостныхъ стѣнахъ, но таковыя были имъ нужны не противъ христіанскихъ властителей въ странѣ, а противъ кочующихъ народовъ въ степной части Крыма.

Послѣдующимъ древнимъ укрѣпленіемъ, по теченію Бельбека, встрѣчается Сюренская или Сюйренская башня *), имѣющая слѣдующую форму.

*) Вѣрнѣе Суйленская, что означаетъ въ переводѣ приводная или съ водою.

Укрѣпленіе это находится на скалѣ, при татарскомъ селеніи Ташъ-Басканъ-Сюйренъ (камнемъ раздавленный сюйренъ), которая, судя по домообразнымъ могиламъ и тарапанамъ, устроеннымъ въ скалахъ для винодѣлія, нѣкогда была обширна и изобиловала виноградниками. Въ верхнемъ этажѣ этой крѣпости сохранились едва примѣтные слѣды церковной живописи и греческихъ буквъ. Это послѣднее доказываетъ намъ, что и она принадлежала въ былое время грекамъ, которые не состояли въ зависимости отъ степныхъ обладателей Тавриды и въ крайности, скрываясь въ ней, защищались до послѣднихъ силъ.

Послѣ Озенбаша, достопримѣчательною мѣстностію можетъ назваться Стильская округа, которая по всей вѣроятности, также какъ и предъидущія долины, служила обителью грековъ. Предположеніе наше подтверждается развалинами храма, надъ дверьми котораго находится греческая надпись, свидѣтельствующая, что церковь эту, три раза посѣщалъ іеромонахъ Сумельскаго монастыря Гервасій съ 1754 по 1766 годъ. Если въ Стиліи обитали греки, то безъ сомнѣнія они также имѣли свой замокъ, куда при набѣгахъ вводили семейства и имущество, но такого не оказывается въ ближайшихъ окрестностяхъ, а существуетъ на хребтѣ отдѣляющемъ Куушинскую долину, подъ названіемъ Кепіанъ *) или Керменъ-кая. Замокъ этотъ былъ расположенъ на высокой скалѣ, у конца пропасти, гдѣ протекаетъ рѣка Кача. Судя по едва примѣтнымъ фундаментамъ, онъ ограждался стѣною и двумя башнями по концамъ, съ той стороны, которая была доступна. Вотъ приблизительный очеркъ ея:



*) Безъ сомнѣнія отъ греческаго слова *кипосъ*.

Надо полагать, что это укрѣпленіе или всецѣло принадлежало жителямъ Стиліи *) или воздвигнуто было для общей защиты съ обитателями Коуша. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по рѣкѣ Качѣ, къ юго-западу находится греческое селеніе Керменчикъ, которое, судя по развалинамъ укрѣпленія и преданіямъ татаръ, искони было обитаемо. Тоже самое можно заключать по развалинамъ церквей въ сосѣднихъ деревняхъ: Лакѣ, Улусалѣ, Бія-салѣ, Мангушѣ и Шури; но храмы эти большинствомъ не представляютъ ничего, кромѣ фундаментовъ. Изъ нихъ только Біясальскій имѣетъ довольно высокія стѣны и древнія гробницы съ довольно странными полуистертыми надписями. При храмѣ этомъ, который имѣетъ нижеслѣдующую форму,

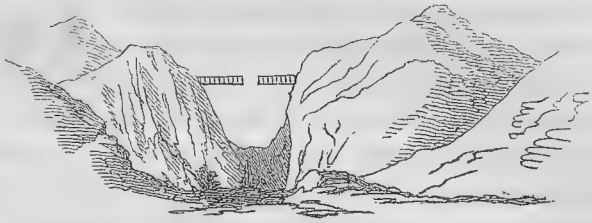
существуютъ слѣды образовъ и исчезающая надпись, которую, къ удовольствію нашему, успѣлъ списать академикъ Кеппенъ. Въ ней изображено: „воздвигнутъ отъ основанія и покрытъ святый и чтимый храмъ честнѣйшаго и славнѣйшаго пророка Предтечи и Крестителя Іоанна, смиренною рукою Констанція архіерея и настоятеля Готѳіи, стараніемъ, помощію и иждивеніемъ господина Бината Темирскаго на память его и родителей 7096 (1687) года въ мѣсяцѣ ноябрѣ“. Около церкви этой существуетъ древнее кладбище съ памятниками, на которыхъ изображены различнаго рода сельскохозяйственныя орудія.

Чтобы пополнить очеркъ древнимъ памятникамъ, встрѣчающимся на этомъ протяженіе до окрестностей Бахчисарая, намъ слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ деревняхъ и именно: Мангушѣ и Теберти. Въ первой изъ нихъ, которая окончательно

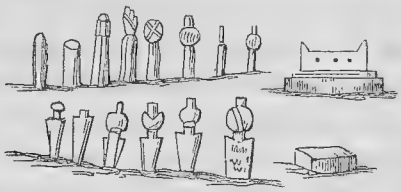
---

*) Названіе, происшедшее отъ св. Стиліана, во имя котораго, по разсказу грековъ, существовалъ въ деревнѣ этой храмъ.

оставлена греками въ 1778—79 году и занята теперь русскими, существуютъ слѣды довольно большаго замка, извѣстнаго у татаръ подъ названіемъ Сарамамбашъ-кале, которое имѣетъ слѣдующую форму:



О Теберти мы можемъ сказать, что слѣдуя чрезъ это селеніе въ Бахчисарай, замѣтили по лѣвую сторону дороги чрезвычайно разнообразные татарскіе монументы, между которыми находились ящикообразные изъ цѣльныхъ плитъ безъ всякихъ надписей. Для любознательныхъ прилагаемъ чертежъ ихъ:



Бахчисарай и его окрестности.

Мы разсказали въ предшествовавшихъ частяхъ настоящаго труда о многихъ достопримѣчательныхъ памятникахъ Бахчисарая,

за исключеніемъ ханъ-сарая или дворца крымскихъ гиреевъ. Нынѣ представляя подробное описаніе ему, мы имѣемъ въ виду сообщить читателямъ нашимъ нѣкоторые рисунки болѣе или менѣе древнихъ построекъ.

Ханскій дворецъ. На одной изъ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстностей Бахчисарая расположенъ ханскій дворецъ. Зданіе это съ наружныхъ сторонъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но если войти въ его дворы, присмотрѣться ко всѣмъ мелочамъ, каждый изъ насъ назоветъ его зданіемъ фей или гурій—до того онъ великолѣпенъ; при чемъ, по искусству онъ удовлетровитъ самому прихотливому вкусу, избалованнаго нѣгою человѣка. Его минареты, тополи и башни, его очаровательные фонтаны, — *сельсебиль* (райскій) *Магзубъ* (золотой) *Аглай-чешме* или *Гіяшъ* (плачущій)—до того очаровательны, что стоишь предъ ними въ поэтическомъ изнеможеніи и не хочешь вѣрить, чтобы ихъ сотворилъ человѣкъ грубыхъ наклонностей и безпощадный варваръ въ глазахъ христіанскаго міра. Дворецъ этотъ сооруженъ съизнова, послѣ погрома Бахчисарая русскими войсками, въ 1736 году и слѣдовательно строители его были татаре. Предварительно описанія его современнаго состояніе, укажемъ не первобытное или на то положеніе, въ которомъ застали русскіе при первомъ вступленіи въ Бахчисарай „Прежде чѣмъ войти въ большой дворъ ханскаго дворца, намъ пришлось перейти чрезъ каменный мостъ. наведенный надъ ручьемъ, который протекаетъ мимо дворца. Дворъ этотъ довольно великъ и окруженъ былъ разными зданіями, которыя, сколько я могъ узнать, были построены и расположены слѣдующимъ образомъ: за большими воротами стоялъ на правой сторонѣ старый дворецъ, въ которомъ нѣкогда обитали ханы; за большими стѣнами слѣдовала въ этомъ дворцѣ большая зала, съ басейномъ въ срединѣ, отсюда лѣстница вела въ бельэтажъ, гдѣ также представлялась зала. Полъ въ ней былъ покрытъ опрятными циновками, а потолокъ выдѣланъ мозаи-

комъ золотымъ и голубымъ. Правая сторона этой залы оканчивалась альковомъ съ эстрадою на ступень высоты, на противной сторонѣ была открытая галлерея въ сажень ширины и четырьмя футами выше паркета залы. Вмѣсто обоевъ, стѣны были покрыты разноцвѣтнымъ фарфоромъ. Изъ оконъ, составлявшихъ два ряда, верхнія имѣли большія расноцвѣтныя стекла, а нижніе хотя и были велики, но вмѣсто стеколъ имѣли ставни въ видѣ рѣшотокъ изъ пампасоваго лѣса, что сообщало залѣ холодный видъ. Возлѣ нея была большая комната, подобнымъ же образомъ убранная; изъ оконъ ея видна была нижняя зала, а съ другой стороны слѣдовали разныя комнаты, совершенно пустыя. Внѣшняя сторона дворца была окрашена красными полосами на угловыхъ камняхъ, отстоявшихъ одна отъ другой на полъ-фута, что представляло весьма пріятный видъ. На этомъ же дворѣ былъ другой домъ, съ большими лѣстницами, гдѣ, въ родѣ сѣней, была устроена балюстрада, съ столбами для поддержки крыши, которая сунулась впередъ на 5 или 6 футовъ, по китайскому манеру, для защиты противъ лучей солнца. Весь этотъ домъ также былъ раскрашенъ въ видѣ мозаики. Изъ этого дома калитка вела на другой дворъ, гдѣ лѣвая стѣна была весьма хорошо раскрашена въ видѣ бѣлаго мрамора, съ правой-же стороны представлялись садъ и новый ханскій дворецъ, къ которому вели большія лѣстницы. Первый предметъ, пріятно поражавшій здѣсь зрителя, былъ басейнъ изъ бѣлаго мрамора съ павильономъ, съ четырмя подобными ему меньшими въ срединѣ, который, чрезъ разные краны, извергалъ воду въ резервуаръ.

Въ новомъ дворцѣ полы залы также покрыты были весьма чистыми циновками, а потолоки разкрашены мозаикою красною и золотымъ; средняя часть залы была подъ сводомъ, также хорошо обдѣланнымъ. Кругомъ залы были скамьи, на вышину фута отъ пола, при ширинѣ четырехъ футъ. Ковры, которыми эти скамьи покрывались, были съ нихъ сняты до нашего при-

бытія. На правой сторонѣ этого дворца были разные весьма чистые покои, полы и потолки которыхъ были украшены на подобіе залы, а окна были съ рѣшетками, подобно вышеупомянутымъ окнамъ большой залы стараго дворца. Съ лѣвой стороны была одна только довольно большая комната съ каминомъ. Окна, обращенныя къ саду, были со стеклами. Кругомъ этого дворца была устроена крытая галлерея, съ поддерживаемою столбами крышею. Ниже сего дворца, вдоль стѣны, были многіе фонтаны, изливающіе воду въ столько-же мраморныхъ бассейновъ.

Между обоими дворцами были еще разныя постройки, между которыми замѣчательнѣйшею былъ, находящійся близъ новаго дворца, сераль. Въ немъ, въ числѣ другихъ комнатъ, была и женская купальня; въ нее вели большія сѣни, въ срединѣ которыхъ былъ большой мраморный бассейнъ, въ $2^1/_2$ фута глубиною и въ полторы сажени въ діаметрѣ. Фонтанъ снабжалъ эту ванну водою, которая оттуда стекала въ купальню, вокругъ которой были фонтаны, мраморныя ванны и нѣсколько отдѣльныхъ кабинетовъ, каждый съ фонтаномъ и бассейномъ изъ бѣлаго мрамора. Потовая баня грѣлась снизу, такъ что можно было давать ей желаемую степень жара и угодное количество воды. Купальни эти всѣ подъ сводами и освѣщаются сверху, посредствомъ оконъ, вдѣланныхъ на сводѣ, въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго.

Невдали отъ перваго дворца была другая купальня, также украшенная мраморомъ, но она была предназначена только для одной особы.

Всѣ эти различныя зданія были окружены садами и фонтанами съ свѣтлою водою, проведенною съ сосѣдственныхъ горъ.

Съ лѣвой стороны большаго дворца были комнаты, предназначеныя для ханскихъ рабовъ. Среди этихъ различныхъ зданій былъ небольшой дворъ, заключавшій въ себѣ двѣ мечети

со сводами, крытыя свинцомъ и заключающія въ себѣ гробницы хановъ. За дворомъ этимъ находится главный входъ (portail), ведущій къ лежащей на южной покатости горы рощицѣ. Противъ этого входа, у подошвы горы, разныя жилья, за которыми находилась бесѣдка, съ многими кабинетами, съ рѣшотками весьма изящными и хорошо выдѣланными изъ пампасоваго дерева. Въ 50-ти шагахъ отъ этой бесѣдки былъ каменный домъ, заключавшій въ себѣ резервуаръ воды, т. е. каменный бассейнъ въ 4 или 5 саженъ въ квадратѣ, въ который были проведены воды съ горъ. Этотъ бассейнъ былъ съ крышею, дабы солнечный зной не могъ туда проникнуть и имѣлъ одно только окно. Со стороны дворца была еще комната, въ которую проведены были изъ бассейна пять большихъ крановъ, имѣя каждый по дюйму въ діаметрѣ и связанныя съ столькими-же подземными трубами, чрезъ которыя вода распредѣлялась по всему дворцу.

Большая купальня хана находилась возлѣ стараго дворца и входъ въ нее былъ именно подъ жильемъ на правой рукѣ. За входомъ слѣдовала большая зала съ скамьями кругомъ изъ бѣлаго мрамора. Отсюда входили въ потовыя бани, также съ мраморнымъ паркетомъ и разными кабинетами на сводахъ. Вода туда вливалась чрезъ краны и падала въ мраморные бассейны. Бани эти топились снизу, подобно новымъ вышеприведеннымъ.

Противъ втораго стараго дворца и большаго двора находились ханскія конюшни. Зданіе это было мурованное и имѣло 13 саженъ длиною при 5 въ ширину. Полъ его не былъ вымощенъ, но мѣсто для каждой лошади было покато. Ясли, подобно столбамъ между лошадьми, были каменные *).

Такимъ былъ Бахчисарайскій дворецъ до 1737 года; но по-

*) Свѣдѣнія эти взяты нами изъ XVIII тома журнала Neue Europaeische переведенныя г. Брупомъ на русскій языкъ. Записка эта безъ сомнѣнія состав

слѣ этого времени въ немъ многое прибавлено, перестроено и измѣнено къ лучшему. Обратимъ вниманіе на его современный видъ.

Дворецъ этотъ, содержимый нашимъ правительствомъ въ отличномъ порядкѣ, есть и будетъ замѣчательнымъ памятникомъ ханскихъ временъ. Въ его архитектурѣ вѣрно выразились: вкусъ, характеръ и наклонности властителей Крыма. Проще, это зданіе служитъ разгадкою жизни тѣхъ могущественныхъ хановъ, о которыхъ намъ ничего почти не завѣщала исторія. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только взглянуть на этотъ *сарай*, чтобы опредѣлить, что владѣтель его считалъ себя предназначеннымъ свыше безъусловно властвовать надъ міромъ и безпредѣльно пользоваться всѣми земными благами; что онъ большинство своей жизни проводилъ въ объятіяхъ лучшихъ женщинъ, что подданныхъ считалъ за безсмысленныхъ рабовъ,—друзей за невольниковъ, умныхъ—за балагуровъ, дураковъ—за преданныхъ служителей, сознающихъ ихъ высокое предназначеніе для блага господствующей націи. Во всѣхъ этихъ очаровательныхъ постройкахъ можно подмѣтить наслѣдственныя привычки властителей, мало любящихъ показываться народу, но не отказывающихся слѣдить за каждою фразою и игрою народа, что ханы эти любили журчаніе воды, пѣніе соловьевъ, джигитовку юношей, религію отцевъ, наставленія улемовъ, справедливость дивана, безпощадность судей, войну, охоту и щедрость въ присутствіи бѣдности; что, прогуливаясь по своей обители, на каждомъ шагу погружались въ размышленія, возбуждаемыя внѣшнею обстановкою своихъ покоевъ. Этого мало, они расчитывали поражать роскошью всѣхъ тѣхъ, кто пользовался возможностію входа въ ханъ-сарай, въ убѣжденіи, что толки объ этой роскоши благопріятно дѣйствуютъ въ пользу ихъ неограниченной власти, на

лена однимъ изъ лицъ, участвовавшихъ при входѣ нашихъ войскъ въ Бахчисарай въ 1736 году.

тотъ обширный и сильнѣйшій классъ народа, который, терпя нужды, жаждетъ оказать какую либо услугу, съ цѣлью обезпеченія своего горькаго существованія.

Бахчисарайскій дворецъ, кромѣ архитектуры и внутреннихъ украшеній, въ отдѣльности и въ общемъ имѣетъ что-то таинственное, возбуждающее нѣгу, спокойствіе и отраду. Тотъ, кому приходилось въ немъ прогуливаться вечернею порою при лунномъ сіяніи, едвали забудетъ тѣ сладкія мечты, которыми переполнится его душа. Здѣсь на всякомъ шагу ему чудится встрѣча съ тѣми райскими гуріями, которыхъ обѣщаетъ Магометъ правовѣрнымъ; здѣсь онъ чувствуетъ вполнѣ значеніе жизни съ ея удовольствіями, здѣсь даже грустное настроеніе утомленнаго жизнію человѣка покажется вдохновеніемъ мудрости и поэзіи, здѣсь какъ то вдругъ пробуждаются тѣ страсти и желанія, которыя покоятся въ глубинѣ души и неясными движеніями тяготѣютъ надъ молодостью, здѣсь трепещетъ сердце, въ чаяніи какихъ-то восторговъ отъ будущности и сокрушается душа при мысли разлуки съ этимъ соединеніемъ всѣхъ волшебныхъ вліяній на оживленіе чувственныхъ упоеній. Словомъ, здѣсь въ миніатюрѣ изображенъ мусульманскій рай, а воспоминаніе о наслажденіяхъ хановъ даетъ понятіе о тѣхъ благахъ, которыя предъуготовлены доблестнымъ послѣдователямъ заповѣдей Аравійскаго пророка на седьмомъ небѣ.

Ханъ-сарай начинается отъ небольшой рѣчки Чурукъ-су, чрезъ которую перекинуты два моста. Изъ нихъ первый находится у самаго дворца предъ ворьтами, открытыми подъ вторымъ этажемъ одного изъ аппартаментовъ его. Ясно, что ворота эти устроены подобнымъ образомъ съ цѣлью предупредить возможность входа въ ханскій дворъ самыхъ смѣлыхъ искателей счастья. Надъ ними, въ кругу, изображена золотыми буквами слѣдующая надпись: „Владѣтель этого дворца и повелитель сей страны, султанъ всемилостивый, Менгли-гирей-ханъ, сынъ Хаджи-гирея. Да помилуетъ Богъ его съ родителями въ обоихъ мірахъ!“ Въ серединѣ, въ особомъ кружкѣ, представленъ гербъ

крымскихъ хановъ. Тутъ-же, нѣсколько ниже, надъ самыми дверями, написано: „Этотъ великолѣпный входъ и эти величественныя двери сооружены по повелѣнію султана двухъ материковъ и хакана двухъ морей, султана, сына султана Менгли-гирей-хана, Сына Хаджи-гирей-хана въ 900 году эгиры. (1503 г. по Р. Хр.). Второй мостъ ведетъ къ заднему двору. Онъ замѣчателенъ въ народныхъ преданіяхъ тѣмъ, что сюда приводились важные преступники въ тотъ день, когда разсматривались ихъ дѣла въ диванѣ. Осужденные къ смертной казни тутъ-же лишались головы и кровь ихъ уносилась теченіемъ Чурукъ-су.

Дворецъ этотъ, какъ сказано, съ наружной стороны не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и скорѣе кажется сумрачнымъ, по недостатку оконъ на улицу изъ нижнихъ покоевъ. Все отличіе его отъ хорошихъ татарскихъ построекъ состоитъ въ обширности и изображеніи нѣсколькихъ узоровъ на стѣнахъ; между тѣмъ, съ противоположныхъ скалъ, общій видъ его до того разнообразенъ и картиненъ, что долгіе часы стоишь въ какомъ-то очарованіи.

Теперь войдемъ въ обширный дворъ ханъ-сарая, представляющаго почти правильный параллелограмъ. Обширный и чрезвычайно ровный дворъ этотъ обнесенъ слѣдующаго рода постройками: зданіе,—идущее вдоль воротъ и составляющее фасадъ дворца съ улицы, обнесено широкимъ балкономъ, убраннымъ до половины густою деревянною рѣшеткою, съ остроконечными фантастическими трубами и широкими отвѣсными карнизами, покрашенными священнымъ зеленымъ цвѣтомъ—предназначено было для пріема иностранныхъ гостей и мѣстожительства придворныхъ чиновъ, извѣстныхъ подъ именемъ хапухалковъ или мухтараджи-баши. Лѣвая половина его отъ воротъ, примыкающая къ мечети, нынѣ передѣланная внутри, имѣла тоже назначеніе, съ тѣмъ только отличіемъ, что нижній этажъ занятъ былъ подъ аптеку и казнохранилище. По предположеніямъ нѣкоторыхъ стариковъ, здѣсь чеканилась также и монета. Зданіе это раздѣлено на отдѣльныя комнаты, и между

прочимъ, сохранились въ нихъ, оригинальнаго устройства, каменные оджаки или татарскіе камины первобытныхъ временъ. Нѣсколько мрачныя, комнаты эти большинствомъ сохраняютъ свое убранство по образцу того, какимъ онѣ перешли въ наше владѣніе. Къ этой постройкѣ примыкаетъ западная стѣна обширной ханской мечети, съ высоко-поднятыми къ небу минаретами. Строители ея позаботились, для сокращенія пути хановъ, открыть въ ней входъ и къ нему подвести *маафиль* или хоры, на которые восходилъ повелитель ханства, съ высшими сановниками, никѣмъ не замѣчаемый, а главное—не выходя изъ дворцовой ограды. Ко входу этому ведетъ каменная лѣстница съ крылечкомъ, прикрытымъ навѣсомъ. Съ этихъ хоръ представляется очаровательный видъ на громадную внутренность мечети, заботливо устланную чистыми циновками, на которыхъ молящіеся кажутся карликами; на *миграбъ* или сѣдалище духовника, увѣнчанное сверху тремя страусовыми яйцами, на *мюнберъ* (каѳедра или мѣсто поученія) и *курси* нѣчто въ смыслѣ трона, откуда читаются важнѣшія части Корана.

Не менѣе прекраснымъ украшеніемъ служитъ большое паникадило, названное народомъ *михари-Сюлейманъ* или свѣтиломъ Соломона.

Мечеть эта имѣетъ три входа: одинъ народный со стороны источника Чурукъ-су, а остальные два изъ дворцовыхъ подворій. Строители этого храма позаботились у перваго изъ этихъ входовъ воздвигнуть обширный водоемъ, изъ котораго посредствомъ 12-ти свинцовыхъ трубокъ выступаетъ вода для желающихъ совершить „уду“ или омовеніе, чтобы чистыми стать на молитву. Изъ сохранившихся въ мечети этой надписей, слѣдующія обращаютъ вниманіе: 1) Что надъ дверьми главнаго входа: „Хаджи-Селимъ ханъ, (да помилуетъ Богъ сего праведнаго мужа!) былъ лучшимъ изъ хановъ. Сколько не разцвѣло розъ въ его родномъ цвѣтникѣ, всѣ они въ свою очередь украшали владѣтельный домъ. Когда новая роза этого цвѣтника, Селяметъ-гирей сдѣлался крымскимъ ханомъ, тогда, по милости

Божьей, пришла на мысль слѣдующая полная хронограма: Селяметъ-гирей построилъ эту великолѣпную мечеть въ 1153 г. отъ эджиры (т. е. въ 1740 г. по нашему счисленію). Тутъ-же показано, что мечеть эта въ 1763 г. ремонтирована. Кромѣ этой надписи, о времени исправленія мечети есть еще и другія на наружной стѣнѣ и со входа на большой дворъ. Вотъ содержаніе одной изъ нихъ. 2) Да будетъ благословенна починка высокаго Крымъ-гирей-хана. Превосходно то, что угодно Богу! Писалъ эти строки придворный живописецъ Омеръ. 3) Только тотъ строитъ мечети Божьи, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день. 4) Надъ каѳедрою написано: „Мы послали тебя только по милосердію къ мірамъ". 5) Кто вѣруетъ въ предопредѣленіе, тотъ безопасенъ отъ несчастія. О времени исправленія этой мечети русскими, также имѣются надписи, изъ которыхъ древнѣйшая 1810 г.

Всѣ-же остальныя не имѣютъ никакого историческаго значенія и состоятъ или изъ стиховъ корана или восклицаній, восхваляющихъ свойства Аллаха.

За этою мечетью, немногимъ выше комнаты омовенія, находятся нѣкогда восхительныя дворцовыя бани, воздвигнутыя, судя по надписи, Адиль-Сахибъ-гирей-ханомъ въ 1513—15 г. по Р. Х. Въ этихъ баняхъ еженедѣльно, въ зимнее время, парились властители Крыма и цѣлые часы проводили въ передней, покуривая кальяны и наслаждаясь лакомыми блюдами и напитками. Здѣсь блаженствовали всѣ невольницы гарема, составляющія отрадныя мечты бахчисарайской молодежи.

За входомъ на маафиль мечети находится рѣшетчатая дверь съ позолоченною луною, Этими дверьми вступаютъ въ ханское кладбище, до того очаровательное своимъ особеннымъ видомъ, что кажется основатели вѣрно примнились къ послѣднимъ желаніямъ умирающихъ властелиновъ и ихъ ближайшихъ друзей семействъ. Кладбище это, огражденное со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами и большинствомъ прикрытое тѣнью деревъ и виноградною листвою, напоминаетъ семейный склепъ, заботливо

хранимый подъ окнами правнуками какъ-бы съ цѣлью, чтобы покойники чувствовали себя въ своей семьѣ, тамъ гдѣ родились, гдѣ свободно властвовали и блаженствовали, гдѣ любили все и гдѣ были безгранично счастливы. Этого мало, они умирали въ убѣжденіи, что не могутъ быть забытыми здѣсь, что ни кто не осмѣлится произвести хулы надъ ихъ останками и что жены, дѣти и внуки ихъ рано или поздно переселятся къ нимъ съ тѣмъ, чтобы не разлучаться на вѣки. На этомъ роскошномъ кладбищѣ, усѣянномъ большинствомъ прекрасными изъ бѣлаго мрамора памятниками, въ родѣ продолговатыхъ ящиковъ съ противоположными колонами, украшенными сверху изображеніемъ ханской чалмы,—покоятся шестнадцать царствовавшихъ хановъ и до 300 особъ, составлявшихъ ихъ родственниковъ, кормилецъ и ближайшихъ друзей. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ только 114 сохранили надписи. Чтобы познакомить читателя нашего съ содержаніемъ этихъ эпитафій приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ:

Надъ гробницею Сеадетъ-гирея: „Ненавистная судьба зарыла въ землю алмазъ съ нитки рода хановъ Чингисовыхъ. Много алмазовъ было у Сеадетъ-гирея намѣстника Крымскаго. Нынѣ изъ этихъ алмазовъ есть Бахтъ-гирей, султанъ правосудный и умный. Да украшается онъ счастіемъ, пока тотъ (т. е. Сеадетъ) лежитъ въ землѣ. Высокостепенный отецъ его отличался умомъ въ родѣ Чингисовомъ. Да будетъ милосердіе Божіе надъ нимъ и всѣми его предками! Праведные и въ вѣчности царствуютъ! Рабъ Хамди (имя поэта) написалъ годъ его смерти: при такомъ счастіи да возсѣдаетъ онъ на украшенномъ тронѣ въ раю. 1176 годъ отъ эджиры или 1762 по Р. Х.

На второмъ памятникѣ: „Онъ (т. е. Богъ) всегда живъ и вѣченъ! Мудрый Асафъ онъ былъ, въ дѣлахъ военныхъ, лихой наѣздникъ на полѣ брани, геройствомъ превосходилъ родъ Чингисовъ. Самъ Марсъ жаждалъ острія меча его, упитаннаго кровью. Возможно-ли сравнить мужество его съ храбростію Нерімана! Грозный видъ его убивалъ современныхъ тигровъ

прежде нежели онъ величественно, какъ левъ выступалъ на ратное поле. Но покорствуя священному гласу: возвратись!—онъ скончался. Пусть міръ наденетъ трауръ, раздеретъ воротникъ своего платья. Поэтъ Хифзи, прекраснымъ, алмазнымъ полустишьемъ изобразилъ его хронограму: рай Арсланъ-гирей-хану воздаяніе! 1181 г. или 1767 по Р. Х.

На мавзолеѣ Крымъ-гирея: „Онъ (Богъ) всегда живъ, вѣченъ! Война была ремесломъ знаменитаго Крымъ-гирей-хана, глаза голубаго неба не видали ему равнаго. Такъ какъ онъ изъ этой суетной столицы выѣхалъ, то да будетъ ночлегомъ его пріютъ вѣчности. Я Эдинъ (имя поэта) съ молитвой написалъ перлъ его хронограмы. Да царствуешь ты Крымъ-гирей въ вѣчности! 1183 г. (1769 по Р. Х.)

На могилѣ Бегадыръ-аги: „Кто не смотритъ на могильный камень мой глазами разума, тотъ, пока не возвратится къ своему началу, не пойметъ моего положенія. Ради Бога Всевышняго (да совершится) молитва за упокой души усопшаго Бегатыръ-аги, сына Хаджи-баки-аги, мѣсяца джемазіуль-ахира 1188 г. (1773 г.)

На памятникѣ Бегатыръ-гирей-хана: „Сынъ хана Крымскаго. Ахъ! еще младенцемъ отказался отъ жизни и переселился въ царство вѣчности. Эта райская птица, бросивъ суетный міръ, улетѣла какъ-бы ея не бывало; она возвратилась въ садъ духовный и скрылась, подобно птицѣ Гюма, отъ чувственныхъ взоровъ. Да осчастливитъ Богъ родителей его, пока онъ духовно наслаждается удовольствіями въ цвѣтникѣ рая. Я Муджеми (имя поэта) со вздохомъ написалъ годъ его кончины: Бегадыръ-гирей вступилъ въ садъ вѣчности 1177 г. (1763 г.)

Надъ могилою Муратъ-гирей-хана: „Душа его, переходя изъ суетнаго міра въ вѣчность, какъ всегда надѣялась на милосердіе Божіе. Видя бой его съ войскомъ огнепоклонниковъ (маджусъ) ты подумалъ-бы, что по мужеству нѣтъ ему равнаго, что онъ второй кагреманъ. Такъ какъ онъ пожертвовалъ собою въ священной войнѣ изъ любви къ Богу, то да наградитъ его

Богъ и причислитъ къ Кербелайскимъ мученикамъ. Этотъ Крымскій султанъ, Муратъ-гирей-султанъ, съ званіемъ богатыря соединялъ храбрость и щедрость. Да обрадуется онъ жилищемъ райскимъ и мусульманскими гуріями! Когда онъ былъ убитъ, то Пари (имя поэта) тотчасъ написалъ прекрасную его хронограму: да помилуетъ его Богъ и да содѣлаетъ рай его жилищемъ 1170 г. (1753 г. по Р. Х.)

Надъ могилою Ферахъ-султанши: „Онъ (Богъ) творецъ вѣченъ! Ради Бога, молитву за упокой усопшей Ферахъ султанши-ханымъ, дочери покойнаго Селимъ-гирей-хана 1167 г. (1853 г. по Р. Х.)

На памятникѣ калги Селемъ-гирей-ханѣ: „Калга, Селимъ-гирей султанъ, сынъ Арсланъ-гирей-хана говаривалъ: не прилепляйся къ міру, онъ не вѣченъ. Никакой смертный да не обманывается почестями міра, ибо онъ, будетъ-ли то старецъ или юноша, подобно мнѣ, когда нибудь умретъ. 1757 г. по Р. Х.

Описанные нами памятники суть ближайшіе отъ дверей. Послѣдующіе за ними не представляютъ особенныхъ отличій ни по устройству, ни по содержанію надписей. На кладбищѣ этомъ существуютъ двѣ ротонды, въ мавританскомъ стилѣ, въ образѣ домашнихъ мечетей, безъ минаретовъ. Это ничто иное, какъ склепы членовъ царствовавшаго дома. Для обозначенія мѣста покоя каждаго изъ нихъ, выставлены памятники, въ формѣ цѣльныхъ закрытыхъ гробовъ. Гроба эти, во время посѣщенія моего, были закрыты сукнами и у изголовій выставлены кауки съ чалмами. Въ ротондахъ этихъ погребены: Сеадетъ-гирей, Азаматъ-гирей, Ферахъ султанша, Девлетъ-гирей-ханъ, Газигирей-ханъ, Селяметъ-гирей-ханъ, Селимъ-гирей-ханъ, Салихе бикечь, Халимъ-гирей-ханъ. Капланъ-гирей-ханъ, Айша-хани и Хатидже султани. Во второй изъ нихъ: Менгли-гирей-султанъ, Хусанъ-гирей-султанъ, Кара-девлетъ-гирей, Фетхъ-гирей, Девлетъ-гирей-ханъ, Хатидже султанша, Адиль Сагипъ-гирей-ханъ, Мухаметъ-гирей-ханъ, Зейнебъ-бикечь, Фатима-султанша и Девлетъ-гирей-ханъ. По преданіямъ татаръ, въ ротондахъ

этихъ клались только тѣ изъ рода Чингисъ-хана, которые прославились особенными благодѣяніями и религіознымъ усердіемъ *). По выходѣ изъ кладбища и продолжая путь тѣмъ-же направленіемъ вверхъ, проходишь жилища лучшей ханской стражи, извѣстныхъ подъ именемъ каракалпаковъ (черныхъ шапокъ), бани, сараи и конюшни. Постройки эти заканчиваются такою-же бесѣдкою или теремомъ, какъ и надъ главными воротами. Отсюда выходишь на небольшой дворикъ, сообщающійся съ отдѣльнымъ небольшимъ кладбищемъ, къ монументу прославленной любимицы Крымъ-гирей-хана Далира-бикечь, той самой, въ честь которой воздвигнута Ешиль-джами и лучшій изъ фонтановъ ханъ-серая, или той, которая окрещена Пушкинымъ въ Марію Потоцкую. У этой оконечности ханскаго подворья красуется, восхитительно устроенный въ азіятскомъ вкусѣ, фонтанъ, въ память посѣщенія этого дворца Императоромъ Александромъ I-мъ въ 1818 году. Теперь обратимъ наше вниманіе на ханскіе покои, расположенные по правую сторону двора при входѣ съ улицы. Они состоятъ изъ обширнаго зданія въ два этажа, въ центрѣ котораго вставлены красные ворота, для входа въ царскій дворъ. Ворота эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣляютъ нижній этажъ на двѣ половины. Съ правой стороны ихъ находится рѣшетчатая постройка, памятная старожиламъ по разсказамъ ихъ отцевъ тѣмъ, что ханы бросали отсюда народу деньги, въ то время, когда онъ собирался сюда привѣтствовать съ возшествіемъ на престолъ, съ побѣдою, новорожденнымъ сыномъ или годовыми праздниками. Отсюда любовались эти-же ханы, не бывъ замѣченными, джигитовкою тѣлохранителей или гвардейцевъ своихъ, почти еженедѣльно по пятницамъ, слушали знаменитыхъ пѣвцовъ, туристовъ и наслаждались штуками акробатовъ и страстныхъ въ тѣлодвиженіяхъ баядерокъ. Тамъ-же подъ воротами, по лѣстницѣ входишь въ столовую и собствен-

*) При этихъ склепахъ или тюрбе, при ханахъ, состояло два смотрителя съ двумя привратниками, получавшими по 144 р. въ годъ жалованья.

ную канцелярію хановъ. Комнаты эти не однажды уже передѣланныя внутри, къ сожалѣнію, не представляютъ ничего такого, что могло-бы опредѣлить ихъ дѣйствительное назначеніе. При всемъ этомъ, въ нихъ пировали самые отчаянные властители Крыма, съ своими смѣлыми вассалами беями и здѣсь подписывали грозные набѣги на россійскія владѣнія, задуманные внезапно, быть можетъ за обѣденнымъ столомъ, послѣ излишней чарки муселеса *) или мастики, доставленной въ подарокъ изъ Константинополя.

Нижній этажъ этого дворца, раздѣленный узкимъ корридоромъ, заключаетъ въ себѣ до 10 комнатъ, предназначенныхъ для жительства придворныхъ служителей, состоявшихъ преимущественно изъ турокъ, татаръ и черкесовъ. Всѣ они оставались здѣсь до того времени, пока были холостыми. Отъ стеклянной стѣны этого этажа существуетъ выходъ на небольшой дворъ съ другою постройкою. Отсюда вступали въ прекрасную комнату государственнаго дивана и канцелярію его, надъ дверями которыхъ написано: „Двери дивана (сооружены) Селяметъ-гирей-ханомъ, сыномъ Хаджи Селимъ-гирей-хана 1156 г. (1742 г. по Р. Хр.)“. Комната эта соединяетъ въ себѣ всѣ священныя воспоминанія татаръ. Здѣсь былъ верховный судъ, судившій обвиняемыхъ по всѣмъ строгостямъ магометанскаго шираата; здѣсь, въ лицѣ важнѣйшихъ сановниковъ ханства и представителей 5 княжескихъ родовъ, обсуждались всѣ дѣла, касающіяся благосостоянія царства; сюда вступали, прежде всего опоясанные въ Стамбулѣ саблею царствованія, избранные на это потомки Чингисъ-хана, отсюда выносились постановленія о сборѣ войска и здѣсь объявлялись сверженными съ престола тѣ изъ гиреевъ, которые возстановляли противъ себя гордыхъ и честолюбивыхъ вассаловъ своихъ: беевъ и мурзъ, къ которымъ привязанъ былъ простолюдинъ, обитатель ихъ земли. По словамъ одной изъ 110-лѣтнихъ старухъ, служившихъ при ханскомъ двор-

*) Муселезомъ татаре именуютъ сваренное, предварительно броженія, вино.

цѣ, встрѣтившихся со мною 20 лѣтъ тому назадъ, въ этомъ диванѣ въ послѣдній разъ, Шагинъ-гирей-ханъ собралъ всѣхъ почти дворянъ и ученыхъ муллъ, съ цѣлью обсудить положеніе распадающагося царства, но только что онъ заговорилъ, какъ на него посыпались со всѣхъ сторонъ упреки, за тѣ противорелигіозныя нововведенія, которыя приличны гяурамъ. Его осуждали за то, что онъ отпустилъ себѣ волосы и принялъ для ношенія отъ московской царицы крестъ—символъ христіанства. Оскорбленный ханъ разразился гнѣвомъ и поклялся наказать ослушниковъ своихъ, но вмѣсто ожидаемыхъ извиненій, присутствовавшіе единогласно отвѣчали, что они предпочтутъ умереть рабами русскихъ съ сохраненіемъ правилъ и обычаевъ наслѣдственныхъ, чѣмъ повиноваться хану, у котораго „*на затылкѣ волосы, а спереди крестъ* *)“. Старуха эта сообщила мнѣ и имена главнѣйшихъ лицъ, собранныхъ на этотъ день.

Изъ комнаты дивана есть выходы въ фонтанную и на цвѣтникъ. Въ комнатѣ этой, на двухъ противоположныхъ сторонахъ, красуются два великолѣпныхъ фонтана, созданныхъ Крымъ-гирей-ханомъ и Капланъ-гиреемъ. На лѣворучномъ отъ входа сохранилась слѣдующая надпись: „Слава Всевышнему! лице Бахчисарая опять улыбнулось; милость великаго Крымъ-гирея славно устроила. Неусыпными его стараніями вода напоила эту страну, а при помощи Божьей, онъ успѣлъ-бы сдѣлать еще и больше. Онъ тонкостію ума нашелъ воду и устроилъ прекрасный фонтанъ. Если кто хочетъ повѣрить, пусть придетъ: мы сами видѣли Дамаскъ, Багдадъ. О, шейхи, кто будетъ утолять жажду, пускай самъ кранъ языкомъ своимъ скажетъ хронограму: приди! пей воду чистѣйшую, она приноситъ исцѣленіе“. Тамъ-же внизу другая надпись: „Тамъ, въ райскомъ саду праведные будутъ пить воду изъ источника, называемаго Сельсебиль“.

На фонтанѣ, расположенномъ направо отъ входа, сдѣланы слѣдующія надписи: „Капланъ-гирей-ханъ, сынъ Хаджи Селя-

---

*) Буквальный переводъ фразы.

метъ-гирей-хана, да помилуетъ Богъ его и родителей его. 1140 годъ. (1733 по Р. Хр.). Тамъ-же: „И напоилъ ихъ (райскихъ юношей) Господь напиткомъ чистымъ“.

Вотъ преданія, переданныя мнѣ относительно устройства этихъ двухъ фонтановъ, названныхъ *плачущимъ* и *золотымъ*. „Однажды Крымъ-гирей-ханъ, обошедши гаремъ свой, потребовалъ евнуха и сказалъ ему: нашъ цвѣтникъ завялъ настолько, что я не слышу въ немъ никакого запаха. Пора-бы тебѣ позаботиться доставить мнѣ лучшее изъ удовольствій. Я знаю, на Кавказѣ обитаетъ христіанскій народъ, женщины котораго ничѣмъ не хуже райскихъ гурій. Вотъ, еслибъ ты досталъ-бы мнѣ одну изъ этихъ красавицъ. Евнухъ, преклонивъ колѣно предъ повелителемъ, вышелъ на дворъ и, собравъ толпу смѣлыхъ и отчаянныхъ джигитовъ, обѣщалъ имъ всевозможныя награды, если имъ удастся похитить наилучшую изъ христіанокъ для гирея. Джигиты потребовали путевыя издержки и, раздѣлившись на два отряда, выѣхали изъ Бахчисарая; часть ихъ направилась къ польскимъ границамъ, а другая къ черкесамъ, въ сосѣдствѣ которыхъ, по словамъ хана, обитали прекрасныя христіанки. Мѣсяцъ спустя, въ гаремъ гирея доставлены были двѣ прекраснѣйшія дѣвицы, схваченныя джигитами на дорогахъ. Одна изъ нихъ была польскаго происхожденія, именовавшаяся дочерью бея (князя), другая царевною Грузіи. Когда увидѣлъ Крымъ-гирей польку, къ которымъ издавна чувствовалъ симпатію, онъ до того очаровался ею, что приказалъ немедленно перевести въ отдѣльныя отъ прочихъ женщинъ комнаты и окружить ее всевозможною роскошью. Съ этихъ поръ, всѣ досужные часы свои, ханъ проводилъ съ христіанкою, получившею названіе Далира-бикечь *). Все, что требовала эта неподражаемой красоты женщина — все было закономъ для хана и дворцовыхъ служителей. Неизмѣняя религіи, она сохранила наслѣд-

*) Бикечь на монгольскомъ языкѣ—дѣвственница или дѣвица; но вслѣдствіе чего эту, повидимому, хитрую самозванку назвали Далирою, т. е. несуществующимъ ни у поляковъ, ни у татаръ именемъ—мы не могли узнать.

ственную свободу и привычки и въ тоже время господствовала надъ ханомъ, неподдаваясь его страстямъ. Между тѣмъ, властитель, валяющійся у ногъ ея, съ каждымъ днемъ изнемогалъ въ безумной любви. И вотъ, однажды, отчаявшійся Крымъ-гирей вошелъ къ Далирѣ и обвивъ трепещущими руками ея восхитительный станъ, сказалъ: „Далира, ты принадлежишь къ неблагодарному племени; я сдѣлалъ для тебя все, что можетъ дѣлать безумно влюбленный государь, я забылъ чрезъ тебя мое царство, дѣтей и блага будущей жизни. Ты единственная женщина, съ которою я ласково говорилъ и предъ прихотью которой унижался; но ты не хочешь быть моею отрадою; насильственно пользоваться твоими прелестями, при той любви, которою наполнена моя душа, я не могу. Довольно мнѣ страдать, я рѣшился потерять тебя изъ виду, чтобы сохранить первобытное спокойствіе: ты сегодня-же будешь возвращена на родину, гдѣ, быть можетъ, тоскуетъ по тебѣ избранный единовѣрецъ, другъ дѣтства. Богъ съ тобою, красавица!“ Сказавъ это, ханъ выпустилъ ее изъ объятій и хотѣлъ уйти. Только въ эту минуту полька опомнилась и съ распростертыми объятіями бросилась къ печальному владыкѣ. Съ этого дня между ханомъ и Далирою почти не было разлуки. Всѣ съ изумленіемъ говорили о любви хана къ гяуркѣ, которая готовится къ пріему ислама, чтобы сдѣлаться женою его. Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что Далира заболѣла, а нѣсколько дней спустя, что она умерла и безутѣшный ханъ, приказавъ похоронить ее въ одномъ изъ дворовъ сераля, воздвигъ, во искупленіе ея грѣховъ, зеленую мечеть, а предъ комнатою дивана—фонтанъ, который-бы представлялъ подобіе вѣчно-плачущаго человѣка. Съ этихъ поръ лице хана никогда не улыбалось и единственнымъ развлеченіемъ его была война, гдѣ онъ искалъ смерти, чтобы скорѣе соединиться съ тою, которая доставляла ему райскія наслажденія“.

Замѣчательный фонтанъ этотъ дѣйствительно напоминаетъ плачь, сокрушеннаго тоскою человѣка и кажется есть единственный въ подобномъ родѣ изобрѣтательности. Видъ его слѣ-

дующій: на громадной каменной плитѣ, мастерскою рукою ваятеля, вырѣзано нѣсколько десятковъ полукруглыхъ чашечекъ, расположенныхъ въ строгой симметріи одна подъ другою. Въ верхнюю проведена едва примѣтная струя воды. Съ этой чашечки вода падаетъ каплями въ двѣ послѣдующія, изъ этихъ въ другія и т. д. Такимъ образомъ всѣ чашечки наполняясь водою, не перестаютъ въ одно и тоже время съ краевъ своихъ извергать капли алмазныхъ слезъ. Народъ прозвалъ этотъ фонтанъ *Гіяшъ чешме*, т. е. фонтаномъ слезъ, а Пушкинъ, вдохновленный его видомъ и таинственнымъ переливаніемъ каплями воды, написалъ поэтичное сочиненіе подъ заглавіемъ: Бахчисарайскій фонтанъ, гдѣ прелестная Далира-бикечь является подъ именемъ Маріи Потоцкой.

Второй фонтанъ прозванъ Магзубъ или золотой, потому что онъ былъ вызолоченъ сверху до низу. По словамъ старухи, жившей при дворцѣ, о немъ разсказывали слѣдующее. Однажды Капланъ-гирею, остановившемуся на этомъ мѣстѣ въ глубокой задумчивости, представился таинственный дервишъ и сказалъ: „Ты мечтаешь о богатствѣ и славѣ, а въ книгѣ судьбы твоей написано, что скоро нагрянутъ на твой золотопрестольный градъ Московы и ты вслѣдъ затѣмъ лишишься престола. Я приказываю тебѣ раскаяваться и помнить мои слова. „Дервишъ исчезъ, и ханъ, чтобы ни на минуту не забывать страшнаго предсказанія, приказалъ воздвигнуть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ таинственный пророкъ, фонтанъ, изъ котораго только и пилъ воду до той минуты пока въ точности сбылось предопредѣленное Аллахомъ“. Изъ фонтанной входятъ въ маленькую домашнюю мечеть, въ которой молились ханы въ ненастныя погоды и по ночамъ въ теченіи мѣсяца ураза. Дальше находится увеселительная пристройка съ фонтаномъ и разноцвѣтными стеклами. Сюда въ жаркіе дни собирались члены дивана для освѣженія. Отсюда выходъ къ цвѣтнику, въ центрѣ котораго обширный водоемъ, вымощенный плитами и окруженный нѣжными растеніями. Водоемъ этотъ прикрытъ отъ лучей солнца

виноградною листвою. По предположенію старожиловъ, въ немъ купались наложницы хана; а онъ, повелитель, въ это время разсматривалъ ихъ станы изъ небольшой рѣшетчатой бесѣдки, пристроенной къ покоямъ своимъ.

Теперь вступимъ въ ханскія комнаты, расположенныя во второмъ этажѣ, къ которымъ подходили по лѣстницѣ изъ подъ воротъ. Первая обширная комната, въ которую вступаетъ посѣтитель, была пріемною властителей Крыма. Въ роскошной комнатѣ этой, сохранявшей первобытную меблировку и украшенія потолка и стѣнъ, обѣдала завоевательница Тавриды и всѣ царствовавшіе послѣ нее монархи Россіи, посѣтившіе Крымъ. Изъ пріемной этой идутъ двери во всѣ остальныя отдѣленія дворца, и именно: на небольшой дворъ къ кухнямъ; въ двѣ комнаты, именуемыя царскими, въ память пребыванія въ нихъ Императора Александра Благословеннаго. Комнаты эти, меблированныя атласными софами и персидскими коврами, а стѣны дорогими турецкими матерьями, предназначены были для почивальни хановъ. Изъ нихъ, чрезъ темную комнату, вступали въ уборную и цирульню. Въ послѣдующихъ затѣмъ двухъ комнатахъ, повидимому, находились очередные слуги и постоянные хранители властителя. Затѣмъ слѣдовалъ выходъ на рѣшетчатый корридоръ, обращенный къ городу и къ комнатамъ, предназначеннымъ для пословъ. На право отъ цирульной, комната, убранная бархатомъ съ серебрянымъ шитьемъ, при ханахъ, служила пріемною для друзей и родственниковъ. Въ комнатѣ этой почивалъ, при первомъ посѣщеніи Тавриды въ 1837 году, нынѣ царствующій Государь Императоръ. Дальше сходъ въ роскошную бесѣдку, гдѣ ханы пили кофе. Изъ большой пріемной вступаешь въ комнаты, гдѣ пробыла въ 1787 году, двое сутокъ, Императрица Екатерина. Комнаты эти, съ рѣзными позолоченными потолками и великолѣпными диванами, покрытыми бѣлымъ атласомъ, сохраняютъ до настоящаго времени ложе царицы-побѣдительницы и собственноручныя подписи всѣхъ царственныхъ посѣтителей ханъ-серая. По разсказамъ старухи,

жившей въ молодости при этомъ дворцѣ, въ этихъ комнатахъ ханы предавались семейнымъ наслажденіямъ; здѣсь совершались таинства религіозныя надъ дѣтьми и прочитывался коранъ за здравіе и благоденствіе членовъ царствующаго дома. Изъ нихъ входишь въ двѣ комнаты, гдѣ, по преданію, обитала Далира-бикечь. Въ одной изъ нихъ, софы покрыты голубымъ атласомъ, а въ другой оранжевымъ сукномъ, окаймленнымъ такого-же цвѣта атласомъ. Въ комнатахъ этихъ, на стѣнахъ изображены были красками цвѣты и различныя фигуры восточнаго воображенія. Отсюда переходишь въ другое отдѣленіе дворца, вступая въ мало-освѣщенную комнату надъ диваномъ. Преданіе говоритъ, что сюда тайкомъ входили ханы, чтобы подслушивать пренія и постановленія высшихъ сановниковъ царства, для того, чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія, остановить или предупредить ихъ заблужденія, предварительно приговора, пользующагося правиломъ неизмѣнности. Дальше слѣдуетъ кабинетъ Крымъ-гирей-хана, самая роскошная изъ всѣхъ комнатъ, съ лѣпными украшеніями и нижеслѣдующею надписью вдоль карниза: „Да наслаждается ежеминутно шахъ при милости Божьей удовольствіями, да продлитъ Господь жизнь его и счастіе! Крымъ-гирей-ханъ, сынъ высокостепеннаго Давлетъ-гирея, источникъ мира и безопасности, правитель мудрый. Смотри! вотъ державная его звѣзда взошла на горизонтѣ славы и освѣтила цѣлый міръ. Краса Крымскаго престола, повелитель великаго царства, рудникъ кротости и великодушія, тѣнь милости Божіей. Друзья его—щедрость и великодушіе. Покровитель природныхъ дарованій, щедрый до расточительности: богатые и нищіе тому свидѣтели. Да ослѣпляетъ Господь солнцемъ особы его зрѣніе враговъ. Благоволеніе Божіе къ Крымъ-гирею доказывается тѣмъ, что милостивая тѣнь этого благоволенія, радость вѣка его осѣнила вселенную удовольствіемъ. Смотри! этотъ увеселительный дворецъ, созданный высокимъ умомъ хана, оправдываетъ мою хвалебную пѣснь. Это зданіе его радушіемъ, подобно солнечному сіянію, озарило Бахчисарай. Смотря на живописную

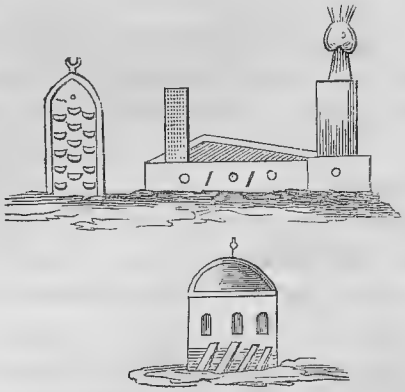
картину дворца, ты подумаешь, что это обитель гурiей, что красавицы сообщили ему прелесть и блескъ, что это нитки морскаго жемчуга, неслыханный алмазъ. Смотри! вотъ предметъ золотаго (пера). Китайскiй мани, смотря на этотъ дворецъ, одобрилъ бы и выборъ рисунка и отличную отдѣлку картинъ. Кругомъ дворца свѣжiе лилiи, розы, гiяцинты. Садъ разумно расположенный говоритъ какъ-бы языкомъ; новая мысль эта разцвѣла въ цвѣтникѣ души. Любовникъ розы-соловей палъ-бы къ праху ногъ сада, еслибъ его увидѣлъ. И такъ, если привлекательное это мѣсто мы назовомъ какъ и слѣдуетъ: рудникомъ радости, то каждое на него возрѣнiе будетъ волнующимся моремъ наслажденiя. Рабъ придворнаго праха, будучи, какъ-бы тѣнью знатности въ правленiе Крымъ-гирей-хана (да будетъ дворъ правосудiя его открытъ и счастливъ!) любя его душевно и сознавая въ себѣ даръ попугая такъ воспѣлъ его увеселительный дворецъ".

Кабинетъ Крымъ-гирея сообщался съ комнатою, названною Царьградскою, вслѣдствiе того, что на всѣхъ стѣнахъ и на потолкѣ изображены были виды Босфора. Изъ комнаты этой, драпированной оранжевымъ сукномъ, ханъ любовался на многочисленныхъ одалычекъ своего гарема, въ которой ведетъ узкая лѣстница. Между этими комнатами находится довольно значительное пространство, раздѣленное ширмами на подобiе комнатъ, въ которыхъ вѣроятно обитала стража или чередные пажи. Затѣмъ слѣдовалъ гаремъ, состоявшiй нѣкогда изъ (73-хъ) комнатъ, изъ которыхъ сохранилось теперь только три, съ прекрасною стеклянною бесѣдкою, съ вѣчно журчавшимъ внутри ея фонтаномъ и надписью: „О, отворяющiй двери, отвори намъ наилучшую дверь". Гаремный дворъ огражденъ со всѣхъ сторонъ каменною стѣною, приблизительно въ 10 аршинъ вышиною, въ окружности имѣетъ до ста саженъ. Изъ него женщины могли выходить свободно въ дворикъ Соколиной башни, господствовавшей надъ городомъ и въ садъ, гдѣ также была бесѣдка съ фонтаномъ и обширнымъ водоемомъ.

Сказанное нами о Бахчисарайскомъ дворцѣ, естественно, не можетъ воспроизвести тѣхъ ощущеній изящнаго, которыя получаешь при осмотрѣ его. Имѣя подобный памятникъ геніальности архитекторовъ, весьма памятнаго для насъ господства въ Крыму татаръ, мы, сокрушители ихъ, обязаны, для славы и гордости нашей, сберегать этотъ дворецъ въ такомъ точно видѣ, какимъ онъ достался Россіи, чтобы отдаленныя поколѣнія наши, имѣя предъ собою хоть одинъ памятникъ татаро-монгольскаго владычества въ Европѣ, видѣли-бы, что представители его пользовались изящнымъ вкусомъ и понимали наслажденія, которыми суждено было ограничивать самую прихотливую и сластолюбивую натуру гордыхъ и счастливыхъ Гиреевъ, основавшихъ свое гнѣздо подобно Маврамъ въ Испаніи, на неменѣе счастливой по положенію классической почвѣ Тавриды.

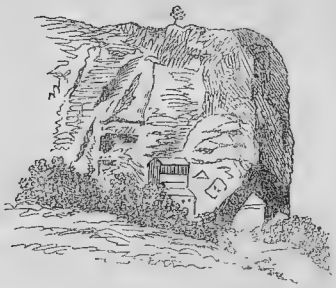
Послѣдующими древностями въ Бахчисараѣ и ближайшихъ окрестностяхъ его считаются: Тюрьбе или гробница, сооруженная въ Салачикѣ какъ видно по надписи въ 1501 г. Менгли-гиреемъ надъ прахомъ отца своего Хаджи-гирей-хана. Тамъже мечеть и медресе съ надписью, свидѣтельствующею о посѣщеніи ея этимъ ханомъ и о сооруженіи въ 1500 г. Въ Азизѣ и Эски-Юртѣ останавливаютъ вниманіе гробницы съ слѣдующаго рода эпитафіями: „пріютъ этотъ воздвигнутъ по приказанію Мухаметъ-шахъ-бея для матери своей Бевиде султанши, дочери Аджаганъ-бея“. На второй: „эта гробница покойной блаженной мученицы дочери Шахъ-нуръ-хана сына Махмута Крымскаго, да пребудетъ надъ ними милосердіе Всевышняго Аллаха“. Затѣмъ слѣдуетъ Ешильджами воздвигнутая въ 1764 г. и т. п.

Покончивъ описаніе дворца, мы представимъ рисунки прославленнаго фонтана слезъ и нѣкоторыхъ изъ надгробныхъ памятниковъ надъ могилою Крымъ-гирей-хана и другихъ, очерки мечети на азисѣ, окрестнаго Чуфутъ-кале съ Іосафатовою долиною Успенской скалы и ротонды въ память Нанекеджанъ-ханымъ:

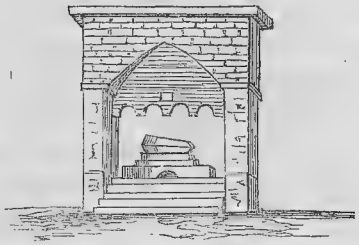


Мечети.

Чуфутъ-кале.



Скала Успенскаго монастыря.



Ротонда Ненекеджанъ-ханымъ.

Чтобы ближе познакомить читателя нашего съ памятникомъ Ненекеджанъ-ханымъ, мы обязаны сказать о немъ и вообще о Чуфутъ-кале нѣсколько словъ:

Коллосальная возвышенность Чуфутъ-кале, имѣющаго продолговато-круглую форму, окаймленная у вершины массою известняка, составлявшаго почву всей его вершины, представляетъ замѣчательное произведеніе силы водъ, отдѣлившихъ этотъ гигантскій холмъ въ 2 т. футовъ вышины надъ уровнемъ моря, въ $1^1/_2$ версты длиною и до 150 саженъ шириною, глубокими оврагами отъ сосѣдственныхъ горъ. Слѣды этого дѣйствія и теперь ясны въ полосахъ, углубленіяхъ и различнаго рода признакахъ, нарѣзанныхъ повсюду въ этихъ мѣстахъ волнами на

громадныхъ пластахъ мягкаго камня въ окаменѣлостяхъ, представляющихъ виды черепахъ, ракушекъ и т. п. водяныхъ животныхъ. Однако не въ этомъ только состоитъ извѣстность Чуфутъ-кале: онъ славенъ какъ первобытное жилище человѣка, какъ крѣпость, устроенная природою и доведенная людьми до совершенства и не такъ давно еще городъ караимовъ, чтимый вторымъ послѣ Іерусалима. Кромѣ этого, въ немъ останавливается наше вниманіе на одномъ изъ монументовъ, воздвигнутыхъ 438 лѣтъ тому назадъ Тохтамышъ-ханомъ надъ прахомъ дочери своей Ненекеджанъ-ханымъ, умершей, какъ гласитъ надгробная надпись, въ рамазанѣ 841 года послѣ эджиры, т. е. въ 1437 году по нашему счисленію. Памятникъ этотъ, сохранившійся до настоящаго времени въ отличномъ видѣ, извѣстенъ на мѣстѣ подъ именемъ *тюрбе* или Ненекеджанъ-мезары, имѣетъ видъ часовни или ротонды, построенной въ мавританскомъ вкусѣ. Онъ находится почти въ центрѣ верхней плоскости кале за стѣною, раздѣляющею этотъ воздушный островъ на двѣ половины, соединяющіеся воротами, называемыми *Орта-хапу*, т. е. средними. Въ тюрбе ведутъ нѣсколько каменныхъ ступеней прекрасной отдѣлки, огражденныя стѣнами, служащими въ видѣ протяженія отъ круглой постройки; стѣны эти не имѣютъ никакого дѣйствительнаго назначенія, но поставлены въ родѣ колоннъ, обозначающихъ входъ или просто для украшенія фасада постройки. За стѣнами этими, съ вершины часовни до земли, идутъ каменные жолоба, по которымъ сливается дождевая вода съ кровли. Я не могъ не удивиться, смотря на искусство выдѣлки ихъ. Вошедшій въ тюрбе замѣчаетъ на возвышенности прекрасно отдѣланный гробъ, совершенно сходственный съ нашими, длиною $2^1/_2$ арш., шириною $1^1/_4$ арш. и вышиною $^3/_4$ арш. Такъ какъ онъ выдѣланъ изъ цѣльнаго камня и представленъ закрытымъ, то многимъ покажется, что въ немъ хранится пепелъ ханымши; но она покоится подъ спудомъ зданія и, судя по образовавшемуся, вѣроятно отъ времени, отверстію, можно полагать, что въ склепѣ. Гробъ этотъ, поставлен-

ный, безъ сомнѣнія, надъ самымъ прахомъ усопшей, представленъ стоящимъ на 6-ти плитахъ все болѣе и болѣе съуживающихся къ верху въ родѣ ступеней. Онъ имѣетъ видъ бѣлаго мрамора, потемнѣвшаго отъ времени, но въ дѣйствительности вырубленъ изъ известняка. Главнѣйшее украшеніе его составляютъ рельефныя надписи изъ корана, относительно спасенія души, которыми онъ положительно исписанъ весь съ замѣчательною аккуратностію и симметріею буквъ.

Вопросъ, какимъ образомъ очутилась здѣсь могила дочери Тахтамышъ-хана до переселенія крымскихъ гиреевъ въ Бахчисарай — невольно занимаетъ всѣхъ любознательныхъ посѣтителей Чуфутъ-кале, привыкшихъ думать, что мѣстность эта единственно была занимаема караимами. Разыгравшееся воображеніе у нѣкоторыхъ изъ писателей, жаждущихъ видѣть во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстахъ Крыма поэтическія или романическо-героическія сцены, создало по этому поводу слѣдующія преданія, будто бы взятыя ими изъ устъ народныхъ, но въ сущности ими навязанныя впечатлительному народу. Сказки эти слѣдующаго рода: 1) „Когда генуэзцы рѣшились завладѣть естественнымъ укрѣпленіемъ Чуфутъ-кале и подступили къ нему, престарѣлый Тохтамышъ-ханъ, по убѣжденію одного изъ духовниковъ, поручилъ начальствовать надъ войсками своими дочери своей Ненекеджанъ-ханымъ, которая и одержала надъ непріятелемъ блистательную побѣду. Впослѣдствіи отецъ открылъ, что убѣждавшій его духовникъ имѣлъ преступную связь съ дочерью его, героинею, и за то убивъ ее своеручно, воздвигъ надъ нею памятникъ. 2) Въ Чуфутъ-кале обиталъ одинъ изъ генуэзскихъ принцевъ, который, увлекшись красотою Ненекеджанъ-ханымъ, похитилъ ее изъ родительскаго дома и жилъ съ нею въ этой неприступной крѣпости до тѣхъ поръ, пока она умерла“ и т. п.

Исторія сохранила намъ всѣ почти походы и враждебныя дѣйствія генуэзцевъ въ Крыму, но въ ней нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы этотъ приморскій народъ, когда-либо старался имѣть факторію или укрѣпленіе внутри полуострова, вдали отъ

столицы и вообще промышленныхъ пунктовъ. Послѣ долговременной войны съ ханами, прекращенной въ 1383 году, генуэзцы могли-бы воспользоваться всѣми желательными выгодами на полуостровѣ, но они предпочли получить береговое пространство до Балаклавы, выговоривъ право пасти свои стада на лугахъ, принадлежавшихъ татарамъ, и свободно разъѣзжать и торговать по кипчакскимъ владѣніямъ. Слѣдовательно несправедливость первой легенды доказывается исторіею и тѣмъ, что въ надгробной надписи нѣтъ ни малѣйшаго намека, могущаго породить какое-либо героическое заключеніе.

Вѣрнѣе всего то, что Тохтамышъ-ханъ, подобно и послѣдующимъ ему властителямъ Крыма, проживалъ въ Чуфутъ-кале. Кромѣ историческихъ подтвержденій объ этомъ, мы видимъ здѣсь развалины мечети, надгробныхъ камней и другихъ слѣдовъ пребыванія мусульманъ съ ихъ царственными особами въ смутныя времена: здѣсь скрывались Эминекъ-Бекъ, Менгли-гирей и Саипъ-гирей-ханы, въ то время, когда гибель ихъ казалась неизбѣжною. Спасительное, по недоступности своей, положеніе Чуфутъ-кале, намъ кажется, даже подало ханамъ идею къ перенесенію резиденціи своей на мѣсто нынѣшняго Бахчисарая, удаленнаго отъ моря и не представляющаго никакихъ другихъ удобствъ для торговли и промышленности, за исключеніемъ избытка водяныхъ ключей.

Смерть Ненекеджанъ-ханымъ благоразумные татаре приписываютъ естественнымъ причинамъ и улыбаются созданнымъ христіанами легендамъ, какъ несоотвѣтствующимъ ихъ понятію о возможности, довѣрять лицамъ женскаго пола поле битвы и власти повелѣвать воинами. Они скорѣе допускаютъ возможность похищенія этой ханымпи какимъ-нибудь любовникомъ, съ цѣлью насильственнаго бракосочетанія съ нею, вслѣдствіе чего раздраженный отецъ, не допустивъ ей возвращенія къ себѣ, не согласился даже послѣ смерти, на перенесеніе тѣла ея на кладбище прародителей.

За чуфутъ кале въ 4 или 5 верстахъ находится извѣстная скала Тепе-Керменъ, которую мы уже описали.

Самое интересное въ Тепе-керманѣ это церковъ, въ которой отправлялось богослуженіе. При храмѣ этомъ какъ и при другихъ, основанныхъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства, сохранились кимитиріи или каменные ящики, куда переносились кости покойниковъ.

Для пополненія очерка древностей Бахчисарайской округи, намъ слѣдуетъ сказать, что къ западу отъ города есть мѣстность, которая до настоящаго времени именуется Эски-юртъ т. е. старое или первобытное обиталище. Нѣтъ сомнѣнія, что Монголо-татаре, предварительно переселенія въ Бахчисарай, имѣли здѣсь свой юртъ, отъ котораго къ сожалѣнію не оставили никакихъ историческихъ слѣдовъ.

Изъ монетъ, отысканныхъ въ Бахчисараѣ, мѣстной чеканки, старѣйшая относится къ 1652 году. Впрочемъ что касается монетъ, то мы должны замѣтить, что таковыхъ не найдено, начиная отъ Гази-гирея, сына Мегеметъ-гирея до Сагибъ-гирей-хана, сына Ахметъ-гирея.

Къ Юго-западу отъ Бахчисарая находятся качикальенскія искусственныя пещеры, съ источникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Св. Анастасіи. Мы имѣли уже случай говорить объ этихъ скалахъ. Добавимъ только, что любопытные и здѣсь, повыше теперешней церкви, среди обломковъ скалъ, поросшими деревьями, найдутъ развалины стараго храма съ подземныхъ сводами и много надгробныхъ камней съ изображеніемъ на нихъ крестовъ греческой формы. Качи-кальенскія скалы, въ виду прелестной долины, производятъ отрадное впечатлѣніе, но увы, скалы эти быстро разрушаются и кажется близко то время, когда въ нихъ сокрушатся всѣ слѣды обители и трудовъ человѣка.

Такъ какъ первые поселенцы Тавриды селились преимущественно при рѣкахъ и источникахъ, то мы перейдемъ къ послѣдующей затѣмъ рѣкѣ Алма и прослѣдимъ за берегами ея. Первымъ современнымъ намъ поселеніемъ въ сосѣдствѣ истока

Алмы является Бешуй и къ Югу отъ него чрезъ гору, дер. Куушъ. Названія эти чисто татарскія и въ переводѣ первое означаетъ: *пятидоміе*, а послѣднее: *пустота*. Что какъ одно такъ и другое небыли оставлены древними безъ замѣчанія, это доказывается развалинами замковъ, находящихся въ прилегающихъ къ нимъ горахъ и именно въ Бешуйской округѣ *Сарысапъ*-(желтый-корень) *керменъ*, при которомъ видны слѣды христіанскаго храма, а въ Куушинской на Керменъ-каѣ не только слѣды укрѣпленія, но и могилъ греческой формы, т. е. подобныхъ въ Байдарской долинѣ и другихъ мѣстахъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи Алмы, къ западу, находится татарская деревушка Улаклы, гдѣ существуютъ слѣды отъ большой постройки, которые по мнѣнію туземцевъ принадлежатъ къ начатому и недоконченному дворцу одного изъ крымскихъ хановъ. Затѣмъ на берегу рѣки деревня Базарчикъ, получившая названіе свое вѣроятно отъ нѣкогда бывшаго здѣсь рынка татаръ. За Базарчикомъ слѣдуетъ Алма-керменъ (крѣпость Алмы). На примыкавшей къ селенію этому горѣ встрѣчаются остатки отъ стѣнъ, которые, судя по названію этой мѣстности татарами, принадлежали укрѣпленію. По преданію татаръ, въ Алма-керменской округѣ ханы имѣли свой загородній домъ, который навѣщали только тогда, когда выѣзжали на зайчью охоту.

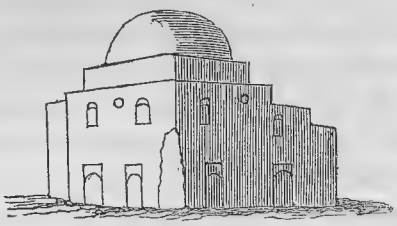
Послѣдующая рѣка Булганакъ, начиная отъ истока, также мѣстами представляетъ слѣды древнихъ жилищъ человѣка, такъ напр. въ Ташъ-ярганѣ (треснувшій камень), по убѣжденіямъ караимовъ, впервое жили ихъ предки, откуда и переселились на Мангупъ и Чуфутъ-кале; а въ Ягмурчѣ до настоящаго времени существуютъ слѣды отъ древняго укрѣпленія. Далѣе слѣдуютъ селеніе Бадракъ (отъ слова Бардакъ) въ сосѣдствѣ котораго на скалѣ Бакла находятся искусственныя пещеры и углубленія въ массѣ камня въ подобіи татарскихъ *бардаковъ* или кувшиновъ, вслѣдствіе чего надо полагать и деревня эта получила настоящее свое имя. Бадракскія пещеры не представляютъ ничего особеннаго; большинство изъ нихъ разрушены. Замѣ-

чательно только, что и здѣсь въ одной полуразрушившейся можно узнать христіанскій храмъ.

По теченію Салгира первымъ древнимъ мѣстопребываніемъ грековъ является деревушка Аянъ, правильнѣе Ай-янъ (Св. Іоаннъ), безъ сомнѣнія названная татарами по развалинамъ храма въ честь этого святаго; здѣсь также существуютъ старинной формы гробницы. Невдали отъ Аяна на высотѣ Палатъ-горы, извѣстной подъ именемъ Клисе-бурунъ (церковный носъ) снова встрѣчаются развалины христіанскаго храма, а у подножія слѣды древней стѣны. Далѣе по теченію этой рѣки не вдали отъ деревни Чавкѣ являются слѣды нѣкогда существовавшей стѣны. Затѣмъ представляется мѣстность, носившая названіе Мамутъ-султанъ. Какъ извѣстно, подобныя имена присвоивались братьямъ и сыновьямъ крымскихъ хановъ и слѣдовательно мы вправѣ полагать, что здѣсь обиталъ одинъ изъ царевичей этого имени.

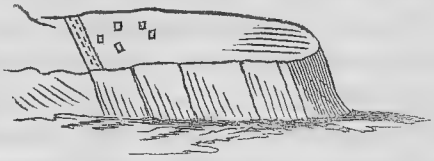
За Мамутъ-султаномъ встрѣчаются развалины обширной постройки въ видѣ крѣпости и мечети, извѣстныя подъ названіемъ Эски-сарай, которыя одни принимаютъ за генуэзскія, другіе увѣрены, что здѣсь былъ монетный дворъ, а послѣдніе, приписывая ихъ родственникамъ царствующей фамиліи хановъ создаютъ слѣдующаго рода легенды: будто два наслѣдника ханскаго престола проживали здѣсь и каждый изъ нихъ мечталъ сокрушить соперника своего, не выражая впрочемъ никакой ненависти при встрѣчахъ, но наконецъ, встрѣтившись наединѣ тотъ, который былъ сильнѣе, отрубилъ противнику голову и скрылъ трупъ его въ землѣ; но съ того времени къ убійцѣ, какъ только наступала ночь, являлся зарѣзанный братъ и, подавая ему чашу крови, требовалъ, чтобы онъ выпилъ ее. Призраки эти дотого сдѣлались непріятны убійцѣ, что онъ переселился отсюда навсегда. По другимъ-же, что здѣсь жила какая-то плѣнница, которая отравила господина своего и превратилась въ страшнаго змѣя. Въ сущности-же Эски-сарай было греческое поселеніе, а предполагаемая мечеть, судя по

направленію на востокъ, архитектурѣ и передѣлкамъ была христіанская церковь. Вотъ рисунокъ ея:



Дальше слѣдуетъ мѣстность, именуемая Эски-орда т. е. Старая-орда. Естественно, что подобное названіе не могло быть создано безъ причины и надо полагать, что мѣстоэт обыло первоначально занимаемо однимъ изъ впервое вошедшихъ въ Тавриду татарскихъ племенъ.

Послѣднимъ древнимъ поселеніемъ на берегу Салгира, сохранившимъ различнаго рода памятники является на скалѣ, у подножія которой находится въ настоящее время русская слобода Петровская, примыкающая къ Симферополю. Вотъ приблизительный видъ существовавшаго здѣсь укрѣпленія.



Это тó самое укрѣпленіе, которое по мнѣнію Бларамберга принадлежитъ къ числу трехъ, воздвигнутыхъ Тавро-скиѳами противъ Херсонесцевъ. Этого мало, почтенный любитель археологіи удостовѣряетъ, что оно должно быть именно Неаполь. Не придавая никакого значенія этимъ предположеніямъ, мы остаемся при убѣжденіи, что и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ полуострова, существовало обширное поселеніе, которое имѣло свой зáмокъ и жители котораго, повидимому, имѣли частое со-

общеніе съ Пантикапейцами, отъ которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, они переняли очень многое. Мы не отвергаемъ даже, что здѣсь была временная резиденція Тавро-скиѳскаго царя Скирула, въ честь котораго они создали барельефы, (нынѣ находящіеся въ музеумѣ Одесскаго Общ. ист. и древностей). Въ этомъ укрѣпленіи найдены нижеслѣдующія греческія надписи: 1) Царь Скирулъ, царь великій въ 30-е (лѣто) своего царствованія... 2) Юпитеру Атавирскому Посидей Посидеевъ посвящаетъ. 3) Дію Атавирію.... и 4) Евпорія, дочь Ираклитова (посвящаетъ) подземнымъ богамъ. Кромѣ этихъ, еще найдена черепица съ извѣстною надписью ΑΣΤΥΝΟΜΟ, по которой академикъ Кеппенъ, повидимому не встрѣчавшій подобныхъ надписей на глиняныхъ вещахъ, вообразилъ, что она въ переводѣ означаетъ градоначальника, вслѣдствіе чего и создалъ себѣ идею, что описываемое укрѣпленіе существовало на правахъ города. Кромѣ надписей, здѣсь найдены, во-первыхъ глиняный сосудъ съ монетами и римскими медалями, между которыми старѣйшія относились къ временамъ Нерона (царст. съ 54 г. по Р. Х.), а новѣйшія—Макрина (217 г.) и наконецъ могилы, въ которыхъ отыскивались слѣдующія вещицы: а) нашейники мѣдные, съ большими стеклянными бусами различныхъ цвѣтовъ; б) бусы изъ синей и зеленой египетской массы, бусы мозаичныя и изъ гагата (черной смолы); с) у каждаго покойника на груди находилось изображеніе лежащаго льва или жуковина (scarabée), а на оборотѣ египетскій змѣй; д) на рукахъ и ногахъ мѣдные-же браслеты безъ украшеній. На головѣ и на груди цѣпочки изъ стекляннаго бисера, гагатовыя, агатовыя, янтарныя, халцедонныя и настоящаго жемчуга, который впрочемъ не сохранился; е) съ боку, подлѣ покойниковъ, желѣзный мечъ, ножъ и оконечники стрѣлъ, совершенно сходные съ открываемыми въ керченскихъ могилахъ и ж) въ одной изъ женскихъ могилъ, кромѣ браслетовъ, бусъ и бисеровъ, найдено было круглое зеркало. Изъ глиняной посуды пока найденъ въ цѣльномъ видѣ одинъ сосудъ, очень простой формы. Г. Дюбуа, ко-

торому посчастливилось сдѣлать всѣ эти могильныя открытія, говоритъ: „достойно замѣчанія, что тутъ въ одной и той-же гробницѣ мы видимъ вмѣстѣ римскую застежку (fibula), ключъ греческаго ларчика, египетскую жуковину, янтарь съ береговъ балтійскихъ, гагатъ колхійскій, нашейникъ и обручья скиѳскія и все это въ могилѣ, при укрѣпленіи тавро-скиѳскаго царя Скирула!“

Древности восточной степной части Крыма.

Слѣдуя отъ Симферополя къ востоку, первые слѣды древнихъ построекъ являются на правомъ берегу рѣки Зуя подъ названіемъ Барутъ-ханэ или пороховаго двора. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь нѣкогда существовало укрѣпленіе, огражденное сохранившимся до настоящаго времени валомъ и рвомъ. Невдали отъ Барутъ-ханэ, на горѣ Хонычь, находятся развалины большихъ стѣнъ, круглыхъ башенъ и слѣды многихъ жилищъ. Въ 5-ти верстахъ отъ послѣдняго, близъ дер. Боркая, на утесистой скалѣ снова, представляется валъ, ровъ и остатки стѣнъ и башенъ, съ слѣдами обширнаго поселенія. Затѣмъ слѣдуетъ Карасубазаръ, мѣстность которую многіе изъ археологовъ именуютъ Мавронъ-кастро т. е. Черная крѣпость. Не имѣя основанія оспаривать ихъ, мы должны сказать, что прилагательное *черный* и въ настоящемъ названіи этого города присвоено къ нему татарами, которые называютъ его Кара (черный), су (вода) и базаръ (рынокъ); но замѣчально однако, что ни въ городѣ ни въ окрестностяхъ его не открыто до настоящаго времени положительно никакихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о мѣстопребываніи человѣка до временъ татарскаго господства. Тоже самое не замѣчено еще никѣмъ до самаго Эски-Крыма. Одни только курганчики, не раскопанные любителями древностей, кой-гдѣ мелькаютъ въ степяхъ, напоминая о номадахъ.

Старый Крымъ.

Мы достаточно сказали въ 14-й части о мѣстоположеніи и исторической судьбѣ этого города. Въ настоящемъ отдѣлѣ, на обязанности нашей лежитъ долгъ указать на древнѣйшіе монеты и другаго рода памятники, открытые въ немъ и ближайшихъ окрестностяхъ.

Старѣйшею изъ всѣхъ битыхъ въ Старомъ Крыму татарскихъ монетъ принадлежитъ Менгу-Тимуру, въ 665 или 675 г. отъ эджиры (т. е. 1266—76 г.). Послѣдующая—Туда-Менгу-хану, въ 683 г. (1284 г.); Тохтамышу—съ надписью: „Султанъ Тохтамышъ-ханъ, да продлится его владычество на вѣки". Бита въ городѣ Крымѣ 796 г. (1287 г.). Затѣмъ слѣдуютъ: серебрянная—Тохтагу-хана съ надписью: „Ханъ правосудный Тохта", на оборотѣ—тамга, а внизу—1291 г. по Р. Х. и Узбека, принадлежавшая къ первой половинѣ XIV-го вѣка. Въ этомъ же городѣ чеканились найденныя нами монеты: Хаджи гирей-хана, сына его Менгли-гирея и Мухамедъ-гирея отъ 1478, 79, 93 и 1517 годовъ.

Изъ древнихъ развалинъ, приписываемыхъ Тунманомъ Карсѣ или Кареонъ-Полису, а другими городу Кремни, обращаютъ на себя вниманіе находящіеся на возвышенности Кузгула-бурунъ или Ногайлы-оглу-оба. Здѣсь до настоящаго времени сохранились слѣды глубокаго рва, фонтановъ, гротовъ и подземныхъ ходовъ.

Изъ построекъ—армянскій монастырь Сурпъ-хачь (св. Креста), бывшій, по разсказамъ Тунмана францисканскимъ въ 1320 г. Монастырь этотъ останавливаетъ вниманіе ветхою архитектурою и длинными подземными ходами.

Изъ надписей—достопримѣчательна найденная въ 1850 г. и пріобрѣтенная Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей, принадлежащая мечети. Содержаніе ея слѣдующаго рода: „Да будетъ благодареніе Всевышнему за руководство на путь истин-

ный *) и милость Божія на Магометѣ и его пріемникахъ. Строитель этой мечети въ благополучное владычествованіе великаго хана Мухамета (да будетъ владычество его вѣчно) смиренный рабъ, нуждающійся въ милосердіи Божіемъ Абдулъ-гази-Юсуфъ сынъ Ибраима Езбали, 714 года послѣ эджиры", (т. е. 1314 г.).

Изъ надгробныхъ памятниковъ въ развалинахъ татарскаго города, въ готическомъ вкусѣ: 1-й поставленный надъ прахомъ какого-то Гасадинъ-султана сына Килай-Темиръ-хана, скончавшагося въ 868 г. эджиры (1454 г.) и 2-й на общемъ кладбищѣ, въ сосѣдней деревнѣ Учь-кой, съ слѣдующаго рода эпитафіею: „Благороднѣйшая Салиха-султанша, дочь милостивѣйшаго хана Девлетъ-гирея (котораго да возвеселитъ Богъ своею милостію до конца дней), скончалась 1173 г. Молю Бога, да успокоитъ душу ея въ своихъ селеніяхъ и да будетъ милостивъ къ ней Тотъ, кто создалъ міръ. Надпись эту велѣла изобразить на мраморѣ жена Акъ-мурзы-бея да видятъ всѣ и да читаютъ фатиха (молитву) объ успокоеніи души ея мужа".

Кромѣ всего этого, мѣстные старожилы указываютъ на развалины какого-то дворца у ручья Серенъ-су. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Старо-крымскихъ развалинахъ рано или поздно найдено будетъ очень много предметовъ, дорогихъ для археологіи и нумизматики, если только губернское земство устроитъ народный музей и предоставитъ заняться раскопами человѣку, понимающему это дѣло.

Мамаева могила.

По народному преданію, находящійся между Ѳеодосіею и старымъ Крымомъ большой насыпной холмъ опредѣляетъ мѣсто погребенія Мамая, будто-бы довѣрившагося Генуэзцамъ, которые изъ алчности предали его смерти. На сколько справед-

*) Судя по этому выраженію, мы вправѣ предполагать, что монголы въ это время приняли мусульманство.

ливъ этотъ фактъ, переданный Карамзинымъ, мы не беремся отвѣчать, но намъ исторически извѣстно, что Мамай, ворвавшись въ Крымъ, лишилъ генуэзцевъ Судака съ окружающими поселеніями, которыя предоставлены были имъ татарами и если умерщвленъ былъ ими, то безъ сомнѣнія или изъ ненависти или ради удовлетворенія Крымскаго хана, предвидѣвшаго замыслы этого отважнаго полководца. Этотъ Мамай былъ тотъ самый, который, по разсказу борона Сильвестра де Саси, хотя и не былъ ханомъ въ Кипчакѣ, но пользовался безпредѣльною властью въ царствованіе Урусъ-хана и Тохтамыша и надъ которымъ 8 сентября 1380 года Дмитрій Донской одержалъ славную побѣду на Куликовомъ полѣ. Татарамъ онъ извѣстенъ подъ именемъ шаха. Вотъ почему и сосѣдняя къ могилѣ его деревня до настоящаго времени носитъ названіе Шахъ-Мамая. Осматривая могилу этой замѣчательной въ исторіи Монголовъ личности, я былъ удивленъ, почему именно татаре не воздвигли ему памятника съ надписью, а ограничились сооруженіемъ холма, подобнаго тѣмъ, которые обозначаютъ могилы древнихъ обитателей Крыма. На это мнѣ отвѣчалъ проводникъ мой, татаринъ, что по преданію у Шахъ-Мамая было огромное множество драгоцѣнныхъ вещей, которыми никто не хотѣлъ воспользоваться; вслѣдствіе чего приказано было вырыть обширную яму и все имущество схоронить съ хозяиномъ, но такимъ образомъ, чтобы и грядущія поколѣнія не могли-бы легкимъ или воровскимъ способомъ ограбить ее. Вотъ почему и придумано было сдѣлать громадную насыпь. Могила эта представляетъ слѣдующій видъ.

Арабатская крѣпость.

Мы говорили уже, что Арабатское укрѣпленіе существовало современи цвѣтущаго состоянія Босфорскаго царства, но кѣмъ оно основано—также трудно рѣшить какъ и Перекопскій ровъ. Ясно только, что люди, укрѣпившіе Таврическій перешеекъ, обязаны были сдѣлать что-нибудь и у конца Арабатской стрѣлки. Нѣтъ сомнѣнія, что Турки, нашедшія здѣсь развалины крѣпости, оцѣнили стратегическое значеніе ея и создали новую крѣпость, къ которой Арсланъ-гирей-ханъ добавилъ ровъ. Относительно значенія этой крѣпости, мы можемъ привести слѣдующія историческія свѣдѣнія: когда въ 1736 году графъ Ласси переправился чрезъ Геническій проливъ, онъ, не смотря на рѣшительный характеръ и неустрашимость свою, не рѣшился идти на Арабатскую стрѣлку, а предпочелъ перевести армію и кавалерію вплавь чрезъ одинъ изъ рукавовъ Сиваша. Поводомъ къ подобному измѣненію плана послужило то, что предъ нимъ явились всѣ почти генералы и увѣряли, что дальнѣйшее движеніе его къ Арабату не только представляетъ опасность, но грозитъ совершеннымъ истребленіемъ арміи.

Скиѳскій ровъ.

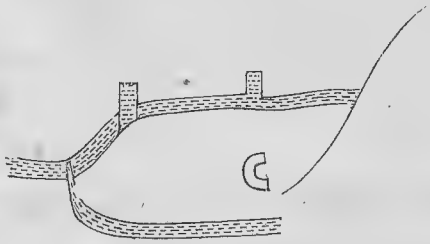
Путешественникъ, слѣдующій въ Керчь почтовымъ трактомъ оглядываясь по сторонамъ, замѣчаетъ длинные поляны окаймленныя незначительными возвышеніями почвы, хребты которыхъ симметрически усѣяны холмиками, которые съ перваго взгляда кажутся естественными, но это есть могилы, какъ-бы воздвигаемыя съ различнаго рода цѣлью: а) чтобы сохранить неприкосновенными останки б) чтобы съ возвышенности ихъ осматривать свою степь и е) чтобы опредѣлить пограничность поля одной или нѣсколькихъ семей.

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи и именно на 15-ой верстѣ отъ Аргинской станціи, приходится переѣзжать чрезъ ровъ, имѣющій семъ саженъ въ ширину, съ валомъ со стороны Керчи. Ровъ этотъ проведенъ чрезвычайно правильно и повидимому у мѣста переѣзда охранялся какимъ-то укрѣпленіемъ. Что это былъ за ровъ? трудно опредѣлить съ достовѣрностію: по свидѣтельству однихъ—онъ составлялъ пограничную черту владѣній Босфорскаго царства и извѣстенъ былъ подъ названіемъ Орикса. Между тѣмъ вотъ что говоритъ Геродотъ о причинахъ, возбудившихъ прорытіе его будто на протяженіи отъ горъ Таврійскихъ до Азовскаго моря: „Послѣ долголѣтняго пребыванія скиѳовъ въ Мидіи, жены ихъ, въ предположеніи, что онѣ лишились мужей своихъ навсегда, сблизились съ рабами своими, отъ которыхъ прижили дѣтей. Обстоятельство это заставило послѣднихъ подумать о томъ что можетъ предстоять имъ на случай возвращенія господъ? и онѣ, положившись воспрепятствовать имъ входъ, рѣшились создать Ориксъ. Не смотря на явную нелѣпость этого разсказа, Страбонъ и многіе другіе древніе писатели подтверждаютъ эту басню. Мы говоримъ басню на томъ основаніи, что ровъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не могъ представлять того особенно важнаго значенія, котораго желали Скиѳскіе рабы.

Прибрежныя развалины Керченскаго полуострова.

Г. Бларенбергъ, который задался желаніемъ опредѣлить намъ мѣстоположеніе древнихъ городовъ Босфорскаго царства, съ начала повѣтствованія своего ошибся, опредѣляя Киммеріонъ между горою Опукъ и солянымъ озеромъ Елкенъ. Ошибка эта произошла отъ незнанія имъ туземныхъ языковъ или отъ неумѣнія поразузнать мѣстныя преданія. Всѣмъ извѣстно, что подъ горою Опукъ выступаетъ огромный камень изъ моря, который туземцы именуютъ Гелинъ или Хызъ-ташъ, что означаетъ

въ переводѣ камень невѣсты или дѣвы, Ясно, что названіе это не они создали, а переняли отъ грековъ, именующихъ невѣсту Нимфи. Это пустое обстоятельно достаточно опредѣляетъ, что здѣсь именно былъ извѣстный первымъ географамъ городъ Нимфеонъ. Однако, предварительно достиженія Опука, мы должны замѣтить, что слѣды древнихъ поселеній на Керченскомъ полуостровѣ начинаютъ показываться съ восточной оконечности ѳеодосійскаго залива, обозначаясь колодцами, черепками посуды, античнаго стекла и т. п. Подобные остатки древности можно встрѣтить въ нѣсколькихъ мѣстахъ предварительно достиженія Опукъ-каи (удодъ-гора). Ясно, что здѣсь обитали люди, занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ и строившіе свои дома изъ землянаго кирпича. Затѣмъ путешественникъ подъѣзжаетъ къ Опуку, расположенному у морскаго берега, въ окрестности котораго явственно сохранились остатки циклопической стѣны, башень, большаго зданія на горѣ, мощеной улицы до морскаго берега и одичавшей растительности. Вотъ приблизительный видъ этихъ развалинъ:



Слѣдуя мнѣнію Бларенберга, послѣдующія за Опукомъ развалины нѣкогда составляли городъ Тиритаки. Былъ-ли здѣсь дѣйствительно городъ этого имени или нѣтъ, мы, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, не станемъ говорить ни pro ни contra; но, судя по существующимъ развалинамъ стѣнъ, башень, подземнаго хода и фундаментовъ довольно большихъ построекъ въ сосѣдствѣ чорубашскаго озера, надо вѣрить, что здѣсь былъ

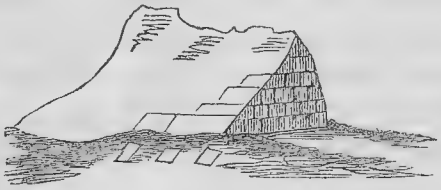
хорошо отстроенный городъ. Послѣдующія развалины на берегу Чернаго моря, Бларамбергъ признаетъ за мѣстоположеніе г. Акры. Развалины эти обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что первобытные обитатели употребили, повидимому, всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ укрѣпленію своего города. Во-первыхъ они имѣли два рва, примыкавшіе къ морю; затѣмъ шла стѣна и въ заключеніе—хорошо защищенный акрополь.

На Керченскомъ проливѣ, первыя развалины стѣнъ, башень и другаго рода построекъ, признаются тѣмъ-же Бларенбергомъ за развалины Парѳеніона, Нимфеи, Мирмикіона и другихъ, о которыхъ будетъ сказано впереди. Мы упомянули только о развалинахъ, гдѣ были каменныя сооруженія, но повторяемъ, еслибъ намъ пришлось говорить или судить по остаткамъ разнаго рода мелочей, то пришлось-бы доказывать, что, отъ ѳеодосійской бухты до Азовскаго моря, вся береговая полоса была густо населена. Тоже самое слѣдовало-бы сказать и о прибережьѣ Азовскаго моря, гдѣ болѣе дѣйствительными слѣдами городка являются груды камней при дер. Казантипѣ, извѣстные туземцамъ подъ названіемъ Узунъ-калеси т. е. длиной крѣпости.

Древности Керчи.

Тѣ, кто въѣзжаетъ въ Керчь почтовымъ трактомъ или тѣ которые, познакомившись отчасти съ исторіею Пантикапеи, предполагаютъ издали видѣть обширныя развалины въ окрестностяхъ этаго города, невольно придутъ въ удивленіе при видѣ чистенькаго города, прекрасно отстроеннаго и не представляющаго ни единаго монумента, бросающагося въ глаза; но за то, при внимательномъ изслѣдованіи этой классической мѣстности, онъ сознаетъ, какое множество замѣчательныхъ памятниковъ древности хранятся подъ фундаментами его новыхъ построекъ и какое изобиліе ихъ уже представила она, не смотря на то, что лучшія могилы были ограблены. Чтобы видѣть остатки и

въ цѣлости сохранившіяся сооруженія древнихъ Пантипапейцевъ, слѣдуетъ начать обзоръ съ долины, которая лежитъ у подножія горы, гдѣ открыта гробница, извѣстная подъ именемъ Золотаго кургана и у подножія которой, даже въ наше время, существуютъ рощи деревъ, быть можетъ зародившихся отъ сѣменъ тѣхъ, которыя нѣкогда были свидѣтелями буйства войновъ, предводимыхъ Фарнакомъ съ цѣлью лишить короны престарѣлаго отца, который всю жизнь свою мечталъ сокрушить всемірное владычество Римской имперіи. Вотъ эти-то деревья прежде всего наводятъ насъ, по свидѣтельству древнихъ исторіографовъ, на мысль, что мы находимся около того акрополя, гдѣ умеръ Митрадатъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей въ всеобщей исторіи государствъ. И дѣйствительно, если обсудить значеніе слова акро-полисъ (конецъ города), то намъ совершенно не слѣдуетъ соглашаться съ мнѣніемъ многихъ, которые акрополемъ Пантикапеи, Богъ вѣсть почему, признаютъ холмъ, окрещенный туземцами въ Митридатовскую гору, не смотря на то, что въ окружности ея не сохранилось ни въ единомъ мѣстѣ развалинъ предохранительной стѣны. По мнѣнію нашему, основанному на существующихъ развалинахъ циклопической стѣны вокругъ высокаго холма, находящагося за Керчью, Пантипапейскій акрополь долженъ былъ находится тамъ, гдѣ находится золотой курганъ и отъ котораго начинается предохранительный городской ровъ, который, по разсказу Страбона, Босфорскій царь Асандръ, царствовавшій съ 49 по 14 г. до Р. Х. не только возобновилъ, но и укрѣпилъ башнями чрезъ каждыя 10 стадій. Не имѣя особенной надобности заставлять читателя нашего вѣрить нашему убѣжденію, мы для ясности представляемъ рисунокъ этой горы, съ стѣною и древнимъ рвомъ.



Въ дальнѣйшемъ протяженіи этой горы по направленію къ проливу, является безсчетный рядъ могилъ и затѣмъ уже такъ называемая Митридатъ-гора. Съ обратной стороны она вся почти выдолблена и на С. З. оконечности представляетъ развалины великолѣпнаго склепа, извѣстнаго подъ именемъ золотаго кургана. Съ вершины ея видны на дальнее разстояніе окрестности города и протяженіе предохранительнаго рва. Это-то выгодное положеніе, при незначительномъ, въ сравненіи съ Митридатовою горою, объемѣ, еще болѣе служитъ въ пользу нашего предположенія. Мы сказали, что въ дальнѣйшемъ протяженіи этой горы находятся могилы, которыя большинствомъ раскопаны; но самыя интересныя изъ нихъ явились у подошвы ея въ виду городской черты въ формѣ катакомбъ, прорубленныхъ въ пластѣ известняка. Вотъ видъ ихъ съ наружной стороны:

По разсказамъ туземцевъ такихъ катакомбъ въ окрестностяхъ Керчи должно быть до 1200. Откуда и какимъ образомъ они наслѣдовали это преданіе—мы незнаемъ и сомнѣваемся въ вѣроятности его. Катакомбы эти впервое открыты въ 1872 г. и въ то время, когда я осматривалъ ихъ, изъ шести только одна представляла рисунки и великолѣпные узоры и другаго рода орнаменты на стѣнахъ. Въ остальныхъ не открыто ничего особеннаго, за исключеніемъ останковъ трупа и вещицъ, которыя повсюду попадаются въ склепахъ Пантикапеи. Впрочемъ мнѣ очень понравился найденный въ нихъ золотой перстень съ сердоликомъ и греческою надписью: „Отъ души и сердца“. Ясно, что онъ принесенъ былъ въ даръ покойнику или покойницѣ отъ кого-либо, преданнаго душою и сердцемъ. Въ могилахъ, вскрытыхъ предо мною ближе къ Митридатовой горѣ, не найдено ничего, за исключеніемъ желтоватаго пепла

въ формѣ человѣка, прикрытаго кусками плитъ сверху и по сторонамъ. Что-же касается Митридатовой горы, которая по высотѣ и обширности своей никогда не могла быть удобною для акрополя, мы изумлены были тѣмъ, что на ней положительно нельзя встрѣтить, какъ говорится, живаго мѣста: до такой степени изрыты и перерыты ея бока. Это заставляетъ насъ думать, что и она служила мѣстомъ погребенія древнихъ обитателей Керчи.

Интересно однако, отчего эта гора, съ вершины которой можетъ быть любовался Митридатъ видомъ на море и окрестности, пользуется громкою извѣстностію въ Тавридѣ даже и между татарами. Вотъ одна изъ легендъ, слышанныхъ мною отъ этихъ послѣднихъ:

Митридатовская гора.

(Татарская легенда).

Крымскіе татары, поселившись въ Тавридѣ, повидимому, въ огромномъ количествѣ находили золотыя и серебряныя вещи въ Пантикапеѣ, и не подозрѣвая, что дорогіе металлы эти привозились сюда греками изъ отдаленной Сибири, создали себѣ идею, что Босфорскій царь владѣлъ какою-то таинственною травою, имѣющею свойство превращать всякій предметъ въ золото и этимъ способомъ обогащалъ свой народъ. Предположеніе это въ такой степени показалось основательнымъ, что поколѣнія создали различныя сказки и легенды о сокровищахъ, скрытыхъ въ Митридатовской горѣ. Изъ всѣхъ ихъ болѣе популярною считается слѣдующая:

„Одинъ изъ пресвѣтлѣйшихъ Крымскихъ хановъ, желая отыскать самое прочное средство для обогащенія казны своей, приглашалъ, посредствомъ глашатаевъ, явиться къ нему всѣмъ умнѣйшимъ *ахунамъ* (ученымъ) и чернокнижникамъ. Многіе поспѣшили предстать предъ свѣтлые очи могущественнаго вла-

стителя своего, но увы, никто изъ нихъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Нетерпѣливый ханъ уже началъ сердиться и предавать заключенію тѣхъ, которые, считая себя умными и всезнающими, безполезно отнимали у него сладостный покой. Годъ спустя, ханъ, убѣдившись, что къ нему являлись только смѣлые искатели счастія и что истинныхъ мудрецовъ необходимо ему самому искать, призвалъ министровъ своихъ и объявилъ имъ о желаніи своемъ пройти Крымское царство пѣшкомъ, съ цѣлью лично познакомиться съ нуждами подданныхъ. Министры единогласно возстали противъ этого, стараясь увѣрить повелителя своего, что нельзя надѣяться на расположенность народа, что это неприлично державному хану и что онъ испытаетъ много непріятностей и оскорбленій. Ханъ улыбнулся и отвѣчалъ: „я хорошо знаю причины вашихъ желаній держать меня въ запертѣ, — вы боитесь за себя, а между тѣмъ думаете вселить во мнѣ мысль, что одни вы мнѣ преданы; а я скажу вамъ, что тотъ только султанъ съ удовольствіемъ и наслажденіемъ можетъ прожить свой вѣкъ, который, презрѣвъ ваше хитрое усердіе, постоянно сталкивается съ народомъ, не какъ властитель, а какъ простой смертный“. Сказалъ и въ тотъ-же день переодѣвшись въ платье дервиша, вышелъ изъ дворца. До поздней ночи онъ бродилъ по безконечнымъ улицамъ великолѣпнаго Эски-Крыма, подслушивая разговоры дряхлыхъ стариковъ и веселыхъ юношей. Всѣ почти говорили о немъ и его странномъ желаніи найти вѣрное средство обогащенія. Эти толки, хотя и оскорбляли падишаха, но онъ терпѣливо выслушивалъ ихъ до того времени, пока кто-либо изъ говорящихъ не произносилъ имени одного изъ ученыхъ — мудрецовъ или маговъ, способныхъ, по его мнѣнію, удовлетворить желанію хана. Записавъ нѣсколько подобныхъ именъ, властитель возвратился въ сераль свой. На слѣдующій день онъ лично посѣтилъ случайно открытыхъ мудрецовъ. Изъ всѣхъ ихъ одинъ только отвѣчалъ хану, что желаніе его можетъ быть достигнуто, если онъ изъявитъ

согласіе буквально подчиняться ему и ничего не распрашивать до времени возвращенія изъ необходимой поѣздки. Ханъ поднялъ палецъ къ небу и произнесъ великое слово: *„учъ талахъ бошъ олсунъ!“* *). Послѣ этого, премудрый магъ Кямиль-Джинджи, сдѣлавъ *темане* (честь) своему повелителю, попросилъ его собраться къ выѣзду на другой день. Въ назначенный для выѣзда часъ, явился ханъ. Джинджи, облачившись въ бѣлую одежду и прижавъ къ сердцу свою волшебную книгу, вышелъ къ повелителю на встрѣчу. Послѣ приличныхъ привѣтствій, ханъ сѣлъ съ нимъ въ арбу и выѣхалъ изъ Эки-Крыма. „Куда мы ѣдемъ, спроситъ повелитель, когда они очутились въ степи“. —„На востокъ твоего царства. Тамъ между тремя морями возвышается гора, во внутренности которой лежатъ несмѣтныя богатства одного изъ древнихъ государей; объ остальномъ ты не спрашивай меня теперь, иначе цѣль нашего путешествія не будетъ достигнута“. Падишахъ вспомнилъ клятву и молча погрузился въ размышленія. Два дня спустя, арба ихъ остановилась у Митридатовой горы. Джинджи сдѣлалъ знакъ хану слѣдовать за нимъ и направился къ холму. Вскорѣ онъ остановился и преклонивъ колѣни, началъ читать заклинанія. Ханъ съ трепетомъ слушалъ страшныя молитвы... вдругъ раздался подземный гулъ, крики тысячи голосовъ и затѣмъ предъ пораженнымъ ханомъ, въ разступившейся горѣ, показались громадные желѣзные ворота. Кямиль подбѣжалъ къ нимъ, не переставая читать. Нѣсколько минутъ спустя раздался вторичный гулъ съ трескомъ и криками, и затѣмъ съ шумомъ открылись ворота. „Султанъ, иди за мной—сказалъ колдунъ и вступилъ въ мрачный корридоръ. Прошедъ около 50 шаговъ, они внезапно очутились въ большой комнатѣ, наполненной серебряною монетою; затѣмъ вошли въ другую, заваленную кучами золотыхъ слитковъ, въ третьей комнатѣ блистали груды круп-

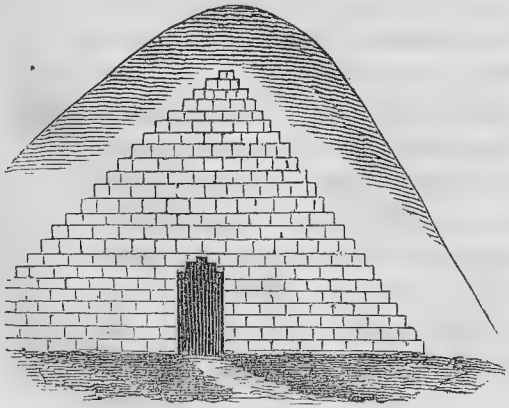
---

*) Да ослабнутъ всѣ три печени,—въ смыслѣ: „да лишусь я возможности имѣть женъ и дѣтей.

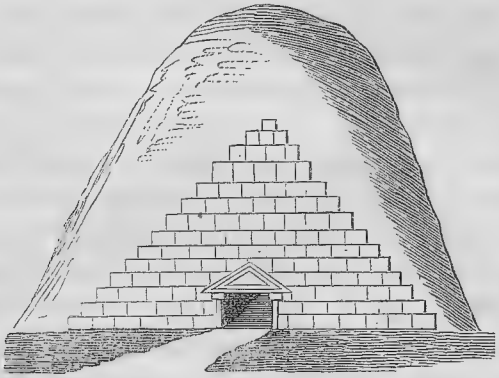
ныхъ яхонтовъ, сапфировъ и алмазовъ, а въ четвертой—одни бриліанты. Здѣсь, среди комнаты, на высокой бѣлой плитѣ, стоялъ золотой гробъ, въ которомъ лежала, точно живая, молодая величественной красоты женщина. Около нея горѣло 40 свѣчей. Ханъ, не видѣвшій никогда подобной красавицы въ живыхъ, вскрикнулъ и началъ умолять Джинджи воскресить ее. „Еслибъ это существо очнулось—отвѣчалъ колдунъ,—то тебѣ первому пришлось-бы умереть: ты владѣешь ея отцовскимъ царствомъ. Всѣ видѣнныя нами здѣсь богатства составляютъ ея собственность. Она пріобрѣла ихъ посредствомъ злыхъ духовъ, которыми повелѣвала, какъ ты подданными своими; ей легко было-бы пріобрѣсти всѣ сокровища міра, но она лучшаго захотѣла и именно того, чего ты потребовалъ отъ меня. Сколько мнѣ извѣстно изъ таинственныхъ книгъ, она царствовала около ста лѣтъ и нисколько не постарѣла. Одновременно съ нею царствовалъ въ Кафѣ (Ѳеодосіи) и братъ ея, который никогда не принималъ пищи, приготовленной у себя, а ежедневно получалъ ее въ горячемъ видѣ со стола этой прекрасной волшебницы. Но довольно намъ говорить объ ней, надо спѣшить, въ противномъ случаѣ наступитъ полночь, проснется царица и тогда мы погибнемъ. Сказавъ это, Джинджи бросился бѣгомъ въ одинъ изъ темныхъ угловъ комнаты и началъ шарить въ громадномъ сундукѣ. Ханъ видѣлъ, что онъ вынулъ изъ него небольшую металлическую коробочку, которую, съ необыкновенною быстротою, спряталъ за пазуху. „Идемъ!—крикнулъ Джинджи. Падишахъ продолжалъ смотрѣть на красавицу, ему хотѣлось остаться здѣсь до той минуты, пока она откроетъ свой чудный взглядъ. „Бѣги ханъ! завопилъ Джинджи, я досталъ то, чего ты требовалъ“. Ханъ по прежнему хранилъ молчаніе и все ближе и ближе подходилъ къ волшебницѣ „Султанъ, мы погибли! — ревѣлъ въ изступленіи колдунъ — пожалѣй народъ твой, вотъ смотри я досталъ ту траву, отъ прикосновенія которой все превращается въ золото. Теперь ты и наслѣдники твои властны будутъ весь земной міръ превра-

тить въ драгоцѣннѣйшій металлъ". Но ханъ ничего не хотѣлъ слышать. Джинджи бросился къ его ногамъ и началъ умолять вспомнить свою клятву. И это оказалось безполезнымъ. Вдругъ послышался въ отдаленныхъ гротахъ гулъ и очаровательное пѣніе женскихъ голосовъ. Джинджи схватилъ государя своего и хотѣлъ насильно повлечь за собою; но въ этотъ моментъ поднялась въ гробѣ волшебница. „Не смѣй сопротивляться твоему владыкѣ, жалкій воръ—произнесла она грознымъ голосомъ. Сію минуту подай мнѣ то, что ты похитилъ и бѣги вонъ изъ моего жилища, дарую тебѣ жизнь только за то, что ты съумѣлъ ввести ко мнѣ этаго прекраснаго человѣка". Не успѣла она произнести этихъ словъ и взять коробочку, какъ несчастный колдунъ очутился у подножія горы. Онъ снова услышалъ страшный скрипъ закрывшихся воротъ и видѣлъ какъ они скрылись подъ осѣвшеюся землею. Съ тѣхъ поръ никто изъ Джинджіевъ не дерзаетъ спасти несчастнаго хана и завладѣть великими сокровищами безподобной волшебницы, покоющейся въ нѣдрахъ Митридатовской горы".

По обѣ стороны хребта, идущаго отъ Керченскаго пролива къ западу, виднѣются могильные курганы, большинство которыхъ разновременно вскрыты. Изъ нихъ два, извѣстные подъ именемъ Царскаго и Мелекъ-чешменскаго, принадлежатъ къ разряду такихъ монументовъ, которые много столѣтій еще будутъ свидѣтельствовать о вкусѣ и знаніи архитектурнаго дѣла древнихъ обитателей Керчи. Это такіе памятники, которые пережили-бы египетскія пирамиды, еслибъ не коснулась ихъ рука человѣческая. Вотъ приблизительный видъ перваго:



Склепъ этотъ, какъ замѣчаетъ читатель, имѣетъ около 20 аршинъ въ вышину и сложенъ изъ огромныхъ правильной формы камней. Полъ также каменный. Затѣмъ онъ засыпанъ землею, что образовало холмъ въ 150 саженъ въ окружности и болѣе десяти въ отвѣсѣ съ центра. Послѣдующій Мелекъ-чешменскій курганъ многимъ меньше описаннаго, но едвали онъ уступаетъ въ искусствѣ сооруженія. Вотъ форма его въ разрѣзѣ кургана.



Представляя читателямъ нашимъ подобіе лучшихъ изъ могилъ Пантикапеи, мы невольно поставлены въ необходимость сказать, что подобныхъ склеповъ не представляетъ ни одно европейское государство; что на устройство ихъ требовалось очень много времени и средствъ и, что насыпи надъ ними переняты были Пантикапейцами у скиѳовъ, съ которыми они, повидимому, были не только въ коммерческихъ, но даже и въ родственныхъ сношеніяхъ. Все это заставляетъ насъ думать, что мавзолеи эти подготовлялись за много лѣтъ раньше смерти.

Вотъ все, что бросается въ глаза путешественнику, которому желательно-бы было осмотрѣть достопримѣчательныя мѣстности Керчи. Между тѣмъ, для серіознаго археолога, вникающаго въ содержаніе всякой надписи и фигурнаго изображенія, здѣсь является такое поприще, какое едвали придставляютъ

другія искони обитаемыя страны. Чтобы основательнѣе познакомить читателя нашего со всѣмъ тѣмъ, что до настоящаго времени найдено въ гробницахъ и другихъ мѣстностяхъ Керчи, мы должны распредѣлить все найденное по разрядамъ, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о числѣ и формахъ могилъ, окружающихъ Керчь. Путешественникъ, которому желательно-бы было прослѣдить за могилами Босфорскаго царства, открылъ-бы, что они устраивались также симметрически какъ и скиѳскія. Такъ напр. первый рядъ ихъ, начинаясь у береговъ Азовскаго моря продолжается до Павловской батареи; другой идетъ отъ запада къ Митридатовской горѣ, третій по направленію къ карантину. Большая часть изъ нихъ составляютъ насыпь земли надъ материкомъ, которая доставлялась съ окрестностей, но повидимому съ заботливостію не дѣлать нигдѣ ямъ и рытвинъ. Въ составъ однихъ входила морская трава, сверхъ которой сдѣланная насыпь заливалась водою и утрамбовывалась. Другіе воздвигались съ слоя земли и слоя камня, третіе имѣли каменное основаніе. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ соединеніе двухъ и трехъ могилъ. По раскопамъ, сдѣланнымъ до настоящаго времени, оказывается, что склепы иногда оштукатуренные съ карнизами находились въ центрѣ кургана, но гробницы по бокамъ. Число послѣднихъ иногда простиралось до десяти. Въ однихъ изъ нихъ останки находились въ гробахъ, а въ другихъ на лавровыхъ листьяхъ, на стружкахъ, на морской травѣ, но нерѣдко и въ урнахъ пережжеными. Склепы сооружались изъ штучнаго мягкаго (животной матеріи) камня со сводомъ, съ дикарныхъ плитъ, кирпичей и т. п. По предположеніямъ людей изучавшихъ устройство Пантикапейскихъ могилъ можно предполагать, что и они дѣлились подобно римскимъ на нѣсколько разрядовъ и составляли гордость и тщеславіе семьи, и что всѣ они имѣли одно общее названіе *кимитирія*, (усыпальница) *имнеминъ* (памятница) или проще *мнима*: могила знакъ для поминанія. Въ подраздѣленіяхъ-же по устройству они извѣстны были подъ

слѣдующими названіями: υπογαιον или подземныя гробницы въ нѣсколько отдѣленій, сооружаемыя изъ камня или кирпича (sepulcrum) Σαρκοφαγος представляли квадратную комнату съ миѳическими изображеніями или сценами изъ жизни усопшаго (monumentum) *) и κενοταφιον, воздвигаемыя въ честь убитыхъ въ сраженіи или утонувшихъ въ море (Cenotaphium). При могилахъ этихъ были другія, извѣстныя намъ подъ названіемъ погребальныхъ урнъ или вазъ, которыя назывались греками Θηκη, καλπίς, τεκα λαμίνα, κγπα и т. п. Въ нихъ сберегались остатки сожженнаго тѣла, что дѣлалось нѣкоторыми какъ полагаютъ для очищенія души, а по другимъ, чтобы не допустить тѣло осмѣянію враговъ. Они были глиняныя, стеклянныя, серебряныя, золотыя и мраморныя. Въ могилы эти клались тѣла, обвернутыя въ ткани, напитанныя бальзамомъ, пища, вино и остатки жертвъ, приносимыхъ богамъ такъ напр. яйца, каштаны, орѣхи, мендали и т. п. Кромѣ этого воинскіе доспѣхи и различнаго рода принадлежности покойнаго.

Чтобы познакомить читателя нашего съ находимыми въ могилахъ этихъ вещами представимъ опись находкамъ въ Мелекъ-чешменскомъ курганѣ. О Царскомъ курганѣ мы къ сожалѣнію ничего не можемъ сказать, потому что онъ былъ разграбленъ до временъ русскаго господства въ Крыму. Для желавшихъ предварительно имѣть приблизительное понятіе о величинѣ Мелекъ-Чешменскаго кургана достаточно намъ сказать, что изъ него добыто до 2 тысячъ куб. саженъ камня; между тѣмъ внутренность склепа имѣетъ въ длину $6^1/_2$ аршинъ, 6 въ ширину и $7^1/_2$ въ вышину. Предъ нимъ были сѣни въ квадратную сажень. При вскрытіи этого кургана прежде всего найдены были близь дверей гробницы 4 вазы въ родѣ амфоръ съ надписями на ручкахъ Θαζι а въ низу αρετων, по срединѣ

*) Всѣмъ извѣстно, что Саркофаги, глиняныя сосуды, росписныя вазы, стѣнныя фрески, металлическія зеркала и т. п. впервое позаимствованы изъ Этруса въ Италіи.

изображеніе рыбы, бронзовая ваза съ овечьими костями, около нея тазъ позолоченной бронзы на круглой ножкѣ, въ немъ серебряные: кубокъ и два рога, на одномъ изъ нихъ великолѣпно изображена баранья голова. Далѣе: бронзовый-же тазъ съ четырьмя серебряными вазами, на которыхъ изображены: птицы, ловящія рыбу, левъ одолѣвающій вепря, грифонъ, терзающій оленя и т. п. Въ боковой впадинѣ склепа найдены: двѣ кнемиды, лошадиныя кости, шлемъ и остовъ мущины съ множествомъ человѣкообразныхъ фигуръ, выбитыхъ изъ золотаго листа. Дальше противъ дверей кости женщины, обращенной головою къ Югу. На черепѣ діадима изъ эликтрума съ эмалевыми розетками, золотая маска вѣсомъ въ 62 золотника и серебряный подносъ въ $6^1/_2$ фунтовъ; на шеѣ золотое проволочное ожерелье съ чашечками и кругъ изъ чистаго золота, украшенный лежащими львами. По срединѣ тѣла 5 золотыхъ медальоновъ съ украшеніями изящной работы. Вокругъ головы 5 ножей съ костяными ручками; металличестое зеркало изъ накладнаго золота съ изображеніемъ грифона и оленя. Ваза изъ электрума съ рельефными групами, два золотыхъ запястья, 6 ножей съ рисунками. Остальная часть склепа занята была катафалкомъ, украшеннымъ живописью. Подъ нимъ найденъ былъ трупъ мущины съ діадимою на черепѣ, въ одеждѣ, отъ которой остались слѣды. На шеѣ, золотой раскрывавшейся обручь съ фигурами скачущихъ скиѳовъ; на правой рукѣ золотой кругъ, ниже локтя круги изъ электрума, запястье, тутъ-же мечь, плеть, обвитая листовымъ золотомъ, золотой щитъ въ 2 фунта, деревянный футляръ для лука, 5 статуй изъ элекреума, 3 бронзовыя вазы съ овечьими костями и множество другихъ золотыхъ вещей прекрасной работы и монетъ: царя Левкона и съ изображеніемъ Пана.

Въ остальныхъ курганахъ найдены нижеслѣдующія вещи: 1) Кипарисные гробы большею частью красивой рѣзной работы, изъ которыхъ нѣкоторые обложены разноцвѣтнымъ деревомъ по накладкѣ, а другіе покрыты барельефами, вылѣпленными изъ

гипса, изображающими мущинъ и женщинъ въ положеніи отчаянія, медузины головы, трагическія маски и т. п. изображенія, раскрашенныя разными красками. Гроба эти имѣютъ видъ саркофаговъ, а другіе уподобляются современной намъ формѣ. Нѣкоторые изъ нихъ закрыты были покрывалами, украшенными по краямъ золотыми бляхами, а внутри находили бархатныя мантіи на куньемъ мѣхѣ. 2) Вѣнки или діадимы встрѣчаются въ подобіи листьевъ: дубовыхъ, лавровыхъ и миртовыхъ, на нѣкоторыхъ камни съ агатовыми рельефами, но попадались и лентообразныя съ различнаго рода украшеніями. 3) Ожерелья изъ золотыхъ бусъ и жемчуга, изъ продолговатыхъ трубочекъ съ фигурками собакъ, львовъ, раковинъ и пр., изъ тончайшей золотой проволоки съ розетками и стрѣлочками, агата и изъ стеклянныхъ бусъ, подкрашенныя, но часто и съ камнями. 4) Браслеты золотые прекрасной работы въ различныхъ формахъ: гладкіе, змѣеобразные и съ головками по оконечностямъ, мѣдные и стеклянные. 5) Запястья съ выдавленными изображеніями Венеры съ амуромъ, головы медузы Пегаса, Гипокампа, змѣиной головки, вазочки раковинъ, уточки, вазочки цвѣтовъ, Геркулеса съ яблокомъ, кабаньей головы, оленя, зайца и т. п. 6) Фермуары съ рубинами и бирюзой. 7) Золотыя пряжки съ кошечьими головками, держащими во рту по жемчужинѣ. 8) Серьги въ подобіи крылатаго генія, львиной и собачьей головы, вазочки и т. п. съ жемчужинами, бирюзою, сердаликомъ, гранатомъ, золотымъ шарикомъ и т. п. 9) Перстни золотые съ изображеніями на камняхъ: Минервы, Юноны, Козерога, Амура съ стрѣлою въ рукѣ, музы съ инструментомъ, дельфина, война Юпитера Олимпійскаго на Топазѣ, съ финифтью и нерѣдко съ короткою надписью ХАРА (свадьба или радость, или помни обо мнѣ прекрасная душа). Кромѣ золотыхъ найдены были и желѣзные съ стеклушкомъ и изображеніемъ сидящаго пѣтуха. 10) Подвѣски къ серьгамъ съ изображеніемъ лягушки, черепахи, ящерицы и т. п. 11) Мечи съ агатовымъ эфесомъ и золотымъ и серебрянымъ украшеніемъ ручки и желѣзные. 12) Се-

ребряныя вазы о двухъ ручкахъ съ изображеніями лучезарнаго Вакха на 4-хъ-конной колесницѣ; виноградныхъ лозъ, гирляндъ, фавновъ, сатира, нимфъ и т. п. 13) Глиняныя великолѣпныя вазы съ рисунками, представляющими нижеслѣдующія миѳологическія сцены: свадебную чету, Нептуна съ Амфитридою, убіеніе Пріама Пиромъ, крылатый геній женскаго пола, ведущій быка на жертву, Вакхъ и Аріанда, приготовленіе къ празднеству лампадидромія; битва грифоновъ съ аримастами, лучезарная женская фигура на козлѣ, приготовленіе къ свадьбѣ, брадатый центавръ съ вѣнкомъ на головѣ похищаетъ молодую женщину, грифоны терзаютъ лань, а львы быковъ, битва геркулеса съ стимфалидскими птицами и т. п. На болѣе простѣйшихъ, покрытыхъ чернымъ лакомъ съ бахрамою краснаго цвѣта изображены: гирлянды цвѣтовъ, желобки, травля зайцевъ, головы лебедей и т. п. 14) Большой медальонъ съ головою Минервы съ чашечками на золотыхъ цѣпочкахъ, золотая зубочистка съ шарикомъ и головкою мула, серебряные: наперстокъ и уховертка, колокольчикъ, ложка, коробочка и веретено изъ слоновой кости, мѣдная дѣтская игрушка, представляющая барана съ птичкою на рогахъ, мѣдный ключь съ головою мущины на концѣ, деревянная гребенка; женскія волосы, мозаика, фарфоровый сосудъ, бронзовый стригель, для очистки тѣла въ бани, который носился за вельможами, мѣдныя пряжки отъ сандалій, желѣзный ножичекъ, янтарное сердечко, алебастръ въ дѣлѣ, деревянная кружка съ ручкою, изображающею 4-хъ-ногое животное въ родѣ тигра, деревянный лукъ со стрѣлами, стальные панцыри, кинжалы, гвозди, вѣнки изъ сушеницы, дерева и свинца, къ которымъ придѣланы на бронзовыхъ стебляхъ гипсовыя ягоды, вызолоченныя сусальнымъ золотомъ, золотой букетъ листиковъ, тоненькія монетки на ртахъ для уплаты Харону за переправу чрезъ Стиксъ, бронзовыя пряжки отъ поясовъ, глиняныя чашечки въ родѣ патеръ, точильные камни, ящикъ для румянъ и бѣлилъ, печати съ золотымъ ободкомъ, хирургическіе инструменты и пр. и пр. 15) Глиняныя статуэтки изящ-

ной формы представляютъ большинствомъ бюсты: Венеры ураніи, Коры, Эфеба, Прозерпины, Цереры съ тіарою, эѳіопа, крылатаго амура, Скиѳа, фавновъ, мальчика, тянущаго за рога козла, женщину съ птичкою, юношу съ лебедемъ, комическаго актера, война въ фригійской шапкѣ, опирающагося на щитъ, юношу съ пѣтухомъ или въ борьбѣ съ козою, ребенка на козлѣ съ виноградною кистью, спящаго юношу и т. п. 16) Въ гробницахъ этихъ находили также лампы съ изображеніями грифоновъ (символъ солнца), павлиновъ со сто-глазымъ хвостомъ и орлами (символъ зоркости), бѣгущимъ львомъ, гладіаторами и т. п. и 17) Стекло встрѣчается также въ видѣ маленькихъ узкогорлыхъ сосудовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ слезницъ или лакриматорій и въ другихъ формахъ изъ голубой, зеленой, лиловой и бѣлой массы съ золотомъ, слитыхъ въ неправильные узоры.

Монеты.

Изъ множества монетъ, найденныхъ въ Керчи и другихъ мѣстностяхъ Тавриды, принадлежащихъ временамъ Босфорскаго царства и кромѣ приведенныхъ нами при описаніи династій этаго государства, попадаются еще слѣдующія: Одна, сдѣланная изъ листоваго золота съ изображеніемъ Евмила, царствовавшаго за 350 лѣтъ до Р. Х. Затѣмъ слѣдуютъ съ изображеніемъ головы Пана съ вѣнкомъ виноградныхъ листьевъ, съ аттрибутами земледѣлія и скотоводства и со львомъ или Аполлона en face; на оборотѣ грифонъ, держащій въ зубахъ стрѣлу, подъ ними пшеничный колосъ и буквы Παν. Голова Аполлона, увѣнчанная лаврами; на оборотѣ пасущійся олень и надпись Παντικαπαιτων. Голова Вакханки, увѣнчанная плющемъ; на оборотѣ львиная голова и надпись Παν. Голова воина въ шлемѣ; на оборотѣ носъ судна и Παν. Тоже а на оборотѣ дельфинъ и Παν. Старикъ съ бородою на оборотѣ лукъ и стрѣлы. Голова Пана съ аттрибутами рыбнаго промысла или съ тренож-

никомъ. Тоже съ аттрибутами охоты или носъ судна и Παν. Тоже съ аттрибутами сельскаго хозяйства или—орелъ съ распущенными крыльями и Παν. Тоже съ ослиными ушами, козлиными ногами или голова старика и Παντι. Голова Аполлона и носъ судна. Тоже голова Аполлона и драконъ, поднимающійся на хвостѣ. Геркулесъ съ палицею, умерщвляющій гидру. Голова царя, трезубецъ и надпись; на оборотѣ голова Галліяна, предъ нею К. Тотъ-же образъ; на оборотѣ голова римскаго императора и три точки. Монеты 4-й династіи нерѣдко имѣютъ контромарку, что извѣстно было у римлянъ подъ названіемъ numi recusi. Они дѣлались обыкновенно при недостаткѣ металла или измѣненіи курса. Сколько мы замѣтили контромарка Босфорскаго царства клалась на существовавшія монеты изъ коричневаго состава, а въ Херсонской республики изъ чернаго. Къ этому времени принадлежатъ монеты съ изображеніемъ римскихъ или пантикапейскихъ государей съ почетными знаками, присылаемыми изъ Рима и надписью, съ трудомъ изъясняемою, такъ напр. царь Котисъ пишется тремя буквами ВА и К т. е. *василевсъ* (царь) и К. (Котисъ) но есть монета этого-же государя, гдѣ прописано: Βασιλεως Κοτυος съ изображеніемъ его головы трезубцемъ и дубинкою; на оборотѣ побѣда держитъ въ правой рукѣ вѣнокъ, а въ лѣвой пальму, по сторонамъ М и Н. Вторая на лицевой сторонѣ .... Ου Σαυρματου, лавровый вѣнокъ на карульномъ креслѣ; по сторонамъ его: круглый щитъ съ копьемъ и жезлъ съ бюстомъ на верху. На оборотѣ: голова императора Тиберія въ вѣнкѣ. По сторонамъ буквы М и Н. Третья ... Ιουλιου Βασιλεος Σαν... Голова Савромата съ распущенными по плечамъ волосами; на оборотѣ: среди двухъ зубчатыхъ башень ворота въ стѣнѣ. Подлѣ воротъ вѣтвистое дерево, у котораго стоитъ связанный человѣкъ. Внизу буквы М и Н. Четвертая. Βασιλεως Ροιμηταλκον, голова Римиталка, вправо трезубецъ; на оборот. сторонѣ побѣда съ вѣнкомъ и пальмою, по бокамъ М. Н. Пятая. Βασιλεως Ρησκουποριδος, голова этого царя,

на оборотѣ голова императора Каракаллы въ вѣнкѣ. Впереди трезубецъ, а внизу ΘΦ. или голова императора Елагабала въ вѣнкѣ съ надписью Ζιφ. (517 года).

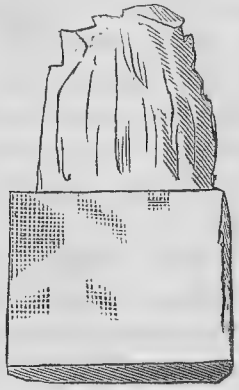
Торсы, статуи и барельефы.

Керчь съ ближайшими окрестностями представила намъ очень много обломковъ отъ статуй и полуиспорченныхъ барельефовъ. Есть люди, которые полагаютъ, что турки потѣшались разрушеніемъ этихъ памятниковъ древности; но по нашему мнѣнію, сокрушеніе ихъ слѣдуетъ приписать первымъ проповѣдникамъ христіанства во первыхъ съ цѣлью доказать ничтожество этихъ статуй въ религіозномъ отношеніи и наконецъ, чтобы лишить возможности послѣдователей новаго ученія возвратится къ прежнимъ вѣрованіямъ. Турки, сколько намъ извѣстно, охотно подбирали мраморные колонны на свои надгробные памятники, а барельефы на постройки; но чтобы спеціально заниматься уничтоженіемъ ихъ, это совершенно несправедливо. Но что христіане занимались этимъ, это доказывается порчею головы какъ на статуяхъ, такъ равно и на барельефахъ. Такъ или иначе, но мы, судя по множеству этого рода памятниковъ, доставшимся намъ въ безображенномъ видѣ, должны предполагать, что повинны въ этомъ были проповѣдники новой религіи. Къ счастію мы наслѣдовали надписи, которыя были важнѣе рисунковъ.

Вотъ списокъ найденнымъ въ Керчи мраморнымъ издѣліямъ:

1) Два грифона, которые по настоящій день украшаютъ керченскіе ворота. По предположенію археологовъ это фантастическое животное искони было гербомъ Босфорскаго царства, которымъ изображается и теперь. 2) Два льва, нынѣ находящіеся въ Ѳеодосійскомъ музеумѣ. 3) Торсъ Цибеллы, найденный на Митридатовской горѣ. 4) Торсъ Геркулеса. 5) Торсъ эскулапа, найденъ въ оградѣ теперешней греческой церкви, что

заставляетъ думать, что здѣсь былъ храмъ въ честь Эскулапа. 6) Алтарь Цереры съ изображеніемъ 6 женскихъ фигуръ. 7) Обломокъ отъ алтаря Эскулапа съ фигурами больныхъ. 8) Часть мраморнаго храмоваго фриза древнѣйшей іератической формы, изображающаго Венеру, Меркурія и Діану. и 9) Мраморный саркофагъ, крышка котораго имѣетъ длину 3 арш. 11 вер., ширину 1 арш. 11 вер., а толщину 6 вер. На немъ изображено ложе, покрытое узорчатымъ ковромъ, на которомъ лежитъ мущина, обнимающій женщину съ свиткомъ въ рукахъ. Фигуры безъ головъ. Все это сдѣлано великолѣпнымъ образомъ. Съ боковыхъ частей этого гроба много изображеній, но только у одной фигуры сохранилась голова. Объ остальныхъ вещахъ подобнаго рода мы не имѣемъ особенной надобности говорить. Притомъ для этого понадобилось-бы много времени. Теперь перейдемъ къ остаткамъ статуй и барельефовъ, на которыхъ сохранились рисунки и надписи, и которыя большинствомъ находятся въ мѣстномъ музеумѣ и у склепа при царскомъ курганѣ. Естественно, что мы представимъ только нѣсколько экземпляровъ.



Δημαρχοσ σκυθω
Ανεθηκεν αφοδιτι
Ουρανιηιατα τουρο

Μεδεουσηι....
Αρχοντοσ
Λευκωνοσ βοσπορ
Και Θεοδοσηισ

Въ переводѣ значитъ: Димархъ (воевода) скиѳовъ воздвигъ Венерѣ Ураніи Апатурійской .... архонта Левкона Воспорскаго и Ѳеодосійскаго.

Другая мраморная-же статуя также безъ головы представляетъ неизвѣстнаго архонта, одѣтаго въ паллій, расположенный роскошными складками. По изяществу работы статую эту относятъ къ III вѣку *). Но самыя лучшія статуи, открытыя въ 1850 году на двухъ-саженной глубинѣ изъ желтоватаго мрамора, къ сожалѣнію перенесены отсюда въ эрмитажъ и мы можемъ сказать о нихъ только потому, что лично осматривали въ Петербургѣ. Статуи эти оказались совершенно цѣлыми, но безъ пьедесталовъ. Одна изъ нихъ представляетъ мущину среднихъ лѣтъ, повидимому римскаго сановника, одѣтаго въ тунику и сверхъ оной въ широкую мантію (pallium); другая изображаетъ женщину несравненно моложавѣе мущины, также въ туникѣ съ наброшеннымъ пеплусомъ. Обувь мужской статуи составляетъ родъ полусапожекъ, извѣстныхъ въ древности подъ названіемъ скиѳской обуви, а статуи женской, греческій котурнъ. Обѣ они имѣютъ около 3 арш. вышины и представляютъ образцы утонченнаго искусства. Если Пантикапейцы старались подражать Аѳинянамъ, то нѣтъ сомнѣнія что у нихъ было множество статуй замѣчательныхъ скульпторовъ **). Не смотря на то, что намъ достались немногія изъ нихъ въ цѣломъ видѣ, мы обладаемъ очень многими камнями съ надписями, свидѣтельствующими, что они принадлежали этого рода памятникамъ. Надписи эти слѣдующаго содержанія:

*) Лучшія скульптурныя издѣлія въ Элладѣ относятся за 437 лѣтъ до Р. Х.

**) Всѣмъ извѣстно что у Аѳинянъ искусство этого рода было, такъ сказать, частью жизни и бытія. Такъ напр. по разсказу Плинія, на одномъ Олимпѣ выставлено было болѣе 3 тысячъ статуй изящной работы.

Regem. TI. IVL. SAV..
Romaten AMICVM.
Imp. POPVLIQ.
R. PRAESTAN
TISSIMVM. C. I. F. S.
LX. D. D.

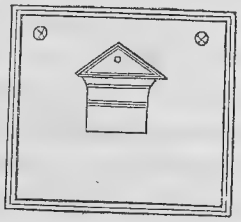
(т. е. Regem Tiberium Julium Savromaten amicum imperatoris populique Romani praestantissimum cains Julii Filius Columnam voltivam cum effigie regis LX annorum nati dono dedit).

Въ переводѣ: царя Тиберія Іулія Савромата, друга императора и народа римскаго наилучшаго, Кадій сынъ Іулія въ 60 г. жизни царя это изображеніе въ даръ Богамъ въ храмъ приноситъ. На другихъ написано: „памяти Тиверія Юлія Рископуриса въ 512 году (216 г. нашей эры)“ и подобныя приведеннымъ нами въ обзорѣ династіи Босфорскаго царства или напр. „Теисій изъ Византіи въ честь брата воздвигъ Венерѣ; Крестіонъ сынъ князя—Саласа царицѣ Венерѣ Ураніи Апатурійской въ 539 году мѣсяца Ксандика; Аристіонъ Аристофановъ сынъ—Афродитѣ и т. д.

Изъ пьедесталовъ, видѣнныхъ въ Керчи Палласомъ въ концѣ минувшиго столѣтія, въ особенности останавливаетъ вниманіе сохранившій слѣды ступней статуи и слѣдующаго рода надпись: Βασιλεγ Σπαρίσαδ$_0$ γτ$_0$ γσ Παρτ$_0$κ$_0$ γλεωστατ$_0$ς Τερτ$_0$ ιαδελψι τος μιτ ρια... т. е. царь Спарисадъ изъ Парты и съ нимъ свѣтлѣйшій Терто братъ мачихи....

Къ третьему разряду памятниковъ, найденныхъ въ Керчи и окрестностяхъ ея принадлежатъ барельефы на известковыхъ камняхъ, съ различнаго рода изображеніями и надписями. Такъ напр. изъ видѣнныхъ Палласомъ, первый представлялъ верховаго, говорящаго съ молодымъ человѣкомъ. Ниже представленъ лежащій на кровати подъ одѣяломъ въ шапкѣ; у ногъ его сидитъ человѣкъ, облокотившійся на руку; у изголовья слуга съ

чашею, а другой съ яствами. На второмъ: верховой безъ шапки, съ пикою въ рукахъ, предъ нимъ стоящій человѣкъ. Ниже: лежащій подъ одѣяломъ мужчина съ чашею въ рукѣ; другую руку онъ протянулъ къ ребенку, котораго подаетъ ему женщина, сидящая у ногъ на стулѣ. По обѣ стороны ложа — друзья или родные. Тутъ-же столъ съ чашами, въ заключеніе надпись: Ετρτων προτομαχ χρηστε χαιρε (т. е. воинственный первоборецъ Христѣ радуйся). На третьемъ, съ стершеюся надписью, изображенъ человѣкъ въ плащѣ, съ скрещенными руками, за нимъ другой, склонившійся на колѣна. На четвертомъ: подъ портикомъ мужчина, облокотившійся на столбъ, предъ нимъ мальчикъ. Ниже надпись: „Инана матерь Минодора и сестра Диміостратія, радуйся". На пятомъ, рисунокъ, котораго мы представляемъ для знакомства читателя, изображенъ верховой безъ одежды и предъ нимъ молодой человѣкъ на колѣняхъ. Ниже надпись: „Изусъ Аполлонъ говоритъ: любящіе радуйтесь! (Ηξοις Απολλων δουτοιεπαταπωσιν χαιρη).



Кромѣ этихъ, есть съ слѣдующими надписями: 1) Сооруженъ въ память своего кормильца Мемнона 426 г. 2) Тимофей постельничій съ женою Калистроніею воздвигли сей памятникъ для себя. 3) Имя и отчество, съ надписью „радуйся!" 4) Такой-то посвятилъ такому-то. 5) Что товарищи почтили памятникомъ. На 6 написано о награжденіи Θеофила сенатомъ и народомъ золотымъ перстнемъ за пользы городу. На 7 сказано: жестокій Марсъ Номадовъ поразилъ Лизимаха, о которомъ всѣ тяжко горевали, сожалѣя о цвѣтущей молодости. На

8-мъ: Тимофей, сынъ Дазеиса, благо тебѣ! Ты умеръ на три декаты (30 лѣтъ). О несчастный! я оплакиваю тебя на твоей горестной могилѣ; имѣй хорошее мѣсто среди тѣхъ, которые умерли прежде и положены въ одну гробницу съ тобою" и т. п. Описывая изображенія на этихъ барельефахъ, которыхъ много находится въ Керченскомъ музеумѣ и у входа въ царскій курганъ, мы обязаны разъяснить значеніе этихъ фигуръ по общему заключенію современныхъ археологовъ. Такъ напримѣръ, стоящій или верховой—эмблема отходящаго. Если онъ вооруженъ—то воинъ, безъ оружія—гражданинъ. Фигуры сидящія представляютъ семейство скорбящихъ. Женщина съ урною—символъ смерти. Фигуры лежащія, со столомъ и сосудами—погребальное пиршество. Фигуры, подающія руки—вѣчную разлуку и прощаніе. Фигуры у колоннъ—выраженіе печали и выпрашиваніе утѣшенія. Фигуры въ плащѣ и дѣти представляютъ покойника, оставившаго дѣтей, а фигуры съ ящикомъ—приношеніе ароматовъ для покойника. Говоря о надписяхъ, мы должны сказать, что таковыя были и на другихъ вещахъ, такъ, напр. на одномъ перстнѣ вырѣзано имя царя Тиверія Юлія Рископорида, на серебряномъ подносѣ, о которомъ мы говорили раньше, написано въ центрѣ АВ, а на оборотѣ: Βασιλεως Ρησκογπορει и кромѣ этого на нѣкоторыхъ амфорахъ и вазахъ.

Изъ древнѣйшихъ памятниковъ временъ христіанства, въ Керчи останавливаетъ особенное вниманіе сохранившаяся до настоящаго времени въ цѣлости церковь во имя усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, имѣющая 6 саженъ въ длину, $3^1/_2$ въ ширину и 7 въ вышину. Внутренность ея аркообразная. Храмъ этотъ находился внутри разрушенной крѣпости. Поддерживаемый четырьмя мраморными колоннами, онъ по устройству своему представляетъ самый древнѣйшій изъ памятниковъ христіанства въ Тавридѣ, что доказывается коротенькою эпитафіею на одной изъ колоннъ у лѣваго клироса и именно: „Здѣсь покоится рабъ Божій Киріакъ, представился мѣсяца Іунія 3, часа.. 10 отъ Адама 6260 г. Послѣдующими древностями храма этаго

считаются двѣ мраморныя-же доски внѣ церкви, вдѣланныя въ стѣны ея съ надписями: 1) Θεοναυε Διονυσιου αμαστριανε χαιρε и 2) Ποπλιυιε κοσσα χαίρε.

Тамъ-же, въ западномъ углу храма, большой камень съ оттискомъ подобія человѣческой ноги, которая, по разсказу однихъ приписывается апостолу Андрею Первозванному, а по другихъ—Іоанну Крестителю *). Храмъ этотъ, при переходѣ Крыма въ наше распоряженіе, въ 1801 году, вслѣдствіе большаго углубленія въ землю, поднятъ былъ на два аршина, причемъ къ нему сдѣлана пристройка. Тѣмъ, которые пожелали-бы ознакомиться съ его внутренними древностями, мы предлагаемъ обратить вниманіе на св. трапезу и жертвенникъ, утвержденные на 4-хъ каменныхъ столбахъ, покрытыхъ каменными-же досками; на иконостасъ орѣховаго дерева, замѣчательный греко-византійской работой, позолотою и древними иконами Спасителя, Пресвятыя Богородицы и Іоанна Предтечи, на греческое Евангеліе и апостолъ на пергаментѣ, писанные, повидимому, въ XI вѣкѣ, на образъ Варвары мученицы 1703 г., три подсвѣчника желтой мѣди и того-же металла паникадило съ 28-ю ставниками.

О прочихъ церквахъ, существующихъ въ окрестностяхъ Керчи мы не будемъ здѣсь говорить, такъ какъ не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній о времени ихъ постройки, но сообщимъ о нихъ въ отдѣлѣ исторіи христіанства.

Въ сосѣдствѣ Керчи, близъ карантинныхъ построекъ, гдѣ найдено много древнихъ вещей и надписей, по предположеніямъ Дюбрюкса, находился городокъ Мирмикіонъ, иначе называемый змѣинымъ. Страбонъ говоритъ, что Мирмикіонъ находился въ 20 стадіяхъ (4 версты) отъ Пантикапеи. Точно-ли здѣсь нахо-

---

*) Сколько намъ извѣстно, апостолъ Андрей былъ въ Пантикапеи и, слѣдовательно послѣдователи его могли вырубить въ память о немъ его поступь на камнѣ, но Іоаннъ Креститель, какъ извѣстно, никогда не бывалъ въ Тавридѣ и предположеніе это совершенно неумѣстно.

дилось это поселеніе или нѣтъ, трудно опредѣлить, но судя по остаткамъ циклопической стѣны, мы должны вѣрить, что здѣсь существовало укрѣпленіе, какія устраивались при городахъ. Въ предположеніи, что здѣсь именно былъ Мирмикіонъ, мы невольно вспоминаемъ приведенное нами раньше преданіе византійца Льва діакона, современника кіевскаго великаго князя Святослава I Игоревича, который пишетъ: „Арріанъ говоритъ въ своемъ периплѣ что Пелеевъ сынъ Ахиллъ былъ родомъ Скиѳъ, изъ небольшаго городка Мирмикіона, стоявшаго близъ озера Меотиса; что послѣ уже, изгнанный скиѳами за необузданность, жестокость и высокомѣріе, онъ поселился въ Ѳессаліи. Яснымъ доказательствомъ тому служили: покрой плаща его съ пряжкою, навыкъ сражаться пѣшимъ, свѣтлорусые волосы, голубые глаза, безумная отвага, вспыльчивость и жестокость, за что порицаетъ его Агамемнонъ въ сихъ словахъ: „тебѣ пріятны всегда споры, раздоры и битвы (Илліада Гомера, пѣснь I стихъ 177. *)

Затѣмъ слѣдуетъ Еникале (новая крѣпость), о которой мы уже говорили. Къ сѣверу отъ послѣдняго, въ полуверстѣ отъ берега Азовскаго моря на мысѣ, гдѣ воздвигнутъ съ 1821 года маякъ, снова встрѣчаются развалины, которыя по мнѣнію Дюбрюкса, принадлежали Парѳеніону, опредѣленному Страбономъ въ 40 стадіяхъ отъ Мирмикіона, затѣмъ полагаютъ между этими городами Геракліонъ, а на берегу Азовскаго моря на мысѣ, образующемъ небольшой заливъ, противъ соленаго озера Чокракъ, слѣды, будто-бы генуэзской крѣпости. Въ заключеніе мы должны упомянуть о Нимфеи, которая по свидѣтельству безъименнаго перипла, находилась въ 25-ти стадіяхъ (5 верстахъ) отъ Пантикапеи и которую современные намъ археологи опредѣляютъ въ окрестностяхъ Павловской батареи, гдѣ дѣйствительно находятся остатки башень, стѣны и рва, которые Бла-

---

*) См. ист. Льва діакона Калойскаго. Переводъ Д. Попова, С.-Петербургъ, 1820 г. стр. 93.

рамбергъ, принимая за укрѣпленіе Аѳинянъ, добавляетъ, что оно перешло къ Воспорскимъ царямъ по предательству Гилона, предка со стороны матери оратора Демосѳена и что этимъ обстоятельствомъ воспользовался Есхинъ, дѣлая упреки своему противнику. О мѣстоположеніи Нимфеи мы высказали наше мнѣніе раньше и полагаемъ что городъ этотъ не могъ быть основанъ подъ самою Пантикапеею.

КОНЕЦЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ

КРЫМА

В. Х. Кондараки,

Члена Императорскихъ Обществъ: Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Одесскаго Исторіи и древностей и Ялтинскаго садоводовъ и винодѣловъ.

ЧАСТЬ ШЕСТЬНАДЦАТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Веллинга, Англійскій просп., домъ № 10.

1875.

Миѳологическія божества въ Тавридѣ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію исторіи Христіанства въ Тавридѣ, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какую религію исповѣдывали въ странѣ этой обитатели ея до рождества Христова.

Мы уже говорили, что первенствующими городами до-христіанской эры въ теперешнемъ Крымскомъ полуостровѣ были Пантикапея, Херсонесъ, Каркинитъ, Сугдаіа и вообще поселенія на мѣстности извѣстной подъ названіемъ Тавріи, а такъ какъ послѣдняя раньше другихъ дѣлается извѣстною древнему міру, то намъ приходится начать наше повѣствованіе съ нея.

Тавро-скиѳы, какъ извѣстно, имѣли резиденцію своего царя въ Тавраполѣ, который находился, судя по свидѣтельтву всѣхъ древнихъ писателей, на мѣстѣ теперешней татарской деревни Парѳенитъ, гдѣ основанъ былъ храмъ въ честь Діаны. Такъ-ли это или нѣтъ—мы не имѣемъ положительныхъ основаній утверждать, но намъ достовѣрно извѣстно, что въ храмѣ ихъ, извѣстномъ подъ названіемъ Діаны Таврійской, служила жрицею Ифигенія, дочь царя Агамемнона, въ которомъ приносили въ жертву плѣнныхъ, обезглавливая ихъ и, сбрасывая трупы со скалы въ море; другимъ-же отрубали головы и, привязывая оныя къ длиннымъ шестамъ, ставили на кровляхъ или на трубахъ, почитая это за охраненіе домовъ. Этого мало, они употребляли въ питье кровь перваго плѣнника, другимъ выкалывали

глаза, а съ нѣкоторыхъ сдирали кожи и сшивали себѣ одѣянія и покрывала конямъ, а черепы обращали въ сосуды, покрывая внутренность ихъ позолотою. Такимъ образомъ умилостивлялось мечтательное божество, о которомъ слава распространилась въ дальнія страны и возбудила въ эллинахъ страсть похитить истукана его. Намъ чрезвычайно хотѣлось-бы посвятить читателя въ подробности богослуженія Тавро-скиѳовъ этой богинѣ, но къ сожалѣнію никто изъ древнихъ писателей не оставилъ намъ по этому предмету никакихъ свѣдѣній. Однако надо полагать, что, пользуясь громаднымъ значеніемъ въ боготворящемъ ее народѣ, божество это замѣняло имъ всѣ остальныя миѳологическія представленія верховныхъ силъ и считалось покровителемъ не только въ битвахъ, звѣроловствѣ но и въ прочихъ житейскихъ потребностяхъ. Предоставляя волю предположеніямъ, мы готовы вѣрить, что новорожденный младенецъ прежде всего сносился на жертвенникъ Діаны, гдѣ испрашивалось ему благо для будущей жизни и произносилось обѣщаніе вѣрно и честно служить установленнымъ въ честь ея правиламъ. Можетъ быть и сочетающіеся бракомъ не иначе вступали въ права супружества, какъ только, пробывъ съ невѣстою первую ночь у алтаря этого кровожаднаго божества.

Въ Херсонесѣ, сколько намъ извѣстно, Иракліоты боготворяли двѣ верховныя силы: Артемиду и Аполлона. О послѣднемъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній и не знаемъ навѣрно, существовалъ-ли въ этомъ городѣ въ честь его храмъ; но что касается Артемиды, то о храмѣ ея не только свидѣтельствуютъ древніе писатели и составители жизнеописанія первыхъ іерарховъ христіанства въ Херсонесѣ, но даже лица, видѣвшія слѣды развалинъ его въ концѣ прошлаго столѣтія въ сосѣдствѣ Георгіевскаго монастыря. Но Херсонесцы не такимъ образомъ обоготворяли свое божество, какъ Тавры. Ни одинъ изъ древнихъ бытописателей не повѣствуетъ намъ о томъ, чтобы Ираклійцы имѣли обыкновеніе жертвоприносить людей. Слѣдовательно мы вправѣ думать, что богопочитаніе ихъ было бо-

лѣе разумное, основанное на правилахъ, принятыхъ Эллинами. Но въ чемъ оно заключалось—мы также не знаемъ. Тѣ изъ писателей, которые утверждаютъ, что къ храму этому вело 40 ступеней, заставляютъ насъ двояко мыслить о его назначеніи: эти сорокъ ступеней или вели по надъ пропастію къ берегу моря или къ олтарю, который поднятъ былъ очень высоко надъ землею. Если допустить первое, то вѣроятно въ немъ жертвоприносили животныхъ, которыхъ сбрасывали въ пропасть на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ; если-же послѣднее, то безъ сомнѣнія въ немъ воскуривались фиміамы, въ виду чего устраивались различныя игры и другія религіозные обряды.

Одновременно съ этимъ, въ Херсонесѣ обитали Іудеи, вышедшіе изъ Палестины, повидимому, за нѣсколько столѣтій до Р. Х., которые, надо полагать, подготовляли согражданъ своихъ къ вѣрованію въ единое божество, управляющее мірами и не требующее никакихъ чрезвычайныхъ жертвъ, за исключеніемъ душевной любви и добрыхъ отношеній къ стороннимъ лицамъ. Что они успѣли вселить въ нихъ эти послѣдніе принципы, можно подмѣтить изъ того, что Евреи свободно исповѣдывали въ Херсонесѣ свою религію и ратоборствовали, какъ только появлялись проповѣдники Евангелія.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать о Пантикапеѣ, славной столицѣ Босфорскаго царства. Здѣсь мы уже встрѣчаемъ всю почти миѳологію древней Греціи и въ главѣ ихъ бога Пана съ ослиными ушами на козлиныхъ ногахъ. Это божество, судя по изображаемымъ аттрибутамъ его власти (на монетахъ), было покровителемъ земледѣлія, скотоводства, рыбнаго промысла, пастуховъ-охотниковъ и вообще главныхъ занятій и промысловъ, въ которыхъ имѣли необходимость жители этой оконечности полуострова. Затѣмъ богопочитаніе воздавалось Діанѣ, подъ именами Протоѳроны, Агротеры и Астры, которую изображали съ башнею на головѣ, верхомъ на львѣ или въ колесницѣ, влекомой львами. Венерѣ Апатурійской, Аполлону, Церерѣ Ѳесмофорѣ (законодательницѣ); Марсу, Геркулесу, Нептуну, Меркурію, Эскулапу, Вакку

Діоскурамъ, представляющимъ дневное свѣтило и прочимъ. Судя по найденнымъ обломкамъ съ изображеніями этихъ божествъ, мы властны предполагать, что въ богатѣйшей Пантикапеѣ, архонты и граждане которой заискивали дружбу и благоволеніе Аттики, существовали не только храмы во имя этихъ боговъ, но даже и соблюдались всѣ принятыя въ Элладѣ таинства и игры, изъ числа которыхъ одна, извѣстная подъ названіемъ лампадидромія, повидимому, считалась самою любимою и состояла въ бѣгствѣ молодыхъ людей съ зажженными факелами въ рукахъ отъ указанной точки до жертвенника храма, но съ тѣмъ, чтобы у опередившаго остался факелъ горящимъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ Тавриды, такъ напр. въ Каркинитѣ, мы, судя по изображенію Діаны на монетѣ его, а около Симферополя (въ предполагаемомъ Неаполѣ) по надписи въ честь *Юпитера Атавирскаго*, а въ Ѳеодосіи въ честь Цереры,— заключаемъ, что тамъ воздавались почести этимъ божествамъ. Что же касается прибрежныхъ поселеній Тавріи, то судя по жизнеописанію Кирила-философа, обитатели этихъ мѣстъ воздавали поклоненіе деревьямъ и т. п. предметамъ.

Таковы были вѣрованія первыхъ обитателей Крымскаго полуострова, до появленія въ него первыхъ проповѣдниковъ Евангелія, но вообще говоря о религіи населявшихъ Тавриду народовъ греческаго происхожденія, мы приходимъ къ убѣжденію, что она возбуждала тотъ-же таинственный ужасъ, какъ и въ самой Элладѣ и что и здѣсь суевѣріе достигало безпредѣльныхъ размѣровъ. Если въ Греціи Продикъ былъ осужденъ на казнь за поруганіе божества, а Діагоръ, отрицавшій ихъ, долженъ былъ бѣжать, потому что голова его была оцѣнена и вдобавокъ поставленъ позорный столбъ, то весьма вѣроятно, что и въ Тавридѣ придерживались узаконенію за всякое святотатство подвергать смертной казни и лишенію погребальныхъ почестей. Намъ также извѣстно, что въ Аѳинахъ осуждали на смерть гражданина, еслибъ онъ позволилъ себѣ, вырвать кустикъ растенія изъ

священной рощи эскулапа и того-же заслуживалъ даже ребенокъ за похищеніе листочка изъ вѣнца Артемиды.

Въ противоположность къ сказанному, мы встрѣчаемъ у Ѳеокрита, что высѣкли розгами статую Пана за то, что онъ не пособилъ поймать на охотѣ побольше дичи.

Намъ также не безъизвѣстно, что въ греческихъ капищахъ богатство было безмѣрное; что жрецы и жрицы были выбираемы, а не составляли касту; что богамъ приносили жертвы и ограничивались не одними молитвами, но публичными играми, бѣгами, скачками, бросаніемъ копій, дисковъ, борьбою и кулачнымъ боемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти правила перешли и въ греческія эмпоріи Тавриды, наслѣдовавшія и суевѣрія Эллады, которыя доходили до крайней глупости. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, такъ напр. при войскахъ считали необходимостію содержать жертвогадателей и предсказателей и что воины только тогда охотно шли на войну, когда жертвенныя знаменія оказывались благопріятными. Гораздо страннѣе покажется, если мы скажемъ, что лунное затмѣніе заставило Аѳинскаго полководца Никія положить предъ непріятелемъ оружіе, а чиханіе послужило поводомъ войску выбрать полководцемъ своимъ Ксенофонта. Если таковы были вѣрованія просвѣщенныхъ Эллиновъ, то младшая братья ихъ, разсѣянная по міру, вѣроятно многимъ превосходила ихъ въ невѣжествѣ.

Первые проповѣдники Евангелія въ Тавридѣ и вообще исторія христіанства этой страны.

Изъ всего сказаннаго нами раньше, читатель вѣроятно убѣдился, что Таврическій полуостровъ съ глубокой древности обращалъ на себя вниманіе смѣлыхъ купцовъ и вообще людей дѣятельной и предпріимчивой натуры. Кромѣ интересовъ, ихъ влекло въ эту страну удобство сообщенія съ тогдашнимъ обра-

зованнымъ міромъ, блистательная жизнь народовъ Босфорскаго царства (расположеннаго въ центрѣ Азовскаго и Чернаго морей, пограничныхъ съ богатѣйшимъ Кавказомъ и славянскими землями), которые пользовались благоразумнымъ монархическимъ управленіемъ, служившимъ не только порукою общаго благосостоянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнаго прогресса. Этого мало: въ противоположномъ концѣ Тавриды, на крошечномъ Трахейскомъ полуостровѣ, существовалъ также греческій, но уже республиканскій городъ, славный своими укрѣпленіями и храбростію обитателей, успѣвшихъ прославиться и торговыми дѣйствіями на столько, что почти всѣ древніе приморскіе города имѣли постоянное сообщеніе съ ними, въ особенности-же Анатолія, жителямъ которой и обязана была Таврида сооруженіемъ этого важнаго для насъ города, о богатствѣ и великолѣпіи котораго до настоящаго времени разсказываютъ анатолійскіе греки баснословныя легенды. По ихъ преданіямъ Херсоница (Херсонесъ) былъ обширнѣйшій торговый городъ, куда стремились не одни только купцы извѣстнаго тогда міра, но и риторы и мудрецы, даже многіе цари посылали сюда на воспитаніе дѣтей. Если къ этому мы прибавимъ, что и вся приморская полоса, начиная отъ Херсонеса до славной Пантикапеи, была густо населена первобытными Анатолійскими греками, которые однако за много столѣтій до Р. Х. управлялись эллинскимъ царемъ Ѳоасомъ, навѣрное вселившимъ въ нихъ врожденные принципы своей націи,—то дѣлается яснымъ, что страна эта должна была обращать вниманіе не однихъ коммерческихъ дѣятелей, но и сильныхъ словомъ проповѣдниковъ, въ убѣжденіи, что брошенныя ими здѣсь сѣмена великой истины, легко разнесутся по міру. Вотъ почему на окрайнахъ Тавриды, вскорѣ послѣ вознесенія Іисуса Христа, одновременно съ Римомъ являются первые проповѣдники Евангелія. Св. апостолъ Андрей Первозванный, послѣ чудесъ, сотворенныхъ въ Синопѣ, направилъ благія стопы свои къ Сѣверу и въ числѣ прочихъ, озаренныхъ имъ свѣтомъ истины, городовъ удостоились принимать славнаго

учителя Пантикапея, Θеодосія и Херсонесъ. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи апостола были блистательны въ послѣднемъ городѣ, гдѣ народъ, изумленный его сильнымъ словомъ и чудотворною силою до послѣднихъ дней существованія Херсонеса, съ благоговѣніемъ стекался къ слѣду его ноги, оставленному на одной изъ ступеней городской пристани *). Но такъ какъ апостолъ недолго оставался здѣсь, то и число новообращенныхъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, не могло быть великимъ. Оставленные-же имъ намѣстники изъ туземцевъ, весьма естественно, терпѣли ожесточенную борьбу отъ согражданъ, закоснѣлыхъ въ миѳологическихъ олицетвореніяхъ божественныхъ силъ; если же они пользовались успѣхомъ, то правители города, подстрекаемые Іудеями, въ видахъ сохраненія порядка, старались сокрушать распространяющееся ихъ вліяніе—лишеніемъ свободы и ссылкою на каменоломни сосѣдственнаго Инкермана. Послѣднее предположеніе наше пріобрѣтаетъ фактическое значеніе при соображеніи, что папа Климентъ, при заточеніи его въ Инкерманѣ, въ 93 году, встрѣтилъ въ немъ около двухъ тысячъ труженниковъ, сосланныхъ за исповѣданіе Евангелической истины. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода заключать, что, эти несчастные были граждане другихъ городовъ, потому что кромѣ Херсонеса, только Римъ одинъ вправѣ былъ подвергать такой ссылкѣ, а первый сосланный имъ христіанинъ былъ Климентъ. Слѣдовательно это были миссіонеры самаго Херсонеса, павшіе предъ происками Самарянъ, которые, судя по біографическимъ даннымъ о первыхъ епископахъ Херсонеса, обитали въ этомъ городѣ въ большомъ числѣ и пользовались огромнымъ значеніемъ.

Понятно, что подобныя мѣры остановили-бы на долго распространеніе ученія Христа въ Тавридѣ, еслибъ не явился въ чи-

*) Въ нѣкоторыхъ греческихъ часословахъ упоминается, что въ Херсонесѣ, кромѣ апостола Андрея, былъ и апостолъ Θома. Относительно слѣда ноги, мы полагаемъ, что онъ вырублен былъ послѣдователями апостола на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ.

слѣ ссыльныхъ, замѣчательный даромъ слова и твердостію характера, первый епископъ Рима Климентъ, ученикъ и другъ апостола Петра, изъ рукъ котораго воспріялъ священство. Этотъ славный родомъ первосвященникъ, очутившись въ средѣ многочисленныхъ христіанъ, проникнутыхъ уже словомъ брата того апостола, которому предался онъ отъ всей души, образовалъ въ ссылкѣ своей ту первую христіанскую обитель, которая послужила святильникомъ, озарившимъ не только полудикія племена Тавриды ученіемъ Іисуса, но которая осѣнила знаменіемъ креста Херсонесъ, всю приморскую полосу до Пантикапеи и наконецъ свѣтъ ея величественно возсіялъ и надъ всею Россіею.

Такъ какъ всѣмъ этимъ мы обязаны свящ. мученнику Клименту, то намъ необходимо остановиться на свѣтлой личности этого епископа и въ краткихъ словахъ изобразить его дѣянія въ Инкерманѣ, куда онъ ссылался не въ качествѣ осужденнаго крамольника, а какъ человѣкъ самаго энергичнаго характера, готовый ниспровергнуть въ горделивомъ Римѣ издревле существующій порядокъ религіозныхъ вѣрованій и тѣмъ пошатнуть народное довѣріе къ главѣ правительства, отъ котораго должны были истекать всѣ нововведенія. Царствовавшій въ это время императоръ Траянъ, не имѣя точнаго понятія о тѣхъ нравственно благихъ проповѣдяхъ Климента, которыя онъ смѣло произносилъ на площадяхъ, постановилъ: изгнать его въ заточеніе, какъ человѣка, который, по его мнѣнію, искалъ вліянія на его подданныхъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи употребить его въ пользу честолюбивыхъ возрѣній, такъ какъ Климентъ происходилъ изъ рода кесарей. Принявъ въ основаніе подобную мысль—такому человѣку подобала политическая смерть при всякомъ правительствѣ—и мы видимъ, что самые величайшіе проповѣдники христіанства, начиная отъ самаго Іисуса Христа, которымъ удавалось властвовать изреченіемъ простой истины, какъ только пріобрѣтали значительное число слушателей и послѣдователей, дѣлались ненавистными для тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилось коромысло народнаго управленія.

Вотъ историческо-церковныя свѣдѣнія, сохранившіяся о папѣ Климентѣ. Потерявъ изъ виду родителей въ юныхъ лѣтахъ, Климентъ, прошедъ философскія науки, постоянно находился подъ гнетомъ идеи: существуетъ-ли за предѣлами гроба какая-либо жизнь? Тяжелая мысль объ этомъ не давала ему покоя до тѣхъ поръ, пока, услышавъ объ ученіи Іисуса, онъ рѣшился посѣтить Іудею. Въ Александріи Климентъ повстрѣчался съ апостоломъ Варнавомъ, сообщившимъ ему много утѣшительныхъ истинъ. Затѣмъ, въ кесаріи онъ увидѣлъ апостола Петра и до того былъ увлеченъ его убѣдительными проповѣдями, что воспріялъ отъ руки его Св. Крещеніе. Вѣра и преданность его къ апостолу удвоилась съ того времени, когда могущественный проповѣдникъ отыскалъ ему мать, отца и брата и, исцѣливъ ихъ отъ недуговъ, обратилъ въ христіанство. Впослѣдствіи, когда Петръ явился въ Римъ, Климентъ, преданный ему отъ всей души, возведенъ былъ апостоломъ въ санъ римскаго епископа и въ свою очередь горячо принялся проповѣдывать заповѣди Іисуса *). Быстрые успѣхи новаго епископа встревожили властей столицы. Не имѣя основаній обвинить Климента, они взбунтовали противъ него народъ подъ предлогомъ, что онъ богохульствуетъ противъ ихъ божествъ и священныхъ храмовъ. Когда донесено было, епархомъ столицы о происходящемъ, Траяну, императоръ отписалъ ему: *да Климентъ или богомъ пожретъ или да на заточеніе въ Понтъ на мѣсто пусто близъ Херсонеса посланъ будетъ*. Приказаніе немедленно было исполнено и Климентъ пустился въ путь въ обществѣ тѣхъ, которые, не желая разставаться съ епископомъ, послѣдовали за нимъ въ изгнаніе. Явленіе Климента въ Инкерманъ, сопровождаемаго лучшими друзьями и по всему вѣроятію величественная наружность и сильное слово епископа, сгруппировали вокругъ него всѣхъ невинно-сосланныхъ сюда послѣдователей ученія

---

*) Свѣдѣніе это мы заимствуемъ изъ Четь-Минеи, но едва-ли въ это время могъ быть въ живыхъ апостолъ Петръ.

Христа. Узнавъ въ немъ намѣстника св. Петра, эти послѣдніе умоляли его помолиться за нихъ Спасителю и затѣмъ начали жаловаться на недостатокъ воды. Славный епископъ, обще съ ними, сталъ на молитву и открылъ источникъ воды. Чудо это съ быстротою молніи разнеслось по окрестностямъ и съ этого времени Инкерманъ, мѣсто ссылки, превратился въ купель воспринимавшихъ крещеніе не только жителей Херсонеса и южной приморской полосы Тавриды, но и полудикихъ скитальцевъ степей. Тогда священномученикъ, желая укрѣплять новыхъ послѣдователей Евангелія, принялся съ усердіемъ воздвигать въ скалахъ храмы и учить ихъ правиламъ религіи. Безъ сомнѣнія, передавая священство болѣе достойнымъ, изъ томящихся вокругъ него, онъ увеличивалъ число священно-служителей, которые, въ свою очередь, неутомимо провозглашали слово Божіе.

Успѣхи и возрастающее вліяніе Климента и въ ссылкѣ, вскорѣ дошли до слуха Траяна. Возмущенный этимъ, императоръ незамедлилъ отправить въ Инкерманъ одного изъ преданныхъ ему лицъ съ мщеніемъ. Посланный съ отчаяніемъ напалъ на послѣдователей и друзей епископа и жестокими мѣрами началъ предавать ихъ смерти, но убѣдившись, что пытки не только не устрашаютъ, а напротивъ возбуждаютъ у всѣхъ охоту умереть во имя Іисуса Христа, рѣшилъ истребить представителя безстрашнаго общества, если онъ публично не откажется отъ противныхъ правительству дѣйствій. Призванный къ нему епископъ остался непоколебимымъ. Тогда жестокій посолъ Анфидіонъ приказалъ свезти Климента въ лодкѣ и съ баластомъ на шеѣ, въ виду херсонескихъ жителей, бросить въ пучину морскую. Обстоятельство это горестно подѣйствовало на всѣхъ учениковъ св. Климента. Впослѣдствіи лучшіе изъ нихъ Корнилій и Фивъ, собравъ всю братью свою, взмолились къ Господу о явленіи имъ тѣла святаго наставника ихъ. Изъ Минеи видно, что молитва ихъ была услышана такимъ образомъ, что море, ежегодно, въ теченіи извѣстнаго времени, отступало отъ берега на такое разстояніе, что поклонники свободно подходили къ

мощамъ священномученика. Чудо это продолжалось до царствованія Никифора, царя Византійскаго. Впослѣдствіи, при переселеніи въ Херсонесъ славныхъ учителей нашихъ Меѳодія и Константина (Кирила философа), Господу угодно было эти мощи вознести на поверхность моря. Принятыя съ великими почестями всѣмъ клирисомъ отъ собора св. Софіи, присланнымъ нарочно для этого торжества императоромъ Михаиломъ, они перенесены были въ херсонескій храмъ.

Второй, не менѣе мудрый изгнанникъ изъ Рима на Херсонескій крошечный полуостровъ, былъ Мартинъ исповѣдникъ, папа римскій. Мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній о дѣятельности этого великаго человѣка въ Тавридѣ, но едва-ли такіе сподвижники, какъ Мартинъ, могли оставаться пассивными въ странѣ, большинствомъ обитаемой идолопоклонниками. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ стоитъ только обратить вниманіе на прошлую жизнь угодника Божія. Папа этотъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе императора Констанція за преданіе его, какъ еретика, анаѳемѣ. Озлобленный этимъ, деспотъ отправилъ въ Римъ Олимпія съ приказаніемъ, привести къ себѣ въ Византію дерзкаго епископа; но такъ какъ послу это не удалось, то онъ рѣшился предать его смерти во время литургіи. Подкупленный убійца не могъ также выполнить своей задачи, потому что неожиданно ослѣпъ. Тогда императоръ послалъ въ Римъ Ѳеодора Калліопу, поручивъ ему обвинить Мартина всенародно въ измѣнѣ отечеству и произношеніи хулы противъ Богородицы. Естественно, что обвиненія эти признаны были римлянами гнустною выходкою со стороны враговъ епископа. Тогда сконфуженный посолъ рѣшился на похищеніе силою уважаемаго народомъ архипастыря. Нанятые имъ для этого люди исполнили порученіе такъ мастерски, что никто не явился на помощь. Схваченный такимъ образомъ епископъ Рима, свезенъ былъ на одинъ изъ цикладскихъ островов, откуда, послѣ долговременныхъ страданій, перевезенъ былъ въ Византію. Здѣсь онъ былъ предаваемъ всевозможнымъ истязаніямъ, анаѳемѣ и

въ заключеніе приговоренъ къ ссылкѣ въ Херсонесъ, гдѣ на третьемъ году скончался и погребенъ былъ въ церкви Пресвятыя Богородицы. Четь Минея гласитъ, что многіе страждущіе получали исцѣленіе на могилѣ этого святителя. Послѣднее свѣдѣніе важно для насъ въ томъ отношеніи, что народъ не сталъ-бы искать утѣшеній въ скорбяхъ надъ прахомъ личности, не успѣвшей прославить себя великими подвигами.

Въ Херсонесѣ и Инкерманѣ проживали и будто скончались слѣдующіе еще извѣстные изъ церковной исторіи люди: Св. чудотворцы и безсребр. Косма и Даміанъ, родившіеся отъ Асіи и Ѳеодотіи. Будучи медиками, они исцѣляли отъ всякаго рода недуговъ, безъ вознагражденій, во славу Бога. Строгая честность перваго изъ нихъ до того была безгранична, что когда братъ его Даміанъ взялъ за исцѣленіе Палладіи, во имя Св. Троицы, три яйца, онъ заповѣдалъ, чтобы, по смерти его, брата не хоронили въ общей съ нимъ могилѣ. Но когда послѣ Космы умеръ Даміанъ, то уврачеванный этими чудотворцами верблюдъ человѣческимъ голосомъ объявилъ народу о погребеніи его съ братомъ, потому что онъ взялъ отъ Палладіи три яйца не ради вознагражденія себя за трудъ, а ради убѣжденія приносительницы въ святости Троицы. *И тако вкупѣ положены быша честные ихъ мощи на мѣстѣ, глаголемомъ Фереманъ* (Инкерманъ). Посмертными чудесами ихъ признаны: изгнаніе змѣя изъ внутренности человѣка, обитавшаго въ Инкерманѣ-же и избавленіе Ѳеклы, жены нѣкоего Малка, живущаго близъ церкви Косма и Даміана въ Фереманѣ, который при отъѣздѣ своемъ поручилъ жену охраненію этихъ святыхъ, но злой духъ увлекъ ее въ лѣсъ и въ то время, когда приготовлялся убить, обманутая вознесла молитвы къ чудотворцамъ, которые незамедлили явиться и, отогнавъ злаго духа, возвратить ее домой.

По другимъ источникамъ, приведеннымъ діакономъ Василіемъ Рудневымъ *), св. Косма и Даміанъ были уроженцы изъ

*) См. его брошюру св. Безсреб. и чудотв. Косма и Даміанъ московское изд. 1865 года.

Асіи, греческаго происхожденія и что, получивъ свыше даръ исцѣленія и чудотворенія, они сами искали больныхъ и для сего переходили изъ города въ городъ изъ веси въ весь и всѣмъ безъ различія пола и возраста, званія и состоянія подавали исцѣленіе; если-же врачуемые еще не были просвѣщены свѣтомъ Евангелія, то старались обратить ихъ къ вѣрѣ христіанской. Такимъ образомъ, врачуя тѣлесные недуги, они въ тоже время врачевали и недуги душевные. Кромѣ этого, они не забывали и безсловестныхъ животныхъ и розыскивая болящихъ изъ нихъ въ пустыняхъ и лѣсахъ, подавали имъ исцѣленія.

Когда-же святые братья предали Богу души свои, то были погребены на мѣстѣ, называемомъ Фереманъ, гдѣ вскорѣ, на мѣстѣ ихъ погребенія, устроена была чудная и преславная церковь, въ которую стекались всякаго рода болящіе. Послѣ сего можно судить какъ много совершено было чудотвореній святыми безсребренниками, если жизнеописатель ихъ говоритъ, что легче измѣрить море, пересчитать звѣзды, нежели повѣдать всѣ чудеса святыхъ. Затѣмъ Рудневъ приводитъ изъ великихъ Четьи-миней митрополита Макарія, кромѣ переданныхъ нами, слѣдующія еще чудеса: 1) Изгнаніе изъ утробы змія у работника, который, забравшись къ нему во время сна, терзалъ его внутренность. 2) Возвращеніе въ первобытное состояніе юноши, лишившагося отъ испуга ума. 3) Исцѣленіе чахоточнаго, которому жена приготовила все необходимое для погребенія. 4) Страждующаго нестерпимою болью живота. 5) Бѣснующую еврейку посредствомъ свинаго сала, которое воспрещено было ей употреблять въ пищу по закону Моисея. 6) Глухо-нѣмой, которая долго, неотступно со слезами молила святыхъ врачей исцѣлить ее отъ этого недуга. 7) Страдавшей нестерпимыми болѣзнями въ утробѣ, которой они назвали двѣ, травы могущія исцѣлить ее. 8) Одного Эллина, поклонника Кастора и Поллукса, впавшаго въ тяжкій, невыносимый недугъ и по исцѣленіи принявшаго ученіе Іисуса Христа. 9) Любителя народ-

ныхъ зрѣлищъ, страдавшаго болѣзнею въ груди, посредствомъ пріема чаши смолы и 10) пресвитера, лишившагося ума и пришедшаго въ храмъ святыхъ безсребренниковъ, чтобы они призрѣли на его старость и исцѣлили отъ одержащаго недуга. Пробывъ нѣсколько дней при церкви святыхъ, однажды больной, послѣ утрени, пошелъ въ купальню. Здѣсь одинъ изъ святыхъ безсребренниковъ явился ему въ образѣ служителя купальни и измывъ, далъ повелѣніе не ходить болѣе въ купальню и, сказавъ на ухо: теперь ты не имѣешь никакого недуга, сдѣлался невидимымъ.

Описавъ ихъ подвиги, Рудневъ объясняетъ намъ, что церковь наша празднуетъ три пары святыхъ безсребренниковъ и Чудотвоцевъ Косма и Даміана и именно: 1) аравійскихъ, пострадавшихъ при Діоклитіанѣ въ Егеіи (въ Киликіи) 17 октября, 2) римскихъ, пострадавшихъ при императорѣ Каринѣ 1 іюля и 3) Асійскихъ, почившихъ въ мірѣ 2 ноября. Спрашивается, которые-же изъ нихъ проживали въ Тавридѣ? Въ четьи минеяхъ святителя Дмитрія подъ 17 октября сказано: „Три суть двойцы св. безсребренниковъ Космы и Даміана, купно сими имены зовомы, врачевскую хитрость имущіи. Едини быша сынове Ѳеодотіи жены благочестивыя, иже съ миромъ усопша и положени быша на мѣстѣ Фереманъ. Друзіи-же хождаху въ Римѣ, имуще учителя завистлива, ихъ-же онъ лестію на гору возведе, аки собирати быліе и каменіемъ поби ихъ. Третіи-же сіи ихъ-же почитается нынѣ память бяху отъ Аравитскія страны, врачевское художество имѣющіи.“

Изъ сказаннаго мы предполагаемъ, что въ Тавридѣ почили тѣ изъ нихъ, которые происходили отъ Ѳеодотіи и которыхъ празднуетъ церковь наша, 1 ноября; но г. Рудневъ повидимому не признаетъ существованія Феремана въ Таврическомъ полуостровѣ. Вотъ слова его: „нынѣ Фереманъ не существуетъ. Онъ разрушенъ Турками при первыхъ ихъ опустошительныхъ завоеваніяхъ. Православные христіане, чтобы сохранить останки святыхъ, перенесли ихъ въ Мессопотамію въ городъ Амитъ

(Діаръ-Бекиръ), гдѣ уже былъ во имя святыхъ безсребренниковъ устроенъ храмъ. Тамъ положили они святыя мощи ихъ, тамъ находятся они и до настоящаго времени. Фереманъ отъ Амида отстоялъ на два дня пути. Всѣ эти свѣдѣнія мы получили отъ преосвященнаго Макарія, митрополита амидійскаго, который, по нуждамъ своей епархіи прибылъ въ Москву съ частію мощей святыхъ безсребренниковъ и находится нынѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ."

Если приведенное можетъ быть неоспоримо, то намъ тогда приходится думать, что въ Тавридѣ чудодѣйствовали и скончались тѣ изъ нихъ, которые были отъ Аравитскія страны и память которыхъ чтится православною церковью 17 октября.

Кромѣ сказаннаго о Космѣ и Даміанѣ, мы имѣемъ нѣсколько, правда темныхъ, но все таки согласующихся съ исторіею церкви, разсказовъ о житіѣ и дѣяніяхъ этихъ прославленныхъ угодниковъ. Разсказы эти, сохраненные въ современныхъ поколеніяхъ древнихъ грековъ Тавриды, большинствомъ тождественны. Наиболѣе-же популярнымъ преданіемъ считается, что въ предпослѣдніе годы своей жизни, чудотворцы жили у сѣверозападной подошвы Палатъ-горы, у источника, именуемаго до настоящаго времени ихъ именами; что отсюда они спускались въ села и города и чудотворными дѣяніями убѣждали невѣрующихъ въ могущественной силѣ чтимаго ими Господа и что тѣла ихъ схоронены неподалеку отъ этаго источника. Подтверждается-ли это преданіе тѣмъ, что христіане Крыма ежегодно огромными толпами стекаются къ этому источнику 1-го іюля— трудно опредѣлить; но неменѣе трудно отвергать, что это дѣлается безъ всякихъ причинъ. Мы можемъ только подтвердить, что на мѣстности Косма-Даміановскихъ ключей и въ ближайшихъ окрестностяхъ ихъ не могло быть ни древнихъ храмовъ, ни поселеній человѣка: до того крута и неудобна эта заросшая лѣсами округа. Покойный архіепископъ Инокентій, узнавъ, что источникъ этотъ служитъ святилищемъ туземныхъ народовъ, въ

томъ числѣ и мусульманъ, позаботился объ устройствѣ здѣсь киновіи, подъ именемъ Косма-Даміановской.

Греческая церковь празднуетъ 11 ноября память Св. Ѳеодора Студита, который послѣ долгихъ страданій за евангелическую истину, переселился въ Херонесъ и здѣсь сильный словомъ и великій дѣяніями скончался, творя чудеса и послѣ смерти. Сочиненія его нынѣ переведены на Русскій языкъ. Въ этомъ-же градѣ проживалъ преподобный Николай, игуменъ Студійскаго монастыря, память котораго чтится 4-го февраля, замѣчательный страданіями, переносимыми одновременно съ наставникомъ своимъ Ѳеодоромъ Студитомъ.

Въ Инкерманѣ образовались тѣ знаменитые ученики папы Климента Корнилій и Фивъ, которые признаны церковью за святыхъ; а мощи послѣдняго перенесены В. К. Владиміромъ въ Россію. Тамъ-же изнывала въ ссылѣ Св. Домитилла исповѣдница, племянница могущественныхъ императоровъ Тита и Домиціана (въ 96 году).

Въ Херсонесѣ прославились епископы Василій, Ефремъ, Капитонъ, Евгеній, Еѳерій, Елпидій и Агаѳодоръ, память которыхъ празднуетъ наша церковъ 7-го марта. Эти сильные словомъ и дѣломъ священнослужители мученическою смертью своею не только внушили уваженіе къ ученію Христа, но и научили малодушныхъ послѣдователей своихъ утвердиться въ Евангелической истинѣ.

Появленіе этихъ епископовъ въ Херсонесѣ, въ качествѣ проповѣдниковъ, мы безспорно должны приписать волѣ апостола Андрея Первозваннаго, который поручилъ Іерусалимскимъ первосвященникамъ заботиться о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ лично проповѣдывалъ. Вотъ что гласитъ намъ церковная исторія: въ царствованіе Діоклитіана, патріархъ Іерусалимскій Ермонъ послалъ многихъ епископовъ въ различныя страны апостольски возвѣщать слово Божіе. Изъ нихъ два, Ефремъ и Василій, направились въ Тавриду и поселившись въ Херсонесѣ, начали трудиться съ самоотверженіемъ; но вскорѣ Св. Ефрему

пришлось идти къ берегамъ Дуная къ Скиѳамъ. Труженникъ этотъ, оставивъ въ Херсонесѣ Василія, пустился самъ въ путь; но ужъ не возвращался обратно: за успѣхи обращенія невѣрныхъ въ христіанство, варвары отрубили святителю голову. Василій-же, преслѣдуя заблужденія Херсонесцевъ, возбудилъ противъ себя ненависть сильнѣйшихъ, которая выразилась страшными побоями и изгнаніемъ его изъ города. Епископъ смиренно удалился на сто стадій отъ Херсонеса, на гору Парѳеніонъ или дѣвичью, именуемую этимъ именемъ, потому что тамъ было капище эллинской богини Артемиды и, поселившись въ пещерѣ, непереставалъ думать о продолженіи начатаго благовѣстія. Вскорѣ послѣ этого, смерть единственнаго сына херсонескаго князя (архонта), надъ которымъ день и ночь рыдали родители, и котораго по словамъ священнаго преданія воскресилъ Василій, послужило къ тому, что принятый вновь въ городъ съ торжествомъ, онъ въ короткое время многихъ исъ жителей обратилъ въ христіанство. Самаряне, торжествовавшіе раньше сего, видя, что наступаетъ часъ не только униженія ихъ религіи, но и всеобщей народной ненависти, задумали во чтобы не стало отдѣлаться отъ сильнаго врага своего и 7-го марта, вооружившись, напали на епископа, связали ему руки и ноги и начали влачить его по улицамъ, поражая камнями и дреколіемъ до тѣхъ поръ, пока святитель испустилъ послѣднее дыханіе. Затѣмъ тѣло священномученика выброшено было за городскія ворота на съѣденіе собакамъ и птицамъ, но не тронутое ни единымъ животнымъ, оно оставалось въ цѣлости до тѣхъ поръ, пока христіане погребли его съ подобающею почестью.

Узнавъ объ этой отрадной кончинѣ Василія, епископы, Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ, одновременно вышедшіе съ священномученикомъ изъ Константинополя, рѣшились перейти въ Херсонесъ, чтобы сподобиться умереть во славу Спасителя такимъ-же образомъ какъ и сподвижникъ ихъ, блаженный Василій. Успѣхи ихъ сначала были велики, но вскорѣ и на ихъ возстали Евреи и тогоже марта въ 7-ой день они, подобно Св.

Василію, были жестокимъ образомъ преданы смерти и выброшены за городъ на съѣденіе животнымъ. Успѣшнѣе дѣйствовалъ епископъ Еѳерій, присланный также изъ Іерусалима, который, сокрушивъ противоборство Евреевъ съ помощію императора Константина великаго, соорудилъ въ Херсонесѣ благолѣпную церковь и такимъ образомъ утвердилъ свободу исповѣданія религіи, завѣщанной Іисусомъ Христомъ. Смерть этаго мудраго епископа сильно опечалила христіанъ Тавриды. Присланный на мѣсто его изъ Константинополя епископъ Капитонъ, прославилъ себя въ Херсонесѣ великимъ чудомъ, заявленнымъ на первомъ Вселенскомъ соборѣ, а именно: онъ, въ желаніи убѣдить евреевъ и язычниковъ въ силѣ божественности ученія спасителя, подобно Ананіи, Азаріи и Масаилу вошелъ въ огненую печь и вышелъ изъ нея совершенно невредимъ.

Эти подвиги 7 епископовъ, безъ сомнѣнія, положили твердое основаніе христіанству въ странѣ сосѣдственной съ образованнымъ міромъ, но недоступной вслѣдствіе варварскихъ понятій язычниковъ-обитателей. Сказавъ нѣсколько словъ о дѣяніи этихъ іерарховъ, мы считаемъ нужнымъ для полноты привести греческую рукопись о нихъ, напечатанную въ 7 т. Записокъ Одесск. Общ. Ист. и древностей. Вотъ содержаніе ея: Когда нечестивый Діоклитіанъ, по несчастію, правилъ Римскою Имперіею и язычество, ревностнымъ стараніемъ его, развивалось во всей странѣ, идолы и демоны были чествуемы, а христіане подвергались жестокому гоненію: тогда престолъ Іерусалимской церкви украшалъ Ермонъ, усердно заботившійся о томъ, чтобы волки не разтерзали стада Христова и не уничтожили его съ лица земли. Ибо таковы боголюбивыя души: онѣ обрѣкаютъ себя на всѣ опасности ради паствы, за которую добрый Пастырь положилъ душу и пролилъ кровь свою. Поэтому Эрмонъ, рукоположивъ епископовъ, послалъ ихъ во всю страну съ тѣмъ, чтобы усилить чрезъ нихъ проповѣданіе слова Божія и укрѣпить христіанъ въ вѣрѣ и всячески отклонить ихъ отъ лжи. И такъ въ шестнадцатое лѣто царствованія Діоклитіана, Эрмонъ

рукополагаетъ приснопамятнаго Ефрема, мужа боголюбиваго и благаго, и посылаетъ его въ предѣлы Турціи, а въ Херсонъ-Таврическій отправляетъ знаменитаго словомъ и чудесами Василеса. Его подвиги и чудеса будутъ предметомъ настоящаго слова нашего, предлагаемаго вниманію боголюбивыхъ слушателей. По прибытіи въ Херсонъ, наполненный идолами и приносящій жертвы демонамъ, Василеусъ, ставъ среди города сказалъ: достопочтенные граждане: не считайте вами чтимыхъ идоловъ за боговъ; они демоны, ведущіе поклонниковъ своихъ въ погибель: Богъ одинъ на небесахъ, создавшій словомъ и премудростію всяческая и даровавшій всему жизнь Духомъ своимъ. И такъ Его должно почитать и Ему поклоняться, а не иному кому. Выслушавъ это, Херсониты ни мало не удержались (отъ гнѣва) и тотчасъ обратились къ ругательствамъ и начали бить праведника; лая на него какъ псы, они даже устремились, чтобы растерзать его. Но блаженный, давъ, какъ говорится, мѣсто гнѣву, скрылся въ одной пещерѣ, именуемой Парѳеномъ. Много онъ тутъ молился за нихъ Богу, чтобы люди эти не были радованіемъ демоновъ, но чтобы, благоволеніемъ и промышленіемъ Его, они обратились къ познанію истины и приняли слово спасенія, запѣчатлѣвъ вѣру свою св. крещеніемъ. Что-же Богъ, который все устрояетъ на пользу человѣка и не хочетъ смерти грѣшника, но чтобы онъ обратился и живъ былъ? У одного изъ почетныхъ гражданъ поражается ударомъ смерти сынъ; но этотъ ударъ послужилъ поводомъ къ дивному явленію: вотъ уже юноша погребенъ внѣ города, родители рыдаютъ надъ нимъ. Но юноша, явившись имъ во снѣ, объявляетъ что рыданіе ихъ безполезно и напрасно; боги, говоритъ онъ имъ, которыхъ вы почитаете, не могутъ освободить меня отъ гроба и возвратить къ жизни при всемъ вашемъ желаніи, ибо они древа и камни, сухи и безчувственны, измышленные демонами на погибель человѣковъ. Это дѣло единаго живаго Бога, котораго каждый день проповѣдуетъ вамъ человѣкъ, переносящій отъ васъ біеніе и поруганіе. Онъ только, вами жестокосердно

отвергаемый, силою молитвы, возвратитъ меня къ жизни, если вы припадете къ ногамъ его; онъ можетъ это сдѣлать. Такъ объявилъ (юноша). Пробудившись отъ сна, они повѣдали другъ другу сонъ и видя согласіе во всемъ разсказѣ, спѣшатъ въ городъ и извѣщаютъ объ этомъ сродниковъ своихъ. А тѣ, отыскавъ епископа въ пещерѣ, горячо стали умолять его о воскресеніи отрока. На это праведный сказалъ: кто я, чтобы могъ совершить такое дѣло? Это, братія, свойственно, единому великому Богу; Онъ можетъ все единымъ мановеніемъ. Впрочемъ, если вы изъявите желаніе признать и исповѣдать, что Тотъ, котораго я проповѣдую, есть Богъ и Царь всяческихъ: то онъ сотворитъ сіе чрезъ меня. Тогда они, въ одинъ голосъ сказали: пусть увидимъ сына нашего живымъ,—и все, что ты говоришь, поспѣшимъ исполнить. Поэтому, блаженный Василевсъ съ двумя священниками, въ сопровожденіи близкихъ къ родителямъ умершаго людей, идетъ ко гробу, имѣя съ собою и все потребное для крещенія. По поднятіи камня, онъ возлагаетъ на юношу руку и произноситъ надъ нимъ, какъ надъ живымъ всѣ слова таинства (крещенія); освящаетъ воду и возливаетъ на мертваго съ возглашеніемъ имени пресвятыя Троицы; такимъ образомъ возвращаетъ умершаго къ жизни въ глазахъ предстоявшихъ: юноша воскресъ и отданъ родителямъ. Тогда они (родители), припавъ къ ногамъ блаженнаго и, увѣровавъ во Христа, приняли благодать св. крещенія, по совершеніи же обычнаго тайнодѣйствія причастились св. тайнъ, радуясь и прославляя Бога. Но духъ злобы не дремалъ. Что-же онъ дѣлаетъ? Онъ возбуждаетъ язычниковъ противъ треблаженнаго, подстрекая ихъ убить его; и дѣйствительно, они пришедши въ пещеру, въ которой блаженный жилъ, связали ему ноги веревками и повлекли его по улицамъ съ такою жестокостію, что онъ предалъ душу свою въ руки ангеловъ. Это было въ 7-й день марта.

Вѣрующіе поставили на семъ мѣстѣ столбъ и на немъ крестъ для поклоненія. А идолопоклонники не удовольствовались смертію святаго: и самое тѣло его вытащивши за городъ,

бросили на съѣденіе псамъ. Но Самъ Богъ воздалъ возлюбленному рабу своему честь. И, о дивное чудо! Чрезъ всю ночь, при освѣщеніи звѣздъ, охранялъ тѣло блаженнаго отъ кровожадныхъ звѣрей, волкъ; а днемъ смѣнялъ его въ этомъ служеніи орелъ, отгоняя плотоядныхъ птицъ до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ вѣрныхъ не предали его тайно, съ почестію, землѣ тамъ-же за городомъ. Послѣ сего погребенія, одинъ изъ очевидцевъ этого событія отправился въ страны Эллеспонтскія и нашедши тамъ нѣкоторыхъ епископовъ, посланныхъ первостоятелемъ Іерусалимскимъ для распространенія вѣры, разсказалъ имъ о всемъ случившемся съ мученикомъ. Епископы эти были — знаменитый Евгеній, доблестный Агаѳодоръ и чудный Елпидій, славою въ епископствѣ просіявшіе. Они, какъ только узнали о кончинѣ всеблаженнаго, отправились въ Херсонъ и начали поучать народъ слову истины.

Когда число вѣрующихъ стало умножаться, то, завистникъ добра, діаволъ, вооружилъ и противъ нихъ также іудеевъ и язычниковъ, которые, связавъ „красныя, по выраженію писанія, ноги благовѣстниковъ“, повлекли ихъ по землѣ и побивая ихъ въ это время камнями и палками, умертвили. И, о жестокость! выбросили тѣла ихъ за городъ на съѣденіе псамъ и птицамъ. Это происходило въ 6-й день декабря. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ, взявши тѣла мучениковъ съ любовію и честію погребли ихъ.

По прошествіи не малаго времени изъ Іерусалима присылается въ Херсонъ епископъ Эферій. Но онъ не доплылъ до сего города, а присталъ, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, къ одному острову, именуемому Алсосъ и находящемуся въ прибрежьяхъ рѣки Днѣпра. Здѣсь епископъ впалъ въ недугъ и, почувствовавъ конецъ жизни, вознесъ къ Господу слѣдующую молитву: „Господи, Боже мой! Ты благоволилъ избрать меня, недостойнаго, епископомъ города Херсона! Сотвори, да творится въ немъ память моя, да прославится Твое пресвятое имя!“ Послѣ сихъ словъ, Эѳерій предалъ духъ свой Господу *). Хри-

*) У св. Дмитрія Ростовскаго говорится: „Древеса высокая тамо изростоша,

стіане, облачивши покойнаго въ ризы, и совершивъ обычные обряды, погребли его съ подобающею честію. Надъ гробомъ они воздвигли колонну и поставили на ней крестъ. Деревья *), Божіимъ соизволеніемъ, выросшіе на томъ мѣстѣ, издалека указываютъ гробъ Эѳерія.

Спустя не мало времени, когда буря идолослуженія утихла, Господь Богъ воздвигъ намъ могущественнаго покровителя въ лицѣ благочестиваго и христолюбиваго царя Константина великаго; вѣрные херсониты, отправивши къ нему посольство, испросили у него епископа. Имъ назначается дивный Капитонъ, который съ 500 воиновъ и Ѳеоною, получившимъ начальство надъ ними, отправился въ Херсонъ, куда и прибылъ въ полуденное время. Христіане, жившіе за городомъ, приняли его весьма любезно и съ великою радостію. Капитонъ, собравши ихъ близъ стѣны града, поучалъ слову Божію. За тѣмъ, пришедши въ самый городъ, преподалъ народу миръ и отпустилъ его. На другой день, когда епископъ поучалъ многочисленный собравшійся народъ слову Божію, сторонники невѣрія начали кричать: „странное ученіе предлагаешь слуху нашему! Странныя вещи ты намъ проповѣдуешь. Впрочемъ, если ты желаешь возбудить въ насъ вѣру въ твое ученіе, то сдѣлай намъ то, что мы скажемъ тебѣ: вотъ двѣ печи, возженныя для приготовленія извести; если ты войдешь въ нихъ и останешься не опалимъ отъ огня, тогда мы увѣруемъ проповѣдуемому тобою Богу. Святый сказалъ: а какое удостовѣреніе вы дадите въ томъ, что окреститесь, если это будетъ исполнено? Когда тѣ недоумѣвали, какое бы дать завѣріе, епископъ сказалъ: отдайте дѣтей вашихъ воинамъ; если по исполненіи именемъ Христовымъ вашего требованія, вы не увѣруете, тогда они дѣтей вашихъ ввергнутъ въ печь. Угодно имъ было это слово и дѣти ихъ отданы были

показующая издалеча гробъ святаго“. А есть-ли теперь на остр. Березани хоть нѣсколько деревъ высокихъ!

*) Это обстоятельство въ Четіи-Минеи пропущено.

воинамъ *). Тогда епископъ, сотворивъ молитву и оградивъ себя знаменіемъ креста **), при возглашеніи діакономъ: вонмемъ! немедленно вступилъ въ печь. Къ удивленію всѣхъ, онъ пробылъ въ печи довольно времени ***) въ положеніи молитвенномъ и движеніи устъ. Потомъ вложивъ уголь горящій въ нѣдра свои ****), вышелъ изъ печи невредимымъ, при содѣйствіи силы духа Божія. Поразило это народъ и самихъ воиновъ, и всѣ воздали славу Богу, творящему великія и чудныя знаменія. А епископъ, невредимо вышедшій изъ горящей печи, повелѣлъ приготовить купель, и окрестилъ въ ней всѣхъ. И церковь онъ тутъ соорудилъ во имя верховнаго апостола Петра. За тѣмъ донесъ объ этомъ благочестивому царю Константину, находившемуся тогда въ Никеѣ и занимавшемуся соборнымъ осужденіемъ Аріевой ереси. Сообщено было ему все, сдѣланное (епископомъ), равно и о чудѣ, имъ совершенномъ. Государь весьма обрадовался и вмѣстѣ съ соборомъ благодарилъ Бога, и во уваженіе ходатайства Капитона, послалъ въ Херсонъ Ѳеону, упомянутаго въ нашемъ словѣ, для постояннаго жительства при епископѣ со всѣмъ родомъ своимъ. А жители отдали ему съ свитою и епископу восточную часть города, именно: отъ городской части, именуемой малый торгъ до мѣста, называемаго Парѳенонъ. Съ того времени, до настоящаго дня, мѣста прилегающія къ храму апостола Петра именуются участкомъ Ѳеоны". Представивъ всѣ существующія до нашего времени свѣдѣнія о первыхъ епископахъ Херсонеса, мы обязаны сказать, что въ городѣ этомъ родился извѣстный писатель церкви 5-го вѣка скиѳъ Іоаннъ Кассіанъ, обличитель Несторіанъ.

Невдали отъ Херсонеса, въ настоящемъ татарскомъ посе-

---

*) Это обстоятельство пропущено въ чет.-минеѣ.

**) Св. Димитрій говоритъ еще: «возложи на сіе омофоръ».

***) Св. Димитрій: «и стояще въ пламени яко часъ единъ, моляся, руцѣ имѣяй къ небеси простерты.

****) У св. Димитрія: «также набравъ горящаго углія въ фелонь свой, изыде безъ вреда къ народу».

леніи Партенитъ, родился преподобный Іоаннъ епископъ готскій, память котораго чтитъ наша церковь 26 іюня. Епископъ этотъ, преподававшій слово Божіе царицѣ Иринѣ, въ царствованіе императоровъ Льва и Константина Копронима, много претерпѣлъ отъ иконоборцевъ и со славою умеръ въ Мастріадѣ. По другимъ же источникамъ онъ умеръ въ Тавридѣ въ предсказанный имъ самимъ день.

Не многимъ дальше, именно въ Судакѣ, епископствовалъ и умеръ въ немъ св. Стефанъ исповѣдникъ архіепископъ Сурожскій, родившійся въ Кападокіи. Въ Четь Минеѣ сказано, что святитель этотъ на 15-мъ году своей жизни въ царствованіе Ѳеодосіи, при патріархѣ Германѣ, пришелъ въ Константинополь для продолженія начатаго ученія и до того сдѣлался извѣстнымъ своими успѣхами, что патріархъ приблизилъ его къ себѣ, но онъ покинулъ его и поступилъ въ монастырь. Вскорѣ послѣ этого въ Судгаіи умеръ епископъ и Сурожане прибыли въ Константинополь просить о назначеніи къ нимъ мудраго епископа. По желанію Господа жребій выпалъ на Стефана и посвященный въ санъ архіепископа онъ отправился въ Судакъ, гдѣ въ теченіи 5-ти лѣтней службы успѣлъ обратить всѣхъ язычниковъ въ православіе. Въ рукописномъ житіи св. Стефана Сурожскаго, приведенномъ въ 1 т. Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. вотъ что сказано: „въ Сугдаѣ Стефанъ принятъ былъ съ восхищеніемъ и онъ не переставалъ учить не точію въ церкви, но и въ домахъ и на торжищахъ, вслѣдствіе чего многіе крестились. Въ ту пору воздвигъ гоненіе противъ иконопочитанія Императоръ Левъ Исаврянинъ и патріархъ св. Германъ принужденъ былъ оставить свой престолъ. Оттого зла — прибавляетъ авторъ — къ Сурожу пріиде корабль съ послы злыми отъ царя, глаголаху: не кланяйся кресту и иконамъ. Вслѣдствіе чего св. Стефанъ самъ отправился въ Константинополь. Епископъ этотъ героически возставалъ противъ иконоборца императора и громогласно сказалъ ему: „враже Божій, недостойный царства, какъ ты не ослѣпшася безуміи твои очи

и не усохнуша твои руцѣ; Богъ да отниметъ царство твое вскорѣ и прекратитъ животъ твой". Дерзкія слова эти возбудили противъ него гнѣвъ и побои и затѣмъ ввержение въ темницу, гдѣ онъ пробылъ до возшествія на престолъ Константина Копронима, ходатайствомъ жены котораго не только освобожденъ, но и окрестивъ у этихъ царей сына, съ почестью возвратился въ епархію свою, гдѣ предварительно смерти избралъ на мѣсто свое архіепископомъ Сурожа клирика своего, Филарета и спокойно умеръ декабря 15-го числа. Изъ посмертныхъ чудесъ его извѣстно исцѣленіе слѣпца Ефрема, презрѣваемаго имъ при жизни. Изъ приписки къ древнему греческому синаксарю *) видно, что св. Стефанъ былъ родомъ изъ села Мориваса въ Кападокіи, что онъ обратилъ Сурожанъ въ христіанство въ продолженіи 5 лѣтъ и что мощи его хранились въ алтарѣ храма во имя св. Софіи, который реставрированъ былъ въ 793 году.

Въ вышеприведенномъ житіи св. Стефана добавлено: по смерти святаго мало лѣтъ мину прійде рать велика русская изъ Новограда князь Бравлинъ силенъ зѣло, плѣни отъ Корсуня и до Керча съ многою силою прійде къ Сурожу, за десять дней бишася злѣ между себѣ. И по десяти дней вниде Бравлинъ силою, изломивъ желѣзная врата и вниде въ градъ иземъ мечь свой и вниде въ церковь въ святую Софію и разбивъ двери вниде идѣже гробъ святаго. А на гробѣ царское одѣяло и жемчугъ и злато и камень драгій и кандила злата и съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. И въ томъ часѣ разболѣса, обратися лице его назадъ и лежа пѣны точаме. Далѣе составитель прибавляетъ, что дерзновенный князь почувствовавъ, что наказанъ святымъ, принужденъ былъ возвратить нетолько похищенное и всѣхъ плѣнныхъ, но и самъ крестился съ боярами своими у Филарета пріемника св. Стефана.

---

*) Синаксарь этотъ приведенъ нами въ отдѣлѣ «Историческая судьба крымскихъ городовъ.

Тоже приводится въ житіи преп. Дмитрія Прилуцкаго, составленнаго Макаріемъ въ началѣ XVI столѣтія. Авторъ при описаніи одного изъ чудесъ св. Дмитрія присовокупляетъ: „такоже иногда и въ Сурожѣ градѣ чудо бысть, такоже страха исполнено. Пришедъ-бо князь отъ Русскаго Новагорода ратію и градъ взя и плѣни не только люди и сосуды священные; еще же и гробъ св. Стефана и невидимо ударенъ бысть по лицу абіе и обратися лице его назадъ. Паки-же покаяся и крещеніе пріятъ и вѣрова въ Христа и плѣнъ отпусти и паки здравъ бысть молитвами Стефана и исцѣленіе получивъ отъиде во свояси.

Въ Демидовскомъ хронографѣ, находящемся въ университетской библіотекѣ есть слѣдующаго рода замѣтка, подтверждающая прописанное: „при царѣ Михаилѣ въ лѣто 6360 ходила Русь войною изъ Кіева града князь, именемъ Бравалинъ воевати на греки на Царьградъ и воеваша греческую землю отъ Херсона до Скурцева и Сурожа“. Вслѣдъ затѣмъ повѣствователь добавляетъ: Анна-же царица отъ Корсуня въ Керчь, идущи разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на чернѣй водѣ призвала на помощь св. Стефана и получила исцѣленіе.

Во имя угодника Божія, Стефана какъ-бы въ воспоминаніе его славной жизни, заботливостію покойнаго архіепископа Херсонескаго и Таврическаго Иннокентія устроенъ невдали отъ Судака кизильташскій монастырь гдѣ раньше былъ пещерный храмъ ежегодно посѣщаемый окрестными христіанами въ день празднованія нашею церковью память о св. Стефанѣ исповѣдникѣ архіепископѣ Сурожскомъ.

Въ Херсонесъ прибыли незабвенные для насъ труженники Кирилъ и Меѳодій, изобрѣвшія русскія письмена, переводъ Евангелія и установившіе правила церковнослуженія тѣ самые, предъ которыми вострепеталъ латинскій соборъ, которые повсюду сокрушали сильнѣйшихъ враговъ православія, которыхъ встрѣтилъ самъ папа Адріанъ II съ клиромъ пѣвчихъ, какъ ангеловъ, посѣтившихъ Римъ. Вотъ свѣдѣніе, сохранившееся

о многозначительной дѣятельности знаменитаго Кирила-философа, окончившаго жизнь свою въ Римѣ и схороненнаго въ церкви св. Климента, мощи котораго онъ принесъ съ собою въ этотъ градъ изъ Херсонеса: Кирилъ-философъ, раньше извѣстный подъ именемъ Константина († 869 г. по Р. Х.) впервые является въ Тавриду по вызову Хазаръ, не сознающихъ которая изъ извѣстныхъ имъ религій болѣе достойна уваженія: еврейская, христіанская или мусульманская? Послы ихъ говорили греческому императому: „мы отъ начала знаемъ единаго Бога и ему молимся, поклоняясь на востокъ, но содержимъ и нѣкоторые свои обычаи. Евреи увѣщеваютъ насъ принять ихъ вѣру и многіе изъ насъ присоединились къ нимъ. Магометане напротивъ увѣряютъ, что ихъ религія несравненно лучше. Вотъ почему мы обращаемся къ вамъ за добрымъ совѣтомъ по старой дружбѣ и просимъ послать къ намъ человѣка, который могъ-бы восторжествовать надъ доказательствами евреевъ и сарациновъ, — тогда мы примемъ вашу вѣру“. Императоръ, выслушавъ ихъ, по совѣту патріарха Игнатія избралъ Константина и, вызвавъ его съ Олимпійской горы, предложилъ ѣхать къ Хазарамъ. Философъ, взявъ себѣ въ сотрудники брата своего Меѳодія, немедленно отправился въ далекую страну. По пріѣздѣ въ Херсонесъ Кирилъ прежде всего началъ изучать хазарскій и еврейскій языки. Изумительная память философа, оказавшаго неестественные успѣхи въ изученіи этихъ языковъ, въ самое короткое время, до того изумили одного изъ евреевъ, что онъ вскрикнулъ: „Во истину вѣрующіе во Христа пріемлютъ и благодать Святаго Духа!“ и вскорѣ послѣ этого и самъ крестился. Кирилу въ это время жители Херсонеса обязаны были открытіемъ мощей священномученика Климента; онъ-же отыскалъ здѣсь Евангеліе и псалтирь на славянскомъ нарѣчіи, написанные какъ сказано въ житіи апостола Андрея Первозваннаго самимъ апостоломъ. Здѣсь-же философъ, отыскавъ русскаго, въ непродолжительномъ времени изучилъ славянскій языкъ, оказавшійся ему впослѣдствіи чрезвычайно необходи-

мымъ. Кромѣ этого онъ сотворилъ почти чудо въ то время, когда Херсонесъ, осажденный однимъ изъ хазарскихъ воеводъ и готовый сдаться врагамъ, спасся тѣмъ, что вышедшій къ нему философъ успѣлъ убѣдить врага нетолько къ отступленію, но даже и къ принятію крещенія отъ его руки. Вслѣдъ затѣмъ Кирилъ и Меѳодій отправились по назначенію къ Хазарамъ. Мудрые братья приняты были съ почестями главою ихъ Каганомъ, имѣвшимъ жительство на берегахъ Дона въ крѣпости Бѣлая Вѣжа. Вскорѣ послѣ этого предъ Кириломъ предстали мудрецы еврейскаго и магометанскаго закона съ цѣлью прославленія своей религіи. Философъ, до мелочей знакомый съ ихъ религіозными постановленіями и догматами, не смотря на ихъ очаянныя усилія, положительно привелъ ихъ въ замѣшательство и блистательно одержалъ побѣду. Каганъ, выслушавъ диспутъ до конца, торжественно превозгласилъ преимущество христіанской религіи предъ прочими и предложилъ подданнымъ принять ученіе Іисуса. Впослѣдствіи, когда Кирилъ окончилъ миссію, возложенную на него и приготовился къ возвращенію, Каганъ хотѣлъ осыпать его дарами, но онъ ничего не пожелалъ получить, кромѣ отпущенія съ нимъ плѣненныхъ грековъ, своихъ соотчественниковъ. Въ Херсонесѣ Кирилъ вторично поразилъ народъ предсказаніемъ смерти наканунѣ жизни, ихъ архіепископу, что и исполнилось въ точности. Затѣмъ онъ, какъ кажется намъ, посѣтилъ все южное поморье до Ѳеодосіи, потому что въ житьи его сказано о обращеніи къ вѣрѣ истинной одного племени въ предѣлахъ Фуллы или Сурожскихъ, у котораго было требище идольское при старомъ дубѣ, къ которому никто не смѣлъ прикасаться на основаніи повѣрья, что отъ этого растенія нисходитъ благословеніе и плодоносные дожди. Философъ своеручно поднялъ на него сѣкиру и съумѣлъ возбудить тоже чувство въ суевѣрной толпѣ и срубленное дерево было сожжено. Изобильный дождь, ниспосланный небомъ въ туже ночь, заставилъ всѣхъ познать свои прежнія заблужденія.

Гораздо священнѣе становится Таврида съ того времени

какъ Великій князь Владиміръ, вступивъ побѣдоносцемъ въ Херсонесъ, отправилъ въ Византію пословъ съ приказаніемъ сказать императорамъ Василію и Константину: вашъ славный городъ я взялъ, такъ поступлю я и съ Вашею столицею, если не отдадите за меня сестры вашей незамужней. Императоры согласились удовлетворить его требованіе не иначе, какъ послѣ воспріятія св. крещенія. Владиміръ не противорѣчилъ, но съ тѣмъ, что бы явилась предварительно невѣста. Царевна Анна, которой ужасно не хотѣлось идти въ этотъ плѣнъ, но ради спасенія отечества незамедлила прибыть въ Херсонесъ въ сопровожденіи огромной свиты и, принятая съ царскими почестями, поселилась въ городскомъ дворцѣ. Въ это время женихъ внезапно заболѣлъ глазами и лишился зрѣнія. Узнавъ объ этомъ, царевна утѣшала героя, что провидѣніе незамедлитъ возвратить ему зрѣніе при крещеніи. Слыша ея слова, Владиміръ отвѣчалъ: если сказанное тобою исполнится, то воистину великъ Богъ христіанскій„—и приказалъ себя крестить. Прибывшій изъ Константинополя епископъ съ пресвитерами совершили таинство это во храмѣ св. апостола Іоакова, *) стоявшаго среди торжища, по одну сторону котораго были палати Владиміра, а по другую за церковнымъ алтаремъ дворецъ царевны-невѣсты. Какъ только Владиміръ опустился въ купель и епископъ возложилъ на него руку, великій князь, получившій имя Василія (заочно крестнаго отца своего Византійскаго императора) глаза его очистились и онъ совершенно прозрѣлъ. Чудо это сильно подѣйствовало на присутствующихъ славянъ и всѣ они до единаго послѣдовали примѣру своего владыки. Затѣмъ совершилось бракосочетаніе Владиміра.

---

*) По другимъ источникамъ во храмѣ во имя св. Софіи, по третьимъ во имя св. Богородицы, а по послѣднимъ во имя св. Василія, между тѣмъ мы знаемъ изъ рукописи о перенесеніи образа св. Николая изъ Корсуни о четырехъ только церквахъ этого города 1) выстроенной св. Еѳеріемъ 2) во имя св. Василія 3) воздвигнутый Владиміромъ и 4) во имя св. апостоловъ. Основаніе этихъ четырехъ храмовъ существуютъ до настоящаго времени.

Изъ лѣтописи Нестора, мы не имѣемъ подробностей о дальнѣйшемъ пребываніи князя на Трахейскомъ полуостровѣ, но по записаннымъ преданіямъ извѣстно, что онъ, предварительно выѣзда изъ корсуни, велѣлъ воздвигнуть въ память своего крещенія церковь, во имя ангела своего св. Василія на холмѣ, образованномъ сносомъ земли при осадѣ имъ города. Кромѣ этого извѣстно, что отсюда, прибывшій изъ Константинополя, архіерей Михаилъ съ 6-ю присвитерами отправились въ Россію и первый изъ нихъ пользовался именемъ перваго митрополита всей Россіи; намъ извѣстно также, что по приказанію Владиміра взяты изъ Херсонеса: глава св. Климента и часть мощей ученика его Фивы *) съ церковными сосудами и иконами и разныя изваянія, украшавшія городскую площадь **).

По свидѣтельству-же Іоакова Черноризца, Владиміръ взялъ съ собою мощи и другихъ святыхъ, а изъ исторіи Русской церкви Виницкаго мы видимъ, что взятыя иконы были слѣдующія: Всемилостиваго Спаса, Божіей матери съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ благославляющаго Спасителя, ликъ Іерусалимской Богородицы, писанный св. апостоломъ и образъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Изъ нихъ двѣ по настоящее время находятся въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ, подъ именемъ корсунскихъ, а послѣдній въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ.

Въ Псковской лѣтописи объ этомъ говорится: въ лѣто 6497

---

*) Мощей этихъ нѣтъ въ Кіевѣ въ настоящее время. Исчезновеніе ихъ считаютъ со времени нашествія Татаръ.

**) Первое свѣдѣніе объ открытіи въ Херсонесѣ храма въ которомъ крестился Владиміръ сообщено было въ 1836 г. въ журналѣ М. Н. Просвѣщенія. Извѣстіе это породило въ архіеп. Иннокентіи въ 1852 г. желаніе возстановить на этомъ мѣстѣ богослуженіе постройкою новаго храма, прекрасная мысль эта выполнилась торжественнымъ освященіемъ фундумента новой церкви 23 августа 1861 г. въ присутствіи Государя и Государыни. Послѣ чего Одесск. общ. Ист. и древностей принесло будущему храму въ даръ мраморную напрестольную доску, найденную въ Херсонесѣ-же въ 1845 году княземъ Барятинскимъ.

крестися вся Русская земля и поставиша митрополита въ Кіевѣ и по инымъ городамъ епископы и попы. Бысть-же крещена русская земля въ 9 лѣто княженія Владиміра индикта 1 въ лѣто 6497, ключъ границы 100, кругъ солнца числа 28, вруцѣ лѣто 7, а на лунѣ 17 а жидамъ пасха апрѣля 5 въ пятокъ а христіанамъ пасха 8 апрѣля.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣянія указанныхъ нами выше угодниковъ Божьихъ, окончившихъ жизнь въ Крыму, послужили блистательнымъ примѣромъ для послѣдователей Евангелія, потому что съ этихъ поръ не только прекращаются гоненія христіанъ, но все больше и дальше распространяется отсюда свѣтъ божественнаго ученія Іисуса. Инкерманъ, освященный подвигами священномученика Климента и весьма вѣроятно и многими другими страдальцами, имена которыхъ въ большинствѣ остались не извѣстными для насъ, повидимому продолжалъ служить мѣстожительствомъ самыхъ строгихъ ревнителей христіанства и не покидался ими до переселенія грековъ въ маріупольскія степи, не смотря на тяжкія времена 5-ти-вѣковаго господства масульманъ. Въ этомъ мы убѣждаемся множествомъ пещерныхъ храмовъ и келій, въ которыхъ сохранились изображенія святыхъ, воспроизведенныя, какъ надо полагать гораздо позднѣе вступленія Монголо-татаръ въ Тавриду; но несравнено лучшимъ доказательствомъ нашего предположенія служатъ историческія свѣдѣнія о жительствѣ въ Инкерманѣ христіанъ-грековъ въ 17 вѣкѣ, о посѣщеніи, въ качествѣ поклонниковъ, этой мѣстности русскихъ посланниковъ къ крымскимъ ханамъ и наконецъ одного изъ московскихъ священниковъ о Іакова, посѣтившаго инкерманскій храмъ въ первой трети 17 столѣтія и записавшаго слѣдующее *). „Подъ городомъ Инкерманомъ въ полуго-

*) Рукописные снимки эти хранятся: одинъ при библіотекѣ князя Оболенскаго, а другой въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 363. Напечатаны въ 2 т. 3 Од. Общ. Исторіи и древностей.

рѣ есть есть древняя христіанская церковь, вся высѣченная изъ камня какъ въ Псковѣ у пречистыя Богородицы; вся церковь была росписана по стѣнамъ, но письмо это отъ многихъ лѣтъ полиняло и алтарь разоренъ; въ ней четыре столба толщиною въ 4 пяди, позади лѣваго клироса стоитъ гробница каменная, ддиною въ 12 пядей, высотою въ поясъ, а шириною какъ двумъ лечь. Надъ гробницею сдѣлана каруна, какъ у Петра митрополита; вверху ея написанъ Саваоѳъ, а по сторонамъ его пророки; надъ гробницею на стѣнѣ написаны лики двухъ святыхъ, изъ нихъ стоящій на право держитъ мечь въ ножнахъ, а по лѣвую сторону—поднятый крестъ. Стѣны ея тесанныя; а въ ней лежатъ мощи обнаженныя нетленны; въ той-же гробницѣ земля и въ ней останки другихъ мощей: однѣ кости. Послѣ той гробницы есть другая въ помостѣ церковномъ и тамъ многія человѣческія головы и кости; позади-же перваго клироса каменныя перила вышиною въ человѣка, а промежду перилъ и стѣны еще гробница въ церковномъ помостѣ рака, какъ-бы вмѣстилище человѣкъ для 3 или 4-хъ, а въ ней 7 головъ и кости обнаженныя. Двери у церкви изъ чирана. Изъ паперти двое дверей створчатыхъ, а напротивъ церковныхъ дверей окошко красное, ради свѣта. При входѣ въ храмъ направо трапеза какъ-бы свѣтлица, а съ лѣвой стороны 2 придѣла также разоренные, да вдоль паперти многія комары (арки) какъ-бы келіи.“

По словамъ этого священника они вошли въ пещеру, гдѣ обиталъ русскій плѣнникъ Максимъ Новосилицъ и ночью тайно отъ татаръ вошли въ храмъ *), гдѣ были мощи, вынули ихъ изъ гробницы, положили на доскѣ и отерли платкомъ съ

---

*] Надо полагать, что въ это время воспрещалось татарами торжественное богослуженіе въ христіанскихъ храмахъ, гдѣ почивали нетлѣнные мощи. Впрочемъ мѣстность эта находилась въ распоряженіи турковъ и вѣроятно они недопускали до этого по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ, если указанныхъ было недостаточно.

теплою водою, послѣ чего они побагровѣли, аки у живаго человѣка. Что мощи эти были издавна здѣсь, доказывалось тѣмъ, что никто изъ старожиловъ не вѣдалъ ихъ имени. Одинъ изъ плѣнныхъ, Бѣлоруссецъ Василій хромой, сказалъ священнику, что мощи эти прежде были въ одеждѣ, но злые татаре нѣсколько разъ выносили ихъ изъ храма и закапывали вдали, но на утро они возвращались на свое мѣсто. Тогда одинъ изъ отчаянныхъ татаръ рѣшился вышвырнуть ихъ изъ окна въ грязь; но Господь поразилъ его съ семействомъ смертью и съ того времени никто къ нимъ не смѣлъ подступать. по его словамъ церковь именуютъ св. Юріемъ (должно быть Григоріемъ) и что греки и армяне еженедѣльно въ пятницу и воскресенье приходятъ къ мощамъ на поклоненіе, приносятъ свѣчи и ѳиміамъ. Когда-же мы задумали взять эти мощи съ собою въ Россію— продолжаетъ священникъ—то одному изъ насъ въ сновидѣніи явился блаженный съ ореоломъ на главѣ и сказалъ: „помышляете вы, о други мои, взять мощи мои на Русь, я-же хочу по прежнему учинить здѣсь Русь *), а имя мнѣ и память мнѣ бываетъ въ Семеновъ день.“ Къ сказанному о. Іаковъ добавляетъ, что онъ, заболѣвъ, исцѣленъ былъ этими мощами, а плѣнникъ Максимъ Новосилецъ, пожелавшій похитить возложенныя на святаго одежды, до того былъ разслабленъ, что не могъ двигаться съ мѣста.

Сказанное нами отчасти служитъ доказательствомъ, что Инкерманъ современи водворенія въ немъ первыхъ христіанъ до послѣднихъ труднѣйшихъ минутъ свободнаго исповѣданія ученія Христа въ Крыму, не переставалъ прославляться чудесами, пострадавшихъ за Евангельскую истину и этимъ поддерживать вѣру въ сердцахъ тѣхъ немногихъ грековъ, которые остались въ рабствѣ мусульманъ-фанатиковъ, презрительно смотрѣвшихъ на всѣхъ, неисповѣдывающихъ исламъ.

---

*) Интересно, что предсказаніе святаго, высказанное въ грозное для насъ время крыскаго ханства, сбылось около 150 лѣтъ спустя.

Малоизвѣстное въ Россіи имя Инкермана становится болѣе популярнымъ со времени основанія здѣсь краснорѣчивымъ архіепископомъ Иннокентіемъ киновіи, въ 1852 году (нынѣ находящейся въ прекрасномъ положеніи, на которой предстоитъ славная будущность) и послѣ отчаянной битвы защитниковъ Севастополя съ Англо-французами, извѣстной подъ названіемъ инкерманской. Послѣ Инкермана, священнымъ убѣжищемъ христіанъ Тавриды является мѣстность нынѣшняго Георгіевскаго монастыря, освященная, какъ было сказано выше, епископомъ Василіемъ, поселившимся здѣсь вовремя изгнанія его изъ Херсонеса. Предположеніе наше въ настоящемъ случаѣ едва-ли можетъ породить сомнѣніе, если мы вспомнимъ, что въ жизнеописаніи священномученника сказано о поселеніи его въ пещерѣ въ горѣ Парѳеніона, гдѣ находилось капище богини Артимиды. Весьма вѣроятно, что впослѣдствіи многіе изъ чтущихъ память угодника Божія посѣщали эту пещеру, а нѣкоторые и оставались въ ней, ради свободнаго исповѣданія религіи. Такимъ-ли образомъ положено основаніе этому монастырю или посодѣйствовали и другія причины—трудно опредѣлить по отсутствію историческихъ данныхъ; преданіе-же говоритъ, что онъ основанъ греческими мореходцами въ концѣ 9-го вѣка. Изъ найденныхъ при немъ памятниковъ древности, считаютъ слѣдующіе достопримѣчательности: образъ великомученника Георгія *), картина, писанная на холстѣ, изображающая благословеніе Ноемъ дѣтей съ слѣдующею надписью: *Ной благославляетъ дѣтей: Симу даетъ священство; Аѳету царствіе; Хаму земледѣліе и поработитъ братіемъ своимъ, 1081 года 15 мая* **). Два антиминса, изъ которыхъ первый скорописный на толстомъ холстѣ, какъ показано на немъ, выданъ и освященъ въ 1652 году митрополитомъ

---

*) Икона эта взята греками въ Маріуполь при выходѣ ихъ изъ Крыма въ 1778—79 годахъ.

**) Картина эта хранится въ Дмитріевской церкви.

Писидійскимъ Анфимомъ; второй выданъ и освященъ епископомъ Гервасіемъ 1 августа 1768 года *). Колонна мраморная, которая по свидѣтельству Сумарокова, закладена въ контрафорсной стѣнѣ, длиною 4 арш., въ поперечникъ 5 вер. съ греческою надписью и показаніемъ 1175 года. Омофоръ съ шитыми по концамъ греческими надписями: „*архіепископу константинопольскому Макарію принадлежитъ сей. Пожертвованъ въ 1664 г. труждающимся съ острова Кандіи.* Евангеліе, писанное древнимъ греческимъ языкомъ на пергаментѣ, убористымъ шрифтомъ. Тестаментъ въ кожаномъ переплетѣ, 1604 г.

Георгіевскій монастырь, судя по расположенію его на одной изъ необитаемыхъ окраинъ Тавриды, надо полагать, только въ крайнихъ случаяхъ подвергался стѣсненіямъ отъ татаръ **). Случаи эти выражались требованіемъ ясака (подати) въ значительныхъ размѣрахъ и заставляли настоятелей искать средствъ для обезпеченія существованія братства сборомъ подаяній въ отдаленныхъ христіанскихъ государствахъ. Монастырь этотъ, неперестававшій во время господства въ Крыму мусульманъ, хранить религію отцовъ грековъ и подготовлять имъ новыхъ служителей алтаря, даже и послѣ 1779 года,—не былъ покинутъ монахами. Послѣднее предположеніе наше основано на сохранившихся въ цѣлости, только-что описанныхъ памятниковъ. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, а именно въ 1794 г., Георгіевскимъ монастыремъ уже управлялъ архіепископъ Игнатій Реондажскій ***). Въ 1850 году монастырь этотъ, доведенный усердіемъ митрополита Агафангела Типальдо до цвѣтущаго положенія, возведенъ былъ въ первоклассный. Въ настоящее

---

*) Эти антиминсы по требованію Екатеринославской духовной консисторіи, отъ 16 августа 1806 г. за № 2354, высланы къ ней въ Екатеринославъ, гдѣ вѣроятно и хранятся по настоящее время.

**) Въ 1657 г. Магометъ-гирей, напавъ на этотъ монастырь, нашелъ въ немъ 200 тысячъ піастровъ. Это доказываетъ, что онъ былъ въ цвѣтущемъ положеніи.

***) Предписаніе Ѳеодосійской духовной консисторіи отъ 2-го іюня 1794 г. за № 272.

время, послѣ разрушенія Севастополя, святилище это рѣдко посѣщается сторонними лицами, но 23 апрѣля, въ день празднованія нашею церковью памяти св. Великомученника Георгія, сюда стекаются на поклоненіе множество христіанъ Крымскаго полуострова и въ особенности греки-туземцы, сохранявшіе о немъ утѣшительныя преданія.

Третьимъ древнѣйшимъ пещернымъ храмомъ Тавриды, непріостанавливающимъ богослуженіе со времени основанія, былъ нынѣшній Бахчисарайскій Успенскій монастырь. На долю этаго храма выпалъ жребій раболѣпно переносить всякаго рода насмѣшки и преслѣдованія со стороны татаръ, неоднократно лишаться своихъ ничтожныхъ средствъ къ существованію, строго слѣдить за обольщаемыми и павшими духомъ христіанами, наставлять ихъ покорности и геройскому перенесенію того оскорбительнаго презрѣнія къ религіи, которое и теперь, при всей ничтожности своей, старается высказывать мусульманинъ. Успенскій пещерный храмъ принадлежитъ къ числу сооруженій, оставленнымъ намъ первыми провозвѣстниками Евангелія въ Тавридѣ. Туземные греки до настоящаго времени хранятъ преданіе, что его посѣтилъ святой апостолъ и на память своеручно изобразилъ на одной изъ стѣнъ ликъ Божьей матери. Намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, что основаніе его относится къ эпохѣ появленія въ Инкерманѣ папы Климента и что у подножія этой скалы въ то время существовала тавро-скиѳская колонія, воспріявшая св. крещеніе въ Инкерманѣ и соорудившая храмъ въ одинаковомъ съ нимъ видѣ. Селеніе это, при татарскомъ господствѣ въ Крыму, извѣстно было подъ именемъ Маріина села и существовало до 1779 года т. е. до времени переселенія христіанъ на берега Азовскаго моря. Имя это безъ сомнѣнія происходило отъ храма, освященнаго въ честь св. Дѣвы. О Бахчисарайскомъ Успенскомъ храмѣ и его чудотворной иконѣ вотъ что пишетъ священникъ Андрей Лызловъ, авторъ скиѳской исторіи: „есть еще въ оныхъ каменныхъ горахъ близко Бахчисарая чудесный образъ Пресвятыя дѣвы Богородицы, о ея же

явленіи повѣдаютъ: Бысть нѣкогда въ оныхъ каменныхъ горахъ змій великій, людей и скоты пожирающій и того ради отъ мѣста того отбѣжавши, пусто оставиша. Но яко тамо въ оно время жили еще греки и генуэзцы(?) молишася Пресвятыя Богородицы, дабы ихъ отъ онаго змія освободила и тако единаго времени въ нощи узрѣша въ горѣ той свѣщу горящу, идѣже не могуши крутыя ради и острыя горы взыти, вытесавши ступени изъ камни и пріидоша тамо, идѣже свѣща горяща и обрѣтоша образъ Пресвятыя Богородицы и свѣщу предъ нимъ горящу; таможе близко того образа и змія онаго обрѣтоша мертва, разсѣдшая. И тако радостни бывше, воздаша веліе благодареніе Богоматери, избавльшей ихъ отъ такова зла змія онаго: егоже изсѣкши въ части сожгоша огнемъ. И оттого времени жителіе начаша ходити тамо молиться Пресвятой Богородицѣ, паче-же генуэзцы иже въ Кафѣ жили: не точію-же сіи, но и татарове велію почесть тому образу воздаютъ. Нѣкогда ханъ Крымскій именемъ Аги-гирей, воююще противъ супостатъ своихъ просилъ помощи отъ Пресвятыя Богородицы, обѣщающе знаменитое приношеніе и честь образу ея воздати. И творяще тако. Егда бо оттуда съ корыстію и побѣдою возвращашеся, тогда избравъ коня или двухъ елико наилучшихъ, продавше и накупивши воску и свѣщъ содѣлавши и поставляше тамо чрезъ цѣлый годъ, еже и наслѣдники его, Крымскіе ханы многажды твораху.“

Вторая народная легенда проще: будто въ пещерѣ этой случайно найденъ былъ образъ Богородицы, который, не смотря на то, что съ благоговѣніемъ переносился въ селеніе, снова возвращался на первобытное мѣсто, вслѣдствіе чего христіане постановили основать здѣсь храмъ для богослуженія. Разсказы эти, весьма вѣроятно, были распространяемы греками во времена татарскаго владычества, съ цѣлью предохраненія своей святыни отъ дерзкихъ выходокъ мусульманъ, но въ настоящее время, когда никто изъ туземныхъ грековъ не повторяетъ ихъ, татаре не перестаютъ утверждать, что вблизи этого храма, въ одной изъ пещеръ ежене-

дѣльно по пятницамъ горитъ зеленая свѣча и что здѣсь сохраняется пика какого-то святого ихъ религіи. Естественно, что всѣ эти преданія и убѣжденія настолько охраняли и благопріятствовали Успенскому монастырю, что даже представители господствующаго народа въ минуты опасности посылали ему дары въ надеждѣ получить покровительство чистѣйшей изъ дѣвъ *Марьи-ана* *). Бахчисарайскому Успенскому храму обязаны тѣмъ еще греки, что онъ геройски противосталъ Іезуитамъ, основавшимся въ 1706 году въ Бахчисараѣ съ явною цѣлью присоединенія къ Римской куріи, если не татаръ, то навѣрно грековъ и армянъ, лишенныхъ защиты единовѣрческихъ метрополій. Если мы примемъ во вниманіе, что большинство крымскихъ армянъ приняло католицизмъ и что ни одинъ грекъ неподдался увлекательнымъ проискамъ патеровъ, то понятно будетъ, въ какой степени греческое духовенство вліяло на прихожанъ своихъ и въ какой степени были непоколебимы ихъ религіозные принципы. Относительно появленія въ Крыму Іезуитовъ мы можемъ сказать слѣдующее **): водвореніе ихъ въ Бахчисараѣ приписываютъ французскому посланнику при Оттоманской портѣ Маркизу Керріаль и доктору Феррану, который, состоя при Гази-гиреѣ въ качествѣ придворнаго медика, имѣлъ сильное вліяніе на этого хана. Первый Іезуитъ О. Банъ, прибывшій изъ Константинополя съ викаріемъ О. Курбиліономъ, за большія подарки получили право построить небольшую церковь въ Бахчисараѣ и вслѣдъ затѣмъ основали коллегію. Нѣсколько времени спустя О. Банъ для большаго значенія и успѣха въ дѣлахъ своихъ, испросилъ себѣ титулъ консула Франціи и основываясь на уполномочіяхъ своихъ, позволилъ себѣ самовольно не только распространить свою домовую церковь, покрасить ее зеленою краскою, но и повѣсить колоколъ,

---

*) Такъ именуютъ мусульмане матерь Божію.

**) См. Choix de lettres edifiantes ecrites de missions etrangeres. Paris 1809. tom. V p. 400—421.

зачто Селимъ-гирей-ханъ велѣлъ разрушить всю эту постройку, а виновныхъ заключить въ оковы. Впослѣдствіи, очутившись на свободѣ, они снова основали храмъ, но и онъ истребленъ былъ при нашествіи графа Миниха въ 1736 году.

Отъ времени пребыванія Іезуитовъ въ Крыму сохранилась въ музеумѣ Одес. общ. ист. и древ. мѣдная печать съ слѣдующаго рода надписью:

+ Residentiae. Bagchesaral. soc. iesu.

Внутри крестъ, подъ нимъ INS, а ниже изображеніе трехъ гвоздей. Все это обнесенно пламенными лучами.

Рисунокъ этой печати желающіе могутъ видѣть во 2 отдѣленіи 4 тома записокъ Одес. общ. ист. и древностей. Несокрушаемый временемъ Бахчисарайскій Успенскій храмъ, современи основанія его, со славою пережилъ тяжкія времена: въ немъ непрекращалось богослуженіе даже и тогда, когда разграбливали его и сажали настоятелей въ темницы. Дружное братство ничего не страшилось и только въ крайней нищетѣ обращалось за милостынею къ единовѣрнымъ славянскимъ государямъ, чтобы пріобрѣсти средства выкупить невиннозаключенныхъ іерарховъ. Подобныя посольства совершились въ 1596 году къ великому князю Ѳеодору Іоановичу и въ 1637 г. къ вел. кн. Михаилу Ѳеодоровичу *). Послѣ выхода христіанъ изъ Бахчисарая въ 1779 году, Бахчисарайскій Успенскій храмъ остался безъ богослуженія по отсутствію въ странѣ священниковъ, но вскорѣ и именно въ 1781 году явился одинъ изъ нихъ изъ Біюкъ-Ламбата. Тогда остававшіеся въ Бахчисараѣ христіане обратились къ Шагинъ-гирей-хану съ просьбою задержать его. Ханъ уважилъ имъ и приказалъ арестовать священника; когдаже онъ согласился остаться, гирей подарилъ ему домъ и виноградникъ. Въ 1800 году послѣ постройки въ

*) См. документы посольскаго приказа въ Крыму при Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

Бахчисараѣ церкви, Успенская лишилась всей утвари и превращена въ кладбищенскую. Упоминая о томъ, что храму этому пришлось лишиться своей утвари намъ слѣдуетъ добавить, что древній храмовой образъ Божьей матери, изображенный на мастиковой массѣ вывезенъ изъ него при выходѣ грековъ въ Маріуполь. На новой ризѣ его, сдѣланной однако въ Бахчисараѣ начертанъ 1774 годъ 20 апрѣля т. е. время присоединенія части Крыма къ Россіи съ нижеслѣдующею надписью: Δέηδισ πάνδων τῶν εὔσεβῶν χριστιανων δια ῶνδραμινς και επιστασιος των ἐν τῆ κώρα Μαριεν κατακονντων 1774 αηριλιοκ 20.

Современное состояніе Бахчисарайскаго пещернаго храма, обращеннаго съ 1850 года въ пустыножительство по примѣру св. горы Афонской блистательно. Постоянные неутомимые труды иноковъ, число которыхъ нынѣ 20-ть, украсили эту дикую мѣстность многими прекрасными постройками, садами и фонтанами и ежедневнымъ богослуженіемъ продолжаютъ, по примѣру основателей, славославить Творца міровъ и святую покровительницу храма. Торжественнымъ днемъ монастыря считается 15-го августа. Къ этому числу и на 9-ый день послѣ онаго, сюда собираются на богомолье множество христіанъ преимущественно изъ поколѣнія первобытныхъ грековъ.

Кромѣ этихъ трехъ монастырей въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Тавридѣ существовали еще другіе пещерные храмы. Таковыми я отчасти признаю: Топе-керманскую скалу съ множествомъ готовыхъ обширныхъ келій. Эски-керменскія высоты, пещеры Качикильена и многія другія, которыя до настоящаго времени сохраняютъ остатки церквей съ признаками алтарныхъ украшеній. Ясно, что эти послѣдніе покинуты въ то уже благопріятное время, когда въ Тавридѣ не преслѣдовались болѣе христіане и иноки могли переселяться на плодородныя и менѣе суровыя мѣстности. Въ этотъ, какъ кажется намъ, періодъ основались по юго-восточной оконечности Тавриды тѣ многочисленные храмы, развалины которыхъ приводятъ въ недоумѣніе любознательныхъ археологовъ и о которыхъ повѣ-

ствуетъ священникъ Іоаковъ, какъ сказано выше, бывшій въ Крыму въ 1634 году, слѣдующимъ образомъ:..... а около той горы (т. е. Инкерманской) многія горы высокія, до самыхъ-же до желѣзныхъ вратъ и до таманскаго перевозу къ востоку, а высоки неудобь сказаемы, облаки ходятъ низко въ полугоръ, а по горцамъ многія христіанскія церкви разорены-жъ, а промежъ горъ живутъ армянъ и христіанъ много, но отъ насилія татарскаго благочестіе изсякло. Да около-же тѣхъ церквей, житія въ горахъ, подобно стрижемъ камора объ камору высоко и низко на полверсты и больше. Въ иныхъ живутъ гречане, а иные пусты, Дальше у конца своего сказанія о. Іоаковъ продолжаетъ: Въ Перекопи была церковь христіанская велми чюдна и велика, нынѣ-же сдѣлана костеломъ. Въ Козлевѣ (Евпаторіи) церковь соборная христіанская зѣло велика и украшена, сдѣлана мечетью; въ Бахчисараѣхъ, гдѣ царь живетъ, христіанская-жъ церква велика и высока сдѣлана мечетью, царь ходитъ въ нее по своей вѣрѣ молитися. Искіюртъ отъ Бахчисарая съ версту, церковь зѣло велика и украшена велми была, нынѣ-же сдѣлана мечетью, а кладутся въ ней крымскіе цари и царевичи, а простые мурзы и татарове отнюдь не кладутся. Около тѣхъ мѣстъ многіе христіанскія церкви, иные разорены-жъ, а въ иныхъ службы совершаются и до днесь отъ Грекъ. Въ Кафѣ три города каменныхъ; городъ въ городѣ великъ зѣло; грады, въ нихъ же многія христіанткія церкви зѣло велики и украшены вельми...“

Подобная многочисленность церквей, при густотѣ народонаселенія, безъ сомнѣнія послужила поводомъ для константинопольскаго патріарха образовать въ этой ничтожной пространствомъ полосѣ четырехъ: сначала епископствъ, затѣмъ архіепископстъ и наконецъ митрополій, извѣстныхъ подъ именами: Судгейско-фульской Босфорской Готеійской и Херсонійской. Каждая изъ епархій этихъ, судя по смыслу опубликованныхъ актовъ константинопольскаго патріархата *), имѣла наибольше протяже-

*) Въ 6-мъ томѣ запискѣ Одес. Общ. Исторіи и древностей.

ніе до 60 верстъ въ длину и около 20-ти въ ширину. Изъ нихъ Херсонеская, начиналась Трахейскимъ полуостровомъ: Судгейская отъ Ѳеодосійской бухты, на югъ, къ востоку Босфорская, а послѣдняя т. е. Готѳійская, начиная отъ Мангупа и Бахчисарая, направлялась къ югу и, пересѣкая Яйлынскій хребетъ, быаа пограничною между предъидущими.

Митрополіями этими завѣдывали отдѣльные іерархи, назначаемые Византійскими патріархами, которые вполнѣ господствовали надъ ними, вызывали ихъ на участіе въ соборныхъ постановленіяхъ, осуждали за противозаконныя дѣйствія и нерѣдко лишали должности. Кромѣ этихъ правъ, патріархъ получалъ отъ нихъ установленную дань и сохранялъ право ставропигіи или присоединенія однаго изъ приходскихъ храмовъ къ доходамъ своей казны. По вышеприведеннымъ актамъ патріархата можно заключить, что таковыми считались двѣ церкви въ Тавридѣ и именно одна въ Кафѣ (Ѳеодосія), св. Петра находящаяся въ старой пристани города въ 1366 году а другая Ялтинская.

Говоря о многочисленности церквей этихъ трехъ митрополій, большинствомъ сохранившихъ свои фундаменты до настоящаго времени, мы, судя по ихъ ничтожнымъ размѣрамъ, не однажды задавались вопросомъ: могли-ли храмы, вмѣщавшіе не болѣе 10 человѣкъ, удовлетворять цѣли ихъ назначенія? Ясно, что нѣтъ. Не подвергается также сомнѣнію и то, что при подобныхъ храмахъ не представлялось возможности содержать отдѣльный причтъ, а что въ нихъ только по временамъ отправлялось богослуженіе духовенствомъ общаго народнаго храма, имѣющагося при всякомъ поселеніи, размѣръ котораго болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ числительности прихожанъ. Спрашивается, для чего-же создавались эти крошечныя церкви? Изъ всѣхъ предположеній вѣрнѣйшимъ я считаю то, что зажиточные люди того времени воздвигали ихъ каждый для своего семейства въ томъ убѣжденіи, что постройка храма есть вели-

чайшая заслуга предъ Богомъ. Это убѣжденіе, вошедшее въ пословицу, и до настоящаго времени отрадно дѣйствуетъ на всѣхъ крымскихъ грековъ и подтверждается de facto: посѣтите напримѣръ мѣстность древней цитадели генуэзцевъ Ѳеодосіи *) и вы увидите нѣсколько церквей, расположенныхъ одна отъ другой въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей. Въ окрестностяхъ Козъ, Отуза и Судака, развалины ихъ встрѣчаются чуть-ли не въ 10-ти саженяхъ другъ отъ друга и особенно въ послѣднемъ нѣкогда цвѣтущемъ городѣ. Броневскій, бывшій здѣсь въ 16 столѣтіи, съ удивленіемъ разсказываетъ о многочисленности разрушенныхъ церквей. Дальнѣйшія затѣмъ, нѣкогда бывшія греческія поселенія: Капсихоръ, Искутъ, Туакъ, Демерджи, Гурзуфъ, Ламбатъ, Кастель-гора, Партенитъ, Аюдахъ, Ай-Даниль, Никита, Массандра, Ай-Василь, Аутка, Ливадія, Ореанда, Алупка и многія другія также сохраняютъ развалины, каждое по нѣсколько храмовъ. Изъ всѣхъ этихъ поселеній церковными развалинами въ особенности достопримѣчательны окрестности Аутки, гдѣ, за исключеніемъ одиночныхъ остатковъ храмовъ, есть мѣстность, извѣстная и теперь подъ именемъ Полаклесіи (т. е. многоцерквій) и сохранились въ цѣлости церкви: во имя Успенія Богородицы и Ѳеодора Стратилата, въ которыхъ понынѣ не прекращается богослуженіе. Въ сохранившемся видѣ остаются также: одинъ храмъ въ Демерджи, второй на одной изъ отраслей Яйлы, между Коккоземъ и Алупкою, а третій при дер. Никита. Послѣдній нынѣ превращенъ въ татарскую мечеть. Не менѣе замѣчательно еще и то, что крымскіе греки въ большинствѣ воздвигали храмы свои при водяныхъ источникахъ, которые, впослѣдствіи, какъ освященные долголѣтними молитвами, получали названіе цѣлебныхъ. Цѣль подобнаго предпочтенія была очень ясна: во-первыхъ, народъ во всякую минуту могъ удовлетворять своей жаждѣ и, наконецъ, безъ излишнихъ трудовъ пользоваться для храмовыхъ надобностей водою.

---

*) Нынѣ карантинные дворы.

Всѣ эти церкви для большей прочности воздвигались изъ раковистаго камня аркообразно для акустики и нерѣдко освѣщались только однимъ окномъ изъ алтаря. Лики святыхъ изображались прямо на стѣнахъ, а алтарнія принадлежности изготовлялись съ желѣза или красной мѣди *), вмѣсто канделабръ нашего времени, служили высокіе камни съ плоскими вершинами, на которые ставились свѣчи, заготовляемыя прихожанами у себя. Въ окружности храма погребались: по сосѣдству алтарнихъ стѣнъ священнослужители, а дальше народъ. Въ частныхъ-же церквахъ предавались погребенію строители ихъ съ семействами. Въ послѣднихъ, по предположенію нашему, отправлялось богослуженіе очень рѣдко и именно въ храмовые праздники и въ дни имянинъ ктитора (т. е. основателя).

Во время-же присоединенія Крыма къ Россіи во всемъ полуостровѣ оказалось цѣлыми 30 церквей и огромное множество полуразрушенныхъ. Изъ числа первыхъ останавливаютъ особенное вниманіе Керченская во имя Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, поддерживаемая четырьмя мраморными колоннами, которая по устройству своему представляетъ самый древнѣйшій изъ памятниковъ христіанства, что доказывается эпитафіею на одной изъ колоннъ ея съ 6260 г. отъ С. М.

Послѣдующіе храмы всецѣло сохранившіеся отъ 14-го и 15-го вѣковъ: одинъ находится въ Ѳеодосіи, а другой въ окрестностяхъ Стараго Крыма. По народному преданію первый принадлежалъ грекамъ. Утверждающіе это предположеніе ссылаются на древній образъ, сохраняющійся въ немъ съ греческою надписью: ο ἅγιος Γέωργις.

Въ Ѳеодосіи же, въ карантинномъ дворѣ, четыре, изъ которыхъ въ одной нынѣ возстановлено богослуженіе. Въ послѣдней сохранились рельефныя на камняхъ изображенія святыхъ. Въ центрѣ-же города одна церковь во имя св. Николая, а дру-

---

*) Мы говоримъ это утвердительно, потому что до настоящаго времени не найдено ни одного церковнаго сосуда изъ болѣе благороднаго металла.

гая Введенія во храмъ Богородицы. Кромѣ этихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ ея при присоединеніи Крыма къ Россіи существовали развалины церквей во имя св. Ѳеодора Стратилата, Преображенія Господня, двѣ Великом. Варвары, Соборная св. велик. Димитрія; соборная-же во имя Св. Духа; соборная-же св. велик. Георгія огромнаго размѣра; св. Георгія, Успѣнія св. Анны, Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и св. Магдалины.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Керчи существуетъ Катерлезскій *) храмъ во имя св. Георгія съ источникомъ воды, а въ трехъ верстахъ за Еникалемъ на мѣстѣ, извѣстномъ Агіана существуютъ слѣды обширной христіанской церкви, которая, судя по названію мѣстности, была во ими Ай-яна или св. Іоанна. Отъ Ѳеодосіи по направленію къ Судаку въ дер. Ортоланѣ снова встрѣчаются основанія обширной греческой церкви. Въ Судакѣ, судя по припискѣ къ древнему синаксарю существовали семь обширныхъ храма во имя св. Софіи, Стефана, Афанасія, Димитрія, Николая, Варвары и Богородицы Одигитріи и Скутаріотиссы. О развалинахъ другихъ церквей, которыя встрѣчаются въ юговосточной части Крыма намъ не представляется особенной надобности говорить такъ какъ о нихъ мы упоминали уже въ первой части настоящаго труда. Взаключеніе сообщимъ читателю свѣдѣніе о времени постройки первыхъ церквей послѣ присоединенія къ намъ Таврическаго полуострова. Въ г. Евпаторіи: во имя св. Николая въ 1794 году, Симферополѣ — Троицкая — 1796, тоже Александр. Невская — 1806, Севастополѣ—Николаевская—1795, Еникале тоже—1799, Бакчисараѣ тоже—1799, Старомъ Крыму тоже—1799, Судакѣ—1828, Керчи, Троицкая—1829, Перекопѣ, Николаевская—1830, Ялтѣ, Іоанно-Златоуст. — 1837 и Алуштѣ, Ѳедора-Стратил.—1837 г.

Для пополненія исторіи христіанства въ Тавридѣ, намъ не-

*) Съ татарскаго означаетъ георгіевскій.

обходимо представить списокъ первопрестольныхъ іерарховъ этой страны въ томъ порядкѣ, какъ помѣстилъ ихъ Mich. le Quien въ рѣдкомъ нынѣ сочиненіи Oriens Cristianus. Кромѣ этого мы будемъ руководствоваться древними актами Константинопольскаго патріархата, напечатанными въ 6-мъ томѣ Записокъ Одес. Общ. Исторіи и древностей и другими нижеприведенными писателями и документами:

По Херсонеской епархіи первымъ епископомъ былъ: Василій; затѣмъ: Евгеній, Елпидій, Агаѳодоръ, Капитонъ, Ефремъ и Еѳерій. Послѣдній присутствовалъ на второмъ Вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ въ 318 подъ именемъ Еѳерія Терсонскаго.

8) Лонгинъ, присутствовавшій на Константинопольскомъ соборѣ 448 лѣтъ.

9) Стефанъ, засѣдалъ на пятомъ Вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ 553 года.

10) Георгій I, присутствовалъ на Константинопольскомъ соборѣ 692 г., гдѣ подписался такимъ образомъ: Георгій недостойный епископъ Херсонскій и Дорантскій.

11) Георгій II, епископствовалъ при Михаилѣ III, какъ извѣстно, царствовавшемъ съ 842 по 867 г. При немъ обрѣтены мощи священномученика Климента.

12) Павелъ, участвовалъ въ соборѣ 867 года.

13) Ѳеодоръ, епископствовалъ въ царствованіе императора Алексія Комнина.

14) Ѳеофанъ, присутствовалъ на соборѣ 1147 года.

15) Левъ, участвовалъ на Константинопольскомъ-же соборѣ 1280 года.

Къ этому Mich. le Quien приводитъ изъ Silv. Syropulus-a *) извѣстіе, что митрополитъ херсонескій былъ первымъ получившимъ хиротонію отъ руки Константинопольскаго патріарха Митрофана, господствовавшаго съ 1440 года.

Послѣ 1280 до 1340 года мы не имѣемъ пока никакихъ

*) Sect. 12 cap. 4 Hist. concil Florent.

свѣдѣній о положеніи Херсонеской митрополіи; но съ этого года по документамъ Константинопольскаго патріархата снова являются на засѣданіе въ Константинопольскій синодъ епископы Херсонеса, а именно: въ февралѣ 1340 г., въ сентябрѣ 1364 *), въ сентябрѣ и ноябрѣ 1382, въ январѣ 1383, въ августѣ 1390, въ сентябрѣ 1392, въ сентябрѣ 1393 **) и въ январѣ 1394 года.

По Судгейской епархіи:

Имя перваго епископа, такъ равно и втораго, хиротонисованнаго патріархомъ Германомъ между 715 и 730 годами,— неизвѣстны. 3) Св. Стефанъ исповѣдникъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Сурожскаго. 4) Филаретъ. 5) Константинъ, присутствующій въ Константинопольскомъ соборѣ по дѣламъ о брачныхъ союзахъ въ 977 году. 6) Арсентій, засѣдавшій при изданіи патріархомъ Алексѣемъ, въ ноябрѣ 1027 г. постановленій о митрополіяхъ и монастыряхъ. 7) Неизвѣстный, который между 1084 и 1111 годами при патріархѣ Николаѣ III присутствовалъ при составленіи (de præstatone canonicorum), состоявшагося 15 ноября X индикта. 8) Тоже неизвѣстный. Присутствовалъ 10 марта 1158 г. при изданіи патріархомъ Лукою Хрисовергомъ декрета о не расхищеніи имущества умирающихъ епископовъ. 9) Также неизвѣстенъ. О немъ, какъ посѣтившемъ въ 1253 г. монгольскую орду, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Рубруквисъ. Это быть можетъ тотъ Василій, о которомъ упоминается въ синаксарѣ. 10) Ѳеодоръ. Присутствовалъ 3 мая 1276 г. на Константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Іоаннѣ. 11) Послѣ него, судя по синаксарю, былъ Іоаннъ ***). 12) Евсевій. Присутствовалъ на соборѣ, бывшемъ

*) Послѣ 1364 года изъ документа подъ литерою CCLXI видно, что въ синодѣ засѣдалъ епископъ Херсонескій, но время засѣданія не указано.

**) Послѣ 1393 года по 94 дважды засѣдали въ Константинопольскомъ синодѣ епископы Херсонеса, но къ сожалѣнію въ актахъ не показаны ни имена, ни время этихъ засѣданій.

***) По „acta patriarchatus Constantinopolitani", изд. въ Вѣнѣ въ 1862 г. видно подъ 1317—18 г., что во время набѣговъ татаръ на села Судгейской епархіи, при бѣгствѣ жителей, Готѳійскіе митрополиты сдѣлали свои ставропигіи. Тамъ-же сказано, что въ маѣ 1400 г. митрополитъ Георгій и Атталій Ѳео-

при патріархѣ Калистрѣ между 1349 и 1361 г. противъ Варлаама и Акиндина, возставшихъ на паламитскую ересь. По синаксарю упоминается еще Евѳимій и Петръ, но когда они жили—неизвѣстно. 13) Ѳеофанъ. О немъ упоминаетъ Досифей Іерусалимскій *), говоря, что епископъ этотъ засѣдалъ въ соборѣ при патріархѣ Нифонтѣ, на которомъ греки отвергнули утвержденное флорентійскимъ соборомъ (въ 1439 г.) соединеніе церквей Восточной и Западной.

Кромѣ этихъ свѣдѣній, изъ актовъ Константинопольскаго патріархата видно, что въ Синодѣ его присутствовали Судгейскіе митрополиты въ нижеслѣдующихъ годахъ:

актъ	VXII	въ сентябрѣ 1327 г. епископъ Лука.	
„	VII	„ апрѣлѣ 1329 г. безъ имени, по синаксарю полагаемъ Климентъ.	
„	XIII	„ томъ-же мѣсяцѣ 1331 г. безъ имени, по синаксарю Лука, погребенный въ Кафѣ.	
„	CXX	„ сентябрѣ 1347 г. нѣтъ имени.	
„	CLXII	„ іюлѣ 1356 г. „ „	
„	CCXXIX	„ сентябрѣ 1362 г. „ „	
„	CLXXXI	„ Время необозначено, но сказано: засѣдалъ и давалъ особое мнѣніе епископъ Судгейскій.	
„	CLXXXII	„ февралѣ и апрѣлѣ 1363 г.	Подписи безъ имени.
„	CXCIII	По вѣнскому изданію въ 1371 году передаются Сугдейскому митрополиту Ялита и другія.	
„	CCCLV	„ сентябрѣ и ноябрѣ 1382 г.	
„	VII		
„	XCV	„ іюлѣ 1387 г.	
„	XVII	„ сентябрѣ „	
„	IX	„ ноябрѣ „	

филактъ, изгнанные нечестивыми, переведены на каѳедру Сугдеи и Фуллъ, многолюдную по благости Божіей.

*) Dositheus Hierosolymitanus, lib. 12, cap. 2, par. 10.

акта	CCCCII	17 марта 1389 г.	непоказано имени.
„	III	„ февралѣ „ „	„ „
„	IV	„ „	Антоній Өеоктистъ.
„	V	„ „	„ „
„	VI	„ апрѣлѣ	„ „
„	XXXI	„ маѣ 1392 г.	безъ имени.
„	IV	„ сентябрѣ 1392 г.	Өеоктистъ Антоній.
„	XXXV	„ мартѣ 1393 г.	„ „
„	XLI	„ сентябрѣ 1393 г.	Необозначено имя.
„	VI	Время необозначено.	тоже.
„	LI	тоже.	тоже.
„	IV	„ январѣ 1394 г.	тоже.
„	XI	„ февралѣ того же года.	
„	XV	„ іюнѣ „	тоже.
„	XVIII	„ сентябрѣ „	

И затѣмъ, по вышеприведеннымъ Вѣнскимъ актамъ, на каѳедру Сугдеи и Фуллъ въ 1400 г. назначаются: митрополитъ Георгій и Атталій Өеофилактъ.

По Готөійской епархіи:

Первымъ епископомъ Готөіи былъ Өеофилъ, переводчикъ св. Писанія на готөійскій языкъ, присутствовавшій на первомъ Никійскомъ соборѣ (325 г.)

2) Селиній.

3) Унила. Объ этомъ епископѣ упоминаетъ Іоаннъ Златоустъ въ XIV письмѣ своемъ къ діаконисѣ Олимпіадѣ, говоря, что онъ самъ послалъ его на готөскую каөедру, гдѣ онъ послѣ великихъ подвиговъ скончался.

4), 5), 6) Имена неизвѣстны, но достовѣрно то, что они епископствовали при жизни императора Юстиніана I.

7) Іоаннъ, чтимый нашею церковью (26 іюня) подъ именемъ Готөскаго. Епископъ этотъ родился въ Тавридѣ, какъ ска-

зано выше, въ настоящей деревушкѣ Парѳенитѣ. Послѣ защищенія правой вѣры въ Константинополѣ, онъ возвратился въ Готѳію (послѣ 780 года), но враги предали его въ руки Казаровъ. Отъ нихъ онъ бѣжалъ къ Мастріаду (Амастрисъ) и только послѣ смерти враждебнаго ему Кагана возвратился въ Готѳію*) гдѣ и скончался.

8) Никита, за котораго на седьмомъ Вселенскомъ соборѣ (787 г.) подписывалъ постановленія монахъ Кириллъ.

9) Неизвѣстенъ по имени; но по сохранившейся частицѣ подписи *Готѳійскій* видно, что онъ присутствовалъ на двухъ соборъ при патріархѣ Іоаннѣ Ксифилинѣ въ 1066 и 1067 г.

10) Также неизвѣстенъ по имени, но изъ подписи: *архіепископъ Готѳійскій*, сдѣланной имъ на постановленіи собора въ 1143 г. при Мануилѣ Комнинѣ и патріархѣ Михаилѣ Окситѣ, видно, что и онъ вызванъ былъ для осужденія двухъ Каппадокійскихъ епископовъ, заподозрѣнныхъ въ ереси.

11) Константинъ. Онъ присутствовалъ въ соборахъ 1147 и 1156 г. при лишеніи сановъ патріарховъ: Косьмы Аттика и Антіохійскаго.

12) Арсеній.

13) Софроній, митрополитъ въ 1292 г. **)

14) Оловолъ былъ митрополитомъ до 1410 г.

15) Въ 1427 г. Дамьянъ. ***)

Очевидно, что въ этихъ данныхъ существуютъ значительные пробѣлы. По неимѣнію болѣе подробныхъ руководствъ, мы снова

---

*) Послѣднее свѣдѣніе мы заимствуемъ у Болландистовъ изъ статьи: „De santo Ioanne Episcopo Gotthiae".

**) Готѳійская епархія, по свидѣтельству императора Андроника Палеолога царствующаго съ 1283 года, переименована изъ архіепископства въ митрополію въ концѣ XIII столѣтія.

***) См. надпись, открытую въ Партенитѣ въ 1871 году.

перейдемъ къ приведеннымъ раньше актамъ Константинопольскаго патріархата, изъ которыхъ видно, что съ 1292 по 1402 г. Готѳійскіе митрополиты принимали участіе въ 12-ти Константинопольскихъ соборахъ, а именно:

Въ сентябрѣ 1347 года.
Въ сентябрѣ 1382 года.
Въ ноябрѣ того-же года.
20 января 1383 г.
17 марта 1389 г.
Въ февралѣ 1389 г. на трехъ соборахъ.
Въ апрѣлѣ того-же года.
На одномъ изъ соборовъ между 1293 и 94 г.

Въ октябрѣ 1399 г. бывшій великій хартофилаксъ Іоаннъ Оловолъ называется нынѣшнимъ священнѣйшимъ и пречестнымъ митрополитомъ Готѳскимъ.

И въ іюлѣ 1401 года засѣдалъ на соборѣ митрополитъ Готскій, заступающій мѣсто Ефесскаго.

Изъ мѣстныхъ памятниковъ послѣдующихъ епархіальныхъ начальниковъ въ Тавридѣ, мы знаемъ по надписи, сохранившейся на развалинѣ церкви при дер. Біясала, свидѣтельствующей, что въ 1587 году архіереемъ и настоятелемъ Готѳіи былъ Константій.

По разсказу академика Кеппена *) 17-мъ митрополитомъ Готѳіи въ 1721 году былъ Парѳеній; но откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе—мы не знаемъ.

Затѣмъ, судя по фирману, данному турецкимъ султаномъ Мустафою патріарху Серафиму въ 1757 г., Крымскимъ митрополитомъ былъ Гедеонъ.

Послѣднимъ-же Готѳійско-кафскимъ митрополитомъ былъ Игнатій, который по имянному указу, данному св. Синоду, отъ

*) См. „Крымскій сборникъ“ его, стр. 69.

14 марта 1779 года, съ Крымскими греками, переселился на Сѣверный берегъ Азовскаго моря *).

Босфорская епархія **).

По свидѣтельству іеромонаха Іерусалимскаго Епифанія первымъ проповѣдникомъ Евангелія въ Пантикапеѣ и Ѳеодосіи былъ апостолъ Андрей Первозванный, которому удалось въ первомъ городѣ обратить очень многихъ въ христіанство, а въ послѣднемъ сравнительно съ народонаселеніемъ очень немного.

Первымъ Воспорскимъ епископомъ, присутствовавшимъ на первомъ Вселенскомъ соборѣ, былъ подписавшійся Домномъ Босфорскимъ. Затѣмъ Созоменъ (Hists. Eceles lib. IV cap. 16) упоминаетъ о другомъ Босфорскомъ, который по повелѣнію императора Констанція въ 344 году явился на соборъ въ Никомидію, гдѣ и погибъ отъ землетрясенія.

Третій подъ именемъ Евдоксія присутствовалъ на трехъ помѣстныхъ соборахъ: Константинопольскомъ въ 448 г., когда подъ предсѣдательствомъ патріарха Флавіана въ первый разъ произнесено было осужденіе на ересь Евтихія; Ефескомъ въ 449 г., гдѣ незаконно Евтихій былъ оправданъ, а Флавіанъ осужденъ и на Константинопольскомъ въ 459 г., задачею котораго было прекращеніе усилившейся Симоніи.

Послѣдующій Іоаннъ въ 519 г. подписался подъ отношеніемъ Константинопольскаго собора къ мѣстному патріарху Іоанну о возобновленіи на священныхъ скрижаляхъ именъ патріарховъ Ефрема и Македонія, которыя этотъ новый патріархъ повелѣлъ изгладить; а въ 536 г. присутствовалъ на но-

---

*) Послѣ покоренія Крыма съ 1791 по 1799 въ нынѣшнемъ Старомъ-Крыму имѣли мѣстопребываніе викарные епископы Екатеринославской архіерейской каѳедры: Дороѳей, скончавшій въ 1787 г. въ Таганрогѣ, Моѵсей, убитый злоумышленниками, Іовъ, Гервасій и Христофоръ.

**) Въ уставѣ Льва премудраго Босфоръ записанъ 29 архіепископствомъ.

вомъ Константинопольскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха Менны.

Андрей Босфорскій епископъ упоминается въ надписяхъ вселенскаго собора 787 г. гдѣ читаемъ: Давидъ смиреннѣйшій діаконъ святѣйшей церкви Босфорской, вмѣсто достопочтеннѣйшаго епископа своего подписался.

О дѣятельности Босфорскихъ епископовъ мы можемъ судить, что царь Гунновъ Гордъ (Γόρδασ), жившій вблизи Воспора, заключившій въ 529 году союзъ съ императоромъ Юстиніаномъ, принявъ Крещеніе въ Царьградѣ воспринятъ былъ отъ купели самимъ императоромъ и надѣленный богатыми дарами возвратился въ свою область, гдѣ и былъ умерщвленъ подданными за то, что, желая обратить ихъ въ христіанство, повелѣлъ отобрать и расплавить ихъ древніе серебряные и янтарные кумиры *).

Кромѣ этого до насъ дошли свѣдѣнія, что властитель Утригуровъ Крымскихъ Органъ также крестился въ Константинополѣ и получилъ санъ патриція **).

О дальнѣйшей участи Босфорской епархіи мы къ сожалѣнію не имѣемъ свѣдѣній. Послѣдній митрополитъ на Керченскомъ полуостровѣ, прибывшій въ Еникале съ Архипелажскими греками и скончавшійся здѣсь былъ Анѳимъ Монемвасійскій. Могила его находится около церкви во имя св. Іоанна.

Въ заключеніе намъ необходимо познакомить читателя съ тѣми правами Крымскихъ митрополитовъ, которыми они пользовались подъ властью мусульманъ. Права эти съ точностью выражены въ ниже приведенномъ фирманѣ, данномъ турецкимъ султаномъ Мустафою, по прошенію Константинопольскаго па-

*) См. Theophanis chronographia pag. 119—120 in IV tom. Corp. Byz. Hist. Venet.

**) См. Memor. popul. tom 1 p. 578—80, 606 и 607.

тріарха Серафима, митрополиту Гедеону на Крымскую епархію. Подлинный документъ этотъ хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Содержаніе его, позаимствованное нами изъ втораго тома записокъ Одесскаго общ. Исторіи и древностей, слѣдующаго рода:

Высочайшая грамота его султанова величества, знаменитѣйшаго въ свѣтѣ повелителя.

Въ тургѣ изображено:

Султанъ Мустафа, сынъ Агметъ-султана, всегда побѣждающій.

1171 года (1757) мѣсяца сефера 16-го дня, по благополучномъ вступленіи нашемъ на высокосчастливѣйшій, всемірный императорскій и египетскій султанскій наслѣдный престолъ, возобновляя вообще всѣ грамоты, пожалованныя отъ нашей имперіи, мы высочайше повелѣть соизволили по сему фирману слѣдующее:

1-е. Такъ какъ прежде сего живущіе въ Кефѣ, Манкубѣ, Балаклавѣ, Судакѣ и Азовѣ съ приписными къ нимъ мѣстами подданные христіане, по сей предъявленной высочайшей грамотѣ пожалованы были въ смотрѣніе, междумессійскаго народа избранному митрополиту Гедеону (котораго конецъ да будетъ благъ!) почему и нынѣ для возобновленія той высочайшей грамоты, оному митрополиту данной, Константинопольскій патріархъ Серафимъ подалъ къ высочайшимъ стопамъ нашимъ, за своею печатью письменное прошеніе, а какъ по справкѣ съ епископскими списками оказалось, что хотя помянутый митрополитъ Гедеонъ обыкновеннаго намъ подарка, состоящаго въ денежкахъ и не внесъ, однако-же вмѣсто того толикое-же число означеннымъ Константинопольскимъ патріархомъ Серафимомъ въ казну нашу заплачено, того ради сего 1173 (1759) года мѣсяца Джемадзіульакира 19 дня, оному митрополиту Гедеону сею вновь данною отъ насъ высочайшею

грамотою повелѣваемъ: дабы онъ митрополитъ (котораго конецъ да будетъ благъ!) надъ живущими въ Кефѣ, Манкубѣ, Балаклавѣ и Азовѣ христіанами, по прежнимъ примѣрамъ и по древнему обыкновенію и ихъ закону, былъ самовластнымъ митрополитомъ, состоящія подъ его вѣдомствомъ въ разныхъ приписныхъ къ помянутымъ городамъ, мѣстамъ, наши подданные народы отъ большаго до малаго епископы, игумены, іеромонахи, монахи и бѣлые священники почитали-бъ и признавали его митрополитомъ своимъ, не чиня ничего въ противность закона, дѣла свои исправляли-бъ справедливо, изъ повелѣній его не выступали-бы и были-бы ему во всемъ послушны, равно какъ и въ томъ, когда онъ будетъ кого-либо отъ какой должности отрѣшать, а на то мѣсто другаго опредѣлять, никто-бы отнюдь въ дѣла его не вмѣшивался и никакого препятствія не дѣлалъ, но оставалось-бы все оное въ собственномъ его разсмотрѣніи.

2-е. По силѣ сей данной ему нашей священной грамоты никто да не отважится, безъ высочайшаго повелѣнія, состоящихъ въ его вѣдомствѣ церквей и монастырей отнимать и что кому отъ него приказано будетъ въ томъ никому не прикословить; а когда-бы состоящіе въ казенной службѣ начальники подъ предлогомъ, что имѣютъ они по сему приказаніе настояли въ разсмотрѣніи и взысканіи церковныхъ дѣлъ, то не чинили-бы имъ никакихъ штрафовъ, ни обидъ.

3-е. При бракосочетаніяхъ и разводахъ быть только тѣмъ людямъ, которымъ отъ митрополита повелѣно будетъ, а постороннимъ отнюдь не входить.

4-е. Если кто изъ монаховъ, священниковъ или другихъ особъ греческой націи изъ собственнаго своего имѣнія что-либо завѣщаетъ или откажетъ духовнымъ христіанскимъ чинамъ, какъ-то: патріарху, митрополиту, епископу—оное, при точномъ свидѣтельствѣ, принимать за благо.

5-е. Когда митрополитъ, находящагося въ своемъ вѣдомствѣ, епископа, игумена, іеромонаха, монаха и священника или монахиню, за какое-либо противъ закона преступленіе, будетъ по

законнымъ правамъ и по своему разсмотрѣнію наказывать, въ томъ не долженъ никто препятствовать.

6-е. Митрополитъ имѣетъ наказывать священника, который безъ его дозволенія и въ противность уставовъ осмѣлится кого-либо обвѣнчать.

7-е. Никакихъ жалобъ на митрополита отъ его подчиненныхъ нигдѣ не принимать, но надлежитъ объ немъ, для правосудія, представлять нашего величества дивану, верховному везирю и казны-аскеру, съ тѣмъ чтобъ, пока резолюція воспослѣдуетъ, никто однакожъ на его мѣсто опредѣляемъ небылъ.

8-е. О произведеніи какого-либо монаха въ епископы или объ отрѣшеніи одного священика отъ церкви, а объ опредѣленіи на его мѣсто другаго, посторонней просьбы не принимать и никому никакого притѣсненія не чинить.

9-е. Посылаемымъ отъ митрополита повѣреннымъ людямъ для сбора казенныхъ податей отъ епископовъ, іеромонаховъ, священиковъ и прочихъ христіанъ, въ присутственныхъ мѣстахъ начальникамъ дѣлать вспомоществованіе, подати-же собираемыя должны быть: за строенія, за монастыри, за вѣнчанія и за прочія мелочи, за кои, по древнему обыкновенію, патріархи и митрополиты должны въ казну нашу платить.

10-е. Ежели кто изъ находящихся въ вѣдомствѣ митрополита и живущихъ въ монастыряхъ людей, станетъ съ мѣста на мѣсто, для излеченія больныхъ, переходить самовольно, таковыхъ ему митрополиту наказывать и на прежнія жилища въ монастыри возвращать.

11-е. Когда отъ митрополита іеромонахи посланы будутъ въ дома подданныхъ нашихъ христіанъ, для исполненія какихъ либо по своему закону обрядовъ, въ такихъ случаяхъ воеводамъ, судьямъ, юзбашамъ и прочимъ знатнымъ людямъ никакого имъ изнуренія и обидъ не дѣлать.

12-е. Митрополитамъ и прочимъ священикамъ въ домахъ своихъ Евангеліе читать громогласно дозволяется, равно какъ и въ знатныхъ домахъ службу по закону отправлять; Еванге-

ліе читать тихо, безъ постановленія лампъ и свѣчь, также безъ кадила и жезла, не облачаясь въ ризу и не садясь въ кресла.

13-е. Прежде данныхъ, отставнымъ начальникамъ, грамотъ не пересматривать для одного только корыстолюбія и чрезъ то ихъ, въ противность закона, не обижать.

14-е. Посылаемымъ отъ митрополита для сбора казенныхъ податей людямъ давать отъ мѣста до мѣста проводниковъ и за перемѣну ими платья и за содержаніе при себѣ оружія, въ такомъ случаѣ знатнымъ людямъ изъ корыстолюбія, притязанія и запрещеніе не дѣлать.

15-е. Подданныхъ нашихъ христіанъ безъ добровольнаго ихъ желанія къ принятію магометанскаго закона не принуждать.

16-е. Когда митрополитъ, за неимѣніемъ денегъ, будетъ платить обыкновенную казенную подать товарами съ оныхъ, при портахъ пошлины не брать и портовымъ командирамъ подарковъ за пропускъ тѣхъ товаровъ не требовать и никакого отягощенія не чинить.

17-е. Равнымъ образомъ, если случатся въ привозѣ при портахъ и таможняхъ, собранныя на содержаніе митрополита съ его подчиненныхъ садовые фрукты: вино, масло, медъ и прочіе припасы, съ оныхъ также пошлины и прочаго не требовать.

18-е. Принадлежащіе митрополитамъ, монастырямъ и церквамъ сады, огороды и хуторы имѣютъ остаться на прежнемъ основаніи въ ихъ владѣніи, равно какъ пахатныя земли, мельницы, разныя строенія, дома, лавки, пожитки, наличныя деньги и всякія вещи и во все оное постороннимъ не вмѣшиваться.

19-е. Если кто будетъ имѣть на митрополитѣ или его епископахъ, какую-либо претензію и объ оной пашамъ, судьямъ или намѣстникамъ подастъ прошеніе, то не разсмотрѣвши порядочно дѣла, ничего въ дѣйствіе не производить: а хотя бы какимъ-либо образомъ прежде или послѣ и высочайшій указъ о

томъ воспослѣдовалъ, но и въ такомъ случаѣ исполненія не дѣлать, когда между тѣмъ дѣло еще не разобрано въ точности не будетъ.

20-е. Буде кто изъ подданныхъ христіанъ завѣщаетъ что либо патріархамъ, митрополитамъ и церквамъ, оное, по смерти его, взыскивать съ наслѣдниковъ и судомъ.

21-е. Живущіе подъ вѣдомствомъ митрополита въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ епископы, монахи и священики, равно какъ и прочіе духовные люди годовые подати патріарху и митрополиту платить имѣютъ, какъ-то съ собираемой милостины, водоосвященія, съ земли, съ перваго, втораго и третьяго бракосочетанія, съ каждаго дома женатаго по 12-ти аспръ, да сверхъ того каждый священикъ по одному червонцу.

22-е. Тѣ подданные наши христіане, которые вмѣсто казенной годовой подати станутъ платить пшеницею и деревяннымъ масломъ съ доставкою онаго на мѣсто, съ тѣхъ пошлины за то не брать.

23-е. Когда съ церквей и деревень собираемы будутъ митрополитомъ или его повѣренными казенные доходы какіе-бы оные не были, въ томъ, знатнымъ особамъ, недѣлать запрещенія.

24-е. Подданнымъ нашимъ христіанамъ во время сбора казенной подати въ одинъ домъ, изъ разныхъ, съ дѣтьми и прочими родственниками своими, не собираться и тѣмъ казнѣ ущербу не причинять.

25-е. Знатныя особы, дворяне и помѣщики, находящихся въ ихъ деревняхъ и хуторахъ подданныхъ нашихъ христіанъ, называя ихъ стряпчими, дѣтьми и служителями въ противность закону иногда отъ платежа пошлинъ укрываютъ, что однакожъ симъ запрещается.

26-е. Если во время бракосочетанія или развода мужа съ женою, случится ссора, оное разбирать митрополиту или его повѣренному.

27-е. Когда случится нужда проводить кого-либо изъ хри-

стіанъ въ церковъ къ присягѣ въ то судьямъ и начальникамъ не вмѣшиваться.

28-е. Состоящіе подъ вѣдомствомъ епископовъ священники никого не должны, въ противность закона, болѣе трехъ разъ вѣнчать, равно какъ и имѣющему живую жену на другой не жениться; а кто это преступитъ, того позволяется и наказывать.

29-е. При случаѣ описи на государя, остающихся послѣ умершихъ епископовъ, іеромонаховъ, монаховъ и священниковъ наличныхъ денегъ, церковныхъ утварей, разныхъ вещей, лошадей и прочаго имѣнія, въ чемъ-бы оное ни состояло, митрополитамъ и его повѣреннымъ, судьямъ, воеводамъ и полицмейстерамъ ни подъ какимъ видомъ въ оное не вмѣшиваться.

30-е. Священникамъ, незаконно вѣнчающимъ по ихъ закону, въ церковь входить не должно, а когда они умрутъ, то судьямъ, намѣстникамъ и прочимъ начальникамъ и вельможамъ не надлежитъ принуждать прочихъ священниковъ оныхъ погребать.

31-е. Епископовъ и священниковъ, прекословлящихъ въ платежѣ казенной подати разстригать и на мѣсто ихъ другихъ, по закону, опредѣлять; въ чемъ и никому не чинить препятствія.

32-е Когда нужда востребуется, виноватаго христіанина съ увѣщаніемъ приводить ко кресту или другое, по церковному уставу, дѣлать ему наказаніе, въ оное никому постороннему не вмѣшиваться.

33-е. Буде кто изъ христіанъ, въ противность закона, вознамѣрится жениться, таковыхъ нигдѣ не вѣнчать.

34-е. Если кто изъ христіанъ третью долю откажетъ изъ своихъ пожитковъ въ церковь или монастырь, патріарху или митрополиту, или же епископу, — оные пожитки немедленно должны быть свидѣтельствованы свидѣтелями изъ грековъ.

35-е. Когда кто изъ іеромонаховъ, монаховъ и священниковъ окажется въ должности своей неисправнымъ, оныхъ митрополиту надлежитъ смѣнять и потомъ церкви и монастыри,

при коихъ они находились, содержать въ своемъ смотрѣніи, а буде заблагоразсудитъ опредѣлять на тѣ мѣста другихъ — въ томъ никому не препятствовать.

36-е. Безъ собственнаго желанія митрополита, никто изъ воинскихъ людей не долженъ, въ противность воинскихъ-же артикуловъ, вступать къ нему насильствомъ въ ясакчинскую должность.

37-е. Всякому запрещается отнимать у митрополита и его подчиненныхъ лошадей и лошаковъ для своей ѣзды ими употребляемыхъ и воинскимъ людямъ отнюдь въ сіе не вмѣшиваться.

38-е. Гдѣ митрополитъ будетъ имѣть жительство, въ тѣ дома воинскимъ нашимъ людямъ и всѣмъ постороннимъ силою не вступать и тѣмъ обиды имъ не дѣлать.

39-е. Когда митрополиту случится гдѣ нибудь проходить съ своимъ жезломъ, въ томъ князья, правители, намѣстники, воеводы, полицмейстеры и прочіе начальники отнюдь не должны ему запрещать.

Такимъ образомъ сія наша высочайшая грамота, по пунктамъ расположенная, во всемъ да пребудетъ дѣйствительною и никто посторонній да неотважится учинить имъ, въ вольности и правленіи, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ, какого-либо притѣсненія и обиды. Впрочемъ, да будетъ вѣдомо о томъ всѣмъ и всякій да подастъ сему нашему высочайшему знаку (т. е. печати) совершенную вѣру.

Настоящій фирманъ мы привели здѣсь съ двоякою цѣлью, *во первыхъ*, какъ доказательство, что послѣ 1757 года въ Тавридѣ оставалась изъ трехъ только одна митрополія и что здѣсь было нѣсколько епископовъ и много монастырей и церквей, которыми безконтрольно управлялъ митрополитъ, безъ сомнѣнія назначаемый Константинопольскимъ патріархомъ. Причина упраздненія Судгейско-фульской, Босфорской и Херсонеской митрополій произошла, какъ мы полагаемъ, или вслѣдствіе разрушенія Херсонеса, Керчи и Судгеи или по поводу безконечныхъ раздоровъ митро-

политовъ между собою за пограничные сельскіе храмы и грубые поступки и ослушанія противъ постановленій патріархата. Ясно, что послѣднія дѣйствія возбуждались недостаткомъ получаемыхъ доходовъ съ крошечныхъ митрополій *) для удовлетворенія собственныхъ нуждъ и податей: турецкому и ханскому правительству, патріарху и на подарки мѣстнымъ властямъ. *И во вторыхъ*: фирманъ этотъ былъ только на бумагѣ хорошъ обязателенъ для подчиненныхъ митрополиту, но онъ нисколько не воспрещалъ мусульманамъ грабить, оскорблять и мучить христіанское духовенство. Судя по народнымъ преданіямъ наше духовенство признаваемое турками и татарами за враждебныхъ противу религіи своей, лицъ одновременно, согласно своему шираату (закону) считало ихъ за народныхъ распорядителей и представителей приходской власти и на этомъ основаніи со всякаго рода подозрѣніями и требованіями обращалось къ нимъ; такъ напр. каждый провинившійся христіанинъ въ дракѣ, ослушаніи или смертоубійствѣ не иначе это могъ сдѣлать какъ подъ вліяніемъ своего священника, возбуждающаго будто-бы негодованіе и отвращеніе къ религіозности поработителя и нисколько невинному духовнику, во избѣжаніе правительственной кары, приходилось откупаться подарками. Всѣ правительственные чиновники, при объѣздѣ деревень со всѣмъ штатомъ своимъ останавливались обыкновенно у священниковъ, на обязанности которыхъ лежалъ долгъ не только кормить и удовлетворять всѣмъ прихотѣмъ гостей, но и платить имъ за честь подъ именемъ: *тышъ-парасы* т. е. денегъ за дѣйствіе зубовъ, въ смыслѣ: плата за то, что такіе важные гости утруждали свои благородные зубы на ѣду въ ихъ домѣ. Естественно, что несчастные священники, принимая на себя по неволѣ подобнаго рода тягости, служили для этихъ лицъ забавою или посмѣшищемъ;

---

*) О раздорахъ этихъ повѣствуютъ акты Константинопольскаго патріархата напечатанные въ 6.мъ томѣ запискѣ Одесскаго общества исторіи и древностей.

не разъ получали побои отъ нихъ и рабовъ ихъ и не разъ видѣли оскверненными своихъ женъ и дочерей; но все это переносили съ свойственнымъ истинному христіанину терпѣніемъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ ни однаго христіанскаго селенія въ южной части Тавриды, духовникъ котораго, во время мусульманскаго владычества, не испыталъ-бы полной тягости ига религіозно-враждебнаго ему турка и татарина. Безцеремонное обращеніе исламистовъ и съ храмами нашими отчасти доказывается тѣмъ, что при нихъ никогда не бывало серебряныхъ или вообще цѣнныхъ сосудовъ и украшеній, тогда какъ драгоцѣнныхъ металловъ и камней въ этой странѣ всегда было въ достаточномъ количествѣ. Въ послѣднемъ мы убѣждаемся, нерѣдко встрѣчая у потомкковъ древнихъ Крымскихъ Грековъ золотыя украшенія, усыпанныя цѣнными каменьями.

Говоря о варварскомъ обращеніи мусульманъ съ христіанами до послѣднихъ временъ *) мы невольно останавливаемся на двухъ случаяхъ, переданныхъ намъ (какъ помнится въ 1848 году) въ Ялтѣ очевидцами: „въ 1774 году турки, высадившись въ Алуштѣ, сдѣлали нападенія не только на всѣ христіанскіе храмы и дома священниковъ, но рѣшились даже взорвать порохомъ ялтинскую церковъ со всѣмъ народомъ бывшемъ въ ней на воскресной литургіи. Второй случай слѣдующаго рода: въ деревнѣ Никита (около Ялты) жилъ пристарѣлый мулла, съ которымъ любилъ бесѣдовать ялтинткій послѣдній ага; но такъ какъ муллѣ трудно было ѣздить верхомъ или идти пѣшкомъ въ гости къ начальнику, то ага приказалъ никитинскому священнику два раза въ недѣлю приносить его на плечахъ къ себѣ и относить обратно.

Имѣя въ запасѣ сотни подобныхъ разсказовъ, мы съ сожалѣніемъ перечитываемъ распускаемыя нѣкоторыми лицами повѣствованія, что будто мусульмане братски жили съ христіа-

---

*) Христіанъ въ Крыму изъ царствовавшихъ хановъ наиболѣе другихъ преслѣдовалъ Капланъ-гирей.

нами и горько оплакивали разлуку между собою, послѣдовавшую въ 1779 году. Вздорная идея эта, какъ надобно полагать явилась у нѣкоторыхъ писателей вслѣдствіе того, что имъ извѣстно было, что большинство христіанскихъ общинъ сопровождалось толпами плакавшихъ татаръ и татарокъ, но никто изъ нихъ не зналъ, что эти татаре, и татарки были дѣти убѣгающихъ родителей, или такіе прозелиты, которымъ пришлось принять исламъ ради личнаго блага, но все таки грустно потерять навсегда тѣхъ, съ кѣмъ росли или которые страдали лелѣя ихъ въ дѣтствѣ на своихъ грудяхъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ

КРЫМА

В. Х. Кондараки,

Члена Императорскихъ Обществъ: Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Одесскаго Исторіи и древностей и Ялтинскаго садоводовъ и винодѣловъ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Веллинга, Англійскій просп., домъ № 10.

1875.

Русское господство въ Крыму.

Мудрая политика императрицы Екатерины II, относительно присоединенія Таврическаго полуострова къ Россіи, дѣлается общепонятною съ 1774 года т. е. со времени Кучукъ-кайнарджинскаго мира, обезпечившаго за нами Керченскій проливъ съ городкомъ этого имени. Пріобрѣтеніе это казалось ничтожнымъ для тѣхъ, кто не подозрѣвалъ дальнѣйшихъ видовъ императрицы; но дипломатамъ не трудно было понять, что съ той минуты, какъ Турція вынуждена будетъ отказаться отъ верховныхъ правъ на судьбы Крымскихъ хановъ, права эти перейдутъ къ намъ и могутъ поддерживаться войсками, сосредоточенными въ Керчи. Это такъ и случилось, потому что, съ утвержденіемъ нашимъ въ Керчи и Еникале, мы не только утверждали хановъ на престолѣ, но нерѣдко и содѣйствовали имъ для поддержанія власти, на перекоръ проискамъ турецкаго правительства, старавшагося возстановить татаръ противъ дѣйствій русской политики. Четыре года спустя Императрица Екатерина,—вслѣдствіе безпрестанныхъ жалобъ христіанъ крымскаго полуострова о томъ, что имъ приходится нести непомѣрные налоги въ ханствѣ,—сообразила, что выселеніе ихъ изъ Крыма посодѣйствуетъ къ безсилію въ финансовомъ отношеніи этой страны и такимъ образомъ ускоритъ его разложеніе, распорядилась употре-

бить всевозможныя мѣры для переселенія Армянъ въ Нахичеванъ, а грековъ въ Маріупольскія степи, не пользовавшіеся тогда этими названіями. Дальновидность и успѣшность этого труднаго предпріятія не осталось безъ выгодныхъ для насъ послѣдствій, потому что ханство лишилось значительныхъ доходовъ съ винодѣлія и другихъ коммерческихъ занятій, исключительно принадлежащихъ единовѣрцамъ нашимъ. Ясно, что послѣ этаго событія положеніе татаръ измѣнилось къ худшему и они чаще встрѣчались съ поводомъ, возбуждавшимъ неудовольствія противъ распоряженій своего правительства. Неудовольствія эти съ каждымъ днемъ наростали и дошли до того, что ханъ долженъ былъ покончить отреченіемъ отъ престола въ пользу покровительствовавшей ему императрицы; но при этомъ случилось высказанное нами раньше недоразумѣніе, заставившее хана скрыться съ приближенными татарами въ горы, откуда онъ взятъ былъ ловкимъ обманомъ генерала Игельстрома и отправленъ въ Воронежъ. Естественно, что послѣ этого намъ не представлялось особенно важныхъ затрудненій къ провозглашенію своего господства, которое и объявлено было манифестомъ въ 9 день Апрѣля 1783 года, а вслѣдъ за тѣмъ 30 Іюня потребована на вѣрность подданства всеобщая присяга народа-населенія крыма. По преданіямъ татаръ, минуты присоединенія ихъ отечества къ владѣніямъ ненавистныхъ гяуровъ до того поразили ихъ, что долго и долго они не вѣрили совершившемуся факту и безъ терпѣнія ожидали возвращенія изъ Россіи Шагинъ-гирей-хана, который будто добровольно поѣхалъ къ императрицѣ Екатеринѣ для переговоровъ; но впослѣдствіи, когда, выяснилась истина, большинство изъ татаръ, считая грѣхомъ оставаться въ подданствѣ христіанъ, заявили желаніе переселиться въ единовѣрную Турцію. Россія очень охотно приняла это заявленіе, какъ удовлетворяющее ея цѣли и безъ малѣйшаго

сопротивленія выпустила изъ вновь пріобрѣтеннаго края до 300 т. человѣкъ мужскаго и женскаго пола, которые увели съ собою огромные табуны лошадей, рогатаго скота и овецъ. Выходъ такой массы туземныхъ обитателей конечно имѣлъ важное значеніе въ экономическомъ и торговомъ значеніи для страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны были радоваться удаленію фанатиковъ, всегда готовыхъ нарушать спокойствіе и сопротивляться уставамъ поработителя. Для предупрежденія послѣдняго въ остававшихся, мы поступили очень осторожно, дозволивъ имъ сохранить свои духовныя власти и искони принятыя постановленія, относительно религіозныхъ и частныхъ дѣлъ между собою. Этого мало, мы оставили даже на своихъ постахъ прежнихъ каймакамовъ, а мурзамъ и беямъ обѣщали даровать дворянство и неприкосновенность ихъ наслѣдственныхъ правъ на бейлики и вообще движимое и недвижимое имущество, доставшееся по существовавшимъ до насъ порядкамъ. По распоряженію-же мѣстнаго начальника края, административнымъ представителемъ Крыма назначенъ былъ генералъ Каховскій, основавшій свою резиденцію въ Карасубазарѣ—самомъ обширномъ въ то время городѣ, куда съѣзжались почетнѣйшіе и богатѣйшіе татарскіе роды; которымъ принадлежали окрестныя села и деревни; затѣмъ приняты въ казну ханскія постройки и земли, турецкія владѣнія,—ушедшихъ татаръ, грековъ и армянъ, умершихъ отъ послѣдній чумы и округи сожженныхъ при войнѣ деревень. Въ Керчи и Еникале поселены были Архипелажскіе греки, истые враги мусульманскаго міра, которые съ честью служили на русскомъ флотѣ до Кучукъ-Кайнарджинскаго трактата и за услуги, оказанныя намъ, Императрица Екатерина не только приказала отвести имъ земли для поселенія, но и дозволила образовать изъ среды своей войско подъ именемъ Албанскаго, на обязательствахъ служить только въ военное время. Въ 1779 году греки эти,

наводившіе страхъ и трепетъ на крымскихъ татаръ, получили отъ императрицы приказаніе сформироваться въ отдѣльный полкъ, состоящій изъ 12 ротъ или экатонтархій, съ присвоеніемъ имъ самыхъ громкихъ именъ изъ исторіи греческой. Полкъ этотъ въ 1784 году, т. е. послѣ выхода огромной массы татаръ съ Керченскаго полуострова, переведенъ былъ въ Балаклаву, въ окрестностяхъ которой находились самыя обширнѣйшія поселенія этого народа и гдѣ необходимо было его пребываніе, на случай крайней надобности. Въ другихъ городахъ Тавриды также были поселены наши войска, но безъ всякихъ уполномочій обнаруживать свое значеніе и властолюбіе и по возможности дружелюбно обращаться съ мѣстными жителями. Прекрасное распоряженіе это настолько было выполнено добросовѣстно, что преданіе не сохранило ни одного столкновенія или серіозной обиды, нанесенной татарамъ. Старѣйшіе же изъ встрѣченныхъ мною въ юности туземцевъ разсказывали, что они до того были напуганы именемъ *Москова* (т. е. русскаго), что, при встрѣчѣ съ нимъ, боялись всматриваться въ его лицо и проходили съ опущенными глазами. Изъ послѣдняго можно заключить только то, что русскихъ проживало не много въ Крыму и что о нихъ распространено было ложное мнѣніе. Въ этомъ году (1784), вслѣдствіе дозволенія свободной торговли въ Севастополѣ и Ѳеодосіи, изъ Крыма отпущено было за границу очень много воску, войлоковъ, сырыхъ кожъ, масла, смушекъ, меду, мяса соленаго, рыбы, шерсти, икры, сала говяжьяго, муки, пшена и около 10 т. четвертей пшеницы. Основанъ въ Ѳеодосіи монетный дворъ, просуществовавшій $1^1/_2$ года и т. п. Въ такомъ положеніи находились наши отношенія къ татарамъ до тото времени, пока присланъ былъ указъ Правительствующаго Сената, отъ 13 марта 1786 года на имя князя Потемкина, о желаніи императрицы посѣтить Таврпду. Указомъ этимъ предписы-

валось уравнивать дороги, строить и починять мосты, воздвигать для ночлеговъ новые дворцы съ погребами и ледниками на возвышенныхъ мѣстахъ, для того чтобы представлять хорошіе виды. Въ городахъ и селеніяхъ очищать по 25 квартиръ для свиты. При всякомъ дворцѣ заготовить 500 плошекъ, 10 фанарей и 6 смоляныхъ бочекъ. На переѣзды опредѣлялось 12 каретъ и 73 коляски, на упряжь которыхъ требовалось на каждомъ стану отъ 500 до 700 лошадей. При этомъ установлено было вызывать для встрѣчи государыни народонаселеніе изъ ближайшихъ окрестностей, а мурзъ—для сопровожденія и услугъ. Когда къ заготовленію всего этого приступлено было, въ Крыму золото разсыпалось въ огромномъ количествѣ, бѣдные деньгами татаре положительно пришли въ недоумѣніе, относительно величія государыни, на которую они раньше смотрѣли какъ на женщину обыкновенную, которой не долженъ, по правиламъ ихъ религіи, подчиняться мущина.

Годъ спустя ея величество, въ сопровожденіи Австрійскаго императора Іосифа II, принцевъ Нассау и Делиня, гетмана Потоцкаго, князя Потемкина, англійскаго министра Фицъ-Герберта, посланниковъ: французскаго графа Сегюра, австрійскаго Кобенцеля, графа Ангальта, графа Чернышева, оберъ-камергера Шувалова, Нарышкина, Мамонова съ 20-ю другими вельможами и фрейлинами Браницкой, Скавронской, Чернышевой и Протасовой, прибыла въ Перекопъ, гдѣ завтракала и куда собрались всѣ знатнѣйшіе беи и мурзы на лучшихъ скакунахъ своихъ для привѣтствованія повелительницы Россіи.

Вотъ что сохранено преданіемъ отъ первой встрѣчи татаръ съ государынею. Въ главѣ нашихъ представителей—говорилъ мнѣ одинъ изъ старыхъ мурзъ—стояли Меметша-бей, владѣтель Коккозской долины, Батыръ-ага-Крымтаевъ, Мансурскій бей и Кая-бей Балатуковъ. Государыня, принявъ отъ нихъ привѣтствіе, объявила, чрезъ

переводчика, что она съ удовольствіемъ приняла подъ свое покровительство Крымскихъ татаръ и употребить всѣ усилія, чтобы сохранить ихъ въ покоѣ и свободномъ отправленіи религіозныхъ догматовъ; что она даруетъ имъ исключительныя льготы т. е. запретитъ наборъ въ солдаты, если всѣ они будутъ вести себя прилично и уважать постановленныхъ ею начальниковъ. Когда переведено было сказанное, Меметша-бей приблизился къ повелительницѣ и, ставъ на одно колѣно, отвѣчалъ: «Государыня, мы всѣ охотно изъявили согласіе сдѣлаться твоими подданными въ убѣжденіи, что ты могущественною рукою избавишь всѣхъ насъ отъ постоянныхъ раздоровъ и интригъ турецкихъ министровъ. Для насъ невыносимо стало безпрестанное измѣненіе хановъ и новое возведеніе ихъ на престолъ на перекоръ народонаселенія. До присоединенія Крыма къ твоему царству, мы не знали своихъ обязанностей и ежедневно ожидали разоренія нашихъ жилищъ, потому что обязаны были служить прихотямъ враждующей противъ тебя Турціи. Теперь мы освободились отъ всего этого и спокойно почиваемъ въ семейномъ кругу и для полнаго счастія намъ нужна только твоя материнская любовь.»

За это умное слово—добавилъ старикъ—Екатерина наградила Меметшу-бея чиномъ статскаго совѣтника. Съ этой минуты обласканные и большинствомъ награжденные чинами и подарками мурзы сочли счастіемъ сопровождать государыню по всему Крыму. Изъ Перекопа царица поѣхала на Бешъ-кую, гдѣ имѣла обѣденный столъ, Дюрмень, Айбаръ, Трехъ-Абламъ, Такылъ, Алму, Кермень и Бакчисарай. Здѣсь повелительница остановилась въ Ханъ-сараѣ, бывшемъ дворцѣ гиреевъ до послѣдней минуты самостоятельности крымскаго царства. По разсказамъ, перешедшимъ во второе поколѣніе, Бахчисарайцы не охотно смотрѣли на торжественный въѣздъ царицы въ дворецъ наслѣдниковъ Чингизъ-хана; но покорно перенесли предо-

предѣленіе судьбы, истолкованное духовенствомъ, что Россія должна господствовать надъ ними въ теченіи только 75 лѣтъ и что послѣ этого татары снова восторжествуютъ надъ Россіею; до того же времени безразсудно бы было оказывать неудовольствіе и сопротивленіе. Подобныя утѣшительныя повѣсти повліяли на столько благодѣтельно, что представители городскихъ общинъ явились къ императрицѣ съ привѣтствіями и старались увѣрить ее въ чувствахъ искренней любви и преданности. Говорятъ, что государыня, знавшая уже ихъ образъ мыслей, грозно заповѣдала духовенству наставлять прихожанъ въ необходимости жить мирно и честно, чтобы не возбудить ея гнѣва. «Все, что не случится дурнаго въ Крыму—сказала государыня—въ заключеніе—во всемъ вы будете виновными, потому что вы ихъ учителя и духовники. Я милостива, но безпощадна къ врагамъ порядка. Я оставляю вамъ муфтія и весь чинъ духовный съ ихъ правами и отъ нихъ потребую отчета, если до свѣдѣнія моего дойдетъ что-либо неблагопріятное. Смотрите же не забывайте моихъ словъ!»

Рѣчь, сказанная въ такомъ духѣ женщиною, по разсказу одного изъ оставшихся въ Бахчисараѣ грековъ, такъ озадачила татарскихъ ахуновъ, что они съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга и сочли русскую царицу за чернокнижницу, которая читала сокровенныя мысли каждаго говорящаго съ нею. «Съ этихъ поръ—говорилъ мнѣ тотъ же грекъ—бахчисарайскіе татары пріуныли и перестали хвастаться, что Крымъ не завоеванъ русскими, а купленъ ими у 12 измѣнниковъ мурзъ за 40 кантарей золота. Въ Бахчисараѣ государыня пригласила къ обѣденному столу, въ числѣ прочихъ, Муфтія, Мусалавъ-эфендія и Казіаскера Мегметъ-эфендія. Изъ Бахчисарая императрица поѣхала въ верхъ по теченію р. Кабарды, въ Инкерманъ и Севастополь. У Чергунскаго моста, гдѣ до настоящаго времени стоитъ въ память о ней каменный столбъ или миля, го-

сударыня снова принимала депутаціи отъ татарскихъ поселеній этой части полуострова и, пообѣдавъ здѣсь, довольно долго любовалась живописными видами окрестныхъ горъ. Въ Севастополѣ Екатерина II пробыла до 24 мая и остановилась въ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ на холмѣ, гдѣ нынѣ бульваръ и памятникъ Казарскаго, изъ оконъ котораго видна была вся гавань съ 40 военными кораблями, открывшими пальбу изъ пушекъ. Въ тотъ же вечеръ, по распоряженію флотскаго начальства, иллюминовался весь флотъ и сожженъ былъ огромный фейерверкъ. Довольная всѣмъ встрѣченнымъ въ Тавридѣ, императрица въ Севастопольскомъ дворцѣ пожаловала любимца своего Потемкина «Таврическимъ.»

Изъ Севастополя мудрая государыня поѣхала въ Балаклаву, гдѣ встрѣчена была гречанками на лошадяхъ въ боевомъ нарядѣ амазонокъ; затѣмъ въ дер. Байдары и въ татарское селеніе Скеля, гдѣ для ея величества, у самаго истока Черной рѣчки, воздвигнута была для отдыха палатка. Огромная толпа татаръ имѣла счастіе и здѣсь выслушать нѣсколько ласковыхъ словъ, которыя къ сожалѣнію передаются въ наше время въ исковерканномъ видѣ и не заслуживаютъ вѣры. Осмотрѣвши Байдарскую долину и бытъ деревенскихъ татаръ горной долины, императрица отсюда направилась чрезъ Бахчисарай же въ Симферополь, Мелекъ-Эльбузлу, Карасубазаръ, Старый-Крымъ и Ѳеодосію. Въ послѣднемъ городѣ она, осмотрѣвъ монетный дворъ и фабрики, имѣла ночлегъ въ своемъ дворцѣ, воздвигнутомъ у конца городской площади. Дворецъ этотъ я видѣлъ еще цѣлымъ въ 1857 году. Это былъ двухъ-этажный домъ лѣтней постройки, явно воздвигнутый на короткое время, съ окнами, направленными къ морю.

Изъ Ѳеодосіи Екатерина II переѣхала въ Карасубазаръ, гдѣ переночевавъ и, отдавъ послѣднія распоряженія, простилась съ татарами и властями ихъ и выѣхала обратно,

чрезъ поселенія Кутлакъ, Бассанъ и Ишунь, на Перекопъ. Въ этомъ городѣ, при ночлегѣ, она наградила всѣхъ почти служащихъ въ Крыму, чинами, орденами и деньгами и кромѣ этого пожертвовала на татарскіе мечети капиталъ.

О путешествіи этомъ мы упомянули подробно, съ цѣлью пояснить, какое оно имѣло вліяніе на народонаселеніе и вновь пріобрѣтенный край. Императрица кромѣ того, что лично убѣдилась въ важномъ значеніи пріобрѣтенія Крыма и Чернаго моря, отдѣлившаго насъ отъ всякаго рода столкновеній съ мусульманскимъ міромъ въ этой пограничности и означеніи устройства флотиліи противъ сдержанія въ страхѣ Стамбула, она явила себя въ блескѣ царскаго величія *), мудрости и доброты къ тѣмъ татарамъ, которые никогда не чувствовали къ Россіи доброжелательства и ожидали того же отъ ея верховныхъ представителей. Послѣ посѣщенія и личнаго свиданія, обѣщаній и переговоровъ съ ними, многіе изъ татаръ, убѣдившись, что они останутся независимыми въ религіозномъ и семейномъ быту своемъ, старались распространять слухи, что государыня полюбила ихъ націю на столько, что готова уважить всякому требованію ея. Къ этому присоединялись толки заинтересованныхъ своимъ выгоднымъ положеніемъ мурзъ, что съ этого времени настаетъ благодатное состояніе для татаръ, которые раньше жили только для того, чтобы работать на хана и духовенство и безпрестанно воевать для удовлетворенія прихотей турецкаго правительства. Естественно, что все это благопріятствовало къ постепенному введенію нашихъ порядковъ къ управленію страною и населенію христіанскимъ элементомъ. Для достиженія послѣдняго, употреблены были даже средства водворенія здѣсь преступ-

---

*) Надо знать, что по всѣмъ городамъ, гдѣ она бывала, ее встрѣчали войска съ пушечными выстрѣлами, иллюминаціею и всякаго рода почестями.

никовъ изъ крестьянскаго сословія русскихъ губерній *) и предоставлялось право награждать землями чиновниковъ за заслуги; но оба эти средства не принесли особенно важной услуги до тѣхъ поръ, пока не начали устраивать присутственныхъ мѣстъ и вызывать дворянство на служебныя обязанности и пока не наѣхали изъ турецкихъ владѣній разныхъ ремеселъ греки и армяне.

Изъ первыхъ распоряженій послѣ присоединенія Крыма къ Россіи достопримѣчательно только то, что императрица Екатерина приказала наименовать страну эту ея первобытнымъ именемъ Тавриды, а города напр. Ахмечетъ: Симферополемъ, т. е. выгоднымъ городомъ; Гезлевъ: Евпаторіею, въ память Митридата Эвпатора; Ахтіаръ: Севастополемъ, т. е. знаменитымъ городомъ, въ память нѣкогда бывшаго греческаго города на Кавказскомъ берегу, а Кафу: Ѳеодосіею, т. е. первобытнымъ именемъ ея при греческомъ господствѣ на Керченскомъ полуостровѣ. Старый Крымъ и Судакъ, хотя и предположено было переименовать, но это осталось безъ послѣдствій. Въ 1787 году правительство, въ сознаніи необходимости усилить въ Тавридѣ русское народонаселеніе, переселило въ нее изъ Екатеринославской губерніи до 7 тысячь человѣкъ, которые, размѣстившись большинствомъ въ степяхъ, своимъ миролюбивымъ образомъ дѣйствія, съумѣли заслужить уваженіе туземцевъ. До этого времени мы заботились только объ устройствѣ нашихъ правъ въ вновь пріобрѣтенной землѣ, но теперь настала минута обратить вниманіе на искорененіе различнаго рода мѣстныхъ поземельныхъ споровъ и предупрежденія появленія изъ Азіи страшныхъ эпидемій. Такъ какъ послѣднее важнѣе было всего другаго, то положено было немедленно устроить главный карантинный домъ въ

---

*) Первые ссыльные въ Крымъ, по повелѣнію Екатерины, были жители села Турбаева, осужденные за метежъ и смертоубійство.

Ѳеодосіи, а отдѣленія его въ Севастополѣ и Евпаторіи, т. е. въ тѣхъ приморскихъ городахъ, которые имѣли безпрестанное сообщеніе съ Турціею и Анатоліею. Этимъ способомъ предположено было прекратить чумную заразу не однажды заносимую въ Крымъ. Карантинныя учрежденія обязаны были отнюдь не допускать сообщенія не только съ людьми, прибывавшими моремъ съ вышеуказанныхъ мѣстъ, но даже съ вещами, случайно выбрасываемыми моремъ. Все и вся подвергалось 40 дневному пребыванію въ отдѣльномъ загороднемъ зданіи, гдѣ строжайшимъ образомъ акуривались до мелочей всѣ принадлежности пассажира, а этотъ послѣдній дважды подвергался медицинскому осмотру въ обнаженномъ видѣ т. е. при поступленіи и при выходѣ изъ карантина. Для болѣе правильнаго достиженія этой прекрасной цѣли правительство по всей береговой линіи установило на извѣстныхъ пунктахъ кардоны, въ которыхъ поселило по нѣсколько стражниковъ, обязанныхъ, подъ тяжкою отвѣтственностію, не допускать мимо проходящія или случайно потерпѣвшія крушенія суда къ сообщенію съ прибережнымъ народонаселеніемъ. Впослѣдствіи же къ этому добавлены карантинныя заставы по всѣмъ приморскимъ городамъ. Благодаря строгости установленныхъ карантинныхъ правилъ и неподкупности чиновниковъ, со времени введенія этихъ учрежденій, въ Тавриду не проникала болѣе чумная зараза тѣмъ путемъ, который обязаны были предохранять карантины и только однажды ввезена была, изъ Одессы кажется, сухимъ путемъ въ Ѳеодосію, откуда разошлась не только по всему полуострову, но даже до Москвы. По народному преданію зараза внесена была въ шубѣ, недостаточно очищенной въ Одесскомъ карантинномъ домѣ и положительно аттаковала всѣ поселенія полуострова въ такое время, когда въ карантинахъ не было ни одного случая заболѣванія между прибывшими изъ обѣихъ Турціи. Понятно, что этотъ несчастный случай

причинилъ страшныя опустошенія во вновь пріобрѣтенномъ краѣ застоемъ коммерческой и сельскохозяйственной дѣятельности, безчетною гибелью людей и мѣрами, къ которымъ вынуждено было прибѣгать правительство, чтобы избавить страну отъ безпощадной гостьи. Ужасный годъ этотъ извѣстенъ туземцамъ Крыма подъ названіемъ *Калентыръ-илы*, т. е. карантиннаго года. Первымъ начальникомъ Крымскихъ карантиновъ былъ грекъ Нотара. Мы заносимъ его имя въ нашу лѣтопись только потому, что онъ первый подалъ мысль введенія въ Тавридѣ карантинныхъ предосторожностей и тѣмъ избавилъ Новороссійскій край и можетъ быть всю Россію отъ чумы, которая могла бы свободно проникать туда, послѣ присоединенія Крыма.

Кромѣ зоботливости о народномъ здравіи карантинными мѣрами правительство до введенія ихъ употребляло довольно энергическія мѣры, относительно разведенія растительности въ Перекопскомъ, Ѳеодосійскомъ и Карасубазарскомъ каймаканствахъ, которыми завѣдывали въ качествѣ теперешнихъ исправниковъ татарскіе кадіи.

Въ 1787 году при войнѣ съ Турціею, льстившеюся взволновать противъ насъ татаръ и пользоваться ихъ содѣйствіемъ, русское правительство поставлено было въ необходимость не только остановиться въ нововведеніи, но даже распорядиться о временномъ переселеніи прибрежныхъ татаръ горной части Крыма во внутрь страны. Приведеніе въ исполненіе этого щекотливаго указа въ виду войны, поручено было татарскому-же бею (князю) Мегметшѣ, который безъупречно достигъ желанія властей. Переселенные татаре пробыли внѣ отцовскихъ жилищъ 8 мѣсяцевъ и затѣмъ возвратились на свои мѣста.

Въ томъ-же году, отъ 25 мая, Князь Потемкинъ Таврическій далъ знать правителю Таврической области, что въ Петербургѣ, по повелѣнію Импер. Екатерины, основана греческая гимназія съ тѣмъ, чтобы желающіе обучаться

въ ней, дѣти Крымскихъ грековъ и Албанцовъ, были снабжены имъ всѣмъ необходимымъ для дороги и подъ присмотромъ надзирателя отправлены въ столицу къ полковнику Волковскому. Влѣдствіе чего отправлено было изъ Крыма 68 мальчиковъ, которые впослѣдствіи познакомили и отечественниковъ своихъ съ плодами образованія и заняли видныя мѣста на государственной службѣ.

Въ томъ-же году, для облегченія размѣна крупной монеты, предписано было открыть въ Ѳеодосіи монетный дворъ для чеканки мѣдныхъ денегъ изъ металла пріобрѣтаемаго съ Анатолійскимъ портовъ. Къ сожалѣнію учрежденіе это просуществовало съ 4 октября 1787 по 17 апрѣля 1788 года, выпустивъ монеты на 52,960 руб.

Изъ мѣръ, особенно серіозныхъ, предпринятыхъ правительствомъ въ послѣдующемъ 1788 году для обезпеченія спокойствія въ Крыму было всеобщее обезоруженіе татаръ, которые, хотя и не обнаруживали ненависти, но замѣтно клонились къ проискамъ, не перестающей враждовать противъ насъ Турціи. Обезоруживъ татаръ, одновременно роздано было оружіе христіанскому народонаселенію Тавриды.

Послѣ прекращенія войны съ Турціею въ 1791 году, послѣ которой намъ достался Очаковъ и земли между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Россія снова начала заботиться о прекращеніи въ Крыму народныхъ неудовольствій. Для достиженія этого, составлена была, въ 1797 и въ 1802 году по Высочайшему повелѣнію, коммисія для опредѣленія повинностей и разбора поземельныхъ споровъ, а для генеральнаго обмежеванія страны—межевая контора. Этимъ двумъ учрежденіямъ обязано народонаселеніе миролюбивыми сдѣлками враждующихъ землевладѣльцевъ, прибѣгавшихъ нерѣдко къ насиліямъ въ полной увѣренности, что новое правительство не охотно станетъ на сторону бѣдной части поселянъ. Если коммисія прекращала подобныя дѣйствія миромъ, разсмотрѣніемъ документовъ или собственными

убѣжденіями на основаніи присяжныхъ розысковъ, то межевая контора навсегда предупреждала новыя недоразумѣнія опредѣленіемъ границъ каждому владѣнію, посредствомъ разсылки по дистанціямъ землемѣрныхъ партій. Этой коммисіи мы также обязаны первыми свѣдѣніями о числѣ народонаселенія Крыма въ началѣ 19-го столѣтія, которое простиралось до 111 тысячь человѣкъ, въ числѣ которыхъ состояло до 11 тысячь русскихъ, грековъ и армянъ. По закрытіи дѣйствій этой коммисіи, народонаселеніе Тавриды, какъ-бы очнувшись отъ тяжкаго гнета мурзъ и беевъ, присвоивавшихъ себѣ всѣ поселянскія земли, предалось съ особеннымъ усердіемъ за сельскохозяйственныя работы; тѣ же, которые проживали на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и обязаны были работать въ качествѣ крѣпостныхъ, установили менѣе тягостныя отношенія къ нимъ или переселялись на свободныя мѣста, доставшіеся вѣдомству государственныхъ имуществъ. По разсказамъ стариковъ, это было самое счастливое время для татаръ, не знавшихъ раньше свободы.

Въ 1804 году Севастополь объявленъ былъ главнымъ военнымъ портомъ на Черномъ море и преступлено къ обширнымъ сооруженіямъ крѣпостей и другихъ казенныхъ и частныхъ зданій. Естественно, что это вызвало тысячи бѣдняковъ къ работамъ и представило странѣ новой источникъ къ пріобрѣтенію денегъ, въ которомъ ощущался недостатокъ. Тогда-же открыта въ Симферополѣ губернская гимназія, а по прочимъ уѣзднымъ городамъ приготовительныя и уѣздыя училища, впервое познакомившія туземцевъ съ россійскою грамотою. Къ этому-же году закончены были устройствомъ всѣ присутственныя мѣста и во многихъ городахъ открыто богослуженіе въ приличныхъ храмахъ, которыхъ раньше не было. Четыре года спустя устроенъ былъ первый овчарный заводъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе для народонаселенія, обязаннаго

предпочитать эту отрасль сельскаго хозяйства; затѣмъ заведены различнаго рода древесные разсадники, съ цѣлью возбудить въ странѣ развитіе шелковичнаго червя, виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Къ сожалѣнію рвеніе мѣстныхъ администраторовъ, вскорѣ послѣ войны, объявленной Турціи, начало охлаждаться, не потому что не хватало силъ или умѣнія, а потому что крымскіе татаре, волнуемые тайными эмисарами, подсылаемые изъ Константинополя, мечтали о независимости и благахъ, обѣщанныхъ будто-бы султаномъ. Тревожное состояніе усиливалось застоемъ торговыхъ сношеній съ Оттоманскими владѣніями, откуда получались всѣ почти фабричныя произведенія и куда татаре сбывали всѣ свои, по выгоднымъ цѣнамъ. Естественно, что подобное состояніе должно было чѣмъ-либо покончиться весьма непріятнымъ для нашего правительства, еслибъ не отобраны были раньше лошади ихъ и выгнаны за Перекопъ и еслибъ не явился вовремя Балаклавскій греческій батальонъ, извѣстный подъ именемъ арнаутовъ и всегда бывшій грозою татаръ. Вотъ что говорятъ объ этомъ событіи старики: «когда до крымскихъ татаръ дошли слухи, что Турки съ успѣхомъ отражаютъ русскихъ *) они рѣшились подъ вліяніемъ нѣсколькихъ личностей сформировать войско и открыто дѣйствовать противъ поработителей. Бахчисарай и окрестныя его укрѣпленія избраны были главнымъ сборнымъ пунктомъ, куда въ извѣстную ночь должны были собраться вооруженными около 20 тысячь татаръ, а Бахчисарайскіе ремесленники обязаны были, къ этому времени, приготовить пушки и другаго рода боевое оружіе и снаряды. Подготовленія такого рода дѣлались и въ другихъ мѣстностяхъ такъ искусно, что мѣстныя власти ничего не могли подозрѣвать. Какъ вдругъ въ окрестностяхъ Бахчисарая появилась первая

*) Это могло происходить до назначенія Кутузова главнокомандующимъ.

шайка въ 3 тысячи татаръ, явившаяся гораздо раньше урочнаго къ возстанію дня. Къ счастію, Балаклавскіе греки, не занятые въ это время службою и проживающіе невдальнемъ разстояніи, съ свойственнымъ имъ ожесточеніемъ противъ мусульманъ внезапно напали на нихъ и безпощадно избили нагайками и плетьми. Главнѣйшіе же руководители, которыхъ удалось захватить, тутъ-же были наказаны розгами. Понятно, что послѣ такого позорнаго наказанія идея о возстаніи исчезла и никто болѣе не думалъ о немъ и напротивъ татаре, изъ боязни возбудить преслѣдованіе, начали усердствовать предъ нами выраженіемъ охоты поступать въ русское войско въ качествѣ волонтеровъ. Вообще-же тревожное состояніе въ Крыму продолжалось до Букарескаго мира (12 мая 1812 г.) или до того времени, пока Кутузовъ заставилъ турецкое войско сдаться, а диванъ—уступить намъ Бессарабію.

1812 годъ, ознаменовавшій русское войско громадною услугою отечеству, довольно печально повліялъ на благосостояніе Тавриды ужасно-холодною зимою, вслѣдствіе чего погибло громадное множество овецъ, которымъ не принято было заготовленіе фуража. Въ эту печальную годину Крымскіе татаре съ особеннымъ удовольствіемъ выставили довольно значительную милицію противъ враговъ нашихъ, составлявшую двѣ тысячи человѣкъ или 4 полка т. е. по 500 въ каждомъ, извѣстную подъ названіемъ *бешли* *). Милиція эта, соединенная съ казачьими полками, во все время службы дѣйствовала съ примѣрнымъ мужествомъ и ни малѣйшимъ поводомъ не подверглась осужденію. Главнымъ начальникомъ ея былъ Кая-бей, за нимъ Ширинскій, Козловскій и Максутъ-бей. Послѣ окончанія дѣла съ французами, милиціонерамъ этимъ мы обязаны тѣмъ, что

*) Отъ слова: *бешъ* (пять). Надо полагать, что названіе это происходитъ отъ числа людей, выставленнаго изъ тысячи человѣкъ.

они, познакомивъ единовѣрцевъ своихъ съ силами и могуществомъ Россіи, навсегда истребили въ нихъ ложное понятіе о возможности сопротивляться русскому правительству, съ цѣлію возстановленія ханства. Съ этого времени татаре, пожелавъ образовать изъ среды своей эскадронъ для конвоя государя, впервое сознали свое счастливое состояніе на полуостровѣ, которое обѣщалъ имъ лично въ 1818 году Императоръ Александръ и которое не прерывалось ничѣмъ почти, до 1828 года. Въ теченіи этого времени въ Крыму поселилось много колонистовъ, построилось нѣсколько прекрасныхъ храмовъ, казенныхъ и частныхъ зданій, больницъ и два богоугодныхъ заведенія въ Симферополѣ. Въ колеѣ правительственныхъ властей менѣе встрѣчалось алчныхъ чиновниковъ, готовыхъ на всевозможныя преступленія съ цѣлью обогащенія. Этого мало, послѣдовало сближеніе татарскаго дворянства съ нашимъ и страсть къ роскоши. Къ этому времени относятся и первые лучшіе кладбищенскіе памятники съ риѳмованными эпитафіями. Ко всѣмъ этимъ счастливымъ случайностямъ воспослѣдовалъ въ 1825 году второй пріѣздъ русскаго монарха, о которомъ свѣжо было воспоминаніе и такъ много говорилось въ Крыму милиціонерами и который, обласкавъ представителей отъ разныхъ націй и сословій, вторично оказалъ много милостей.

По разсказамъ стариковъ, въ это время въ Крыму все было баснословно дешево и во всемъ представлялось замѣчательное изобиліе. Къ этому еще открытъ Керченскій портъ, татарское отдѣленіе при Симферопольской гимназіи, назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ извѣстный своею дѣятельностію графъ Воронцевъ и открыто первое пароходство по Черному морю.

Благоденствіе это продолжалось до новаго столкновенія нашего съ Турціею (въ 1828 г.). Въ это время русскимъ властямъ въ Крыму приходилось зорко слѣдить за размно-

жившимися татарами, которые приготовлялись содѣйствовать туркамъ, на случай десанта. Сосѣдство войны этой не только повліяло на сельскохозяйственный бытъ народа, но, какъ извѣстно, породило даже народное волненіе въ Севастополѣ, одно изъ тѣхъ ужасныхъ, когда войска отказываются отъ повиновенія начальству и дозволяется черни жестокимъ образомъ расправляться съ представителями власти и зажиточнымъ купечествомъ. Послѣднее событіе, извѣстное въ Крыму подъ именемъ Севастопольскаго бунта, возбуждено пустымъ въ сущности обстоятельствомъ и именно тѣмъ, чтобы флотскіе чины, участвовавшіе въ Варнской битвѣ, предварительно сообщенія съ Севастопольскимъ берегомъ, выдержали установленный карантинный срокъ. Благоразумное требованіе это приведено было въ исполненіе уже послѣ того, когда суда вступили въ Севастопольскую бухту т. е. послѣ того времени, когда выступили на пристань семейства матросовъ и безъ терпѣнія ожидали встрѣчи съ мужьями. Каково-же было отчаяніе этихъ женщинъ, когда судамъ приказано было снова выступить въ море. Не понимая въ чемъ дѣло, до нихъ вскорѣ дошли толки, что сообщеніе съ мужьями не дозволено, вслѣдствіе обнаруженія чумной заразы. При сознаніи, что не существовало этой болѣзни, женщины начали волноваться и вслѣдъ затѣмъ прибѣгли къ грубой силѣ и истязаніямъ городскихъ властей.

1831 годъ былъ несравненно печальнѣе для Тавриды: онъ принесъ впервое холеру, истребившую чуть-ли не десятую часть народонаселенія. Съ этаго года начинаетъ неурожайность хлѣбнаго зерна вслѣдствіе засухъ и наплыва саранчи. Бѣдствіе это дошло въ 1833 году до того, что тысячами умирали отъ голода поселяне. Въ этомъ печальномъ году открытъ въ Керчи первый институтъ для образованія женскаго пола, о воспитаніи которыхъ раньше никто не думалъ заботиться. Въ послѣдующіе затѣмъ годы

введены были въ дѣйствіе при волостяхъ запасные хлѣбные магазины, учрежденъ татарскій эскадронъ для лейбъ-гвардейскаго конвоя, посѣтилъ Тавриду Императоръ Николай I, открытъ Ялтинскій уѣздъ, устроены въ нѣсколькихъ безводныхъ мѣстностяхъ артезіанскіе колодцы, сооруженъ въ Симферополѣ памятникъ князю Долгорукому, а въ Севастополѣ Казарскому: начаты раскопы въ древнихъ курганахъ въ окрестностяхъ Керчи, обогатившіе исторію и археологію: открытъ Керченскій музей и публичныя библіотеки, но самымъ важнымъ памятникомъ этой эпохи былъ водопроводъ отъ черной рѣчки къ Севастопольскимъ докамъ, высѣченный надъ откосомъ скалы съ двумя тонелями въ 800 футовъ и двумя мостами на 38 аркахъ въ тысячу футовъ длины. Водопроводъ этотъ направленъ былъ въ обширный бассейнъ, также вырубленный въ скалѣ на протяженіи 400 ф. въ длину, 300 въ ширину и 24 въ глубину. Гигантскій трудъ этотъ, стоющій правительству до 5 милліоновъ руб. сер. оконченъ былъ въ 1853 году и вскорѣ затѣмъ разрушенъ Англо-французами, но остатки его сохранятся на всегда.

Отъ 1840 года до наступленія военнаго времени въ Крыму т. е. до эпохи описываемой нами, Таврида благоденствовала, въ полномъ смыслѣ слова. Особенно бездождныхъ годовъ не бывало, саранча, хотя и неоднократно появлялась, но не въ такихъ обширныхъ массахъ, чтобы возбудить голодъ. Время это какъ-то благопріятствовало размноженію скотоводства—этой важнѣйшей отрасли народнаго богатства,—табакопромышленникамъ и разводчикамъ виноградныхъ плантацій. Въ эпоху эту началъ процвѣтать южный берегъ, пересѣченный уже великолѣпнымъ шоссе, проходящимъ, у сосѣдства Байдарскихъ воротъ, въ тонелѣ и открылось пароходное сообщеніе съ Константинополемъ, куда ежегодно стремились толпы татаръ съ цѣлью пилигримства въ Мекку. Изъ крупныхъ бѣдствій, встревожив-

шихъ народонаселеніе Таврическаго полуострова, было, вторичное появленіе холерной эпидеміи въ 1848 году, которая къ счастію продолжалась не долго. Чтобы вѣрнѣе познакомить читателя съ положеніемъ народонаселенія Тавриды въ теченіи этого времени, мы должны сказать, что туземцы и именно: татаре, караимы, греки, армяне и цыгане изъявлены были нашимъ правительствомъ отъ рекрутскаго набора. Все ограничивалось тѣмъ, что татаре высылали ничтожное число молодыхъ людей для гвардейской службы въ Петербургъ, а греки составляли отдѣльный батальонъ пѣхотинцевъ, храбро воюющій на кавказѣ противъ горцевъ. Податная система нисколько не стѣснила никого, потому что бѣдный классъ народа повсюду находилъ отличные заработки при портовыхъ городахъ, на соляныхъ озерахъ, виноградникахъ и различнаго рода плантаціяхъ. Такое исключительное положеніе безъ сомнѣнія должно было благодѣтельно вліять на сельской бытъ народа, еслибъ это не парализировалось массою чиновничества, которое въ большинствѣ случаевъ обогащалось или жило на счетъ этой части населенія. Такъ какъ нынѣ зла этого не существуетъ, то мы выпишемъ число начальствующихъ надъ поселянами: десятникъ, сотникъ, атаманъ, засѣдатели, старшина и писарь сельскаго правленія, волостной глава съ засѣдателями и писаремъ, окружный начальникъ съ помощникомъ, секретаремъ и канцелярскими служителями, приставъ съ письмоводителемъ, исправникъ съ толпою чиновниковъ земскаго суда, стряпчій, уѣздный судья, землемѣръ съ помощниками и солдатами, разные чины губернскаго правленія и наконецъ весь составъ палаты государственныхъ имуществъ. Всѣхъ этихъ лицъ, частно-ли проѣзжающихъ или явившихся по дѣламъ службы, поселяне обязаны были не только принимать безплатно, но и доставлять лучшую провизію, перевозить съ мѣста на мѣсто, прислуживаться и вознаграждать по возможности, чтобы не

заслужить мести и тѣлеснаго наказанія безъ всякаго суда. Къ этой бѣдѣ присоединялось взяточничество въ присутственныхъ мѣстахъ, доводившее почти каждаго истца и отвѣтчика до положительнаго раззорѣнія.

Несмотря на все это, Таврида благоденствовала и до начала крымской кампаніи продолжалась чрезвычайная дешевизна на жизненные припасы, такъ напр. за четверть лучшей пшеницы платилось 4 руб. за молодаго очищеннаго ягненка 25 коп., за сажень дровъ кубической мѣры 6 руб., за три фунта хорошаго табаку, если покупать пудомъ, не дороже 25 коп., за большую подводу арбузовъ и дынь до рубля. Фрукты-же только въ малоурожайные годы превышали цѣнность двухъ или трехъ копѣекъ за фунтъ и то если покупались въ мелочахъ, но на пуды отдавались отъ 20 до 30 коп.

При такомъ положеніи Тавриды объявлена крымская война и вслѣдъ затѣмъ страна эта наводнилась массами нашихъ и Англо-французско-турецкихъ войскъ. Продолжительная война эта измѣнила бывшее благоденствіе страны и послужила важною эпохою въ историческомъ и экономическомъ значеніи классической Тавриды.

Въ заключеніе намъ приходится познакомить читателя съ дѣятельностію нашего правительства, относительно населенія Крымскаго полуострова христіанскимъ народонаселеніемъ и господствомъ его на Черномъ морѣ.

Мы замѣтили уже, что первыми поселенцами въ Тавридѣ были архипелажскіе греки, а за ними явились и русскіе по приказанію правительства; затѣмъ край этотъ началъ наводняться различнаго рода бѣглецами изъ крѣпостнаго сословія, искавшими свободу. Но такъ какъ всего этого было недостаточно для полуопустѣвшей, послѣ эмиграціи татаръ, страны, то императрица Екатерина подала мысль вызвать болгаръ и нѣмцевъ. По мысли этой впослѣдствіи явились въ Крымъ уполномоченные отъ нѣмцевъ

Циглеръ, Шуртнеръ, Дахтеръ и Гинтнеръ и, выбравъ лучшія для сельской жизни мѣста, основали первыя колоніи. Примѣру ихъ послѣдовали болгары, греки и швейцарцы и такимъ образомъ образовались до нашего времени нижеслѣдующія поселенія иностранцевъ: Неизацъ, Герценбергъ, Розенталь, Фриденталь, Цюрихталь, Кроненталь, Нейдорфъ, Фрайденталь, Гейльбрунъ, Ислямъ-дерекъ, Судакъ, Кишлавъ, Старый Крымъ, Топлу и Болтачокракъ.

Послѣ нихъ въ Тавриду начали прибывать Эллины, Анатолійцы и французскіе эмигранты. Затѣмъ многіе изъ чиновниковъ, получивъ, за оказанныя правительству услуги, земли въ Тавридѣ, начали переселять сюда своихъ крѣпостныхъ. Вслѣдъ затѣмъ появились евреи, поляки и итальянцы, а послѣ кампаніи 1828 года варнскіе греки и другія національности. Такъ что по 10 народной переписи, бывшей въ 1859 году въ Таврической губерніи считалось 580 тысячь душъ т. е. такое число, какое необходимо было для пространства занимаемаго ею. Вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе выхода татаръ числомъ около 200 тысячь, народонаселеніе губерніи сократилось больше чѣмъ на одну треть. Къ первому-же января 1868 года оно возрасло до 638,931 д. обоего пола или 333,942 мужчинъ и 304,989 женщинъ. Народонаселеніе это распредѣляется по губерніи слѣдующимъ образомъ:

Въ 15 городахъ .	62,057 муж.	и	53,033 жен.	=115,090.
» 8 же уѣздахъ	271,885 »	»	251,956 »	=523,841.

Самое незначительное число народонаселенія выпадаетъ на долю Перекопскаго и Евпаторійскаго уѣздовъ, которые продолжаетъ правительство заселять. Распредѣленіе жителей губерніи по сословіямъ изображается слѣдующими цифрами:

	Муж.	Жен.
Дворянъ потомственныхъ.	1,757	1,885
» личныхъ	2,387	2,669

Духовенства:		
Православнаго	1,064	1,141
Монашествующаго	122	19
Армяно-григоранскаго.	61	54
Римско-католическаго.	14	5
Евангелическо-лютеранскаго . . .	12	5
Реформатскаго	6	5
Еврейскаго	57	48
Караимскаго	23	33
Магометанскаго.	2,859	2,190
Почетныхъ гражданъ потомственныхъ.	120	136
» » личныхъ . . .	80	89
Купцовъ	3,858	3,831
Мѣщанъ	36,833	35,426
Крестьянъ государственныхъ . . .	195,701	181,980
Цеховыхъ.	253	184
Разночинцевъ	372	144
Колонистовъ	46,260	43,801
Времен. обяз. крестьянъ.	19,374	17,252
Военныхъ матросовъ	581	557
Ниж. чиновъ упраз. Балак. бат. .	195	156
Состоящихъ въ дѣйствительной службѣ, безсрочно-отпуск. нижнихъ чиновъ, солдатскихъ сыновей, женъ и дочерей.	27,772	
Иностранцевъ	3,958	2,925
Лицъ, не принадлежащихъ къ показаннымъ разрядамъ.	1,039	706

Въ общей массѣ всего народонаселенія губерніи, родившихся въ 1867 г. было муж. 15,411 а жен. 14,441 всего же 29,822 душъ обоего пола.

Изъ нихъ умерло мужескаго 10,659, а женскаго 9,570, всего же 20,229. Слѣдовательно дѣйствительная прибыль

отъ избытка родившихся надъ умершими была 9,593 душъ или 4,752 муж. и 4,841 жен. пола, въ томъ числѣ незаконнорожденныхъ было 206, изъ коихъ приходилось на города 94 а на уѣзды 112.

Со времени присоединенія Крыма къ Россіи всѣ разноплеменные обитатели его вели себя тихо и покорно, но изъ числа татарскаго народонаселенія разновременно являлось 14 разбойниковъ и грабителей, которые очень долго свирѣпствовали въ странѣ: изъ нихъ 1-й именовался: Хабакъ-ташъ Аметъ, изъ деревни Суукъ-су.

2. Софу, убившій 39 человѣкъ и обѣщавшій послѣ 40-го ѣхать въ Мекку.
3. Турдю-Аметъ, долго скрывавшійся въ Ласпинскихъ пещерахъ.
4. Кокій-айдамакъ, опредѣлившій дань съ каждой націи; уроженецъ Бахчисарая.
5. Пурмамбетъ, изъ деревни Туака.
6. Абитъ и } родные братья изъ дер. Шеихъ-эли. Ихъ на-
7. Сабитъ } шли убитыми въ степи.
8. Керъ-Саламатъ } маленькаго роста съ крошечными но-
9. Бекли акай } гами. Изъ деревни Еды-Нохта.
10. Хараматъ, замѣчателенъ былъ величиною глазъ.
11. Бенли-Арифъ } родные братья, изъ деревни Шига-
12. Кая } лахъ.
13. Дервишъ. Онъ успѣлъ было бѣжать въ Константинополь, но нарочно посланный въ погоню за нимъ чиновникъ доставилъ его въ Крымъ закованнымъ, въ 1840 году.
14. Алимъ, изъ дер. Зуя, грабившій всѣхъ безъ исключенія съ 1847 по 1850 годъ. Дерзкій грабитель этотъ нѣсколько разъ убѣгалъ изъ тюремнаго замка. Затѣмъ наказанный 6 тысячами ударами розгами, сосланъ былъ въ каторжную работу. Послѣ него не проявлялось бо-

лѣе охотниковъ джигитовать подобнымъ образомъ на Таврическомъ полуостровѣ.

Дѣятельность русскаго правительства и народа на Черномъ морѣ.

Мы имѣемъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, что славяне искони плавали по Черному морю; но такъ какъ плаваніе это возбуждалось съ цѣлью нападенія и очень рѣдко, на быстро сколоченныхъ судахъ, которыя скрывались въ глубинѣ такихъ рѣкъ, какъ Донъ и Днѣпръ, намъ и не предстоитъ особенной необходимости останавливаться на этой эпохѣ, проливающей свѣтъ только на то, что народъ этотъ всегда почти считалъ Черное море на столько же своею собственностію, какъ и прочіе обитатели прибережныхъ странъ. Въ послѣдствіи, когда въ Россіи установилось право единодержавія и когда Петръ Великій созналъ необходимость присоединенія этого моря къ своей имперіи, у насъ начали подготовляться къ достиженію цѣли мудраго правителя. Блистательная идея эта олицетворилась въ царствованіе императрицы Екатерины II, сейчасъ же послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира, предоставившаго намъ господство на прилегающихъ къ Россіи берегахъ Чернаго моря съ правами свободнаго плаванія по всей поверхности его. Понятно, что съ этой минуты мы спѣшили соорудить какъ можно болѣе военныхъ судовъ, чтобы воспользоваться нашимъ правомъ и сдержать самовольство надменной Турціи, не перестававшей считать себя повелительницей земнаго шара или, проще, народомъ, которому суждено властвовать надъ міромъ, не исповѣдующимъ Коранъ. Русская верфь въ Херсонѣ и укрѣпленія, воздвигнутыя для предохраненія Николаева, мало пугали владыку Стамбула. Господство русскихъ на Керченскомъ проливѣ

и Азовскомъ морѣ тоже не представляли особеннаго рода опасеній для предупрежденія самовольныхъ дѣйствій султана, потому что всѣ эти воды замерзали въ зимнее время и не дозволяли нашей флотиліи выступать въ Черное море для состязанія съ Турецкою армадою, задумавшею явиться въ это время года къ Крымскимъ берегамъ съ массами десантовъ На этомъ быть можетъ мы остановились бы надолго и долго бы не достигли цѣли присоединенія Тавриды, еслибъ турецкое правительство дѣйствовало энергичнѣе, а главное не теряло бы времени на возмущеніе татаръ, противъ утверждаемаго нами хана. Это-то послѣднее ускорило разложеніе ханства и противъ надежды со стороны нашей внезапно сдѣлало насъ обладателями Крыма. Турція и въ эту минуту не считала насъ грознымъ сосѣдомъ; но какъ только послѣдовало открытіе Севастопольской бухты и переводъ въ нее нашей флотиліи, Стамбулъ вздрогнулъ въ сознаніи, что Русскіе отнынѣ сдѣлались властелинами не только всего Чернаго моря, но и прилегающихъ къ нему странъ. Какъ знакомые уже съ славными битвами нашихъ судовъ, имъ не оставалось другаго средства, какъ только ласкаться надеждою, что Россія никогда не будетъ имѣть равносильной имъ флотиліи и не осмѣлится сознавать, что Севастополь, послѣ вооруженія своего, сдѣлается обладателемъ ключей Константинополя. Но наше правительство очень хорошо поняло въ это время свое выгодное положеніе и спѣшило сооружать громадныя суда, вооруженныя сотнями пушекъ. Съ появленіемъ каждаго подобнаго богатыря, Турція сильнѣе чувствовала на сердцѣ тяжесть русской пяты и съ трепетомъ ожидала предопредѣленія судьбы. Этотъ ужасный часъ пробилъ бы въ тотъ день, когда мы разгромили Варнскія укрѣпленія и подступали къ Константинополю, готовому сдаться намъ безъ особенныхъ сопротивленій, но Промыслу угодно было сохранить цѣлость враждебнаго намъ народа для того, чтобы онъ рано или поздно нанесъ

намъ громадныя потери въ матерьяльномъ и политическомъ отношеніяхъ. Послѣ Андріанопольскаго мира, Черное море положительно составляло принадлежность Россійской имперіи и почти весь годъ бороздилось нашими военными судами, число которыхъ достаточно было для разгромленія турецкой флотиліи во всякую минуту. Всѣ эти мореходныя батареи передвигались съ помощію парусовъ и употреблялись спеціально для различнаго рода цѣлей правительства, признаваемыхъ необходимыми въ мирное время. Естественно, что при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ наши прибрежные жители, въ сознаніи выгодъ каботажнаго плаванія, усердно занялись устройствомъ сначало небольшихъ мореходныхъ лодокъ, а за тѣмъ и судовъ болѣе солиднаго размѣра. Всѣ эти суда строились внѣ Тавриды и большинствомъ имѣли сообщеніе только съ тѣми портовыми городами этого полуострова, которые отличались коммерческою дѣятельностію народонаселенія. Затѣмъ наступило время, когда всѣ приморскіе города Крыма завели свои суда, а южнобережскіе татаре и греки начали строить ихъ подъ руководствомъ архипелажскихъ выходцевъ, изъ мѣстнаго дерева. Такъ какъ въ то время не представлялось другаго рода средствъ для переѣзда или перевоза моремъ тяжестей и пассажировъ ,то, натурально, число парусныхъ судовъ подъ русскимъ флагомъ съ каждымъ годомъ наростало. Неприкосновенность этаго флага и главное большіе заработки заставляли многихъ греческихъ мореходцевъ переѣзжать къ намъ и оставаться на многіе годы подъ покровительствомъ Россіи, но такъ какъ всѣ эти суда не могли вести правильныхъ сообщеній и положительно неудовлетворяли требованіямъ пассажировъ, то мѣстному начальству необходимо было позаботиться о введеніи пароходныхъ рейсовъ между Керчью и портами Тавриды до Одессы. Сколько намъ помнится, обязанность,

эту исполняли два казенныхъ парохода *), незаслужившіе доброй памяти туземцевъ и вообще мало пользовавшихся довѣріемъ публики. Въ такомъ положеніи находилась дѣятельность нашего государственнаго и частнаго судоходства на Черномъ морѣ въ то время, когда, пораженная блистательнымъ погромомъ турецкаго флота при Синопѣ, западная Европа ополчила свои экскадры противъ морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ. Очень понятно, что мы, владѣвшіе, большинствомъ, парусными боевыми судами, не смѣли думать состязаться съ огромными силами соединенныхъ народовъ, располагающихъ паровыми армадами и флотъ нашъ, готовый выступить въ бой даже противъ тройнаго числа равномѣрныхъ себѣ силъ, долженъ былъ опуститься на дно севастопольской бухты для того, чтобы загромоздить входъ въ нее непріятелю и погибнуть смертью героя, не отдавшись въ позорный плѣнъ. Продолжительность самовольнаго господства Турціи, Англіи, Франціи и Сардиніи на Черномъ морѣ не только остановили всякого рода дѣятельность съ нашей стороны, но даже и частныхъ каботажныхъ судовъ, которые или захвачены были, какъ трофеи, безъ сопротивленія или скрывались въ устьяхъ судоходныхъ рѣкъ, вливающихся въ Черное и Азовское моря въ сѣверныхъ прибрежіяхъ. Въ 1856 году, когда прекращены были непріязненныя отношенія и Турція избавилась отъ страшнаго Севастополя, намъ предписаны были грустныя условія—не возобновлять морскихъ силъ и не строить крѣпостей при портовыхъ городахъ Тавриды. Не смотря на противоестественность этихъ требованій, мы должны были принять эти условія, спасавшія Турцію отъ тяжелой русской пяды и оставаться съ ничтожнымъ числомъ военныхъ судовъ, необходимыхъ, такъ сказать, для нашихъ крайнихъ нуждъ. Количество всѣхъ этихъ судовъ не пре-

*) Названные: Петромъ великимъ и Еникалемъ.

вышало 42 отдѣльностей, а назначеніе состояло 1) въ крейсерствѣ у восточнаго берега и исполненіи надобностей кавказскаго вѣдомства, 2) представительства при постахъ посольствъ, 3) плаваніи для спеціально практической цѣли, 4) занятіи брандвахтенныхъ постовъ, 5) лоцманской части, 6) исполненіи порученій главнаго командира и 7) транспортировкѣ грузовъ по портамъ и для другихъ портовыхъ надобностей.

Тѣмъ временемъ нѣсколько предпріимчивыхъ людей, въ ясномъ сознаніи, какую громадную выгоду можно имѣть отъ устройства правильныхъ пароходныхъ сообщеній на Черномъ морѣ при первоначальной субсидіи правительства, рѣшились составить на акціяхъ общество пароходства и торговли. Несомнѣнные доводы увѣнчали дѣло полнымъ успѣхомъ, такъ что въ 1857 году уже пароходы этого общества пущены были въ ходъ, а къ 1867 году, т. е. десять лѣтъ спустя, число ихъ до того увеличилось, что не только всѣ приморскіе города Чернаго и Азовскаго морей почти ежедневно посѣщались, но даже представилась возможность отправлять ихъ въ отдаленные иностранные порты съ коммерческою цѣлью. Съ развитіемъ повсемѣстной дѣятельности русскаго общества пароходства, обогатившагося числительностію всевозможныхъ размѣровъ и надобностей судовъ, у дѣятелей его зародилась прекрасная мысль сооруженія, на берегу Севастопольской бухты, эллинга, уже основавшаго намъ нѣсколько пароходиковъ, нисколько не уступающихъ въ доброкачественности лучшимъ иностраннымъ заводамъ, къ которымъ мы обязаны были прибѣгать до него даже за ничтожными исправленіями судовъ. Естественно, что при такомъ блистательномъ ходѣ дѣла, а главнѣе при усердномъ сбереженіи довѣренныхъ грузовъ, Черноморское общество пароходства настолько замѣнило потребность каботажныхъ судовъ, что въ наше время послѣдняго рода суда употребляются только для своза соли, хлѣб-

наго зерна, извести, черепицы и кирпичей, оплата которыхъ обходилась-бы слишкомъ невыгодною на пароходахъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается тѣмъ, что на южномъ берегу Тавриды, гдѣ прежде всякое почти приморское поселеніе имѣло свое судно, послѣ истребленія ихъ бурею 24 ноября 1861 года, нашли гораздо болѣе выгоднымъ и вѣрнымъ отправлять свои произведенія на общественныхъ пароходахъ, чѣмъ вновь сооружать парусныя суда.

Въ такомъ положеніи находилась наша частная и правительственная дѣятельность на Черномъ морѣ до того времени, пока Кавказъ очищенъ былъ отъ враждебныхъ намъ племенъ. Послѣ-же этого времени правительство, сознавая, что и такое количество судовъ не составляетъ крайней необходимости на нейтральномъ морѣ, распорядилось о сокращеніи расходовъ морскаго вѣдомства и измѣненіи прежняго порядка болѣе соотвѣтствующими потребностями. Вслѣдствіе чего произошли слѣдующаго рода назначенія: 1) два лучшихъ судна *Пицунда* и *Анапа* получили назначеніе занять посты при Сухумской и Константиновской станціяхъ, для выполненія надобностей кавказскаго начальства. 2) Для представительства при постахъ нашихъ посольствъ въ Константинополѣ и въ Галацѣ назначались попеременно пароходы: *Инкерманъ, Прутъ*, а впослѣдствіи *Таманъ* и двѣ небольшія шкуны, рѣчнаго чертежа, *Алушта* и *Чатырдагъ*. Одновременно съ этимъ корветъ нашъ *Память Меркурія* и транспортная шкуна *Бомборы* отправлены были въ воды архипелага въ распоряженіе греческаго посольства. 3) Установлено занятіе брандвахтенныхъ постовъ въ Очаковѣ, Севастополѣ, Керчи и Николаевѣ *). 4) По лоцмейстерской части по рѣкамъ Бугу, Днѣпру и Лиману въ Керченскомъ

*) Въ послѣднемъ городѣ открытъ этотъ постъ со дня открытія Николаевскаго порта для торговли судамъ всѣхъ націй.

проливѣ и Азовскому морю; для рѣкъ-же и лимана при николаевскомъ портѣ предназначены два парусныхъ тендера съ вооруженіемъ плимутскаго бота. 5) Для особыхъ порученій при главномъ командирѣ Черноморскаго флота состояли: императорская яхта *Тигръ* и пароходъ *Казбекъ*. Первая преимущественно служила для надобностей императорскаго двора, а впослѣдствіи, въ видахъ экономіи, исправляла и другаго рода порученія. На Казбекѣ-же исключительно исполнялъ служебныя обязанности главный командиръ, а иногда совершалась и перевозка различныхъ грузовъ, и 6) Для транспортировки грузовъ по портамъ и для другихъ портовыхъ надобностей.

Вотъ въ этихъ назначеніяхъ ограничивалась дѣятельность Черноморскаго государственнаго флота до того времени, пока императоръ Александръ II сбросилъ съ Россіи унизительное обязательство, предписанное намъ парижскимъ трактатомъ, относительно числительности, размѣра и качества судовъ на Черномъ морѣ. Очень натурально, что мы въ настоящее время не имѣемъ особенныхъ выгодъ для содержанія многочисленнаго флота, потому что положительно не нуждаемся въ сокрушеніи владычества Оттоманской порты, отъ которой мы ничего болѣе не желаемъ, какъ только честнаго и справедливаго обращенія съ ея народами, единовѣрными намъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ мы представили общій взглядъ на дѣятельность нашу на Черномъ морѣ, но для тѣхъ, которые пожелали-бы подробнѣе познакомиться съ числительностію и дѣйствіями нашихъ военныхъ судовъ на этомъ морѣ, могутъ обратиться къ нижеслѣдующимъ свѣдѣніямъ:

Въ первый разъ флотилія наша вступила изъ Азовскаго въ Черное море въ 1779 года; затѣмъ въ 1782 году

она ходила на южный берегъ Крыма для усмиренія взбунтовавшихся татаръ.

Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. первыми вступили въ Севастопольскую бухту слѣдующія суда, фрегаты: Осторожный, Побѣда, Поспѣшный, Крымъ, Храбрый, Азовъ, полака св. Екатерина, шкуна Измаилъ и боть Битюгъ, которые и сданы контръ-адмиралу Меккензи. Затѣмъ прибыли сюда изъ Таганрога фрегаты: Стрѣла, Легкій, Скорый, Вѣстникъ, Почтальонъ и нѣсколько мелкихъ. По штату, утвержденному въ томъ-же году, постановлено было имѣть въ Севастополѣ:

80	пушечныхъ	кораблей	2
66	»	»	10
50	»	»	8
32	»	»	6
22	»	»	6
		Итого .	32

Въ 1787 году число ихъ добавлено еще 8-мью судами большаго размѣра.

Съ этого по 91-ый годъ Россія объявила Турціи войну. Не успѣлъ нашъ флотъ вступить въ дѣло, какъ бурею, 9 сентября, онъ до такой степени былъ поврежденъ, что одинъ фрегатъ утонулъ съ экипажемъ, другой занесенъ былъ въ Константинопольскій проливъ, а всѣ остальныя суда вынуждены были возвратиться въ Севастополь.

Въ 1788 году при Черноморскомъ флотѣ состояло: 4 корабля, 22 фрегата и 58 разныхъ мелкихъ судовъ.

Въ послѣдующемъ году судамъ этимъ мы обязаны пріобрѣтеніемъ Очакова, Гаджибея (Одессы) и Аккермана. Болѣе другихъ прославили себя въ этой кампаніи капитанъ 2 ранга Сакенъ, которому пришлось взорваться на воздухъ съ абордировавшимъ его непріятельскимъ судномъ; поражалъ-же изумительною ловкостью и храбростью мичманъ Ломбардо, на своей галерѣ Десна.

Въ 1790 году турецкая эскадра разбита была нашею 8 іюля и 25 августа около Еникале и между Одессою и Тендрою и вслѣдъ затѣмъ у Сулинскихъ гирлъ, гдѣ потоплено и сожжено около 210 разнаго рода судовъ, а взято въ плѣнъ 77.

Въ 1791 году Турецкая флотилія въ соединеніи съ Алжирскою, Тунискою и Трипольскою ворвались въ Черное море съ завоевательными замыслами: но встрѣченная 10 іюля Ушаковымъ у Румельскихъ береговъ, она, послѣ 4-хъ часовой битвы, съ трудомъ избѣгла плѣна и то благодаря наступившей ночи.

Въ 1798 году Черноморскій флотъ состоялъ уже изъ

12	кораблей	отъ	66	до	84	пуш.
18	фрегатовъ	»	20	»	50	»
3	бамбард. фрегатовъ	»	14	»	22	»
2	бомбард. судовъ	»	—	»	14	»
2	транспортъ	»	15	»	22	»
15	грузовыхъ транспортовъ	»	—	»	—	»
22	разныхъ мелкихъ судовъ . . .	»	—	»	—	»

Въ томъ-же 1798 году, Бонопарте овладѣлъ островомъ Мальтою, чѣмъ оскорбилъ покровителя Мальтійскаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, императора Павла, который въ числѣ прочихъ распоряженій, приказалъ Черноморскому флоту выступить въ Средиземное море и совмѣстно съ турецкою эскадрою отобрать отъ французовъ Іоническіе острова, которые и взяты были 21 февраля 1799 г. съ войскомъ и снарядами.

Вслѣдъ затѣмъ, по просьбѣ Неаполитанскаго короля Фердинанда IV объ очисткѣ южной Италіи отъ французовъ, Ушаковъ исполнилъ его просьбу.

22 мая 1800 г. флотилія наша возвратилась обратно въ Севастополь.

Въ 1804 г. Черноморскій флотъ занятъ былъ содѣйст-

віемъ покоренія Кавказа и снабженіемъ нашего корпуса на Іоническихъ островахъ снарядами, провизіею и т. п.

Съ 1-го сентября 1805 г. по приказанію императора Александра I эскадра наша продолжала находиться на Средиземномъ морѣ и перевезла десантные войска съ Іоническихъ острововъ въ Сицилію, потомъ въ Неаполь и затѣмъ снова въ Корфу. Въ 1806 году Черноморскій флотъ отправлялъ туже обязанность на Средиземномъ морѣ.

Въ 1807 году Турція снова заставила насъ объявить ей войну-и Черноморскому флоту снова приходилось принимать въ войнѣ этой самое дѣятельное участіе.

Въ 1808 году Севастопольскій флотъ былъ въ готовности, отчасти слѣдилъ за движеніемъ турецкихъ судовъ и занимался перевозкою разнаго рода грузовъ и снарядовъ.

Въ 1809 г., для предупрежденія враждебныхъ дѣйствій Англій, объявившей намъ войну, нѣкоторыя изъ военныхъ судовъ нашихъ разставлены были по приморскимъ городамъ, нѣкоторыя отправлены въ крейсерство противъ турокъ, которымъ удалось схватывать ихъ коммерческія суда, другія заняли Анапу, а послѣдніе имѣли легкія перестрѣлки въ виду турецкихѣ береговъ.

Въ 1810 г., флотъ нашъ частью крейсировалъ въ виду Кавказкаго берега съ цѣлью воспрепятствовать туркамъ, снабжать черкесовъ боевыми снарядами. Покорилъ Сухумъ-кале, неоднократно сталкивался съ турецкими военными кораблями, дѣлалъ высадку около Трапезонда, и взаключеніе посодѣйствовалъ къ присоединенію къ нашимъ владѣніямъ Суджукъ-кале.

Въ 1811 г. Черноморской эскадрѣ нашей удалось захватить въ Пендаракліи турецкіе 40 пуш. фрегатъ и 22 п. корветъ.

Въ 1812 году флотилія наша крейсировала преимущественно между Варною и Дунаемъ и много взяла въ плѣнъ турокъ и ихъ коммерческихъ судовъ.

Отъ 1812 по 28 годъ Черноморской флотиліи не представлялось случая военныхъ дѣйствій. Этимъ временемъ флотъ нашъ частями по прежнему крейсировалъ у кавказскихъ береговъ и выступалъ въ море для обученія экипажа.

Въ тоже время число его съ каждымъ годомъ увеличивалось и къ 28 году дошло до слѣдующаго состава:

2	корабля	110	пушеч.
1	»	84	»
1	»	80	»
5	»	74	»
4	фрегата	44	»
1	»	36	»
2	»	32	»
1	»	24	»
1	бригъ	24	»
4	»	18	»
1	бригантина	14	»
3	шкуны	14	»
3	люгера	10	»
2	тендера	12	»
2	»	10	»
3	яхты	10	»
3	парохода	—	»
17	транспортовъ	—	»
25	канонирокъ	3	»
17	іоловъ	1	»

Кромѣ этого достраивались въ Николаевѣ:

2	корабля	84	»
3	фрегата	60	»
5	канонер. лодокъ	—	»
18	іоловъ	—	»

Въ 1827 году Турція снова объявила Россіи войну за истребленіе соединенными эскадрами ея флота, соединеннаго съ Египетскимъ (за варварство противъ Греціи). Война эта началась 14 апрѣля 1828 и кончилась 2 сентября 1829 года. Въ продолженіи этого времени Черноморскій флотъ, кромѣ крейсерства и доставки провіанта, снарядовъ и т. п., овладѣлъ Анапою, Варною, Сизополемъ, Ахіоломъ, Василико, Агаѳополемъ, Стефано, Инадою и крѣпостію Мидіею. Кромѣ этаго взялъ въ плѣнъ и разбилъ до 70 турецкихъ судовъ и много людей. Послѣ заключенія съ Турціею выгоднаго для насъ мира, Черноморскій флотъ оставался спокойнымъ до 1833 года т. е. до тѣхъ поръ, пока ему не приказано было выступить съ десантными войсками противъ Египетскаго паши Мегметъ-Али, задумавшаго отложиться отъ Турціи. Экспедиція эта выполнена была съ успѣхомъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ.

Съ 1834 по 1854 годъ эскадры наши преимущественно заняты были крейсерствомъ по кавказскому прибрежью на пространствѣ 264 миль, гдѣ находилось 8 укрѣпленій нашихъ и куда постоянно подвозили турки огнестрѣльные снаряды черкесамъ, внушая противъ русскихъ месть и войну. Этимъ временемъ, при содѣйствіи линейныхъ войскъ, эскадры эти воздвигли набереговой еще линіи 18 крѣпостей, укрѣпленій и фортовъ. Въ 1852 году составъ Черноморскаго флота заключался изъ слѣдующихъ судовъ:

3	корабля	120	пушечныхъ
13	„	84	„
3	фрегата	66	„
1	„	54	„
1	„	52	„
3	„	44	„
1	корветъ	20	„
4	„	18	„

1	бригъ	20	„
5	„	18	„
5	„	16	„
4	„	12	„
5	шкунъ.	16	„
1	„	14	„
2	„	8	„
5	тендеровъ	12	„
4	„	10	„
2	яхты	10	„
1	бомбардирское судно . .	—	„
1	ботъ	4	„
12	пароходовъ отъ 40 до .	400	силъ
23	транспорта „ 90 „ .	650	тоннъ.

Кромѣ этихъ были еще другія суда въ Николаевѣ, Одессѣ и Керчи, спеціально назначенныя для различнаго рода порученій.

Послѣднимъ подвигомъ Черноморской флотиліи, послѣ разрыва мирныхъ отношеній нашихъ съ Турціею въ 1853 году, считается разрушеніе синопскихъ укрѣпленій отрядомъ вице-адмирала Нахимова и истребленіемъ въ виду ихъ непріятельской эскадры, состоящей изъ 14 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ и взятіемъ въ плѣнъ Корниловымъ и Щеголевымъ двухъ пароходовъ: Перевазъ-бахри и Медари-Тиджаретъ.

Всѣхъ потопленныхъ и сожженныхъ судовъ въ Севастопольской бухтѣ, впродолженіи крымской войны, насчитываютъ 65, кромѣ шаландъ, плашкоутовъ, ботовъ, блакшифовъ и купеческихъ судовъ. Въ числѣ которыхъ было большаго размѣра:

16 кораблей,
12 пароходовъ,
7 фрегатовъ,

1 яхта,
8 бриговъ,
4 шкуны,
3 тендера,
и 12 транспортовъ.

Познакомивъ читателя съ дѣятельностію русскаго правительства въ Тавридѣ, мы, считаемъ нужнымъ въ дополненіе къ прописанному, сказать кое-что о фабричной производительности и сельскохозяйственныхъ промыслахъ всей страны въ продолженіе нашего господства. Этимъ отдѣломъ мы думаемъ заключить нашъ многолѣтній всесторонній трудъ о Таврическомъ полуостровѣ, который до настоящаго времени обращалъ на себя вниманіе только любителей красивыхъ ландшафтовъ, слабогрудыхъ и очень немногихъ серіозныхъ труженниковъ.

Надо полагать, что представленныя нами свѣдѣнія о Крымѣ, если и не вполнѣ удовлетворятъ читающую публику, то, во всякомъ случаѣ, каждому могутъ посодѣйствовать къ всестороннему знакомству съ страною, которая обращала на себя вниманіе древней Греціи и Рима, которая прославлялась славными подвигами первыхъ іерарховъ христіанской церкви, которая снабжала въ среднихъ вѣкахъ западную Европу произведеніями всей почти Россіи и Азіи и будущность которой обѣщаетъ завидное мѣсто между всѣми другими южными провинціями нашего обширнаго отечества.

Фабричная или искусственная производительность.

Читатель нашъ ознакомился уже съ естественными богатствами Таврическаго полуострова и, весьма вѣроятно, пожалѣетъ, что въ странѣ этой не существуетъ фабричной

дѣятельности; но этому мѣшаетъ пока недостатокъ топливнаго матеріала, какъ извѣстно, главнаго двигателя фабричнаго дѣла. Недостатокъ-же послѣдняго, мы предполагаемъ, относится къ невѣрованію добыть его изъ почвы крыма, которая, какъ замѣчено было раньше, должна заключать въ нѣдрахъ своихъ огромныя массы не только каменнаго угля, но и торфа, обозначающагося вѣчными камышами во многихъ мѣстностяхъ Ѳеодосійскаго уѣзда. Открытіе въ Тавридѣ минеральнаго топлива принесло-бы несравненно больше выгодъ въ сравненіи съ серебряными рудниками. Оно, прежде всего, открыло-бы въ этой странѣ желѣзную промышленность, какъ извѣстно, обогащавшую и населяющую самыя неблагодарныя мѣстности міра. Доказательствомъ этому можетъ служить Великобританія, добывающая ежегодно до 300 милліоновъ пудовъ этого драгоцѣннаго металла, служащаго мѣриломъ благосостоянія промышленности и развитія культуры. Богатство угольныхъ залежей въ этой странѣ, даетъ ей возможность изъ плохой руды извлекать, безъ большихъ затратъ, это количество желѣза и ежегодно сбывать его мало-мальски на 100 мил. руб., а фабричную промышленность, при помощи дешеваго пароваго двигателя, сдѣлать настолько выгодною, чего не въ состояніи пока достигнуть ни одна страна въ мірѣ.

Открытіе въ Крыму антрацита или каменнаго угля, судя по его естественнымъ богатствамъ и географическимъ удобствамъ сообщенія съ южною Европою и сѣверными частями Азіи и Африки, могло-бы дать странѣ этой густое населеніе, заманить капиталистовъ и вообще выставить ее на одно изъ первыхъ мѣстъ по фабричной производительности и въ тоже время предоставить сбытъ горючаго матеріала на многихъ иностранныхъ рынкахъ, снабжаемыхъ нынѣ Англіею. До того-же времени здѣсь не мыслимо желѣзное производство по причинѣ крайняго недостатка и

доровизны топлива. Бывшій въ Керчи чугуноплавильный заводъ не могъ развить своего производства по тѣмъ-же причинамъ. Такъ точно намъ извѣстно, что Швейцарія, изобилующая желѣзными рудами, вслѣдствіе дороговизны каменнаго угля и нежеланія тратить болѣе $^1/_{10}$ части годовой прибыли своихъ лѣсовъ, предпочитаетъ покупать иностраннаго желѣза около милліона пудовъ для собственнаго употребленія.

О значеніи-же желѣза въ нашъ вѣкъ намъ нечего говорить, потому что оно незамѣнимо; для всѣхъ и каждаго составляетъ крайнюю потребность и въ работѣ можетъ превосходить цѣнность золота. Такіе примѣры легко открыть, напримѣръ, опредѣленіемъ стоимости фунта золота въ сравненіи съ стоимостію такого-же вѣса стальныхъ пружинокъ часоваго механизма и т. п.

Такимъ образомъ, волею-неволею, Тавридѣ суждено предварительно обнажить пласты непочатаго въ нѣдрахъ своихъ каменнаго угля, чтобы сокрушить промышленное значеніе Англіи, по крайней мѣрѣ, въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ этому полуострову. Время это близко и обѣщаетъ славную будущность всему краю. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ вмѣстѣ обогащенный народъ усерднѣе займется тѣми отраслями хозяйства, которыя нынѣ находятся въ незавидномъ состояніи. Понятно, что тогда новые владѣтели крымскихъ степей вмѣсто того, чтобы мечтать объ облѣсеніи ихъ дикорастущими деревьями, предпочтутъ разводить шелковичныя породы ея, какъ нетребующіе ни подготовленной почвы, ни поливки, ни особеннаго ухода и могущія во всякое время возбудить разведеніе шелковичнаго червя, какъ извѣстно, доставлявшаго значительныя выгоды многимъ изъ промышленниковъ. Обратимъ теперь вниманіе на ту искусственную производительность, которая доступна жителямъ Крыма при настоящихъ средствахъ страны.

Въ главѣ ремесленнаго искуства Тавриды искони считалось приготовленіе ружейныхъ стволовъ, сабель, не уступающимъ дамаскимъ, и ножей. Но въ наше время татаре приготовляютъ только послѣдніе и то въ Банчисараѣ и Карасубазарѣ *). Самыми же распространенными фабриками въ городахъ Тавриды считаются мыльныя и свѣчныя. Устройство ихъ не представляетъ ничего интереснаго, а напротивъ напоминаетъ первобытный способъ приготовленія этаго рода продуктовъ. Все имущество ихъ состоитъ изъ большаго казана, чана, подставокъ и формъ. Подобными фабриками управляетъ обыкновенно самъ хозяинъ съ помощью одного работника и ежедневно выдѣлываетъ, послѣ захода солнца отъ 100 до 200 свѣчей и нѣсколько пудовъ мыла. Выдѣлка свѣчей производится или на дворѣ или прямо на улицѣ противъ фабрики слѣдующимъ образомъ: выставляются подставки, на которыя кладутся тонкіе легкіе шесты, унизанные бумажными фителями, тутъ-же ставится деревянный ящикъ съ саломъ, куда безпрестанно опускаются фители и оставляются для охлажденія на туже подставку. Операція эта лѣтомъ не иначе происходитъ какъ вечеромъ, послѣ наступленія ночной прохлады и идетъ довольно скоро, если работаютъ нѣсколько человѣкъ. Приготовленіемъ свѣчей и мыла въ Крыму занимаются исключительно татаре и армяне. Поставщиками-же имъ, необходимыхъ для этаго матеріаловъ, служатъ рѣзники (саломъ) и цыгане, собирающіе со дворовъ золу. Лѣтъ 15 тому назадъ, Крымское мыло и свѣчи имѣли громадный сбытъ въ странѣ, но въ настоящее время ихъ употребляютъ только бѣдные люди, а всѣ прочіе предпочитаютъ стеариновыя или сальныя-же, но доставляемыя изъ Россіи.

---

*) Ножи эти по добротѣ и достоинству очень хороши, но къ сожалѣнію приготовляются въ небольшомъ числѣ и сравнительно дорого цѣнятся.

Это доказываетъ ничто иное, какъ упорство туземныхъ фабрикантовъ оставаться при прадѣдовскомъ способѣ приготовленія ихъ. Послѣдующими считаются кирпичные и черепичные заводы, которые устроены повсюду, гдѣ только имѣется хорошая глина, песокъ и недорога доставка дровъ. Заводы эти какъ по устройству печей, такъ и по производительности своей еще очень далеки отъ совершенства. Наблюдая за приготовленіемъ кирпичей и черепицъ, я находилъ, что на 100 вынутыхъ изъ печи, рѣдко оказывается меньше 30 треснувшихъ. Ясно, что это происходитъ отъ внимательнаго приготовленія массы, и вообще плохаго обращенія съ предпріятіемъ, которое въ хорошихъ рукахъ могло-бы дать странѣ чрезвычайно выгодную отрасль промышленности. Приготовленіе черепицъ и кирпичей въ Крыму повидимому производится по способамъ и образцамъ, внесеннымъ сюда татарами, потому что онѣ рѣзко отличаются отъ образцовъ, оставленныхъ въ странѣ отъ временъ греческаго господства. Послѣдніе отличаются во первыхъ величиною и наконецъ такимъ мастерскимъ приготовленіемъ состава и выжиганія, что могутъ считаться вѣчными въ сравненіи съ нынѣ приготовляемыми. Лѣтъ 14 тому назадъ черепица и кирпичь требовались въ огромныхъ количествахъ на Кавказскія берега изъ Ѳеодосіи. Потребность въ нихъ гораздо болѣе ощущается внутри сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи, но такъ какъ здѣсь не существуютъ заводы, могущіе удовлетворить такой обширной потребности и притомъ не имѣется дешевыхъ перевозочныхъ средствъ, то развитіе этого рода промышленности слѣдуетъ ожидать не раньше провода желѣзныхъ дорогъ.

Кафельная фабрика при посѣщеніи мною въ 1858 году Стараго Крыма, только что открыла свои дѣйствія и судя по первымъ образцамъ произведенія, могла соперничать въ достоинствѣ харьковскаго кафеля. И дѣйствительно старо-

крымская глина по качествамъ своимъ есть единственная въ Крыму, какъ для приготовленія тѣста такъ и для окраски кафеля. По слухамъ, дошедшимъ до насъ, заводъ этотъ въ настоящее время не имѣетъ большихъ заказовъ и предполагается къ закрытію. Какъ не грустны подобные слухи, но мы по крайней мѣрѣ имѣемъ возможность будущимъ производителямъ кафеля въ Крыму, указать на мѣсто вполнѣ удобное и выгодное для этого рода дѣятельности. Что касается потребности и сбыта такого матеріала въ странѣ и прилегающихъ губерніяхъ, то въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться, въ особенности при существованіи рельсоваго пути къ Ѳеодосійскому порту и появленіи достаточнаго числа каботажныхъ судовъ, въ которыхъ Черное море крайне нуждается. Въ былое время, въ Крыму существовало чрезвычайно много кожевенныхъ заводовъ. Это доказывается еще существующими при входѣ на Мангупскую вершину пещерами, предъ которыми вырублены на скалѣ корыто образныя углубленія для смоченія кожъ и кромѣ того кучами шерсти, снятой съ нихъ и неуспѣвшей еще окончательно разложиться. Въ наше же время существуетъ только одинъ кожевенный заводъ въ Старомъ-Крыму, но и ему не пришлось на столько прославить свои издѣлія, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстной потребности, вслѣдствіе чего народонаселеніе начало сбывать сырыя кожи внѣ страны и за границу, по дешевымъ цѣнамъ, а отдѣланныя уже пріобрѣтать дорогою цѣною, изъ отдаленныхъ мѣстъ и не прямо отъ фабрикантовъ. Въ Крыму пока существуетъ приготовленіе изъ воловьей шкуры простой татарской обуви, извѣстной подъ названіемъ *чарыковъ* (родъ сандалій), изъ телячьей: барабановъ, рѣшотъ и такъ называемыхъ *табла* *) а изъ бараньей: сафьяновъ,

*) Нѣчто въ родѣ сита, но безъ дырочекъ, для различнаго употребленія въ хозяйствѣ, но преимущественно для пересыпки противъ вѣтра пшена и т. п.

шубъ, шапокъ и т. п. Посмотримъ какъ все это приготовляется и въ какой степени можетъ быть выгоднымъ и достойнымъ подражанія.

Чарыки, судя потому какъ долго носятся и насколько легче въ сравненіи съ лаптями, принятыми въ Россіи, составляютъ недорогую и весьма удобную обувь для рабочаго человѣка. Притомъ на приготовленіе ихъ не требуется болѣе двухъ часовъ. Они дѣлаются изъ воловьей шкуры сейчасъ же какъ она просолится и достаточно высохнетъ. Для пары чарыковъ берется небольшой кусокъ отъ этой кожи, счищается ножемъ шерсть, отмачивается въ водѣ и затѣмъ по ногѣ обтягивается ремешкомъ, концы котораго заплетаютъ по выше щеколки. Естественно, что чарыки надѣваются сверхъ суконныхъ онучь и при малѣйшемъ давленіи ноги легко растягиваются при опущеніи въ воду. Такъ какъ приготовленіе кожи для подобной надобности не требуетъ никакихъ познаній, то деревенскіе обитатели Крыма, на случай смерти вола или коровы своей, не заботятся о сбытѣ шкуры закупщикамъ, а употребляютъ ее на обувь цѣлой семьи, въ теченіи года или моментально распродаютъ сосѣдямъ *).

Барабаны, бубны и рѣшета, выдѣлываемые татарами изъ телячьихъ и жеребячьихъ кожъ не отличаются особенною чистотою отдѣлки, но очень прочны и издаютъ чрезвычайно сильный звукъ. Что же касается сафьяновъ и ихъ окраски въ черный, зеленый, красный и желтый цвѣта, то татаре въ этомъ достигли такого совершенства, что могутъ служить хорошими знатоками. Искуство это, надо полагать, они переняли у караимовъ, нѣкогда спеціально промышлявшихъ этого рода занятіемъ. Крымскіе сафьяны, еслибъ ихъ приготовлялось бы гораздо больше, сравнительно съ мѣстною потребностью, могли бы очень выгодно

*) При теперешней дороговизнѣ, кусокъ кожи на пару чарыковъ стоитъ 50 к.

сбыться на рынкахъ Константинополя и во многихъ другихъ мѣстахъ сосѣдственныхъ Крыму, но къ сожалѣнію они почти не вывозятся никуда и исключительно расходятся въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, главнѣйшихъ пунктахъ производства татарской обуви. Мѣховое или шубное издѣліе въ Крыму нѣкогда развито было по всѣмъ почти городамъ, но съ тѣхъ поръ какъ совершилась послѣдняя эмиграція татаръ, оно сохранилось въ первобытой формѣ своей только въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. Имъ исключительно занимаются татаре и очень добросовѣстно подготовляютъ овчины для переноса всякаго рода атмосферныхъ перемѣнъ. Къ сожалѣнію, мастера эти нисколько не заботятся объ удовлетвореніи нашего вкуса, вслѣдствіе чего заготовляемыя ими шубы покупаются только татарами, цыганами и вообще деревенскимъ населеніемъ. Форма шубъ этихъ бываетъ двоякая: по поясницу безъ воротника и длинная по пятку ноги съ воротникомъ. Главнѣйшее удобство ихъ теплота и легкость. Самыми цѣнными считаются мерлушковыя, которыя, туземцы называютъ *эльтырами;* затѣмъ идутъ черныя курчавыя, рыжія чунтуковыя и отъ простыхъ степныхъ барановъ. Легкость этихъ шубъ находится въ зависимости отъ счистки нижнихъ слоевъ кожи и отличной мойки шести. По убѣжденіямъ туземцевъ шубы эти не боятся моли и чѣмъ долше носятся не покрытыми, тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ достоинствъ.

Шапочное искуство у крымскихъ татаръ доведено почти до совершенства. Въ особенности они отлично приготовляютъ смушковыя шапочки для караимовъ и джигитовъ своихъ. Словомъ искуство приготовленія мѣховъ и сафьяновъ въ Крыму нисколько не уступаетъ другимъ странамъ не смотря на то, что туземцы не учились этому у другихъ народовъ. Надо пожалѣть только, что кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ невеликъ и ограничивается удовлетвореніемъ однихъ единовѣрцевъ.

Такъ какъ мы начали кожевеннымъ издѣліемъ, то разсмотримъ его во всѣхъ подробностяхъ или, проще, разъяснимъ, на что потребляется въ Крыму весь добываемый здѣсь сафьянъ: во первыхъ огромное количество его затрачивается на подушки, служащія для различнаго рода надобностей и въ особенности сѣдельныя; имъ обкладываются деревяжка сѣдла и различные приборы для лошадей; во вторыхъ плетутся дѣтскія плетки, мячики, сумочки для сбереженія молитвъ изъ Корана и множество другаго рода бездѣлушекъ, приспособленныхъ къ потребностямъ народонаселенія, но самое важное назначеніе относится къ массамъ ежегодно потребляемой преимущественно татарками обуви, такъ какъ не принято чтобы мусульманка ходила босыми ногами или одѣвала чарыки. Обувь эта бываетъ слѣдующаго рода: *Каревле* или мелкіе башмаки изъ воловьей кожи, оклеенные сафьяномъ краснымъ или чернымъ. *Хатыръ* нѣчто подобное нашимъ глубокимъ колошамъ съ того же товара и оклейки. *Мечты* или длинные сапожки съ одного сафьяна. *Папучи* или хлопанцы кожаные, прикрытые также сафьяномъ, но уже желтымъ и *терлики* или башмаки изъ одного сафьяна.

Эти послѣдніе очень красиво обшиваются мишурными нитками и шелками. Вся эта обувь, за исключеніемъ терликовъ не представляетъ особеннаго искуства, но очень оригинальна и долго носится, если сберегается отъ мокроты.

Въ Крыму шерстяное издѣліе издавна составляло довольно значительный предметъ отпуска въ Константинополь. Татаре очень охотно занимались имъ и производили въ значительныхъ размѣрахъ простыя валеныя сукна, бурки и войлоки и кромѣ того редна, мѣшки, торбы, саквы, веревки и т. п. принадлежности хозяйства. Объ издѣліяхъ этихъ, какъ соотвѣтсвующихъ добротою простому человѣку, мы можемъ отнестись съ похвалою. Татарскія сукна

составляютъ простую пряжу, которая, содѣйствіемъ толкача, принимаетъ плотность и несравненно дольше носится противу русскихъ простыхъ суконъ; ихъ войлоки также превышаютъ добротою всѣ извѣстные въ продажѣ, хотя на видъ кажутся грубѣе; что же касается бурокъ, незамѣнимыхъ никакого другаго рода накидками въ зимнюю мокрую погоду, для верховыхъ людей, то они прекрасны по легкости и вообще практической формѣ.

Изъ конскаго волоса въ Тавридѣ въ былое время и теперь приготовляютъ торбы для кормленія зерномъ лошадей и саквы для провизіи, которыя удобно прикрѣпляются верховымъ къ задней части сѣдла. Послѣднія имѣли важное значеніе во время набѣговъ татаръ на Россію и другія страны въ томъ отношеніи, что предохраняли пищу ихъ отъ дождей. Въ наше время ихъ почти не встрѣчается въ продажѣ, но всегда можно достать предварительнымъ заказомъ.

Изъ молочныхъ приготовленій, для сбыта на рынкахъ, въ странѣ этой нѣтъ ничего особенно останавливающаго вниманія и могущаго быть перенятымъ съ выгодою. Самымъ главнѣйшимъ производствомъ считается катыкъ, который во всеобщемъ употребленіи у туземцевъ и составляетъ наслажденіе привыкшихъ къ употребленію его въ пищу. Катыкъ этотъ выдавливается изъ кислаго молока и солится въ обрѣзахъ. Онъ довольно густъ и легко распускается въ водѣ. Татаре кромѣ того что подбѣливаютъ имъ различнаго рода кушанья, но и приготовляютъ прохладительный напитокъ, извѣстный въ странѣ подъ названіемъ *язмы*, которая продается на базарныхъ площадяхъ. Сыръ приготовляется въ Крыму троякимъ способомъ: соленымъ въ кускахъ, который не можетъ долго храниться; *кашкавалъ* или брусковой (караимскій) дѣлящійся по слоямъ. Многимъ онъ очень нравится своимъ нѣжнымъ сливочнымъ вкусомъ, но вообще не подходитъ вкусомъ ни къ одному

изъ извѣстныхъ въ Европѣ. Къ сожалѣнію, выдѣлкою его занимаются въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что вывозъ немыслимъ. Послѣдній обще-принятый сыръ извѣстенъ подъ именемъ тулупнаго, который приготовляется слѣдующимъ образомъ: берется овечій тулупъ, снятый цѣликомъ и въ него туго набиваются куски просоленаго сыра, которые ежедневно или чрезъ сутки, смотря по надобности обливаются парнымъ овечьимъ молокомъ. Затѣмъ, когда куски эти достаточно напитаются молокомъ, тулубъ завязывается и выставляется въ сухое мѣсто. Мѣсяцъ спустя, масса въ немъ твердѣетъ и дѣлается годною для употребленія. Сыръ этотъ могъ-бы быть очень пріятнымъ, еслибъ не чрезъ мѣру солился и не сберегался въ овчинахъ, отъ которыхъ перенимаетъ запахъ и тухлость. Не очень давно на Южномъ берегу начали приготовлять сыръ на швейцарскій манеръ, но такъ какъ производство его не составляетъ единственно торговой промышленности, то мы и не считаемъ себя обязанными говорить о немъ. Однако замѣтимъ, что образцовая ферма эта при Ливавдіи впервое доказала, что въ странѣ этой можно приготовлять сыръ, который по достоинствамъ своимъ не уступаетъ не одному изъ извѣстныхъ намъ.

Изъ овечьяго молока крымскіе пастухи очень хорошо приготовляютъ *каймакъ* или толстый слой отвердѣвшихъ на медленномъ огнѣ сливокъ, который складывается въ нѣсколько рядовъ и подается въ видѣ масла. Есть люди, которые приходятъ въ восторъ отъ этого лакомства, но мы готовы признать его за рѣдкость или лакомство, только потому что каймакъ этотъ не иначе добывается какъ на горахъ и только въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ.

Сбереженіе на зиму воловьяго и бараньяго мяса и жиру въ Тавридѣ производится слѣдующимъ образомъ: въ Ноябрѣ или Декабрѣ мѣсяцѣ рѣзники объявляютъ по деревнямъ, что они приступаютъ къ *сугуму* т. е. послѣдней рѣзки воловъ

и овецъ впредь до наступленія молодаго приплода и вслѣдъ затѣмъ приступаютъ къ дѣлу. Въ то время каждый имѣющій средства, обязанъ припасти себѣ назиму до 10 пудовъ говядины или баранины, если только не думаетъ рѣзать свою скотину или оставаться безъ мясной пищи. Обычай этотъ введенъ ясно съ цѣлью во первыхъ зарѣзать животное пока оно жирно и наконецъ, чтобы облегчить себя отъ содержанія излишней скотины въ теченіи зимы. Распродаваемое такимъ образомъ мясо исключительно предназначается на соленье; но это не есть единственный способъ сбереженія его. Какъ воловье, такъ и баранье мясо еще засушивается на солнце въ просоленномъ видѣ первое подъ названіемъ *пастырма*, а послѣднее *какачь*. Пастарму употребляютъ въ пищу въ сыромъ видѣ, но какачь жарится или прямо на угляхъ или въ маслѣ мелко изрубленными кусочками. Какъ одно такъ и другое признается за превосходное кушанье всѣми туземцами.

Въ Крыму приготовляются калбасы изъ воловьяго мяса только армянами. Калбасы эти заключаютъ въ себѣ много чесноку и называются *суджуками*. Другой родъ ихъ приготовляется монгольцами изъ конины. Свининые-же составляютъ исключительное производство нѣмецкихъ колонистовъ, которые сбываютъ ихъ на рынкахъ въ числѣ другихъ произведеній своихъ.

Туземными напитками считаются: буза, кумысъ, язма, муселезъ, нарденкъ и шербетъ. Первая приготовляется изъ проса и дѣлится на три сорта: сладкую, обыкновенную и такъ называемую башъ-буза или хмѣльную. Напитокъ этотъ очень распространенъ въ Крыму, но приготовляется только съ осени до наступленія жаркихъ дней. Кумысъ въ наше время не приготовляется болѣе въ Тавридѣ и положительно вышелъ изъ употребленія современи послѣдней эмиграціи монгольскаго поколѣнія, проживавшаго въ сѣверныхъ частяхъ полуострова; что же касается южныхъ

татаръ, то они ни прежде ни теперь не допускали употребленіе кобыльяго молока и вообще чего-либо лошадинаго. Муселезъ, какъ замѣчено было нами раньше, приготовляется посредствомъ переварки винограднаго или фруктоваго сока. Напитокъ этотъ бываетъ очень сладокъ, но въ тоже время очень хмѣленъ. Лѣтъ 25 тому назадъ его приготовляли здѣсь многіе, но теперь очень трудно достать для покупки.

Къ напиткамъ кисловатымъ и сладкаго рода принадлежитъ нарденкъ и шербетъ. Первый добывается изъ кислицъ, а послѣдній ничто иное какъ бекмезъ, размѣшанный въ водѣ. Напитками этими торгуютъ въ Крымскихъ городахъ и очень охотно угощаютъ на татарскихъ свадьбахъ и другаго рода зіяфетахъ.

Бумажныя и льняныя издѣлія. Въ Крыму не существуютъ бумажныхъ и льняныхъ фабрикъ, вслѣдствіе чего народонаселеніе, для приготовленія себѣ бѣлья и полотенцевъ находится вынужденнымъ приготовлять его домашнимъ способомъ, хотя не такой чистоты какъ фабричное, но замѣчательной доброты. Я сказалъ замѣчательной только потому, что дюжина рубахъ или полотенецъ всегда почти переживаютъ жизнь взрослаго человѣка. Доброкачественность эту надо приписать искусству женщинъ приготовлять прядево ручнымъ способомъ на веретенѣ. Кромѣ татарокъ, въ странѣ этой почти никто не выдѣлываетъ бумажныхъ матерій. Въ особенности отличаются крѣпостью нитки, предназначенныя для рубахъ. Татарскаго полотна нигдѣ не встрѣчается въ продажѣ; но утиральники различныхъ сортовъ, съ вышивными концами, иногда продаются по баснословнымъ цѣнамъ любителямъ оригинальныхъ нарядовъ. Все это ткется на простомъ верстакѣ, съ помощію передвижныхъ гребней, довольно скоро и именно до 10 аршинъ въ день.

Деревянныя издѣлія. Промышленность эта вообще мало

развита въ Крыму, не смотря на то, что здѣсь очень много орѣховыхъ, терпентинныхъ, можжевельныхъ и другихъ крѣпкихъ и красивыхъ породъ растительности. Намъ даже странно, что мебель и всѣ вообще деревянныя украшенія для комнатъ большинствомъ доставляются сюда изъ тѣхъ городовъ, гдѣ во все не существуетъ растительности годной для выдѣлки ихъ. Теперь обратимъ вниманіе на производство такихъ вѣщей, которыя составляютъ крайность въ сельскомъ быту народонаселенія и волею-неволею должны приготовляться на мѣстѣ. Въ этомъ послѣднемъ опять являются дѣятелями татаре. Они приготовляютъ, при помощи топора, струга, бурава и рашпиля, нижеслѣдующія вещи: всѣ принадлежности плуга и мажаръ, между которыми въ особенности отличаются удобствомъ и хорошою отдѣлкою воловье ярмо, колеса и различнаго рода корыта изъ цѣльной массы, прессы, тарапаны, обрѣзы на деревянныхъ обручахъ, доенки, маслобойни и сотни другихъ предметовъ, потребныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Токарное искуство имъ также извѣстно, но этимъ ремесломъ занимаются только въ двухъ городахъ въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. Приготовляемыя ими вещи изъ мягкихъ породъ дерева довольно хороши и обращаютъ на себя вниманіе оригинальностію рисунка и практичностію идеи. Всего больше мнѣ нравились ихъ колыбели, *такатуки* или пепельницы для курящихъ трубки, которыя имѣютъ форму вазы съ стержнемъ въ центрѣ; моталки для нитокъ, прядильницы шерсти, гребни, чубуки и невысокіе ходули, имѣющія важное значеніе къ предохраненію ногъ отъ сырости при грязи и большихъ снѣгахъ. Удобство и выгода ходулей, если только они сдѣланы изъ легчайшаго дерева съ широкими подставками снизу до того значительны въ нашъ вѣкъ, что давно-бы слѣдовало ввести ихъ во всеобщее употребленіе въ особенности тѣмъ, кто быстро подвергается болѣзнямъ отъ простуды

ногъ. Татарскія колыбели токарной работы очень красивы, а по устройству своему представляютъ то преимущество, что ребенокъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ лежать въ мокротѣ своей

Лудильнымъ, паяльнымъ и кузнечнымъ ремеслами въ странѣ занимаются преимущественно цыгане и довольно хорошо.

Известь. Въ Тавридѣ, туземцы мусульманскаго вѣроисповѣданія никогда не занимались выжиганіемъ извести, которая могла-бы доставлять имъ прочный матерьялъ для построекъ и громадную выгоду отъ сбыта въ окрестности Керчи и Азовскаго моря. Этимъ дѣломъ, послѣ греческаго господства, впервое начали заниматься здѣсь послѣ, присоединенія Крыма къ Россіи, анатолійскіе выходцы. Самою лучшею известью считается добываемая на южномъ берегу изъ огненныхъ породъ: она ослѣпительной бѣлизны и чрезвычайной вязкости. До крымской войны или вѣрнѣе до 1862 года, пока на южномъ берегу существовали свои каботажныя суда, матеріалъ этотъ сбывался въ Ѳеодосію, Керчь и Азовскіе портовые города. Въ наше время, по случаю недостатка и дороговизны дровъ, известь приготовлятся въ размѣрахъ, потребныхъ для мѣстной надобности; но если только въ странѣ этой откроется минеральное топливо, то нѣтъ сомнѣнія что производство ея достигнетъ изумительныхъ размѣровъ и составитъ чрезвычайно выгодную промышленность. Не очень давно въ Ѳеодосіи начали заготовлять гидравлическую известь, потребность которой давно ощущалась на Югѣ Россіи. Ясно, что какъ только народъ сознаетъ ея важное значеніе и представятся удобства для сбыта ея вовнутрь края, производительность этого матерьяла усилится и дастъ новый источникъ торговой промышленности.

Мы осмотрѣли фабричную производительность Тавриды и вмѣстѣ съ тѣмъ выставили на видъ тѣ матеріалы стра-

ны, которымъ предстоитъ разработка въ обширныхъ размѣрахъ. Естественно, что мы не сочли нужнымъ указать на такого рода занятія, какъ напр. заготовленіе корзинъ и красивыхъ палокъ изъ различнаго рода деревъ, могущихъ снабжать Новороссійскій край и которыя въ настоящее время, вслѣдствіе недостатка мастеровъ дѣлаются въ ничтожномъ количествѣ и продаются по высокимъ цѣнамъ. Взаключеніе намъ предстоитъ обратить вниманіе на сельское хозяйство въ Тавридѣ, чтобы доказать читателю, почему именно страна эта, нѣкогда такъ высоко стоявшая въ мнѣніи древнихъ образованныхъ народовъ, такъ много отправляющая за границу естественныхъ произведеній и содержавшая народонаселенія двухъ царствъ и двухъ княжествъ, не смотря на пространство, равняющееся одной Московской губерніи,—дошла до того безотраднаго положенія, въ которомъ мы встрѣчаемъ ее въ настоящее время, т. е. тогда, когда вокругъ ея почти ежедневно движутся пароходы, готовые за недорогіе цѣны вывозить всевозможные грузы въ самыя отдаленныя части свѣта.

Сельское хозяйство.

Всѣ современные намъ путешественники отзываются о Таврическомъ полуостровѣ съ такимъ увлеченіемъ, что многіе предполагаютъ найти въ немъ ряды великолѣпныхъ садовъ съ самою разнообразною растительностію южныхъ странъ; но, увы, эти отзывы и эти предположенія можно отнести къ немногимъ, сравнительно, мѣстностямъ, гдѣ разнообразная величественныли видами природа, мягкимъ климатомъ своимъ создала такія вещи, что даже скалы изъ малѣйшихъ трещинъ выпускаютъ громадныя деревья, жизнь которыхъ можетъ поддерживаться только атмосферными дѣятелями. Но и это хорошо только для глазъ и

убѣжденія въ томъ, что здѣсь человѣкъ могъ-бы извлекать значительныя выгоды изъ земли, еслибъ проникся этимъ убѣжденіемъ о не поскупился на труды. Всѣ-же остальныя мѣстности являются предъ нами почти въ дикомъ состояніи, еле-еле населенными на громадныхъ разстояніяхъ такого рода земледѣльцами, которые не сознаютъ власти господствовать надъ производительностію почвы, а находятся вполнѣ отъ ея зависимости или, проще, пользуются ея дарами, какъ милостыней. Такое незавидное состояніе степной части Крыма въ наше время приписываютъ, во-первыхъ, послѣдствіемъ крымской войны, раззорившей землевладѣльцевъ и наконецъ эмиграціи въ Турцію огромной цифры татаръ, составлявшихъ рабочія руки въ странѣ и, какъ извѣстно, большинствомъ обитавшихъ на помѣщичьихъ земляхъ.

И дѣйствительно, война отняла у землевладѣльцевъ время и средства продолжать свои обычныя занятія, а эмиграція лишила крымскихъ помѣщиковъ около 132 т. человѣкъ, составлявшихъ, такъ сказать, земледѣльческій производительный классъ народа, который служилъ ихъ нуждамъ. Послѣднее обстоятельство послужило причиною, что въ большинствѣ деревень, вслѣдствіе недостатка рабочихъ, совершенно оставлены были полевыя работы, а въ городахъ—торговля и всѣ промыслы упали. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступила дороговизна на топливо и съѣстные припасы и положеніе землевладѣльцевъ съ каждымъ днемъ становилось безотраднѣе, потому что, входя въ долги, они, все-таки, не въ силахъ были поддерживать свои хозяйства. Въ эту критическую минуту поспѣшило на помощь правительство, предложившее значительныя льготы и пособія всѣмъ желающимъ переселиться въ Тавриду и, кромѣ этого, какъ сказано было раньше, выдало крымскимъ землевладѣльцамъ въ ссуду, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, 300 т. руб., но, къ сожалѣнію, благодѣтельныя мѣры эти

не привели къ предполагаемому результату, во первыхъ, потому, что никто не захотѣлъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, памятуя крѣпостное состояніе и, наконецъ, потому, что никто изъ помѣщиковъ не хотѣлъ обязывать себя невыгодными сдѣлками съ пришельцами грубаго и нахальнаго характера. Чтоже касается 300 т., розданныхъ помѣщикамъ на содержаніе хозяйствъ, то ими уплачены были старые долги, гнетущіе громадными процентами. Въ концѣ концовъ содѣйствіе и заботливость правительства не могли принести ожидаемой пользы. Единственнымъ средствомъ оставалось—перепродавать земли болѣе дѣятельнымъ и богатымъ людямъ, которые въ состояніи были обработывать ихъ годовыми рабочими. Съ этой поры прекратилось въ Крыму успѣшно начатое разведеніе виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, по чрезвычайной дороговизнѣ рабочихъ, и крайнему недостатку ихъ даже для поддержанія старыхъ. Къ этому всѣ начали сознавать безплодность затраты капитала на нихъ, послѣ раззоренія Севастополя, уничтоженія Черноморскаго флота и эмиграціи татаръ изъ всей Таврической губерніи, на томъ основаніи, что прежде большинство крымскимъ винъ, благодаря водочному откупу, великолѣпно сбывались въ этомъ городѣ, переполненномъ матросами и солдатами квартировавшихъ тамъ полковъ, а фруктовые сады не могли вознаграждать, потому что плоды, предназначаемыя для вывоза въ Россію, начали подвергаться чрезвычайно строгому выбору со стороны закупщиковъ, вслѣдствіе чего большая часть ихъ оставалась на мѣстѣ и пропадала, по случаю эмиграціи громадной массы первобытныхъ потребителей ихъ изъ степей и Севастополя. Обстоятельства эти требовали, чтобы всѣ виноградныя плантаціи, сосѣдственныя Севастополю и насаженныя такими сортами лозъ, которыя брали болѣе количествомъ, нежели качествомъ плода, были замѣнены такими, которые давали-бы хорошее вино, выгодное для сбыта въ Рос-

сіи, а изъ фруктовыхъ садовъ выбросить всѣ деревья, приносящія лѣтнюю фрукту или вообще неудовлетворяющія потребностямъ для вывоза въ отдаленныя губерніи.

Благодѣтельное содѣйствіе правительства, относительно заселенія Крыма и поддержки землевладѣльцевъ, какъ замѣчено было выше, не принесло никакой пользы странѣ; но отмѣна откупной системы и введеніе акциза на табачную производительность довершили бѣдственное положеніе, во-первыхъ, потому, что хорошія и, сравнительно цѣли, дешевыя водки замѣнили виноградныя вина для низшихъ и среднихъ классовъ, а строгое преслѣдованіе корчемства табакомъ послужило поводомъ къ тому, что эта выгодная отрасль хозяйства должна была остановиться, лишивъ землевладѣльцевъ хорошей арендной платы. Иначе и не могло быть, потому что табаководство при занятіи имъ бѣдными людьми могло существовать и развиваться при полной свободѣ сбыта частицами для поддержки дневнаго существованія и естественно погибнуть при отдачѣ плантаторовъ въ исключительную зависимость отъ фабрикантовъ или людей, уполномоченныхъ правомъ мелкаго сбыта. Помѣщикамъ-же не приходилось самимъ заниматься дѣломъ, исключительно извѣстнымъ только анатолійскимъ выходцамъ и кромѣ этого лишеннымъ возможности пріобрѣтать рабочихъ на болѣе солидныя надобности. Но не случись этого пустаго въ сущности обстоятельства, т. е. не касайся правительственная мѣра этого промысла только въ Крыму, страна эта переполнилась-бы анатолійскими работниками, которые, при недостаткѣ поливныхъ мѣстъ, охотно-бы занялись разведеніемъ табака даже на возвышенныхъ отклонахъ и довели-бы развитіе этой промышленности до той степени, что она сдѣлалась-бы, какъ говорится, всеобщимъ занятіемъ народонаселенія. Тогда только правительству слѣдовало-бы обложить это производство подобающимъ налогомъ и въ десятеро выгадать въ пользу казны и страны.

Самымъ-же радикальнымъ способомъ къ возрожденію и населенію Тавриды могла-бы послужить начатая въ 1858 г. желѣзная дорога къ Ѳеодосійскому порту, сосѣдственному къ Кавказу, этому исполину естественныхъ богатствъ и плодородію почвы; но, увы, не долго горѣла надъ горизонтомъ Крыма заря предстоящаго благополучія, потому что годъ спустя дорога эта была оставлена; а вслѣдъ затѣмъ началось переселеніе татаръ или, проще, бѣгство единственныхъ рабочихъ, важныхъ для страны только въ этомъ смыслѣ слова, но совершенно безполезныхъ въ отношеніи пониманія свойствъ почвы и вообще культуры края. Народъ этотъ былъ незамѣнимъ въ крымскихъ безводныхъ степяхъ въ качествѣ скотовода, прекрасенъ, какъ рабочая сила и потребитель произведеній южной части страны, но при немъ сельскохозяйственная промышленность Крыма ни въ какихъ благопріятныхъ случаяхъ не могла достигнуть хорошей будущности. Что сказанное нами не подвергается сомнѣнію, попробуемъ представить положеніе всѣхъ главнѣйшихъ отраслей хозяйства, которыми занимаются крымскіе татаре и вообще туземцы этой страны. При этомъ не считаемъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ и въ пользу будущихъ сельскихъ хозяевъ этой страны, которые пока недовѣрчиво смотрятъ на быть поселянина и отвергаютъ возможность найти въ немъ счастливую и безбѣдную обстановку.

Едвали въ наше время найдется образованный человѣкъ, который не сознавалъ-бы великаго значенія сельскаго хозяйства какъ дѣйствительнаго источника государственнаго и народнаго благосостоянія. Если это несомнѣнно и если въ этомъ именно сосредоточивается, такъ сказать, весь фокусъ счастливаго бытоположенія нашего, то спрашивается, отчего у насъ на этотъ источникъ мотрятъ какъ-то недовѣрчиво, неохотно и какъ-бы противъ

воли предаются сму способные люди? Ужъ не потому-ли, что они не подготовлены теоретически къ этого рода занятіямъ и тяготятся машинальнымъ образомъ дѣйствій?

Невниманію нашему къ собственному благу, котораго мы ищемъ въ мечтахъ съ ранняго возраста, отчасти помогаютъ пожалуй и наши учебныя заведенія, Богъ вѣсть почему-то предпочитающія обязательное обученіе такихъ предметовъ, которые не составляютъ условныхъ необходимостей житейскаго быта. Наука тогда только хороша, когда примѣнима къ благу, когда руководитъ человѣкомъ на пути его главнѣйшей обязанности и обезпечиваетъ его существованіе самимъ раціональнымъ способомъ. При такомъ естественномъ взглядѣ, намъ давнымъ-давно слѣдовало придти къ убѣжденію, что для каждаго начинающаго жить прежде всего необходимо познакомиться съ правилами гигіены, для сбереженія здоровья, и, вмѣстѣ съ тѣмъ съ правилами сельскаго хозяйства, обезпечивающаго главнѣйшія потребности жизни. Двѣ эти науки настолько необходимы человѣку, предназначенному жить на землѣ и питаться произведеніями ея, насколько необходимъ для дыханія хорошій воздухъ. Если вы раздѣляете мое убѣжденіе, то вѣроятно не однажды приходили въ изумленіе, что въ Россіи, до настоящаго времени, не появился ни одинъ дѣятель, который возсталъ-бы противъ существующихъ порядковъ образовательной системы, которая стремится, на перекоръ ясному смыслу, каждаго изъ насъ завлечь сначала въ метафизику, а потомъ уже, когда мы потеряемъ силу увлеченія, открываетъ дѣйствительные предметы первостепенной надобности, но на изученіе которыхъ уже не хватаетъ ни времени, ни терпѣнія. И такъ мы повторяемъ, что въ Россіи до того времени народное благосостояніе будетъ въ прискорбномъ положеніи, пока мы не создадимъ отдѣльной науки сельскаго хозяйства, которая станетъ въ главѣ всѣхъ реальныхъ предметовъ; пока

она, какъ необходимая для всѣхъ и каждаго, не сдѣлается обязательною для юношества и пока мы не убѣдимся, что только одни занятія сельско-хозяйственнаго смысла при вѣрномъ знаніи дѣла, могутъ сдѣлать насъ счастливыми и беззаботными властелинами земли. Для невѣрующихъ въ сказанное нами, попробуемъ привести доказательства. Каждый изъ насъ безъ сомнѣнія понимаетъ, что пропитаніе, добываемое нами самостоятельнымъ образомъ, не будучи орудіемъ въ чужихъ рукахъ, доставляетъ величайшее удовольствіе, во первыхъ, сознавать въ себѣ достоинство человѣка на столько же полезнаго въ народной семьѣ, какъ и всѣ труженники нерабскаго и паразитнаго свойства; во вторыхъ, человѣкъ этотъ избѣгаетъ необходимости переносить нерѣдко убійственнаго рода обиды, обязательныя почти для живущихъ не на свои средства; въ третьихъ, онъ располагаетъ своею свободою по произволу и наконецъ не трепещетъ за насущное пропитаніе семьи Въ примѣръ выставимъ любаго русскаго поселянина, разумѣется неразвращенной натуры. Можетъ-ли семья его испытывать такія изуминительные недостатки, которымъ почти ежедневно подвергаются многіе изъ тружениковъ городскихъ обитателей вообще служебнаго разряда? У поселянина обыкновенно очень часто не бываетъ денегъ, но за то онъ обезпеченъ средствами отопленія и пропитанія; у горожанина-же, какъ только сошла послѣдняя копѣйка или онъ слегъ въ постель, съ того-же дня начинается жажда, голодъ, холодъ и отчаяніе; а между тѣмъ бытъ послѣдняго кажется заманчивѣе и вѣрнѣе. Отчего-же это происходитъ? естественно отъ неестественнаго увлеченія трудомъ, непредназначеннымъ природою для самостоятельнаго быта человѣка. Еще страннѣе покажется, что горожане, располагающіе даже крупными цифрами доходовъ, едвали пользуются тѣми отрадными впечатлѣніями жизни, подъ вліяніемъ которыхъ доживаетъ до глубокой старости

вѣчно добрый и здоровый сельскій хозяинъ. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ эти горожане, съ юныхъ лѣтъ, ознакомившись теорически съ дѣятельностію селянина, впослѣдствіи задумали приступить къ практическому труду, эта жизнь дала бы имъ безконечный источникъ тихаго и отраднаго наслажденія въ себѣ самомъ и окружающемъ ихъ мірѣ. Тутъ только онъ пойметъ грустную обстановку своего минувшаго и вѣчныя хлопоты массы людей, суетящихся только ради того, чтобы изумительными трудами, происками, обманами и различнаго рода продѣлками добывать то дневное пропитаніе, которое предоставляется внѣ городской черты безъ всякихъ затратъ здоровья и чести.

По нашему убѣжденію, деревня должна быть школою для дѣтей простолюдія, обитающаго въ городахъ, гдѣ дѣти преждевременно знакомятся съ пороками и рано погибаютъ отъ нихъ. Обратимъ вниманіе, что пріобрѣтаетъ городской избалованный мальчишка въ сельскомъ быту: въ первый же годъ онъ окрѣпаетъ здоровьемъ и отвыкаетъ отъ празднаго бродяжничества: на второй привыкаетъ нести нѣкотораго рода полевыя и домашнія работы, а на третій его уже охотно нанимаютъ за деньги сами-же образователи. Полагая, что мальчишка въ 17 лѣтъ, при готовыхъ харчахъ и одеждѣ, въ Крыму, всегда можетъ получать до 100 руб. въ годъ, онъ въ первые два года службы въ состояніи выстроить себѣ хату, могущую служить ему пріютомъ въ теченіи всей жизни. Послѣдующее трехлѣтнее жалованье представляетъ юношѣ возможность пріобрѣсти пару валовъ или лошадей, двѣ коровы, нѣсколько овецъ, домашнюю птицу и сдѣлаться семьяниномъ. Спрашивается, легко-ли достигнуть до такого положенія въ какіе нибудь пять, шесть лѣтъ простому человѣку въ городѣ, еслибъ онъ получилъ двойное даже содержаніе? Тоже самое должно совершиться въ положеніи людей съ миніатюрными капитальцами, еслибъ они переѣзжали въ степи и,

въ качествѣ арендаторовъ небольшихъ участковъ земли, предавались бы всѣмъ семействомъ разнороднымъ отраслямъ сельской промышленности, а не предпочитали проживать эти послѣднія деньги, въ ожиданіи случайныхъ благъ. Еслибъ подобное стремленіе обнаружилось-бы со стороны массы, праздношатающейся въ городахъ, то, естественно, мы рѣже встрѣчали бы преступниковъ, голодомъ вынуждаемыхъ къ началу преступленій, а громадыя крымскія степи отлично культировались бы фермами. Но, увы, быть можетъ пройдетъ еще много десятковъ лѣтъ, пока въ Таврідѣ поймутъ преимущества сельской жизни и предпочтутъ ее выгодамъ другаго рода предпріятій не основанныхъ ни на какихъ твердыхъ основаніяхъ.

Изъ сказаннаго нами раньше, читатель вѣроятно понялъ, что въ Таврідѣ сельское хозяйство находится въ полужалкомъ состояніи, потому что имъ, по общему убѣжденію, прилично заниматься только грубымъ натурамъ, а не благороднымъ, которыя рождены для того только, чтобы приказывать, осматривать, брать деньги и употреблять ихъ на воспріятіе высшихъ наслажденій. Занимаются-же хозяйствомъ, въ большинствѣ случаевъ, только тѣ бѣдняки, которые не чувствуютъ себя способными заработывать насущное пропитаніе другимъ какимъ-либо способомъ; а такъ какъ послѣдніе ограничиваютъ дѣятельность свою только хлѣбопашествомъ и сѣнокосами, то понятно, что на одномъ этомъ они немного пріобрѣтаютъ, и, слѣдовательно, бытъ ихъ въ этой странѣ, подвергающейся засухамъ, саранчѣ и т. п., былъ бы очень невзраченъ, еслибъ не представлялось стороннихъ заработковъ.

Познакомивъ читателя съ производительностію Таврида, мы перейдемъ къ нѣкоторымъ подробностямъ и разсмотримъ сельско-хозяйственную промышленность въ этой странѣ, со дня присоединенія ея къ Россіи. Всѣмъ извѣстно, что въ то время Крымскій полуостровъ исключи-

но занятъ былъ татарами, караимами и цыганами т. е. народностями, которыя или положительно не занимались сельскимъ хозяйствомъ, (какъ напр. цыгане и караимы или же занимались слегка, для обезпеченія главнѣйшихъ нуждъ своихъ. Исключеніемъ являлись только мурзы, какъ владѣтели обширныхъ участковъ земли, которые для болѣе роскошной жизни старались присоединить къ хозяйству еще кое-какія отрасли, кромѣ земледѣльческой, но это, повторяю, не дѣлалось съ промышленною цѣлью и мы, до настоящаго времени, не встрѣчали между ними такую личность, которая была бы проникнута убѣжденіемъ, что сельско-хозяйственный промыселъ въ Тавридѣ, тогда только представляетъ твердое основаніе, когда въ немъ сосредоточены всевозможные виды и отрасли его; что здѣсь невозможно возлагать надежды на однородное занятіе, а непремѣнно слѣдуетъ ввести въ кругъ дѣятельности селянина всякаго рода возможные промыслы, такъ какъ въ одинъ годъ удается пшеница и травы, въ другой садоводство и плантаціи виноградной лозы, въ третій пчеловодство, затѣмъ слѣдуетъ падежъ скота, словомъ: нѣтъ ни единой вѣрнообезпечивающей статьи, но занимаясь одновременно всѣми въ соразмѣрномъ количествѣ, всегда можно надѣяться на отличное вознагражденіе одной или нѣсколькихъ отраслей.

Замѣчательно однако, что крымскій татаринъ, не будучи лѣнивъ для собственныхъ выгодъ, ни за что на свѣтѣ не станетъ заниматься тѣмъ, чѣмъ не занимались его предки, хотя бы новое занятіе обогащало-бы его сосѣда и не требовало ни малѣйшаго искусства. Я привелъ въ Ботаническомъ отдѣлѣ этого труда двѣ деревни, которыя славятся въ Крыму производствомъ огромной величины огурцовъ. Огурцы эти могли бы рости и въ сотни другихъ мѣстъ, еслибъ туда занесены были ихъ сѣмена и способъ культуры; но этого не сдѣлано до настоящаго времени.

Есть сотни деревень, въ окрестностяхъ которыхъ существуютъ одичавшія виноградныя лозы со временъ греческихъ, гдѣ могъ бы рости и прекрасный табакъ, но никто изъ татаръ не мыслитъ заняться ни тѣмъ, ни другимъ. Очень понятно, что пока подобные дѣятели будутъ оставаться въ Крыму, страна эта не сдѣлаетъ шагу впередъ и обитатели ея никогда не достигнутъ того благосостоянія, какимъ имъ суждено пользоваться при многостороннемъ хозяйствѣ.

Чтобы удобнѣе разсмотрѣть состояніе сельск. хоз. на Таврическомъ полуостровѣ, намъ приходится дѣлить эту страну на степную и горную части, рѣзко отличающіяся, какъ замѣчено было раньше и почвою и наслѣдственными привычками обитателей. Мы также говорили, что степная часть Тавриды создана преимущественно для скотоводства; скоту привольно жить тамъ, гдѣ соль добывается въ избыткѣ и гдѣ зимы не на столько суровы, чтобы не проводить ихъ животному на свободѣ. Такія удобства чрезвычайно рѣдки въ другихъ странахъ. Посмотримъ же, на сколько ими пользовались и пользуются туземцы, населяющіе крымскія степи. Судя по ихъ нищенскому быту, повидимому, они искони принадлежали къ числу плохихъ скотоводовъ тѣхъ ордъ, отъ которыхъ отдѣлились. Это могло бы броситься въ глаза каждому внимательному наблюдателю, привыкшему видѣть у скотовода многочисленное стадо, тогда какъ въ крымскихъ степяхъ, полу-ногаецъ, имѣющій 5 коровъ, двѣ пары воловъ, три, четыре кобылицы и сотню барановъ, уже считается богачемъ. Понятно, что такое состояніе обезпечивало во многомъ его нужды; но оно не давало ему права на названіе скотовода, потому что онъ почти не промышлялъ имъ, а держалъ для личнаго обихода. Остальные довольствовались лошадкою и двумя коровами, но такой породы, что всякій другой хозяинъ предпочиталъ бы вмѣсто 5 подобныхъ, содержать

одну нѣмецкой или холмогорской. Замѣчательно, что даже въ наше время, туземцы Крыма нисколько не интересуются улучшеніемъ домашнихъ животныхъ своихъ, смѣшеніемъ съ извѣстными породами, обхожденіемъ съ ними и другими пріемами. Они даже какъ-то избѣгаютъ этого, изъ боязни, что, впослѣдствіи, животное подобнаго рода потребуетъ особенной заботливости и хорошаго корма. Словомъ, для нихъ имѣетъ больше цѣнности такая корова, которая въ сутки даетъ кварту молока и не требуетъ ни пойла, ни теплаго на зиму сарая, нежели такая, которая принесетъ въ тоже время ведро, но съ тѣмъ, что не станетъ довольствоваться одною скудною пашнею, въ особенности въ зимнее время.

Туземцы Крыма обладаютъ наслѣдственною привычкою любить животныхъ и дружественно обращаться съ ними, но любовь и дружба эта не выражается ничѣмъ на дѣлѣ. Татаринъ, не смотря на то, что искони живетъ почти на счетъ животныхъ, не съумѣлъ изобрѣсти никакихъ радикальныхъ средствъ противъ ихъ болѣзней, не подмѣтилъ, какія изъ травъ болѣе питательны для нихъ и почти не сознаетъ особенной надобности въ своевременномъ удовлетвореніи ихъ пищею, водою и солью. Естественно, что при такомъ обращеніи съ этою отраслью хозяйства, Крымъ не могъ никогда особенно славиться породами домашнихъ животныхъ; если же обращалось вниманіе на лошадей его, то это были такіе экземпляры, которые не сами собою развивались, а изъ видовъ тщеславія содержались съ особенною заботливостію. Между тѣмъ, какая роскошная страна Таврическій полуосоровъ для разведенія въ громадныхъ размѣрахъ скотоводства: здѣсь долгое лѣто, очень мало снѣжныхъ и холодныхъ дней, травы отличнаго качества и изобиліе соли. Что-же касается сбыта ихъ, то кругомъ портовые города съ бухтами, всегда готовые сплавлять такого рода грузы въ любыя части Европы, Азіи и

Африки. Теперь перейдемъ къ хлѣбопашеству и вообще къ земледѣлію въ этой странѣ. Геродотъ, говоря о Тавріи замѣтилъ, что боги послали въ нее съ неба: плугъ, ярмо, сѣкиру и золотое блюдо, эмблемы труда и богатства. Сознали-ли это послѣдніе обитатели Крыма и въ какой степени имъ удавалось благоденствовать отъ плуга въ этой счастливой странѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, прежде всего, должны ознакомиться съ мѣстнымъ способомъ культуры. Въ то время, когда Крымскій полуостровъ перешелъ къ намъ, поселяне обработывали землю подъ посѣвы двумя способами: громаднымъ плугомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *чельсабанъ*, и сохою. Первымъ дѣйствовали на цѣлину, запрягая обыкновенно отъ 6 до 8 паръ воловъ, а послѣднею на взрыхленныя уже нивы — одною парою воловъ. Чельсабанъ, съ перваго взгляда на него, дѣйствительно можетъ показаться мудрымъ изобрѣтеніемъ въ странѣ, гдѣ почва густо переплетается крупными и глубоко сидящими кореньями растеній, но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что орудіе это въ большинствѣ случаевъ оказывалось безполезнымъ, потому только, что сдѣланнаго имъ собственно на глинисто-вязкой почвѣ было очень недостаточно, для взрощенія сѣмени. Проникая въ землю едва на $^1/_4$ аршина, плуги эти, по устройству своему, срываютъ лентообразно поверхность почвы, которая густо заплетается корнями травъ и никогда почти, по глинистому свойству своему, не можетъ сама собою разрыхляться, а какое же зерно способно совладать съ комкомъ глины, перевитой мелкими кореньями, чтобы своевременно выступить на поверхность. Въ необходимость же разрыхленія почвы, поднятой плугомъ, туземцы Крыма хотя и вѣрятъ, но не допускаютъ возможности выполненія его по своей несостоятельности, лѣни или вообще предположенію, что если Аллахъ пошлетъ милость, то зерно зародится и на нетронутой цѣлинѣ. Естественно, что въ виду

такого невниманія къ собственному благу, почва Крыма, за исключеніемъ Керченскаго полуострова, не могла вознаградить хлѣбопашца, не потрудившагося уяснить себѣ, что всякаго рода сѣмя, тогда только въ состояніи рости и давать плодъ, когда зародышъ его не утрачиваетъ силъ своихъ въ борьбѣ съ почвою. Такая печальная система хлѣбопашества и до настоящаго времени считается господствующею въ Тавридѣ. Но еслибъ здѣсь принято было, за годъ, по крайней мѣрѣ, подготовлять ниву для посѣва или мелко разрыхлять поднятую чельсабаномъ почву, то, судя по достаточности минеральныхъ частицъ въ составѣ ея, можно бы всегда почти расчитывать на посредственный урожай. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ указать на благосостояніе нѣмецкихъ колонистовъ, которые внимательными трудами постоянно извлекаютъ изъ земель своихъ, въ Крыму, столько средствъ, сколько необходимо для счастливѣйшаго существованія человѣка. Если разрыхленіе почвы въ Крыму необходимо, то тѣмъ болѣе пора убѣдиться и въ томъ, что глинистая земля имѣетъ свойство послѣ дождей сжиматься, твердѣть и оказывать трещины, въ которыя проникаютъ лучи солнца, пагубно дѣйствующіе на корни всякаго рода злаковъ. Въ предупрежденіе этого мы считаемъ необходимымъ, если и не удабривать нивы перегноемъ, то по крайней мѣрѣ обсыпать имъ слегка борозды, для сглаживанія ихъ. Трудъ конечно не легкій для хозяина большой руки, но и не особенно изнурительный для семьи, которая ожидаетъ всѣхъ благъ своихъ отъ десятиннаго посѣва и не обладаетъ достаточнымъ количествомъ навоза, чтобы производить удобреніе болѣе основательнымъ образомъ. Затѣмъ обратимъ вниманіе на дальнѣйшее обхожденіе туземца Крыма съ созрѣвшею нивою и вообще хлѣбнымъ зерномъ. Прежде всего здѣсь изумляешься, что хлѣба снимаются косами въ моментъ полнаго созрѣнія колоса и сжимаются въ *басины*, подобно травамъ,

ногами. При такомъ нерасчетливомъ способѣ дѣйствія, туземцы, если не лишаются на половину зерна, то навѣрнякъ оставляютъ его третью часть на нивѣ. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ являются опять таки нѣмцы и русскіе, которые дѣйствуютъ серпами и не жмутъ колосьевъ ногами. Снятый такимъ образомъ хлѣбъ, по обыкновенію не сейчасъ же свозится домой, а оставляется на неопредѣленное время въ степи, гдѣ служитъ добычею множества птицъ, и нерѣдко погибаетъ отъ долговременныхъ дождей, сильныхъ вѣтровъ и т. п. Наконецъ его перевозятъ, но опять таки складываютъ на открытомъ воздухѣ, для прокормленія различнаго рода птичекъ, и, затѣмъ уже, приступаютъ къ очисткѣ отъ колоса или проще къ арманамъ, которые совершаются по настоящее время самымъ патріархальнымъ способомъ, посредствомъ бѣготни нѣсколькихъ лошадей вокругъ столба, забитаго въ центрѣ площадки, заброшенной хлѣбными басинами. Послѣ чего собирается зерно и высыпается въ яму прикрываемую сверху. Описавъ порядокъ обращенія туземцевъ Крыма съ посѣвами и сборами хлѣбнаго зерна, я хотѣлъ бы знать, возможно-ли, при такихъ способахъ хозяйства, требовать отъ страны этой урожаевъ или винить почву ея въ непроизводительности? Естественно, что нѣтъ, и что ощущаемые въ Крыму недостатки хлѣбнаго зерна, въ большинствѣ случаевъ, происходятъ отъ причинъ небрежнаго и неразумнаго обращенія жителей съ этою важною отраслью сельскаго промысла, что продолжится безъ сомнѣнія до тѣхъ поръ, пока дѣломъ этимъ не станутъ заниматься люди разумные и вообще не слѣпо подражающіе давно отжившимъ привычкамъ.

Такого рода неудачи, надо полагать, служатъ главнымъ поводомъ къ тому, что въ крымскихъ степяхъ, поселяне занимаются хлѣбопашествомъ въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что при самыхъ благополучныхъ обстоятельствахъ,

только десятый изъ нихъ, быть можетъ, довольствуется своимъ зерномъ въ теченіи года.

Хлѣбопашествомъ съ большимъ вниманіемъ занимаются въ Крыму въ восточной части его, на Керченскомъ полуостровѣ, гдѣ почва, какъ замѣчено было нами раньше, несравненно удобнѣе и производительнѣе. Уѣздъ этотъ, при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, всегда производилъ громадное множество хлѣбовъ, излишекъ которыхъ сбывается за-границу, чрезъ Ѳеодосійскій и Керческій порты. Обитатели Керченскаго полуострова обязаны такимъ счастливымъ преимуществомъ, конечно, не особеннаго рода культурѣ почвы, но единственно тому, что она наслоена черноземомъ и удачнѣе разрыхляется при вспашкѣ всякаго рода плугами.

Въ южныхъ оконечностяхъ Тавриды, народонаселеніе также занимается хлѣбопашествомъ, но тутъ уже чаще дѣйствуютъ сохою, орудіемъ, которое не болѣе какъ на два вершка прорываетъ борозду; но при всемъ томъ, при своевременныхъ дождяхъ, урожаи бываютъ посредственны. Въ этой части Крыма, и въ особенности въ сосѣдствѣ горъ, мнѣ нерѣдко приходилось видѣть поляны, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ засѣвались пшеницею и всегда почти вознаграждали сѣятеля. Исключительность эта свидѣтельствуетъ, что въ почвѣ очень много минеральныхъ частицъ, необходимыхъ для питанія растеній, что ихъ хватитъ на много вѣковъ и что слѣдуетъ только повнимательнѣе заботиться о томъ, чтобы зародышъ посѣяннаго сѣмени свободно развивался къ верху, а корень проникалъ до поглощенной въ зимнее время влаги, но съ тѣмъ, конечно условіемъ, чтобы являлось на помощь естественное или искусственное содѣйствіе для раствора минеральной пищи.

Обратимся теперь къ садоводству и лѣсоводству, — этимъ важнымъ промысламъ въ такой странѣ, какъ Таври-

ческой полуостровъ, и посмотримъ въ какой степени народонаселеніе сознаетъ выгодность ихъ. Всѣмъ извѣстно, что долины Крыма и многія другія мѣстности очень удобны для растительности и изобилуютъ ею; но что это за растительность и въ какой мѣрѣ ее разводятъ, мы постараемся объяснить. Въ южной и юго-восточной частяхъ Тавриды, сравнительно, очень немного хорошо устроенныхъ садовъ, которые, при усердной заботливости, могли-бы доставлять правильный источникъ вознагражденія; но безсчетное множество такихъ, которые заросли дикорастущими или одичавшими деревьями, не приносящими положительно никакой выгоды, за исключеніемъ лакомства дѣтямъ. Всего грустнѣе видѣть громадное множество чапровъ, предназначенныхъ для сѣнокосовъ. Въ чапрахъ этихъ, всегда почти хорошо оберегаемыхъ заборами, существуетъ нѣсколько экземпляровъ плодовыхъ деревъ, свидѣтельствующихъ, что въ нихъ могутъ отлично рости всякаго рода плодовыя деревья, свойственныя странѣ, но, ни въ одномъ изъ нихъ не придется найти ни единаго плода, годнаго для вывоза въ свѣжемъ видѣ. Обстоятельство это вѣрно доказываетъ, что деревенскій житель Тавриды нисколько не заботится улучшить свой бытъ единожды затраченнымъ трудомъ на разсадку дичковъ и колировку ихъ хорошими сортами плодовыхъ отростковъ, что не введетъ его въ расходы, а между тѣмъ, не лишая чапра травы, со временемъ послужитъ добавочнымъ источникомъ пріобрѣтенія десятковъ руб., могущихъ улучшить его положеніе. Если же принять въ расчетъ, что такихъ чапровъ у подошвъ крымскихъ горъ до 25 т. и каждый изъ нихъ, среднимъ числомъ, занимаетъ двѣ десятины удобной земли, то понятно будетъ, сколько теряетъ эта страна вслѣдствіе нерадѣнія народонаселенія о своемъ благосостояніи. Къ этому присоедините то множество мелкихъ клочковъ земли, которые остаются необработанными въ долинахъ или заняты дикорастущими

деревьями и вы окончательно придете къ убѣжденію, что въ Крыму заняты садоводствомъ, съ сознаніемъ выгодъ его очень и очень немногіе, въ сравненіи съ массою народонаселенія. Сказанное нами отнесено къ древесной растительности, которая, какъ извѣстно, все-таки требуетъ сосѣдства влажныхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностей, но если мы перейдемъ къ такимъ мѣстностямъ, которыя могутъ быть обращены въ виноградныя плантаціи, а между тѣмъ служатъ выгонными мѣстами или находятся подъ кустарниками въ такой даже полосѣ, какъ южный берегъ, то по сравненію съ общимъ пространствомъ пригодныхъ для того земель, окажется, что въ Тавридѣ почти и не думали заниматься разведеніемъ виноградниковъ съ промышленною цѣлью или, проще, съ убѣжденіемъ въ выгодности этого рода занятія; что существующія виноградныя плантаціи принадлежатъ одинокимъ личностямъ и что большинству туземцевъ, живущихъ на земляхъ чрезвычайно удобныхъ для виноградныхъ плантацій, почти не приходится въ теченіи жизни насытиться до сыта виноградомъ.

О лѣсоводствѣ въ Тавридѣ мы уже сказали въ отдѣлѣ растительнаго царства. Здѣсь-же мы приводимъ лишь всеобщее убѣжденіе туземцевъ, что лѣса должны сами зарождаться для удовлетворенія нуждъ человѣка и что истребить ихъ невозможно. При такихъ утѣшительныхъ надеждахъ или вѣрованіяхъ, въ нашъ вѣкъ немыслима идея облѣсенія даже такихъ мѣстностей, которыя не потребовали бы особеннаго рода затратъ и усилій.

О табаководствѣ, которое легко и доступно для каждаго сельскаго обитателя въ небольшихъ размѣрахъ, мы также уже говорили. Эта отрасль промышленности, въ значительныхъ размѣрахъ, выгодна только на поливныхъ мѣстахъ, но сдѣлать два, три пуда для своихъ надобностей и выручки еще 30 или 40 руб. не потребуетъ ни потери времени и средствъ, ни проточныхъ водъ, если

только жена или дочь поселянина ежедневно употребятъ два часа на культуру и поливку руками этой крошечной плантаціи, которая, во всякомъ случаѣ, предохранитъ семью отъ издержки денегъ на пріобрѣтеніе курительнаго табаку, безъ котораго татаринъ и вообще крымецъ не можетъ обойтись и, на пріобрѣтеніе котораго, въ теченіи года, издерживаетъ, изъ ничтожныхъ средствъ своихъ, отъ 15 до 20 руб., могущихъ доставить ему возможность заплатить всякаго рода подати и повинности и пріодѣться, по крайней мѣрѣ, на полгода.

При занятіи всѣми, указанными нами выше, отраслями, сельскій житель, въ крайности, всегда найдетъ въ Крыму сочувствіе односельцевъ, которые охотно сбѣгаются на помощь при объявленіи *талаки*. Талака дѣлается обыкновенно въ такихъ случаяхъ, когда кто пожелаетъ въ одинъ день вскопать землю свою, засѣять ее и т. п., но не имѣетъ средствъ нанять достаточнаго для этого числа рабочихъ. Обычай этотъ тѣмъ удобенъ, что никто не считаетъ себя вправѣ отказаться отъ него, и обходится всякому не дорого, потому что ограничивается завтракомъ и обѣдомъ.

Пчеловодство въ Крыму, судя по чистотѣ, великолѣпному вкусу и аромату меда, могло-бы прославить эту страну, и въ тоже время обогатить народонаселеніе, еслибъ оно сознало это и дружно ввело-бы пчеловодство въ кругъ своихъ сельскохозяйственныхъ занятій; пчеловодство, какъ извѣстно, не требуетъ ни затратъ большихъ суммъ, ни постояннаго ухаживанія; а между тѣмъ это прекрасное занятіе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе оставляется и только кое-гдѣ въ миніатюрѣ встрѣчается въ юго-восточной половинѣ Тавриды.

Птицеводство въ Таврідѣ, гдѣ частые города и порты, нуждающіеся въ немъ, могло-бы доставлять значительную выгоду, преимущественно деревенскому жителю, окруженному степями, покрытыми дикою рожью и другими кор-

мовыми травами; но оно въ такомъ небрежномъ состояніи, въ какомъ и прочія отрасли хозяйства. Татаринъ считаетъ себя очень довольнымъ, если онъ или семейство его продадутъ въ теченіи года рублей на пять куръ, индюковъ или яицъ, случайно зашедшимъ къ нимъ сборщикамъ, но чтобы свезти самому птицу на рынокъ, онъ находитъ унизительнымъ ремесломъ, свойственнымъ только цыганамъ. О разведеніи утокъ и гусей туземцы-татаре до настоящаго времени не хотятъ думать.

Огородными овощами на полуостровѣ занимаются очень немногіе и то только въ окрестностяхъ городовъ, съ цѣлью ежедневнаго сбыта на нѣсколько копѣекъ. Обстоятельство это служитъ причиною дороговизны овощей и полнѣйшаго въ нихъ недостатка у жителей степныхъ мѣстъ, которые рады-бы были принимать ихъ за лакомство, еслибъ нашлись доставители.

Шелководствомъ въ Крыму, гдѣ повсюду можетъ расти тутовое дерево, никто не интересуется: во 1-хъ, по невѣденію дѣла и во 2-хъ, по незнанію выгодъ его. Между тѣмъ было время, когда правительство наше затрачивало значительныя суммы денегъ на разведеніе шелковичныхъ школъ, въ предположеніи сдѣлать доступнымъ эту отрасль хозяйства для всего народонаселенія.

Рыболовствомъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и Керченскаго пролива промышляютъ только немногіе городскіе жители: что-же касается сельскихъ обитателей, живущихъ на береговой линіи, то они, не только не завели у себя никакихъ снарядовъ для рыбной ловли, но многимъ изъ нихъ не приходилось даже въ теченіи всей жизни отвѣдывать вкуса свѣжей рыбы; тогда какъ занятіе это, въ теченіи хотя-бы трехъ дней въ году, могло-бы доставить сельскому жителю пріятную просоленнную пищу въ продолженіи всего года и кое-какіе въ добавокъ заработки отъ продажи.

О рыболовствѣ въ странѣ этой, гдѣ достаточно неиссякаемыхъ родниковъ, до настоящаго времени, также никто не думалъ. Вслѣдствіе этого, въ городахъ ни за какія деньги нельзя найти рѣчной породы рыбъ, если только не было привозной. Между тѣмъ, всѣ почти крымскія рѣки, у истоковъ своихъ, изобилуютъ форелью, какъ извѣстно, дорого цѣнимою гастрономами и всегда могущею имѣть вѣрный сбытъ.

Травосѣяніе. Въ Крыму очень часто благосостояніе зажиточныхъ скотоводовъ держится на теплыхъ зимахъ или отсутствіи продолжительнаго лежанія снѣговъ, но еслибъ пришлось здѣсь пролежать снѣгамъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, весьма вѣроятно, что большинство табуновъ и стадъ погибло-бы отъ голодной смерти. Причина этого лежитъ въ недостаткѣ травъ, которыя, какъ извѣстно, плохо ростутъ на солонцевато-глинистой почвѣ, если не бываетъ частыхъ дождей. Недородъ травъ въ бездождливые годы доходитъ иногда до такой степени, что городскіе жители, во избѣжаніе разореній, вынуждаемы бываютъ, за безцѣнокъ, сбывать лошадей и коровъ своихъ. Такому-же отчаянному положенію гораздо чаще подвергаются въ зимнее время обитатели южнаго берега, гдѣ на долго покрываются отклоны горъ снѣгами и гдѣ немного сѣнокосныхъ полянъ. Горю этому давно-бы можно пособить травосѣяніемъ и втрое болѣе пріобрѣтать корму, еслибъ нашлись люди, которые сознали-бы значеніе и преимущества посѣвныхъ травъ; но, къ сожалѣнію, въ Тавридѣ, только два или три изъ крупнѣйшихъ земледѣльцевъ прибѣгли къ этой мѣрѣ и то въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. При введеніи травосѣянія въ Крыму, который большинствомъ покрывается бурьянами и другими негодными травами, землевладѣльцы начали-бы извлекать значительныя выгоды съ такихъ мѣстъ, которыя въ настоящее время обременяютъ ихъ налогами.

Указавъ на всѣ почти отрасли сельскаго хозяйства въ Крыму и важныя преимущества страны этой для хорошихъ и предпріимчивыхъ дѣятелей, мы остаемся при убѣжденіи, что будущее благосостояніе Тавриды наступитъ только тогда, когда владѣтели обширныхъ участковъ заведутъ у себя фермы и будутъ сдавать ихъ на продолжительные сроки. Съ этого времени оживятся безпредѣльныя степи этой славной страны хорошенькими постройками, садиками и огородами: начнется удобреніе пашней, преслѣдованіе вражковъ, саранчи и т. п.

Таково современное состояніе той классической Тавриды, которая въ отдаленныя отъ насъ времена слыла за житницу Греціи и удивляла древній міръ своими производительными силами, а въ прошломъ вѣкѣ высылала въ Турцію почти ежегодно до 100 т. барановъ, много шерстяныхъ издѣлій, меду, который цѣнился на рынкахъ Константинополя дороже всѣхъ другихъ сортовъ; кожъ и т. п.: нынѣ-же вынуждена сама пріобрѣтать изъ сосѣднихъ губерній, для нѣкоторыхъ городовъ своихъ, хлѣбное зерно, рогатый скотъ и многіе другіе предметы, обыкновенно добываемые въ каждой странѣ.

Для окончательнаго ознакомленія читателя съ бытомъ поселянъ Крыма, мы считаемъ себя обязанными взглянуть на ихъ образъ жизни и средства, придуманныя ими для существованія своего. Начнемъ съ татаръ, которые большинствомъ составляютъ сельское населеніе.

Татаре, какъ сказано раньше, только въ XVI вѣкѣ начали вести осѣдлую жизнь въ тѣхъ степяхъ, гдѣ издавна кочевали. Не вдаваясь въ прошлое, мы встрѣчаемъ ихъ современное положеніе въ слѣдующемъ видѣ: деревня расположена обыкновенно самымъ неправильнымъ образомъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ хатъ, построенныхъ изъ землянаго кирпича въ смѣси съ соломою. Кирпичъ этотъ приготовляется безъ выбора глины, посредст-

вомъ смѣшиванія грязи лошадью, на которую садится мастеръ и прогуливается по грязи до тѣхъ поръ, пока она сдѣлается годною для дѣла, затѣмъ она сушится на солнцѣ. Естественно, что постройка изъ подобнаго матеріала, прикрытая сверху соломою и землею, не долго можетъ простоять и очень часто требуетъ ремонта, обременительнаго для жителя степей. Если обитель татарина такова, то чего слѣдуетъ ожидать отъ прочихъ, необходимыхъ для хозяйства пристроекъ. И дѣйствительно, большинство ихъ держится на куриныхъ лапкахъ и почти ежегодно перестраивается. Теперь взглянемъ на хозяйственныя орудія и прочія принадлежности: рѣдкій изъ нихъ имѣетъ плугъ, кирку, желѣзную лопату, топоръ и т. п. первостепенные предметы: еще рѣже встрѣчаются хозяева, обладающіе телѣгою или мажарою для своза своихъ произведеній съ степи или чего-либо въ городъ, а если и встрѣчаются въ деревнѣ нѣсколько экземпляровъ подобныхъ подводовъ, то мы скорѣе посмотримъ на нихъ съ сожалѣніемъ. Это ничто иное какъ два или четыре толстыхъ деревянныхъ колеса на такихъ же грубыхъ осяхъ, которыя никогда ничѣмъ не смазываются, убійственно скрипятъ, еле-еле движутся въ мокрую погоду и очень часто ломаются. Подобная повозка съ двумя высочайшими колесами именуется *кукерекъ* и употребляется на прогулки безъ грузовъ, а четырехколесная— *мажарою*, на которую грузятъ сѣно, солому и т. п. У болѣе зажиточныхъ хозяевъ существуетъ еще третій видъ подводъ *тахта-араба*, которая отличается отъ предъидущихъ только тѣмъ, что обставлена лубочными или плетеными дробинами и прикрыта сверху войлоками, парусиною или простыми шерстяными тканями. Въ такіе обыкновенно впрягаются верблюды для своза хлѣбнаго зерна на рынокъ. Дальше на дворѣ степнаго татарина вы встрѣтите нѣсколько куръ и индюковъ, которые втеченіи всего лѣта кормятся въ степяхъ и большинствомъ служатъ добычею коршу-

намъ; затѣмъ предъ вами является куча кизяку, составляющаго топливо татарина. Кизякъ этотъ, или собирается на выгонныхъ мѣстахъ, или нарѣзывается въ загонныхъ дворахъ. Вотъ главнѣйшая причинатого, что татаре, употребляя навозъ для отопленія, положительно не могутъ удѣлить частицу его на удобреніе нивъ. Около кизячнаго склада покоятся съ незапамятныхъ временъ громадные бугры золы, ежедневно выносимой изъ подъ очаговъ, могущіе бы посодѣйствовать глинистой почвѣ, еслибъ на нихъ обращено было вниманіе, и тутъ-же хлѣбныя ямы, — дешевые амбары, въ которыхъ зерно принимаетъ затхлость и вслѣдъ затѣмъ горѣчь. Ни въ дворѣ, ни въ загородяхъ никогда степной татаринъ не пробовалъ сѣять или садить древесныхъ или огородныхъ растеній, которыя могли-бы повсюду рости, при извѣстнаго рода заботливости.

Теперь войдемъ въ обитель степнаго татарина. Первая комната, въ большинствѣ случаевъ, предназначается для кухмейстерства и склада съѣдомыхъ предметовъ. Здѣсь очагъ, гдѣ не угасаетъ огонь; въ немъ (подъ казаномъ) выпекаютъ хлѣбъ, варятъ на треножникахъ пшенную шорбу (похлебку) и всякаго рода пищу. Въ этихъ же сѣняхъ стоитъ ткачь для полотна и шерстяныхъ грубыхъ матерій, которыя впослѣдствіи могутъ быть отдѣланы посредствомъ ручныхъ токмаковъ и на мельницахъ; тутъ-же громадная, смазанная глиною съ пометомъ, корзина для муки, бочка съ соленымъ катыкомъ (кислое молоко) замѣняющимъ сало и другіе приправы; здѣсь-же сѣдло, нагайка, волосяные веревки и нѣсколько шерстяныхъ мѣшковъ. Слѣдующая затѣмъ комната предназначается для пріема гостей и ночлега семьи, въ зимнее особенно время, такъ какъ она нагрѣвается печью, сложенною изъ кусочковъ черепицы. Въ этой комнатѣ, бѣленной глиною, лежитъ войлокъ мѣстнаго приготовленія, нѣсколько тюфяковъ шерстяныхъ, набитыхъ также шерстью; на стѣнахъ рядъ поло-

тенцевъ, труды хозяйки при засватаніи, а надъ ними полки съ мѣдною и глиняною посудою, употребляемою въ экстренныхъ случаяхъ.

Посмотримъ теперь, чѣмъ занимается семья татарина для облегченія или удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей. Безтолковость или лѣнь степнаго татарина сдѣлала его чрезвычайно равнодушнымъ ко всему и въ особенности къ домашнему бытоположенію, вслѣдствіе чего онъ до настоящаго времени не имѣетъ понятія о приготовленіи какихъ либо крупъ, за исключеніемъ пшена, составляющаго повседневную пищу всей семьи, и готовъ-бы довольствоваться только имъ, еслибъ не явилась на помощь вѣчно работящая жена и дочери, которыя нерѣдко кормятъ его различнаго рода молочными приготовленіями. Эта же семья приготовляетъ ему для одежды сукно, ткетъ полотно изъ хлопка, меблируетъ домъ, дѣлаетъ мыло и свѣчи, словомъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы не заставлять главу семейства расходоваться на домашнія потребности; но такъ какъ эти женщины лишены возможности сообщаться съ болѣе развитыми людьми, то всѣ произведенія ихъ рукъ представляютъ образчики издѣлій первобытныхъ народовъ.

Надобность заставила сельскаго обитателя Крыма выучиться строить двоякаго рода мельницы: вѣтреныя и лошадиныя. Механизмъ первыхъ общепринятый, но грубый; постройка самая небрежная. Что касается лошадиныхъ мельницъ, то онѣ обыкновенно выкапываются въ землѣ и прикрываются ею; дѣйствующее колесо горизонтально и насажено на валъ, который проходитъ сквозь кровлю и приводится въ движеніе одною или двумя лошадьми.

Въ этомъ очеркѣ читатель подробно ознакомился съ бытомъ Крымскаго поселянина, которому приходилось бы нерѣдко голодать, еслибъ онъ не старался пріобрѣтать кое-какихъ средствъ внѣ деревенскихъ занятій. Татаринъ

юго-западной части Таврическаго полуострова въ сельско-хозяйственномъ отношеніи на многое превосходитъ сѣвернаго единовѣрца своего. У него вы найдете различные необходимыя орудія для обработки земли и починки повозокъ; онъ не складываетъ своихъ хлѣбовъ въ ямы; выдумалъ пшеничную крупу, извѣстную подъ именемъ *булгара*, куетъ воловъ, чтобы предостеречь копыта отъ порчи; безпрестанно лакомится свѣжею, соленою или провяленною бараниною, овощами и вообще несравненно усерднѣе заботится о своевременномъ обезпеченіи главнѣйшихъ нуждъ семьи.

Несравненно благополучнѣе участь горнаго татарина сѣверной подошвы Яйлы. Обладая лѣсомъ и камнемъ, онъ воздвигаетъ только въ крайности плетневую избушку; въ противномъ-же случаѣ большею частью двухъ-этажный домъ крытый черепицею, въ которомъ помѣщается очень удобно. Для домашней скотины строитъ такого-же рода сараи. Хлѣбное зерно, какъ только созрѣетъ, онъ быстро убираетъ съ поля и, смолотивши, вноситъ въ амбаръ; сѣно складываетъ на высокія деревья, конусообразно, съ цѣлью предохранить его отъ всякаго рода мокроты и гнили; онъ очень охотно сѣетъ для себя немного табаку и такого рода овощи, которыя служатъ вспомогательными продуктами въ зимнее время. У него есть полуодичавшій садъ и лѣса, откуда собираютъ плоды, изъ которыхъ вываривается *бекмесъ* и *нарденкъ*, составляющіе для него пріятный завтракъ съ хлѣбомъ. Горный татаринъ умѣетъ обращаться съ пчелами; заготовляетъ сухой сыръ въ тулупахъ, вкусный и долго непортящійся; придумалъ или наслѣдовалъ двусторонній топоръ, который по доброкачественной отдѣлкѣ и формѣ своей имѣетъ громадное преимущество предъ всѣми другими. Ко всему этому онъ занимается выжиганіемъ угля и приготовленіемъ мажаръ и арбъ для степныхъ собратьевъ своихъ, что доставляетъ

ему столько денегъ, сколько необходимо для обезпеченія семьи въ главнѣйшихъ нуждахъ; если всѣ эти занятія неудовлетворяютъ его цѣлямъ пріобрѣтенія, онъ нагружаетъ нѣсколько подводъ лѣсовъ, который выгодно сбывается въ первомъ городѣ или свѣжими плодами и свозитъ ихъ въ степи, въ арманное время, гдѣ, взамѣнъ, получаетъ значительное количество проса и пшеницы, въ которыхъ онъ самъ или многіе изъ сосѣдей его нуждаются.

Южно-бережскій татаринъ, не смотря на то, что не располагаетъ такими выгодными средствами къ жизни, употребляетъ всевозможныя мѣры сдѣлать пріятнымъ свой сельскій бытъ. Человѣкъ этотъ, кажущійся съ виду лѣнивымъ, достоинъ удивленія въ томъ отношеніи, что, обладая крошечнымъ садикомъ или чаиромъ, всегда почти хорошо прокармливается съ семействомъ. Онъ ловокъ и разсудителенъ и не пренебрегаетъ ни чѣмъ, чтобы избѣгнуть расходовъ. Присмотримся внимательнѣе къ его быту. Южнобережскіе татаре, примѣняясь къ климатическимъ условіямъ занимаемой мѣстности, строятся довольно оригинально, но очень практично. Всѣ домики ихъ каменные, съ гладкими кровлями, на которыхъ они сушатъ свой табакъ, фрукты и т. п., отъ удачнаго сбереженія которыхъ зависитъ ихъ благосостояніе. И дѣйствительно, поселянину этому необходимо пріобрѣсти очень немного денегъ, и именно столько, сколько надобно для покупки хлѣбнаго зерна, десяти фунтовъ бумажныхъ нитей для бѣлья и 25 аршинъ ситца для верхней одежды всей семьи, на что потребуется приблизительно 100 руб.; все-же остальное, составляющее его всегдашнюю насущную потребность, онъ добываетъ самъ, при содѣйствіи своей семьи. Потребности эти слѣдующаго рода: дрова, которые ростутъ не въ дальнемъ разстояніи отъ деревни; чеснокъ, сладкій лукъ и тыквы, которые сѣетъ семья на дворѣ и въ садикѣ и снимаетъ въ такомъ количествѣ, что ихъ всегда почти достаетъ до

весны. А намъ уже извѣстно, что, если у южно-бережскаго татарина есть соленый перецъ, чеснокъ и хлѣбъ, онъ считаетъ себя обезпеченнымъ окончательно. Между тѣмъ всѣ почти приморскіе мусульмане мало-мальски пріобрѣтаютъ въ годъ отъ различнаго рода занятій до 300 рублей. Вотъ почему у каждаго изъ нихъ вы найдете въ порядкѣ всѣ почти главнѣйшія принадлежности хозяйства, именно: корову, лошадь, пару воловъ и тому подобное. Народъ этотъ, до 1861 года, занимался и судоходствомъ, устраивая товариществомъ суда, извлекавшіе достаточныя выгоды отъ перевозки мѣстныхъ произведеній для промѣна ихъ въ Азовскихъ портахъ на пшеничное зерно. Въ хозяйствѣ южнобережскаго татарина, довольствующаго сухоѣденіемъ, всегда почти можно найти кое-какую фрукту, соленую рыбу—*гамсу*, до которой они страстные охотники, и иногда и морскую травку *криѳомъ*, очень вкусную и пріятную для привычныхъ. При такой обстановкѣ, мы удивляемся только тому, что люди эти до настоящаго времени не употребляютъ въ пищу ни устрицъ, ни мидей и капирсовъ, даровыхъ продуктовъ моря, которыя, какъ извѣстно, цѣнятся дорого и при сборѣ ихъ могли-бы доставлять значительное пособіе. Впрочемъ, на южномъ берегу и вообще въ Крыму, множество источниковъ, могущихъ содѣйствовать благосостоянію сельскихъ жителей, остаются непочатыми.

По численности поселеній, въ Крыму, послѣ татаръ, выступаютъ русскія деревни, основаніе которыхъ отчасти относится къ временамъ покоренія Тавриды и ссылки въ нее преступниковъ, а затѣмъ — переселенію крепостныхъ и припискѣ къ нимъ бѣглыхъ съ различныхъ мѣстностей Россіи. Крымъ, по составу почвы своей, отсутствію лѣсовъ и недостатку проточныхъ водъ, никогда не могъ за-

путь въ степныя части свои русскихъ поселянъ, постящихся почти $^2/_3$ года, для чего необходимы рыба и овощи какъ несуществующія тамъ. Однако, поселенные противъ воли, они вынуждены были примѣниться къ привычкамъ туземцевъ и постепенно дойти до того благополучнаго состоянія, въ которомъ мы встрѣчаемъ ихъ теперь. Благосостоянію этому безспорно посодѣйствовало удобрѣніе почвы, вынесенное ими изъ родины, и сниманіе созрѣвшихъ злаковъ серпами. Къ чести русскаго поселянина надо отнести и то, что онъ разумнѣе вспахиваетъ землю, умѣетъ разводить овощи и хлопочетъ объ улучшеніи домашнихъ животныхъ. Во всемъ остальномъ онъ хранитъ прадѣдовскія и мѣстныя привычки.

За русскими слѣдуютъ нѣмецкія колоніи, достойныя вниманія всѣхъ сельскихъ жителей Крымскаго полуострова. Каждый взглянувшій на нихъ придетъ къ убѣжденію что не отъ почвы зависитъ народное благосостояніе, а отъ человѣка, который посвятилъ себя добывать изъ нея средства къ существованію. Всѣ Крымскія нѣмецкія поселѣнія рѣзко отличаются отъ прочихъ во первыхъ, правильностію улицъ, во вторыхъ солидностію построекъ и наконецъ садиками, составляющими необходимое условіе каждаго дворика. Въ центрѣ селенія красуется кирка, которой прилично былобы занять мѣсто въ любомъ уѣздномъ городѣ, а дальше рядъ колодцевъ, изъ которыхъ безъ малѣйшаго усилія добывается вода. Дворы этихъ колонистовъ завалены различнаго рода строительными матеріалами, повидимому собранными въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Словомъ, куда-бы мы не заглянули, все свидѣтельствуетъ о счастіи и богатствѣ; все о разумномъ и заботливомъ участіи къ животному, работнику и растенію. У нѣмца вы не встрѣтите коровы, дающей одну только кварту молока, арбы на тяжелыхъ татарскихъ колесахъ и тѣхъ вообще недостатковъ въ хозяйствѣ, которые подмѣчаются

у другихъ поселянъ полуострова. Всѣ они отлично живутъ, прекрасно одѣваются, имѣютъ большіе запасы покупныхъ продуктовъ, лакомятся ручными голубями, кроликами и повседневно ѣдятъ мясную пищу. Всѣ и вся въ Крыму признаютъихъ за богатыхъ людей; но спрашивается отчего нѣмцы одни сдѣлались богатыми, тогда какъ большая часть ихъ прибыла въ эту страну въ началѣ нынѣшняго столѣтія безъ всякихъ лишнихъ средствъ? Ужъ не оттого-ли являлись эти хорошенькіе домики, что нѣмецъ, при каждомъ возвращеніи порожнякомъ изъ города или другимъ мѣстъ, привозилъ съ собою то доску, то брусъ или кусокъ желѣза, купленные имъ за дешевую цѣну. Его поѣздка, куда-бы она нибыла, всегда имѣетъ хозяйственную цѣль. Нѣмецъ никогда не продаетъ всего посѣва и въ такомъ даже случаѣ, когда предвидитъ пріобрѣтеніе его за болѣе выгодныя цѣны, какъ нерѣдко думаютъ татары, у которыхъ случается и такъ, что всѣ вырученныя деньги едва спасаютъ ихъ отъ голодной смерти. Нѣмецъ продаетъ произведенія земли своей, но предварительно обдумаетъ сколько необходимо ему оставить въ запасѣ, на случай будущаго неурожая и хранитъ его до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что есть возможность надѣяться на новые посѣвы. На вырученныя деньги, со всего, что оказалось по соображенію его лишнимъ, онъ старается пріобрѣсти такія вещи, которыя хотя и не нужны теперь, но могутъ быть необходимы впослѣдствіи. И разумѣется, не имѣя экстренной надобности, онъ можетъ умножать матеріалы, пользуясь случаемъ дешево купить,—и вдругъ, вы видите, что бѣднякъ живущій два, три года подъ чужою кровлею, трудящійся незамѣтно и необременительно, является въ полномъ смыслѣ хозяиномъ. Онъ разсчитываетъ на такой домъ, какъ можетъ быть удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и не потребуетъ отъ него скоро ремонтовъ. И дѣйствительно не благоразумнѣе-ли затратить

нѣсколько больше денегъ съ тѣмъ напр. предположеніемъ, чтобы сдѣлать надъ домомъ просторное горище, могущее замѣнить отдѣльные амбары или хлѣбныя ямы. Притомъ хорошій домъ не теряетъ цѣны, а прочный потолокъ и безъ того необходимое условіе для всякаго разумнаго хозяина. Руководимый такими расчетами, нѣмецъ приступаетъ къ дѣлу: у него давнымъ-давно приготовлены двери, рамы, коробки, и вообще всѣ матеріалы. Послѣ всего этого неудивительно, что онъ могъ быстро и за пичтожныя деньги воздвигнуть трехъ этажный домъ. Я называю его 3-хъ этажнымъ только потому, что онъ заключаетъ въ себѣ выгоды такого строенія и дѣйствительно подраздѣляется на три этажа и именно: большой погребъ, предназначенный для сохраненія всякаго рода овощей, инструментовъ, провизіи и прочихъ мелочей хозяйства. Надъ погребомъ располагается помѣщеніе хозяина съ семьею затѣмъ слѣдуетъ высокое горище, съ цѣлью хранить въ немъ всякаго рода хлѣбное зерно, нуждающееся, какъ всякій предметъ, въ воздухѣ. Здѣсь кромѣ того, еще много пользы въ томъ, что нѣтъ надобности отдѣльно заботиться о сбереженіи зерна отъ порчи и людей, ищущихъ случая обезпечить себя на чужой счетъ. Такимъ точно разумнымъ дѣятелемъ является нѣмецъ и въ степи. Для него не существуютъ надежды на снисходительность творческихъ силъ природы, онъ вѣритъ и надѣется только на собственныя руки и въ неудачѣ обвиняетъ себя. При такомъ взглядѣ понятно, что человѣкъ на всякомъ поприщѣ достигнетъ блистательныхъ результатовъ и заставитъ безплодную почву производить любые злаки.

Послѣ нѣмецкихъ колоній слѣдуютъ греческія и болгарскія, которыя занимаютъ посредственное отношеніе между образцовыми нѣмецкими и плохими татарскими. Колоніи эти во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ, что въ Крыму почва не настолько плоха, чтобы на ней не могъ-бы

жить съ достаткомъ и удовольствіемъ даже лѣнивый и изнѣженный поселянинъ, недумавшій никогда, что природа, хотя и творитъ все по-своему, но охотно служитъ желаніямъ человѣка, если онъ съумѣетъ направить ее къ тому. Изслѣдуя хозяйственный бытъ этихъ послѣднихъ обитателей Тавриды, мы замѣтили, что они занимаются всѣмъ почти по немногу и отъ всего выгоднаго не прочь; но у всѣхъ недостаетъ терпѣнія и силы воли, чтобы начатое хорошо, кончить такимъ-же образомъ. Болгаринъ пожалуй болѣе преданъ хлѣбопашеству, но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, ни относительно основныхъ качествъ почвы, ни относительно выгодъ разумнаго удобренія нивъ хорошо перезрѣвшимъ пометомъ или другаго рода матерьялами, которыхъ онъ не знаетъ, но которыми изобилуетъ страна. Что касается до грека, то онъ предпочитаетъ пользоваться болѣе выгодными продуктами натуры, не обременяя себя излишними трудами, хотя и знаетъ, что и легко ошибаться въ этихъ расчетахъ. О новыхъ поселенцахъ Крыма, какъ напр. чехахъ и эстахъ, мы не будемъ говорить, потому что люди эти пока представляютъ грустный бытъ и не скоро еще освоятся съ почвою и климатическими явленіями страны.

Въ заключеніе намъ приходится выразить надежду что съ проведеніемъ желѣзной дороги въ Крымъ, когда обезпеченъ будетъ сбытъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, полуострову этому должна выпасть завидная участь. Въ немъ по прежнему степи покроются табунамилошадей и стадами верблюдовъ, коровъ и овецъ, къ которымъ просвѣщенный потребностями поселянинъ прибавитъ и важныхъ въ сельскомъ быту свиней; повсюду явятся фермы съ садиками и дѣльными управителями; по долинамъ разовьется разведеніе лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревъ; а по берегамъ рѣкъ предпочтутъ разводить сильныхъ буйволовъ, самки которыхъ даютъ прекрасное молоко и, въ тоже время, работаютъ

за двухъ воловъ. Если мы прибавимъ къ этому серіозныя занятія и прочими сельско-хозяйственными отраслями, о которыхъ упомянуто было выше, то понятно будетъ до какой степени богатства можетъ дойти этотъ, славный по географическому положенію, клочекъ земли и тогда мы откроемъ дѣйствительныя причины, чего ради въ Тавриду переселились народы изъ благодатныхъ странъ, основывали царства, княжества и республики и безпрестанно велись кровопролитныя, войны—однихъ за независимость, а другихъ за господство.

Заканчивая этимъ многолѣтній трудъ мой въ отрадномъ убѣжденіи, что я сдѣлалъ для мѣста родины и отечества моего все, что въ силахъ сдѣлать одинъ человѣкъ до 40 лѣтняго возраста—я, былъ-бы счастливѣе, еслибъ Провидѣніе не лишило меня силъ закончить и начатую Исторію Крымской войны, розыгравшейся со всѣми ужасами на глазахъ моихъ и въ тоже время поблагопріятствовало успѣть изслѣдовать въ такой же степени подробно сосѣдственные Крыму: Кавказъ, Малую-Азію, Палестину и Египетъ, не менѣе славные памятниками и въ особенности народными легендами, познаніе которыхъ доступно только лицамъ практически знакомымъ съ мѣстными нарѣчіями и искусствомъ выманить ихъ у восточныхъ народовъ.

КОНЕЦЪ.

~~125.02~~

~~879/8~~

143-75